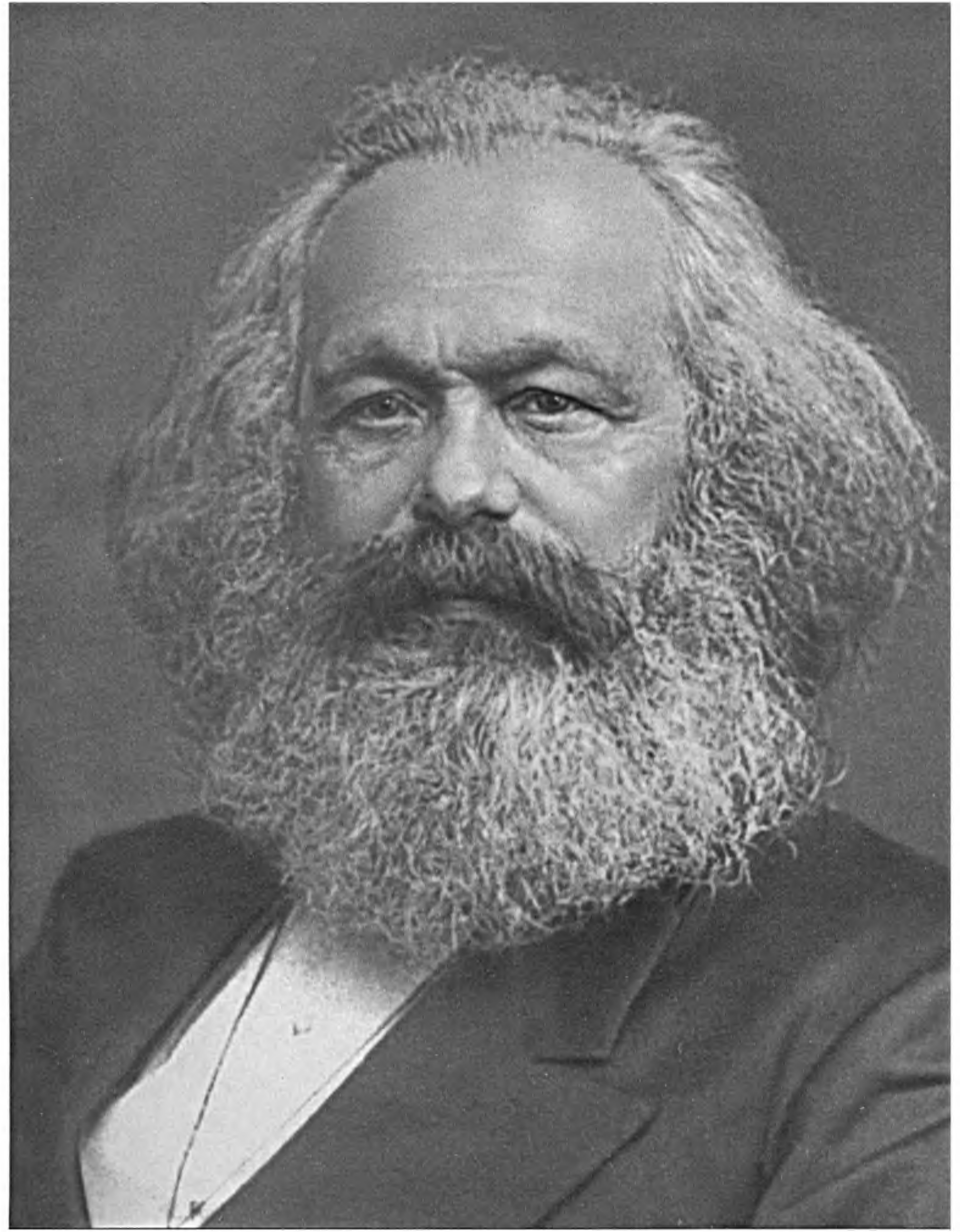
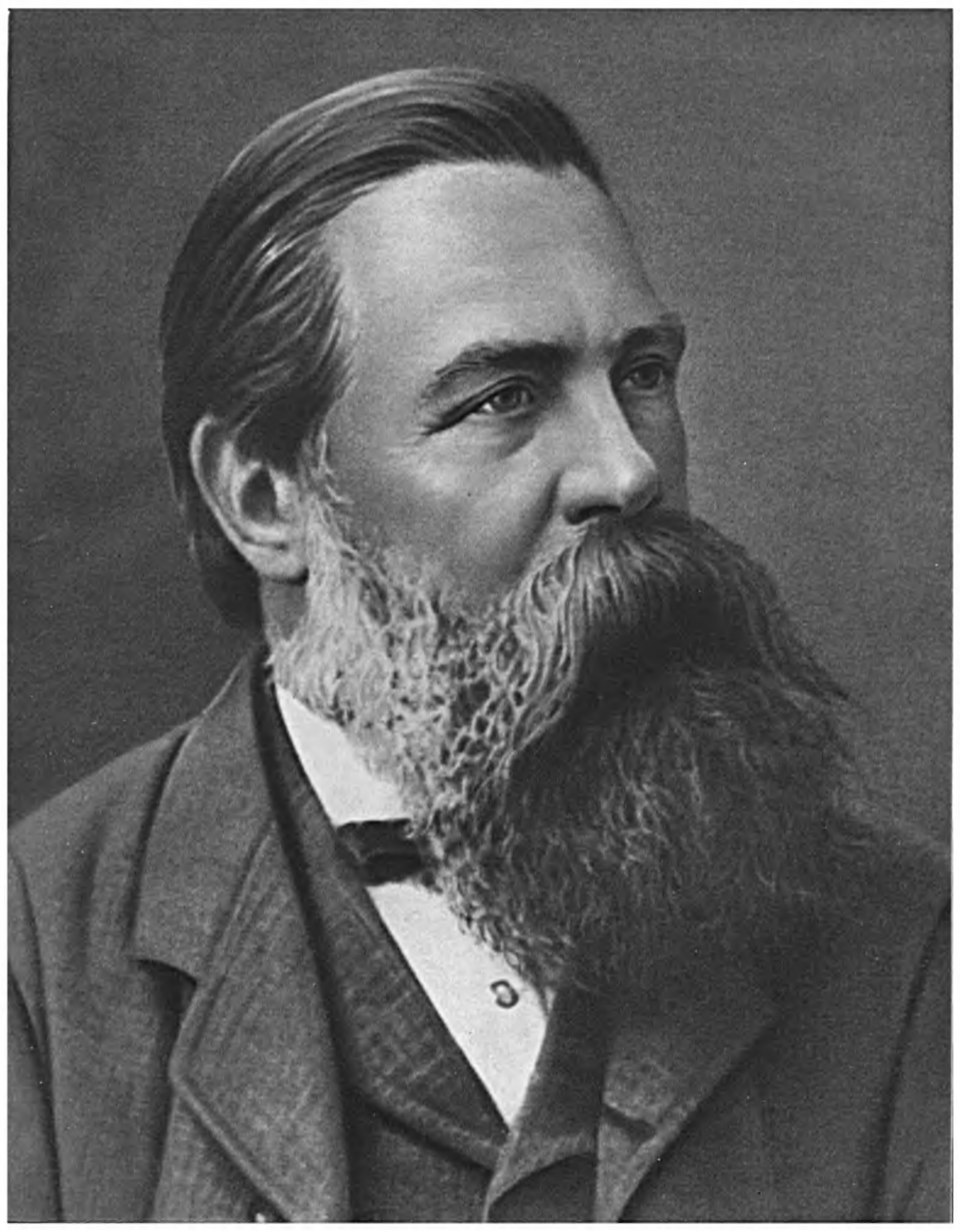
К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС и революционная РОССИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...БОЛЬШЕВИЗМ ВОЗНИК В 1903 ГОДУ НА САМОЙ ПРОЧНОЙ БАЗЕ ТЕОРИИ МАРКСИЗМА. А ПРАВИЛЬНОСТЬ ЭТОЙ — И ТОЛЬКО ЭТОЙ — РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗАЛ НЕ ТОЛЬКО ВСЕМИРНЫЙ ОПЫТ ВСЕГО XIX ВЕКА, НО И В ОСОБЕННОСТИ ОПЫТ БЛУЖДАНИЙ И ШАТАНИЙ, ОШИБОК И РАЗОЧАРОВАНИЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ. В ТЕЧЕНИЕ ОКОЛО ПОЛУВЕКА, ПРИМЕРНО С 40-х И ДО 90-х ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА, ПЕРЕДОВАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ, ПОД ГНЕТОМ НЕВИДАННО ДИКОГО И РЕАКЦИОННОГО ЦАРИЗМА, ЖАДНО ИСКАЛА ПРАВИЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ, СЛЕДЯ С УДИВИТЕЛЬНЫМ УСЕРДИЕМ И ТЩАТЕЛЬНОСТЬЮ ЗА ВСЯКИМ И КАЖДЫМ «ПОСЛЕДНИМ СЛОВОМ» ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ. МАРКСИЗМ, КАК ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕОРИЮ, РОССИЯ ПОИСТИНЕ *ВЫСТРАДАЛА* ПОЛУВЕКОВОЙ ИСТОРИЕЙ НЕСЛЫХАННЫХ МУК И ЖЕРТВ, НЕВИДАННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕРОИЗМА, НЕВЕРОЯТНОЙ ЭНЕРГИИ И БЕЗЗАВЕТНОСТИ ИСКАНИЙ, ОБУЧЕНИЯ, ИСПЫТАНИЯ НА ПРАКТИКЕ, РАЗОЧАРОВАНИЙ, ПРОВЕРКИ, СОПОСТАВЛЕНИЯ ОПЫТА ЕВРОПЫ. БЛАГОДАРЯ ВЫНУЖДЕННОЙ ЦАРИЗМОМ ЭМИГРАНТЩИНЕ РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ ОБЛАДАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ТАКИМ БОГАТСТВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, ТАКОЙ ПРЕВОСХОДНОЙ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬЮ НАСЧЕТ ВСЕМИРНЫХ ФОРМ И ТЕОРИЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ, КАК НИ ОДНА СТРАНА В МИРЕ.

В. И. ЛЕНИН





ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС и революционная РОССИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1967

3К16
М27

1—1—1
3—67

ПРЕДИСЛОВИЕ

В огромном литературном наследии Маркса и Энгельса значительное место занимают их произведения и письма, посвященные России, проблемам исторического развития русского народа и его роли в мировом общественном и революционном движении. В рамках одной книги невозможно вместить все документы основоположников марксизма о России.

Настоящий сборник имеет своей целью отразить отношение Маркса и Энгельса к русскому революционному движению, раскрыть их тесные связи с прогрессивными общественными и политическими деятелями России, с представителями разных поколений русских революционеров.

Документы, включенные в сборник, показывают, насколько глубоко и всесторонне изучали Маркс и Энгельс социально-экономическую и политическую жизнь России, с каким вниманием следили они за каждым проявлением революционной мысли и революционных действий в нашей стране. Документы позволяют определить этапы изучения Марксом и Энгельсом русской истории, экономики, культуры, науки, языка, установить то место, которое занимало изучение аграрных отношений в России в теоретических исследованиях Маркса и Энгельса, в частности в работе Маркса над его «Капиталом». Они дают представление о большом круге источников, которые использовали Маркс и Энгельс при изучении России и на основании которых они делали свои выводы о неизбежности народной революции против царизма и о том огромном влиянии, которое она должна оказать на весь ход мирового общественного развития.

«Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, — писал В. И. Ленин, — живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами». «...Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13; т. 15, стр. 247). Документы, публикуемые в сборнике, наглядно иллюстрируют эти высказывания В. И. Ленина.

Сборник состоит из двух разделов.

В первом разделе помещены произведения Маркса и Энгельса, переписка между ними, а также их письма к корреспондентам из разных стран (за исключением России), в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с русским революционным движением. Часть этих документов печатается в полном объеме, часть в виде фрагментов.

Второй раздел составляет переписка Маркса и Энгельса с их русскими корреспондентами. В этот раздел входит 460 писем: 146 писем Маркса и Энгельса, в числе их впервые публикуемое письмо Энгельса — В. Н. Смирнову от 25 июля 1889 года, и 314 писем русских корреспондентов. Значительная часть писем в адрес Маркса и Энгельса была опубликована в разное время в русской периодической печати и отдельных изданиях, в том числе в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», выпущенном Институтом в 1947 г. (второе издание — в 1951 г.). 99 писем публикуются впервые по рукописям, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Дополняющие сборник воспоминания русских современников о Марксе и Энгельсе будут выпущены отдельным изданием.

Тексты произведений и писем Маркса и Энгельса, вошедшие в первый и второй разделы сборника, публикуются по второму изданию их Сочинений. Тексты писем русских корреспондентов печатаются в полном виде, в проверенных и исправленных переводах.

Все документы, публикуемые в сборнике, расположены в хронологическом порядке. Примечания текстологического характера даны под строкой, здесь же отмечены слова, написанные Марксом и Энгельсом по-русски в оригинале. В конце сборника помещены примечания, указатели имен и периодических изданий.

Сборник подготовлен *М. П. Мариничевой, К. В. Соловьевой, Ю. Т. Харитоновым* (письма Н. Ф. Даниельсона). Помощник подготовителей *Р. Г. Лебедева.* В работе над справочным аппаратом принимала участие *Э. М. Маравина.* Редактор *А. К. Воробьева.*

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

I

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС О РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 23 мая 1851 г.

...Если гроза разразится в ближайшем году, то Германия окажется в отчаянном положении. Франция, Италия и Польша заинтересованы в ее раздроблении. Мадзини, как ты видел, даже обещал чехам восстановление их государственности. За исключением Венгрии, Германия имела бы только одного возможного союзника — Россию, при условии, что там произойдет крестьянская революция. Иначе у нас будет война не на жизнь, а на смерть с нашими благородными друзьями со всех сторон света, и еще большой вопрос, чем вся эта история кончится...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 27, стр. 240

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], 18 марта 1852 г.

...Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен в этом году покончить, и, в сущности, они совсем не так трудны [1]. Помимо лингвистического интереса, который представляют для меня эти занятия, сюда присоединяется также то соображение, что при следующем лицедействе по крайней мере хоть один из нас будет знать языки, историю, литературу и особенности социальных

институтов как раз тех народов, с которыми придется немедленно вступить в конфликт. Собственно говоря, Бакунин добился кое-чего только благодаря тому, что ни один человек не знал русского языка. А старый панславистский прием превращать древнеславянскую общинную собственность в коммунизм и изображать русских крестьян прирожденными коммунистами опять получит весьма широкое распространение...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 28, стр. 30—31

ЭНГЕЛЬС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

В НЬЮ-ЙОРК

Манчестер, 12 апреля 1853 г.

...Вопрос о том, состоял ли оперативный план Наполеона в 1812 г. с самого начала в том, чтобы сразу идти на Москву, или в первую кампанию продвинуться только до Днепра и Двины, снова встает перед нами в виде проблемы: что̀ должна делать революционная армия в случае удачного наступления на Россию. Пока что мне кажется, что эта задача — если не принимать, разумеется, в расчет случайности и исходить лишь из приблизительного равновесия сил — разрешима только на море: у Зунда и Дарданелл, в Петербурге, Риге и Одессе. Это при том условии, конечно, если оставить в стороне также и внутренние движения в России, а, между тем, дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна. Г-н Герцен весьма облегчил себе задачу («О развитии революционных идей в России» [2]), гарантировав себя от неудач тем, что по-гегелевски сконструировал демократически-социально-коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триумвирата Бакунин — Герцен — Головин. Между тем совершенно неизвестно, жив ли еще Бакунин. Во всяком случае, огромная, необозримая, редконаселенная Россия — это страна, которую очень трудно завоевать. Что касается бывших польских провинций по эту сторону Двины и Днепра, то я о них и слышать не хочу с тех пор, как узнал, что все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти горожане, и что для тамошнего крестьянина, как и в Украинской Галиции в 1846 г. [3], восстановление Польши означало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе. Во всех этих местностях, за пределами собственно Царства Польского, живет самое большее 500 000 поляков!..

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 28, стр. 487—488

К. МАРКС

МИХАИЛ БАКУНИН

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «MORNING ADVERTISER»

Милостивый государь!

Гг. Герцен и Головин пожелали замешать выходившую в 1848 и 1849 гг. под моей редакцией «Neue Rheinische Zeitung» в полемику, которая происходит между ними и «Ф. М.» * по поводу Бакунина [4]. Они объявляют английской публике, что клевете на Бакунина было положено начало на столбцах этой газеты, которая-де даже осмелилась сослаться на свидетельство Жорж Санд. Меня нисколько не трогают инсинуации гг. Герцена и Головина. Но, так как это может содействовать разрешению спора, поднятого вокруг имени Михаила Бакунина, то позвольте мне установить, как фактически обстояло дело.

5 июля 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила из Парижа два письма: одно представляло собой оригинал корреспонденции агентства Гавас, другое было частной корреспонденцией, исходившей от польского эмигранта, совершенно не связанного с этим агентством; в обоих сообщениях утверждалось, что Жорж Санд имела в своем распоряжении документы, компрометирующие Бакунина, как человека, установившего в последнее время связи с русским правительством.

6 июля «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала письмо своего парижского корреспондента **.

Бакунин, со своей стороны, заявил в «Neue Oder-Zeitung» (газете, издающейся в Бреславле), что еще *до появления* в «Neue Rheinische Zeitung» этой парижской корреспонденции подобные слухи тайно распространялись в Бреславле, что они исходят от русских посольств и что лучшим ответом на них будет его обращение к Жорж Санд. Письмо Бакунина к Жорж Санд было опубликовано одновременно с его заявлением. Как заявление, так и письмо были немедленно перепечатаны в «Neue Rheinische Zeitung» (см. номер от 16 июля 1848 года). 3 августа 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» получила от Бакунина через г-на Косцельского письмо Жорж Санд, адресованное редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое и было опубликовано в тот же день со следующими вводными замечаниями:

«В № 36 нашей газеты мы сообщали, что в Париже распространился слух, будто Жорж Санд имеет в своем распоряжении документы, рисующие русского эмигранта

* — Фрэнсисом Марксом. *Ред.*
** — Эвербека. *Ред.*

Бакунина как агента императора Николая. Мы сообщили об этом, потому что эти сведения были нам переданы одновременно двумя корреспондентами, совершенно не связанными друг с другом. Поступая таким образом, мы лишь выполнили долг, лежащий на публичной печати, которая должна проявлять строгую бдительность по отношению к общественным деятелям. В то же самое время мы предоставили г-ну Бакунину возможность рассеять подозрения, выдвигаемые против него в некоторых парижских кругах. Мы даже перепечатали из «Neue Oder-Zeitung» заявление г-на Бакунина и его письмо, адресованное Жорж Санд, не дожидаясь его просьбы. Теперь мы публикуем текстуальный перевод письма Жорж Санд, адресованного редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое полностью исчерпывает этот инцидент» (см. «Neue Rheinische Zeitung» от 3 августа 1848 г.).

В последних числах августа 1848 г. я, проездом через Берлин, виделся с Бакуниным и возобновил с ним тесную дружбу, которая соединяла нас до февральской революции.

В номере от 13 октября 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» выступила с осуждением прусского министерства за изгнание Бакунина и угрозу выдать его России, если он осмелится снова вернуться в прусские земли.

В номере от 15 февраля 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» поместила передовую статью по поводу брошюры Бакунина «Призыв к славянам», в начале которой были следующие слова: «*Бакунин — наш друг.* Но это не помешает нам подвергнуть критике его брошюру» [5].

В своих статьях на тему «Революция и контрреволюция в Германии», печатавшихся в «New-York Daily Tribune», я, насколько мне известно, первым из немецких писателей воздал Бакунину должное за его участие в нашем движении, и особенно в дрезденском восстании *, осуждая в то же самое время германскую печать и германский народ за то, что они проявили величайшую трусость, допустив выдачу Бакунина своим и его врагам.

Что касается «Ф. М.», то, поскольку он исходит из навязчивой идеи, будто революции на континенте благоприятствуют тайным замыслам России, он должен, если он хочет быть в какой-то мере последовательным, осудить не только Бакунина, но и любого континентального революционера как русского агента. В его глазах сама революция является русским агентом. Почему бы не быть им и Бакунину?

Лондон, 30 августа 1853 г.

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 9, стр. 296—298

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 8, стр. 105—106. *Ред.*

К. МАРКС

ИЗ СТАТЬИ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АНГЛИИ. — ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ»

...Существует еще одна великая держава, которая десять лет тому назад чрезвычайно энергично сдерживала напор революции. Мы имеем в виду Россию. Но в настоящее время у нее самой под ногами накопился горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться. Симптомы войны крепостных крестьян внутри России настолько очевидны, что самим местным властям приходится для объяснения этого необычайного брожения обвинять в нем Австрию, которая будто бы с помощью тайных эмиссаров распространяет по всей стране социалистические и революционные учения. Подумать только, что Австрию не только подозревают, но и открыто обвиняют в том, будто она действует в качестве эмиссара революции! Правда, галицийская резня [3] воочию показала всему миру, как, в случае нужды, венский кабинет умеет учить крепостных крестьян социализму своего собственного изобретения. Впрочем, Австрия гневно возражает против такого обвинения, утверждая, что ее восточные провинции наводнены и отравлены русскими панславистскими агентами, а ее итальянские подданные опутаны сетью совместных интриг Бонапарта и царя...

Написано 11 июня 1858 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 12, стр. 519—520

К. МАРКС

ВОПРОС ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Вопрос о крепостном праве, по-видимому, принимает в настоящее время в России серьезный оборот; об этом лучше всего свидетельствует тот необычный шаг, который был вынужден предпринять царь Александр II, а именно: созыв в Санкт-Петербурге своего рода всеобщего представительства дворянства в целях обсуждения вопроса об отмене крепостного права. Деятельность Главного комитета по крестьянскому делу [6] окончилась почти полной неудачей и привела только к резким разногласиям между его собственными членами, разногласиям, в которых председатель этого комитета, великий князь Константин, стал на сторону старорусской партии против царя. В свою очередь большинство губернских дворянских комитетов, по-видимому, воспользовалось этой возможностью официально

обсудить подготовительные шаги к освобождению крестьян с единственной целью помешать этой мере. Среди русского дворянства, конечно, имеется партия, стоящая за отмену крепостного права, однако она не только составляет численное меньшинство, но не единодушна даже по важнейшим вопросам. Высказываться против рабства, но допускать освобождение только на таких условиях, при которых оно сводилось бы к простой фикции, — подобная позиция является, как видно, модной даже среди либерального русского дворянства. В сущности, такое явное сопротивление освобождению крестьян или половинчатая его поддержка вполне естественны для старых крепостников. Сокращение доходов, уменьшение ценности их земельной собственности и серьезные ограничения политической власти, которой они привыкли пользоваться в качестве мелких самодержцев, вращающихся вокруг главного самодержца, — таковы непосредственные результаты, которые они предвидят, но на которые едва ли пойдут с большой охотой. Уже теперь в некоторых губерниях стало невозможно получить ссуду под обеспечение земельной собственности, потому что никто не уверен, что поместья в ближайшее время не обесценятся. Значительная часть земельной собственности в России заложена самому государству, и владельцы ее задают вопрос: как же им выполнять свои обязательства перед правительством? Многие имения помещиков обременены частными долгами. Многие помещики живут оброками, которые им платят их крепостные, обосновавшиеся в городах в качестве купцов, торговцев, ремесленников и мастеровых. Эти доходы, разумеется, исчезнут вместе с отменой крепостного права. Есть также мелкопоместные дворяне, которые владеют весьма ограниченным числом крепостных и сравнительно еще меньшей площадью земли. Если каждый крепостной получит клочок земли, как это и должно быть в случае освобождения, то владельцы этих крепостных превратятся в нищих. Для крупных земельных собственников, с их точки зрения, освобождение крестьян почти равносильно отречению от своих прав. Если крепостные будут освобождены, то какая реальная защита останется у этих помещиков против произвола императора? И кроме того, как быть с податями, в которых Россия так нуждается и которые зависят от действительной ценности земли? Как быть, далее, с государственными крестьянами? Все эти вопросы ставятся на обсуждение и образуют ряд сильных позиций, за которыми располагается лагерь сторонников крепостного права. Эта история так же стара, как история народов. Действительно, нельзя освободить угнетенный класс, не причинив ущерба классу, существующему за счет его угнетения, и не внося одновременно разложения во всю надстройку государства, покоящуюся на таком мрачном социальном фундаменте. Когда наступает время для такой перемены, то вначале проявляется большой энтузиазм; люди радостно

поздравляют друг друга по поводу взаимного изъявления доброй воли, льются торжественные слова о всеобщей любви к прогрессу и тому подобное. Но лишь только приходит время заменить слова делами, как некоторые отступают в страхе перед вызванными ими духами, а большинство выражает решимость бороться за свои действительные или воображаемые интересы. Легитимные правительства Европы были в состоянии упразднить крепостное право только лишь под напором революции или в результате войны. Прусское правительство отважилось подумать об освобождении крестьян только тогда, когда оно испытало на себе железное иго Наполеона; и даже тогда оно так разрешило этот вопрос, что его пришлось вновь решать в 1848 г., и он, хотя и в измененной форме, все еще ждет своего окончательного разрешения в будущей революции. В Австрии вопрос этот был решен не легитимным правительством и не доброй волей правящих классов, а революцией 1848 года и венгерским восстанием. В России Александр I и Николай не по каким-либо мотивам гуманности, а из чисто государственных соображений пытались произвести мирным путем перемены в положении народных масс [7]; однако оба они потерпели неудачу. Следует прибавить, что фактически после революции 1848—1849 гг. Николай отвернулся от своих собственных прежних проектов освобождения и сделался ярым приверженцем консерватизма. Что касается Александра II, то вряд ли у него был выбор — будить или не будить спящую стихию. Война, унаследованная им от отца, потребовала огромных жертв от русских народных масс, жертв, о размерах которых можно судить на основании того простого факта, что в период между 1853 и 1856 гг. сумма необеспеченных бумажных денег, находившихся в обращении, возросла с трехсот тридцати трех миллионов рублей примерно до семисот миллионов рублей, причем это возросшее количество бумажных денег фактически представляло собой только налоги, которые государство собрало вперед. Когда Александр II ободрял крестьян обещаниями освободить их, он только следовал примеру Александра I во время войны с Наполеоном. К тому же, минувшая война кончилась позорным поражением, по крайней мере в глазах крепостных, от которых нельзя ожидать знакомства с тайнами дипломатии. Начать свое царствование с очевидного поражения и позора, да еще открыто нарушить обещания, данные крестьянам во время войны, — отважиться на такой шаг было бы слишком опасно даже для царя.

Сомнительно, чтобы даже сам Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии дольше откладывать этот вопрос. Во всяком случае для Александра II это было невозможно; но он предполагал, и не совсем без оснований, что дворяне, в общем привыкшие к повиновению, не отступят перед его повелениями и даже сочтут за честь

для себя, если им разрешат через посредство различных дворянских комитетов играть некоторую роль в этой великой драме. Эти расчеты, однако, не оправдались. С другой стороны, крестьяне, имевшие преувеличенное представление даже о том, что̀ царь намеревался сделать для них, стали терять терпение при виде медлительного образа действий своих господ. Поджоги, начавшиеся в отдельных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Известно, далее, что в Великороссии и в областях, прежде принадлежавших Польше, имели место бунты, сопровождавшиеся большими жестокостями, что заставило помещиков переехать из деревень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмутившихся рабов. При таких обстоятельствах Александр II счел нужным созвать нечто вроде собрания нотаблей. Что, если это собрание явится поворотным пунктом в истории России? Что, если дворяне вздумают настаивать на своем собственном политическом освобождении как на предварительном условии всякой уступки царю в деле освобождения своих крепостных?

Написано 1 октября 1858 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т 12. стр. 605—608

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 21 октября 1858 г.

...Русская история идет очень хорошо. Теперь там и на юге бунтуют. Кстати. Не можешь ли достать мне у Тхоржевского или у того, кто состоит теперь агентом Герцена, некоторые из его новейших изданий? У них кое-что должно быть, например, его «Голоса из России» («Stimmen aus Rußland») и «Колокол» («Glocke») *. Там, может быть, можно было бы найти материал, хотя вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д...

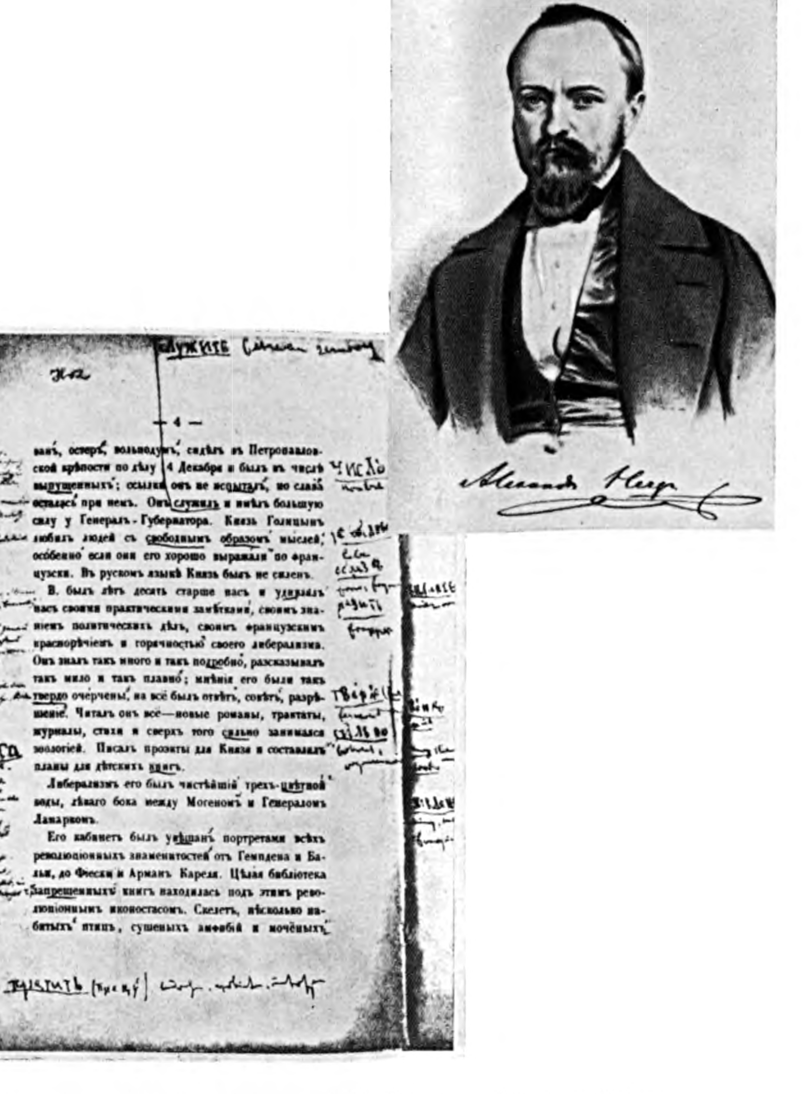
Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 29, стр. 297—298

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «ЕВРОПА В 1858 ГОДУ»

Вторая половина 1858 г. в Европе отмечена особенным оживлением политической активности. Со 2 декабря 1851 г. и до середины текущего года европейский континент был в политическом отношении как бы окутан

* Названия герценовских изданий написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*



— 4 —

ванъ, остеръ, вольнодумъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у Генералъ-Губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, особенно если они его хорошо выражали по французски. Въ русскомъ языкѣ Князь былъ не силенъ.

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, разсказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на всё былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ всё—новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей. Писалъ проэкты для Князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехъ-цвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ и Генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей отъ Гемпдена и Бальи, до Фіески и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и мочёныхъ

А. И. Герцен. — Страница книги А. И. Герцена «Былое и думы» с заметками и выписками слов, сделанными К. Марксом и Ф. Энгельсом

саваном. Власти, которые при поддержке своих армий вышли победительницами из великого революционного конфликта, получили возможность управлять по своему произволу, издавать и отменять, соблюдать или нарушать законы, как им было угодно. Представительные учреждения повсюду выродились в простую фикцию; едва ли где-нибудь существовала еще парламентская оппозиция; печати заткнули рот; и если бы не волнения, вспыхивавшие внезапно то тут, то там: восстание в Милане, высадка в Салерно, мятеж в Шалоне, покушение на жизнь Луи-Наполеона, если бы не некоторые политические судебные процессы в Анже и других местах, во время которых, хотя и ненадолго и ценой больших жертв, проявлялся былой революционный дух, угрожающе возвещая о своем существовании,—можно было бы подумать, что после опыта 1848 г. европейский континент отказался от всяких мыслей, связанных с политикой, и что военный деспотизм и цезаристский режим повсюду были признаны единственно приемлемой формой правления...

...Из всех наций Европы Россия первая пробудилась от этой политической летаргии. Крымская война, хотя она и закончилась без сколько-нибудь существенной потери территории и даже — поскольку речь идет о Востоке — без ущерба для престижа, все же уязвила гордость России. Впервые ее заставили отказаться от принципа — никогда не уступать раз присоединенной к ней территории. Вся ее административная система в своей наилучшим образом организованной отрасли — в военной — потерпела полное банкротство и крушение. То дело, над которым Николай трудился дни и ночи в течение двадцати пяти лет, погребено под развалинами крепостных валов и бастионов Севастополя. Между тем при существовавших политических условиях в стране не была возможна никакая иная административная система, кроме исключительно господствовавшей в ней и доведенной до предела бюрократической системы. Чтобы заложить основы более подходящей системы, Александр II вынужден был вновь обратиться к идее освобождения крепостных. Ему пришлось бороться с двумя грозными противниками: с дворянством и с той самой бюрократией, которую он возымел намерение реформировать вопреки ее собственному желанию и которая должна была в то же время служить орудием выполнения его планов. Ему негде было искать поддержки, кроме как в традиционной и пассивной покорности инертной массы русских крепостных и купцов, которые до сего времени лишены были даже права задумываться над своим политическим положением. Чтобы сделать их поддержку реальной, он должен был создать нечто вроде общественного мнения и хотя бы подобие прессы. В связи с этим была ослаблена цензура и предоставлена возможность для вежливой, благонамеренной и весьма почтительной в выражениях дискуссии; была разрешена даже легкая и учтивая

критика действий чиновников. Существующая сейчас в России степень свободы дебатов считалась бы до смешного ничтожной в любой другой европейской стране, кроме Франции, но людям, знавшим николаевскую Россию, и это кажется огромным шагом вперед; в сочетании с теми трудностями, которые неизбежно возникнут в связи с отменой крепостного права, это пробуждение к политической жизни более образованных кругов русского общества полно добрых предзнаменований...

Написано в конце ноября 1858 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 12, стр. 671—672

К. МАРКС

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

1

Берлин, 29 декабря 1858 г.

Великий «зачинатель» (по выражению Мадзини) русской революции, император Александр II сделал еще один шаг вперед. 13 ноября императорский Главный комитет по отмене крепостного права[6] подписал, наконец, свой доклад императору, содержащий изложение основ, на которых предлагается произвести освобождение крепостных крестьян. Основные принципы этого доклада таковы:

I. Крестьяне немедленно перестают быть крепостными и вступают в состояние «временнообязанных» по отношению к своим помещикам. Это состояние должно длиться двенадцать лет, в течение которых они пользуются всеми личными и имущественными правами, присущими прочим платящим налоги подданным империи. Крепостная зависимость, со всеми вытекающими из нее последствиями, отменяется навсегда без какого-либо возмещения прежним владельцам, ибо, как говорится в докладе, крепостная зависимость была произвольно введена царем Борисом Годуновым * и затем, в силу злоупотребления властью, стала неотъемлемой

* Это утверждение далеко не соответствует истине. Борис Годунов (указом 2 ноября 1601 г.) отнял у крестьян право переходить с места на место по территории государства и прикрепил их к поместьям, к которым они уже принадлежали в силу рождения или жительства. При его преемниках власть дворянства над крестьянами стала быстро возрастать, и со временем все они сделались действительно крепостными. Однако это оставалось незаконной узурпацией со стороны бояр до тех пор, пока Петр Великий в 1723 г. не легализировал ее. Крестьяне, не будучи освобожденными от оков, прикреплявших их к поместьям, были превращены теперь также в личную собственность дворянина-помещика; последний получал право продавать их в одиночку или гуртом, с землей или без земли, и ввиду этого стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати. Затем, одним рос-

частью обычного права; таким образом, будучи создана волею монарха, она может быть также уничтожена волею монарха. Что касается денежного вознаграждения за ее отмену, то такая уплата денег в обмен на права составила бы, по словам авторов доклада, поистине недостойную страницу в истории России, ибо права эти принадлежат крестьянству от природы и их вовсе не следовало у него отнимать.

II. В течение двенадцати лет временнообязанного состояния крестьянин продолжает оставаться прикрепленным к поместью; но в случае, если помещик не может отвести крестьянину, по крайней мере, пять десятин земли, которые он обрабатывал бы для себя, последний волен покинуть поместье. Он может уйти и при том условии, если найдет кого-либо, кто будет обрабатывать его надел и платить за него подати в казну.

III и IV. Каждая сельская община удерживает в своем владении жилые дома своих членов с их усадьбами, скотными дворами, огородами и пр., за что помещику уплачивается ежегодная рента в 3% с оцененной стоимости этих владений. Община имеет право заставить помещика произвести оценку их, назначив смешанную комиссию из двух помещиков и двух крестьян. Если же сельская община пожелает, то она может выкупить свои дворы в собственность, уплатив их стоимость наличными.

V. Земельные наделы, которые помещики должны предоставить крестьянам, определяются следующим образом: в поместье, где на каждого крепостного, приписанного к нему, приходится больше шести десятин, каждый взрослый крестьянин мужского пола получает надел пахотной земли площадью в девять десятин; там, где земли меньше, крестьянам передается две трети всей пахотной земли; там, где крестьян, приписанных к поместью, так много, что двух третей такой земли не хватит для распределения по крайней мере по пяти десятин на каждого взрослого крестьянина мужского пола, там земля разбивается на наделы по пяти десятин, и те крестьяне, которые при жеребьевке не получат надела, получают паспорта от деревенских властей и вольны идти, куда им вздумается. Что касается дров, то помещик обязан предоставлять их крестьянам из своих лесов по предварительно установленной цене.

VI. За все эти преимущества крестьянин должен нести в пользу помещика следующие виды барщины: за каждую десятину, полученную в надел, отработать помещику десять рабочих дней с лошадью и десять рабочих дней без нее (с надела в девять десятин это составляет 180 дней

черком пера, Екатерина II превратила в крепостных четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь приобретенных западных и южных областях. Но в российских официальных документах не приличествовало упоминать о таких фактах, касающихся Петра I и Екатерины II, а потому бедный Борис Годунов должен нести ответственность за прегрешения всех своих преемников.

в году). Исходя из этой нормы, стоимость крестьянской барщины можно определить в деньгах для каждой губернии (провинции), так как стоимость одного дня барщины считается равной лишь одной трети стоимости трудового дня свободного рабочего. По прошествии первых семи лет одна седьмая часть этой барщины и затем каждый следующий год еще одна седьмая могут быть превращены в оброк зерном.

VII. Дворовые крестьяне, то есть такие, которые прикреплены не к определенному поместью, а к дому помещика или лично к своему господину, обязаны служить ему в течение десяти лет, но за жалованье. Впрочем, они могут во всякое время выкупиться на свободу — мужчина за 300 руб., а женщина за 120.

IX. Помещик остается главой сельской общины и имеет право налагать вето на ее решения, однако в таких случаях допускается обжалование в смешанную комиссию, состоящую из помещиков и крестьян.

Таково содержание этого важного документа, косвенным образом выражающего взгляды Александра II на самый важный для России социальный вопрос. Я опустил раздел VIII, посвященный организации сельских общин, и раздел X, содержащий только установленные законом формы, в которые должны быть облечены официальные документы, относящиеся к этой реформе. Самое поверхностное сравнение показывает, что данный доклад представляет собой, в сущности, просто продолжение и развитие программы, которую Главный комитет прошлой весной предложил различным дворянским собраниям по всей империи. Эта программа, десять пунктов которой точно соответствуют десяти разделам доклада, являлась фактически только схемой, которая была составлена с целью показать дворянам, в каком направлении им надлежит действовать, и которую они должны были развить. Но чем глубже дворяне вникали в суть вопроса, тем сильнее становилось их сопротивление, и чрезвычайно показательно, что через восемь месяцев правительство оказалось вынужденным само развить эту схему и составить тот план, который первоначально мыслился как добровольный акт со стороны дворянства.

Такова история вышеизложенного документа; перейдем теперь к рассмотрению его содержания.

Если русское дворянство считает, что «4 августа» (1789 г.) [8] для него еще не наступило и что поэтому ему нет необходимости приносить свои привилегии в жертву на алтарь своего отечества, то русское правительство движется вперед значительно быстрее: оно уже пришло к «Декларации прав человека». В самом деле, подумать только — Александр II провозглашает «права, которые принадлежат крестьянству от природы и которые вовсе не следовало у него отнимать»! Поистине, мы живем в необычайное время! В 1846 г. римский папа выступает инициатором либе-

рального движения; в 1858 г. русский деспот, настоящий самодержец всероссийский *, декларирует права человека! И мы еще увидим, что эта декларация царя вызовет не менее широкие отклики во всем мире и в конечном счете окажет действие гораздо более значительное, чем либерализм папы.

Первой из заинтересованных сторон, о которых идет речь в этом докладе, является дворянство. Если оно отказывается отмечать свое 4 августа, то правительство достаточно ясно говорит ему, что оно будет к этому принуждено. Каждый раздел доклада содержит весьма чувствительную материальную потерю для аристократии. Один из способов эксплуатации дворянами их человеческого капитала состоял в том, что они отдавали крепостных внаймы или позволяли им за уплату ежегодной суммы (оброка **) передвигаться с места на место и добывать себе средства к существованию по собственному усмотрению. Эта практика как нельзя более соответствовала как интересам дворянского кармана, так и скитальческому образу жизни русского крепостного. Для дворян это был один из главных источников дохода. Раздел I предполагает упразднить его без всякого возмещения. Но этим дело не ограничивается. На основании раздела II каждый крепостной, которому помещик не может дать в надел 5 десятин пахотной земли, волен располагать собой и может идти, куда ему вздумается. На основании разделов III—V помещик лишается права свободно располагать приблизительно двумя третями своей земли и обязан наделить ею крестьян. Правда, они и сейчас занимают эту землю, но под его контролем и при условии выполнения повинностей, определяемых всецело по его усмотрению. Отныне же земля действительно должна принадлежать крестьянам, которые становятся постоянными ее держателями, которые получают право полностью выкупать свои усадьбы и чьи повинности, хотя и установленные в очень большом размере, однако же должны быть твердо определены законом; хуже того, крестьяне могут откупиться от этих повинностей по довольно выгодной (для себя) цене. Даже дворовые **, то есть домашние слуги помещичьего дома, должны получать жалованье и, если желают, могут выкупиться на свободу. Что еще хуже, крепостные должны получить права наравне со всеми другими гражданами, а это означает, что они будут иметь до сих пор им не известное право возбуждать иски против своих господ и выступать против них свидетелями в судах; и хотя помещик остается главой крестьян в своем имении и сохраняет известную юрисдикцию над ними, все же вымогательства, которые давали возможность множеству русских дворян

* Слова «самодержец всероссийский» написаны Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

** Это слово написано Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

накоплять средства для содержания модных лореток в Париже и для азартных игр на немецких курортах, в будущем значительно сократятся. Но чтобы судить о результатах такого сокращения дохода русских дворян, рассмотрим их финансовое положение. Все землевладельческое дворянство России задолжало кредитным банкам (учрежденным государством) сумму в 400 000 000 руб. серебром, в обеспечение которых этим банкам заложено около 13 000 000 крепостных. Общее же число крепостных в России (не считая государственных крестьян) равно 23 750 000 (по переписи 1857 года). Очевидно, главными должниками банков являются более мелкие владельцы крепостных, тогда как более крупные сравнительно свободны от долга. Из переписи 1857 г. явствует, что около 13 000 000 крепостных принадлежат помещикам, владеющим менее чем 1 000 крепостных каждый, в то время как остальные 10 750 000 крепостных принадлежат собственникам, имеющим более 1 000 душ каждый. Ясно, что последние в общем представляют собой свободную от долгов, а первые — задолжавшую часть русского дворянства. Такой подсчет, может быть, и не совсем точен, но в общем его можно признать довольно правильным.

Число земельных собственников, владеющих от одной до 999 «душ», согласно переписи 1857 г., равно 105 540, в то время как число дворян, владеющих 1 000 душами и больше, не превышает 4 015. Таким образом, выходит, что, по самому скромному подсчету, девять десятых всей русской аристократии сильно задолжали кредитным банкам или, иначе говоря, государству. Но известно, что русское дворянство, кроме того, находится в большой задолженности у частных лиц, банкиров, купцов, евреев и ростовщиков, причем эта задолженность в большинстве случаев так велика, что они лишь номинально являются собственниками своих поместий. Тех из них, которые еще боролись с банкротством, окончательно разорили огромные издержки минувшей войны, когда они не только платили людьми, деньгами и повинностями, но и не могли сбывать свою продукцию, и им приходилось брать деньги взаймы на крайне тяжелых условиях. Теперь же им предлагается целиком и без всякого возмещения отказаться от значительной части своих доходов, а остаток их регулировать таким способом, который не только сократит его, но и весьма ограничит его размер в дальнейшем.

Легко предвидеть последствия этого положения для такого дворянства, как русское. Если оно не согласно на полное разорение или немедленное банкротство значительного большинства своего сословия с перспективой в будущем раствориться в том классе бюрократического дворянства, ранг и положение которого всецело зависят от правительства, то оно должно оказать сопротивление этой попытке освобождения крестьян. Оно и оказывает такое сопротивление; ясно, что если его нынешнее

сопротивление в рамках законности окажется бессильным против воли монарха, то оно будет вынуждено прибегнуть к иным, более действенным средствам.

II

Берлин, 31 декабря 1858 г.

Сопротивление русского дворянства царским планам освобождения крестьян уже начало проявляться двояким путем: пассивным и активным. Речи, с которыми Александр II соизволил обратиться к своему дворянству во время своей поездки по различным губерниям, то облеченные в мягкую форму призывов к гуманности, то произнесенные в виде поучения, то переходящие в резкий тон приказания и угрозы, — к чему все это привело? Дворяне слушали эти речи с видом рабской покорности, склонив головы, но в глубине души они чувствовали, что император, явившийся к ним говорить, убеждать, увещевать, осведомлять и угрожать, — это уже не прежний всемогущий царь, воля которого должна была заменять собой разум. Вот почему они осмелились дать по существу отрицательный ответ, не давая никакого ответа вообще, не вторя мнениям царя и прибегая к простейшему способу — к затягиванию дела в своих многочисленных комитетах. Они не оставили императору иной возможности, кроме той, какая была у римской церкви: compelle intrare *. Наконец, скучное однообразие этого упрямого молчания было дерзко нарушено санкт-петербургским дворянским комитетом, который одобрил документ, составленный одним из его членов, г-ном Платоновым, и фактически представлявший собой своего рода «петицию о правах». Дворяне требовали не более и не менее, как созыва дворянского парламента, чтобы совместно с правительством решить не только этот великий насущный вопрос, но и все политические вопросы вообще. Тщетно министр внутренних дел г-н Ланской отказывался принять эту бумагу, вернув ее дворянству с сердитым замечанием, что не дело, мол, дворян собираться для подачи петиций и что они должны только обсуждать вопросы, предложенные им правительством. Генерал Шувалов от имени комитета перешел в наступление и, пригрозив лично передать документ императору, принудил г-на Ланского принять его. Таким образом, русское дворянство в 1858 г., как и французское дворянство в 1788 г., провозгласило лозунг: Assemblée des Etats généraux ** или — как говорят в Московии — Земский собор или Земская дума ***. Таким образом, в своих эгоистических стре-

* — принуждай войти. *Ред.*
** — Собрание Генеральных штатов. *Ред.*
*** Слова «Земский собор» и «Земская дума» написаны Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

млениях сохранить в целости устарелый социальный фундамент пирамиды, дворянство само нападает на ее политический центр тяжести. Кроме того, esprit de vertige * — как называли старые французские эмигранты дух эпохи — овладел ими с такой силой, что большинство дворян с головой окунулось в водоворот буржуазного увлечения акционерными компаниями, а в западных губерниях меньшинство старается показать, что оно возглавляет новомодную литературную пропаганду и всячески покровительствует ей. Чтобы дать представление об этих смелых тенденциях, достаточно сказать, что в 1858 г. число существующих газет уже возросло до 180, а в 1859 г. объявлен выход еще 109 новых. С другой стороны, в 1857 г. было основано шестнадцать компаний с капиталом в 303 900 000 руб., а с января по август 1858 г. к ним прибавилась еще 21 новая компания с капиталом в 36 175 000 рублей.

Взглянем теперь на другую сторону реформ, задуманных Александром II. Не следует забывать о том, как часто русское правительство вызывало перед взорами крестьянства fata morgana ** свободы. В начале своего царствования Александр I призывал дворянство освободить своих крестьян, но безуспешно. В 1812 г., когда крестьян призывали записываться в ополчение *** (милицию), им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм; с людьми, защитившими святую Русь, нельзя-де дольше обращаться как с рабами. Даже при Николае целый ряд указов ограничивал власть дворян над их крепостными, давал последним право (указ 1842 г.) заключать со своими владельцами договоры относительно отбывания ими повинностей (в силу чего они косвенно получили разрешение вести судебные процессы против своих господ), брал на себя (1844 г.) гарантию от имени правительства о выполнении крестьянами обязательств на основании этих договоров, обеспечивая крепостным право (1846 г.) выкупаться на свободу, если поместье, к которому они были приписаны, должно было быть продано с торгов, и давал возможность (1847 г.) крестьянам, приписанным к такому поместью, немедленно по поступлении этого поместья в продажу купить его целиком всем миром. К великому удивлению как правительства, так и дворянства, неожиданно оказалось, что крепостные были вполне готовы к этому и действительно стали скупать поместья одно за другим; более того, оказалось, что в очень многих случаях землевладелец был только номинальным собственником, ибо от долгов его освободили деньги его же собственных крепостных, которые, разумеется, приняли необходи-

* — дух заблуждения. *Ред.*
** — мираж. *Ред.*
*** Слово «ополчение» написано Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

мые предосторожности, чтобы фактически обеспечить себе и свою собственную свободу и владение поместьем. Когда это обнаружилось, правительство, испуганное таким проявлением сметливости и энергии со стороны крепостных, а также революционным взрывом 1848 г. в Западной Европе, было вынуждено изыскать средства против применения закона, грозившего постепенно вытеснить дворянство из его поместий. Но отменять указ было уже слишком поздно, и потому другой указ (от 15 марта 1848 г.) распространил право покупки на каждого крепостного в отдельности, тогда как до тех пор оно принадлежало только сельским общинам. Эта мера не только разрушала объединения, охватывавшие деревни и группы деревень какой-либо волости и до сих пор дававшие крепостным возможность собирать капитал для такой покупки, но она, кроме того, сопровождалась еще некоторыми особыми условиями. Крепостные могли покупать землю, но не приписанных к ней людей; другими словами, покупая имение, к которому они принадлежали, крепостные не покупали своей собственной свободы. Напротив, они оставались крепостными, да к тому же и вся купчая сделка получала силу лишь с согласия прежнего помещика! В довершение всего многие дворяне, владевшие своими поместьями, так сказать, по доверенности своих крепостных, в силу того же самого указа получили право и даже поощрялись нарушать эту доверенность и возвращать себе полное владение своими поместьями, причем всякие иски в судах со стороны крепостных были безоговорочно запрещены. С тех пор для крепостных были закрыты все учебные заведения, кроме начальных школ, и все надежды на освобождение, казалось, были разбиты, когда последняя война снова принудила Николая прибегнуть к всеобщему вооружению крепостных и, как обычно, поддержать эту меру обещаниями об освобождении их от крепостной зависимости, — обещаниями, которые правительство поручило своим низшим чиновникам распространять среди крестьянства.

Вполне естественно, что после всего этого Александр II был вынужден серьезно приняться за освобождение крестьян. Результат его усилий и основные черты его планов, поскольку последние созрели, теперь опубликованы. Что скажут крестьяне по поводу двенадцатилетнего испытания, которое должно сопровождаться тяжкой барщиной, причем по истечении этого срока им предстоит перейти в состояние, которое правительство не решается даже в точности описать? Что они скажут по поводу организации общинного управления, суда и полиции, упраздняющих все органы демократического самоуправления, искони присущего каждой сельской общине в России, и имеющих целью создать систему патримониальной власти помещиков по образцу прусского сельского законодательства 1808—1809 гг.—систему, совершенно непривычную для русского

крестьянина, вся жизнь которого управляется деревенской общиной, которому чужда мысль об индивидуальной земельной собственности и который рассматривает общину как собственника земли, на которой он живет?

Если мы вспомним, что с 1842 г. восстания крепостных против своих помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением, что, даже согласно официальной статистике министерства внутренних дел, около шестидесяти дворян ежегодно гибнут от руки крестьян, что во время последней войны их восстания колоссально возросли, а в западных губерниях направлялись главным образом против правительства (там был составлен заговор с целью начать восстание, как только к границе приблизится иностранная неприятельская — англо-французская — армия!), — то едва ли останется сомнение, что если даже дворянство не будет сопротивляться освобождению крестьян, попытка осуществить предложения комитета послужит сигналом для вспышки массового восстания среди сельского населения России. Но дворянство, наверное, будет сопротивляться; император, разрываясь между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами, наверное будет колебаться; и крепостные, возбужденные до крайности большими ожиданиями и считающие, что царь на их стороне, но что дворяне связывают ему руки, теперь неизбежно начнут восстание. А если это произойдет, то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию.

Написано 29 и 31 декабря 1858 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 12, стр. 692—701

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, около 11 января 1860 г.]

...По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны, — движение рабов в России. Ты, конечно, заметил, что дворянство в России занялось прямой агитацией

за конституцию и что два или три члена самых знатных семей уже сосланы в Сибирь. В то же время Александр испортил свои отношения и с крестьянами, заявив буквально в своем последнем манифесте, что «общинное начало» должно исчезнуть вместе с освобождением. Так началось «социальное» движение на Западе и на Востоке. Вместе с предстоящим крахом в Центральной Европе это будет грандиозно...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 30, стр. 4

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 13 февраля 1863 г.

...Что ты скажешь по поводу польской истории [9]? Ясно одно — в Европе снова широко открылась эра революций. И общее положение дел хорошее. Но наивные иллюзии и тот почти детский энтузиазм, с которым мы приветствовали перед февралем 1848 г. революционную эру, исчезли безвозвратно. Старые товарищи, как Веерт и др., умерли, иные отошли или потеряны, а нового пополнения все еще не видно. Кроме того, теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать. Впрочем, «прусские» поклонники национальной «Италии» и «Венгрии» уже попали в переделку. «Пруссаки» не откажутся от своего «русофильства». Будем надеяться, что на сей раз лава потечет с востока на запад, а не наоборот, так что мы избавимся от «чести» французской инициативы...

«Герценовские» солдаты, кажется, действуют обычным образом [10]. Но отсюда еще нельзя сделать никаких выводов ни о массах в России, ни даже о главной массе русской армии. Мы знаем, что̀ проделывали «мыслящие штыки» французов [11] и даже наши собственные рейнские бродяги в 1848 г. в Берлине. Но ты должен теперь внимательно следить за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К° представляется случай доказать свою революционную честность, — хотя бы в той мере, в какой это совместимо с пристрастием ко всему славянскому...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 30, стр. 266

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 17 февраля 1863 г.

...Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то вся Россия придет в движение [12]. Вначале я страшно боялся, что дело пойдет плохо. Но сейчас уже, пожалуй, больше шансов на победу, чем на поражение. Не надо забывать, что *молодая* польская эмиграция имеет свою собственную военную литературу, в которой все вопросы рассматриваются под углом зрения специально польских условий и в которой идея партизанской войны в Польше играет весьма значительную роль и весьма подробно обсуждается. Характерно также, что единственными известными до сих пор вождями являются варшавский еврей Франковский и прусский лейтенант Лянгевич. Господа русские при своей неповоротливости, наверное, сильно страдают от партизанской войны.

Заметил ли ты, что Бакунин и Мерославский выставляют друг друга лжецами и сцепились из-за будущих русско-польских границ? «Колокол» я уже заказал себе и надеюсь найти в нем подробности этой истории [13]. Впрочем, мне придется основательно позубрить, прежде чем я снова овладею языком.

Пруссаки, как всегда, ведут себя гнусно. Мосье Бисмарк знает, что ему не сдобровать, если Польша и Россия будут революционизированы. Впрочем, с прусским вмешательством не спешат. До тех пор, пока оно не необходимо, русские его не допустят, а когда оно станет необходимым, пруссаки поостерегутся туда двинуться.

Если дело в Польше кончится плохо, то нам предстоят, очевидно, несколько лет жестокой реакции, ибо тогда Православный Царь * опять стал бы главой Священного союза, по сравнению с которым мосье Бонапарт покажется глупым crapauds ** великим либералом и защитником наций...

Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 30,
стр. 268

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 4 ноября 1864 г.

...3) *Бакунин* просит тебе кланяться. Он сегодня уехал в Италию, где проживает (Флоренция). Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне очень понравился, больше, чем

* Слова «Православный Царь» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — французским обывателям. *Ред.*

прежде. По поводу польского движения он говорит следующее: русскому правительству это движение потребовалось для того, чтобы держать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Оно само спровоцировало эту историю в Польше. Польша потерпела неудачу из-за двух вещей: из-за влияния Бонапарта и, во-вторых, из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с ясным и недвусмысленным провозглашением *крестьянского социализма*[9]. Он (Бакунин) теперь, после провала польского движения, будет участвовать только в социалистическом движении.

В общем, это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше. Мы с ним беседовали также об уркартистских разоблачениях. (Кстати. Международное Товарищество, наверное, приведет меня к разрыву с этими друзьями!) Он очень справлялся о тебе и Лупусе *. Когда я сообщил ему о смерти последнего, он сразу же сказал, что движение потеряло незаменимого человека...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 31, стр. 13—14

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

В ГАННОВЕР

Лондон, 12 октября 1868 г.

...Несколько дней тому назад один петербургский книгоиздатель поразил меня известием, что сейчас печатается русский перевод «Капитала»[14]. Он просил меня послать ему мою фотографию, чтобы напечатать ее на титульном листе, и в этой мелочи я не мог отказать «моим добрым друзьям», русским. Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет беспрерывно боролся в своих выступлениях не только на немецком, но и на французском и на английском языках, всегда были моими «благодетелями». В 1843—1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что̀ издал Дункер (1859)[15], нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская. Но все это не следует переоценивать. Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не

* — Вильгельме Вольфе. *Ред.*

для портных и сапожников», — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, с поступлением на государственную службу делаться негодяями...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 472

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 7 ноября 1868 г.

...[Боркхейм] переводит для меня основные места из одной русской работы о разложении прежних аграрных отношений [16] и дал мне также французскую книгу русского Шедо-Ферроти по этому вопросу [17]. Последний — вообще крайне поверхностный субъект — весьма ошибается, когда утверждает, что русская община возникла лишь вследствие запрещения крестьянам уходить с земли. В этой общине все абсолютно, *до мельчайших деталей*, тождественно с *древнегерманской* общиной. В добавление к этому у русских (но это встречается также у *части индийских общин* — не в Пенджабе, а на юге), во-первых, *не демократический*, а *патриархальный* характер управления общиной и, во-вторых, *круговая порука* при уплате государству налогов и т. д. Из второго пункта следует, что чем прилежнее русский крестьянин, тем больше эксплуатирует его государство, не только посредством налогов, но и системой натуральных повинностей, поставок лошадей и т. п. при постоянных передвижениях войск, для казенных курьеров и т. д...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 158

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 23 октября 1869 г.

...Из Петербурга мне прислали том Флеровского в 500 страниц о положении русских крестьян и рабочих [18]. К сожалению, *по-русски*. Человек этот работал над книгой 15 лет *...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 302

* См. настоящий сборник, стр. 168. *Ред.*

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 10 февраля 1870 г.

...Из книги *Флеровского* я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Автор — решительный враг того, что он сам именует «русским оптимизмом». У меня никогда не было особенно радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский превосходит все ожидания. Поистине удивительным и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге.

«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария» *.

Характер изложения весьма своеобразен, больше всего напоминает в некоторых местах Монтея. Видно, что человек этот сам всюду побывал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никаких нигилистических крайностей. Кое-где есть небольшая доза благодушного пустословия, которое, однако, вполне соответствует уровню развития тех людей, для которых предназначается данное сочинение. Во всяком случае, это — самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о «Положении рабочего класса». Прекрасно изображена и семейная жизнь русского крестьянина — с чудовищным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами.

Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32,
стр. 357—358

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 12 февраля 1870 г.

...Заглавие книги *Н. Флеровского:*
«Положение рабочего класса в России» **. *С.-Петербург. Издание Н. П. Полякова. 1869* [18].

* Процитированная фраза Флеровского написана Марксом по-русски. *Ред.*
** Фамилия автора и название книги написаны Марксом по-русски. *Ред.*

Что меня, между прочим, весьма забавляет во Флеровском, это — его полемика против *прямых податей,* взимаемых с крестьян. Это — точное воспроизведение маршала Вобана и Буагильбера. Он и сам чувствует, что положение крестьян аналогично их положению в эпоху старой французской монархии (со времени Людовика XIV). Как и Монтей, он хорошо схватывает особенности характера каждого народа — «прямодушный калмык», «поэтичный, несмотря на свою грязь, мордвин» (которого он сравнивает с ирландцами), «ловкий, живой эпикуреец-татарин», «талантливый малоросс» и т. д. Как добропорядочный великоросс он поучает своих соотечественников, каким образом они могли бы превратить *ненависть,* которую питают к ним все эти племена, в противоположное чувство. В качестве примера ненависти он приводит, между прочим, случай с переселением настоящей *русской* колонии из Польши в Сибирь. Люди эти знают только русский язык, не говорят по-польски ни слова и все же считают себя поляками и питают к русским поистине польскую ненависть и т. д.

Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция. Отсюда видна и реальная основа школьнического нигилизма, который теперь в моде среди русских студентов и т. д. В Женеве — между прочим — образовалась новая колония русских эмигрантов-студентов, которые провозглашают в своей программе борьбу с панславизмом и выдвигают вместо него «Интернационал» [19].

В специальном разделе Флеровский показывает, что «русификация» других национальностей представляет собой чистейшую оптимистическую иллюзию *даже на востоке...*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 363—364

МАРКС — Л. и П. ЛАФАРГ

В ПАРИЖ

Лондон, 5 марта 1870 г.

...Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» [18] — выдающийся труд. Я очень рад, что в состоянии теперь довольно бегло читать ее с помощью словаря. Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России. Это добросовестный труд. В течение 15 лет автор путешествовал от западных границ страны до Восточной Сибири, от Белого моря до Каспийского с единственной целью — изучить факты

АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ. НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

В. В. Берви (Н. Флеровский). — Страница книги В. В. Берви (Н. Флеровского) «Положение рабочего класса в России» с пометками К. Маркса

и разоблачить традиционную ложь. Конечно, он питает некоторые иллюзии относительно «la perfectibilité perfectible» * русской нации и о провиденциальном характере *общинной собственности* в ее русской форме. Но не в этом главное. После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это — добрые вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 549

К. МАРКС

ИЗ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ

Вскоре после основания *Интернационала* русский Бакунин (хотя я и знаю его с 1843 г., но я оставляю в стороне все, что не является безусловно необходимым для понимания последующего) имел свидание в Лондоне с Марксом **. Последний принял его там в Товарищество, для которого Бакунин обещал работать не покладая рук. Бакунин поехал в Италию, получил там посланные Марксом *Временный Устав и Манифест к рабочему классу*, прислал «весьма восторженный» ответ, но не сделал ничего. После нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он опять появляется в Швейцарии. Там он примыкает не к *Интернационалу*, а к *Лиге мира и свободы*[20]. После конгресса этой Лиги мира (Женева, 1867 г.) Бакунин входит в ее *исполнительный комитет*, но встречает там противников, которые не только противодействуют его «диктаторскому» влиянию, но и устанавливают за ним надзор как за «подозрительным *русским*». Вскоре после Брюссельского конгресса *Интернационала* (сентябрь 1868 г.) *Лига мира* устраивает конгресс в Берне. На этот раз Бакунин выступает как firebrand *** и — замечу en passant **** — клеймит западноевропейскую буржуазию в том тоне, в котором московиты-оптимисты обычно нападают на западную цивилизацию, чтобы скрыть свое собственное варварство. Он предлагает ряд резолюций,

* — «неограниченной способности к совершенствованию». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 22 и 156. *Ред.*
*** — подстрекатель. *Ред.*
**** — между прочим. *Ред.*

которые *сами по себе нелепы* и рассчитаны на то, чтобы нагнать страх на буржуазных кретинов и позволить г-ну Бакунину с éclat * *выйти* из Лиги мира и *вступить* в Интернационал. Достаточно сказать, что его программа, предложенная Бернскому конгрессу, содержит такие нелепости, как *«равенство классов»*, *«отмена права наследования как начало* социальной революции» и тому подобную бессмысленную болтовню, целый букет вздорных выдумок, претендующих на то, чтобы запугать, одним словом, — пошлая импровизация, рассчитанная исключительно на мимолетный эффект. Друзья Бакунина в Париже (один русский участвует там в издании «Revue Positiviste») и в Лондоне объявили всему миру о выходе Бакунина из Лиги мира как о un événement ** и провозгласили его смехотворную программу — этот olla podrida *** из избитых общих мест, — чем-то невероятно страшным и оригинальным.

Тем временем Бакунин вступил в Романское отделение *Интернационала* (в Женеве). Ему понадобились годы, чтобы решиться на этот шаг. Но не понадобилось и нескольких дней, чтобы г-н Бакунин решил совершить переворот в *Интернационале* и превратить его в *свое* орудие.

...В то же время в Женеве обосновалась колония молодых русских студентов-эмигрантов, которые действительно честно относятся к своим убеждениям и доказали свою честность тем, что главным пунктом своей программы выставили *борьбу с панславизмом* [19].

Они выпускают в Женеве журнал *«Народное дело»*. Около двух недель тому назад они обратились в Лондон, прислали свой устав и программу с просьбой утвердить основанную ими Русскую секцию Интернационала ****. Просьба была удовлетворена.

В отдельном письме к Марксу они просили его быть временно их представителем в Генеральном Совете. На это тоже было дано согласие *****. Вместе с тем они заявили, — как бы *извиняясь* перед Марксом, — что в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску, потому что этот человек ведет *двойную политику:* в России — одну, в Европе — совершенно другую.

Итак, игре этого в высшей степени опасного интригана будет скоро положен конец, по крайней мере, в рамках *Интернационала*.

Написано около 28 марта 1870 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 16, стр. 429—430, 441

* — шумом. *Ред.*
** — событии. *Ред.*
*** — винегрет. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 168—170. *Ред.*
***** См. там же, стр. 170—171. *Ред.*

МАРКС — П. ЛАФАРГУ

В ПАРИЖ

Лондон, 19 апреля 1870 г.

...Чтобы ввести Вас в курс дела, должен сделать краткий обзор интриг Бакунина.

Бакунин является членом *Интернационала* всего лишь около полутора лет. Это новообращенный. На Бернском* конгрессе *(сентябрь 1868) Лиги мира и свободы*[20] (он был *одним из членов исполнительного комитета* этой международной буржуазной организации, основанной в противовес пролетарскому Интернационалу) Бакунин сыграл одну из своих излюбленных фиглярских ролей; он внес ряд резолюций, которые сами по себе нелепы, но рассчитаны на то, чтобы нагнать страх на буржуазных кретинов своим хвастливым радикализмом. По этой причине, забаллотированный большинством, он с шумом вышел из Лиги и торжественно возвестил об этом великом событии в европейской прессе. Он почти такой же мастер рекламы, как Виктор Гюго, который, по словам Гейне, не просто эгоист, но гюгоист **.

Тогда Бакунин вступил в наше Товарищество — в его Романское отделение в Женеве. Его первым шагом была организация заговора. Он основал *Альянс социалистической демократии.* Программа этого общества представляла собой не что иное, как те резолюции, которые были предложены Бакуниным Бернскому конгрессу Лиги мира. Построено оно было как секта с главным центром в Женеве и представляло собой *международную* организацию со своими собственными общими конгрессами, которая должна была существовать как самостоятельное международное объединение и *в то же самое время* составлять неотъемлемую часть нашего *Интернационала.* Одним словом, наше Товарищество должно было постепенно, посредством этого контрабандного тайного общества, превратиться в орудие русского — Бакунина. Предлогом для основания нового общества была якобы специальная цель — «вести теоретическую пропаганду». Довольно смехотворно, если учесть, что Бакунин и его приверженцы крайне невежественны в теории. Но *«теорией»* была программа Бакунина. Она включала фактически три пункта:

1) Первое требование социальной революции — *отмена права наследования,* старый сен-симонистский хлам, ответственным издателем которого сделался шарлатан и *невежда* Бакунин. Совершенно очевидно, что если бы представилась возможность в один день совершить социальную революцию в результате всенародного волеизъявления [par décret

* Здесь и ниже у Маркса в рукописи описка: «на Лозаннском». *Ред.*

** *Гейне.* «Лютеция», часть I. *Ред.*

plébiscitaire], то сразу же были бы отменены земельная собственность и капитал, и тем самым отпала бы и всякая необходимость заниматься *правом наследования*. С другой стороны, если такая возможность не представляется (и, разумеется, было бы нелепо таковую предполагать), провозглашение *отмены права наследования* было бы не серьезным актом, а глупой угрозой, которая сплотила бы все крестьянство и всю мелкую буржуазию вокруг реакции. Представьте себе, например, что янки не смогли отменить рабство силой оружия. Каким идиотским поступком явилось бы провозглашение *отмены права наследования на рабов!* Вся эта теория основывается на устарелой идеалистической точке зрения, будто существующая юриспруденция является базисом нашего экономического строя, вместо того чтобы видеть в нашем экономическом строе базис и источник нашей юриспруденции! Что касается Бакунина, то ему только хотелось состряпать программу своего собственного производства. Вот и все. Это была чисто случайная программа.

2) «*Уравнение* различных *классов*». Допускать, с одной стороны, сохранение существующих *классов*, а с другой стороны, *равенство* представителей этих классов — эта вопиющая нелепость сразу показывает бесстыдное невежество и верхоглядство этого молодчика, который видит свою «особую миссию» в том, чтобы просвещать нас в «теории».

3) Рабочий класс не должен заниматься *политикой*. Его задача состоит лишь в том, чтобы организоваться в тред-юнионы. В один прекрасный день, с помощью *Интернационала*, они займут место всех существующих государств. Вы видите, в какую карикатуру он превратил мое учение! Поскольку преобразование существующих государств в ассоциацию является нашей конечной целью, то мы-де должны позволить правительствам, этим гигантским тред-юнионам господствующих классов, делать все, что им заблагорассудится, так как если мы будем иметь с ними дело — это будет означать, что мы их признаем. Вот как! Точно так же социалисты старой школы говорили: вам не следует заниматься вопросами заработной платы, так как вы хотите уничтожить наемный труд, а бороться с капиталистом за повышение уровня заработной платы значит признавать систему наемного труда! Этот осел даже не понял, что всякое классовое движение *как таковое* неизбежно является и всегда было *политическим* движением.

Вот и весь теоретический багаж пророка Бакунина, этого пророка без корана.

Он тайно продолжал свою заговорщическую деятельность. У него было несколько сторонников в Испании и Италии, а также некоторое количество простаков в Париже и Женеве. Старина Беккер был настолько

глуп, что позволил Бакунину выдвинуть себя в известной степени на передний план. Он сожалеет теперь о своей ошибке.

Генеральный Совет был поставлен в известность и от него потребовали утвердить устав *Альянса,* только после того как Бакунин счел свои планы fait accompli *. Однако он ошибался. В тщательно разработанном документе Генеральный Совет объявил Альянс орудием дезорганизации и отказался от всякой связи с ним. (Я пошлю вам этот документ **.)

Спустя несколько месяцев *руководящий комитет* Альянса направил Генеральному Совету письмо следующего содержания: великие мужи согласны распустить свою организацию и слить ее с *Интернационалом*, но, с другой стороны, мы должны решительно ответить: *«да»* или *«нет»*, признаем ли мы их принципы. Если нет, то они, со своей стороны, идут на открытый раскол, и на нас падет вся ответственность за такой неблагоприятный оборот дела!

Мы ответили, что Генеральный Совет — не папа римский, что мы предоставляем каждой секции придерживаться своих собственных теоретических взглядов на действительное движение, исходя, однако, из предположения, что в них не выдвигается никаких положений, прямо противоречащих нашему Уставу. Мы деликатно намекнули, что считаем их «теорию» подделкой. Мы настояли на том, чтобы «уравнение классов» было заменено «уничтожением классов», что они и сделали. Мы потребовали от них представить нам данные о количестве членов Альянса, что так и не было сделано. (Вы получите также и этот второй документ ***.)

Таким образом, *номинально* Альянс был распущен. Фактически он продолжал существовать как imperium in imperio ****. Его секции не поддерживали никаких отношений с Генеральным Советом, а только интриговали против него. Альянс подчинялся диктаторской указке Бакунина, который сделал все, чтобы нанести решительный удар на Базельском конгрессе. С одной стороны, он заставил женевский комитет ***** поставить *вопрос о праве наследования.* Мы приняли вызов. С другой стороны, он всюду плел интриги, чтобы дискредитировать нас и добиться перевода Генерального Совета из Лондона в Женеву. На конгрессе этот шарлатан фигурировал как «делегат от Неаполя и Лиона» (в этом последнем городе его приспешником является *Альбер Ришар,* в других отношениях чрезвычайно активный юноша с самыми добрыми намерениями). Где этот молодчик достает деньги для всех своих тайных

* — свершившимся фактом. *Ред.*

** *К. Маркс.* «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии». *Ред.*

*** *К. Маркс.* «Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — центральному бюро Альянса социалистической демократии». *Ред.*

**** — государство в государстве. *Ред.*

***** — Федеральный совет Романской Швейцарии. *Ред.*

махинаций, поездок, рассылки агентов и т. п., — остается пока секретом. Нищий, как церковная крыса, он никогда в своей жизни не заработал ни гроша своим собственным трудом.

На конгрессе все расчеты Бакунина потерпели крах. После конгресса он повел открытую атаку против нас в своем собственном вестнике — «Progrès» (Ле-Локль), издававшемся его приспешником, Джемсом Гильомом, швейцарским школьным учителем, и в «Égalité» (Женева). Мы некоторое время предоставили событиям идти своим чередом, а затем послали циркулярное письмо женевскому Федеральному совету *. (Этот документ — в копии — имеется у *Варлена*.) Но еще до получения нашего циркуляра женевский Федеральный совет, который никогда не питал дружеских чувств ни к Бакунину, ни к *Альянсу*, порвал с ним. Робен и К° были изгнаны из редакции «Égalité». Федеральный совет Романской Швейцарии совершил пронунциаменто против интриг Альянса и его московитского диктатора.

Тем временем Бакунин переселился из Женевы в Тессин. Его материальное положение изменилось. Внезапно умер Герцен. Бакунин, еще недавно яростно нападавший на Герцена (вероятно потому, что кошелек последнего был закрыт для него), вдруг стал его горячим защитником во французской и всей остальной прессе [21]. Почему? Потому что Герцен (несмотря на то, что был сам миллионером) получал ежегодно для своего *«Cloche»* и «русской пропаганды» довольно солидную сумму от «демократов-панславистов» в России [22]. Несмотря на свирепую ненависть к «институту наследования», Бакунину хотелось унаследовать положение Герцена и получаемые им субсидии. Его панегирики умершему достигли цели. Он перевел на себя «Cloche», денежные средства и т. п.

С другой стороны, в Женеве образовалась колония русских эмигрантов, которые являются противниками Бакунина потому, что им известны властолюбивые стремления этого весьма посредственного человека (хотя и законченного интригана), и потому, что они знакомы с проповедуемыми Бакуниным в его *«русских»* сочинениях доктринами, прямо противоположными принципам *Интернационала*.

Бакунин и его стадо баранов воспользовались недавно состоявшимся *съездом Романской Швейцарии* в Ла-Шо-де-Фоне (5 апреля этого года), чтобы вызвать открытый раскол. В результате съезд распался на два: с одной стороны, съезд бакунинцев, провозгласивших воздержание от всякой политики, представлял около 600 человек; с другой стороны, съезд женевского Федерального совета представлял 2000 человек. Утин (один из молодых русских) публично разоблачил интриги Бакунина. Его (Ба-

* *К. Маркс.* «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии». *Ред.*

кунина) сторонники объявили себя «Федеральным центральным советом» для Романской Швейцарии и основали свой собственный орган *«Solidarité»*, издаваемый бакунинским приспешником Джемсом Гильомом. *«Принцип»* этой газеты — «Бакунин». Обе стороны апеллировали к Генеральному Совету.

Таким образом, этому проклятому московиту удалось вызвать крупный публичный скандал в наших рядах, сделать свое имя знаменем, отравить наше Товарищество Рабочих ядом сектантства и парализовать наши действия тайными интригами.

Он надеется получить сильные позиции на нашем очередном конгрессе. Чтобы обратить на себя внимание в Париже, он вступил в переписку с «Marseillaise». Но мы переговорили с Флурансом, который положит этому конец.

Теперь Вы располагаете достаточной информацией, чтобы нейтрализовать бакунинские интриги в рядах наших парижских секций...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 562—566

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

В ГАННОВЕР

Лондон, 27 июня 1870 г.

...Что касается настойчивых запросов Мейснера о втором томе *, то работа над ним прерывалась в течение всей зимы не только из-за моей болезни. Я нашел нужным всерьез приняться за русский язык, так как при рассмотрении аграрного вопроса невозможно обойтись без изучения по первоисточникам отношений земельной собственности в России...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 572

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 5 июля 1870 г.

...Лафарг известил меня, что один молодой русский, Лопатин, привезет от него рекомендательное письмо. Лопатин посетил меня в субботу, я пригласил его на воскресенье (он пробыл у нас с часу дня до двенадцати ночи), а в понедельник уехал обратно в Брайтон, где живет.

Он еще очень молод, два года провел в заключении, а потом восемь месяцев в крепости на Кавказе, откуда бежал. Он сын бедного дворянина

* — «Капитала». *Ред.*

и в Санкт-Петербургском университете зарабатывал себе на жизнь уроками. Живет теперь, очень нуждаясь, переводами на русский язык. Он поселился в Брайтоне, потому что там может два-три раза ежедневно бесплатно — в некотором отдалении от официального пляжа — купаться в море.

Очень ясная, *критическая* голова, веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем, что имеет. Слабый пункт: *Польша.* По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин, — скажем, английский чартист старой школы, — об Ирландии.

Он рассказал мне, что вся история *Нечаева** (23 года) — наглая ложь. Нечаев *никогда* не сидел ни в одной русской тюрьме, русское правительство *никогда* не пыталось его убить и т. д.

Сущность дела такова. Нечаев (один из немногих агентов Бакунина в России) принадлежал к одному тайному обществу. Другой молодой человек, X. **, богач и энтузиаст, поддерживал это общество деньгами через Нечаева. В один прекрасный день X. заявил Нечаеву, что больше не даст ни копейки, так как не знает, на что идут эти деньги. Г-н Нечаев тогда предложил своим сотоварищам по тайному обществу (может быть, потому, что не мог дать отчета о деньгах) убить X., ибо он может когда-нибудь *в будущем* переменить убеждения и сделаться предателем. *Он его действительно убил.* Правительство, таким образом, преследует Нечаева просто *как* обыкновенного *убийцу.*

В Женеве Лопатин прежде всего потребовал объяснений лично у Нечаева (по поводу его вранья); тот оправдывался политической выгодой от подобной сенсации для так называемого дела. Тогда Лопатин поведал всю историю Бакунину, который сказал Лопатину, что он, как «наивный старик», всему верил. Затем Бакунин потребовал от Лопатина повторить все это в присутствии Нечаева. Лопатин сейчас же отправился вместе с Бакуниным к Нечаеву, где эта сцена повторилась. Нечаев хранил молчание. Пока Лопатин был в Женеве, Нечаев держался весьма скромно, точно набрал воды в рот. Но как только Лопатин уехал в Париж, кривлянье сейчас же снова возобновилось. Вскоре после того Лопатин получил оскорбительное письмо от Бакунина по поводу этого дела. Он ответил ему в еще более оскорбительном тоне. Результат: Бакунин написал письмо — pater, peccavi *** (оно *здесь* у Лопатина), но — изображает себя «легковерным наивным стариком». (Между прочим: Лопатин говорит, что целые фразы Боркхейма абсолютно непонятны и абсолютно бессмысленны по-русски: не только грамматически неправильны, но просто «ничего» не

* Слово «Нечаев» написано Марксом по-русски. *Ред.*

** — И. Иванов. *Ред.*

*** — отче, я согрешил. *Ред.*

значат! А между тем дурак Боркхейм, как он мне сообщил перед моей встречей с Лопатиным, передал через друга Эйххофа свою жалкую стряпню в Берлин одному из тамошних немцев, к услугам которого как переводчика русского языка прибегает берлинская полиция, чтобы получить от него официальное удостоверение в том, что *он* умеет писать по-русски. Талант нашего Годиссара по части бессознательно-комического не превзойден!)

Чернышевский *, как я узнал от Лопатина, был присужден в 1864 г. к восьми годам каторжных работ в сибирских рудниках, следовательно, ему нести эту ношу еще два года. Первый суд был достаточно честен, чтобы заявить, что против него *нет* абсолютно *ничего* и что мнимые инспирированные заговорщические конспиративные письма представляют собой очевидные *фальшивки* (так и было в самом деле). Но *Сенат*, по императорскому приказу, отменил своей верховной властью этот приговор и выслал в Сибирь этого хитрого человека, который «так ловок», как значится в приговоре, что «сохраняет в своих сочинениях неуязвимую с точки зрения закона форму и вместе с тем открыто изливает в них яд». Вот оно, русское правосудие!

Флеровский в лучшем положении. Он лишь в административной ссылке в жалкой дыре между Москвой и Петербургом!

Ты правильно угадал, что *Флеровский — псевдоним*. Но Лопатин говорит, что эта фамилия, хотя нерусская по происхождению, часто встречается среди русских попов (особенно *монахов*, которые считают ее русским переводом слова Fleury ** и питают такую же страсть к благозвучным именам, как и немецкие евреи). Лопатин по призванию — натуралист. Он и изучал естественные науки. Но вел также и коммерческие дела, и было бы счастьем, если бы удалось отыскать для него что-нибудь в этом роде. Я поговорю об этом с Боркхеймом и Полем...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 430—432

МАРКС — И. Ф. БЕККЕРУ

В ЖЕНЕВУ

[Лондон], 2 августа 1870 г.

...Я получил письмо от русских друзей в Женеве ***. Передай им от меня за него благодарность.

* Слово «Чернышевский» написано Марксом по-русски. *Ред.*
** — цветущий. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 172—180. *Ред.*

В самом деле, лучше всего было бы, если бы они написали брошюру о Бакунине, но это надо сделать в *ближайшее время.* В этом случае им не надо присылать мне новых документов о происках Бакунина.

Они спрашивают меня, что делал Бакунин в 1848 году. Во время своего пребывания в Париже в 1843—48 гг. он разыгрывал из себя решительного сторонника социализма. Когда началась революция он отправился в Бреславль * и связался там с *буржуазными демократами,* хлопотал среди них за избрание (во Франкфуртский парламент) *Арнольда Руге*, в то время ярого врага социалистов и коммунистов. Потом — в 1848 г. — он организовал панславистский съезд в Праге [23]. Сами панслависты упрекали его в том, что он вел там двойную игру. Но я этому не верю. Если он и делал там ошибки (с точки зрения его панславистских друзей), то, по моему мнению, только «невольные». В начале 1849 г. Бакунин издал манифест (памфлет) — сентиментальный панславизм! [5] Единственно похвальное, что можно сообщить о его деятельности во время революции, — это его участие в дрезденском восстании в мае 1849 года.

Очень существенно для его характеристики выступление, сделанное им тотчас же после возвращения из Сибири [24]. Об этом достаточно материала в «Колоколе» и в опубликованных в «Zukunft» боркхеймовских «Русских письмах» [25], которые у тебя, наверное, есть. Скажи русским друзьям, что разоблачаемая ими в письме личность ** здесь не появлялась, что их поручение в отношении Боркхейма я выполнил *** и буду очень рад, если кто-нибудь из них приедет сюда. Наконец, я буду им очень благодарен, если они пришлют мне только что *вышедший четвертый том сочинений Чернышевского.* Деньги за него я пришлю им почтой...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 116—117

МАРКС — З. МЕЙЕРУ

В НЬЮ-ЙОРК

[Лондон], 21 января 1871 г.

...В Петербурге выходит полуофициальный *«Архив судебной медицины»* (на русском языке). Один из сотрудничающих в нем врачей поместил в номере за последний квартал статью *«О гигиенических условиях, в которых живет западноевропейский пролетариат»;* в статье автор главным образом — притом с указанием источника — цитирует мою книгу ****. В результате произошло следующее несчастье: цензор получил

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*
** — Серебренников. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 178. *Ред.*
**** — первый том «Капитала». *Ред.*

сильный нагоняй от министра внутренних дел*, главный редактор смещен, а самый номер журнала — все экземпляры, которые еще можно было захватить, — сожжен! [26]

Не знаю, сообщал ли я Вам, что с начала 1870 г. мне пришлось самому заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющую весьма значительный интерес книгу Флеровского «Положение рабочего класса (в особенности крестьян) в России» и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность приговоренного 7 лет тому назад к сибирской каторге [27]). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков. Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 146—147

К. МАРКС

ИЗ ПЕРВОГО НАБРОСКА РАБОТЫ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ»

...После разгрома Пруссии (Тильзитский мир 1807 г.) ее правительство почувствовало, что оно сможет спасти себя и страну только посредством великого социального возрождения (больших перемен). Оно пересадило в Пруссию в незначительных масштабах, в рамках феодальной монархии, результаты французской революции. Оно освободило крестьян и т. д.

После поражения России в Крымской войне, которое в самой стране вскрыло гнилость ее социальной и политической системы, — пусть Россия защитой Севастополя даже спасла свою честь и ослепила иноземные государства своими дипломатическими триумфами в Париже, — ее правительство освободило крепостных и преобразовало всю свою административную и судебную систему. В обеих странах смелые социальные реформы были скованы и ограничены по своему характеру потому, что они были дарованы троном, а не (вместо того, чтобы быть) завоеваны

* — Тимашева. *Ред.*

народом. Тем не менее произошли огромные социальные перемены, уничтожавшие худшие привилегии правящих классов и изменявшие экономическую основу старого общества. В обеих странах почувствовали, что тяжелая болезнь может быть исцелена только героическими средствами. Почувствовали, что победителям можно ответить только социальными реформами, вызвав к жизни элементы народного возрождения...

Написано в апреле — мае 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17, стр. 520—521

МАРКС — ДОЧЕРЯМ ЖЕННИ, ЛАУРЕ И ЭЛЕОНОРЕ

В БАНЬЕР-ДЕ-ЛЮШОН

[Лондон], 13 июня 1871 г.

...Я получил из С.-Петербурга весьма ценные книги и весьма дружеские письма, в которых мне делаются всевозможные предложения *.

Лавров (не Аноров) — довольно хороший малый, не без способностей, но он зря потерял время и испортил себе мозги из-за того, что в течение последних 20 лет читал главным образом немецкую литературу (философскую и пр.) этого периода, — самый скверный сорт из всей существующей литературы. По-видимому, он воображал, что раз эта литература немецкая, то она непременно должна быть и «научной»...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 194

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕЧАЕВЫМ ИМЕНЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Международное Товарищество Рабочих

Конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету заявить публично:

что *Нечаев* никогда не был ни членом, ни представителем Международного Товарищества Рабочих;

* См. настоящий сборник, стр. 196. *Ред.*

что его утверждение *, будто он основал секцию Интернационала в Брюсселе и был направлен брюссельской секцией с поручением в Женеву, является ложью;

что упомянутый Нечаев злоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву.

По поручению Генерального Совета

14 октября 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17, стр. 440

МАРКС — Г. ЮНГУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 19 октября 1871 г.

...Пожалуйста, напишите Утину несколько строк (их должен передать Форестье) и попросите его:

1) Прислать мне (заказным письмом) *паспорт*, который он обещал;

2) Попросите его немедленно сообщить мне, знает ли он что-нибудь о новой Славянской секции в Цюрихе [28]. Среди подписавшихся там я нашел имена: А. Дубова, Гаспара Турского, Мануйло Хрвачанина.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 255

МАРКС — Ф. А. ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

[Лондон], 23 мая 1872 г.

...В Петербурге вышел в свет превосходный русский перевод [14]. *Русская* социалистическая газета «Die Neue Zeit» ** (так в немецком переводе, газета выходит на русском языке) поместила недавно весьма хвалебную передовую статью на 5 столбцах о моей книге; статья эта, однако, должна была служить лишь введением к ряду других статей [29]. За это газета получила от полиции предостережение — ее пригрозили закрыть...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 395

* В немецком тексте, опубликованном в газете «Volksstaat» вставлено: «(ставшее известным благодаря политическому процессу в Санкт-Петербурге)». *Ред.*

** — «Новое время». *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — И. Ф. БЕККЕРУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 14 июня 1872 г.

...Русский перевод * уже вышел [14]; он очень хорош. Что касается русских вообще, то существует огромная разница между ранее приехавшими в Европу русскими дворянами-аристократами, к которым принадлежат Герцен и Бакунин и которые все шарлатаны, и теми, кто приезжает теперь, — выходцами из *народа.* Среди последних есть люди, которые по своим дарованиям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; парни, у которых выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 411

МАРКС — Ф. А. ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

[Лондон], 21 июня 1872 г.

...В России уже совсем готовые отпечатанные книги до их поступления в продажу представляются в цензуру, которая, если не желает пропустить их в продажу, обязана возбудить судебный процесс.

Относительно русского перевода моей книги * (который выполнен мастерски) мне пишут из России:

«В цензуре книгу просматривали два цензора, и их заключение о ней было представлено цензурному комитету. Еще до просмотра было принципиально решено не задерживать эту книгу только из-за имени автора, но тщательно изучить, насколько ее содержание действительно соответствует ее заглавию. Вот вкратце сущность заключения, единогласно принятого цензурным комитетом и представленного им на усмотрение Главного управления:

«Хотя автор по своим взглядам убежденный социалист и вся книга носит вполне определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее отнюдь не может быть названо общедоступным и понятным для всякого и что, с другой стороны, способ доказательства автора облечен повсюду в строго математическую научную форму, комитет находит невозможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию»» **.

На этом основании было разрешено выпустить книгу в свет. Она напечатана в 3 000 экземпляров. В России поступила в продажу 27 марта, а к 15 мая было уже продано 1 000 экземпляров...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 414—415

* — первого тома «Капитала». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 274—275. *Ред.*

181

лентомъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ трудомъ, гдѣ, во-первыхъ, каждое отдѣльное хозяйство входитъ въ мѣновыя отношенія съ другими хозяйствами не иначе какъ подъ условіемъ сообщенія своему продукту характера товара, гдѣ, во-вторыхъ, извѣстная средняя закономѣрность и планомѣрность хозяйственнаго строя выполняются единственно путемъ безконечнаго ряда повѣрокъ и оцѣнокъ,—трудъ становится общественнымъ непремѣнно при посредствѣ соотношеній между нимъ и продуктами и непремѣнно при посредствѣ всеобщаго эквивалента. Здѣсь отношеніе между продуктами прикрываетъ собою отношеніе между отдѣльными работами и поэтому является въ формѣ относительной цѣнности; тамъ отношеніе между отдѣльными работами хотя и приводится въ извѣстность, но остается непосредственнымъ. Здѣсь каждый отдѣльный родъ труда не имѣетъ непосредственно общественной формы, но долженъ еще пріобрѣсти ее съ помощью превращенія въ такой продуктъ, которому природой отношеній присвоивается форма, годная для сравненія мѣновыхъ пропорцій остальныхъ продуктовъ; тамъ всякій трудъ носитъ непосредственно общественную форму, т. е. форму непосредственно годную для сравненія съ такою-же другихъ работъ. По отношенію къ изолированному хозяйству слово цѣнность можетъ означать только трудъ, по отношенію къ ряду хозяйствъ съ раздѣленнымъ трудомъ оно означаетъ трудъ, выраженный въ числѣ единицъ другаго продукта, и принимаетъ названіе относительной, а въ высшей своей формѣ, представляемой деньгами,—мѣновой цѣнности. Оуэновы «рабочія деньги», т. е. листки бумаги, служащіе удостовѣреніемъ, что предъявитель ихъ выполнилъ извѣстное количество труда, суть столь-же мало деньги, говоритъ Марксъ, какъ и театральныя марки. Такое удостовѣреніе опредѣляетъ только индивидуальную часть производителя въ общемъ трудѣ и въ общемъ продуктѣ. Оно предполагаетъ существованіе непосредственно общественнаго труда въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ продукты сбываются, т. е. получаютъ назначеніе не иначе, какъ въ формѣ товаровъ. Товарная форма не мыслима безъ существованія особаго продукта, въ потребительной цѣнности котораго или въ натуральной формѣ выражается трудъ, заключенный во всѣхъ другихъ продуктахъ.

Другое важное различіе касается денегъ и обыкновенныхъ товаровъ. Не имѣя возможности останавливаться на подробномъ развитіи понятія денегъ у различныхъ экономистовъ, мы ограничимся лишь крат-

Н. И. Зибер. — Страница книги Н. И. Зибера «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» с пометками К. Маркса

К. МАРКС

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОГО ТОМА «КАПИТАЛА»

...Континентальная революция 1848 г. отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский [30].

...Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге [14]. Издание в 3000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» [31] показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

...Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436) [32], находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен.

...Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод.

Написано 24 января 1873 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 23, стр. 17—18, 19, 21

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ РАБОТЫ «АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ»

...В 1861 г. в ответ на фискальные меры, имевшие целью не допустить неимущую молодежь к высшему образованию, и на дисциплинарные мероприятия, стремившиеся подчинить ее произволу полиции, студенты

выразили энергичный и единодушный протест, который с их собраний был вынесен на улицу и вылился во внушительные манифестации. Санкт-Петербургский университет после этого на некоторое время закрыли, а студенты были заключены в тюрьму или сосланы. Такое поведение правительства толкнуло молодежь в тайные общества, что для значительного числа их членов окончилось, разумеется, тюрьмой, изгнанием, ссылкой в Сибирь. Другие, чтобы обеспечить неимущим студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать больше правительству никакого повода к закрытию этих касс, организация которых допускала для решения деловых вопросов проведение небольших собраний. Эти деловые собрания заодно давали возможность обсуждать политические и социальные вопросы. Русская учащаяся молодежь, состоящая большей частью из детей крестьян и прочего неимущего люда, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что мечтала уже о немедленном их осуществлении. С каждым днем это движение все больше разрасталось в учебных заведениях и вливало в русское общество массу неимущей, вышедшей из простого народа, образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи. Идейным вдохновителем этого движения был Чернышевский, в настоящее время находящийся в Сибири [27]. Вот тогда-то Нечаев, используя престиж Интернационала и пыл этой молодежи, попытался убедить студентов в том, что не время больше заниматься такими пустяками, когда существует огромное, входящее в Интернационал тайное общество, разжигающее пламя всемирной революции и готовое к немедленным действиям в России. Ему удалось обмануть нескольких молодых людей и вовлечь их в уголовные преступления, которые дали полиции повод разгромить все это движение учащихся, столь опасное для официальной России...

Написано в апреле — июле 1873 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18, стр. 389

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ХАРРОГЕТ

[Лондон], 29 ноября 1873 г.

Дорогой Мавр!

Лопатин вчера вечером снова уехал в Париж, он намерен вернуться через 1—2 месяца, к этому времени и Лавров переберется сюда со своей типографией, если, на что я обратил особое внимание Лопатина, не переменит решения из-за расходов.

Лопатин и Утин никогда, пожалуй, не станут очень близкими друзьями, их характеры мало подходят друг к другу, и впечатление от их первой холодной встречи в Женеве еще не изгладилось. К тому же Лопатин, оставаясь большим русским патриотом, считает «русское дело» * все еще чем-то особым, не касающимся Запада; он, по-видимому, не очень-то благодарен Утину за то, что последний посвятил нас во все тайны. Вдобавок Лопатин только что прошел через руки Лаврова и, только что явившись из сибирского одиночества [33], конечно, должен быть в известной мере восприимчив к его слащавому примиренчеству.

С другой стороны, все русские эмигрантские дела неприятны ему до крайности, и он больше не хочет иметь с ними ничего общего, тогда как Утин, несмотря на свою вражду к этой банде и вследствие этой вражды, все еще по уши погружен в эту склоку и придает значение всякой ерунде, — так, он очень сердится по поводу того, что Лопатин хочет печатать известную тебе рукопись Чернышевского [34] не у Трусова, а у Лаврова, так как это, мол, увеличило бы их престиж!

По-моему, также не имеет большого значения то, что Лопатин считает, например, Элпидина не законченным мошенником, а простым ослом; хотя как раз из-за нескромности этого самого Элпидина по отношению к некоему Федецкому или Фелецкому и болтовни последнего русское правительство было осведомлено о пребывании Лопатина в Иркутске и арестовало его.

Когда Лопатин прибыл в Иркутск, Чернышевский находился «совсем близко оттуда», то есть за 700—800 английских миль, у Нерчинска, но был немедленно отправлен в Средневилюйск, севернее Якутска, на 65° широты, где его общество кроме туземных тунгусов составляют только сторожащие его унтер-офицеры и 2 солдата.

Лопатин, после своего побега в июле, скрывался еще месяц в Иркутске, в последнее время в доме того самого человека, которому было специально поручено обнаружить его убежище; затем, переодетый крестьянином, отправился как возница на собственной телеге в Томск, оттуда пароходом; от Тобольска на почтовых и напоследок по железной дороге в Петербург, все время в одежде крестьянина; здесь он скрывался еще месяц, пока спокойно не переехал границу по железной дороге.

В переводе «Капитала» * главы 2—5 (включая «Машины и крупная промышленность») принадлежат ему, следовательно, значительная часть [14]. Теперь он переводит английские вещи для Полякова.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 80—81

* Слова «русское дело», «переводе «Капитала»» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СЕРИИ СТАТЕЙ «ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

III [35]

В Лондоне выходит на русском языке непериодическое обозрение под названием «Vpered» («Вперед»). Оно редактируется одним высокоуважаемым русским ученым, назвать которого запрещает нам господствующий в русской эмигрантской литературе строгий этикет. Даже те русские, которые выдают себя за форменных революционных людоедов, которые объявляют изменой революции уважение к чему бы то ни было, даже они в своей полемике почтительно соблюдают видимость анонимности, притом с щепетильностью, подобную которой можно встретить лишь в английской буржуазной прессе; они соблюдают эту видимость даже тогда, когда она, как в данном случае, становится комичной, поскольку вся русская эмиграция и русское правительство прекрасно знают имя этого человека. Нам, конечно, и в голову не приходит разбалтывать без всяких оснований столь строго соблюдаемую тайну; но так как у каждого ребенка должно быть имя, то редактор «Вперед», надеемся, простит нам, если мы в этой статье будем называть его, ради краткости, излюбленным русским именем *Петр*.

По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее: испытайте все и сохраните наилучшее! Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет обе эти стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория в этом отношении примерно так же хороша и так же дурна, как и всякая другая, и, следовательно, было бы глупо с этой точки зрения горячиться, отстаивая или отрицая ту или иную. С этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собой должны казаться чистейшей нелепостью, которая может лишь порадовать их врагов. И вполне понятно, что человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех этих взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага. Это тем более естественно, если человек только что прибыл из России, где рабочее движение, как известно, достигло такого гигантского развития.

Поэтому «Вперед» всячески увещевает всех социалистов хранить согласие или, по меньшей мере, избегать всяких *публичных* раздоров. Когда

попытки бакунистов посредством фальшивых махинаций, обмана и лжи подчинить Интернационал своему господству вызвали пресловутый раскол в этом Товариществе, — «Вперед» и тогда взывал к единству. Этого единства, конечно, можно было достигнуть, лишь отдавшись сразу на волю бакунистов и предав Интернационал, связанный по рукам и ногам, их тайному заговору. Люди были достаточно честны, чтобы не поступить так; перчатка была поднята; Гаагский конгресс вынес свое решение, выбросил вон бакунистов и постановил опубликовать документы, оправдывающие это исключение.

Велики были сетования редакции «Вперед» по поводу того, что возлюбленному «единству» не было принесено в жертву все рабочее движение. Но еще больше был ужас, когда компрометирующие бакунистские документы действительно появились в отчете комиссии (см. «Заговор против Интернационала» *, немецкое издание, Брауншвейг, Бракке). Предоставим слово самому «Вперед».

«Это издание... носит на себе характер желчной полемики противу личностей, стоящих в первых рядах федералистов... содержание его оказалось полным частных фактов, которые не могли быть собраны иначе, как по слухам, и, следовательно, достоверность которых не могла быть неоспоримою для составителей» [36].

И чтобы доказать людям, выполнившим постановление Гаагского конгресса, какое огромное преступление они совершили, «Вперед» указывает на фельетон некоего Карла Талера в «Neue Freie Presse», фельетон,

«вышедший из буржуазного лагеря и заслуживающий особенного внимания, потому что он яснее всего показывает, какое значение для общих врагов рабочего сословия, для буржуазии и государства могут иметь взаимно-обвинительные памфлеты борцов за власть в среде рабочих».

Заметим прежде всего, что бакунисты названы здесь просто *«федералистами»*, в противоположность мнимым *централистам*, словно бы автор верил в эту несуществующую, изобретенную бакунистами противоположность. Ниже будет показано, что этого на самом деле нет. Заметим, во-вторых, что из фельетона, написанного по заказу такой продажной буржуазной газеты, как венская «Neue Freie Presse», автор выводит заключение, что *подлинным* революционерам не следовало разоблачать *показных* революционеров, потому что эти взаимные обвинения доставляют удовольствие буржуазии и правительствам. А по-моему, «Neue Freie Presse» и вся эта шайка газетчиков может написать хоть десять тысяч фельетонов, и это не окажет ни малейшего влияния на поведение немецкой рабочей партии. Всякая борьба заключает в себе такие моменты, когда нельзя не доставить врагу некоторого удовольствия, если не хочешь

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

иначе причинить самому себе положительный вред. К счастью, мы так далеко продвинулись вперед, что можем доставить противнику такое частное удовольствие, если этой ценой добиваемся действительных успехов.

Но главное обвинение заключается в том, что отчет полон «частных фактов, достоверность которых не могла быть неоспоримой для составителей», ибо факты эти могли быть собраны только по слухам. Но откуда друг Петр знает, что такое общество, как Интернационал, имеющее свои регулярно работающие органы во всем цивилизованном мире, может собрать такого рода факты только по слухам, — этого он не объясняет. Его утверждение во всяком случае крайне легкомысленно. Факты, о которых идет речь, подтверждены подлинными документами, и затронутые ими лица не решились их оспаривать.

Но друг Петр держится того взгляда, что частные факты, как и частные письма, священны и не подлежат огласке в политических спорах. Если применять это правило так безусловно, то тем самым придется запретить вообще писать историю. Отношение Людовика XV к Дюбарри или к Помпадур было частным делом, но без него непонятна вся предыстория французской революции. Или же, обращаясь ближе к современности: если какую-нибудь невинную Изабеллу выдают замуж за человека, который, по свидетельству сведущих людей (например, асессора Ульриха), не терпит женщин и влюбляется поэтому исключительно в мужчин; если она, пренебрегаемая, берет мужчин где попало, — все это совершенно частное дело. Но если упомянутая невинная Изабелла — королева Испании, а один из молодых людей, которых она держит при себе, — молодой офицер по имени Серрано; если этот Серрано, в награду за свои подвиги, чинимые с глазу на глаз, возводится в фельдмаршалы и в премьер-министры, потом вытесняется и низвергается другим фаворитом, а затем, с помощью других товарищей по судьбе, изгоняет из страны свою неверную подружку и, наконец, после всевозможных приключений, сам становится диктатором Испании и таким большим человеком, что Бисмарк прилагает все усилия к тому, чтобы его признали великие державы, — то в таком случае частная история Изабеллы и Серрано становится главой испанской истории, и если бы кто-нибудь вздумал писать историю современной Испании, сознательно умалчивая перед своими читателями об этом эпизоде, он фальсифицировал бы историю. А когда описывается история такой банды, как Альянс, в которой, наряду с обманутыми, встречается такое множество обманщиков, авантюристов, мошенников, полицейских шпионов, аферистов и трусов, то следует ли фальсифицировать эту историю, сознательно утаивая отдельные подлости этих господ как «частные факты»? Друг Петр может ужасаться сколько угодно, но он может быть уверен, что мы далеко еще не покончили

с этими «частными фактами». Материала накапливается все больше и больше.

Если «Вперед» все же изображает отчет как стряпню, составленную главным образом из частных фактов, то он занимает позицию, которая с трудом поддается квалификации. Человек, который мог написать что-либо подобное, либо вовсе не читал данной брошюры, либо был слишком ограничен или слишком предубежден, чтобы понять ее, либо он сознательно написал неправду. Нельзя прочитать «Заговор против Интернационала», не убедившись в том, что приведенные в нем частные факты составляют там самое несущественное, — иллюстрации для лучшей характеристики упоминаемых в нем лиц, — и что все они могли бы быть вычеркнуты без ущерба для главной цели брошюры. Организация тайного общества с единственной целью подчинить европейское рабочее движение скрытой диктатуре нескольких авантюристов, подлости, совершенные с этой целью, особенно Нечаевым в России, — вот о чем идет речь в книге; и утверждать, что все ее содержание сводится к частным фактам, — мягко выражаясь, безответственно.

Конечно, для некоторых русских могло оказаться роковым, когда так внезапно была вскрыта без прикрас перед Западной Европой грязная — и без сомнения очень грязная — сторона русского движения. Но кто виноват в этом? Кто другой, как не те самые русские, которые представляют эту грязную сторону, которые, не довольствуясь обманом своих собственных соотечественников, осмелились сделать попытку подчинить своим личным целям все европейское рабочее движение? Если бы Бакунин и иже с ним ограничили свои подвиги пределами России, вряд ли кто-нибудь в Западной Европе счел бы нужным специально брать их под обстрел. Об этом позаботились бы сами русские. Но коль скоро эти господа, ни аза не смыслящие в условиях и в ходе развития западноевропейского рабочего движения, вздумали разыгрывать у нас роль диктаторов, — тут уж не до шуток: им просто дают по рукам.

Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет из-за того, что однажды породила шарлатана вроде Бакунина и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют,

могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им. Все это не мешает, однако, «Вперед» закончить свой обзор словами:

«Не знаем, как посмотрят на полученные результаты авторы брошюры. Большинство наших читателей, вероятно, разделит тяжелое чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти печальные явления на наши страницы».

На этом тяжелом чувстве друга Петра заканчивается первая часть нашего рассказа. Вторая начинается со следующего абзаца из того же тома «Вперед»:

«Обрадуем наших читателей и другой вестью того же рода. С нами, в наших рядах, находится и наш известный литератор Петр Никитич Ткачев; после четырех лет заключения, из места ссылки, где он был обречен на бездействие, ему удалось уйти и усилить собою наши ряды».

Кто такой известный литератор Ткачев, мы можем узнать из русской брошюры «Задачи революционной пропаганды в России», которую он сам выпустил в апреле 1874 г. и которая характеризует его как зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлушу Мисника русской революционной молодежи [37]. Он рассказывает нам, как со всех сторон его просили принять участие в журнале «Вперед»; он знал, что редактор — реакционер; тем не менее он счел своим долгом взять «Вперед» под свое покровительство, чего, кстати сказать, от него вовсе не требовалось. По приезде он обнаружил, к своему изумлению, что редактор, друг Петр, присвоил себе право окончательного решения о приеме или отклонении статей. *Такой* недемократический образ действий, разумеется, возмущает его; он сочиняет обстоятельное послание, в котором требует для себя и для всех других сотрудников (которые этого, кстати сказать, вовсе не требовали), «во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических... равенства прав и обязанностей» (с главным редактором) «во всем, что касается литературной и экономической стороны издания».

Здесь сразу обнаруживается та незрелость, которая, правда, не господствует в русском эмигрантском движении, но к которой там относятся более или менее терпимо. Русский ученый, пользующийся большой известностью в своей стране, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь это ему удалось, как без всякого приглашения является первый попавшийся более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, более чем ребячески выставляя условие, чтобы во всех литературных и денежных вопросах ему был предоставлен такой же решающий голос, как и основателю журнала. В Германии его бы просто высмеяли. Но русские не так грубы. Друг Петр прилагает все усилия, чтобы убедить его, тоже

«во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических», в его неправоте — и, разумеется, тщетно. Разобиженный Ткачев, подобно Ахиллу, удаляется в свою палатку и выпаливает оттуда своей брошюрой против друга Петра, которого он называет «философом-филистером».

Докучливо нагромождая бесконечно повторяемые бакунистские фразы о сущности истинной революции, он обличает друга Петра в том преступлении, что последний желает *подготовить* народ к революции, привести его к «ясному пониманию и осознанию своих потребностей». Но кто желает этого, тот вовсе не революционер, а сторонник мирного прогресса, то есть реакционер, друг «бескровных революций в немецком вкусе». Истинный революционер «признает народ всегда готовым к революции»; кто в это не верит, тот не верит в народ, а вера в народ «составляет нашу силу». Для тех, кто в этом не убежден, автор цитирует изречение Нечаева, этого «типического представителя нашей современной молодежи». Друг Петр говорит, что мы должны ждать, пока народ будет готов к революции, — «но мы не можем и не хотим ждать», истинный революционер тем и отличается от философа-филистера, что он «считает себя вправе в любое время призвать народ к революции». И так далее.

У нас, на европейском Западе, всем этим ребячествам положили бы конец простым ответом: если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?

Но у наших русских так просто дело не делается. Друг Петр находит, что ребяческие, скучные, противоречивые, вращающиеся в порочном кругу рассуждения г-на Ткачева могут возыметь на русскую молодежь совращающую притягательную силу Венериной горы, и он, как верный Эккарт этой молодежи, выпускает против этих рассуждений послание, полное предостережений, на шестидесяти страницах убористой печати [38]. Он излагает там свои собственные взгляды на сущность революции, исследует со всей серьезностью, готов ли народ к революции или нет, имеют ли революционеры право, и при каких условиях, призывать его к революции и другие тому подобные мудрствования, которые в столь общей форме имеют приблизительно такую же ценность, как исследования схоластов о деве Марии. Сама «революция» становится при этом чем-то вроде девы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие разворачивается не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз.

Но при этом друг Петр впадает в трагическое противоречие с самим собой. Он, проповедник единства, противник всякой полемики, всяких

«взаимно-обвинительных памфлетов» внутри революционной партии, не может, конечно, выполнить своих обязанностей Эккарта, не вступая также в полемику, не может ответить на обличения своего противника, не обличая также его. С каким «тяжелым чувством» совершается это «печальное явление», — друг Петр расскажет нам сам. Его брошюра начинается так:

«Из двух зол приходится выбирать меньшее.

Я очень хорошо знаю, что вся эта эмигрантская литература, состоящая из взаимно-обвинительных брошюр, полемики о том, кто настоящий и кто не настоящий друг народа, и кто искренен и кто неискренен, и кто именно действительный представитель русской молодежи, заправской революционной партии, — вся эта литература личного сора русской эмиграции и читателям надоела, и в деле революционной борьбы не имеет никакого значения, и может быть всего более приятна лишь нашим врагам... Знаю это и все-таки нахожу, что мне *надо* написать эти страницы, надо увеличить собственною рукою на одну единицу количество этой жалкой литературы, на скуку читателям, на радость врагам... Надо, потому что из двух зол приходится выбирать меньшее».

Превосходно. Но как же так случилось, что друг Петр, развивающий в журнале «Вперед» столько истинно христианской терпимости и требующий ее от нас по отношению к разоблаченным нами мошенникам, — мошенникам, которых, как мы увидим, он знает так же хорошо, как и мы, — как же случилось, что по отношению к авторам отчета у него не нашлось ни капли терпимости, чтобы спросить себя, не пришлось ли и им тоже... из двух зол выбирать меньшее? Как это случилось, что ему понадобилось обжечься самому, прежде чем он понял, что может произойти и большее зло, чем немного острой полемики против людей, которые под прикрытием мнимореволюционной деятельности стремились сфальсифицировать и свести на нет все европейское рабочее движение?

Будем, однако, снисходительны к другу Петру, — судьба обошлась с ним довольно сурово. Не успел он, с полным сознанием вины, сделать то же самое, что́ он ставит в укор нам, как Немезида повела его дальше и принудила его доставить г-ну Карлу Талеру новый материал для очередного фельетона в «Neue Freie Presse».

«Или, может быть», — вопрошает он всегда готового к восстанию Ткачева, — «ваша агитация уже совершила свое дело? Может быть, ваша организация готова? Готова? Точно готова? И не есть ли это знаменитый таинственный комитет «типических» революционеров, комитет из двух человек, посылающий декреты? Нашей молодежи столько лгали, ее столько надували, ее доверием так злоупотребляли, что не сразу она поверит в готовность революционной организации».

Русский читатель не нуждается, конечно, в пояснении, что эти «два человека» — Бакунин и Нечаев. Далее:

«Но есть люди, которые заявляют, что они друзья народа, приверженцы социальной революции, и в то же время вносят в свою деятельность ту лживость и неискренность, которые я назвал выше «отрыжкой старого общества»... Эти люди пользовались раздражением приверженцев нового строя против несправедливости старого и выставили начало: все средства годны для борьбы. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили. Они готовы были лгать всем и каждому, лишь бы организовать довольно сильную партию, как будто сильная социально-революционная партия могла составиться вне искренней солидарности ее членов! Они готовы были разжигать в народе старые страсти хищничества и наслаждения без труда... Они готовы были эксплуатировать своих друзей и товарищей, лишь бы сделать их орудиями своих планов; они готовы были на словах защищать полнейшую независимость и автономию личностей и кружков, организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овечьему неосмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплуататоров и эксплуатируемых, группа людей, отрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедуют на словах!»

Невероятно, но факт: эти строки, как две капли воды похожие на выдержку из «Заговора против Интернационала», написаны тем же человеком, который несколькими месяцами раньше осудил эту брошюру как преступление против общего дела за нападки, вполне совпадающие с вышеприведенными строками и направленные против тех же самых людей. Теперь мы можем быть удовлетворены.

Если же мы вернемся теперь к г-ну Ткачеву, с его великими притязаниями и абсолютно ничтожными достижениями, и к небольшой беде, постигшей в этом деле нашего друга Петра, то наступит наш черед сказать:

«Не знаем, как посмотрят авторы на полученные результаты. Большинство наших читателей, вероятно, разделит то «веселое» чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти «своеобразные» явления на наши страницы».

Однако шутки в сторону. Множество странных явлений, происходивших в русском движении, объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгой за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских. Они усердно распространяли мнение, будто даже грязные стороны русского движения следует — в интересах самого движения — утаивать от Запада; кто сообщает Европе о русских делах, — поскольку они неприятного свойства, — тот предатель. Теперь этому наступил конец. Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов. Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под

контролем остальной Европы. Никому не пришлось так тяжко поплатиться за прежнюю замкнутость, как им самим. Если бы не эта замкнутость, их нельзя было бы годами так позорно дурачить, как делали это Бакунин и иже с ним. И больше всего пользы от критики со стороны Запада, от взаимного международного воздействия различных западноевропейских движений на русское и обратно, от осуществляющегося, наконец, слияния русского движения с общеевропейским извлекут сами русские.

IV [39]

Читателям «Volksstaat» не повезло. Некоторые из них, вероятно, еще помнят, что в своей последней статье об эмигрантской литературе (№№ 117 и 118) я рассматривал отдельные выдержки из русского журнала «Вперед», а также одну брошюру, написанную его редактором. При этом был совершенно мимоходом упомянут некий г-н Петр Ткачев, который выпустил против упомянутого редактора брошюрку и которым я занимался лишь постольку, поскольку этого нельзя было избежать. По форме и по содержанию его бессмертного творения я характеризовал автора как «зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлушу Мисника русской революционной молодежи», и выразил сожаление редактору «Вперед» по поводу того, что он считает нужным возиться с подобным противником. Но вскоре мне пришлось почувствовать, что мальчик Карл начинает угрожать и мне, что он и меня втягивает в полемику с собой. Он выпускает *«Открытое письмо Петра Ткачева г-ну Фридриху Энгельсу»*. Цюрих, типография «Tagwacht», 1874 [40]. К тому, что в этом письме мне приписываются всевозможные вещицы, которых, как должно быть известно г-ну Ткачеву, я никогда не высказывал, — к этому я отнесся бы равнодушно; но то, что г-н Ткачев дает немецким рабочим совершенно превратное представление о положении дел в России, дабы оправдать таким образом деятельность бакунистов по отношению к России, — это заставляет выступить с возражениями.

Г-н Ткачев все время изображает себя в своем открытом письме представителем русской революционной молодежи. Он утверждает, будто я «давал советы... русским революционерам, уговаривая их заключить со мной (!) союз»; в то же время я будто бы изобразил «представителей русской революционной партии за границей», их стремления и их литературу «в самом невыгодном свете перед немецкими рабочими». Он говорит: «Вы выражаете *нам, русским,* ваше глубочайшее презрение потому что *мы,* по-вашему, так «глупы» и «незрелы» и т. д., «зеленые гимназисты, как вы изволите *нас* называть», — а в заключение следует неизбежный козырь: «Высмеивая *нас,* вы сослужили хорошую службу нашему

общему врагу, российскому государству». На него, на самого г-на Ткачева, я будто бы «обрушился со всевозможными ругательствами».

Петр Никитич Ткачев знает лучше, чем кто бы то ни было, что во всем этом нет ни слова правды. Во-первых, в указанной статье я не возлагал ответственности за изречения г-на Ткачева ни на кого, кроме самого г-на Ткачева. Мне никогда и в голову не приходило видеть в нем представителя русских революционеров. Если он сам себя так величает, а мои слова о зеленых гимназистах и прочие любезности сваливает с себя на них, то я должен решительно протестовать против этого. Среди русской революционной молодежи, естественно, встречаются, как и повсюду, люди самого различного нравственного и умственного калибра. Но в среднем, — если даже принять во внимание все различие эпох и существенную разницу в окружающей среде, — она все же стоит, несомненно, гораздо выше, чем стояла когда-либо наша немецкая учащаяся молодежь, даже в лучшую ее пору, в начале тридцатых годов. Никто, кроме его самого, не дал г-ну Ткачеву права говорить от имени всех этих молодых людей в целом. И, хотя он и показал себя на сей раз настоящим бакунистом, все же я пока еще сомневаюсь, имеет ли он право выступать даже как представитель тех нескольких русских бакунистов, о которых я писал, что это «несколько незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга». Но если бы он и представлял их, это все же было бы только новым изданием старой истории о трех портных с лондонской Тули-стрит, выпустивших прокламацию: «Мы, народ Англии, заявляем» и т. д.*. Итак, надо прежде всего констатировать, что «русские революционеры», как и прежде, тут ни при чем и что вместо ткачевского «мы» нам следует везде читать «я».

Оказывается, я ему «давал советы»! Мне об этом ровно ничего неизвестно. *Пинки,* Петр Никитич, я, может быть, попутно и давал, но *советы?*** Будьте любезны представить доказательства.

Оказывается, я уговаривал его или ему подобных заключить со мной союз и это — в конце моей последней статьи. Я дам г-ну Ткачеву десять марок бисмарковской имперской монетой, если он это докажет.

Оказывается, я утверждал, что он «глуп» — он ставит это слово в кавычки. Хотя я не хочу отрицать, что блеск его таланта, — поскольку вообще об этом может идти речь, — в обоих этих сочинениях лежит под спудом, все же каждый может убедиться, что в моей статье слово «глупый» *не встречается ни разу.* Но там, где нет другого выхода, господа бакунисты прибегают к фальшивым цитатам.

* Бьюсь об заклад, что г-н Ткачев скажет, что этим анекдотом я совершил измену пролетариату, «изображая в смешном виде» портных как таковых.

** Игра слов: «Schläge» — «удары», «пинки»; «Rathschläge» — «советы». *Ред.*

Далее оказывается, что я над ним «насмехался» и представил его «в смешном виде». Заставить меня принять его брошюру всерьез г-ну Ткачеву, конечно, никогда не удастся. Мы, немцы, имеем репутацию людей скучных и частенько вполне ее заслуживаем. Но ведь это не налагает на нас обязательства быть при всех обстоятельствах столь же скучными и торжественными, как бакунисты. Немецкое рабочее движение, благодаря партизанской войне с полицией, прокуратурой и тюремными сторожами, приобрело своеобразно-юмористический характер; зачем же мне изменять ему? Никто не возбраняет и г-ну Ткачеву по мере сил своих осмеять меня и выставить в смешном виде, не приписывая мне, однако, небылиц.

Затем следует бесподобное обвинение: представив г-на Ткачева в свете, вполне достойном его и его произведений, я тем самым «оказал хорошую услугу нашему общему врагу, российскому государству». В другом месте говорится в том же духе, что, изображая его так, как я его изобразил, я нарушаю «основные принципы программы Международного Товарищества Рабочих»! Здесь перед нами подлинный бакунист. Эти господа, как истые революционеры, позволяют себе по отношению к нам все, что угодно, в особенности когда это можно сделать исподтишка, но попробуйте говорить *о них* без высочайшей почтительности, попробуйте вывести на свет *их* проделки, критиковать *их* и их пустозвонство, — и вы служите русскому царю и нарушаете основные принципы Интернационала. Дело обстоит как раз наоборот. Услугу русскому правительству оказывает не кто иной, как сам г-н Ткачев. Будь у русской полиции побольше ума, она взялась бы за массовое распространение брошюры этого господина в России. С одной стороны, вряд ли могла бы она найти лучшее средство дискредитировать русских революционеров, представителем которых выставляет себя автор, в глазах всех разумных людей. А с другой стороны, всегда возможно, что некоторые славные, но неопытные молодые люди позволили бы г-ну Ткачеву увлечь их на путь опрометчивых действий и сами таким образом попались бы в сети.

Г-н Ткачев говорит, что я «обрушился на него со всевозможными ругательствами». Но известный вид ругани, так называемая инвектива, является одним из наиболее выразительных риторических приемов, который применяется в случае надобности всеми великими ораторами и которым сильнейший английский политический писатель, Уильям Коббет, владел с мастерством, вызывающим до сих пор восхищение и служащим недосягаемым образцом. И г-н Ткачев тоже «ругается» в своей брошюре довольно изрядно. Поэтому, *если бы* я и ругался, то это обстоятельство само по себе отнюдь нельзя было бы поставить мне в вину. Но поскольку я вовсе не впадал в риторику по отношению к г-ну Ткачеву, так

как отнюдь не принимал его всерьез, то я никак *не мог* и ругать его. Посмотрим же, чтó я сказал о нем.

Я назвал его «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Незрелость может относиться к характеру, уму и знаниям. Что касается незрелости характера, то я пересказал следующим образом рассказ самого г-на Ткачева:

«Русский ученый, пользующийся большой известностью в своей стране, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь это ему удалось, как без всякого приглашения является первый попавшийся более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, более чем ребячески выставляя условие, чтобы во всех литературных и денежных вопросах ему был предоставлен такой же решающий голос, как и основателю журнала. В Германии его бы просто высмеяли».

Дальнейших доказательств незрелости характера мне после этого приводить незачем. Незрелость ума будет вполне доказана приведенными ниже цитатами из брошюры г-на Ткачева. Что же касается знаний, то спор между журналом «Вперед» и г-ном Ткачевым вращается большей частью вокруг следующего вопроса: редактор журнала «Вперед» требует, чтобы русская революционная молодежь чему-нибудь училась, обогащала себя серьезными и основательными знаниями, выработала способность критически мыслить правильными методами, работала в поте лица своего над саморазвитием и самообразованием. Г-н Ткачев с отвращением отвергает подобные советы:

«Я не могу удержаться, чтобы не выразить снова и снова того чувства глубокого негодования, которое они всегда возбуждали во мне... Учитесь! Приобретайте знания! О боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям. Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать?» (подразумевается, с революцией). «Имеем ли мы право тратить время на образование?» (стр. 14). «Знания — необходимое условие мирного прогресса, но они совсем не необходимы для революции» (стр. 17) [41].

Если г-н Ткачев уже при простом призыве к учебе проявляет глубокое негодование, если он объявляет всякие знания излишними для революционера, если к тому же во всем своем сочинении он не обнаруживает ни малейших следов каких-либо знаний, то этим он сам выдает себе свидетельство в незрелости, а я ведь только это и констатировал. Но тот, кто сам выдает себе такое свидетельство, может, по нашим понятиям, стоять *самое большее* на ступени развития гимназиста. Указав ему эту наивысшую из возможных ступеней, я, стало быть, отнюдь не обругал его, а оказал ему, может быть, даже слишком много чести.

Я сказал далее, что рассуждения г-на Ткачева являются ребяческими (доказательства этому — цитаты в настоящей статье), скучными (этого, вероятно, не будет отрицать сам автор), противоречивыми (как показал ему редактор журнала «Вперед») и вращающимися в порочном кругу (что тоже верно). Затем я говорю о его великих притязаниях (о которых я рассказал с его собственных слов) и абсолютно ничтожных достижениях (как это более чем достаточно показывает данная статья). Где же ругательства? Если я сравнил его с Карлушей Мисником, любимейшим гимназистом Германии и одним из популярнейших немецких писателей, то это ведь никак не ругательство. Впрочем, стоп! Не выразился ли я о нем, что он удалился, как Ахилл, в свою палатку и выпалил оттуда своей брошюрой против журнала «Вперед»? Вот где видимо зарыта собака. От человека, которого приводит в ярость одно уж слово учеба и который смело может избрать себе девизом стихи Гейне:

«И все свое невежество
Он сам приобретал» *, —

от такого человека вполне можно ожидать, что имя Ахилл встречается ему здесь впервые. А так как я упоминаю Ахилла в связи с «палаткой» и «выпаливанием», то г-н Ткачев мог вообразить, что этот Ахилл — русский унтер-офицер или турецкий башибузук и что я, следовательно, нарушаю правила приличия, обзывая его Ахиллом. Но я могу заверить г-на Ткачева, что тот Ахилл, о котором я говорю, был величайшим героем греческих сказаний и что его уход в свою палатку послужил сюжетом грандиознейшей героической поэмы всех времен, Илиады; это подтвердит ему даже г-н Бакунин. Если это мое предположение окажется правильным, то я, разумеется, буду вынужден заявить, что г-н Ткачев *не является* гимназистом.

Далее г-н Ткачев говорит:

«Несмотря на все это, я позволил себе, однако, высказать убеждение, что социальную революцию легко можно вызвать... Если так легко ее вызвать, замечаете вы, то почему же вы этого не делаете, а только болтаете об этом? — Вам это представляется смешным, ребяческим поведением... Я и мои единомышленники убеждены, что осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений, что в любой момент можно поднять русский народ на всеобщий революционный протест» (!). «Это убеждение обязывает нас, правда, к определенной практической деятельности, но оно ни в малейшей степени не противоречит полезности и необходимости литературной пропаганды. Недостаточно того, что *мы* в этом убеждены; мы хотим, чтобы и другие разделяли с нами это убеждение. Чем больше у нас будет единомышленников, тем сильнее мы себя будем чувствовать, тем легче нам будет разрешить задачу практически».

* *Гейне.* «Кобес I». *Ред.*

Да ведь это прямо великолепно! Это звучит так мило, так рассудительно, так благонравно, так убедительно. Это звучит совсем так, словно бы г-н Ткачев написал свою брошюру лишь для того, чтобы доказать полезность литературной пропаганды, а я, нетерпеливый желторотый птенец, ответил ему: к черту литературную пропаганду, пора уж поднимать восстание! — Ну, а как же обстоит дело в действительности?

Г-н Ткачев начинает свою брошюру прямо с того, что выносит журнальной пропаганде (а ведь это — наиболее действенный вид литературной пропаганды) вотум недоверия, заявляя, что на нее не следует «тратить слишком много революционных сил», ибо «при нецелесообразном употреблении она приносит несравненно больше вреда, чем та польза, которую она могла бы принести при употреблении целесообразном». Так высоко ценит наш г-н Ткачев литературную пропаганду вообще. Но в частности, когда хочешь заниматься такой пропагандой, когда хочешь вербовать себе единомышленников, — тогда одних декламаций мало: приходится заняться обоснованием и, стало быть, подходить к вопросу теоретически, то есть в конечном счете научно. По этому поводу г-н Ткачев заявляет редактору журнала «Вперед»:

> «Ваша философская война, та чисто теоретическая, научная пропаганда, которой предается ваш журнал... с точки зрения интересов революционной партии не только не полезна, но даже вредна».

Как видите, чем глубже мы исследуем воззрения г-на Ткачева на литературную пропаганду, тем больше заходим в тупик, тем меньше понимаем, чего он хочет. В самом деле, чего он собственно хочет? Послушаем дальше.

> «Неужели вы не понимаете, что революционер всегда считает и должен считать себя вправе призывать народ к восстанию; что тем-то он и отличается от философа-филистера, что, не ожидая, пока течение исторических событий само укажет минуту, он выбирает ее сам; что он признает народ всегда готовым к революции (стр. 10)... Кто не верит в возможность революции в настоящем, тот не верит в народ, не верит в его приготовленность к революции (стр. 11)... Вот почему мы не можем ждать, вот почему мы утверждаем, что революция в России настоятельно необходима и необходима именно в *настоящее время;* мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь или очень нескоро, быть может, *никогда* (стр. 16)... Всякий народ, задавленный произволом, измученный эксплуататорами... всякий такой народ (а в таком положении находятся *все* народы) в силу самих условий своей социальной среды — есть революционер; он всегда *может*, он всегда *хочет* сделать революцию; он всегда готов к ней (стр. 17)... Но мы не можем и не хотим ждать (стр. 34)... Теперь не до длинных сборов, не до вечных приготовлений, — пусть каждый наскоро соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь. Вопрос: что делать? нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. — Как? Как кто может и умеет» (стр. 39).

Это показалось мне достаточно ясным. И поэтому я обратился к Карлуше Миснику: уж если иначе никак невозможно, если народ готов к революции и ты — тоже готов, если ты ни за что не хочешь и не можешь дольше ждать, да и не имеешь права ждать, если ты присваиваешь себе право выбрать момент для восстания и если, наконец, вопрос стоит так, что теперь или никогда! — что же, дражайший Карлуша, делай то, от чего ты не можешь отказаться, сделай революцию сегодня же и сокруши российское государство вдребезги, а то как бы ты не натворил, в конце концов, еще бóльших бед!

И что же делает Карлуша Мисник? Бросается ли он в бой? Уничтожает ли русское государство? Освобождает ли русский народ, «этот несчастный народ, истекающий кровью, с терновым венком, пригвожденный к кресту рабства», — народ, страдания которого не позволяют ему больше ждать?

Он и не думает об этом. Карлуша Мисник, со слезами оскорбленной невинности на лице, обращается к немецким рабочим, заявляя: смотрите, что наговаривает на меня негодяй Энгельс; он пишет, что я говорил о немедленном восстании; но ведь речь идет вовсе не об этом, а о том, чтобы вести *литературную пропаганду*, а этот Энгельс, который сам только то и делает, что занимается литературной пропагандой, бесстыдно притворяется, будто он не понимает «пользы литературной пропаганды».

Ждать! Заниматься литературной пропагандой! Да имеем ли мы право ждать, имеем ли мы право терять время на литературную пропаганду? Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв! (стр. 14). Теперь не время для литературной пропаганды, теперь нужно делать революцию — теперь или, может быть, никогда... мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. И мы должны еще заниматься литературной пропагандой! О боже, неужели это говорит живой человек живым людям, и этот человек зовется Петром Ткачевым!

Разве я был неправ, когда назвал эти разглагольствования о немедленном восстании, от которых теперь так постыдно отрекаются, «ребяческими»? Они ребячливы до такой степени, что автор в этом отношении, надо полагать, достиг здесь пределов возможного. И все же он превзошел даже самого себя. Редактор журнала «Вперед» приводит одно место из составленной г-ном Ткачевым прокламации к русским крестьянам. Г-н Ткачев описывает в ней порядки после завершения социальной революции следующим образом:

«И зажил бы мужичок припеваючи, зажил бы жизнью развеселою... не медными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столом у него мяса всякие, да пироги

имянинные, да вина сладкие от зари до зари не снимались бы. И ел бы и пил бы он — сколько в брюхо влезет, а работал бы столько, сколько сам захочет. И никто бы и ни в чем неволить его не смел: хошь — ешь, хошь — на печи лежи...»[42]

И человек, который способен был сочинить подобную прокламацию, еще жалуется, когда я ограничиваюсь тем, что называю его зеленым, на редкость незрелым гимназистом!

Далее г-н Ткачев говорит:

«Почему же вы нам ставите в упрек нашу конспирацию? Отказавшись от конспиративной, тайной, подпольной деятельности, мы должны были бы отказаться тем самым от всякой революционной деятельности вообще. Но вы караете нас также за то, что мы и здесь, в Западной Европе... не хотим отказаться от наших конспиративных привычек и тем самым мешаем... великому международному рабочему движению».

Во-первых, неверно, что у русских революционеров не остается другого средства, кроме одних заговоров. Ведь сам г-н Ткачев только что подчеркивал важность литературной пропаганды, проникающей с Запада в Россию! Да и внутри страны не может же быть совершенно отрезан путь для устной пропаганды среди народа, особенно в городах, что бы ни говорил об этом в своих интересах г-н Ткачев. Это лучше всего доказывается тем, что во время недавних массовых арестов в России большинство арестованных составляли не образованные люди или студенты, а рабочие.

Во-вторых, я берусь полететь на луну еще до того, как Ткачев освободит Россию, если только он мне докажет, что я где-нибудь и когда-нибудь в моей политической деятельности утверждал, что заговоры недопустимы вообще и при любых условиях. Я берусь привезти ему с луны что-нибудь на память, если только он мне докажет, что в моей статье идет речь о других заговорах, кроме заговора против Интернационала, кроме Альянса. Да, если б только господа русские бакунисты действительно и серьезно конспирировали против русского правительства! Если бы вместо горе-заговоров, основанных на лжи и обмане своих же товарищей, вроде заговора Нечаева, этого, по Ткачеву, «типического представителя нашей современной молодежи», если бы вместо заговоров против европейского рабочего движения, подобно заговору благополучно разоблаченного и тем самым уничтоженного Альянса, они, эти «деятели» (dejateli), как они себя хвастливо называют, совершили бы, наконец, какое-нибудь настоящее дело, которое доказало бы, что у них действительно есть организация и что они занимаются еще чем-нибудь другим, кроме попытки образовать кружок в дюжину человек! Но вместо этого они только кричат на весь мир: мы конспирируем, мы конспирируем! — совсем как оперные заговорщики, которые ревут хором на разные голоса:

тише, тише! не шумите! И все это очковтирательство о широко разветвленных заговорах служит только прикрытием, за которым не скрывается ровно ничего, кроме революционного бездействия по отношению к правительствам и тщеславных происков внутри революционной партии.

Этих господ приводит в такую ярость именно то, что в «Заговоре против Интернационала» мы беспощадно разоблачили все это мошенничество *. Это было, мол, «бестактно». Разоблачая г-на Бакунина, мы стремились, мол, «запятнать одного из величайших и самоотверженнейших представителей революционной эпохи, в которую мы живем», и притом запятнать... «грязью». Грязь, которая обнаружилась при этом, была до последнего золотника изделием самого г-на Бакунина, и далеко еще не худшим. В упомянутом сочинении он изображен еще слишком опрятным. Мы *только процитировали* § 18 Революционного катехизиса, параграф, предписывающий, как нужно вести себя по отношению к русской аристократии и буржуазии, как нужно «овладеть их грязными тайнами и таким способом превратить их в наших рабов, так, чтобы их богатства и т. д. стали неистощимой сокровищницей и драгоценной поддержкой во всевозможных начинаниях». Мы до сих пор еще не рассказали, как претворялся этот параграф на практике. А об этом есть много что порассказать, и в свое время мы это сделаем.

Таким образом, выясняется, что все упреки, сделанные мне г-ном Ткачевым с тем добродетельным видом оскорбленной невинности, который так к лицу всем бакунистам, — что все эти упреки основаны на утверждениях, относительно которых он не только знал, что они лживы, но которые являются его же собственным гнусным и наглым измышлением. На этом мы и простимся с личной частью его «открытого письма».

V

О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ [43]

Г-н Ткачев мимоходом сообщает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений», что, наоборот, я проявляю одно лишь «невежество»; он чувствует себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности — те причины, вследствие которых именно теперь социальная революция в России может быть осуществлена легко и шутя, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь *с политической властью: власть капитала*

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, небезызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским рабочим — а эти рабочие, как говорит сам г-н Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники*», — сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство

«только издали кажется силой... Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия... У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе» (!) «определенные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего *воплощения* в государстве, которое именно они и создают, или на смелом утверждении, будто русская

«общественная форма» (к которой принадлежит ведь и общинная собственность крестьян) «обязана своим существованием государству», а также на противоречивом утверждении, что это государство «не имеет ничего общего» с существующим социальным строем, который якобы является его созданием. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов какого-либо сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 3 300 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиной страны! Далее. Крестьяне со своей половины платят в год 195 миллионов рублей земельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разделе, последовавшем в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за свою худшую землю платить дворянству по цене самой лучшей *. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — в результате выкупа оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли бо́льшую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянские наделы — по русским земледельческим условиям — оказались слишком малы, чтобы на них можно было прокормиться. С крестьян не только взяли за эту землю непомерно высокую цену, которую авансом за них выплатило государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть земельного налога, в то время как дворянство от него почти вовсе освобождено; этот налог один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все остальные платежи, предстоящие крестьянину — о них мы скажем ниже, — составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собой его заработную плату. Мало того. К земельному налогу, к выкупным платежам

* Исключением явилась только Польша, где правительство хотело разорить враждебное ему дворянство и привлечь на свою сторону крестьян. *(Примечание к тексту, опубликованному в газете «Volksstaat»; в изданиях 1875 и 1894 гг. отсутствует.)*

и процентам за аванс, выплаченный государством, прибавились еще после введения местного управления губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои доходы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти освобождены от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщика, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывно связанному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше. К моменту жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные слухи, снижающие цены, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо система оплаты товарами в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба основан, таким образом, прямо на голодании крестьянского населения. — Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения; затем он делит этот участок на мелкие клочки и сдает истощенную землю за высокую аренду соседним малоземельным крестьянам. Если выше мы видели английскую систему оплаты товарами, то здесь мы имеем точную копию ирландских middlemen *. Словом, нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса придавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки!

* — посредников. *Ред.*

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развившаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог, и задетая последним кризисом самым живейшим образом, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все дела которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством покровительственным пошлинам, — разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г-н Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г-н Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока еще не повсеместно и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!

Об артели г-н Ткачев упоминает лишь вскользь, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной ассоциации, подобно той, которая встречается у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она не славянского, а татарского происхождения. И то и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у саамов, ненцев и других финских народов — с другой *.

* Об артели см., между прочим, «Sbornik materialow ob Arteljach v Rossiji» («Сборник материалов об артелях в России», выпуск 1. С.-Петербург, 1873 г.).

Поэтому артель в России развивается первоначально не на юго-западе, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. — Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на узах кровного родства, как взаимная порука у древних германцев, кровная месть и тому подобное. — Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям *.

В рабочих артелях всегда избирается староста (starosta, старшина), который выполняет обязанности казначея, счетовода и т. п., по мере надобности — управляющего и получает особое жалованье. Такого рода артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадаются;

2) среди лиц, занимающихся каким-нибудь одним промыслом, например, среди носильщиков и т. п.;

3) для постоянных предприятий, промышленных в собственном смысле слова.

Они учреждаются на основе контракта, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это часто бывает, например в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман бóльшую часть трудового дохода. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают издержки надзора капиталисту. Последний сдает им лачуги для жилья и предоставляет в кредит пропитание, причем опять развивается самым гнусным образом система оплаты товарами. Так обстоит у лесорубов и смолокуров Архангельской губернии, во многих промыслах в Сибири и других (ср. Flerovsky. «Polozenie rabočago klassa v Rossiji». Флеровский. «Положение рабочего класса в России», С.-Петербург, 1869) [18]. Таким образом, артель является здесь средством, существенно *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, которые сами имеют наемных рабочих, *не* состоящих членами данного общества.

* Далее следовала фраза: «Биржа — та же артель», опущенная Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

Итак, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или даже славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть потребность: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных обществ. Но, если на сей раз поверить г-ну Ткачеву (что после всего предыдущего, правда, более чем рискованно), — до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно характерным для его точки зрения высокомерием, он уверяет нас:

«Что касается кооперативных и кредитных обществ по немецкому» (!) «образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то они приняты большинством наших рабочих с полнейшим равнодушием и почти везде потерпели фиаско».

Современное кооперативное общество доказало, по крайней мере, свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только неспособна к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузеном, и он раструбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника даже обязан был знать о них в точности [44]. Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти

сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г-ну Ткачеву. Послушаем же последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так крепко срослась со всем миросозерцанием русского народа» (мы дальше увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), «что теперь, когда правительство начинает понимать, что идея эта несовместима с принципами «благоустроенного» общества и во имя этих принципов хочет ввести в народное сознание и народную жизнь идею частной собственности, то оно может достигнуть этого лишь при помощи штыков и кнута. Из этого ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его».

В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве. Еще в 1608 г. существование общепризнанной общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозяйной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинной земли и тому подобное. Более точные указания и подробности относительно древнегерманского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера,* которые по этому вопросу являются классическими. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (то есть собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». Ves' mir, весь мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г-н Ткачев говорит о *«миросозерцании»* русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово *мир.* Подобная полная изоляция отдельных общин друг от

друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для *восточного деспотизма;* от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г-на Ткачева, «не имеет ничего общего»! — Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г-на Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр. 15:

> «В среде крестьянства вырабатывается класс *ростовщиков* (kulakov), *покупщиков* и *съемщиков* крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия».

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес опять-таки выкуп барщины. Помещик получил бо́льшую и лучшую часть земли; крестьянам осталось едва достаточно, а сплошь да рядом совсем недостаточно для того, чтобы прокормиться. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; не хватает обычно и земли, чтобы просуществовать с семьей от урожая до урожая. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями

или без семей, бросают свою землю и ищут источник существования в отхожих промыслах *.

Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно **, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. Таким образом, г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Так же легко, как с экономической революцией, разделывается г-н Ткачев и с политической. Русский народ, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаек (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер оказывается отцом германской социал-демократии) поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г-на Ткачева, что «нужно только разбудить одновременно в нескольких местностях накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящее в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных сил произойдет уже

* О положении крестьян см., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее — *Скалдин.* «W Zacholusti i w Stolice» («В захолустье и в столице». С.-Петербург, 1870 г.). Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора.

** В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и *в общую пользу*. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы.

само собой, а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесную и неразрывную связь между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда,* кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: Bog vysok, Car daljok, до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, — это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г-н Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, — даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхребяческое представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготовленной по этому бакунистскому образцу революции. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собой установят крепкую и неразрывную связь между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самих себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павиа, имея в своем распоряжении только 3 000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему

этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой», где это описано подробно).

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем своим жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 года; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год сокращается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, о произволе которого мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления, деспотизма, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался, сегодня делая уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: удачная война против Турции или Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства.

Написано в мае 1874 — апреле 1875 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18, стр. 518—548

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

В ЛЕЙПЦИГ

[Лондон], 15 октября 1875 г.

...Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наши Бисмарки — Штиберы — Тессендорфы. Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные во время «новой эры» 1861 года и следующих за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, снова в университеты допускаются лишь «сыновья высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24 000 молодых людей, вся карьера которых была тем самым испорчена, так как им даже категорически запретили занимать места учителей в начальных школах! И после этого удивляются распространению «нигилизма» в России. Если бы Вальстер, который ведь знает русский язык, захотел обработать несколько изданных *либеральной* оппозицией и появившихся в Берлине у Б. Бера брошюр [45], или если бы нашелся кто-нибудь, кто достаточно понимал бы по-польски, чтобы читать львовские газеты (например, «Dziennik Polski» или «Gazeta Narodowa») и делать из них соответствующие выдержки, то «Volksstaat» мог бы стать лучшей газетой в Европе по русским делам. Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это произойдет во время *неизбежной* войны между германо-прусской империей и Россией — что весьма вероятно, — то неизбежно и обратное воздействие на Германию...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 130—131

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ «О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ» [43]

Нижеследующие строки * были написаны в связи с полемикой, в которую мне пришлось вступить с некиим г-ном Петром Никитичем Ткачевым. В одной статье, посвященной выходящему в Лондоне русскому

* См. настоящий сборник, стр. 61—72. *Ред.*

журналу «Вперед» («Volksstaat» №№ 117 и 118, 1874), мне случилось упомянуть мимоходом имя этого господина, но упомянуть так, что это навлекло на меня его достойный гнев. Г-н Ткачев немедленно опубликовал «Открытое письмо г-ну Фридриху Энгельсу» [40], Цюрих, 1874, в котором он наговорил обо мне множество всяких удивительных вещей, а затем в противовес моему вопиющему невежеству преподнес свое собственное мнение о положении вещей и о перспективах социальной революции в России. Как форма, так и содержание этой мазни носили обычный бакунистский отпечаток. Так как письмо появилось на немецком языке, я счел нужным ответить на него в «Volksstaat» (см. «Эмигрантская литература» *, гл. IV и V, «Volksstaat» № 36 и следующие, 1875). Первая часть моего ответа содержала главным образом разбор бакунистского метода литературной борьбы, состоящего попросту в том, что противнику приписывают с три короба прямого вранья. В статье, помещенной в «Volksstaat», было отведено достаточно места этой преимущественно личной части. Поэтому здесь я ее опускаю и для выходящего по желанию издательства отдельного оттиска оставляю только вторую часть, которая посвящена главным образом общественным условиям России, как они сложились с 1861 г., со времени так называемого освобождения крестьян.

Развитие событий в России имеет величайшее значение для немецкого рабочего класса. Существующая ныне Российская империя образует последний сильный оплот всей западноевропейской реакции. В 1848 и 1849 гг. это обнаружилось с полной ясностью. Вследствие того, что Германия уклонилась от поддержки восстания в Польше и не пошла войной на царя (как того требовала с самого начала «Neue Rheinische Zeitung»), этот царь смог в 1849 г. раздавить венгерскую революцию, которая дошла до самых ворот Вены, а в 1850 г. — учинить в Варшаве суд над Австрией, Пруссией и мелкими немецкими государствами и восстановить старый Союзный сейм. И еще совсем недавно, в начале мая 1875 г., русский царь так же, как и 25 лет тому назад, принимал от своих вассалов в Берлине присягу на верность и доказал, что он и сегодня продолжает быть арбитром Европы. Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство. Германия же — ближайший его сосед, на Германию, стало быть, обрушится первый натиск армий русской реакции. Падение русского царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата.

* См. настоящий сборник, стр. 45—72. *Ред.*

Но этого падения никоим образом нельзя вызвать извне, хотя внешняя война могла бы его очень ускорить. Внутри самой царской империи имеются элементы, которые мощно работают над ее разрушением.

Первый из них — это *поляки.* В результате столетнего угнетения они очутились в таком положении, что должны либо быть революционными, поддерживать всякое действительно революционное восстание на Западе как первый шаг к освобождению Польши, либо же погибнуть. И как раз теперь они в таком положении, что западноевропейских союзников они могут искать себе только в лагере пролетариата. В течение вот уже ста лет все буржуазные партии Запада то и дело предают их. В Германии буржуазия вообще ведет счет только с 1848 г., а с тех пор она все время была враждебна полякам. Во Франции Наполеон предал поляков в 1812 г. и вследствие этой измены проиграл кампанию, потерял корону и империю; его примеру следовали в 1830 и в 1846 гг. — буржуазное королевство, в 1848 г. — буржуазная республика, в Крымскую кампанию и в 1863 г. — Вторая империя. Каждый из них так же подло изменял полякам, как и другие. И теперь еще буржуазные радикалы, республиканцы Франции пресмыкаются перед царем для того, чтобы в награду за новое предательство интересов Польши выторговать себе союз для реванша против Пруссии, точно так же, как немецкие имперские буржуа боготворят того же царя как покровителя европейского мира, то есть прочности немецко-прусских аннексий. Нигде не находят поляки открытой и искренней поддержки, кроме как у революционных рабочих, потому, что и те и другие одинаково заинтересованы в падении общего врага, и потому, что освобождение Польши равнозначно этому падению.

Но деятельность поляков территориально ограничена. Она ограничивается Польшей, Литвой и Украиной. Подлинное ядро Российской империи — Великороссия — остается почти совершенно исключенной из области этой деятельности. Сорок миллионов великороссов образуют слишком большой народ, и у них было слишком своеобразное развитие, чтобы им можно было навязать извне какое-либо движение. Да этого вовсе и не требуется. Правда, масса русского народа, крестьяне, столетиями, из поколения в поколение, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания, и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были отдельные бесплодные восстания и новый гнет со стороны дворянства и правительства. Этому внеисторическому существованию само русское правительство положило конец (1861 г.) отменой крепостного права, с которой нельзя было больше медлить, и выкупом барщины — мерой, которую провели таким хитроумным способом, что она ведет большинство как крестьян, так и дворян к верному разорению. Таким образом, самые условия, в которых

очутился теперь русский крестьянин, толкают его к участию в движении, которое, правда, в настоящее время лишь только возникает, но которое в силу ухудшающегося с каждым днем положения крестьянской массы неудержимо будет идти все дальше и дальше. Грозное недовольство крестьян уже теперь такой факт, с которым приходится считаться как правительству, так и всем недовольным и оппозиционным партиям.

Отсюда следует, что когда в дальнейшем речь идет о России, то под ней надо понимать не всю Российскую империю, а исключительно Великороссию, то есть область, у которой на крайнем западе находятся губернии Псковская и Смоленская, а на крайнем юге — Курская и Воронежская.

Написано в мае 1875 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18, стр. 566—568

МАРКС — Ф. А. ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

Лондон, 27 сентября 1877 г.

...Этот кризис — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично *командующей* армией *династии* (царю, наследнику престола и шести другим Романовым). Переворот начнется secundum artem * с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!

Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, не имея сами по себе никакого значения. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения.

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 229—230

* — по всем правилам искусства. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» [46]

Господин редактор!

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского» * — человек, по-видимому, умный, и если бы он нашел в моем изложении «первоначального накопления» хотя бы одно место, подтверждающее его выводы, он бы его привел. Так как такого места нет, он оказался вынужден ухватиться за побочную деталь, за полемическое замечание против одного русского «беллетриста» **, напечатанное в добавлении к первому немецкому изданию «Капитала» [47]. В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину не в России, а в книге прусского регирунгсрата Гакстгаузена [44] и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, прогнившая Европа должна быть возрождена путем победы панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, она может быть и ложной, но она ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» *** и т. д.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», — которое автору статьи о г-не Жуковском известно, так как он его цитирует, — я говорю о «великом русском ученом и критике» **** с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику», что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю.

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем

* — Михайловский. *Ред.*
** — Герцена. *Ред.*
*** Цитата из статьи Михайловского воспроизведена в рукописи Маркса по-русски. *Ред.*
**** — Н. Г. Чернышевском. См. настоящий сборник, стр. 42. *Ред.*

в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

II

Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом, исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов. В этой истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения возникающего класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая значительные массы людей их традиционных средств производства и существования, внезапно выбрасывают их на рынок труда. Но основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» и т. д. *(французское издание «Капитала», стр. 315* [48]*).* В конце главы историческая тенденция капиталистического производства сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; что оно само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само является только общим резюме обширных исследований, заключающихся в предыдущих главах о капиталистическом производстве.

Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значитель-

ной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня. Приведем пример.

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной *чернью*, более презренной, чем недавние «poor whites» * южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности.

Написано около ноября 1877 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 116—121

* — «белые бедняки». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И РОССИИ»

...Россия — это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль. Положение, сложившееся в результате так называемого освобождения крепостных, было невыносимым еще до войны. Эта великая реформа была проведена так ловко, что в конце концов разорила и дворян и крестьян. За ней последовала другая реформа, которая проводилась якобы с целью дать губерниям или уездам выборпую администрацию, избираемую в условиях относительной свободы от вмешательства центрального правительства, но привела лишь к увеличению и без того невыносимых налогов.

На губернии просто были возложены расходы по управлению ими, так что государство тратило теперь меньше, продолжая, однако, получать те же самые налоги; отсюда — новые налоги для покрытия губернских и местных расходов. Позже была введена также всеобщая воинская повинность, что равносильно новому налогу, более тяжелому, чем остальные, и означает создание новой, более многочисленной армии.

В результате стал быстро надвигаться финансовый крах. Уже до войны страна находилась в состоянии банкротства. Русская государственная казна, приняв широкое участие в мошеннических аферах периода 1871—1873 гг., ввергла страну в финансовый кризис, который разразился в 1874 г. в Вене и Берлине и на долгие годы подорвал русскую промышленность и торговлю. Таково было положение вещей, когда началась «священная» война против «турка» [49], и так как нигде за границей займа получить не удалось, а внутренние займы не дали того, что требовалось, пришлось прибегнуть к миллионам банка (резервные фонды) и к выпуску ассигнаций; в результате бумажные деньги изо дня в день обесцениваются, и скоро — всего через год или два — их курс падет до минимума. В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год. Каков бы ни был исход войны, русская революция уже назрела и вспыхнет скоро, — может быть, в этом году; она начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, — во дворце, в среде обедневшего и *frondeuse* * дворянства. Но раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года. А раз уж дело дойдет до революции в России — изменится лицо всей Европы. Старая Россия была до сих пор огромной резервной армией европейской реакции; она действовала

* — фрондирующего. *Ред.*

в качестве таковой в 1798, 1805, 1815, 1830, 1848 годах. А когда эта резервная армия будет уничтожена — вот тогда посмотрим, как обернется дело!

Написано 12 января 1878 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 123—124

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СЕРИИ СТАТЕЙ «ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 ГОДУ»

V

Остается рассмотреть еще одну важную европейскую страну — Россию. Нельзя сказать, чтобы в России существовало рабочее движение, о котором стоило бы говорить. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы.

В 1861 г. правительство Александра II провело освобождение крепостных и превратило огромное большинство русского народа из крепостных людей, прикрепленных к земле и обязанных к принудительному труду на своих помещиков, в свободных крестьян-собственников. Эта перемена, необходимость которой была уже давно очевидна, была осуществлена таким образом, что ни прежние помещики, ни прежние крепостные не оказались при этом в выигрыше. Крестьянские общины получили земельные наделы, которые должны были впредь стать их собственностью, между тем как помещики должны были получить выкуп за землю, уступленную крестьянам, а отчасти также за принадлежавшее им до сих пор право на труд крестьян. Так как крестьяне явно не могли найти денег на выплату помещикам, то в дело вмешалось государство. Часть этого выкупа была покрыта путем передачи помещику части той земли, которую крестьяне обрабатывали до тех пор самостоятельно; остаток же выплачивался в форме правительственных обязательств, авансированных государством, которые крестьяне должны были вместе с процентами погашать в рассрочку ежегодными платежами. Большинство помещиков распродало эти обязательства и растратило деньги; помещики, таким образом, не только стали теперь беднее, чем были прежде, но и не могут найти работников для обработки своих имений, ибо крестьяне действительно отказываются на них работать и оставлять невозделанными свои

собственные поля. Что касается крестьян, то их земельные наделы не только уменьшились в размерах по сравнению с тем, что было у них раньше, причем очень часто до таких размеров, которые в русских условиях недостаточны для прокормления семьи; наделы эти в большинстве случаев составлялись из наихудшей в поместье земли, из болот или других непригодных участков, между тем как хорошая земля, принадлежавшая ранее крестьянам и улучшенная благодаря их труду, передавалась помещикам. При таких обстоятельствах положение крестьян стало также значительно хуже прежнего; но, кроме того, они были обязаны ежегодно выплачивать правительству проценты и часть капитала, который ссудило им государство для выкупа; помимо этого, из года в год увеличивались взимавшиеся с них подати. Далее, до освобождения крестьяне имели некоторые общинные права на помещичью землю: право выпаса для своего скота, право на порубку леса для построек и других целей и т. п. Новый порядок намеренно лишал их этих прав; если они хотели вновь ими пользоваться, то им приходилось торговаться опять-таки с прежним своим помещиком.

Таким образом, меж тем как в результате реформы большинство помещиков еще больше прежнего запуталось в долгах, крестьянство было доведено до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть. Великий акт освобождения, на все лады расхваленный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции.

Правительство, со своей стороны, делало все возможное для ускорения этой революции. Взяточничество, которое проникает во все официальные круги и которое парализует всякие добрые намерения, какие можно было бы предполагать, — это традиционное взяточничество сохранялось в таком же, как всегда, отвратительном виде, а когда разразилась турецкая война, оно распустилось пышным цветом в каждом общественном учреждении. Финансы империи, пришедшие в полное расстройство к концу Крымской войны, приходили во все более плачевное состояние. За одним займом заключали другой, так что не оставалось никаких других средств оплатить проценты по старым долгам, кроме заключения новых займов. В течение первых лет царствования Александра старый императорский деспотизм был несколько смягчен; печати было предоставлено больше свободы, был введен суд присяжных, а представительным учреждениям, избираемым соответственно дворянством, городскими буржуа и крестьянами, было позволено принимать некоторое участие в местном и провинциальном управлении. Даже с поляками началось легкое политическое заигрывание. Однако общественное мнение ошиблось насчет благих намерений правительства. Печать стала слишком

откровенной. Присяжные стали и в самом деле оправдывать политических заключенных, осуждения которых правительство ожидало даже без всяких улик. Местные и провинциальные собрания* единодушно заявляли, что правительство своим освободительным актом разорило деревню и что дальше так продолжаться не может. Стали даже поговаривать о созыве национального собрания, как единственном способе покончить с беспорядками, ставшими почти непереносимыми. И, наконец, поляки не захотели, чтобы их и дальше кормили обещаниями, и подняли такое восстание[9], что понадобились все силы империи и вся свирепость русских генералов, чтобы потопить его в потоках крови. Тогда правительство снова повернуло назад. Жестокие репрессии вновь стали в порядок дня. Печати заткнули рот; политические заключенные были переданы особым судам, состоящим из подобранных для этой цели судей; с местными и провинциальными собраниями перестали считаться. Но было уже поздно. Правительство, проявив однажды признаки испуга, потеряло свой престиж. Вера в его прочность и в его способность решительно сокрушить всякое внутреннее сопротивление исчезла. Появились зародыши будущего общественного мнения. Эти силы уже не могут быть снова сведены к прежнему слепому повиновению указке правительства. Обсуждение общественных вопросов, хотя бы в частном кругу, вошло в привычку в среде образованных классов. Наконец, и правительство, при всем своем стремлении возвратиться к необузданному деспотизму царствования Николая, все же пыталось сохранять, перед лицом Европы, видимость либерализма, введенного Александром. Следствием этого явилась система колебаний и нерешительности: сегодня делают уступки, завтра берут их обратно, потом снова, попеременно, наполовину допускают, наполовину берут обратно,— политика, меняющаяся с часу на час, делающая очевидной для каждого внутреннюю слабость, недостаток проницательности и воли со стороны этого правительства, которое становилось ничем, если оно не обладало волей и средствами для ее осуществления. Что же могло быть естественнее растущего с каждым днем презрения к правительству, о котором уже давно знали, что оно ни к чему хорошему не способно и что ему повинуются только из страха,— правительству, которое теперь показало, что оно само сомневается в своей способности поддержать собственное существование, что оно испытывает по меньшей мере такой же страх перед народом, какой народ испытывает перед ним? Для русского правительства оставался только один путь спасения,— путь, открывающийся перед всяким правительством,

* — то есть уездные и губернские земские собрания. *Ред.*

оказавшимся лицом к лицу с непреодолимым сопротивлением народа,— внешняя война. И было решено начать внешнюю войну. Европе было объявлено, что эта война предпринята для избавления христиан от долгого хозяйничанья турок, а русскому народу объявили, что войну ведут во имя возвращения единоплеменных братьев-славян из-под турецкого ига в лоно священной Российской империи.

После долгих месяцев бесславных поражений, война эта теперь доведена до конца столь же бесславным подавлением турецкого сопротивления — отчасти путем предательства, отчасти благодаря громадному численному превосходству. Но завоевание русскими большей части Европейской Турции само является только прелюдией общеевропейской войны. Либо на предстоящей европейской конференции (если эта конференция вообще соберется) России придется отступить от ныне завоеванных позиций настолько, что несоответствие между громадными жертвами и ничтожными результатами должно будет довести народное недовольство до неистового революционного взрыва, либо же Россия должна будет отстаивать свои новозавоеванные позиции в европейской войне. Страна, истощившая более половины своих сил, не даст правительству возможности вести такую войну, — каков бы ни был ее конечный результат, — без существенных уступок народу. А такие уступки при вышеописанной ситуации означают начало революции. Избежать этой революции русское правительство не в состоянии, если даже ему и удастся задержать ее взрыв на год или два. Но русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она означает исчезновение огромной, хотя и неуклюжей военной державы, которая со времен французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, ибо Пруссия всегда была креатурой России и существовала, только опираясь на нее. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение малых славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма, взлелеянных среди них нынешним русским правительством. И она означает начало активной национальной жизни самого русского народа, а вместе с тем возникновение настоящего рабочего движения в России. Словом, она означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда.

Написано в середине февраля — середине марта 1878 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 143—146

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ В ГЕРМАНИИ. — ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ»

...Друг Бисмарк может быть спокоен. Немецкие рабочие совершат революцию, которую он так хорошо подготовил. Когда Россия даст сигнал — они будут знать, что делать.

Уже несколько лет я обращаю внимание европейских социалистов на положение в России, где назревают события решающего значения. Борьба между правительством и тайными обществами приняла там настолько острый характер, что долго это продолжаться не может. Движение, кажется, вот-вот вспыхнет. Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима.

Обширный заговор в армии и даже в придворных кругах; национальное общественное мнение, оскорбленное дипломатическими поражениями, последовавшими за войной; пустая казна; расстроенный кредит; банкиры, которые отказываются предоставлять займы, если они не будут гарантированы национальным собранием; наконец, нищета. Таков итог, к которому пришла Россия.

Написано 21 марта 1879 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 158

ЭНГЕЛЬС — И. Ф. БЕККЕРУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 19 декабря 1879 г.

...В России дела обстоят великолепно! Там, пожалуй, развязка близка, а когда она наступит, то у власть имущих Германской империи душа уйдет в пятки. Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории.

Пусть тебя особенно не огорчают бедные анархисты. Они ведь уже совершенно оскандалились. На Западе им ничего другого не осталось, как разводить анархию в своей собственной среде, да так, что только

клочья летят, а в России они, став на путь убийств, лишь таскают каштаны из огня для конституционалистов, что они к своему ужасу обнаружили только сейчас!..

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 344

МАРКС — Ф. А. ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

[Лондон], 5 ноября 1880 г.

...В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там, с одной стороны, *критиков* (главным образом молодые университетские профессора, с некоторыми из них я лично знаком, а также журналисты) и, с другой стороны, *центральный комитет террористов*[50], *программа* которого, недавно тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в *Швейцарии,* издающих в Женеве «*Die schwarze Verteilung*» * (это буквальный перевод с русского на немецкий). Эти люди — большинство их (не все) являются теми, кто *добровольно* покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести *пропаганду в России,* они уезжают *в Женеву!* Что за quid pro quo **!). Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 380

К. МАРКС

ИЗ ПЕРВОГО НАБРОСКА ОТВЕТА НА ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ ***

...С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели; с другой — ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний

* — *«Черный передел»*. *Ред.*
** — чепуха. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 434—435 и 443—444. *Ред.*

удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе.

И в то время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, литературные лакеи «новых столпов общества» иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и «новые столпы общества» делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

Написано в конце февраля — начале марта 1881 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 410

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЛОНДОНЕ В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ [51]

...Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие [52], которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 252

МАРКС — Ж. ЛОНГЕ

В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 11 апреля 1881 г.

...Следила ли ты за судебным процессом против организаторов покушения в С.-Петербурге [53]? Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело — непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет [50], который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно «сдержанном тоне». Его манера очень далека от мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов, проповедующих цареубийство как «теорию» и «панацею» (это делали столь невинные англичане, как Дизраэли, Севидж Лендор, Маколей, друг Мадзини Стансфилд); они, наоборот, стремятся убедить Европу, что их modus operandi * является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 147—148

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» [54]

Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов [55]; оно было напечатано в типографии «Колокола». В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен.

До какой степени ограниченную область распространения имело тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» в различных странах. В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции, когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

* — способ действия. *Ред.*

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция сделала возможным колоссальное развитие земледельческого производства в Северной Америке, которое своей конкуренцией потрясает европейскую земельную собственность — и крупную и мелкую — в самой ее основе. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! Во время революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главой европейской реакции. Теперь он—содержащийся в Гатчине военнопленный революции [56], и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России бо́льшую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община * — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс. Фридрих Энгельс

Лондон, 21 января 1882 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 304—305

* — в оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

МАРКС — Л. ЛАФАРГ

В ПАРИЖ

Вентнор, остров Уайт, 14 декабря 1882 г.

...Некоторые *из недавно опубликованных русских изданий* [57], отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствуют о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен; он дает мне удовлетворение в том, что я наношу удар державе, которая наряду с Англией является подлинным оплотом старого общества.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2. т. 35. стр. 342

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 22 декабря 1882 г.

...Европейскую войну я считал бы несчастьем; на этот раз дело приняло бы чрезвычайно серьезный характер, война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы насмарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции. Единственно хорошее, что могло бы при этом произойти, это — восстановление Малой Польши, но это ведь произойдет и в результате революции, и притом само собой; русская конституция, как следствие неудачной войны, имела бы совсем иное, скорее консервативное значение в отличие от конституции, завоеванной революционным путем. Такая война, по моему мнению, отсрочила бы революцию на десять лет, правда, потом революция оказалась бы тем более основательной...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 348

ЭНГЕЛЬС — Ф. А. ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

Лондон, 29 июня 1883 г.

...Переводить «Манифест» необычайно трудно; русские переводы пока что лучшие из всех, которые я видел [55]...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 40

ЭНГЕЛЬС — Л. ЛАФАРГ

В ПАРИЖ

Лондон, 19 сентября 1883 г.

...Сегодня утром вдруг входит Лопатин; его смелые предприятия сделали его значительно более зрелым[58]. Он скоро вернется и останется с нами обедать. Он говорит, что недавно видел Поля и нашел его здоровым и довольным, принимая во внимание все обстоятельства...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 56

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «МАРКС И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» (1848—1849)»

...Наша иностранная политика была проста: выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России. С 24 февраля[59] нам было ясно, что революция имеет только *одного* действительно страшного врага — Россию и что для этого врага необходимость вступить в борьбу становится все более настоятельной, по мере того как движение приобретает общеевропейский размах. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии.

Эта политическая линия проходит через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, что вполне подтвердило наши предсказания и сыграло решающую роль в поражении революции...

Написано в середине февраля — начале марта 1884 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, стр. 20—21

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИМПЕРАТОРСКИЕ РУССКИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫЕ ДИНАМИТНЫЕ СОВЕТНИКИ

Всем известно, что русское правительство пускает в ход все средства, чтобы заключить с западноевропейскими государствами соглашения о выдаче русских революционеров-эмигрантов.

Всем известно также и то, что этому правительству важно прежде всего добиться такого соглашения с Англией.

Всем известно, наконец, что официальная Россия не отступает ни перед какими средствами, если только они ведут к цели.

Так вот, 13 января 1885 г. Бисмарк заключает с Россией соглашение, по которому каждый русский политический эмигрант должен быть выдан, как только России заблагорассудится предъявить ему обвинение как возможному цареубийце или динамитчику.

15 января г-жа Ольга Новикова, та самая г-жа Новикова, которая в 1877 и 1878 гг. перед турецкой войной и во время ее так блестяще провела благородного г-на Гладстона в интересах России, опубликовала в «Pall Mall Gazette» воззвание к Англии. В этом воззвании Англию призывают не допускать больше, чтобы такие люди, как Гартман, Кропоткин и Степняк, конспирировали на английской территории *«с целью убивать нас в России»*, — теперь, когда динамит вот-вот взорвется под ногами у самих англичан. Разве не того же самого Россия требует от Англии в отношении русских революционеров, чего Англия теперь сама должна требовать от Америки в отношении ирландских динамитчиков?

24 января утром в Лондоне публикуется прусско-русское соглашение.

И 24 января в 2 часа пополудни на протяжении четверти часа в Лондоне происходят три динамитных взрыва, которые производят больше опустошений, чем все прежние взрывы, вместе взятые, и ранят по меньшей мере семь, а по другим сведениям восемнадцать человек.

Эти взрывы подоспели слишком уж кстати, чтобы не вызвать вопроса: кому они на пользу? Кто наиболее заинтересован в этих, в других отношениях бесцельных, ни против кого в частности не направленных устрашающих взрывах, жертвой которых пали не только нижние чины полиции и буржуа, но и рабочие, их жены и дети? Кто? Те несколько ирландцев, которые доведены до отчаяния жестокостью английского правительства, особенно во время их тюремного заключения, и которых подозревают в том, что они подложили динамит? Или же русское правительство, которое не может добиться своей цели — соглашения о выдаче, — не оказав совершенно исключительного давления на английское правительство и

английский народ, давления, которое могло бы привести общественное мнение Англии в состояние слепого бешенства против динамитчиков?

Когда польские эмигранты — за очень немногими исключениями — не захотели согласиться на то, чтобы, в соответствии с желанием русской дипломатии и полиции, заняться подделкой русских бумажных денег, русское правительство послало за границу агентов, в том числе статского советника Каменского, чтобы побудить к этому эмигрантов, а когда и это не удалось, господа Каменский и компания должны были сами заняться подделкой русских бумажных денег. Все это подробно изложено в брошюре «Фальшивомонетчики или Агенты русского правительства». Женева. Г. Георг. 1875 [60]. — Швейцарская, лондонская, а, вероятно, также и парижская полиция могут кое-что рассказать о том, как, преследуя русских фальшивомонетчиков, она, как правило, наталкивалась, в конце концов, на людей, преследование которых русское посольство упорно отклоняло.

О том, что может сделать официальная Россия для устранения мешающих ей лиц при помощи яда, кинжала и т. п., достаточно примеров дает история Балканского полуострова за последние сто лет. Сошлюсь лишь на известную книгу: Элиас Реньо. «История дунайских княжеств», Париж, 1855 [61]. Русская дипломатия постоянно имеет в своем распоряжении всякого рода агентов, в том числе и таких, услугами которых пользуются для всяких подлостей и от которых затем отрекаются.

У меня, следовательно, пока что нет оснований сомневаться в том, что лондонские взрывы 24 января 1885 г. дело рук России. Возможно, что динамит подложили ирландские руки, но более чем вероятно, что их направляли русская голова и русские деньги.

Способ борьбы русских революционеров продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников. За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей. Но те господа, которые без нужды школьнически пародируют эту борьбу в Западной Европе, стараются свести революцию до уровня Шиндерганнеса, направляют свое оружие даже не против настоящих врагов, а против публики вообще, — эти господа ни в каком случае не последователи и не союзники русской революции, а ее злейшие враги. С тех пор как выяснилось, что кроме официальной России никто не заинтересован в успехе этих подвигов, вопрос идет только о том, кто из этих господ является невольным и кто добровольным, платным агентом русского царизма.

Лондон, 25 января 1885 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, стр. 195—197

ЭНГЕЛЬС — Л. ЛАФАРГ

В ПАРИЖ

Лондон, 8 марта 1885 г.

...А я должен просматривать продиктованные части «Капитала» * — пока они свежи в моей памяти и подлинник находится под рукой — для исправления ошибок. Кроме того, надо еще редактировать переводы (на прошлой неделе часть датского перевода моего «Происхождения» — сделано очень прилично), расшифровывать русские брошюры (Вера Засулич прислала мне полемическую брошюру Плеханова против Лаврова и Тихомирова [62] и хочет узнать мое мнение, к тому же эти русские споры небезынтересны) и тому подобное, так что, если не считать текущих мелочей, у меня уже несколько месяцев нет времени для чтения книг...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36 стр. 246

Ф. ЭНГЕЛЬС

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК»

Джерси, 25 августа 1885 г.

Милостивый государь.

В бумагах моего покойного друга Карла Маркса я нашел ответ на статью г-на Михайловского «Карл Маркс перед судом г-на Жуковского» **. Поскольку этот ответ, не опубликованный в свое время по неизвестным мне причинам, может и сейчас заинтересовать русского читателя, предоставляю его в Ваше распоряжение.

Примите и т. д.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, стр. 213

* — третьего тома. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — З. ФЕРБЕРУ

В БРЕСЛАВЛЬ

Лондон, 22 октября 1885 г.

...Я также после 1848 г. неоднократно высказывал убеждение, что русский царизм является последним оплотом и крупной резервной армией европейской реакции. Но за последние 20 лет в России многое изменилось. Так называемое освобождение крестьян создало настоящую революционную ситуацию, поставив крестьян в такие условия, при которых они не могут ни жить, ни умереть. Быстрое развитие крупной промышленности и свойственных ей средств сообщения, банки и т. п. только обострили это положение. Россия находится накануне своего 1789 года. Нигилисты, с одной стороны, финансовая нужда — с другой,— таковы симптомы этого положения. Перед последним займом дело обстояло так, что русское правительство не могло раздобыть денег даже в Берлине, если заем не будет гарантирован представительным собранием. Даже Мендельсон поставил такое условие. Но тут, когда царизм находился в крайне затруднительном положении, вмешался Бисмарк и помог получить заем, правда, только в 15 миллионов ф. ст. — капля в море, но этого достаточно для того, чтобы отсрочить гибель на несколько лет. Таким путем Бисмарк закабалил Россию, которой без него и сейчас не получить денег, и, с другой стороны, отдалил тем самым русскую революцию, которая его совсем не устраивает. Это первый случай, когда Бисмарк совершил нечто такое, что не пошло бы косвенно и против его воли нам на пользу, и если он будет так продолжать, то станет для нас совершенно непригодным.

Следовательно, вопрос о том, получит ли Россия еще денег, зависит, в сущности, от Бисмарка, и если он разрешит, то немецкий денежный филистер с восторгом бросится в приготовленную для него ловушку. То, что он при этом потеряет свои деньги, для меня в высшей степени безразлично, — наоборот, это будет ему поделом; а так называемый немецкий национальный капитал тоже потеряет при этом немного, так как та его часть, которая нас интересует, состоит из металлургических заводов, фабрик и других орудий производства, которые невозможно передать русским. Так называемый денежный капитал, который будет выкачан для займов, — это преимущественно фиктивный капитал, кредитные бумаги, а это не имеет большого значения. Гораздо важнее было бы затруднить России получение кредита или совсем не допустить этого, но тут немецкий толстосум доверяет Бисмарку больше, чем нам. У меня теперь абсолютно нет времени, чтобы попытаться выяснить уровень реального обеспечения русского государственного кредита. Такая работа во всяком случае заслуживала бы внимания и была бы своевременной, но для нее

необходимо изучение условий в России по русским источникам. Для характеристики собственно финансового положения достаточно установить размеры русского государственного долга и изучить биржевые бюллетени за последние годы, но для правильного понимания внутренних экономических условий этой страны необходимо основательное изучение. Одним из главных источников является изданное русским военным министерством исследование под заглавием: «Военно-статистический сборник», IV, Россия *. Петербург, 1871. Затем: *А. Скребицкий.* «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» *. Бонн, 1862—1868, 4 тома, в целом около 5 000 страниц. Далее: сборники статистических сведений по отдельным губерниям, особенно по Московской и Тверской, а также *Янсон.* «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств» *. Петербург, 1880, несколько томов...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 315—316

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

В БОРСДОРФ

Лондон, 13—14 сентября 1886 г.

...Меня опять прервали, но я постараюсь закончить к вечерней почте, чтобы ты получил письмо не позднее, чем в четверг утром. Венгерский ландтаг тоже собирается на днях, там будет немало разговоров о болгарской истории. Наиболее выгодным для нас было бы мирное или насильственное оттеснение России, — тогда революция была бы там обеспечена. Панслависты приняли бы в ней участие, но на следующий же день их оставили бы в дураках. Именно по этому поводу Маркс всегда высказывался с наибольшей уверенностью, а я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутреннее и внешнее положение; Маркс утверждал, что как только рухнет старая система в России — безразлично, благодаря кому — и будет созвано представительное собрание — все равно, какое, — будет положен конец русской завоевательной политике, так как тогда внутренние вопросы подчинят себе все остальное. А воздействие, которое окажет на Европу падение этой последней цитадели реакции, будет огромным; в первую очередь почувствуем это мы в Германии...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 446

* Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ»

...Во Франции, в России и в Германии события так выгодно складываются в нашу пользу, что в данный момент мы можем желать только сохранения *status quo* *. Если бы в России вспыхнула революция, она создала бы совокупность самых благоприятных условий. Всеобщая же война, наоборот, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России и во Франции была бы отсрочена; наша партия в Германии подверглась бы участи Коммуны 1871 года. Без сомнения, в конце концов события повернулись бы в нашу пользу; но сколько бы пришлось потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!

Велика сила, толкающая Европу к войне. Прусская военная система, принятая повсюду, требует от двенадцати до шестнадцати лет для ее полного внедрения. По прошествии этого времени кадры резерва заполняются людьми, умеющими владеть оружием. Эти двенадцать — шестнадцать лет везде уже прошли; везде имеется от двенадцати до шестнадцати годичных контингентов, прошедших через армию. Везде, таким образом, готовы к войне, и у немцев нет в этом отношении особых преимуществ. Это значит, что война, которой нам грозят, бросила бы десять миллионов солдат на поле сражения. Затем, старик Вильгельм, вероятно, умрет. Положение Бисмарка более или менее поколеблется, и *он, возможно, будет толкать к войне, чтобы таким путем удержаться самому.* А биржа повсюду действительно уверена, что война вспыхнет, как только старик закроет глаза.

Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции; в России — чтобы предупредить общее выступление всех недовольных: славянофилов, конституционалистов, нигилистов, крестьян; в Германии — чтобы поддержать Бисмарка; во Франции — чтобы подавить победоносное движение социалистов и восстановить монархию...

Написано 25 октября 1886 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, стр. 326—327

* — существующего положения. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. ЛАФАРГУ

В ПАРИЖ

Лондон, 13 апреля 1887 г.

...Впрочем, я надеюсь, что революция в России выведет вас из затруднительного положения и всколыхнет Европу. Три покушения за месяц — этого должно быть достаточно даже для царя*. Согласно английской прессе, даже русофильской, в России все идет кувырком; вера в могущество правительства уничтожена, армия полна нигилистов — 482 офицера сосланы на остров Сахалин (в Тихом океане), а крестьянам, задавленным «освобождением», податями и ростовщиками, был нанесен последний удар введением обязательной воинской повинности по прусскому образцу. При этом постоянный финансовый кризис, курс бумажного рубля составляет 2 фр. 8—9 сантимов вместо 4 франков, американская и индийская конкуренция в торговле зерном и ни одного банкира в Европе, который согласился бы предоставить заем, — все это не продлится и до конца года!..

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 542

ЭНГЕЛЬС — И. НЭДЕЖДЕ

В ЯССЫ

Лондон, 4 января 1888 г.

...К большому своему удовлетворению я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов, — теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом. Когда умирал этот великий мыслитель, социальное и политическое положение и успехи нашей партии во всех цивилизованных странах позволили ему закрыть глаза с уверенностью в том, что его усилия по сплочению пролетариев обоих полушарий в одну великую армию, под одним знаменем увенчаются полным торжеством. Но если бы он только мог взглянуть на те огромные успехи, которых мы достигли с того времени как в Америке, так и в Европе!

Эти успехи настолько велики, что общая международная политика стала необходимостью, по крайней мере для европейской партии. В этом отношении я вновь с удовлетворением отмечаю, что Вы в принципе единодушны с нами и с массой западноевропейских социалистов. Это в доста-

* — Александра III. *Ред.*

точной мере доказывает мне Ваш перевод моей статьи «Политическое положение в Европе» *, равно как и Ваше письмо в редакцию «Neue Zeit». Действительно, все мы встречаем перед собой одно и то же огромное препятствие, мешающее свободному развитию всех народов вообще и каждого народа в отдельности, — развитию, без которого мы не сможем ни начать, ни тем более завершить социальную революцию в различных странах в сотрудничестве друг с другом. Это препятствие — старый Священный союз, союз трех убийц Польши, руководимый с 1815 г. русским царизмом и продолжающий существовать до наших дней, несмотря на все преходящие семейные распри. В 1815 г. он был основан в противовес революционному духу французского народа; в 1871 г. он был закреплен аннексией Эльзаса и Лотарингии, превратившей Германию в раба царизма, а царя — в вершителя судеб Европы; в 1888 г. этот союз сохраняется для того, чтобы подавлять внутри трех империй революционный дух, национальные стремления не меньше, чем политическое и социальное движение трудящихся классов. Так как Россия обладает стратегической позицией, почти недоступной нападению, то русский царизм образует ядро этого союза, главный резерв всей европейской реакции. Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, — вот, на мой взгляд, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним погибнет, рухнет, лишившись его сильнейшей поддержки, злосчастная держава, представляемая ныне Бисмарком **. Австрия распадется на части, так как будет утрачен единственный смысл ее существования: быть помехой самим фактом своего существования воинствующему царизму в его стремлении поглотить разрозненные народности Карпат и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно выберет свою политическую позицию; румыны, мадьяры, южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои отношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установить свои новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы, вместо того чтобы губить на виселицах и на каторге лучших своих людей.

Вы в Румынии должны знать царизм, вы достаточно испытали его на собственном опыте благодаря «Органическому регламенту» Киселева, подавлению восстания 1848 г., дважды повторявшемуся захвату Бессарабии,

* См. настоящий сборник, стр. 97. *Ред.*

** В черновике далее следует: «И наша рабочая партия пойдет гигантскими шагами к революции». *Ред.*

бесчисленным вторжениям в вашу страну, которая была для России лишь этапом на пути к Босфору. Царизм уверен, что с вашим независимым существованием будет покончено в тот день, когда осуществится его мечта — завоевание Константинополя. До тех же пор царизм будет соблазнять вас обещанием вырвать румынскую Трансильванию из рук венгров; и это в то время, когда только по вине царизма она остается отделенной от Румынии. Как только падет деспотизм Петербурга, не будет в Европе и Австро-Венгрии.

В настоящий момент союз, по-видимому, распался, нависла угроза войны. Но если она и вспыхнет, то лишь для того, чтобы привести к повиновению непокорных — Пруссию и Австрию. Я надеюсь, что мир будет сохранен; в подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одной из сражающихся сторон — наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы *все* они были разбиты, если это только возможно. Эта война была бы ужасна, но что бы ни случилось, все в конечном счете послужило бы на пользу социалистическому движению и приблизило бы приход к власти рабочего класса.

Простите мне эти рассуждения, но в данный момент я никак не мог писать румыну, не высказав своего мнения по поводу этих жгучих вопросов. Мнение это сводится к следующему: революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и положила бы начало всемирной социальной революции...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 4—6

ЭНГЕЛЬС — П. ЛАФАРГУ

В ЛЕ-ПЕРРЕ

[Лондон], 27 мая 1889 г.

...Пришлите мне статью для русского журнала[63], я отправлю ее Даниельсону.

Так как Лавров ломается, то обратитесь по адресу:

Н. Аксельрод, кефирное заведение

Hirschengraben, Цюрих

и попросите достать Вам подписи Веры Засулич (поскольку у Вас нет ее адреса), его собственную *, а также Г. Плеханова и других русских марксистов. То-то будет изумлен наш бравый эклектик!

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 185

* — П. Б. Аксельрода. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА»[64]

I

Мы, западноевропейская рабочая партия, вдвойне заинтересованы в победе русской революционной партии.

Во-первых, потому, что царская Российская империя является главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции; потому, что одно уже ее пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность.

А во-вторых, потому, — и этот момент мы, со своей стороны, все еще недостаточно подчеркивали, — что своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата.

Карлу Марксу принадлежит та заслуга, что он первый указал в 1848 г. и с тех пор неоднократно подчеркивал, что именно по этой причине западноевропейская рабочая партия вынуждена бороться не на жизнь, а на смерть с русским царизмом. Выступая в том же духе, я и здесь лишь продолжаю дело моего покойного друга, выполняю то, что ему не суждено было осуществить.

Да и среди русских революционеров обнаруживается подчас относительно слабое знакомство с этой стороной русской истории. Это объясняется, во-первых, тем, что в самой России допускается на этот счет лишь официальная легенда, а во-вторых, многие настолько сильно презирают царское правительство, что считают его неспособным ни на какие разумные действия, неспособным отчасти в силу его ограниченности, отчасти вследствие коррупции. В области внутренней политики это, впрочем, верно; тут неспособность царизма совершенно очевидна. Однако нужно знать не только слабые, но и сильные стороны противника. А внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм силен, очень силен...

III

...Внутреннее развитие России со времени 1856 г., поддержанное политикой правительства, оказало свое действие; социальная революция сделала гигантские успехи; Россия с каждым днем становится все более и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности,

железных дорог, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества — все это происходит в России с возрастающей быстротой. Но в той же мере все больше обнаруживается и несовместимость царского абсолютизма с новым обществом, находящимся в стадии становления. Образуются оппозиционные партии, конституционные и революционные, которые правительство может подчинить себе лишь при помощи все более грубого насилия. И русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово и когда необходимость урегулирования своих собственных внутренних дел не оставит ему ни времени, ни желания заниматься такими ребяческими затеями, как завоевание Константинополя, Индии и мирового господства. Революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери.

Правда, когда читаешь русские газеты, можно подумать, что вся Россия увлечена царской завоевательной политикой; повсюду — сплошной шовинизм и панславизм, призывы к освобождению христиан от турецкого ига, а славян — от немецко-мадьярского. Но, во-первых, каждый знает, какие оковы наложены на русскую прессу; во-вторых, правительство годами насаждало этот шовинизм и панславизм во всех школах; и в-третьих, эта пресса, поскольку она вообще выражает какое-либо независимое мнение, является выразителем лишь настроений городского населения, то есть народившейся буржуазии, которая, конечно, заинтересована в новых завоеваниях как в средстве расширения русского рынка. Но это городское население составляет во всей стране ничтожное меньшинство. Как только национальное собрание предоставит возможность высказать свое собственное мнение подавляющему большинству русского народа, сельскому населению, — мы услышим тогда другие вещи. Опыт, который правительство проделало с земствами * и который вынудил его вновь свести эти земства к нулю [65], служит гарантией того, что русское национальное собрание, чтобы преодолеть хотя бы самые главные внутренние трудности, очень скоро должно будет решительно положить конец всем стремлениям к новым завоеваниям.

Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзас-Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) все жарче разгорающейся во всех странах

* В оригинале здесь и ниже русское слово, написанное готическими буквами. *Ред.*

борьбой между пролетариатом и буржуазией, показателем которой служит наблюдающийся повсюду подъем социалистического движения.

Двумя первыми фактами обусловливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Германская аннексия превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзниц Германии. Оба лагеря готовятся к решительной борьбе, к войне, какой еще не видел мир, к войне, в которой друг другу будут противостоять от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали тому, что эта страшная война до сих пор не разразилась: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый изобретенный образец оружия оказывается превзойденным новыми изобретениями раньше, чем его успеют ввести хотя бы только в *одной* армии, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы.

Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, который позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность.

В этот день Бисмарк потеряет всех своих союзников против Франции, которых бросила в его объятия русская угроза. Ни для Австрии, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка каштаны из огня, участвуя в гигантской европейской борьбе. Германская империя снова окажется в том изолированном положении, при котором, по словам Мольтке, все ее боятся, но никто не любит, что является неизбежным результатом ее политики. И тогда взаимное сближение борющейся за свою свободу России и республиканской Франции будет настолько же естественным для положения обеих стран, насколько и безопасным для общего положения Европы. В этом случае и сам Бисмарк, или его преемник, трижды подумает, прежде чем решится развязать против Франции войну, в которой ни Россия не станет прикрывать его фланг от Австрии, ни Австрия от России, и обе будут радоваться каждому понесенному им поражению, так что весьма сомнительно, справится ли он даже с одними французами. Все симпатии были бы тогда на стороне Франции, и она даже в самом худшем случае была бы гарантирована от дальнейших территориальных потерь. Поэтому, вместо того чтобы держать курс на войну, Германская империя вскоре нашла бы, вероятно, свое изолированное положение настолько невыносимым, что

стала бы искренне добиваться соглашения с Францией; тем самым грозная опасность войны была бы устранена, *Европа могла бы разоружиться*, и больше всех выиграла бы от этого сама Германия.

В тот же день Австрия утратит единственное историческое оправдание своего существования — служить барьером русскому наступлению на Константинополь. Как только Россия перестанет угрожать Босфору, Европа потеряет всякий интерес к существованию этого пестрого конгломерата народов. Утратит также свое значение и весь так называемый восточный вопрос, — вопрос о дальнейшей судьбе турецкого господства в областях со славянским, греческим и албанским населением, а также спор из-за обладания входом в Черное море, которым тогда уже никто не сможет монопольно завладеть и использовать против Европы. Мадьяры, румыны, сербы, болгары, арнауты *, греки и турки получат, наконец, возможность уладить без иностранного вмешательства взаимные споры, произвести размежевание своих национальных территорий, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению. Тогда сразу обнаружится, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов и обломков различных народностей на территории между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который использовал мнимое освобождение этих народов для маскировки своих планов мирового господства.

Франция избавится тогда от того противоестественного, вынужденного положения, в которое поставил ее союз с царем. Если царю претит союз с республикой, то революционному французскому народу гораздо более претит союз с деспотом, палачом Польши и России. В войне на стороне царя Франция в случае поражения была бы лишена возможности прибегнуть к своему великому, единственно действенному средству спасения, к целебному средству 1793 г. — революции, мобилизации всех сил народа посредством террора и революционной пропаганде во вражеской стране. В этом случае царь немедленно объединился бы с врагами Франции, так как с 1848 г. времена сильно изменились, и царь с тех пор имел возможность в самой России познакомиться на собственном опыте, что собой представляет террор. Таким образом, союз с царем вовсе не означает усиления Франции; напротив — в момент наибольшей опасности он помешает ей обнажить свой меч. Но если в России место могущественного царя займет русское национальное собрание, тогда союз новой освобожденной России с республиканской Францией будет вполне естественным и само собой разумеющимся, тогда он будет способствовать, а не мешать революционному движению во Франции, тогда он будет выгоден и борю-

* — турецкое название албанцев. *Ред.*

щемуся за свое освобождение европейскому пролетариату. Таким образом, и Франция выиграет в результате крушения царского всемогущества.

Вместе с этим исчезнут и все предлоги для безумной гонки вооружений, превращающих всю Европу в военный лагерь и заставляющих смотреть на войну чуть ли не как на избавление. Тогда даже германский рейхстаг вынужден был бы очень скоро отказать в постоянно возрастающих требованиях денежных ассигнований на военные цели.

И тем самым Запад, не тревожимый и не отвлекаемый иностранным вмешательством, получил бы возможность заняться своей современной исторической задачей: разрешением конфликта между пролетариатом и буржуазией и переустройством капиталистического общества в социалистическое.

Но крушение царского самодержавия в России оказало бы и непосредственное воздействие на ускорение этого процесса. В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции, — в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер. Ибо реакционные правительства Европы прекрасно понимают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т. д., может наступить такой момент, когда они охотно швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, что он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда сам этот главный оплот перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние остатки самоуверенности и спокойствия; им тогда придется рассчитывать лишь на свои собственные силы и они скоро почувствуют, насколько это меняет положение. Возможно, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!

Таковы те обстоятельства, в силу которых Западная Европа вообще, и западноевропейская рабочая партия в особенности, заинтересованы, весьма глубоко заинтересованы, в победе русской революционной партии и в свержении царского абсолютизма. С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштаба и силы. Одно только может остановить ее: перемена политического строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению. Пусть же эта перемена произойдет своевременно, прежде чем свершится то, что без нее неизбежно.

Написано в декабре 1889 —
феврале 1890 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22, стр. 13—14 и 47—52
(без разночтений из английского варианта)

ЭНГЕЛЬС — П. ЛАФАРГУ

В ЛЕ-ПЕРРЕ

Лондон, 2 сентября 1891 г.

...В России уже наступил голод; в Германии он наступит через несколько месяцев; другие страны пострадают в меньшей степени и вот почему: недобор урожая в 1891 г. исчисляется в 4 миллиона кварт ($11^1/_2$ миллионов гектолитров) пшеницы и 30—35 миллионов кварт (87 или $101^1/_2$ миллионов гектолитров) *ржи*, а этот последний огромный недобор затрагивает прежде всего две страны, потребляющие рожь, — Россию и Германию.

Это обеспечивает нам мир до весны 1892 года. Россия до того времени не шевельнется; следовательно, если только в Париже или Берлине не натворят невероятных глупостей, войны не будет.

Но зато переживет ли царизм этот кризис? Я в этом сомневаюсь. В больших городах, и особенно в Петербурге, слишком много мятежных элементов, чтобы они не попытались использовать представившийся случай для низложения пьяницы Александра III, или для того, чтобы поставить его под контроль национального собрания; возможно, что он сам возьмет на себя инициативу созыва такого собрания. Россия (то есть правительство и молодая буржуазия) очень много потрудилась над созданием крупной национальной промышленности (см. в «Neue Zeit» статью Плеханова [66]); развитие этой промышленности сразу приостановится, так как голод лишит ее единственного рынка сбыта — внутреннего рынка. Царь увидит, к чему приводит превращение России в *самоснабжающуюся страну,* независимую от заграницы; он окажется перед лицом сельскохозяйственного кризиса, усугубленного кризисом промышленным...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 128—129

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

В БЕРЛИН

Лондон, 29 сентября — 1 октября 1891 г.

...По твоему мнению, внутренние затруднения *вынудят* Россию начать войну. Я этого не думаю — по крайней мере в том смысле, в каком это,

вероятно, понимаешь ты. В России страдают три класса: дворяне-землевладельцы, крестьянство и нарождающийся пролетариат. Последний еще слишком слаб для революции, а первые уже бессильны для нее; крестьяне же не пойдут дальше местных восстаний, которые будут бесплодны, пока победоносное восстание в городских центрах не придаст этим восстаниям недостающей спайки и не окажет им поддержки. Зато молодая буржуазия процветает, как нигде; она постепенно приближается к тому моменту, когда ее конфликт с бюрократией будет неизбежен, но до этого может пройти еще много лет. Русская буржуазия образовалась из откупщиков питейных сборов и из поставщиков армии, обворовывавших государство; всем своим существованием она обязана государству: покровительственные пошлины, субсидии, казнокрадство, жесточайшая эксплуатация рабочих с разрешения и под защитой государства. Нелегко будет дождаться, пока эта буржуазия, по гнусности далеко превосходящая нашу, посягнет на царизм.

Если внимание к интересам *этой* буржуазии способствует развязыванию войны, то только потому, что она перевела панславизм на материалистический язык или, вернее, открыла его материальную основу: расширение внутреннего рынка при помощи аннексий. Отсюда славянофильский фанатизм, отсюда дикое германофобство, — ведь еще 20 лет тому назад торговля и промышленность России были почти исключительно в руках немцев! — отсюда травля евреев. Эта подлая и невежественная, не видящая дальше своего носа буржуазия, несомненно, хочет войны и подстрекает к ней в печати. Но из страха перед революцией внутри страны царь *теперь* не станет начинать войну. Это имело смысл в 70-х годах, когда разоряющееся дворянство в земствах осознало свое одинаковое повсюду положение и начало выражать недовольство. Теперь это дворянство уже слишком опустилось, распродает свои имения буржуазии, оказалось уже совершенно бессильным перед властью ее денежного мешка, а эта последняя составляет новый оплот царизма как раз в главных городах, откуда только и могла бы угрожать опасность. Дворцовый переворот или удачное покушение могли бы теперь привести к власти только буржуазию независимо от того, кто его совершит. Эта буржуазия, разумеется, могла бы скорее ринуться в войну, чем даже царь...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 136—137

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СТАТЬИ «СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ»

...Русский голод — это не только результат неурожая, он является элементом глубокой социальной революции, происходившей в России со времени Крымской войны; он представляет собой лишь вызванное этим неурожаем превращение хронической болезни, связанной с этой революцией, в острую.

Старая Россия безвозвратно сошла в могилу в тот день, когда царь Николай, отчаявшись в себе и в старой России, принял яд. На ее развалинах строится Россия буржуазная.

Зачатки буржуазии существовали уже тогда. Это были частью банкиры и купцы-импортеры, — преимущественно немцы и обрусевшие немцы, или их потомки, — а частью сами русские, нажившиеся на внутренней торговле, главным образом откупщики питейных сборов и поставщики армии, разбогатевшие за счет государства и народа; имелось уже и некоторое количество фабрикантов. В дальнейшем эту буржуазию, особенно промышленную, стали буквально выращивать посредством щедрой государственной помощи, субсидий, премий и покровительственных пошлин, постепенно доведенных до крайних пределов. Необъятная русская империя должна была превратиться в существующую за счет собственной продукции производящую страну, способную полностью или почти полностью обходиться без иностранного ввоза. И вот для того, чтобы не только непрерывно расширялся внутренний рынок, но чтобы внутри страны производились также продукты более жарких поясов, возникает постоянное стремление к завоеваниям на Балканском полуострове и в Азии, причем конечной целью в первом случае является Константинополь, а во втором — Британская Индия. В этом секрет, в этом экономическая основа того стремления к расширению, которое так сильно охватило русскую буржуазию и которое, когда оно направлено на юго-запад, называют панславизмом.

Но с такими промышленными планами крепостная зависимость крестьян была абсолютно несовместима. Она пала в 1861 году. Но каким образом! За образец был взят прусский метод отмены личной зависимости и барщины, медленно проводившейся с 1810 по 1851 год; однако в России все должно было быть закончено в несколько лет. Поэтому, чтобы сломить сопротивление крупных земельных собственников и владельцев «душ», им надо было сделать еще больше уступок, чем сделали в свое время господам помещикам прусское государство и его продажные чиновники. Что же касается продажности, то прусский бюрократ был невинным младенцем

по сравнению с русским чиновником *. Таким образом, при разделе земли дворянство получило львиную долю, и притом, как правило, ему досталась земля, которая была сделана плодородной трудом многих поколений крестьян; крестьяне же получили лишь самые минимальные наделы, и к тому же по большей части на плохой, заброшенной земле. Общинный лес и общинный выгон отошли к помещику; если крестьянин пожелал бы ими пользоваться, — а без них он не мог существовать, — он должен был за это платить помещику.

Для того чтобы те и другие, и помещики и крестьяне, как можно быстрее разорились, дворяне сразу получили от правительства всю капитализированную выкупную сумму в виде государственных облигаций, в то время как крестьяне были обязаны долгие годы выплачивать ее частями. Как и следовало ожидать, дворянство немедленно растранжирило бо́льшую часть полученных денег, а крестьянин вследствие непомерно возросших для его положения денежных платежей был сразу переброшен из условий натурального хозяйства в условия денежного хозяйства.

Русский крестьянин, которому раньше почти не приходилось производить платежи наличными деньгами, кроме сравнительно небольших налогов, должен теперь не только жить с этого урезанного и худшего по качеству земельного участка, который ему отведен, а также, после отмены свободного пользования лесом и пастбищем на общинных землях, кормить в течение всей зимы свой рабочий скот и улучшать свой земельный участок, но он должен еще платить повышенные налоги, да вдобавок вносить ежегодные выкупные платежи, и все это наличными деньгами. Этим он был поставлен в такое положение, при котором он не мог ни жить, ни умереть. К тому же прибавилась еще конкуренция недавно возникшей крупной промышленности, отнявшей у него рынок для его кустарных промыслов, — а кустарные промыслы были главным источником денежных доходов для многочисленного русского крестьянства; или же, там, где дело не зашло еще так далеко, эти кустарные промыслы зависели от милости купца, то есть посредника, саксонского Verleger или английского Sweater, так что крестьяне-кустари превращались в прямых рабов капитала. Словом, кто хочет узнать, что̀ претерпел русский крестьянин за последние тридцать лет, тому достаточно лишь прочитать в первом томе «Капитала» Маркса главу о «создании внутреннего рынка» (гл. 24, раздел 5) **.

Разорение крестьян, вызываемое переходом от натурального хозяйства к денежному, этим главным средством создания внутреннего рынка для

* В оригинале русское слово, написанное готическими буквами. *Ред.*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 755—759. *Ред.*

промышленного капитала, классически изображено Буагильбером и Вобаном на примере Франции во времена царствования Людовика XIV. Но то, что в то время происходило, — это детская игра по сравнению с тем, что происходит ныне в России. Во-первых, самый масштаб раза в три-четыре больше, а во-вторых, несоизмеримо более глубок тот переворот в условиях производства, ради которого был навязан крестьянам этот переход от натурального хозяйства к денежному. Французский крестьянин медленно втягивался в сферу мануфактурного производства, русский же крестьянин сразу попадает в бурный водоворот крупной промышленности. Если мануфактурное производство било по крестьянам из кремневого ружья, то крупная промышленность бьет по ним из магазинного ружья.

Таково было положение, когда неурожай 1891 г. сразу обнажил весь переворот со всеми его последствиями, незаметно происходивший уже давно, но остававшийся не замеченным европейским филистером. Это положение было именно таково, что первый же неурожай должен был повлечь за собой кризис в масштабе всей страны. И кризис наступил — такой, какого не преодолеть в течение многих лет. Перед лицом такого голода бессильно любое правительство, но больше всего русское, которое само специально приучает своих чиновников к воровству. Старые коммунистические обычаи и порядки, имевшиеся у русского крестьянства, отчасти уничтожались после 1861 г. ходом экономического развития, отчасти систематически искоренялись самим правительством. Старая коммунистическая община распалась или во всяком случае распадается, но в тот самый момент, когда отдельный крестьянин становится на собственные ноги, у него в этот момент вырывают почву из-под ног. Удивительно ли после этого, что прошлой осенью озимые были засеяны лишь в очень немногих уездах? А там, где они были засеяны, их большей частью погубила непогода. Удивительно ли, что рабочий скот, главное орудие крестьян, сначала сам испытывал недостаток корма, а затем, по той же неумолимой причине, был съеден самим крестьянином? Удивительно ли, что крестьянин покидает свой родной дом и бежит в город, где он тщетно ищет работу, но куда он тем вернее заносит голодный тиф?

Словом, мы имеем здесь дело не просто с очередным голодом, а с глубоким кризисом, который годами незаметно подготавливался экономической революцией и в результате неурожая принял лишь острую форму. Но этот острый кризис в свою очередь снова становится хроническим и угрожает затянуться на долгие годы. В экономическом отношении кризис ускоряет разложение старокоммунистической крестьянской общины, обогащение деревенских ростовщиков (kulaki), превращение их в крупных землевладельцев и вообще переход земельных владений дворянства и крестьян в руки новой буржуазии.

Для Европы этот кризис означает пока мир. Воинственный пыл России парализован на ряд лет. Вместо того чтобы миллионы солдат умирали на полях сражений, миллионы русских крестьян умирают с голоду. Чем, однако, все это кончится для русского деспотизма? Поживем — увидим.

Написано в январе 1892 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22, стр. 260—264

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «СТАТЬИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ ИЗ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT» (1871—75)»

...Последнюю статью, *«О социальном вопросе в России»* [43], тоже появившуюся в 1875 г. в виде отдельной брошюры *, теперь нельзя было переиздавать без более или менее обстоятельного послесловия. Вопрос о будущем русской крестьянской общины больше чем когда бы то ни было занимает всех русских, задумывающихся над экономическим развитием своей страны. Цитируемое мной письмо Маркса ** истолковывалось русскими социалистами самым различным образом. И в последнее время ко мне не раз обращались русские, живущие как в России, так и за границей, с просьбой высказать мои взгляды по этому вопросу. Долгое время я сопротивлялся, слишком хорошо сознавая, как недостаточно мое знакомство с особенностями экономического положения России; мог ли я в одно и то же время подготавливать к печати третий том «Капитала» и изучать поистине колоссальную литературу, в которой старая Россия, по любимому выражению Маркса, составляет перед смертью опись своего имущества? Но меня настойчиво просят переиздать работу «О социальном вопросе в России», и это обстоятельство заставляет меня попытаться в дополнение к этой старой статье сделать некоторые выводы, вытекающие из историко-сравнительного исследования нынешнего экономического положения России. Если эти выводы и не обещают безусловно русской общине великое будущее, то, с другой стороны, они послужат обоснованием того взгляда, что приближающаяся гибель капиталистического

* См. настоящий сборник, стр. 61—72. *Ред.*
** См. там же, стр. 77—79. *Ред.*

общества на Западе даст и России возможность значительно сократить свое прохождение через стадию капитализма, которое становится теперь неизбежным.

Ф. Энгельс

Лондон, 3 января 1894 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22, стр. 435

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАБОТЕ «О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ»

Прежде всего я должен сделать ту поправку, что г-н П. Ткачев, если говорить точно, был не бакунистом, то есть анархистом, а выдавал себя за «бланкиста». Ошибка эта была естественна, так как упомянутый г-н Ткачев, следуя тогдашнему обычаю русских эмигрантов, объявлял себя перед Западной Европой солидарным со всей русской эмиграцией и в своей брошюре действительно защищал также и Бакунина с компанией от моей критики, защищал так, как будто бы она была направлена лично против него.

Взгляды на русскую коммунистическую крестьянскую общину, которые он отстаивал в полемике со мной, были по существу взглядами Герцена. Этот последний, панславистский беллетрист, которого раздули в революционера, узнал из «Этюдов о России» Гакстгаузена [44], что крепостные крестьяне в его имениях не ведают частной собственности на землю, а время от времени производят между собой передел пахотной земли и лугов. Как беллетристу, ему не к чему было изучать то, что̀ вскоре стало известно всем и каждому, а именно, что общинная собственность на землю является формой владения, которая в первобытную эпоху господствовала у германцев, кельтов, индийцев, словом у всех индоевропейских народов, в Индии существует еще и поныне, в Ирландии и Шотландии только недавно насильственно уничтожена, в Германии встречается местами даже теперь, что это отмирающая форма владения, которая па деле представляет собой явление, общее всем народам на известной ступени развития. Но как панславист, Герцен, который был социалистом в лучшем случае на словах, увидел в общине новый предлог для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гнилым Западом свою «святую» Русь и ее миссию — омолодить и возродить, в случае необходимости даже силой оружия, этот прогнивший, отживший

* См. настоящий сборник, стр. 61—72. *Ред.*

свой век Запад. То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, русские имеют в готовом виде у себя дома.

«Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем состоит вопрос о будущем России, то есть вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада» (Герцен. Письма к Линтону) [67].

Итак, в России, пожалуй, еще существует политический вопрос; но «социальный вопрос» для России уже разрешен.

Так же просто, как и Герцен, смотрел на дело слепо подражавший ему Ткачев. Хотя в 1875 г. он и не мог больше утверждать, будто «социальный вопрос» в России уже разрешен, однако он говорил, что русские крестьяне, как прирожденные коммунисты, стоят бесконечно ближе к социализму и, сверх того, им живется несравненно лучше, нежели бедным, забытым богом западноевропейским пролетариям. Если французские республиканцы, в силу их столетней революционной деятельности, считали свой народ избранным народом в политическом отношении, то многие из тогдашних русских социалистов провозглашали Россию избранным народом в социальном отношении; не западноевропейский пролетариат принесет-де своей борьбой возрождение старому экономическому миру, нет, это возрождение придет к нему из самых недр русского крестьянства. Против этого ребяческого взгляда и была направлена моя критика.

Однако русская община привлекла внимание и заслужила себе признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов [27] навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилюйске, среди якутов. Все его духовное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России. Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше.

Чернышевский тоже видит в русской крестьянской общине средство для перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а

с другой — выше, чем западноевропейское капиталистическое общество с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России.

«Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселянина». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас». (Чернышевский. Сочинения, женевское издание, т. V, стр. 16—19; цитировано у Плеханова, «Наши разногласия» *, Женева, 1885) [68].

А об уральских казаках, у которых еще господствовала общественная обработка земли с последующим разделом продукта между отдельными семьями, он говорит:

«Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». (Ibidem **, стр. 131.)

Не следует только при этом забывать, что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемой от гибели из соображений военного характера (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас подворные общины [Gehöferschaften] на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешнее устройство сохранится у них до момента введения машин, то от этого получат выгоду не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются.

Во всяком случае, факт таков: в то время как в Западной Европе капиталистическое общество распадается и неустранимые противоречия его собственного развития грозят ему гибелью, в это самое время в России около половины всей обрабатываемой земли находится еще, как общая

* В оригинале название книги написано по-русски латинскими буквами. *Ред.*
** — Там же. *Ред.*

собственность, в руках крестьянских общин. Если на Западе разрешение противоречий посредством новой организации общества предполагает, как необходимое условие, переход всех средств производства, следовательно и земли, в собственность всего общества, то в каком же отношении к этой общей собственности, которую на Западе только предстоит создать, находится общинная собственность, уже существующая или, вернее, еще существующая в России? Не может ли она послужить исходным пунктом народного движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общую собственность на все средства производства, обогатив его всеми техническими достижениями капиталистической эры? Или, как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме, цитируемом ниже *: «Должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные?»

Уже самая постановка вопроса показывает то направление, в котором нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стимула выработать из самой себя высшую форму общей собственности; точно так же обстояло дело с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с их первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их, а также и возникавшего внутри них и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга землевладельцев. Поэтому, если вообще можно ставить вопрос о том, не предстоит ли русской общине иная и лучшая судьба, то причина этого коренится не в ней самой, а единственно в том обстоятельстве, что в одной из европейских стран она сохранила относительную жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже его высшая и последняя форма — капиталистическое производство пришло в противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно оказывается неспособным управлять долее этими силами и когда оно гибнет от этих внутренних противоречий и обусловленных ими классовых конфликтов. Уже из этого вытекает, что инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь

* См. настоящий сборник, стр. 119—121. *Ред.*

от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития.

В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения. Сама русская крестьянская община уже в 1861 г. представляла собой сравнительно ослабленную форму этого коммунизма; совместная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в южнославянской домашней общине (задруге), вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место ведению хозяйства отдельными семьями; общинная собственность проявлялась еще только в повторяющихся переделах земли, производившихся в различных местностях через самые различные промежутки времени. Стоит этим переделам прекратиться самим по себе или в результате особого постановления, — и перед нами деревня парцелльных крестьян.

Но один тот факт, что, существуя бок о бок с русской крестьянской общиной, капиталистическое производство в Западной Европе приближается в то же время к моменту своей гибели и в нем самом уже имеется зародыш новой формы производства, при которой средства производства в качестве общественной собственности будут применяться в плановом порядке, — один этот факт не может вдохнуть в русскую общину силу, дающую ей возможность развить из самой себя эту новую общественную форму. Каким образом община может освоить гигантские производительные силы капиталистического общества в качестве общественной собственности и общественного орудия, прежде чем само капиталистическое общество совершит эту революцию? Каким образом может русская община показать миру, как вести крупную промышленность на общественных началах, когда она разучилась уже обрабатывать на общественных началах свои собственные земли?

Правда, в России есть немало людей, которые хорошо знают западное капиталистическое общество со всеми его непримиримыми противоположностями и конфликтами и ясно представляют себе, где выход из этого кажущегося тупика. Но, во-первых, те несколько тысяч людей, которые это понимают, живут не в общине, а те добрых пятьдесят миллионов людей, которые в Великороссии живут еще в условиях общинной собственности на землю, не имеют обо всем этом ни малейшего понятия. Им по меньшей мере так же чужды и непонятны взгляды этих нескольких тысяч людей, как были чужды и непонятны английским пролетариям 1800 — 1840 гг. те планы, которые придумывал для их спа-

сения Роберт Оуэн. И среди рабочих, которые работали на фабрике Оуэна в Нью-Ланарке, большинство состояло из людей, тоже выросших при порядках и обычаях распадающегося коммунистического родового строя, в кельтско-шотландском клане, однако Оуэн ни слова не говорил о том, что у этих людей он встретил лучшее понимание. А, во-вторых, исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не делает низшую общественную форму способной создать из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства.

Но зато не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока еще капиталистического Запада. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится

не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития. В России, однако, это будет сравнительно наиболее легко, потому что здесь часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития, благодаря чему в период революции здесь возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом.

Это было уже высказано Марксом и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в переводе Плеханова. Мы писали там:

«Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России бо̀льшую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» *.

Не следует, однако, забывать, что упомянутое здесь далеко зашедшее разложение русской общинной собственности сделало с тех пор значительный шаг вперед. Поражения во время Крымской войны ясно показали необходимость для России быстрого промышленного развития. Прежде всего нужны были железные дороги, а их широкое распространение невозможно без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней было так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра, но тем самым и эра быстрого разрушения общинной собственности на землю. Обременение крестьян выкупными платежами и повышенными налогами при одновременном предоставлении им уменьшенных и худших земельных наделов неизбежно привело к тому, что крестьяне оказались в руках ростовщиков, в большинстве случаев разбогатевших членов крестьянской общины. Железные дороги открыли для многих прежде отдаленных местностей доступ к рынкам сбыта производимого ими хлеба; но зато по тем же дорогам стали доставляться туда дешевые продукты крупной промышленности, вытеснявшие кустарный

* См. настоящий сборник, стр. 89. *Ред.*

промысел крестьян, которые до тех пор изготовляли подобные изделия частью для собственного потребления, а частью для продажи. Исконные хозяйственные отношения были нарушены, начался распад связей, которым повсюду сопровождается переход от натурального хозяйства к денежному, среди членов общины появились крупные имущественные различия, — бедняки попадали в кабалу к богатеям. Одним словом, здесь началось разложение русской общины в результате того же процесса проникновения денежного хозяйства, который в Афинах незадолго до Солона привел к разложению афинского рода *. Солон мог, правда, посредством революционного вторжения в тогда еще довольно юное право частной собственности освободить закабаленных должников, попросту аннулировав их долги. Но возвратить к жизни древнеафинский род он не мог, и точно так же нет такой силы в мире, которая была бы в состоянии восстановить русскую общину, как только процесс ее разложения достиг определенного уровня. К тому же русское правительство запретило устраивать переделы земли между членами общины чаще, чем раз в 12 лет, с той целью, чтобы крестьянин все больше и больше отвыкал от переделов и начинал смотреть на себя как на частного собственника своего надела.

Маркс высказался в этом духе еще в 1877 г. в одном своем письме в Россию. Некий г-н Жуковский, тот самый, который ныне в качестве кассира Государственного банка скрепляет своей подписью русские кредитные билеты, напечатал что-то о Марксе в «Вестнике Европы» (Vestnik Jevropy), другой писатель ** выступил с возражением ему в «Отечественных Записках» (Otetschestvenyja Zapiski). В качестве поправки к этой последней статье Маркс написал редактору «Записок» письмо [46], которое долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, а затем было опубликовано в русском переводе в 1886 г. в «Вестнике Народной Воли» (Věstnik Narodnoj Voli) в Женеве, а позднее и в самой России ***. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах и истолковывалось самым различным образом; поэтому я приведу здесь в существенных чертах его содержание.

Прежде всего Маркс отвергает навязанный ему «Отечественными Записками» взгляд, будто он, так же, как и русские либералы, считает, что для России нет более неотложного дела, как уничтожить крестьянскую общинную собственность и стремительно перейти к капитализму. Его краткое замечание о Герцене в добавлении к первому изданию «Капитала»

* См. *Энгельс.* «Происхождение семьи и т. д.», 5 изд., Штутгарт, 1892, стр. 109—113. [69]
** — Н. К. Михайловский. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*

ровно ничего не доказывает. Это замечание гласит: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской... будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в раздувании масштабов национальной военщины, государственных долгов, налогов, в изящном способе ведения войны и т. д., — то, пожалуй, в конце концов, станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный московит Герцен (заметим, между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно «русского коммунизма» не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена)» («Капитал», т. I, первое немецкое издание, стр. 763)[47]. Затем Маркс продолжает: это место «ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия» (далее в подлиннике следует цитата на русском языке) «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» и т. д. — «В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике»» (Чернышевском) «с высоким уважением, какого он заслуживает*. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения».

«Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. *Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»* **.

Далее Маркс разъясняет еще некоторые ошибки, в которые впал его критик; единственное место, относящееся к рассматриваемому нами вопросу, гласит:

«Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России». (Речь идет о первоначальном накоплении ка-

* См. настоящий сборник, стр. 41 и 77. *Ред.*
** Курсив Энгельса. *Ред.*

питала.) «Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все».

Так писал Маркс в 1877 году. В России в те времена было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета (ispolnitel'nyj komitet) заговорщиков-террористов [70]. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию ее сильнейшего оплота, ее великой резервной армии, и тем самым дать также новый могучий толчок политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться с прыжком в капитализм.

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом, который в данный момент даже толкнул в объятия царизма все имущие классы, «любящие порядок». И в течение 17 лет, которые протекли с той поры, как было написано письмо Маркса, и развитие капитализма и распад крестьянской общины в России шагнули далеко вперед. Как же обстоит дело теперь, в 1894 году?

Так как после поражений в Крымской войне и самоубийства императора Николая I старый царский деспотизм продолжал существовать в неизменном виде, — оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности. Армию погубили гигантские пространства империи, погубили продолжительные переходы к театру военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но железные дороги означают создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя создать *одну* отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с ней всю систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также

в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собой произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей. Таким образом, в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины.

Сетовать на это теперь — бесполезно. Если бы после Крымской войны царский деспотизм был заменен прямым парламентским господством дворянства и бюрократии, то процесс этот был бы, может быть, несколько замедлен; если бы у власти стала нарождавшаяся буржуазия, то процесс этот наверняка был бы ускорен. При сложившихся условиях иного выбора не было. В то время как во Франции существовала Вторая империя, в то время как в Англии пышно расцвела капиталистическая промышленность, нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины бросилась очертя голову производить сверху государственно-социалистические эксперименты. Что-то должно было произойти. И произошло то, что было возможно при таких условиях; как везде и всегда в странах товарного производства, люди действовали по большей части лишь полусознательно или же совершенно механически, не зная, что̀ они делают.

Между тем наступил новый период, начало которому положила Германия, период революций сверху, а вместе с тем период быстрого роста социализма во всех европейских странах. Россия приняла участие в общем движении. Как и следовало ожидать, движение это приняло здесь форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы интеллектуального и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно.

А пока кипела эта борьба, капитализм в России бойко шел вперед и все больше и больше достигал той цели, которой не удалось достичь террористам: принудить царизм к капитуляции.

Царизму нужны были деньги. Нужны были не только для придворной роскоши, для бюрократии и прежде всего — для армии и внешней политики, основанной на подкупах, но особенно для его жалкого финансового хозяйства и соответствующей ему нелепой политики в области железнодорожного строительства. За границей больше не желали и не могли покрывать все дефициты царской казны; приходилось искать помощи внутри страны. Часть железнодорожных акций пришлось распространить в самой стране; также и часть займов. Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, а государству все будущие убытки. Затем последовали субсидии и премии за учреждение промышленных предприятий, а также покровительственные пошлины в интересах отечественной промышленности, пошлины, из-за которых ввоз многих предметов стал в конце концов совершенно невозможным. Русскому государству, при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, приходится в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей. Но в России нет золотого обращения, — там обращаются только бумажные деньги. Некоторое количество золота поступает от таможенных пошлин, которые взимаются только в золоте, что̀, между прочим, повышает величину этих пошлин на 50 процентов. Но наибольшее количество золота должно поступать от превышения вывоза русского сырья над ввозом изделий иностранной промышленности; векселя, выдаваемые иностранными покупателями на сумму этого избытка, русское правительство скупает внутри России на бумажные деньги и получает по ним золото. Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самоснабжающейся промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки. Ибо если этого не произойдет, то не останется ничего другого, как тронуть накопленный в Государственном банке и казначействе металлический военный фонд или же решиться на государственное банкротство. И в том и в другом случае это был бы конец русской внешней политики.

Ясно одно: при таких обстоятельствах молодая русская буржуазия держит государство полностью в своих руках. Во всех важных экономических вопросах оно вынуждено подчиняться ее желаниям. Если она еще мирится с деспотическим самодержавием царя и его чиновников, то только потому, что это самодержавие, помимо того, что оно смягчается подкупностью бюрократии, предоставляет ей больше гарантий, чем изменения, хотя бы и в буржуазно-либеральном духе, последствия которых при нынешнем положении дел внутри России никто не может предугадать. Так и идет во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины.

Я не берусь судить, уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего ниспровержение царского деспотизма, революция в России. Русская революция не только вырвет бо̀льшую часть нации, крестьян из изолированности их деревень, образующих их мир *, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем самих себя, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды, — русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества.

Написано в первой половине января 1894 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22, стр. 438—453

* В оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

II

ПЕРЕПИСКА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА С РУССКИМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

Г. М. ТОЛСТОЙ — МАРКСУ
В БРЮССЕЛЬ

[Март 1846 г.]

Дорогой друг!

Я рекомендую Вам г-на Анненкова. Это — человек, который должен понравиться Вам во всех отношениях. Его достаточно увидеть, чтобы полюбить. Он Вам расскажет обо мне. Я не имею теперь возможности высказать Вам все, что хотелось бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург.

Будьте уверены, что дружба, которую я питаю к Вам, вполне искренняя. Прощайте. Не забывайте Вашего истинного друга

Толстого

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ
В БРЮССЕЛЬ

Париж, 8 мая [1846 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Вот уже месяц, как я здесь. Я часто думал о Вас, но не мог найти свободной минуты, чтобы написать Вам. Не без основания говорят, что бездельники — самые занятые люди на свете. Письмо к Гейне, которое Вы любезно дали мне *, я вручил вместе со своей визитной карточкой, но так как я забыл при этом попросить Гейне о встрече, то он не ответил

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 27, стр. 393. *Ред.*

мне, и я остался ни с чем. Что касается Эвербека, то здесь никто не знает его адреса — ни Гервег, ни Бакунин, но я надеюсь скоро разыскать его. На днях я рассчитываю нанести визит Бернайсу в его уединении.

Выстрелом в короля * Париж не слишком был взволнован. Зато почетным крестам, которые раздавались в день Св. Филиппа, уделяется очень большое внимание. Полемика между двумя консервативными газетами по вопросу о том, какой король предпочтительнее: дурак или интриган, пришлась весьма кстати, чтобы развеселить парижскую публику, которой наскучили речи в палате и Тюильри. В ожидании приближающихся выборов мы болтаем и спорим с нашими общими друзьями о разных вещах: о Польше, о прусском кронпринце, о коммунизме, о Бёрне, о *роде*, о выставке и т. д. и т. п. Недавно я присутствовал на заседании рабочих-редакторов газеты «Union». Они тоже говорили и спорили, но они отрывали у своего сна время, чтобы предаваться такого рода интеллектуальному наслаждению, и конечным результатом их негласных дебатов всегда был новый номер газеты, которую они редактировали. Во всяком случае, диспуты были не бесполезны!

Я получил сведения, что Толстой решил продать все имения, которыми он владеет в России. Не трудно догадаться, с каким намерением.

Передайте привет г-ну Энгельсу и всем, кто еще помнит о скифе, бывавшем у них.

Дорогой Маркс, если Вы напишете мне пару слов по-немецки или как угодно и направите письмо по адресу rue Caumartin, 41, то Вы сделаете еще одно одолжение в дополнение к тем, которые уже сделали и которые я очень ценю.

Весь Ваш

П. Анненков

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 2 июня [1846 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Получив Ваше письмо от 27 мая [71], я поспешил переслать 140 франков Бернайсу через посредство Эвербека, так как непредвиденные обстоятельства помешали мне передать ему их лично. Я надеюсь еще

* — Луи-Филиппа. *Ред.*

иметь это удовольствие, когда поеду смотреть Монморанси, по соседству с Сарселем. Что касается Вашей *угрозы* послать мне большое письмо, так это как раз то, чего я больше всего желаю и что меня меньше всего пугает. Сделайте это, дорогой г-н Маркс, напишите мне, направляя, как обычно, письмо по адресу: rue Caumartin, 41, и рассчитывайте на мою признательность и взаимность.

Спор между Гизо и Тьером недавно разрешился на парламентской трибуне. Удивительное дело! В своей последней речи Тьер выставил себя представителем революции, прогресса. Вообще считают, что это на руку герцогу Немурскому, который может теперь совершить очень смелый, даже отважный, политический акт, пригласив Тьера на пост министра.

Кроме этого, ничего нового нет, если не считать полученного из Германии неприятного известия, что *сейм* запретил переиздание и распространение произведений Фейербаха.

До свидания, г-н Маркс. Примите мои приветствия и пишите мне.

Весь Ваш

П. Анненков

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 30 сентября * [1846 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Я только что вчера приехал из Италии и нашел у себя дома Ваше письмо [71]. Толстой, о котором пишут в «Allgemeine Zeitung» [72], совсем другой человек, не тот, которого мы знаем, и имеет с ним общее только имя. Толстой (из газеты) — действительно русский агент, доносчик на Долгорукова, Головина и многих других, явный шпион русской полиции и одинаково презираемый, надо полагать, как теми, которым он служит, так и теми, которых он предает. Он участвовал в восстании 1825 г. в России **, бежал после его поражения, а затем, чтобы добиться от правительства помилования за это преступление, дошел до того, что стал самым низким из лакеев и самым подлым из шпионов... О боже мой! А наш добропорядочный, простодушный, честный Толстой, который, находясь теперь в России, думает только о том, чтобы сбыть с рук свои имения

* В оригинале ошибочно: 30 октября. *Ред.*
** Имеется в виду восстание декабристов. *Ред.*

и поселиться в Европе. И я благодарю Вас, дорогой г-н Маркс, от его имени за то, что Вы усомнились, читая статью в «Allgemeine», и обратились ко мне за разъяснениями.

Я живу, как всегда, на rue Caumartin, 41, где и ожидаю известий от Вас и Ваших друзей и, главным образом, о Вашей работе [73].

Преданный Вам

П. Анненков

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 1 ноября 1846 г.

Очень прошу Вас извинить меня, дорогой г-н Маркс, что я почти месяц не отвечал на Ваше последнее письмо [71]. Я был до такой степени поглощен чтением книги Прудона («Система экономических противоречий» [74]), что пренебрег почти всеми своими обязанностями. Мне хотелось бы знать Ваше мнение об этой книге. Идеи автора о боге, провидении, антагонизме духа и материи, которого в действительности не существует, весьма путаны, но экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной. Никогда еще ни одна книга не показывала мне с такой ясностью, что цивилизация не может отказаться от всего того, что она приобрела путем разделения труда, машин, конкуренции и т. д., — и все это завоевано для человечества навсегда. Я прекрасно вижу дурную сторону дела (у Прудона это легко), — но так как он сражается против коммунизма и в то же время использует один из его догматов, чтобы разрешать трудности, то я не верю больше в его рецепты. В общем, его книга скорее усилила, чем ослабила мои сомнения, и я убежден, что такое же впечатление она произведет и на многих других. Вот почему я обращаюсь к Вам, чтобы узнать скрытый порок его системы, если таковой имеется, чтобы узнать, одним словом, что Вы думаете о ней? Признаюсь, что сам план работы представляется мне скорее плодом фантазии человека, которому удалось обозреть уголок немецкой философии, нежели необходимым результатом разработки определенной темы и ее логического развития.

Прошу Вас передать г-же Маркс мои чувства глубочайшего уважения и вместе с тем горячей признательности за высказанное ею желание

познакомиться с неизвестным, который, право же, не имеет никаких заслуг кроме того, что любит и уважает Вас, дорогой г-н Маркс.

Прощайте

П. Анненков

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

В ПАРИЖ

Брюссель, 28 декабря [1846 г.]

Дорогой г-н Анненков!

Вы уже давно получили бы ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал присылку мне книги г-на Прудона «Философия нищеты» [74] до прошлой недели. Я пробежал ее в два дня, для того чтобы иметь возможность сейчас же сообщить Вам свое мнение. Так как я прочел книгу очень бегло, то я не могу останавливаться на деталях. Я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если хотите, я могу написать о ней подробнее в следующем письме.

Признаюсь откровенно, что я нахожу в общем книгу плохой, очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «уголка немецкой философии», которым щеголяет г-н Прудон в этом бесформенном и претенциозном произведении, но Вы полагаете, что философский яд не отравил его экономических исследований. Я тоже далек от того, чтобы причиной ошибок экономических исследований г-на Прудона считать его философию. Г-н Прудон не потому дает ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, — он преподносит нам смехотворную философию потому, что не понял современного общественного строя в его сцеплении [engrènement], если употребить слово, которое г-н Прудон, как и многое другое, заимствует у Фурье.

Почему г-н Прудон говорит о боге, о всеобщем разуме, о безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который был всегда равен самому себе, о котором достаточно составить себе правильное представление, чтобы обладать истиной? Зачем он прибегает к поверхностно усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя?

Он сам дает нам ключ к разрешению загадки. Г-н Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюций. Он находит в истории осуществление прогресса. Он находит, наконец, что люди, взятые как

отдельные личности, не знали, что̀ они делали, что они ошибочно представляли себе свое собственное движение, то есть, что, на первый взгляд, их общественное развитие кажется вещью отличной, отдельной, не зависимой от их индивидуального развития. Он не в состоянии объяснить этих фактов, и тут-то и появляется гипотеза о проявляющем себя всеобщем разуме. Нет ничего легче, как изобретать мистические причины, то есть фразы, в тех случаях, когда не хватает здравого смысла.

Но г-н Прудон, признаваясь в своем полном непонимании исторического развития человечества, — а он признается в этом, когда прибегает к громким словам о всеобщем разуме, о боге и т. п., — не признается ли тем самым неизбежно и в том, что он не способен понять и *экономического развития?*

Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего никогда не поймет г-н Прудон, потому что он воображает, будто совершает что-то великое, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, то есть от официального резюме общества к официальному обществу.

Излишне добавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил,* которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения.

Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений [commerce] более уже не соответствует приобретенным производительным силам. — Я употребляю здесь слово «commerce» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «Verkehr». — Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли. Под защитой режима цеховой регламентации накоплялись капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революции 1640 и 1688 годов. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются формами *преходящими и историческими.* С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства.

Этого г-н Прудон не понял и тем более не показал. Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, г-н Прудон вместо этого преподносит нам фантасмагорию, которая претендует на то, чтобы быть диалектической фантасмагорией. Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных высях воображения и витает высоко за пределами времени и пространства. Словом, это — гегелевский хлам; это не история, не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея или

вечный разум пользуются для своего развития. *Эволюции*, о которых говорит г-н Прудон, — это, в его трактовке, эволюции, совершающиеся в мистическом лоне абсолютной идеи. Если вы сорвете покров с этой мистической фразеологии, то вы увидите, что г-н Прудон описывает вам тот порядок, в котором экономические категории располагаются в его голове. Мне не потребуется большого труда, чтобы доказать Вам, что это — порядок очень путаной головы.

Г-н Прудон начинает свою книгу с рассуждения о *стоимости*, его излюбленном коньке. Я на сей раз не буду разбирать этих рассуждений.

Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с *разделения труда*. Для г-на Прудона разделение труда — вещь совершенно простая. Но разве кастовый строй не был определенным видом разделения труда? Разве цеховой строй не был другим видом разделения труда? И разве разделение труда в мануфактурный период, который начинается в середине XVII века и заканчивается в Англии во второй половине XVIII века, не отличается самым решительным образом от разделения труда в крупной промышленности, в современной промышленности?

Г-н Прудон так плохо понимает сущность дела, что упускает из виду даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. Вот как! Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Восточной Азией поддерживалась связь лишь через посредство Константинополя, не должно было коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?

Г-н Прудон так далек от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX — XII столетиях. Поэтому для г-на Прудона это отделение есть вечный закон, ибо он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он рассуждает так, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века. Все, что г-н Прудон говорит о разделении труда, есть не больше как резюме, и к тому же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и множеством других.

Вторая эволюция — это *машины*. Связь между разделением труда и машинами у г-на Прудона совершенно мистическая. При каждом виде

разделения труда имелись свои специфические орудия производства. С середины XVII до середины XVIII века, например, люди не все делали руками. У них были инструменты, и даже очень сложные, как станки, корабли, рычаги и т. д. и т. п.

Таким образом, совершенно нелепо рассматривать появление машин как следствие разделения труда вообще.

Замечу мимоходом, что г-н Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения. Можно сказать, что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным следствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин было только результатом войны между предпринимателями и рабочими. Но это правильно только для Англии. Что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке введение машин было вызвано как конкуренцией с другими народами, так и недостатком рабочих рук, то есть несоответствием между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением. Из этих фактов Вы можете заключить, какую проницательность проявляет г-н Прудон, вызывая призрак конкуренции как третью эволюцию, как антитезу машин!

Наконец, вообще бессмысленно превращать *машины* в экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д.

Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы залечить раны того же самого человека.

Г-н Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю. Почти все кредитные учреждения получили свое развитие в Англии в начале XVIII века, еще до изобретения машин. Государственный кредит был только новым способом повышения налогов и удовлетворения новых потребностей, созданных приходом к власти класса буржуазии.

Наконец, *собственность* образует последнюю категорию в системе г-на Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г-на Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собствен-*

ностью; вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает непонимание *исторического* и *преходящего* характера форм производства определенной эпохи. Не видя, что наши общественные институты являются продуктами исторического развития, не понимая ни их происхождения, ни их развития, г-н Прудон может подвергнуть их только догматической критике.

Чтобы объяснить развитие, г-н Прудон вынужден прибегнуть к *фикции.* Он воображает, что разделение труда, кредит, машины и т. д. — все это изобретено для того, чтобы служить его навязчивой идее — идее равенства. Его объяснение крайне наивно. Все эти вещи придуманы во имя равенства, но, к несчастью, они обратились против равенства. В этом и состоит все его рассуждение, то есть он берет произвольную гипотезу, но так как действительное развитие на каждом шагу противоречит его фикции, то он делает из этого вывод, что налицо противоречие. Он скрывает, что противоречие-то существует только между его навязчивыми идеями и действительным движением.

Таким образом, г-н Прудон, прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний, не понял, что люди, развивая свои производительные силы, то есть живя, развивают определенные отношения друг к другу, и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые видят в этих экономических категориях вечные, а не исторические законы — законы, действительные лишь для определенной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, преходящих исторических общественных отношений, г-н Прудон, мистически извращая вопрос, видит в действительных отношениях лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира.

Здесь у нашего доброго г-на Прудона начинаются тяжелые умственные потуги. Если все эти экономические категории суть эманации боже-

ственного сердца, если они являются скрытой и вечной жизнью людей, то каким образом получается, во-первых, что существует развитие, и, во-вторых, что г-н Прудон не является консерватором? Эти явные противоречия он объясняет целой системой антагонизмов.

Чтобы осветить эту систему антагонизмов, возьмем пример.

Монополия хороша, потому что это — экономическая категория и, стало быть, эманация бога. Конкуренция хороша, потому что и она тоже экономическая категория. Но вот что нехорошо, так это действительность монополии и действительность конкуренции. Еще хуже, что монополия и конкуренция взаимно пожирают друг друга. Что же делать? Так как эти две вечные мысли бога противоречат друг другу, г-ну Прудону кажется очевидным, что в лоне бога имеется равным образом и синтез обеих мыслей, в котором зло монополии уравновешивается конкуренцией, и vice versa*. Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что наружу выступит только их хорошая сторона. Надо вырвать у бога эту тайную мысль, а затем применить ее, и все будет прекрасно. Надо найти синтетическую формулу, скрытую во мраке безличного разума человечества. Г-н Прудон, ни минуты не колеблясь, выступает в качестве лица, открывающего эту тайну.

Но бросим на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не *формулой*, а *движением*. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный *способ* производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез — движение, в котором и происходит действительное уравновешивание конкуренции и монополии.

Теперь я приведу Вам образец диалектики г-на Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет нужды говорить ни о хороших, ни о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, нечего говорить о его дурных сторонах. Единственно, что надо объяснить, — это хорошую сторону рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, не о рабстве пролетария. Речь идет о прямом рабстве, о рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных областях Северной Америки.

* — наоборот. *Ред.*

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лицо мира. Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самая прогрессивная страна — превратилась бы в страну патриархальную. Сотрите только Северную Америку с карты мира, и вы получите анархию, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка стирается с карты мира. Таким образом, рабство, именно вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с сотворения мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом свете. Что же предпримет добрейший г-н Прудон после этих размышлений о рабстве? Он будет искать синтез свободы и рабства, истинную золотую середину, иначе говоря — равновесие между рабством и свободой.

Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения,* при которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи* и *категории,* то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие. Для г-на Прудона же, совсем наоборот, первоначальной причиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, творят историю. *Абстракция, категория, взятая как таковая,* то есть оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что означает попросту, что абстракция как таковая абстрактна. Восхитительная *тавтология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г-на Прудона вечными формулами, не имеющими ни происхождения, ни развития.

Другими словами: г-н Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий, идей, он принимает их за возникающие самопроизвольно, одаренные собственной жизнью вечные существа. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтез этих идей, их равновесие и не видит, что современный способ их уравновешивания есть единственно возможный.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, то есть если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без пагубных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, то есть условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как исторической и преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Г-н Прудон неизбежно является поэтому *доктринером*. Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что г-н Прудон их отделил от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые этими мыслями выражены. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам; на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями; на место практической и революционной деятельности масс, которая одна будет в силах разрешить эти коллизии, — на место этого обширного, продолжительного и сложного движения г-н Прудон ставит примитивное движение [mouvement cacadauphin], происходящее в его голове. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения.

Вы теперь понимаете, почему г-н Прудон является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных проблем заключается для него не в общественном действии, а в диалектических круговоротах, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества.

Желая примирить противоречия, г-н Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и палату пэров, в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламентов, ни дворянства. Истинным способом уравновесить этот антагонизм было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как г-н Прудон по одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а по другую сторону — людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала *дуализм* между жизнью и идеями, между душой и телом — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм — это только лишь неспособность г-на Прудона понять происхождение и обыденную историю категорий, которые он обожествляет.

Мое письмо слишком затянулось, и я не смогу уже остановиться на смехотворных выпадах г-на Прудона против коммунизма. Пока Вы согласитесь со мной, что человек, не понявший современного состояния общества, еще менее способен понять то движение, которое стремится разрушить это общество, и литературные выражения этого революционного движения.

Единственный пункт, в котором я вполне согласен с г-ном Прудоном, — это его отвращение к социалистической сентиментальности. До него я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социа-

лизмом бараньим, сентиментальным, утопическим. Но разве сам г-н Прудон не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сентиментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о семье, о супружеской любви и все его банальности, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго Прудона? Он сам настолько хорошо чувствует всю ничтожность своих доводов, свою полную неспособность говорить обо всех этих вещах, что вдруг, не помня себя, приходит в ярость, в irae hominis probi *, начинает вопить, беснуется, ругается, обличает, обвиняет, проклинает, бьет себя в грудь и бахвалится перед богом и людьми, что он чист от социалистических мерзостей! Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как папа, предает анафеме бедных грешников и славословит мелкую буржуазию и жалкие любовные и патриархальные иллюзии домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии. *Мелкий буржуа* в развитом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, то есть он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа и народ. В глубине души он гордится тем, что он беспристрастен, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике, и г-ну Прудону принадлежит заслуга быть научным выразителем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций.

Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии [73], но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов **, о которой я Вам рассказывал в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, которые сами являются заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть членов

* — благородное негодование. *Ред.*
** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

немецкой коммунистической партии сердиты на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций.

Преданный Вам

Карл Маркс

P. S. Вы, пожалуй, спросите меня, почему я Вам пишу на плохом французском языке, а не на хорошем немецком. Это потому, что речь идет о французском авторе.

Вы меня очень обяжете, если не слишком задержите свой ответ, — я хочу знать, поняли ли Вы меня под этой оболочкой варварского французского языка.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 27, стр. 401—412

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 6 января 1847 г.

Я очень обязан Вам, дорогой г-н Маркс, за Ваше любезное письмо от 28 декабря. Ваше мнение о работе Прудона[74] своей правильностью, ясностью, а главное стремлением держаться в рамках реального, оказало на меня поистине живительное действие. Нам так часто грозит опасность быть ослепленными ложным блеском абстрактной идеи, ведь мы так часто подвергаемся искушению принять мнимовеликолепные построения ума, всецело поглощенного самим собою, за последнее слово науки и философии! Раздающийся в этот момент дружеский голос, который возвращает нас к экономическим и историческим *фактам* и показывает их нам в их *действительном* развитии, куда более многозначительном, чем вымышленное развитие чистых категорий и логических противоречий, — голос, который, наконец, подрывает самую основу чрезвычайно сложного здания системы, оторванной от жизни, истории и подлинной науки, — такой голос целиком заслуживает нашей признательности за то целебное действие, какое он оказывает... Свое долгое молчание, дорогой г-н Маркс, Вы полностью искупили своим последним письмом. Я не перестаю перечитывать его. В то же время благосклонность, с которой Вы ответили на мои первые вопросы, придает мне смелости обратиться к Вам еще с несколькими. И прежде всего, признавая всю произвольность

прудоновской классификации экономических эволюций и всю несостоятельность его метода побивать практику теорией и наоборот (нечто вроде заколдованного круга, от которого делается дурно), — я еще не уяснил себе, заслуживает ли серьезного внимания критическая часть его работы. Он раскритиковал некоторые положения официальной экономической школы с убедительностью и силой, значительность которых прекрасно понимают все те, на кого Прудон нападает. За примером ходить недалеко: возьмите удары, которые он нанес доктрине Луи Блана, они произвели здесь очень сильное впечатление и, без сомнения, будут содействовать тому, чтобы навсегда ее дискредитировать. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы считать его книгу очень полезной для Франции, но, по-моему, он сделал еще больше. Он осмелился сказать нации, которая в своих самых революционных мечтаниях не идет дальше 93 года и режима Робеспьера, — он осмелился сказать, что всякое правительство, стоящее особняком в государстве, безнравственно. Совокупность этих, а также других причин, и вызвала *тот заговор молчания,* жертвой которого сейчас является Прудон. По безмолвному соглашению все партии упорно замалчивают его работу, но ненависть и ярость сквозят в самих стараниях скрыть эти чувства. В подобной изоляции Прудона есть своего рода величие. Вы ведь знаете, дорогой г-н Маркс, что надо иметь право, и очень большое право, на то, чтобы вас ненавидели. Отсюда я делаю вывод, что книга Прудона, хотя она и не представляла большого значения для общего развития экономических идей, не лишена, однако, важности в том, что касается политики, просвещения и тенденций французской буржуазии.

Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду выхода Вашего произведения [73]. А сейчас мне стóит большого труда побороть в себе соблазн обратиться к Вам с несколькими вопросами о коммунизме. Это в самом деле имеет для меня исключительное значение и важность. Я все чаще задаю себе вопрос, не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, и, наконец, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности. И в этом смысле он прекрасен, но он перестает тогда быть необходимым продуктом человеческого развития. Его придется внедрять и испытывать на практике, как и при всяких других новшествах, принудительно вводимых в обществе. Некоторые возражения Прудона все еще сидят у меня в голове, но я чувствую, как все это довольно ничтожно... Предоставляю полностью на Ваше усмотрение, давать или не давать мне разъяснений по этим вопросам.

Простите меня великодушно за это длинное нелепое послание и позвольте еще раз от всего сердца поблагодарить Вас за ценные разъяснения в Вашем последнем письме.

Преданный Вам

П. Анненков

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 8 декабря [1847 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Я несколько раз намеревался написать Вам, но не мог этого сделать, так как потерял Ваш адрес. Наконец, мне удалось достать его у Гервега, который, между прочим, сейчас болен и просит Вас извинить его за долгое молчание. Я также нуждаюсь в Вашем великодушии, оба мы рассчитываем на присущую Вам доброту: ведь говорят, что прощенье доставляет сладость.

Я возвращался в Париж через Франкфурт, Страсбург и т. д., и это лишило меня долгожданного удовольствия повидать Вас в Брюсселе.

Обосновавшись в Париже, я целиком отдался своим обычным занятиям — мучительным поискам какого-нибудь дела. Иногда мне удается с пользой заполнить эту пустоту, но чаще всего после тщетных попыток у меня опускаются руки. Не находите ли Вы, дорогой Маркс, что гений современной цивилизации слишком беден и убог, раз он оказывается в затруднении и молчит, когда я обращаюсь к нему в поисках занятия. Иногда он возбуждает во мне жалость.

И особенно в эти моменты подавленности и упадка сил я вспоминаю о тех моих друзьях, которые, как Вы, дорогой Маркс, умеют хорошо заполнять свое существование. И я объясняю себе свое безделье их деятельностью: природа хотела равновесия, компенсации. И я тогда становлюсь в своих глазах таким же необходимым и уважаемым, какими действительно являются выдающиеся люди. Без слабости нет силы, и при отсутствии бездельников нельзя воздать должное за заслуги и труды. Я призываю Вас не лишать меня подобного утешения и работать много, много, дорогой Маркс.

Я еще не имел в руках Вашей брошюры о Прудоне и его доктрине, так как единственный экземпляр, известный мне в Париже, принадлежит

Гервегу, и он передается из рук в руки. Когда придет моя очередь, я прочту ее самым внимательным образом.

Дорогой Маркс, сделайте одолжение, передайте г-же Маркс чувства моего глубокого почтения и уважения, которые она внушает всем, кто имел счастье близко видеть ее хотя бы один раз.

Жму Вашу руку и ожидаю ответа.

Преданный Вам

П. Анненков

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 9 декабря [1847 г.]

Дорогой Анненков!

Партийные соображения, о которых я не могу здесь писать подробно, побудили меня поехать в Лондон. Я использовал это путешествие также для того, чтобы установить связь между брюссельской Демократической ассоциацией и английскими чартистами и обратиться к этим последним с речью на публичном митинге[75]. Вы уже, возможно, читали отдельные сообщения по этому поводу в английских и французских газетах.

Но, предприняв это путешествие, — а я вынужден остаться здесь еще на несколько дней, — я оставил свою семью в чрезвычайно тяжелом и совершенно безнадежном положении. Дело не только в том, что моя жена и дети больны. Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы, и она испытывает отчаянные денежные затруднения.

Как дело дошло до такого кризиса, — объяснить легко. Мои немецкие рукописи * в целом не печатаются, а то, что публикуется из них, я отдаю даром, чтобы только выпустить их в свет. Моя брошюра против Прудона ** разошлась очень хорошо. Но я получу часть денег за нее только лишь к пасхе.

Одного того, что получает моя жена, недостаточно, а со своей матерью я уже довольно давно веду переговоры о том, чтобы получить хотя бы часть моего состояния. Теперь как будто появились шансы на это. Но в данный момент это мне ничего не дает.

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*
** *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

При таком положении, о котором я без стеснения, откровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы смогли переслать моей жене 100—200 франков. Уплатить этот долг я, конечно, смогу только после того, как мне удастся урегулировать свои денежные отношения с моими родными.

Если Вы можете исполнить мою просьбу, то я прошу Вас послать деньги по моему старому адресу: г-ну Карлу Марксу, Брюссель, Faubourg Namur, rue d'Orléans, 42. Однако моя жена не должна догадаться по содержанию письма о том, что я писал Вам из Лондона. Позднее я объясню Вам причину.

Я надеюсь, что в следующий раз смогу написать Вам о чем-нибудь более приятном.

Ваш *К. Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 27, стр. 419—420

Н. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Париж, 6 декабря 1849 г.

Дорогой г-н Маркс!

Я надеялся, что мне придется писать Вам по более приятному для нас обоих поводу. Вольф расскажет Вам, что мы намеревались организовать в Париже демократическую корреспонденцию для немецких газет. Вольф должен был быть моим главным сотрудником, и он просил меня написать Вам, чтобы узнать, как Вы к этому относитесь, и посоветоваться с Вами. Думаю, что Вы ничего не имели бы против его участия в таком полезном и своевременном деле, но в данный момент этот вопрос отпал. *Граждане предполагают, а полиция располагает*. Вольф, сотрудничество которого было бы для меня так ценно, вынужден покинуть Париж, и я отныне предоставлен собственным силам. А так как у меня уже на руках весь иностранный отдел «Réforme» и, кроме того, я веду корреспонденцию для департаментов, то я не в состоянии буду справиться еще с новой работой, тем более что у меня нет навыка писать по-немецки. Поэтому я надеюсь, что Вы окажете мне дружескую услугу, порекомендовав способного сотрудника из числа немецких демократов, находящихся в настоящее время в Париже *. Одновременно это явится способом оказать поддержку какому-нибудь хорошему демократу, ибо корреспонденции без-

* См. настоящий сборник, стр. 148. *Ред.*

условно дадут ему от 100 до 150 франков в месяц. Итак, я снова рассчитываю на Вашу помощь. — Надеюсь также, что Вы соблаговолите сообщить мне о Ваших работах, написанных в Лондоне. Зная Вашу исключительную активность и высоко ценя влияние Вашей деятельности, я не могу предположить, что Вы за все это время ничего не сделали. Если Вы опубликовали что-нибудь, пришлите мне это как можно скорее, и я помещу соответствующее сообщение в «Réforme»; а если у Вас есть время, напишите что-нибудь специально для нас (о германских проблемах), мы напечатаем с большим удовольствием. Вы могли бы еще, пожалуй, прислать нам кое-что о социализме и о положении рабочего класса в Англии. Я знаю, насколько глубоко Вы изучили эти вопросы, и был бы рад познакомить читателей «Réforme» с английской общественной жизнью при помощи Вашего пера. Но Вы, конечно, понимаете, что если Вы пожелаете писать для «Réforme», то Вам придется по возможности не касаться доктрин и личностей. Этого требует положение газеты. — Если бы я вздумал рассказывать Вам о том, что делается в Париже, то, вне всякого сомнения, не сообщил бы Вам ничего нового; Вы разбираетесь в здешних событиях так же, как и я, если не лучше, ибо лишь на расстоянии предметы обнаруживают свои настоящие масштабы. Замечу только, что несмотря на шум, произведенный Прудоном и распространяемый вокруг его имени, отнюдь не он привлекает больше всего приверженцев.

Только что прочел новую газету, издаваемую Бланки и его друзьями. До сих пор, за исключением одной статьи Туссенеля, она была довольно бледной. Но выступление Бланки в качестве журналиста — это сам по себе факт большой важности. Посмотрим.

Располагайте мной, если Вам что-нибудь понадобится в Париже, и направляйте свои сообщения на адрес «Réforme».

Братский привет

Сазонов

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 2 мая [1850 г.]

Дорогой Маркс!

Это письмо будет передано Вам г-ном Форе, который, как Вы уже, вероятно, знаете из газет, так ловко и удачно ускользнул в Лионе от

жандармов. Я рад этой оказии, чтобы написать Вам совершенно свободно, чего я не мог сделать со времени моей высылки из Парижа. Вам известно, чтó я собирался предпринять в Париже с помощью Рейнхардта, которого Вы мне рекомендовали [71]. Думаю, что это предприятие, слухи о котором преждевременно получили огласку, было одной из причин моей высылки. Приехал я в Женеву раздосадованный, злой, раздраженный, но отнюдь не павший духом. Прежде чем рассказать Вам, что я тут сделал, необходимо дать Вам некоторое представление о моей теперешней точке зрения. Мы уже давно знаем друг друга, но у нас было очень мало случаев для обмена мнениями. Вольф, вероятно, уже сообщил Вам, что в последнее время я в оценке людей и событий почти не расходился с ним, а следовательно и с Вами. Внимательное изучение последней работы Прудона [76] и чтение его *соглашательских* статей в «Voix du Peuple» заставили меня сделать дальнейший шаг в Вашем направлении, и так как я думаю, что Вы не изменили своих взглядов, то Вам будет до некоторой степени приятно узнать, что я присоединяюсь по всем существенным пунктам к тому, что Вы высказали в «Манифесте» *, опубликованном Вами в Брюсселе. Да, мой друг, в ходе естественного развития, побуждаемый неотразимой логикой, любовью к свободе, равно как и любовью к порядку, я пришел к убеждению, что серьезный революционер может быть только коммунистом, и я теперь коммунист.

Вот основные причины, которые толкнули меня на этот путь. Я думаю, что современное общество дало все, что мог породить принцип личной свободы, взятый в качестве единственной и исключительной основы общественного порядка, и что, следовательно, всякое дальнейшее расширение этого принципа было бы только кажущимся и иллюзорным. Я думаю, что европейская цивилизация прогрессирует только в области промышленности, а во всех других областях ее активность все более атрофируется, и она уже не в состоянии отныне разрешать те все усложняющиеся проблемы, которые ежеминутно ставит перед нею ее собственное промышленное развитие. Я думаю, что варварство в той мере, в какой оно еще не покорилось цивилизации, оправдано, и та цивилизация, которая строится на принципе индивидуализма, не сможет с ним покончить. Я думаю, наконец, что нет никакой возможности установить когда-либо рациональное мерило стоимости и что, следовательно, всякий обмен одного индивидуального труда на другой индивидуальный труд может иметь результатом только несправедливость и эксплуатацию с той или с другой стороны. Вот вкратце довольно путаное изложение хода мыслей, который привел меня к моим теперешним убеждениям. Я прошу Вас, дорогой

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

учитель, постараться понять меня, не обращая внимания на форму выражения, которая не может быть совершенной. Я считал необходимым ознакомить Вас со своими убеждениями, так как хочу предложить Вам одно общее дело, и нам нужно договориться по принципиальным вопросам, прежде чем действовать совместно. С тех пор как я в Женеве, я повидал и изучил всех видных людей, проживающих здесь. Я приехал с проектом демократического журнала, который собираюсь издавать в Париже раз в три месяца. Все обещали мне свое содействие, но за те четыре месяца, что я здесь, мое мнение о большинстве этих людей и о пользе от их содействия сильно изменилось. Мадзини, в которого я сначала больше всего верил, оказался не только отсталым человеком, но просто ретроградом. Недавно он напечатал в своем журнале «L'Italia del Popolo» нелепую статью под заглавием «Демократия и системы», в которой утверждает: *чтò бы ни говорилось по этому поводу, а современный мир жаждет авторитета!* Вся статья написана в духе этой фразы, которой достаточно для характеристики Мадзини. Феликс Пиа не пользуется ни известностью, ни влиянием Мадзини, но он гораздо более прогрессивен, и главное, более революционен. У него нет твердо установившихся взглядов, и он увяз в фаланстерах, но последователем Фурье он стал только потому, что счел его учение наиболее революционным (Вам ведь известно, что современное поколение во Франции знает из коммунистов лишь Кабе, а эта фигура весьма мало привлекательна для поэтического воображения). Остальные проживающие здесь французы, кроме одного, о котором я скажу ниже, — полные ничтожества. С помощью Мадзини и других связей я мог бы заручиться для журнала сотрудничеством Ледрю-Роллена и Консидерана; сотрудничество Прудона мне также было обещано.

Теперь необходимо изложить Вам план журнала в том виде, как я его первоначально задумал. Все попытки революций в Европе потерпели неудачу, среди прочих причин было то, что они предпринимались неодновременно и в неблагоприятный момент. Я решил поэтому, что для успеха попыток в будущем нужно создать другие условия, необходимо, следовательно, согласование действий не только тех, кого именуют вождями, но и главным образом масс. Для этого следует основать центральный орган. Местом издания этого органа мог быть только Париж. Характер его должен был определяться следующими тремя условиями: наибольшей целесообразностью издания, возможностями, важностью и актуальностью публикуемого в нем материала. Что касается возможностей, то этот орган не мог быть ежедневной газетой из-за недостатка средств и людей в Париже, а присылаемые статьи извне не представляли бы большого интереса для текущего момента. Еженедельник был бы едва ли лучше, поскольку он мог бы помещать лишь краткий обзор

событий за неделю и, следовательно, обслуживал бы только интересы французской внутренней политики. — Ежемесячное издание являлось бы превосходной вещью, но этому препятствовало третье условие: мы ни за что не смогли бы получать каждый месяц достаточное количество статей, имеющих актуальное значение. Итак, пришлось остановиться на трехмесячном издании, что впрочем вполне отвечало первому условию, то есть наибольшей целесообразности, так как журнал в таком случае занимался бы не только пропагандой идей, но являлся бы в то же время манифестом и программой партийных выступлений. В политике, как и в природе, происходит смена сезонов, и именно поэтому я выбрал срок в три месяца. Я сообщаю Вам все эти подробности для того, чтобы Вы поняли, насколько тщательно обдуманы мной все условия успеха. Последнее, но не менее важное условие, с моей точки зрения, это — участие вождей. Я полагал, что их согласие послужит примером сердечного согласия для мыслящих масс и что, действуя совместно, они научатся делать друг другу уступки, что, в конечном счете, мы постараемся использовать в интересах наших идей.

Я признаю свое заблуждение: я рассчитывал на участие этих людей в прогрессивном деле, но убедился, что они — враги прогресса, а следовательно и наши враги. Они завладели словом «социализм», как прежде присвоили себе слово «республика», чтобы эскамотировать то и другое; поэтому я не хочу больше и слышать об этих вождях. На них надо смотреть как на опасных врагов, которых следует остерегаться. — Так, мой план, оставаясь тем же самым по форме, изменился по существу. Долой безвольных приверженцев авторитета! Для нового дела требуются новые люди; необходимо, чтобы люди молодые, сильные, люди с серьезными познаниями и глубокими убеждениями выступили в роли объединителей Европы во имя великой идеи коммунизма. Нас мало в настоящее время, мало в литературе, журналистике, мало в спекулятивной политике, но число наших приверженцев в массах с каждым днем растет, не говоря уже о наших сторонниках среди тех народов, у которых слово «коммунизм» никогда раньше не произносилось (славянских народов и народов Центральной Азии). Тот, кто уверен, что он является носителем созидательных идей, не боится остаться одиноким в определенных кругах, в особенности, если он умеет научно обосновать средства осуществления этих идей и самостоятельно наметить в общих чертах те переходные ступени, которые должны подвести к их осуществлению. Задача нашего журнала, следовательно, заключается в том, чтобы создать европейскую силу для достижения коммунизма и указать для этого практические средства (переходные ступени).

Нас тут двое, я и Фраполли (бывший поверенный в делах Ломбардии, Тосканы и Рима в Париже!). Он написал великолепную работу. Взяв за основу свою дипломатическую переписку 1848 и 1849 гг., он раскрывает всю неспособность национальной политики республиканцев-формалистов. В мастерски написанном предисловии он дезавуирует принцип национальности как являющийся будто бы лишь неизбежным следствием религиозного принципа, он открыто объявляет себя социалистом и атеистом, чего до сих пор не осмелился сделать еще ни один итальянец. Что касается меня, то я составил подробный план европейской политики, в котором пытаюсь доказать неизбежность не только союза, но и тесной федерации трех народов, которые в последние два года не раз доказывали свое энергичное стремление к прогрессу, — а именно федерации Франции, Германии и Италии. Таким путем я намереваюсь создать колоссальную централизованную силу для осуществления в будущем, и почти без затруднений, наших идей.

Здесь еще находится Герцен, брошюру которого «С того берега» [77] Вы, быть может, читали. Он скорее человек увлечений, чем убеждений, и воображения, чем науки, впрочем очень преданный и очень способный. Вот все имеющиеся тут силы, и я их не переоцениваю. В сравнении с поставленной целью они кажутся ничтожными, но это только так кажется. Если рассматривать их в отдельности, то это небольшая сила, но, принимая во внимание их широкие связи, видно, что влияние их распространяется довольно далеко.

Парижская пресса находится в нашем, — Фраполли и моем, — распоряжении. Организация, созданная им в защиту Италии, когда он был посланником, и которую я поддерживал в период своего сотрудничества в «Réforme», все еще существует и деятельность ее распространяется даже за пределы Франции. Герцен, тесно связанный с Прудоном и прудонистами, финансирует «Voix du Peuple». Фраполли, благодаря своей дружбе с Мадзини и услугам, оказанным им Италии, располагает всеми очень крупными силами итальянской организации, а здесь (в Женеве) у нас нашлась неожиданная, и не менее значительная поддержка. Это француз по имени Шарпантье, человек мало известный, но энергичный, преданный, способный и очень прогрессивный. Он обеспечит нам поддержку со стороны одной мощной и обширной организации с центром в Лионе, но разветвления которой распространяются в Париже и по всей Франции.

Итак, у нас внушительное ядро, но, дорогой учитель, я полагаю, что оно было бы весьма недостаточным, если бы не рассчитывал на Вас. Поэтому я счел нужным написать Вам подробно, чтобы ознакомить Вас с моим планом, моей точкой зрения и моими средствами действия. Повторяю:

я рассчитываю на Вас, рассчитываю самым положительным образом на Ваше немедленное действие. Вот, что мы решили поместить в первом номере при условии, что Вы это одобрите: общую статью без подписи, которая будет выражать коллективное мнение редакции, и ряд специальных статей с подписями. Что касается этих специальных статей, то у нас есть статьи Фраполли об Италии, Герцена — о России, моя — о Венгрии и славянском вопросе, Пиа — о Франции и еще одна статья о Франции Массоля, моего друга, вместе со мной редактировавшего «Réforme» (он — прудонист). Я рассчитываю, что Вы нам дадите статью о Германии — в указанном мной духе — в виде обзора актуальных вопросов, чтобы это было в то же время и манифестом и программой. В качестве общей статьи я предлагаю мой план европейской политики. Само собой разумеется, что предварительно статья будет представлена на одобрение всей редакции и Ваше в особенности. Я послал бы ее вместе с этим письмом, если бы был уверен, что оно непременно дойдет; но так как Вы могли переменить адрес, или письмо могло также затеряться в пути и по другим причинам, то я не хочу вкладывать в него мой план, который для меня очень дорог. Но как только Вы мне ответите, я немедленно пошлю его по адресу, который Вы мне укажете. Во втором номере придется, я думаю, дать теоретическую статью, то есть изложение системы переходных ступеней, которые, ведя непосредственно к осуществлению наших идей, соответствовали бы в то же время и потребностям момента. Понятно, что *только Вы* в состоянии написать такую работу. Мы рассчитываем сделать ее, как только она будет одобрена нашими друзьями в Париже и Лионе, подлинным манифестом партии для всей Европы. Если Вы возьмете на себя труд набросать схему этой программы, то мы постараемся, чтобы она была сейчас же обсуждена и чтобы ее основные идеи были приняты. Для этой работы потребуется не меньше трех месяцев. Что касается Вашей статьи о Германии, то я не только надеюсь, но рассчитываю, что Вы возьметесь за нее тотчас же и что через две недели она будет готова. Отправляйте ее прямо в Париж г-ну Массолю по адресу: 36, rue Neuve des Petits Champs. Ему поручено вести дела редакции. Мы нашли издателя, который обязуется печатать журнал за свой счет и делить с нами прибыль, если она будет. Чтобы покрыть издержки, необходимо продать 600 экземпляров. Если будет продано вдвое больше, то для выплаты гонорара останется 3 000 франков, что составит приблизительно 50 франков за печатный лист. Это, конечно, очень мало, но если первый номер будет иметь успех, то мы сможем издать второй за наш счет и получить тогда вдвое больше. Я рассчитываю не только на Вас, но и на всех Ваших друзей. Если бы я не убедился в Париже в неизлечимой лени Вольфа, то пригласил бы сотрудничать также и его. Ответьте мне сейчас же и поподробнее, а главное — пообещайте

написать те две статьи, о которых я Вас прошу. Вы, так же как и я, прекрасно понимаете, какое значение они имеют. Будьте добры, перешлите по почте прилагаемое письмо. Прошу Вас оказать дружеский прием подателю моего письма; я лично его мало знаю, но мне его рекомендовали с очень хорошей стороны, к тому же его взгляды и поступки достаточно говорят за него. Прощайте, друг, я, возможно, никогда больше не напишу Вам так подробно, но я хотел бы иметь предлог писать Вам часто.

Братский привет

Сазонов

P. S. Пишите прямо на мое имя по адресу: *L'Hôtel de l'Ecu de Genève.*

Что касается находящихся здесь немцев, то лучший из них — молодой Зигель, последний командующий баденской армией. Это молодой человек, преисполненный наилучших намерений и склоняющийся к нашим взглядам. Было бы очень хорошо, если бы в Вашем письме ко мне ему было уделено несколько теплых слов. Есть здесь еще некий доктор Фридман, который тоже придерживается правильных устремлений.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. И. САЗОНОВ — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Париж, 10 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Уже давно я не имею от Вас никаких известий и сам в течение долгого времени не давал Вам знать о себе. С давних пор я все собирался навестить Вас в Лондоне, но теперь я в Париже, где думаю оставаться до тех пор, пока полиции не удастся обнаружить меня и выслать. Париж никогда еще не представлял такого интереса, как в настоящий момент. Старый мир находится накануне своего полного распада, ибо процесс разложения зашел так далеко, что составляющие его элементы выделяются и обособляются как самостоятельные центры. Отсюда появление со всех сторон множества различных проектов, надежд, интриг и заговоров, которые изменяются и исчезают столь же внезапно, как и возникают. Это самая запутанная и забавная комедия, какую только можно себе представить. Следовательно, все подготовляют заговоры — как легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, так и так называемые демократы, и все они рассчитывают на армию. Бонапарт — на армию Парижа, легитимисты — на армию

Лиона, орлеанисты — на африканскую армию, а наши красные — на все армии одновременно. Для устройства заговора пускаются в ход все средства: так, лотерея золотых слитков была бонапартистским заговором, имеющим целью вооружить в нужный момент пятьдесят тысяч бродяг. Этот заговор, для которого приготовили даже мундиры, якобы присланные герцогом Брауншвейгским, не удался вследствие алчности мошенников, которые окружают Бонапарта и которые растранжирили слишком быстро и очень большую сумму денег. А предприятие, рекламируемое в газетах под странным названием: «Тридцать дней развлечений», является орлеанистским заговором, затеянным для пропаганды кандидатуры Жуанвиля и К°.

Мне хотелось привести Вам эти подробности, чтобы показать, насколько близок распад старого общества. С другой стороны, народ все больше и больше освобождается от предрассудков отживающего мира. Рабочие ассоциации воспитывают людей и деловую практику. Некоторые из этих ассоциаций гораздо более прогрессивны, чем это можно предположить на основании их статутов, которые, в общем, составлены довольно бессвязно. Недостает определенной, ясно выраженной доктрины. Я перевел на французский язык половину Вашего «Манифеста», опубликованного в 1848 году *, Дронке взялся перевести другую половину и опубликовать его, но ничего не сделал, потому что он бездельник и позволяет себя околпачивать некоторым буржуа.

Вы, несомненно, знаете, что Кабе вместе с П. Леру и Л. Бланом стремятся объединить коммунистов. Жаль, что за это дело взялся именно Кабе. Вы знаете, насколько этот замечательный человек недалек во всем, что касается науки и доктрины.

Мне говорили, что Вы и г-н Энгельс хотите воспользоваться всемирной выставкой, чтобы показать буржуазии, как ее усилия, с виду весьма щедрые и разумные, неизбежно уводят от обычного пути и ускоряют наступление коммунизма. Это прекрасная тема, достойная Вашего гения, и как бы я хотел, чтобы Вы основательно ее разработали. *«Раздавите гадину!»* **

Пишите мне, дорогой учитель, и примите уверение в неизменной дружбе и преданности Вашего брата

Сазонова

Письмо это будет передано Вам гражданином Массолем, одним из моих хороших друзей, а также друга Прудона. Он сообщит Вам новые сведения об этом великом реформаторе, к сожалению, теперь еще более буржуазном, чем когда-либо прежде.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

** Слова Вольтера, употребленные в отношении церкви. *Ред.*

Пишите мне по адресу: г-ну Бове, 51, rue d'Argenteuil à Paris. Без указания моего имени.

Впервые опубликовано в книге: Д. Рязанов. «Карл Маркс и русские люди сороковых годов». Петроград, 1918 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Париж, 10 мая 1860 г.

Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнал о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «Revue contemporaine» статье *Эдуара Симона*[78]. В особенности меня удивило то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра[79]. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы неспособны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, когда они печатались, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда *, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах.... Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам может доставить удовольствие узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор ... ** прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашей последней книги. Посылаю Вам номер «Gazette du Nord», из которого Вы увидите, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте по-прежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 14, стр. 415—416

* *К. Маркс.* «К критике политической экономии». *Ред.*

** — Бабст. *Ред.*

М. А. БАКУНИН — МАРКСУ [80]

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 27 октября 1864 г.

Дорогой Маркс!

Мне будет очень приятно снова встретиться со старым знакомым *. До часу дня — я всегда дома. — Я хорошо помню, что года два тому назад встречал два или три раза некоего д-ра Роде, но совершенно не могу припомнить, чтобы говорил с ним о чем-либо другом, кроме обычных общих дел. Итак, до свидания.

Твой *М. Бакунин*

Впервые опубликовано в журнале «Современный мир» № 1, 1914 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

М. А. БАКУНИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Флоренция, 7 февраля 1865 г.

Милейший друг!

Формально ты имеешь право сердиться на меня, так как я оставил без ответа твое второе письмо [71] и только сегодня отвечаю на третье [71]. — Вот причины моего молчания: согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр адреса Международного Комитета ** и до сих пор ожидаю его ответа. Кроме того, я жду, когда будет напечатан итальянский перевод, чтобы тоже послать его тебе. — Ты не можешь себе представить, как медлительны и нерешительны люди в этой стране. Отсутствие денег, эта первая и основная, впрочем, весьма естественная, болезнь всех демократических организаций в Европе, парализует всякую активную деятельность. К тому же большинство в Италии, деморализованное вследствие полного фиаско и ошибок централистской, политической и унитаристской, демократической школы, впало в крайний скептицизм и равнодушие. Только социалистическая пропаганда, последовательная, энергичная и страстная, может вдохнуть жизнь и силы в эту страну. Но на это требуется некоторое время, так как все приходится начинать сначала.

В Англии, по-видимому, вы идете вперед на всех парусах, мы же едва осмеливаемся распускать понемногу наши.

* См. настоящий сборник, стр. 22. *Ред.*

** *К. Маркс.* «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

Русские общественные деятели — корреспонденты К. Маркса и Ф. Энгельса 40-х — начала 60-х годов П. В. Анненков, Н. И. Сазонов, М. А. Бакунин

Посылаю тебе небольшое стихотворение флорентийского изготовления, надеюсь оно тебе понравится.

Организация — более трудное дело, чем стихи. Она, правда, тоже подвигается, но очень медленно. Ее успехи замедляются скептическим равнодушием, взаимным недоверием, невежеством и неспособностью так называемых вождей так называемой демократии, деморализованной и дезориентированной. В Италии должна быть создана новая демократия, основанная на абсолютном праве и единственном культе труда. Элементы для этого имеются и быстро множатся. Поэтому вовсе не следует приходить в отчаяние. Но patientia! *, как тут обычно говорят. И этого терпения нужно много.

Мадзини сильно ошибается, если по-прежнему думает, что инициатива нового движения будет исходить из Италии. Англия, Франция, возможно и Германия, но две первые бесспорно, если говорить только о Европе, а эта великолепная Северная Америка — вот настоящий интеллектуальный центр человечества, где разыграется драма. Остальные пойдут на буксире.

А теперь, милейший друг, прости меня за долгое молчание, которое больше не повторится, и поцелуй почтительно от моего имени прекрасные руки г-жи Маркс и твоей дочери.

Преданный тебе *М. Б.*

Как только я получу фотографии своей жены ** и свою собственную, я пошлю их вам, но взамен попрошу у вас снимок всей святейшей семьи.

Впервые опубликовано в журнале «Современный мир» № 1, 1914 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН и Н. Н. ЛЮБАВИН — МАРКСУ В ЛОНДОН

С.-Петербург, 18 (30) сентября — 2 (14) октября 1868 г.

Милостивый государь!

1) Значение Вашего последнего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык [14]. Различные привходящие обстоятельства делают желательным выпуск в свет одновременно с первым также и второго тома [81]. Поэтому, как уполномоченный издателя, я покорнейше прошу Вас, если Вы сочтете это возможным, высылать мне по мере напечатания отдельные листы второго тома.

* — терпение. *Ред.*
** — А. Бакуниной. *Ред.*

2) Чтобы ознакомить русскую публику с Вашими прежними произведениями, необходимо, если не перевести их, то, по крайней мере, опубликовать о них несколько рефератов. К сожалению, во всей Пруссии, кроме «К критике политической экономии» (1859), «Нищеты философии» (1847) и «Манифеста Коммунистической партии», мы ничего из Ваших трудов, даже Ваши знаменитые «Deutsch-Französische Jahrbücher», не нашли. Поэтому мы очень просим Вас либо выслать нам Ваши произведения, либо сообщить, где их можно разыскать.

3) Мы надеемся, что Вы будете так добры и пришлете нам Ваш портрет, чтобы поместить его в книге.

4) Наконец, мы просим Вас указать нам литературу по рабочему вопросу в Соединенных Штатах, ибо здесь, в С.-Петербурге, я нигде не смог получить никаких сведений о ней.

Если Вы согласны выполнить наши просьбы, то прошу Вас адресовать Ваши письма в С.-Петербург, а посылки с книгами — в Берлин, Oberwallstrasse, 5 (Н. Любавин).

Связанные с этим расходы будут тотчас же возмещены и пересланы по адресу, который Вы укажете.

С глубочайшим уважением *Н. Даниельсон*

Адрес: *С.-Петербург*, Общество взаимного кредита, в здании Государственного банка.

Берлин, 2 октября 1868 г. Oberwallstrasse, 5.

P. S. Это письмо пересылается Вам через меня, так как мы не убеждены, что адресованные Вам по русской почте письма доходят до Вас *в полной сохранности*. Впрочем, Ваш ответ я прошу Вас послать прямо в С.-Петербург Н. Даниельсону по вышеуказанному адресу.

Н. Любавин

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 7 октября 1868 г.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше любезное письмо могу сообщить следующее:

1) Вам не следует дожидаться второго тома [81], так как появление его может задержаться еще месяцев на шесть. Я не могу завершить работу

над ним, пока не будут доведены до конца некоторые официальные обследования, предпринятые в течение прошлого и 1866 г. во Франции, Соединенных Штатах и Англии, или пока данные этих обследований не будут опубликованы. К тому же первый том представляет собой законченное целое.

2) Прилагаю мою фотографию.

3) Социалистической литературы в Соединенных Штатах не существует. Там есть только рабочие газеты.

4) Что касается моих сочинений, написанных на разных языках и вышедших в свет в различных местах, то я сам не имею полного собрания их. Большинства их уже нет в продаже.

Итак, не имея возможности удовлетворить Ваше желание по этому вопросу, — «la plus belle fille de France ne peut donner que ce qu'elle a» * — я принужден ограничиться краткой заметкой о моей литературно-политической деятельности, которой Вы, быть может, воспользуетесь для предисловия к Вашему переводу.

Д-р К. Маркс родился в Трире (Рейнская Пруссия) в 1818 году.

1842—1843 годы. Главный редактор *«Rheinische Zeitung» (Кёльн).* Эта газета насильственно закрывается прусским правительством. Маркс уезжает в Париж и издает там (1844) совместно с Арнольдом Руге *«Deutsch-Französische Jahrbücher» (Париж, 1844 год).* В конце 1844 г. Гизо изгоняет Маркса из Франции, и он переезжает в *Брюссель.* Публикует совместно с *Фридрихом Энгельсом «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К°» (Франкфурт-на-Майне, 1845 год).* (Это произведение, так же как и статьи Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher», направлено против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии.) Затем в период пребывания в Брюсселе были выпущены: *«Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона»* (*Брюссель—Париж,* 1847 год), *«Речь о свободе торговли»* (*Брюссель,* 1847 год) и, наконец, в начале 1848 г. — совместно с *Фридрихом Энгельсом — «Манифест Коммунистической партии»* (Лондон).

Вскоре после того, как вспыхнула февральская революция, Маркс изгоняется из Бельгии, но одновременно получает приглашение от временного французского правительства вернуться во Францию и уезжает в Париж, а в апреле 1848 г. — в *Кёльн* (Германия), где издает *«Neue Rheinische Zeitung»* (с июня 1848 по май 1849 года). Там же выпущены им:

«Два политических процесса» (Кёльн, 1849 год). (Эта брошюра содержит описание судебных процессов и защитительные речи Маркса перед

* — «самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». *Ред.*

судом присяжных. В первом из этих процессов Маркс обвиняется в оскорблении королевского прокурора, а во втором — после прусского государственного переворота (Мантёйфель) — в призыве к восстанию. В обоих случаях присяжные вынесли Марксу оправдательный приговор.) *

В мае 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» закрывается прусским правительством, и Маркс изгоняется из пределов Пруссии. Он снова отправляется в Париж, но, будучи снова изгнан из Франции, переселяется в конце октября *1849 г.* в *Лондон,* где живет и поныне. В этот период он издает *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» (Гамбург и Нью-Йорк, 1850 год).*

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (*Нью-Йорк,* 1852 год).

«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (*1853 год.* Два издания — одно в Базеле, другое в Бостоне, Соединенные Штаты).

«Памфлеты против лорда Пальмерстона» (*Лондон, Бирмингем, Глазго,* 1853—1854 годы).

«К критике политической экономии» (*Берлин,* 1859 год).

«Господин Фогт» (*Лондон,* 1860 год).

На протяжении *1851—1861 гг.* сотрудничает на *английском* языке в *«New-York Tribune»*, *«Putnam's Revue»* и *«Новой американской энциклопедии».*

1864 г. — «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих», озаглавленный *«Воззвание к рабочим Европы»,* а также *Устав* этого общества, окончательно принятый позже (1866 год), на Женевском конгрессе Международного Товарищества Рабочих. С тех пор и до настоящего момента Маркс состоит непрерывно членом *Генерального Совета* Международного Товарищества Рабочих, а также секретарем для Германии.

1867 г. — «Капитал и т. д.»

Преданный Вам

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 469—471

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 20 ноября 1868 г.

Милостивый государь!

По поручению нескольких членов Интернационала, занятых сейчас созданием новой газеты Товарищества [82], я обращаюсь к Вам с просьбой

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung»», «Процесс против Рейнского окружного комитета депутатов». *Ред.*

и в данном случае помочь тому делу, которое Вы защищаете в течение всей своей жизни.

Прежде чем объяснить, о чем идет речь, разрешите мне в нескольких словах обрисовать положение в Женеве.

Со времени весенней стачки рабочее движение приобретает здесь все больший размах [83]. Воскресные выборы, на которых партия социально-демократической республики выступила независимо от всех старых партий, навсегда разделили страну на два резко разграниченных лагеря [84]. Отныне борьба будет все больше обостряться, это несомненно. Толчок этому движению безусловно дал Интернационал, который впервые разрушил все кастовые идеи, разделявшие здешних рабочих (то есть рабочих «фабрики» [85] и простых ремесленников), и пробудил в рабочем классе сознание того, что у них в жизни есть нечто другое, чем жестокий закон спроса и предложения. Люди, принадлежавшие к различным партиям, и люди, индифферентные ко всяким партиям, протянули друг другу руки, чтобы идти вместе. Даже для беспристрастного наблюдателя развивающееся здесь рабочее движение, несмотря на все свои недостатки, представляет поистине великолепное зрелище.

Итак, следует признать: а) что движение очень сильно; б) что движение сильно лишь благодаря существованию Интернационала; в) что со всех сторон делаются попытки погубить Интернационал; и г) что сила движения в стране находится в прямом отношении к силе Интернационала.

Но если все это правильно, то не менее правильно и то, что Интернационалу, как и всей стране, совершенно недостает интеллектуальных сил; что за исключением микроскопической кучки людей, все остальные ничего, ровно ничего не понимают и руководствуются лишь весьма неопределенными и туманными устремлениями. Отсутствие ясной идеи может, следовательно, привести к краху движение, которое утонет в потоках фраз о братстве и солидарности, фраз, на каждом шагу опровергаемых практикой, опровергаемых даже самой Англией, не поддержавшей стачку. А между тем Женева остается центром движения Романской Швейцарии; об этом говорят обращения, поступающие сюда со всех сторон, об этом свидетельствует и тот факт, что секции Романской Швейцарии решили выпускать с 1 января свой орган в Женеве.

Вам, конечно, известно, милостивый государь, что эта газета выходила в Ла-Шо-де-Фоне и *в каком виде* она издавалась — более, чем жалком.

В настоящее время существует комиссия, которая работает над созданием газеты на прочной основе. Газета будет насчитывать по меньшей мере 2 000 подписчиков, что даст возможность платить франков по шестьдесят за статьи в каждом номере и выписывать, наконец, иностранные газеты. (Товарищество совершенно не осведомлено о том, что делается в дру-

Русские революционеры — члены I Интернационала, корреспонденты Маркса и Энгельса:
А. А. Серно-Соловьевич, Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, В. Н. Смирнов

гих странах, оно не знает даже, какие рабочие газеты существуют в Англии, а стало быть, не знакомо с идеями Совета, который руководит этой якобы могущественной организацией.) Газета будет выходить по-прежнему раз в неделю. При увеличении числа подписчиков, деньги пойдут главным образом на гонорар за статьи.

Не мне говорить Вам о том, какую силу представляет газета, особенно если речь идет о газете, которую рабочие считают своей и читают от начала до конца, от заглавия до последнего объявления.

Следовательно, нужно, чтобы новая газета была на высоте своего положения, соответствовала тому влиянию, которое она должна иметь и несомненно приобретет. Надо раз навсегда покончить с общими фразами. Значит, нужно найти людей, умеющих писать, что по всей вероятности совсем не так просто, в особенности, если учесть, что газета выходит на французском языке, а французы (это мое личное мнение) отличаются колоссальным невежеством и к тому же невыносимы со своими декламациями.

Я подхожу, наконец, к главному вопросу, к цели моего письма. От имени той маленькой группы, которая специально занимается созданием газеты, я прошу Вас о четырех вещах:

1) Писать для нас, если возможно, каждую неделю небольшие статьи по теоретическим вопросам (все равно на каком языке).

2) Посоветовать нам, к кому можно обратиться в Англии, чтобы получать регулярные корреспонденции: а) об английском рабочем движении и б) по истории рабочего вопроса последних лет.

3) Указать нам лучшие английские и американские газеты, занимающиеся тем же предметом.

4) Прислать нам список английских брошюр и работ, вышедших за последние годы, все по тому же интересующему Международное Товарищество вопросу (стачки, тред-юнионисты).

В данный момент гонорар за статьи не может быть велик. Мы не в состоянии платить больше десяти франков за столбец формата «Voix de l'Avenir» (в принципе решено, что статья не должна превышать размеров одного столбца). Однако будут приняты все меры к тому, чтобы деньги, полученные от подписчиков сверх 2 000, шли в первую очередь на уплату гонораров.

А теперь, милостивый государь, мне остается только просить у Вас извинения за то, что я взял на себя смелость обратиться к Вам. Впрочем, Вы поймете, чем это вызвано, если узнаете, какое глубокое уважение внушает мне Ваш талант, и если я скажу Вам, что, по моему мнению, при хорошем руководстве и хорошей организации Швейцария может быть сравнительно быстро подготовлена к достаточно радикальному экономиче-

скому преобразованию, — и в особенности, если скажу Вам, что я никогда так не боялся революции, как в настоящий момент; я знаю, что по этому последнему вопросу я расхожусь со многими, которые считают, что самое главное — поскорее совершить всеобщий переворот. Правы они или нет, я не берусь судить; но я знаю одно — эти люди совсем не думают о будущем и не хотят видеть бьющих в глаза фактов. Последняя стачка показала, как мало еще рабочие способны руководить сами собой, если какой-то г-н Гёгг именно в тот момент, когда надо было проявить максимум энергии, мог в течение целых двух недель водить рабочих за нос и подняться на такой пьедестал в стране! Вот чем вызван, между прочим, и мой маленький памфлет [86].

Может быть, я слишком скептичен по своей натуре, но я предпочел бы лучше наняться к какому-нибудь буржуа, чем служить за деньги ассоциации, которая эксплуатирует куда больше любого фабриканта всех тех, кто имеет несчастье работать у нее, и притом эксплуатирует их во всех отношениях, как материально, так и морально. А чего стоит вся эта свора мелких честолюбцев, маленьких трибунов, претендентов в диктаторы, полных нетерпимости и самомнения!

Прилагаю к своему письму брошюру Перрона об обязательном обучении [87]: несколько документов, которые, возможно, заинтересуют Вас, и 2 номера газеты «L'Internationale», которую я начал было здесь издавать. Однако выпуск ее волей-неволей пришлось прекратить, так как она вызывала слишком сильное раздражение. Откровенный язык, без лести, не в моде в Женеве, и во мне чуть было не заподозрили провокатора. Я часто спрашиваю себя, кто будет тем человеком, который, подобно Фази, снова ловко приберет к рукам все это движение.

Я забыл сказать Вам, что пробный номер новой газеты должен выйти 12 декабря; было бы очень желательно получить от Вас статью.

Принося еще раз извинения за слишком длинное письмо, прошу принять уверения в моем глубоком уважении.

А. Серно

P. S. В декабре прошлого года я получил Вашу работу «Капитал» через г-на Беккера, впрочем без всяких объяснений с его стороны. Я не поблагодарил Вас, милостивый государь, по той простой причине, что решительно не мог догадаться, как Вы узнали мою фамилию, тем более, что я русский. Поэтому я объяснил эту присылку любезностью г-на Беккера.

Впервые опубликовано с сокращениями в «Историческом сборнике Института истории АН СССР», кн. 5, 1936 г. и полностью в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

М. А. БАКУНИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 22 декабря 1868 г.

Мой старый друг!

Серно сообщил мне о той части твоего письма, которая касалась меня [71]. Ты спрашиваешь его, остался ли я по-прежнему твоим другом. — Да, и даже больше, чем когда-либо, дорогой Маркс, потому что лучше, чем когда-нибудь, я понимаю теперь, до какой степени ты был прав, следуя сам и приглашая нас идти по проторенной дороге экономической революции и резко порицая тех из нас, которые сбивались на тернистый путь либо национальных, либо исключительно политических действий. Я делаю теперь то, что ты начал делать уже 20 лет тому назад. — С тех пор как я торжественно и публично распрощался с буржуа на Бернском конгрессе [88], я не знаю другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. — Мое отечество теперь — Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я — твой ученик и горжусь этим. — Вот все, что я считал нужным сказать, чтобы объяснить мои личные чувства и мое отношение к тебе.

Перейдем теперь к другим вопросам.

В своем письме к Серно ты пишешь, что мы на Бернском конгрессе неверно ставили вопрос, когда говорили об уравнении классов и личностей. — Замечание это вполне справедливо в отношении терминов, формулировки, которую мы употребили. — Но эта формулировка была нам, так сказать, навязана глупостью и совершенной неспособностью нашей буржуазной аудитории. Она имела глупость уступить нам, можно сказать, без боя, в вопросе о равенстве, и наша победа как раз в том и состоит, что мы смогли констатировать, что они отвергают все условия действительного и серьезного равенства. Это и привело и до сих пор приводит их в ярость. — Впрочем, я охотно признаю, что было бы лучше, если бы мы выразились иначе, сказали бы, например: «Радикальное уничтожение экономических причин существования различных классов и экономическое, социальное и политическое уравнение среды, условий существования и развития для всех личностей без различия пола, национальности и расы».

Посылаю тебе бандеролью все речи, которые я произнес в Берне [89], за исключением одной.—Г-н Герцен попросил у меня разрешения напечатать их в своем последнем могиканине, то есть в последнем номере своей газеты, которая прекращается за отсутствием публики и читателей, и у меня не было оснований отказать ему в этом. Но прошу тебя верить, что между мной и им нет *абсолютно* никакой солидарности. Особенно с 1863 г. все политические, а теперь даже и личные отношения между нами порваны.

Он просил у меня разрешения изменить в *его духе* речь, произнесенную мной в Берне о России в ответ на речь моего друга Мрочковского, которую ты найдешь в «Колоколе». — Как и все мои друзья из числа русской социалистической демократии, программу [90] которой, составленную, впрочем, мной самим, я тебе также посылаю, я утверждал, что первым условием действительного, то есть экономического, социального и политического освобождения русских и нерусских народов, томящихся в Российской империи, является *радикальное разрушение этой империи* — для Герцена это было уж слишком, и мы поссорились.

Посылаю тебе также программу Альянса [91], который мы основали вместе с Беккером и со многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. По этому вопросу нам придется еще много говорить. Скоро я пришлю тебе копию большого письма — почти брошюры, — которое я написал по этому поводу другу Сезару Де Папу.

А теперь несколько слов о здешних событиях.

В Базеле происходит крупная забастовка, результатом которой, вероятно, будет то, что у Интернационала прибавится 5 000 новых членов. — Женева проявляет себя особенно хорошо. У нас было большое народное собрание, которое назначило постоянную комиссию для связи с Базелем. Мы с Беккером входим в нее. Здесь среди рабочих я нашел поистине замечательных людей.

Кланяйся от меня Энгельсу, если он не умер вторично. Ты ведь знаешь, что один раз его уже похоронили; передай, пожалуйста, один экземпляр моих речей ему, гг. Эккариусу и Юнгу.

Преданный тебе

М. Бакунин

Передай, пожалуйста, от меня привет г-же Маркс.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, № 1, 1901

Печатается по тексту журнала
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 сентября (12 октября) 1869 г.

Милостивый государь!

До сих пор ни в русской, ни в зарубежной литературе не появлялось еще работы, которая освещала бы правильно, не с официальной или буржуазной точки зрения, судьбы и экономическое положение русского крестьянина, фабричного рабочего, ремесленника или вообще русского рабочего класса. Причиной этого было множество препятствий, — большей

частью официального характера, — на которые наталкивался исследователь.

Некоему Флеровскому впервые удалось так или иначе обойти эти препятствия и ознакомиться до малейших подробностей с экономическим укладом и жизнью русского мужика. Результатом его исследований, длившихся около пятнадцати лет, явился труд «Положение рабочего класса в России» [18]. Разумеется, автор использовал, кроме своих собственных наблюдений, также и все официальные данные.

Посылаю Вам эту книгу * в надежде, что она даст Вам необходимый материал для следующих частей Вашего классического труда «Капитал» и т. д.

С глубоким уважением

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 12 марта 1870 г.

Гражданину Марксу

А. Трусов, редакция *«Народного дела»*

Дорогой и достопочтенный гражданин!

От имени группы русских мы обращаемся к Вам с просьбой оказать нам честь быть нашим представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества в Лондоне. Эта группа русских только что образовала секцию Интернационала, так как великая идея этого международного движения пролетариата проникает также и в Россию. При создании этой первой Русской секции мы прежде всего ставим своей целью (как Вы увидите из прилагаемого устава) оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала среди русских рабочих и объединять их во имя этих принципов [92]. Но у нас есть еще одна задача: разоблачать панславизм, втягивая молодежь славянских стран в борьбу против этих старых идей, сослуживших службу только царской империи, — империи, которая неизбежно падет и уступит место свободной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций, связанных с рабочими всего мира общностью их интересов и однородностью идей.

* См. настоящий сборник, стр. 24. *Ред.*

Спешим сообщить Вам, что подготовительная работа, которую мы проделали в этом направлении, увенчалась успехом, и мы нашли сторонников пропаганды Интернационала среди чехов, поляков и сербов. Последние имеют уже обширную организацию под названием *Омладина* [93], в рядах которой сербские сторонники Интернационала надеются распространить эту идею, несущую возрождение.

Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа. Эта молодежь ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение. — Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 г., — мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма. — Эти принципы и эта критика, как только люди поймут их, сокрушат иго капитала, поддерживаемого государством, которое само является наймитом капитала. — Вам принадлежит также выдающаяся роль в создании Интернационала, а в том, что касается специально нас, то опять-таки именно Вы неустанно разоблачаете ложный русский патриотизм, лживые ухищрения наших демосфенов, пророчествующих о славной судьбе, предначертанной славянским народам, когда на деле доныне этим народам была уготована лишь одна судьба: быть раздавленными варварским царизмом и служить орудием подавления соседних народов. Русская демократическая молодежь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой, и эта молодежь просит Вас оказать ей новую услугу: быть ее представителем в Генеральном Совете в Лондоне.

В то же время мы считаем своей обязанностью предупредить Вас, что мы ни в коем случае не можем согласиться на то, чтобы нашим представителем был кто-нибудь из русских, находящихся в данный момент в Лондоне.

А чтобы не вводить Вас в заблуждение и избавить Вас от сюрпризов в будущем, мы считаем также своим долгом предупредить Вас, что не имеем абсолютно ничего общего с г-ном Бакуниным и его немногочисленными сообщниками. Напротив, нам придется в ближайшем будущем выступить с публичной оценкой этого человека, чтобы в мире трудящихся, — а для нас ценно только их мнение, — стало известно, что существуют личности, которые, проповедуя в их среде одни принципы, хотят *сфабриковать* у себя на родине, в России, нечто совсем другое, вполне заслуживающее

позорного клейма. Настоятельно необходимо разоблачить лицемерие этих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре по образцу Швейцера, не обладая при этом ни его талантами, ни его смелостью. Нужно, чтобы это лицемерие было разоблачено, и мы передадим дело на суд Генерального Совета, чтобы Вы вынесли свой приговор о поведении, действиях и писаниях личностей, вроде г-на Бакунина, которые стараются забить головы русской молодежи подобными писаниями, являющимися гнусным отрицанием всех принципов Интернационала.

Соблаговолите сообщить нам, разрешаете ли Вы направлять к Вам наших друзей, уезжающих в Англию, и по какому адресу надлежит посылать наш журнал и наши бюллетени, которые будут выходить ежемесячно.

Нет необходимости добавлять, что мы были бы Вам крайне признательны хотя бы за несколько строк для нашего журнала, раз мы не можем надеяться на несколько страниц.

Примите, гражданин, от имени всех наших братьев, выражение нашего глубочайшего уважения.

Н. Утин,
В. Нетов,
А. Трусов

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

К. МАРКС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ

Граждане!

В своем заседании 22 марта Главный Совет * объявил, единодушным вотумом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала [19]. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете.

* — Генеральный Совет. *Ред.*

Genève. Montbrillant 8. –

Citoyen Marx. le 12 Mars 1870.

A. Trusoff, rédacteur "Cause du Peuple"

Cher et vénérable Citoyen. 8 Montbrillant Genève

C'est au nom d'un groupe des russes que nous nous adressons à vous pour vous prier de nous faire l'honneur de nous représenter au Conseil général de l'Association Internationale à Londres. Ce groupe russe vient de se constituer en une Section de l'Internationale; la grande idée de ce mouvement international du prolétariat pénètre aussi en Russie. Notre but à nous, en constituant cette première section russe, est (comme vous le verrez dans les Statuts ci-joints) d'aider énergiquement, autant qu'il est en notre pouvoir, à la propagande active des principes internationaux parmi les travailleurs russes, en vue de les grouper solidairement au nom de ces mêmes principes. Mais nous avons encore une autre tâche, c'est de démasquer le Panslavisme, en engageant la jeunesse des pays slaves à lutter contre ces vieilles idées qui n'ont servi qu'au profit de l'empire

ГЛАВНЫЙ СОВѢТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХЪ

Членамъ Комитета Русской Секціи въ Женевѣ.

Граждане,

Въ своемъ засѣданіи 22-го Марта Главный Совѣтъ объявилъ, единодушнымъ вотомъ, что ваша программа и статутъ согласны съ общими статутами Международнаго Товарищества Рабочихъ. Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ Интернаціонала. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую Вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при Главномъ Совѣтѣ.

Вы говорите въ вашей программѣ:

... „что императорское иго; гнетущее Польшу, есть тормазъ, одинаково препятствующій политической и соціальной свободѣ обоихъ народовъ — какъ русскаго такъ и польскаго;"

Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи, и вслѣдствіе того, на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работая надъ разбитіемъ цѣпей Польши, русскіе соціалисты возлагаютъ на себя высокую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетаріата.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи." Это настоящее открытіе для Европы. *Русскій* оптимизмъ, распространенный на континентѣ даже такъ-называемыми революціонерами, безпощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это — трудъ серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, нетерпящаго всевозможныхъ національныхъ гимновъ, и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса.

Такіе труды какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка.

Привѣтъ и братство.

Карлъ МАРКСЪ.

Лондонъ 24 Марта 1870.

Письмо Русской секции I Интернационала К. Марксу и ответ на него К. Маркса

Вы говорите в вашей программе:

«...что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов — как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии, и вследствие того, на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России» [18]. Это настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм*, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

Привет и братство.

Карл Маркс

Лондон, 24 марта 1870 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 16, стр. 427—428

РЕДАКЦИЯ «КОЛОКОЛА» — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 26 апреля 1870 г.

РЕДАКЦИЯ «КОЛОКОЛА»
органа русского освобождения
№ 306
1870 г. 26 апреля

Милостивый государь!

Мы уведомляем о получении Вашего письма от 18 апреля [71], в котором Вы просите нас послать Вам 6 экземпляров «Коммунистического манифеста» [55].

Вы получите 6 экземпляров брошюры через несколько дней. Нашим корреспондентом в Лондоне является г-н Трюбнер. Его адрес: № 60, Paternoster Row.

Примите, милостивый государь, уверения в нашем совершенном почтении.

Редакция «Колокола»

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — Г. А. ЛОПАТИНУ [94]

В БРАЙТОН

[Лондон, 6 июля 1870 г.]

...Профессия переводчика отвратительна, профессия коммерсанта дала бы Вам куда более благоприятные возможности использовать свободное время для занятий и пропаганды...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 32, стр. 572

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 24 июля 1870 г.

Гражданину Карлу Марксу,
секретарю Генерального Совета по делам Русской секции.

Дорогой гражданин!

Наше долгое молчание должно было очень удивить Вас, и Вы имели полное основание быть недовольным нами. Прежде чем приступить к цели этого письма, мы считаем нужным сослаться на смягчающие вину обстоятельства, послужившие причиной нашего молчания, если только наш друг И. Ф. Беккер не написал уже Вам об этом, как мы его просили [95].

Со времени съезда в Шо-де-Фоне и доныне мы должны были быть все время начеку, ведя борьбу с врагами двоякого рода: из лагеря *хозяев* и из лагеря «Solidarité» [96] (Бакунин, Гильом, Броссе, Перрон и К°). Пар-

тия «Solidarité» не останавливалась ни перед чем, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу: любой ценой добиться *разрыва* между секциями *строителей* и *«фабрики»*[85]. Эти господа не прекратили своих происков даже перед лицом общей опасности — во время забастовок, начавшихся со стачки *кровельщиков*, вспыхнувшей в начале апреля, и не прекращающихся по сей день. Эти господа пытались отколоть несколько секций от Женевской федерации с тем, чтобы иметь впоследствии возможность хвастать торжеством *своих* принципов в Женеве и, опираясь на несколько женевских секций, заявлять, что только *их* федерация и есть единственная и настоящая *Романская федерация*. Поймать этих людей на *месте преступления*, точно установить и *доказать* их деяния, конечно, довольно трудно. Но мы, живя в Женеве и ведя непрестанную борьбу с их происками, мы-то прекрасно знаем, что в это последнее время, в эти последние месяцы, вопрос стоял не более не менее, как о том, чтобы *расколоть* Интернационал в Женеве, и эта достойная цель преследовалась с одинаковой энергией как «Solidarité», так и хозяевами. Впрочем, не говоря уже об интригах Робена, сподручного агента Бакунина в Париже, — интригах, направленных против *Генерального Совета*, равно как и против всех секций, которые действуют в согласии с Генеральным Советом, — достаточно бегло просмотреть «Solidarité», чтобы обнаружить в каждом номере нападки и инсинуации против Женевской федерации — инсинуации лживые и иезуитские.

Между тем все это время одному из нас (Н. Утину) приходилось сидеть с утра до ночи в Тампль Юник[97], чтобы присутствовать на всех комиссиях, всех встречах с хозяевами и посредниками, редактировать все воззвания и объявления, принимать участие в прениях на общих собраниях, которые происходили каждый вечер, и, наконец, редактировать «Égalité» и бюллетени. Ведь целых три с половиной месяца Утин должен был *один* писать все статьи для «Égalité», заполняя регулярно все четыре страницы; ему и впредь придется это делать до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, чтобы заменить его или, по крайней мере, помочь ему. Естественно, что мы считали своей обязанностью по возможности помогать Утину в его работе в женевских секциях в интересах процветания Интернационала в Женеве, и мы уверены, что Ваш друг Беккер одобряет наше поведение. Одновременно с этим мы не могли совершенно забросить выпуск «Народного дела» и должны были уделять много времени установлению надежных путей проникновения нашей пропаганды в Россию, чего мы теперь достигли.

Все вышесказанное должно показать Вам, гражданин, что отнюдь не небрежность или нежелание, а абсолютное отсутствие времени среди всех перипетий борьбы вынудило нас так долго хранить молчание.

И это еще не все. К интригам *международного* характера присоединяются *русские интриги.* Мы, конечно, предвидели, что создание Русской секции вызовет глупую зависть и бесстыдную клевету, но мы все же не ожидали, что низость наших великих революционеров зайдет так далеко. Действуя, как и всегда, путем тайных происков, — то распространяя клевету, то шпионя и засылая своих сообщников, — Бакунин, Нечаев и К° заслали также и к нам одного из своих молодых агентов. Конечно, в нашем положении, несмотря на всевозможные меры предосторожности, мы невольно допускаем ошибки, и нас уже упрекают в том, что мы не хотим принимать в Русскую секцию первых встречных. — Так, один молодой человек по имени Владимир Серебренников (не путать с Семеном Серебренниковым, которого *посадили в женевскую тюрьму*) приехал зимой в Женеву из России и попросил у нас нечто вроде *защиты* от Нечаева и Бакунина. Он показал нам письма, в которых ему угрожали смертью, если он не присоединится к этой *банде,* и мы должны были охранять его, чтобы он не стал жертвой какой-нибудь западни. В адресованных ему письмах из Петербурга, которые он нам показывал, подробно рассказывается о деяниях этой банды; наши друзья познакомились с друзьями Серебренникова и убедились, что, несмотря на их крайнюю молодость, крайнюю неосведомленность и неопытность, несмотря на то, что они еще совершенно не разбираются в *социальных* вопросах и думают, что *одна* студенческая *молодежь* без участия народа может изменить мир, — эти молодые люди все же сумели понять, что невозможно что-либо сделать без предварительной организации, и мы надеемся внушить им, что их единственно осуществимая задача состоит в расширении революционной социалистической пропаганды среди трудящихся масс; во всяком случае эти молодые люди уверяли нас, что они не имеют *ничего общего* с действиями Бакунина и Нечаева, которые, по их мнению, на некоторое время серьезно скомпрометировали дело революции в России. Какие мотивы руководили поведением В. Серебренникова — был ли он всегда другом и сотрудником Нечаева, или изменился позднее и примкнул к Нечаеву из-за его *терроризма* (этот молодой человек страшно его боялся), или он хотел самостоятельно *укротить* Нечаева, — в настоящий момент мы не можем высказаться ни за одно из этих предположений. Нам трудно допустить, что в начале нашего знакомства В. Серебренников не был искренен с нами: он открыл нам несколько секретов Нечаева — Бакунина (секреты полишинеля), которыми эти господа делились с ним, чтобы привлечь его к себе, и если бы он был настоящим приверженцем Нечаева, он не рассказал бы нам о вещах, компрометирующих их. Мы можем, следовательно, предположить, что В. Серебренников сошелся с Нечаевым из *амбиции,* рассчитывая, что они вдвоем смогут *управлять* (!!) русскими делами. Ибо *амби-*

ция этих молодых людей колоссальна, и каждый из них хотел бы стать маленьким Швейцером. Кажется даже, что в последнее время эти два человека — Нечаев и Серебренников — окончательно поссорились с Бакуниным: теперь они его ругают и критикуют, а он, со своей стороны, пытается отрицать свое ведущее участие в их жалких делах.

Вы видите, дорогой гражданин, что поистине трудно ознакомить Вас со всей этой путаницей, порожденной недобросовестностью и *нечестностью* этих людей. Для них дело вовсе не идет о социальном и политическом освобождении народа.

Старик * со своим пустым самолюбием готов идти на всякие комбинации, чтобы только играть видную роль диктатора, и, следовательно, он всегда будет интриговать и устраивать заговоры — не против действительных врагов народа, а против всех тех, кто осмелится предпринять что-нибудь без него, кто осмелится создать какую-нибудь организацию, основать печатный орган в интересах народа, но где он, Бакунин, не сможет фигурировать. Отсюда его недовольство Генеральным Советом, Романской федерацией, Русской секцией и «Народным делом». Ему дороги только его честолюбивые цели, он требует, чтобы все приносилось в жертву его честолюбию, и тут для него все средства хороши. Теперь он порвал с Нечаевым и К°, как всегда порывает со всеми, когда ему не удается добиться успеха, как порвал с Лигой мира [20], которой он ранее всячески покровительствовал, но которую начал поносить, как только увидел, что она потерпела неудачу... Он увидел, что Нечаев и К° потерпели жестокое поражение в России, что они осуждены истинными революционерами, и вскоре Вы увидите, что Бакунин попытается отрицать всякое свое участие в этом деле, хотя был его главой! Но у нас есть документы, и мы решили *публично* разоблачить Бакунина, так чтобы он не посмел опять затеять какие-нибудь новые интриги. У него есть полное основание нас ненавидеть и клеветать на нас, потому что 1) мы первые вынесли приговор Нечаеву и Бакунину (как очень хорошо отметил автор «Русских писем» ** в «Volksstaat» [98]) и таким образом содействовали его непопулярности; 2) потому что он знает, что теперь мы собираемся его разоблачить. Ниже мы вкратце изложим наше обвинение против Бакунина, а сейчас мы хотим покончить с делом Серебренникова и Нечаева. — Этот последний ничего не смыслит ни в одном революционном вопросе, и «Volksstaat» совершенно прав, утверждая, что он был лишь *подставным лицом*, направляемым Бакуниным. Что касается Серебренникова, то он умный юноша, но *испорченный* до последней степени! Его недовольство нами может

* — Бакунин. *Ред.*
** — Боркхейм. *Ред.*

объясняться тем, что ни мы, ни наши друзья в России не пожелали принять участие в жалких студенческих заговорах; он хотел убедить нас, что всякая *пропаганда* бесполезна, что нет никакой надобности в социалистических газетах, что нечего и помышлять о пропаганде в народе и т. д., одним словом, все те же избитые выражения, которые проповедовали различного рода студенческие корпорации, считавшие себя единственными спасителями мира. — Добавьте к этому, что мы никогда не соглашались *обманывать* людей, привлекать их к себе лживыми измышлениями и *терроризировать* их всеми средствами, как-то: угрозой убийства, доноса и т. д. Эти средства применял Нечаев и позволил себе употребить Серебренников в отношении одного человека, которому он угрожал даже смертью за то, что тот осведомил нас о его близких отношениях с Нечаевым. Увидев, таким образом, что мы не на *их* стороне, Серебренников стремился показать, будто он разделяет наши воззрения, будто он, наконец, понял важность нашей твердой решимости водрузить знамя Интернационала в России и в славянских странах — важность, которую он долго отрицал, как ее отрицает также изрядное число русских молодых людей в Цюрихе и в немецких университетах: это — печальный результат их невежества, и если бы Вы улучили свободную минутку бегло просмотреть нашу газету, Вы увидели бы, что мы ведем борьбу с этим невежеством, выступающим под личиной *скептицизма* и даже *реализма*, — иными словами, эти молодые студенты осмеливаются упрекать нас в том, что, посвящая себя Интернационалу, мы занимаемся *нереальным* делом!!

Убедившись за последнее время, что мы продолжаем вести нашу пропаганду и она привлекает внимание русских, обе фракции лагеря *диких русофилов!* (если нам будет разрешено их так называть, принимая во внимание, что эти молодые люди и старик Бакунин уверяют, будто *их* Россия более *развитая* и более *зрелая* для социальной революции; они позволяют себе обзывать всех *западноевропейских* революционеров *буржуа* и реакционерами, не понимающими, в чем состоят подлинно революционные методы. — Это верно, что *западноевропейские революционеры, проклятые немцы* никогда не считали — и мы в их числе — ни шпионаж, ни мошенничество революционными методами!) — группа Нечаева — Серебренникова и группа Бакунина и К° — предприняли одновременно настоящий *поход* против Русской секции. Они решили воспользоваться тем, что мы все это время были всецело заняты событиями в Женеве, и *задумали взорвать Русскую секцию* с ее уставом и программой и заменить другой. С этой целью В. Серебренников вызвал из Цюриха двух молодых русских студентов, которые после тайного совещания с Нечаевым потребовали от нас права принимать в секцию кого угодно, по своему усмотрению. Мы им ответили, что, облеченные доверием Генерального Совета, мы обязаны

оберегать интересы Товарищества и не можем допустить, чтобы принимали в число его членов всех без разбора и должны с особой осторожностью относиться к лицам, не являющимся рабочими; что, кроме того, создавая здесь Русскую секцию, мы задавались целью образовать *открыто действующий комитет,* соединительное звено Товарищества с *Русской ветвью,* полем деятельности которой должна быть *Россия,* а не Швейцария, и потому нам важно не количество, а качество участников. Позднее они сознались нам, что собирались провести в секцию и Нечаева и *Бакунина.* Вот в чем было дело! Мы не обманулись в своих предположениях: осрамившись в России, старый индюк решил ловко воспользоваться плодами наших успехов, чтобы снова царить над глупцами-русофилами! Было бы подлостью с нашей стороны, если бы мы не сумели уберечь Русскую секцию от вмешательства этих проходимцев. — Впоследствии эти авантюристы не постеснялись заявить, что, желая овладеть таким образом Русской секцией, они намеревались исключить из нее *нас* при помощи большинства членов, которых они *приняли бы;* та же передержка с фиктивным большинством, как и на съезде в Шо-де-Фоне! И они пошли еще дальше: они потребовали от нас и нашу типографию и наш орган «Народное дело», чтобы передать их в руки людей, более *искусных* и более *способных* руководить революционным журналом. Но мы знаем, что̀ это за способные люди! Вы видели новый «Колокол», который редактировался Бакуниным и Нечаевым. Вы видели, как они пробовали проводить в нем конституционализм и *политическую мешанину* из взглядов всех партий, нападая на нас за наше стремление пропагандировать определенные социалистические принципы. А до этого они выпустили напечатанные якобы в России брошюры [99], где проповедовали, что *единственно подлинный тип* революционера — это русский разбойник с большой дороги *.

Получив по всей линии отпор с нашей стороны и видя, таким образом, крушение своих планов, эти господа стали писать нам письма, обзывая нас *буржуа,* признающими право *собственности.* И все из-за того, что мы не хотим дарить им ни типографии, основанной благодаря нашим долгим и настойчивым стараниям, ни журнала «Народное дело», который вот уже два года *мы одни* составляем, сами набираем и переправляем в Россию. В своей злобе они дошли до того, что *написали* нам: «Сидите в *передней Маркса и Беккера,* раз вам это нравится!».

Вы видите, откуда был нанесен этот удар: г-н Бакунин старался распространить слух, будто Вы, дорогой гражданин, прирожденный враг России и что мы *продались* немцам; точно так же как после Брюссельского конгресса он *писал* Г. Фогту, что *гнусное* решение о роспуске Лиги

* Не прислать ли Вам эти брошюры? *(Примечание авторов.)*

мира [20] было *продиктовано известной кликой*, то есть *Вами* и Вашими друзьями, которые, *в его* весьма своеобразном толковании, голосовали за роспуск Лиги мира потому, что Бакунин был ее членом, и потому, что Вы его ненавидите как русского!!!?

Извините нас, пожалуйста, за эти подробности, но они — необходимая преамбула ко всем последующим разъяснениям: мы сочли своим долгом уведомить Вас о них, так как весьма вероятно, что вскоре начнется полемика в печати. Раньше нам *не хотелось выносить сор из избы*, но теперь мы считаем, и Беккер согласен с нами, что нельзя больше откладывать *издание брошюры против* Бакунина, Нечаева и К°. Это, по нашему мнению, единственно действительное средство, чтобы избавить Международное Товарищество от бесконечных интриг и сплетен. Наше намерение *напечатать брошюру*, разбирающую их деяния, и задержало несколько посылку Вам нашего обвинительного материала. Ведь нам пришлось бы проделать двойную работу, и работу нелегкую: необходимо *дословно* перевести все витиеватые *измышления* Бакунина, чтобы лишить его возможности прибегнуть позднее к своей затасканной аргументации — заявить, что его не поняли. Действительно, трудно понять подобного авантюриста без стыда и совести. — Нам хотелось бы также в нашей брошюре объяснить его поведение в *1848 г.*, так как он строит свою популярность в России именно на своем поведении в этот период, да и такие люди, как Гильом, Робен и весь их священный Альянс, продолжают восхвалять его за 1848 год. Если у Вас есть какие-нибудь материалы по этому вопросу, мы Вам будем очень благодарны за них. Мы покорнейше просим Вас также поблагодарить от имени всех нас автора писем против Нечаева в «Volksstaat» [98]. Насколько нам известно, этим автором является гражданин Боркхейм, и нам хотелось бы, чтобы он знал, что мы в любой момент готовы вмешаться в полемику и подтвердить характеристику, которую он дал этим людям. Срывая с них маску, он оказал большую услугу нашему делу в России. — Итак, мы собираемся кратко *сформулировать* наши обвинения против Бакунина и отправить их Вам на этой неделе. Правда, мы опасаемся, что Вам трудно будет судить о правдивости наших утверждений, не читая подтверждающих их текстов и документов, которые мы сохраняем для брошюры, но мы готовы прислать Вам также и их.

Простите за бессвязное и беспорядочное письмо. Мы воспользовались первой свободной минутой, чтобы сообщить Вам все эти подробности, и спешим отослать их, *так как* получили известие, что Нечаев и Серебренников находятся в Лондоне. Нечаев, вероятно и скорее всего, под другим именем; Серебренников же увез один из наших членских билетов, который он добыл *обманным путем,* попросив у нас билеты на вымышленные фамилии. Одновременно он мог бы спросить у гражданина *Юнга,* нет ли

у него рекомендации для Вольдемара Фруа *; так вот предупреждаем, что рекомендация, выданная зимой, сейчас не имеет никакой силы, и мы просим гражданина Юнга считать этого молодого человека самозванцем.

Мы никого еще не посылали к Вам, и считаем нужным, чтобы несколько позднее — но, во всяком случае, перед *конгрессом* — кто-нибудь из нас поехал в Лондон и обрисовал Вам положение вещей в целом. Ведь дело обстоит очень серьезно: мы убеждены, что Международное Товарищество безусловно может в течение нескольких лет добиться *огромных* успехов в России, но горе нашему великому делу, если оно попадет в грязные руки невежественных дикарей или ученых шарлатанов. Эти люди могут задержать на целые годы всякое развитие Товарищества в России! — Имейте в виду, что В. Серебренников получил в Париже рекомендацию к гражданину *Дюпону*. Эту рекомендацию дал ему, вероятно, Робен или кто-нибудь из его друзей. Мы спешим предупредить Вас об этом, так как лица, подобные Робену, способны подослать кого угодно *шпионить за Генеральным Советом,* против которого они готовят кампанию на конгрессе, но мы сумеем расстроить их планы. В. Серебренников — молодой авантюрист, который говорит с каждым в духе, угодном его собеседнику, и достаточно искусно может лгать с утра до ночи, при этом ни разу не покраснев и не смутившись: это — продукт нашей *прекрасной русской* цивилизации, это — подтверждение правильной, к сожалению, пословицы: «Grattez le russe et vous trouverez le tartare!» **.

Еще раз прошу прощения за все эти детали; хочется сообщить Вам другие, более отрадные сведения, и мы не замедлим это сделать. — Мы подождем Вашего мнения и попросим немного позже Вашего совета: правы ли мы, соблюдая осторожность и *ограничивая* здесь, *в Европе,* число членов Русской секции мужчинами и женщинами хорошо нам известными. Через несколько дней мы пришлем Вам воззвание нашей секции к славянам.

Привет и братство!

Н. Утин,
Виктор Бартенев (Нетов),
Антон Трусов

P. S. События в Женеве задержали также до сих пор осуждение Бакунина в Центральной секции. Его действия вместе с несколькими его соучастниками будут разбирать в субботу, 15-го. Большинство членов

* — В. Серебренников. *Ред.*
** — «Поскребите русского и вы найдете татарина!» (слова, ошибочно приписываемые Наполеону). *Ред.*

Центральной секции находит, что надо требовать его исключения за то, что он вызвал *раскол* в Женеве[100].

Н. У.

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского
Полностью публикуется впервые

А. А. СЛЕПЦОВ — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, [октябрь 1870 г.]

Милостивый государь!

Намереваясь с несколькими сотрудниками: 1) заняться, невзирая на риск, распространением в России через журнал новейших социально-экономических учений, направленных главным образом на защиту третьего сословия, и исследованием отношения этих учений к местным русским условиям и вместе с тем 2) не располагая здесь необходимыми для этого силами, я решаюсь написать Вам и пригласить Вас сотрудничать с нами.

Мы горячо одобряем взгляды, высказанные Вами в «К критике политической экономии» и в I томе «Капитала»; но должны только признаться, что будем иметь дело почти исключительно с непосвященной публикой, а потому все статьи нашего обозрения должны быть написаны 1) популярно и 2) довольно кратко. Краткость может быть достигнута тем, что в каждой статье будет рассматриваться только один вопрос (статья может быть размером от 1 до 3, даже до $3^1/_2$ — 4 листов); например: рабочий день; к критике учения о земельной ренте; обмен и торговля; что представляет собой банк сейчас и чем должны быть банки и т. п.

Мы можем предложить Вам сразу 10 (десять) фридрихсдоров (около 57 талеров) за печатный лист (приблизительно от 35 000 до 37 000 букв); но мы надеемся, что Вы не откажетесь сотрудничать с нами, — не ради платы, а ради распространения Ваших взглядов.

Если Вы согласитесь на наши предложения, то мы обязуемся дать хороший перевод на русский язык Ваших рукописей, напечатать их по-русски и возвратить их Вам обратно, причем ставим единственное условие: не публиковать их ни на одном языке в течение года после их отсылки. По истечении года Вы можете полностью распоряжаться своими рукописями.

Независимо от того, согласны ли Вы на наше предложение или нет, будьте добры в любом случае ответить на это письмо. Мы ждем Вашего

ответа с величайшим нетерпением. Если Вы, может быть, захотите поставить нам какие-либо дополнительные условия, будьте любезны только уведомить нас об этом.

Преданный Вам

А. Слепцов

Мой адрес:
С.-Петербург.
Фурштадтская ул., № 9, дом Философова, квартира 6,
г-ну Александру Слепцову.

Журнал, о котором идет речь, выходит с 1 октября и называется «Знание», по-немецки «Das Wissen».

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ

В ЛОНДОН *

Женева, 9 декабря 1870 г.

Дорогой гражданин!

Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России. Мы будем счастливы, если при ее посредничестве нам удастся ближе познакомиться с Вами и в то же время более подробно осведомить Вас о нашем положении, которое она Вам сможет обстоятельно обрисовать.

Положение это является, несомненно, печальным, так как нам приходится, с одной стороны, преодолевать препятствия, которые ставит на пути всякой свободной пропаганды *царизм*, а с другой стороны, бороться с невежеством и *нечестностью* (выражение отнюдь не слишком сильное), которыми проникнуты все слои так называемого образованного русского общества. К тому же дух групповщины и узость интересов парализуют революционную работу даже среди молодежи; в ее рядах преобладают приверженцы ребяческой игры в революцию, желающие подражать прежним

* На письме печать с надписью по-русски: «Международное Товарищество Рабочих. Русская ветвь». *Ред.*

немецким студенческим корпорациям и считающие себя способными произвести революционный переворот *для* народа, но *без* народа, что в России еще менее возможно, чем где бы то ни было. — Все это приводит к тому, что большинство из тех, которые по своему положению могли бы и должны были бы быть настоящими пропагандистами Международного Товарищества, далеки еще до понимания его подлинного значения, и от нас потребуется еще немало усилий, чтобы всерьез водрузить и упрочить наше общее знамя в России. Однако мы нисколько не сомневаемся в успешном осуществлении нашей задачи, и мы счастливы, что инициатива провозглашения необходимости направить русское революционное движение в общее русло движения европейского пролетариата исходила именно от нас. Критическое состояние нашей страны, экономическое положение народа, анархия в налоговом обложении, явное бессилие губернских собраний (земских учреждений), слепое подражание Пруссии в проводимых царизмом военных реформах, которые неизбежно вызовут сильнейшее недовольство крестьян и рабочих, преследование даже полулиберальной печати (радикальная печать запрещена) — все это приведет в конце концов к созданию серьезной оппозиции и заставит людей задуматься о необходимости организации городов и деревень в ассоциации трудящихся, с некоторыми различиями в формах, диктуемых *административными* соображениями...

Мы еще не знаем, к чему приведут воинственные намерения нашего прославленного патриотизма, *декретированного* Александром и его лакеями; что касается нас, то, разумеется, в случае войны мы страстно желаем поражения России... Царское правительство, несомненно, будет стремиться любой ценой вовлечь Европу в войну, так как оно уже провело дорогостоящие приготовления и столько похитило из бюджета, что без публичного скандала уже не сможет выпутаться из затруднительного положения; оно идет прямым путем к банкротству. Если правительство все еще медлит со своими воинственными притязаниями, то только потому, что оно пытается заключить заем в Лондоне или в Голландии. Вот в чем можно оказать огромную услугу: *наглядно показать* тем же финансовым тузам, что подписываться на русский заем слишком рискованно: во-первых, потому, что этот заем предназначается на вооружение России и ведение войны; во-вторых, потому, что русское правительство идет к банкротству и скоро будет не в состоянии выплачивать проценты.

В 1863 г. даже такая слабая статья, как статья Воловского в «Revue des deux Mondes» [101], немало содействовала нанесению решительного удара по курсу русских бумаг: курс этих бумаг так и не поднялся.

В Женеве мы готовимся к возобновлению «Égalité», которая перестала выходить в связи со значительным сокращением числа подписчиков

Члены Русской секции I Интернационала:
Н. И. Утин, Е. Л. Томановская (Дмитриева),
А. В. Корвин-Круковская, Е. Г. Бартенева

вследствие безработицы в часовом производстве. Г-жа Элиза передаст Вам циркуляры инициативной группы пропаганды, которую мы здесь создали вместе с Беккером, Перре, Вегерманом, Дюпле, Дювалем и многими другими. Мы возлагаем большие надежды на эту группу, хотя без газеты дело дальше не пойдет. Мы сожалеем также, что Генеральный Совет не имеет средств для создания своего собственного органа. Этим нужно будет серьезно заняться предстоящему всеобщему конгрессу, так как нет сомнения, что он вообще займется вопросом об улучшении и упрочении федеративной организации всего Товарищества.

Г-жа Элиза напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным сообщить, а по возвращении расскажет о том, какое впечатление произвели на нее при более близком знакомстве организации рабочих союзов и политическая и общественная жизнь Англии, и даст нам все сведения об этом. Мы уверены, что Вы своими советами и ценными указаниями поможете ей в изучении этих вопросов, и заранее благодарим Вас за это; помогая ей в ее занятиях, Вы тем самым помогаете всем нам.

Примите, дорогой гражданин, наш братский привет.

Виктор Бартенев,
Н. Утин,
Антон Трусов

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Полностью публикуется впервые

Г. А. ЛОПАТИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 15 декабря [1870 г.]

Милостивый государь!

По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, что, несмотря на Ваши дружеские увещевания, я нахожусь в России. Но, если бы Вы знали, что побудило меня к этой поездке, Вы, я уверен, нашли бы мои доводы достаточно основательными [102]. Полученное в Кёнигсберге письмо дало мне понять, по какому делу я был вызван из Англии. — Хотя дело это, как Вы легко можете догадаться, не угрожает ни европейскому миру, ни существованию нашего отечественного правительства, тем не менее оно показалось мне очень привлекательным, да к тому же я проделал уже такое длинное путешествие, что решил не отступать, — и вот я снова на дорогой родине.

Характер моего дела вынуждает меня покинуть в ближайшие дни Петербург и отправиться в глубь страны, где я пробуду, по всей вероятности, три-четыре месяца, так что я не могу воспользоваться любезным приглашением г-жи Маркс на ваш рождественский обед; боюсь также, как бы мой строгий маленький учитель * не нашел, что мои познания в английском языке несколько убавились за то время, что я потратил на собственные приключения, вместо того чтобы спокойно читать о приключениях мистера Мордаунта Мортона.

Посылаю Вам несколько страниц «Philosophie Positive» с замечаниями о «Капитале» [103]. Мне сказали здесь, что «Этюды» Де-Роберти, о которых мы говорили, были посланы мне в Лондон несколько дней тому назад вместе со статьями Чернышевского по крестьянскому вопросу [104]. Если Вы зайдете сами к моей квартирной хозяйке или пошлете кого-нибудь к ней с прилагаемой запиской, то она выдаст Вам эти книги.

На днях я сообщал Вам, что в «Архиве судебной медицины и гигиены» (русский медицинский журнал) была напечатана статья о положении рабочего класса в Западной Европе [26]. Статья основывалась на материале главным образом Вашей книги и имела несчастье вызвать неудовольствие правительства. Теперь она окончательно конфискована и предана сожжению, а так как журнал является в известной мере официальным органом, то главный редактор его снят с должности.

Второй том произведений Лассаля в русском переводе [105] также конфискован правительством, и никто не знает, будет ли он разрешен к продаже или нет. На обложке этой книги было напечатано сообщение о выходе в ближайшие месяцы «Капитала». Но даже и это невинное объявление, как мне передавали, не ускользнуло от бдительного ока правительственных чиновников. Главный цензор запросил издателя, не является ли «Капитал» произведением того самого Маркса, который играет такую видную роль в Интернационале, и если это так, то как он допустил подобное объявление? Несмотря на это, мой издатель ** надеется, что дело с «Капиталом» еще может уладиться к нашему общему удовольствию, и мой труд не пропадет даром.

Флеровский говорит, что он уже давно написал специальную книгу об артелях и обращался с ней к ряду издателей, но все отказались ее напечатать. Он обещал изложить основные места этой книги в виде письма, достаточно короткого для перевода на английский язык.

Две недели тому назад редакторы ведущих русских газет были вызваны к главному цензору, и им было строго-настрого приказано не помещать ничего, направленного против Пруссии. Один из них, Загуляев,

* — Элеонора Маркс. *Ред.*
** — Поляков. *Ред.*

напечатал этот приказ в «Голосе». Он был немедленно арестован и сослан в одну из отдаленных губерний; даже его жена не знает точно, где он находится. Кроме того, у нас здесь ежедневно производятся новые аресты и, вообще говоря, общее положение настолько приятное, что я начинаю вполне искренне разделять Ваше мнение и мнение Генерального штаба * о необходимости войны с русским правительством, чтобы положить конец такому наглому поведению и ударом извне ослабить эту страшную силу.

На этом кончаю. Итак, до свидания!

Свидетельствую свое глубокое уважение Вам и Вашей семье.

Преданный Вам

Л.

Привет г-ну и г-же Энгельс и маленькой Пумпс.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Е. Л. ТОМАНОВСКАЯ (ДМИТРИЕВА) — МАРКСУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 7 января 1871 г.]

Милостивый государь!

Прошу извинить меня за мой запоздалый ответ; вчерашнее утро было занято различными делами и т. д. ... по устройству маленькой Аплгарт, а вечером, как обычно, я чувствовала себя плохо.

В воскресенье вечером я буду дома, так как выхожу лишь в редких случаях (например, в ближайший вторник пойду на митинг, устраиваемый г-ном Бизли [106]). Я прошу поэтому мадемуазель Женни не извещать заранее, когда она захочет доставить мне удовольствие навестить меня. Я всегда к ее услугам.

Благодарю Вас за рецепт на хлорал и в особенности за ту доброту, с которой Вы заботитесь о моем здоровье. Конечно, я вовсе не хочу разрушать его, но, откровенно говоря, не люблю лечиться. Во всяком случае, если уж обращаться к врачу, то я бы хотела, чтобы это была женщина.

Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к сожалению, распад и превращение его в мелкую собственность более чем вероятны. Все меры правительства — ужасающее и непропорциональное повышение податей и повинностей — имеют своей единственной целью введение индивидуальной собственности путем отмены круговой поруки. Закон, изданный в прошлом

* — Энгельса. *Ред.*

году, уже отменяет ее в общинах, население которых составляет меньше 40 душ (мужских; женщины, к счастью, не имеют души); официальная и либеральная пресса нисколько не стесняются громко кричать о благодетельных, по ее мнению, последствиях этого мероприятия. И действительно, столь прекрасное начало много обещает.

Я позволяю себе послать Вам номер «Народного дела», в котором разбирается этот вопрос, полагая, что у Вас, возможно, нет полного комплекта этого журнала [107].

Вы несомненно знакомы с вышедшим в 1847 г. трудом Гакстгаузена, в котором рассматривается система общинного землевладения в России [44]. Если у Вас случайно его нет, то прошу сообщить мне об этом. У меня есть экземпляр на русском языке, и я могу тотчас же послать его Вам.

Этот труд содержит много фактов и проверенных данных об организации и управлении общин. В статьях об общинном землевладении, которые Вы теперь читаете, Вы увидите, что Чернышевский часто упоминает эту книгу и приводит из нее выдержки.

Я не хочу, конечно, посягать на Ваше время, но если в воскресенье вечером у Вас найдется несколько свободных часов, то я убеждена, что Ваши дочери будут так же счастливы, как и я, если Вы проведете их вместе с нами.

Прошу передать от меня привет г-же Маркс и принять уверение в моем искреннем уважении.

Елизавета Томановская

P. S. Жму руки мадемуазель Женни и Тусси. Извините за мое длинное письмо.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ [108]

В ПАРИЖ

Лондон, 27 февраля 1871 г.

Милостивый государь!

Лопатин уехал в Соединенные Штаты, и я еще не получал от него известий.

Имею честь оставаться преданным Вам

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 157

Н. И. УТИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 17 апреля 1871 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Я позволяю себе обратиться непосредственно к Вам, чтобы узнать, нет ли у Вас сведений о нашем молодом и драгоценном друге, г-же Элизе Томановской? С тех пор, как три недели тому назад она написала мне несколько строк о своем намерении поехать с Юнгом на *две недели* в Париж, я не имею от нее никаких сведений; между тем я знаю, что письма из Парижа доходят по назначению, хотя и очень нерегулярно. Я был бы Вам безгранично признателен, если бы Вы могли сообщить мне какие-либо сведения о судьбе нашего друга. Вы были так добры и так тепло относились к ней, поэтому мне нет надобности скрывать от Вас, что мы очень опасаемся, как бы отвага и энтузиазм Томановской не привели ее к гибели, а эта утрата была бы исключительно прискорбной... Ведь нас и без того очень мало, чтобы в нужный момент послужить общему делу в России!

Не смею слишком много расспрашивать Вас о событиях в Париже... Сколько раз я думал, что нам следовало бы отправиться туда всем, но затем меня останавливали сомнения в окончательном успехе, и я говорил себе, что наше международное дело скорее проиграло бы, чем выиграло, если бы все головы были *снесены* одним ударом вандейцев Тьера и К^0, и что, следовательно, наш долг состоит скорее в том, чтобы оставаться на своих постах и продолжать начатое дело.

Я всегда был и остаюсь глубоко убежденным в том, что борьба с существующим порядком завершится в конечном счете кровопролитием, ибо я не верю, что буржуазия уступит власть легальным и мирным путем; но для меня речь идет о том, чтобы определить подходящий момент, когда можно будет сказать себе, что пришло время сжечь корабли. Наступил ли сейчас этот момент и нужно ли в самом деле, чтобы все те, кто готов подкрепить свою пропаганду действиями и отдать за нее свою жизнь, отправились теперь в Париж?

Вот те вопросы, которые меня волнуют; надеюсь, Вы легко извините меня за то, что я, не имея, возможно, на это права, обращаюсь к Вам с такой откровенностью. Но прошу Вас принять во внимание, что эта откровенность не что иное, как прямое выражение уважения и безграничного доверия, которые внушают мне Ваш ум, Ваш политический такт и Ваша искренняя, подтвержденная всей жизнью преданность тому делу, которому мы все служим и знамя которого было поднято Вами.

Мне нет нужды добавлять, что это письмо носит совершенно частный и личный характер, и я был бы Вам весьма признателен, если бы получил в ответ несколько слов до субботы, ибо к субботе хочу разделаться с одной срочной платной работой и постараюсь быть свободным, чтобы иметь возможность, если обстоятельства потребуют, немедленно выехать в Париж, — хотя я точно не знаю, каким путем туда пробраться и к кому обратиться по приезде.

Примите, дорогой гражданин и учитель (разрешите мне Вас так называть?), уверения в моем глубоком уважении и братских чувствах.

Н. Утин

Впервые опубликовано в книге: «Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны 1871 г.», 1933 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Е. Л. ТОМАНОВСКАЯ (ДМИТРИЕВА) — Г. ЮНГУ [169]

В ЛОНДОН

Париж, 24 апреля 1871 г.

Милостивый государь!

По почте отправлять письма невозможно: всякая связь прервана, все попадает в руки версальцев. Серрайе, только что избранный в Коммуну и чувствующий себя хорошо, переправил в Сен-Дени семь писем, но в Лондоне они, по-видимому, не получены. Я послала Вам телеграмму из Кале и письмо из Парижа, но с тех пор, несмотря на все мои поиски и расспросы, я не могла найти никого, кто бы ехал в Лондон. Как вы можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции, чтобы она пришла нам на помощь. Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо, и Париж действительно революционно настроен. В продовольствии нет недостатка. Вы знаете, что я пессимистка и вижу все в мрачном свете, поэтому я приготовилась к тому, чтобы умереть в один из ближайших дней на баррикадах. Ожидается общее наступление. — Я лично думаю, что все зависит от случая.

Я очень больна, у меня бронхит и лихорадка. Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты

и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым [110]. Мы устанавливаем связь с правительством, и я думаю, что дело пойдет. Но сколько потеряно времени и какого труда мне это стоило! Приходится выступать каждый вечер, много писать, и моя болезнь все усиливается. Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы создадим секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех, и вообще интернациональная пропаганда, которую я веду с целью показать, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции, весьма одобрительно воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трех до четырех тысяч женщин. Несчастье в том, что я больна и меня некому заменить.

Дела Коммуны идут хорошо, — только вначале было допущено много ошибок. 15—20 дней назад был назначен Клюзере, несмотря на всю нашу агитацию против него. Теперь Малон уже рвет на себе волосы, что не послушал меня. На днях Клюзере будет арестован.

К крестьянам не обратились вовремя с манифестом; мне кажется, он вообще не был составлен, несмотря на мои и Serrайе настояния. Центральный комитет не сразу сложил свои полномочия, происходили всякие истории, которые ослабляли партии. Но с тех пор все организуется более прочно. На мой взгляд, делается все, что возможно. Я не могу говорить об этом слишком подробно, потому что боюсь, как бы прекрасные очи г-на Тьера не заглянули в это письмо, — ведь еще вопрос, попадет ли благополучно в Лондон податель этих строк, швейцарец, редактор из Базеля, который привез мне вести от Утина.

Я сижу без гроша. Если Вы получили мои деньги, постарайтесь их с кем-нибудь переслать, но только не по почте, иначе они не дойдут. Как Вы поживаете? Я всегда вспоминаю о всех вас в свободное время, которого у меня, впрочем, очень мало. Жму руку Вам, Вашей семье и семье *Маркса*. Что поделывает Женни? *

Если бы положение Парижа не было столь критическим, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь: здесь так много дела.

Лиза

С Малоном и Серрайе я встречаюсь редко; каждый из нас слишком занят в своей области.

Впервые опубликовано в журнале «Каторга и ссылка», кн. 3, 1933 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — Маркс (дочь). *Ред.*

Н. ФЛЕРОВСКИЙ (В. В. БЕРВИ) — МАРКСУ [18]
В ЛОНДОН

[С.-Петербург, около 11 (23) мая 1871 г.]

Господину К. Марксу от Флеровского

Часть первая

Глава I. Работник-бродяга. Я был приказчиком у одного богатого заводчика в Томске. У него было большое дело (винокуренные заводы в Восточной и Западной Сибири, золотые прииски и т. д.). При этом я изучил все сам, что рассказываю в этой главе о жизни работников. Работники и хозяева, которых я здесь описал, были мне либо лично знакомы, либо я собрал о них сведения путем опросов, устных и письменных, что было мне поручено моим хозяином (для различных целей). Жизнь в тюрьме я изучил следующим образом: во-первых, я юрист и посещал тюрьмы, чтобы ознакомиться с ними, во-вторых, я дважды сидел в различных тюрьмах за участие в политических движениях и провел, таким образом, в тюрьме больше года, а в-третьих, мне как политическому преступнику пришлось совершить путешествие (по этапу) приблизительно в 550 миль из одной тюрьмы в другую, и в некоторых из них мне приходилось сидеть неделями; так я познакомился с самыми разнообразными тюрьмами и со множеством преступников.

Глава II. Сибирский земледелец. Я совершил поездку из Тюмени через Омск в Томск и везде расспрашивал крестьян, затем направился в Кузнецк (в Томской губернии) и обратно; путь от Томска на восток я в качестве приказчика проделал несколько раз. Я был в Мариинске, Ачинске, Красноярске, Енисейске. Я проехал по весьма мало изъезженной дороге от одной деревни в Ачинском уезде на Енисейск (по Староачинской дороге). А затем вдоль рек Томь, Обь, Иртыш, Тобол, Тара, через северные города Нарым, Сургут и т. д. Из Тобольска я предпринял поездку по Тобольской губернии. Все эти путешествия вместе с поездками в дремучие леса (тайгу) составляют, по моему расчету, путь в 9 200 верст (1 300 миль). Повсюду я, разумеется, расспрашивал жителей. Затем я прожил свыше года в Кузнецке в политической ссылке и, конечно, летом и зимой бродил по окрестным деревням и беседовал с населением.

Глава III. Зауральский рабочий. Частично объяснено сказанным выше. Естественно, у меня заняло бы много места, если бы я захотел объяснить, каким путем я сделал вычисления, встречающиеся в этой главе, но некоторые представления об этом хочется все-таки дать. Я уже сказал, что был приказчиком у одного томского заводчика. Это дало мне возможность тщательно и достоверно изучить цены на съестные припасы и т. д.,

а также способы их покупки и продажи во всех частях Сибири от Урала до Байкала. Особенно подробно я познакомился со всем этим в Кузнецке и Мариинске, где бывал несколько раз. В Кузнецке я лично знал почти всех так называемых оптовых и розничных торговцев. Сведения, которые мне таким путем удалось раздобыть, я сопоставил с официально опубликованными статистическими данными и на этом основании произвел вычисления. Если Вы пожелаете вдаваться в подробности, то я могу Вам в виде примера сказать следующее: в Кузнецком округе водка продавалась купцами, которые все были заодно; по истечении года торговли они производили между собой расчет: кто продал больше, платил тому, у кого сбыт был меньше, и т. д. Это делалось для того, чтобы конкуренция не могла сбить цены. Счета, которые таким образом сосредоточивались у моего хозяина, дали мне возможность получить наиболее точные сведения о всем сбыте водки не только в Кузнецком округе в целом, но и в каждой части этого округа, а также о ценах и формах торговли.

Глава IV. Положение работника на Севере. Я находился в Вологде в политической ссылке. В это время сюда прибыли переселенцы из Олонецкой губернии (Каргопольского и Пудожского уездов). Мы им оказывали помощь, и при этом я их опрашивал, это было целое исследование. Чтобы получить ясную картину о тамошних условиях, я использовал официальную статистику, в особенности так называемые памятные книжки, сборники всего статистического материала, собранного в статистическом бюро каждой губернии. О Печорском крае у меня был печатный труд комиссии. Многое, разумеется, я нашел не в таком виде, как напечатал, я это вычислил на основании источников. Север тоже имеет свою небольшую литературу, правда чрезвычайно отрывочную и разбросанную в периодических изданиях и т. д. Ими я также воспользовался. Помогли мне и поездки по Пермской, Вятской и Вологодской губерниям (по моим расчетам, я проделал здесь 5 200 верст) (750 миль). В Вологду прибывают с севера и из Архангельска работники, которые перевозят товары водным путем в Архангельск, — я и с ними беседовал.

Глава V. Астраханская губерния. Национальности.

В Астрахани я жил во время политической ссылки. Вел там адвокатскую практику. Благодаря этому я особенно хорошо изучил условия жизни рыболовов и садовников, так называемых моряков, перевозящих товары по Каспийскому морю. Познакомился я также с делами купцов по тем процессам, которые мне пришлось вести, и их счетам, которые я должен был просматривать. Кроме того, существует особенно интересная литература и официальная статистика о рыбной ловле в России — отсюда я тоже черпал сведения и делал вычисления. — О калмыках я узнал от самих калмыков, с которыми был знаком, и от чиновников в Астрахани.

(Однажды меня даже призвали на совет, чтобы уладить спор по поводу их, так сказать, феодального права.) Среди татар и мордвы я провел всю свою молодость и многих из них знал лично. Цифры о численности населения Казанской губернии я заимствовал из одной «Казанской памятной книжки».

Часть вторая.

Глава I. Земледелец на помещичьих землях в Вологодской губернии. О положении крестьян в Вологде я составил себе представление на основании личных расспросов. Официальная статистика здесь была представлена полнее, чем где бы то ни было. Среди прочего материала я пользовался печатными приложениями, в которых нашел достаточно полную статистику для каждой сельской общины в губернии. Можно легко представить себе, какую радость доставила мне эта находка и к каким бесконечным вычислениям дала она мне повод. Но еще больше, разумеется, я обрадовался, когда наконец обнаружил, что эти вычисления можно действительно использовать и найти в них правдивые данные. Конечно, далеко не все отчеты были достоверны, и в этом случае должны были помочь личные расспросы.

Глава II. Примеры анархии в поземельных отношениях.

В течение 14 лет я состоял на службе у министра юстиции. Последние 5—6 лет я был занят почти исключительно тем, что давал заключение по проектам законов. Однажды мне пришлось дать заключение относительно закона о землепользовании в восточной части Европейской России. Разумеется, работа была для меня нелегкой, и, насколько возможно, я основательно изучил все условия. Необозримое количество рукописных актов и несколько бессонных ночей дали мне возможность составить себе ясное представление о земельных отношениях в каждой сельской общине этой огромной местности. Вы легко можете себе представить, что вся эта работа ни к чему не привела и бедным людям ничем не помогла. Лишь спустя много лет я получил печальное утешение сказать об этом несколько слов в этой главе. Об условиях на Дону я почерпнул сведения из официальных и печатных источников (законы в «Своде Военных Постановлений», крестьянское положение, «Статистический временник» [111] и т. д.).

Глава III. Влияние помещичьих земель на благосостояние России. Прежде чем написать эту главу, я хотел сперва сам вполне убедиться в истине. Все здесь, разумеется, надо было сначала вычислить. Поэтому раньше всего я сделал вычисление за шесть лет на основании статистического материала, опубликованного Академией наук в календарях. Таким путем я убедился в правильности моего предположения. Из этого вычисления я привел лишь на стр. 193 данные о смертности на Дону. Затем я опубликовал часть вычислений, сделанных мной на основании данных «Статистического временника» (стр. 194 и сл.). Данные

о населении за 1851 г. можно найти даже у Кольба [112]. Сведения о численности населения в различных уездах Пермской губернии можно найти в «Пермской памятной книжке», а в отношении Вологодской губернии — в «Вологодской памятной книжке» (списки населения были опубликованы приблизительно два года спустя); вычисление о потреблении водки сделано на основании опубликованных в «Статистическом временнике» цифр поступления акцизов. Цифры, указанные на стр. 212, выведены по приложениям к «Вологодской памятной книжке», о которых я говорил выше; вычисления для остзейских провинций сделаны по «Статистическому временнику» и т. д.

Глава IV. Земледелец степной полосы между Уралом и Волгой.

Я совершил поездку пароходом по Волге из Астрахани в Казань. Казанскую и Самарскую губернии я проезжал много раз, так как мой отец — дворянин жил в Казани и был помещиком в Самарской губернии. Помогла мне также и литература: для вычислений, касавшихся лесного хозяйства, я использовал разнообразный материал, например, для карты — «Статистический временник», для стр. 232 и 233 — «Калужскую памятную книжку», материалы, собранные офицерами Генерального штаба в Рязанской губернии, «Казанскую памятную книжку», «Костромскую памятную книжку», материалы Генерального штаба в Бессарабской области, «Воронежскую памятную книжку» и т. д. Деревня, которую я описал на стр. 235, это та, где прошла моя юность, окрестности этой деревни занимают 400 кв. верст.

Глава V. Земледелец черноземной полосы. Вычисления, приведенные на первых страницах, сделаны главным образом на основании «Статистического временника», а затем следует описание виденного мной во время поездок по внутренней России и того, что я узнал из бесед и прочел. Источники указываются здесь чаще, чем в других главах, и, пожалуй, этого будет достаточно.

Часть третья.

Глава I. Работник-прииискатель. Я уже говорил, что был приказчиком у одного золотопромышленника, рассказал о своих поездках по Сибири, и таким путем я изучил часть того, что описываю в этой главе. Сибирь также имеет свою литературу, одна часть ее оптимистична и совсем непригодна, другая часть описывает условия сибирской жизни лишь случайно, даже такие произведения, как работа Кривошапкина (он знает тамошние порядки, это человек, имеющий сердце, и лишь отчасти в ней отдает чиновником), уделяют сравнительно мало места описанию этих условий.

Глава II. Горный рабочий. Мои поездки по Уралу и Пермской губернии сушей и водой (по Каме). — Опросы рабочих в других местах. О Калужской губернии я получил изложенные мной данные следующим

образом. Во время освобождения крепостных там был один мировой посредник, — эти чиновники регулировали тогда взаимоотношения рабочих и крестьян с помещиками. Он всячески старался точно изучить условия, его цель была создать рабочие организации в железоделательной промышленности. Мы познакомились друг с другом, когда оба находились в политической ссылке, и там он сообщил мне результаты своих исследований. О рудниках существует литература, которой я воспользовался.

Глава III. Впечатление, которое производят промышленные губернии, и данные статистики.

Я предпринял поездку по Волге из Твери в Казань, затем из Казани в Ярославль, из Ярославля в Москву, а потом по Ярославской губернии через Пошехонский и Рыбинский уезды в Рыбинск. В качестве политического преступника я проделал путь по суше из Нижнего через Кострому в Ярославль. При этом ежедневно проходил 20—30 верст (4 мили) и через каждые два дня имел день отдыха. 56 миль я проделал за 40 дней. Это, разумеется, давало мне наибольшую возможность хорошенько осмотреть каждую деревню и каждый городок (чаевые давали мне свободу). Интересные расчеты, которые я даю на первых страницах, сделаны на основании «Статистического временника» и известных цифр, относящихся к 1851 г. (например, у Кольба, издание 1860 г., стр. 90). «Статистический временник» помог мне и в дальнейшем. Руководством для определения так называемых промышленных губерний служила мне литература. Сомнение могла возбудить только Олонецкая губерния, но там насчитывается 296 592 жителя и на одних только водных коммуникациях (как говорит «Олонецкая памятная книжка») занято 92 857 человек — таким образом, ясно, чем живут эти люди. Для Владимирской губернии я использовал официальную статистику, памятную книжку и литературу. О Ярославской губернии — те же источники (памятная книжка, «Труды статистического комитета» и литература). Для Вологды и Перми — памятные книжки.

Глава IV. Фабричное и мелкое производство. Хождение на заработки.

Источники здесь большей частью указаны.

Глава V. Нравственное настроение работников в промышленных губерниях и в цивилизованной Европе. Русский пролетарий. Вычисления, приведенные на стр. 411 и следующих, я сделал по «Статистическому временнику» и по Владимирской и Нижегородской памятным книжкам, на стр. 422 — по «Ярославской памятной книжке». Указать источники заключительной части заняло бы слишком много места. Естественно, все это — недостаточное объяснение, если понадобится, я могу дать и более подробные сведения.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. IX—X, 1929 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 11 (23) мая 1871 г.*

Милостивый государь!

Переводчик ** Вашего труда «Капитал» после своего отъезда от Вас осенью прошлого года не имел времени продолжать свою работу, так как находился постоянно в разъездах. В своих первых письмах он писал, что после своего возвращения сам закончит перевод, но когда это возвращение оказалось отсроченным на неопределенное время, он попросил меня взять на себя окончание перевода [14]. Приехав сюда, он говорил, что Вы выразили желание полностью переработать для русского перевода первую главу — «Товар и деньги» — Вашей книги [113]. Так как перевод сейчас близится к концу, то не будете ли Вы так добры, — если Вы не переменили Вашего намерения, — прислать мне означенную главу, а также изменения в других местах Вашей книги, которые Вы находите желательными (например, относительно Н. Сениора). Если же, как я предполагаю, первая глава Вами еще не переработана, то я очень прошу указать хотя бы приблизительно, когда Вы сможете ее прислать.

«Наш общий друг» ** рассказывал в дружеском кружке [114] лицам, интересующимся продолжением Вашего труда, что издатель Вашей книги, в силу каких-то коммерческих расчетов, не желает печатать уже готовой у Вас в рукописи второй части книги [81] до тех пор, пока целиком не будет распродана первая часть. Мы здесь нашли издателя, от имени которого я могу предложить Вам следующие условия. Вы подсчитываете расходы (па бумагу, печатание, корректуру и т. д.), а мы Вам тотчас же посылаем нужные суммы. Вы издаете вторую часть от Вашего имени и при распродаже книги ведете счет доходов по трем рубрикам: погашение израсходованной суммы, гонорар автору и отчисление определенного процента (по Вашему усмотрению, например 2, 3, 4%) за время пользования деньгами; это отчисление пойдет на то, чтобы удешевить издание на русском языке. — Я не знаю, как Ваша книга расходится в других странах, кроме Германии, но что касается Петербурга, то здесь спрос на нее очень велик. По рассказам «нашего друга», то же самое относится и к Вашей «К критике» ***.

«Наш друг» находится сейчас в очень тяжелом положении, — более худшем, чем когда уезжал отсюда [102]. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности позже.

* В оригинале ошибочно: 1870 г. *Ред.*
** — Лопатин. *Ред.*
*** *К. Маркс.* «К критике политической экономии». *Ред.*

По желанию «нашего друга» я послал Вам различные книги и статьи, между прочим, и «О поземельной собственности» [115], автор которой, по его словам, Вас очень интересует. Если хотите, я могу послать Вам и другие экономические работы того же автора. Я не посылал их Вам до сих пор потому, что не был уверен, получили ли Вы первые. Между прочим, мной послано Вам также письмо Флеровского * с описанием того, как он собирал необходимые материалы для своей книги. Получили ли Вы все это?

С глубоким уважением

Н. Даниельсон

Адрес: Россия, С.-Петербург, Государственный банк, г-ну Стулову. И больше ничего.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 13 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Я с удовольствием займусь «первой главой» [113], но смогу приступить к этому не ранее, чем *через две недели*. Из-за двухмесячной болезни накопилось много работ, которые должны быть выполнены в первую очередь. Затем пошлю Вам также и список более мелких исправлений **.

Что касается продолжения моего труда, то сообщение нашего друга основано на недоразумении. Я считал необходимым полную переработку рукописи. К тому же, до настоящего времени мне не хватало некоторых необходимых документов, которые, однако, должны в конце концов прибыть из Соединенных Штатов.

Наш друг *должен вернуться в Лондон* из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Коммерческое предприятие *потерпит крах*, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги фирме. Конкуренты фирмы уведомлены о нем, ищут его и заманят его в ловушку своими интригами [102].

* См. предыдущее письмо. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 225—227. *Ред.*

Весьма благодарен Вам за различные русские книги, которые Вы были так любезны мне прислать. Все дошло по назначению. Мне доставят большую радость и остальные экономические сочинения этого автора (его сочинение о Дж.-Ст. Милле у меня есть) [30].

Несмотря на свою болезнь, я только что опубликовал воззвание * размером около двух листов. Как переслать его Вам?

Так как я очень много разъезжаю и поэтому не бываю дома, то прошу посылать мне письма и т. п. (без внутреннего конверта) по адресу одного из моих друзей А. Уильямса **, эсквайра. Он живет в моем доме, следовательно, адрес тот же: 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный Вам

М.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 191—192

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 июня (2 июля) 1871 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за обещание послать мне «первую главу» [113]. Жаль, что сообщение «нашего друга» *** основывалось только на недоразумении, хотя из Вашего письма можно заключить, что выход в свет второго тома [81] отсрочен не на неопределенное время, но, вероятно, последует в ближайшем будущем.

Вы предупредили мою просьбу, выразив желание прислать мне воззвание. Я хотел бы в этом отношении воспользоваться еще раз Вашей добротой. Дело в том, что с зимы этого года я не имею никаких сведений о деятельности Генерального Совета. «О войне» **** — так называлась последняя брошюра, которая была в моих руках. Я давно уже не получаю органов Интернационала ввиду последних строгостей нашей цензуры

* *К. Маркс.* «Гражданская война во Франции». *Ред.*

** — конспиративный псевдоним Маркса, которым он пользовался в переписке с Даниельсоном. *Ред.*

*** — Лопатина. *Ред.*

**** *К. Маркс.* «Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне». *Ред.*

в отношении заграничных изданий. Поэтому я очень прошу Вас выслать мне все публикации Генерального Совета по следующему адресу: *Берлин, до востребования,* г-ну Киршбауму, но не позже, чем до 2(14) июля.

Я думаю, что Вас заинтересуют некоторые сведения о судьбе произведений Вашего ученика в экономических вопросах — по крайней мере, здесь его считают таковым — Лассаля. Как Вы знаете, в русском переводе появились все небольшие брошюры Лассаля. Первый том, выпущенный в количестве 3 000 экземпляров, разошелся в два-три месяца, — огромный успех. Второй том (Господин Юлиан Шмидт, Бастиа-Шульце, Лессинг, Фихте и т. д.) не был пропущен цензурой. Не безынтересен тот круг, в котором эти работы вызвали большую симпатию, между прочим, — среди мелких торговцев провинциальных городов. На днях я беседовал с одним из них. Сделав несколько замечаний об основных принципах Лассаля, он воскликнул: «Эта книга должна была бы стать нашим евангелием!» Этот факт характерен тем, что он не единственный. В другом городе несколько купцов сложились и послали деньги для покупки первого тома, чтобы распространить его в провинции. Особое впечатление в этом кругу производят «Программа работников» и *«О сущности конституции».* Поскольку у нас в России в настоящее время речь идет о замене подушного налога другим и так как правительственный проект (вместо подушного ввести подворный налог) на чрезвычайных собраниях губернского земства, которым он был передан, был в большинстве случаев забаллотирован, ибо земства требовали обязательного привлечения к уплате этого налога всех сословий и введения подоходного налога, то вышеупомянутые купцы и т. д. предлагают свои собственные проекты; при этом они опираются исключительно на работы Лассаля, и, следовательно, подходят к вопросу гораздо серьезнее. Эти проекты они рассылают в губернские управы. Как Вы легко можете себе представить, — да и они сами это прекрасно понимают, — на всем этом лежит печать величайшего дилетантизма, отсутствует какая-либо предварительная теоретическая разработка, а поэтому они и пытаются пополнить свои познания в этом отношении везде, где это возможно, просят о наставлениях и т. д. Русский писатель, который писал в этом направлении, этим людям сравнительно очень мало известен, потому что нет собрания его сочинений (впрочем, в ближайшем будущем таковое появится) [116], а иностранных языков они не знают. Вот причина, почему мы рассчитываем на успех Вашего труда. Я не говорю уже о том нетерпении, с которым эта книга ожидается нашей молодежью.

Я должен сообщить Вам новость: все политические преступления переходят теперь из ведения III Отделения в руки суда (без присяжных). Раньше все шло сначала в III Отделение, а оттуда — в суд. Теперь

остается один только суд, и все допросы будут производиться в присутствии членов суда.

Если Вам безразлично, с чего начать, — с переработки ли первой главы или с мелких поправок в других частях Вашего труда, — то мы очень просили бы Вас начать с последних. В этом случае Вы нам развязали бы руки, и мы могли бы приступить к печатанию второй главы. К тому времени, когда Вы окончили бы переработку первой главы, у нас была бы отпечатана вся остальная часть книги и оставалось бы только отпечатать первую главу [113]. Очень прошу извинить меня, что я докучаю Вам этим, но я рассчитываю на Вашу доброту и снисходительность.

Вы говорите, что «наш друг» * должен вернуться к Вам в Лондон. Да, он так бы и сделал, если бы мог, но он этого сделать не может. Уже около месяца, как мы не имеем от него никаких сведений. Торговая экспедиция обанкротилась, и его задержали за долги. На следующей неделе я сообщу Вам некоторые подробности.

С глубоким уважением

Н. Д.

Письма — по прежнему адресу.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 12 июля 1871 г.

Дорогой друг!

Не будете ли Вы так добры прийти к нам пообедать в ближайшее воскресенье в 5 часов вечера?

Вы встретите у нас некоторых из наших парижских друзей.

С братским приветом

К. Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 207

* — Лопатин. *Ред.*

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 22 июля [1871 г.]

Дорогой друг!

Извините меня, пожалуйста, за столь запоздалый ответ. В последнее время я до такой степени был *завален работой,* что едва находил время для сна.

Поэтому я не мог и думать о том, чтобы делать что-нибудь по «Капиталу». На будущей неделе, однако, я начну и все приготовлю для Вас *.

У меня был *готов пакет для Берлина,* но, к несчастью, по какой-то оплошности он не был отослан и все еще находится здесь. Поэтому пришлите мпе, пожалуйста, новый адрес для Берлина, и я отправлю пакет немедленно.

Здесь получены самые тревожные известия о нашем общем друге **, но я надеюсь, что они ложны или, во всяком случае, преувеличены.

Если бы Вам удалось найти для меня в *Берлине корреспондента,* который мог бы служить посредником в *некоторой части* того коммерческого дела, которое мне приходится вести с Петербургом, то это было бы очень полезно, и для *некоторых товаров* этот кружной путь мог бы оказаться короче, чем прямой. Прямая линия далеко не во всех случаях, как это воображают математики, является кратчайшей.

Искренне Ваш

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 213—214

МАРКС — Н. И. УТИНУ

В ЖЕНЕВУ

[Черновик]

[Лондон], 27 июля 1871 г.

Дорогой гражданин!

Во вторник *** Генеральный Совет постановил, что в этом году (ввиду исключительных обстоятельств) *конгресса* не будет, но что в Лондоне

* См. настоящий сборник, стр. 198—199. *Ред.*
** — Лопатине. *Ред.*
*** — 25 июля. *Ред.*

будет созвана, как и в 1865 г., *закрытая конференция.* Различным секциям будет предложено прислать своих делегатов. О созыве этой конференции *не следует объявлять в газетах.* Заседания будут закрытыми. Конференция должна будет заниматься не теоретическими, а исключительно *организационными* вопросами. Там будут также рассмотрены разногласия между различными секциями той или иной страны. Конференция *откроется в Лондоне 17 сентября* (третье воскресенье сентября). Юнг сообщит эти постановления Беккеру и Перре.

На заседании во вторник Генеральный Совет рассматривал два вопроса, поставленные Гильомом. 1) Он прислал копии двух писем: одно, написанное Эккариусом, от 28 июля 1869 г., в котором *Альянс* признается секцией Интернационала, другое — Юнгом, от 25 августа 1869 года. Это — квитанция о приеме взносов от Альянса (за 1868—1869 годы). Гильом теперь спрашивает, подлинны ли эти письма?

Мы ответили, что *в этом не может быть никакого сомнения.*

2-ой вопрос: «Принял ли Генеральный Совет резолюцию, исключающую *Альянс* из *Интернационала?*» Мы ответили, как это фактически и есть, что *никакой резолюции подобного рода принято не было.*

До сих пор приходилось констатировать только факты, но когда Робен в интересах тех, кто его послал, захотел истолковать эти факты в смысле, предвосхищающем решение вопроса о швейцарском споре, Совет категорически отверг это!

Прежде всего было указано на то обстоятельство, что в одном письме, предшествующем письму Эккариуса, были уточнены *условия* приема Альянса, что они были приняты Альянсом и что теперь речь идет о том, чтобы выяснить, выполнил ли Альянс эти условия, — вопрос, подлежащий рассмотрению на конференции.

Что касается взносов за 1868—69 гг., то было указано, что *Альянс* уплатил эти деньги, чтобы купить себе право на участие в Базельском конгрессе 1869 г., и что после этого *Альянс* прекратил платить взносы.

В отношении второго вопроса было указано, что если Генеральный Совет и не принял резолюции об исключении Альянса, то это еще отнюдь не доказывает, что *Альянс* не исключил себя сам своими действиями.

Итак, Совет постановил, что, отвечая на фактическую сторону вопросов, поставленных Гильомом, решение дела по существу он предоставляет конференции.

«Égalité» доходит сюда очень нерегулярно.

Вы меня весьма обяжете, если уведомите о получении этого письма.

Привет и братство

К. М.

P. S. Я не подписываюсь *в* воззваниях Совета в качестве секретаря для *России,* чтобы не скомпрометировать наших друзей в России.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 217—218

В. О. БАРАНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 4 августа 1871 г.

Глубокоуважаемый г-н доктор!

Я хотел бы обменяться с Вами несколькими словами по делу Всеобщего германского рабочего союза и поэтому прошу Вас написать мне по ниже прилагаемому адресу, застану ли я Вас дома в воскресенье 6-го августа (около десяти часов утра).

С совершенным почтением

В. Баранов

Cathedral Hotel
by St. Paul, Nr. 9, Баранову

Впервые опубликовано в книге: «Литературное наследство. А. И. Герцен, II», № 41—42, 1941 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

В. О. БАРАНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 6 августа 1871 г.

Глубокоуважаемый г-н доктор!

По-русски написанное письмо прошу покорнейше переслать г-ну *Лаврову;* надеюсь, что когда я через неделю вернусь в Лондон и буду иметь честь посетить Вас, я найду и письмо от этого высокочтимого человека.

Извините за назойливость глубоко уважающего Вас

д-ра *В. Баранова*

Впервые опубликовано в книге: «Литературное наследство. А. И. Герцен, II», № 41—42, 1941 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Париж, 7 августа [1871 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Вы обещали мне сообщить цену английских книг, список которых я Вам дал. Прошу Вас не забыть мою просьбу. Я остаюсь на старой квартире до конца срока найма, то есть до 8 октября. Передайте, пожалуйста, это нашим друзьям. Получили ли Вы книгу, которую я Вам послал по почте в день моего отъезда? Не имеет ли Уильямс известий о нашем больном путешественнике *, судьба которого меня так интересует? Если он получит какие-либо сведения, умоляю его сообщить мне. Не можете ли Вы мне сказать, существует ли английское издание Бокля [117], выпущенное в Германии? Мне кажется, что я видел его у Таухница, но, возможно, что я ошибся. Желаю Вам всего хорошего и прошу засвидетельствовать мое почтение Вашей супруге **.

П. Лавров

Не могу ли я получить «Eastern Post»? [118]

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 9 августа 1871 г.

Дорогой г-н Сидоров! ***

Вот цены английских книг:

Лекки. «История рационализма»		16 шилл.
Его же. «История европейской морали»	1 ф. ст.	8 »
Тэйлор. «Первобытная культура»	1 ф. ст.	4 »
Леббок. «Происхождение цивилизации»		16 »
Мейн. «Древнее право»		12 »
Его же. «Деревенские общины»		9 »

* — Лопатине. *Ред.*
** — Лиззи Бёрнс. *Ред.*
*** — псевдоним Лаврова, которым Энгельс пользовался в своей переписке с ним. *Ред.*

Это цены книготорговца, и можно было бы получить еще около 15% скидки. Но если Вы поручите мне попытаться достать их для Вас через вторые руки, то, может быть, удастся заплатить только половину, и мой знакомый книготорговец с охотой за это возьмется. Эти сведения я сообщил бы Вам гораздо раньше, но мой книготорговец находился в отъезде.

Вчера Вы, вероятно, получили письмо от Уильямса. За последнее время от больного путешественника * мы не имеем известий, но нашли возможность надежным путем переправить письмо в Петербург **, и надеемся вскоре получить более подробные сведения, о которых мы настойчиво просили ***.

Что касается *таухницевского* издания Бокля, то я о нем ничего не знаю, но было бы весьма удивительно, если бы оно не существовало, — во всяком случае, каждый немецкий книготорговец в Париже сможет дать Вам об этом справку.

Посылаю Вам два последних номера «Eastern Post» [118].

Сюда приехало несколько новых людей, о которых Уильямс Вам, вероятно, писал, среди них Вайян, Тейс, Лонге ****.

Не можете ли Вы устроить мне подписку на «Gazette des Tribuneaux», начиная с 7 или даже с 1 августа? Нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных процессов для наших исторических исследований, а я не знаю другой газеты, которая давала бы такой же полный отчет, как эта. В то же время я не знаю, как мне ее здесь достать, а времени терять нельзя, потому что впоследствии можно остаться без самых интересных номеров. Будем Вам очень благодарны, если Вы устроите это дело. Ваши расходы мы потом возместим.

Теперь о другом. Чтобы изучить военные события, связанные с обеими осадами Парижа *****, мне нужен план Парижа и его окрестностей — самый лучший, какой только существует, — указывающий, если возможно, также названия улиц Нейи и других небольших населенных пунктов, где происходили бои. Я безуспешно пытался достать такой план здесь. Может быть, Вы сможете указать мне заглавие и фамилию издателя подобных детальных карт; тогда мне будет легко достать его.

Как видите, дорогой друг, в Париже нельзя проживать безнаказанно; по всей вероятности, у меня будет к Вам больше поручений, чем у Вас

* — Лопатина. *Ред.*

** Слово «Петербургъ» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** См. настоящий сборник, стр. 201. *Ред.*

**** Фамилии написаны Энгельсом по-русски: «Вальянъ, Тейсъ, Лонге». *Ред.*

***** Имеется в виду осада Парижа пруссаками в сентябре 1870 г. — январе 1871 г. и версальцами в апреле — мае 1871 года. *Ред.*

ко мне. А пока сообщите мне, что я должен предпринять относительно английских книг, и примите мой сердечный привет.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 231—232

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 31 июля (12 августа) 1871 г.

Милостивый государь!

В настоящее время у меня нет знакомых ни в Берлине, ни в других местах за границей. При сем прилагается адрес, по которому можно в форме письма послать то, что Вы желаете. Будет лучше, если Вы при этом не приложите никаких писем и отошлете пакеты неоплаченными. Вот этот адрес: г-н Поляков, С.-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, № 5. Для писем остается старый адрес.

Известия о «нашем общем друге» * не ложны [102]. Его положение в высшей степени опасно и может стать хроническим.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Париж, 12—13 августа [1871 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Только что получил Ваше письмо и сейчас же сажусь за ответ. Постараюсь выполнить Ваши поручения завтра утром. Не знаю только, существует ли такая карта, какую Вы просите. Как только найду, сейчас же отправлю Вам ее почтой или, если она окажется очень объемистой, с одним моим другом, который уезжает в среду или четверг. Что касается книг, то, само собой разумеется, мне хочется приобрести их как можно

* — Лопатине. *Ред.*

дешевле, пусть это будет из вторых или третьих рук, только чтобы это было новое издание (существует несколько изданий Лекки). С «Историей европейской морали» *Лекки* пока можно подождать, так как у меня еще имеется слабая надежда, что мне пришлют ее с моими книгами из России. Что касается других книг, то я попрошу Вас раздобыть их для меня, и мы рассчитаемся, когда я узнаю их цену. В книжных магазинах, как Вы мне указали, они стоят 3 ф. ст. 17 шилл.; я был бы очень доволен, если бы они мне обошлись *немногим* дороже 2 ф. ст. — Не пишу Вам много, потому что надеюсь послать еще одно письмо в Лондон более надежным путем.

Благодарю за «Eastern Post» [118], я получил ее лишь сегодня вечером вместе с Вашим письмом. Я получил также письмо от Уильямса. Завтра отвечу ему и молодому человеку, письмо которого он мне переслал *.

Жму Вашу руку.

П. Лавров

13 августа

Я подписался на три месяца **; квитанцию прилагаю. На более короткий срок подписку не принимают. Версальский процесс начинается [119]. Что касается карты, то это выполнить труднее. В продаже я нашел только штабные карты на двух листах, масштабом $\frac{1}{40\,000}$, я думаю, что у Вас такая карта есть. В военном книжном магазине (Дюмуан, пассаж Dauphine, где находится главный склад карт) мне сказали, что существует карта мостов и дорог, но в продаже ее нет. Она несколько подробнее штабной, но тоже немногого стоит. Есть еще карта Османа: Париж и его окрестности, очень подробная (мне кажется ее масштаб $\frac{1}{1000}$), но склад этих карт сгорел в ратуше. Она должна быть переиздана, а сейчас ее найти очень трудно, можно только случайно. Мне сказали (в книжных лавках на набережной Вольтера), что эта карта существует в уменьшенном виде, масштаб ее, кажется, $\frac{1}{15\,000}$, в обычной продаже ее тоже нет, но при случае можно найти. Я ее поищу. Впрочем, один торговец гравюрами сказал мне, что на этой карте (так же, как на большой османовской) не обозначено Сен-Дени. Не знаю, подойдет ли она Вам. Мне думается, что должны быть немецкие карты, которые Вам больше подойдут. Я не нашел их у Франка, но мне сказали, что они существуют. Мне кажется, Вам лучше обратиться в большие немецкие издательства карт. — Немецкого

* — Баранову. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 205. *Ред.*

издания Бокля, за исключением брокгаузского за 20 фр., не существует, как мне говорили. Не могу ли я получить лондонское дешевое *народное издание?* Если Вы сможете достать его через вторые руки, не дороже 10 шилл., пришлите мне.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

А. ДАВЫДОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон, середина августа 1871 г.]

Сударь!

Здесь прилагается чек на сумму 5 ф. ст., которую я позволю себе просить Вас использовать для оказания помощи тем членам Парижской Коммуны, которые в настоящее время испытывают сильную нужду в Лондоне.

Остаюсь, сударь, преданный Вам

А. Давыдов

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

А. ДАВЫДОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 21 августа 1871 г.

Милостивый государь!

Прошу извинить меня за промедление с ответом на Ваше письмо от 15-го этого месяца [71]. — Мое положение и обстоятельства, в которых я нахожусь в этой стране, не дают мне возможности быть полезным лицу *, о котором идет речь.

Я встретил одного своего друга ** (его визитная карточка здесь прилагается), который сказал мне, что он может оказать некоторые услуги Вашему другу *, если тот зайдет к нему.

* — Розвадовскому. *Ред.*
** — Тибальди. *Ред.*

Прошу принять прилагаемый здесь чек на 4 ф. ст., предназначенный для той же цели, что и предыдущий.

Честь имею оставаться, милостивый государь, преданный Вам

А. Давыдов

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

А. ДАВЫДОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 29 августа 1871 г.

Милостивый государь!

21-го этого месяца я послал Вам чек на 4 ф. ст., получение которого Вы подтвердили, но который до сих пор не проведен по счету в Лондонском и Вестминстерском банках, так что человек, выписавший чек, очень беспокоится, не попал ли он в руки какого-нибудь сомнительного лица. Прошу Вас по получении этого письма написать мне несколько строк с уведомлением о том, получили ли Вы по чеку деньги или перевели его на какое-либо другое лицо, поскольку до тех пор, пока чек не поступил в банк, человек, о котором идет речь, будет очень беспокоиться.

Остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

А. Давыдов

В случае, если этот чек все еще у Вас, прошу получить по нему деньги, не переводя его на кого-либо другого, с целью не допустить, чтобы он попал в руки лица, которое может сыграть со мной плохую шутку.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 3 сентября 1871 г.

Дорогой г-н Сидоров!

Я очень благодарен Вам за услуги, оказанные в связи с «Gazette des Tribuneaux» и картами *; газета доходит до меня регулярно. Посовето-

* См. настоящий сборник, стр. 205. *Ред.*

вавшись с Розвадовским, я решил, что мне в самом деле следует обратиться к немецкому книготорговцу. Между прочим, Розвадовский получил до декабря место школьного учителя в одном пансионе, без жалованья, но со столом, стиркой белья и квартирой; там он, наверное, научится английскому языку, и тогда для него будет легко найти что-нибудь другое.

Что касается книг, то оказывается, что они еще не попали к букинистам и за них придется уплатить издательскую цену в среднем со скидкой от 16 до 20%. Пожалуйста, сообщите немедленно, поручаете ли Вы мне купить их на этих условиях, и тогда Вы получите их через несколько дней. Книги эти следующие:

Лекки. «Рационализм».
Тэйлор. «Первобытная культура».
Леббок. «Происхождение цивилизации».
Мейн. «Древнее право».
Его же. «Деревенские общины»
и если удастся приобрести хотя бы за 10 шиллингов, то
Бокль. «История цивилизации».

Меня сейчас прервали, так что я вынужден закончить письмо.

Ваш *Ф. Энгельс*

Две дочери Уильямса * вернулись сюда, третья со своим мужем ** — в Испании.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 241—242

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Париж, 5 сентября [1871 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Я очень беспокоился, не получая от Вас никаких известий. Ваше письмо пришло как раз в тот момент, когда я собрался отвечать Уильямсу, но меня немного смущал вопрос, как адресовать ему письмо ввиду того, что последнее письмо было от Джонсона ***, и я опасался, не является ли это указанием перемены официального местожительства. Поэтому прошу

* — Женни и Элеонора Маркс. *Ред.*
** — Лаура и Поль Лафарг. *Ред.*
*** — конспиративный псевдоним Маркса. *Ред.*

передать ему прилагаемое письмо *. В ответ на Ваш вопрос, я прошу Вас прислать мне, как только представится возможность, следующие книги:

Лекки. «Рационализм».

Тэйлор. «Первобытная культура».

Леббок. «Происхождение цивилизации».

Мейн. «Древнее право».

Бокль. «Цивилизация».

Что касается другой книги Мейна, то я случайно нашел ее здесь. Кстати, не можете ли Вы мне сказать, как пишется фамилия Мейн по-немецки: *«mein»* или *«main»*? В здешней Национальной библиотеке я не нашел ни его «Древнего права», ни книги Леббока. Сейчас эти книги мне крайне необходимы, поэтому приходится идти и на то, чтобы приобрести их за более дорогую цену.

Жму Вашу руку.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 августа (11 сентября) 1871 г.

Милостивый государь!

На днях закончился, наконец, нечаевский процесс [120]. Из 87 обвиняемых осужден 31, но большинство отделалось довольно легким приговором. Среди осужденных на длительный срок имеется некая г-жа Александровская, которая привезла ряд прокламаций из Женевы в Россию. В большинстве своем это были прокламации в бакунинско-нечаевском духе, но среди них оказалась также одна вещь, не имеющая ничего общего с ними, а именно: русский перевод *«Манифеста Коммунистической партии»* [55].

В ближайшее время предстоят еще несколько, но менее значительных политических процессов, в том числе процесс по поводу русского издания сочинений Лассаля. В самом содержании прокурору не удалось найти ничего предосудительного, но так как правительство настаивало на возбуждении дела, то прокурору пришлось придраться к языку в «Капитале

* Приложение к письму не обнаружено. *Ред.*

и труде», где он обнаружил слишком сильные выражения, якобы опасные для нравственности публики.

Наши чрезвычайные земские собрания продолжают выносить решения в пользу подоходного налога. Вологодское земское собрание предложило даже совсем освободить от налога всех лиц, имеющих менее 100 рублей годового дохода. Это тем более знаменательно, что до сих пор очень значительная часть нашего государственного бюджета покрывалась за счет *прямых налогов* на трудящиеся слои населения. Печать в большинстве своем также высказывается за эту реформу.

Публикации Генерального Совета, которые Вы обещали мне послать *, я до сих пор не получил. Может быть, Вы слишком опасаетесь известного рода неприятностей, которые здесь могут произойти? Но все это не так страшно, посылайте эти вещи смело. Лучше всего посылать брошюры в запечатанных конвертах, как *неоплаченные* письма, не обращая внимания на их объем. Иным способом эти брошюры ** получить здесь нельзя. Сведения о деятельности Интернационала поступают сюда вообще очень скупо. Правда ли, что секции Интернационала уже вызывают такой страх, что князь Бисмарк и Бейст собираются встретиться со специальной целью договориться о совместных мероприятиях против них?

«Наш общий друг» *** сидит в крепости, в очень строгом заключении [102]. Что с ним будет — это нам неизвестно. О каком-либо судебном следствии против него ничего не слышно. Похоже на то, что правительство собирается держать его неопределенное время без суда в одиночном заключении.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЖЕННИ МАРКС (ДОЧЕРИ) В ЛОНДОН

С.-Петербург, 31 августа (12 сентября) 1871 г.

Уважаемая мисс!

Простите, что я обращаюсь к Вам, но очень прискорбные известия, проникшие и в нашу печать, заставляют меня просить Вас ответить хотя

* См. настоящий сборник, стр. 198—199. *Ред.*

** Для таких посылок пользуйтесь адресом: *Н. Поляков*, С.-Петербург, *Васильевский остров, 10 линия, дом 5, кв. 5;* рукописи, относящиеся к «Капиталу», пересылайте, пожалуйста, по старому адресу заказными письмами. *(Примечание автора.)*

*** — Лопатин. *Ред.*

бы в нескольких словах на следующее. Сегодня в газетах появилось сообщение о том, что Ваш отец тяжело заболел [121]. Ввиду слабости его организма все знакомые его в большой тревоге. Не будете ли Вы так любезны написать мне, насколько соответствуют действительности эти слухи и в каком состоянии вообще теперь его здоровье. Надеясь на исполнение моей просьбы, еще и еще раз прошу извинить меня.

С глубоким уважением *Н. Даниельсон*

Адрес: г-ну Стулову, Государственный банк, С.-Петербург, Россия.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 12 сентября 1871 г.

Дорогой г-н Сидоров!

Прилагаю оплаченный счет за английские книги, которые вчера были Вам отправлены. Мой книготорговец не сказал мне, каким путем они посланы, но я полагаю, что это сделано через континентальное агентство посылок. Если Вы их не получите в течение двух дней, сообщите, пожалуйста, мне об этом.

Бокль — три тома — в наиболее дешевом издании стоит 24 шилл., и так как я не сомневаюсь, что Вы можете найти эту книгу в Париже, то не послал ее. Однако, если она Вам нужна, дайте мне только знать об этом.

Уильямс Ваше письмо получил. Вы, вероятно, читали, что его объявили умершим, — мы немало смеялись над этим.

Сюда приехали Врублевский и Курне *. Вы, по-видимому, знаете, что дочери Уильямса ** вернулись.

Простите, что я сегодня не пишу Вам больше. Вы знаете, что к восьми часам мне нужно идти на заседание ***, а сейчас уже почти восемь.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 247—248

* Эта фраза написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — Женни и Элеонора Маркс. *Ред.*
*** — Генерального Совета Интернационала. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж, 29 сентября [1871 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Я очень запоздал поблагодарить Вас за посланные книги, которые я получил *, но дело все в том, что мне хотелось за это время окончательно решить вопрос относительно Бокля, то есть купить ли его здесь в лондонском или лейпцигском издании или попросить снова Вас прислать мне его. Одновременно с этим я намеревался отправить Вам и мой долг, но, к несчастью, утерял записку, в которой было отмечено, сколько мне стоила «Gazette des Tribuneaux». Но это не беда, в течение следующего месяца я надеюсь уладить все это и уплатить также за «Eastern Post», которую я получал и хотел бы получать регулярно. Однако вот уже, кажется, больше двух недель, как я ничего не получаю.

Теперь о другом. Только что у меня был один человек, который дней десять не мог меня найти, теперь он предъявил мне карточку своей торговой фирмы на имя Трибер и клочок бумаги с моим адресом, написанным двумя почерками, один из них показался мне очень знакомым, почерком одного из моих друзей. Он сказал мне, что получил это от Серрайе, и попросил у меня гравюры [122]. Хорошо знакомый и дружеский почерк подействовал на меня так, что я не отказал этому человеку наотрез, но поскольку всякий почерк можно подделать, то прошу Вас поговорить с Джонсоном ** и написать мне немедленно, достаточно ли добропорядочна и надежна эта торговая фирма. Сомнение у меня возникло главным образом потому, что ведь между нами не было определенно условлено о моем посредничестве в поставке гравюр, и я ожидал специальных заказов совсем другого характера. С нетерпением жду Вашего ответа. Но должен Вам сказать, что в данный момент нелегко вести дела в торговых кругах Парижа. Не хватает хороших товаров. Их ждут скорее из Лондона. Даже молодой венгр ***, знакомый Вам и Джонсону, просил меня несколько дней тому назад написать Вам, чтобы Вы прислали ему необходимые товары, ибо он всегда найдет им здесь применение. Если Вы мне сообщите хорошие сведения относительно этой торговой фирмы, я, возможно, сумею раздобыть для нее кое-какой товар, но это не будет товар высшего качества. Во всяком случае, ответьте мне поскорее.

* См. настоящий сборник, стр. 211. *Ред.*
** — Марксом. *Ред.*
*** — по-видимому, Лео Франкель. *Ред.*

Я рассчитывал через мисс Фипсон написать нашему другу с Лоуэр Чарлз стрит * в ответ на его письмо, которое мне передала эта девушка. Но она давно уже больше не показывается, и я не знаю ни ее адреса, ни того, находится ли она еще в Париже. Поэтому я отвечаю ему через Вас лишь в нескольких словах по поводу самого важного дела. В данный момент почти ничего нельзя сделать в Париже. Во-первых, потому, что нет денег, во-вторых, те деловые фирмы, о которых он мне говорил, насколько мне известно, не существуют, а в-третьих, — и это удерживало меня сделать первую попытку — из Лондона мне никто не дал рекомендательных писем или нечто вроде этого к этим фирмам; моих прежних посредников больше здесь нет, и все мои попытки проникнуть в эти круги вызвали бы вполне обоснованные подозрения. Я говорил об этом с венгром. Он мне сказал, что ничего нельзя сделать. Таким образом, остается действовать только лично. Он хотел кое-что предпринять в кругу трех-четырех лиц в прошлое воскресенье. Кроме того, я говорил по поводу этого с Вашим другом с улицы Нотр Дам де Назарет **. Он, со своей стороны, пообещал мне оказать содействие. Я лично не надеюсь, что до ноября смогу что-нибудь сделать, ибо только к концу года, очевидно, мои денежные дела вполне поправятся. В этом случае, начиная с января, я смогу регулярно вносить свой вклад в строительную компанию «Great Eastern Continental». Люди, в кругу которых я обычно бываю, так же, как и я, не имеют средств, чтобы приступить к делу немедленно. Я сделаю все, что смогу; но старания одного лица очень мало что дадут в таком деле, которое требует главным образом коллективных усилий.

Кстати, Ваш друг с улицы Нотр Дам де Назарет просил меня передать Вам и Джонсону самый сердечный привет. Он сетует на то, что к нему слишком редко обращаются, и потому он не может часто оказывать Вам услуги. Позавчера я видел нашего друга с улицы Сен Жак де ла Бушери *** и рассчитываю снова увидеть его на этих днях. Он спрашивал у меня, какие вести из Лондона, но я не мог ему ничего сказать. Если я увижу мисс Фипсон до ее отъезда, то пошлю Вам с ней вырезки из «Petit Journal», которые представят для Вас интерес.

Братский привет всем нашим друзьям. Жду ответа как можно скорее относительно господина, который был у меня сегодня.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — Юнгу. *Ред.*
** — Эйлау. *Ред.*
*** — по-видимому, Абсеитову-Корали. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 5 октября 1871 г.

Дорогой друг!

Вернувшись из Рамсгета, где мы с Джонсоном * только что провели несколько дней, я нашел Ваше письмо.

Что касается причитающихся мне еще денег, то я прежде всего попросил бы Вас оказать любезность и до конца настоящего месяца снова подписаться для меня на три месяца на «Gazette des Tribuneaux». Моя подписка истекает 31 октября. Позднее Вам, может быть, опять придется потратиться на меня в Париже, а потому не торопитесь с уплатой долга. Относительно Бокля и т. п. я всегда к Вашим услугам. Я буду Вам посылать также «Eastern Post» всякий раз, когда там появится что-нибудь интересное.

Что касается фирмы «Трибер» **, то она вполне честна и надежна, так что Вы можете поставлять ей *товары* без малейших опасений. Адрес был написан рукой самого Джонсона, и лицу, о котором идет речь, он был передан лично Серрайе. К тому же у нее имелся хороший выбор гравюр тут же, на месте. В настоящее время мы испытываем некоторый недостаток в этом товаре и не можем сейчас его поставлять.

Я сообщил другу с Лоуэр Чарлз стрит *** содержание Вашего письма. Он более не занимается этим делом, которое перешло в другие руки и потому в значительной степени утратило для нас свой интерес. Чтобы дать Вам точные сведения, пришлось бы входить в бесконечные подробности; достаточно сказать, что некоторые из лиц, в интересах которых затевалось это дело, вели себя недостойным образом и что, несмотря на сделанные им предупреждения, они не хотят порывать своих отношений с личностями, не заслуживающими ни кредита, ни доверия, и даже позволяют этим последним руководить собой в их махинациях. Поэтому лучшие знакомые отошли от них, считая, что поощрять операции, которые либо закончатся неудачей, либо принесут выгоды только настоящим мошенникам, значило бы выбрасывать деньги на ветер. Впрочем, лица, о которых идет речь, я думаю, получили то, что им следовало получить, в другом месте. Но все же среди них имеется несколько славных малых, которым не хватает капиталов для ведения дела, и нам было бы очень

* — Марксом. *Ред.*
** Слово «Трибер» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** — Юнгу. *Ред.*

приятно, если бы оказалась возможность достать для них какую-либо ссуду. Можно обратиться к Джонсону, который, как Вы знаете, является главным посредником в подобного рода делах.

Дружеский привет от меня всем друзьям.

Ваш *Ф. Э.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 251—252

ГРУППА СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 2 (14) октября 1871 г.

Мы — группа студентов-юристов Петербургского университета, состоящая из шести человек, спасшихся от преследования, жертвой которого стали наши друзья в так называемом «нечаевском» процессе [120]. Хотя и немногочисленные в настоящее время, мы пользуемся достаточным моральным влиянием, чтобы надеяться при благоприятных условиях на быстрый рост числа наших единомышленников. Но мы очень изолированы, нас преследует свора шпионов, мы лишены внешних связей, а потому и руководства нашими действиями, — при таких обстоятельствах наша партия, как нам кажется, имеет в будущем мало шансов на успех.

Вот почему вчера на собрании мы решили обратиться за содействием к Международному Товариществу и просить его поддержки во имя священного братства народов. В одной французской работе Вилльтара [123], попавшей к нам в руки, мы нашли адрес, по которому и посылаем это письмо. Верен он или нет, это покажет будущее, а сейчас у нас к Вам вот какая просьба.

Не хотите ли Вы привлечь русскую молодежь к Вашей работе и не окажете ли Вы ей содействие с целью распространения в нашей стране света свободы?

Протяните нам братскую руку и помогите нам сбросить иго деспотизма и мракобесия, тяготеющее над нашей несчастной страной.

Давайте нам советы или, вернее, указания, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах старого общества.

Это письмо, написанное в С.-Петербурге, вверяется одному из наших, который берется переправить его из Варшавы, где благодаря нашим связям оно сможет избежать контроля тайной полиции.

Мы всегда будем отправлять наши письма этим путем.

Что касается Ваших писем, то мы просим адресовать их в С.-Петербург, до востребования, г-ну Петру Варламову, стараясь придать им вид запечатанных в пакеты писем торговой фирмы с соответствующими штампами и печатями.

Ваши друзья

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж, 26 октября [1871 г.]

Дорогой Энгельс!

Очень давно не имею никаких известий из Лондона. В Париже, как Вы сами хорошо знаете, никаких интересных новостей нет. Кроме того, я веду такой уединенный образ жизни, что только из газет узнаю о происходящих событиях. Не можете ли Вы мне сказать, есть ли крупица правды в сообщении «Radical» № 6 (от 20 октября 1871 г.), которое дается как перепечатка из венской «Neue Freie Presse», по поводу заседаний делегатов в Лондоне? Многие друзья спрашивают меня относительно этих сообщений, а я и сам не представляю, вранье это или в какой-то мере правда. Книгу Бокля я только что купил здесь в брокгаузском издании, которое немного дешевле лондонского. Мне, возможно, понадобятся еще некоторые работы Бена и Спенсера, тогда я снова прибегну к Вашей помощи. Как идет работа у Джонсона? Скоро ли выйдет в свет его второй том? * Это было бы лучшим опровержением всякой газетной болтовни. А Ваша историческая работа, о которой мы с Вами говорили, продвигается ли она? ** Ваши сообщения о серьезных распрях и воззвание, которое я прочел в «Eastern Post» относительно X (D) ***, меня несколько встревожили. Я был у Трибера и передал ему товар, но он не очень высокого качества, о чем я его предупредил. Он обещал зайти

* — «Капитала». *Ред.*
** Речь идет о намерении Энгельса написать работу по истории Германии. *Ред.*
*** — по-видимому, Дилка. *Ред.*

ко мне и кратко сообщить о результатах, но с тех пор я его больше не видел. Очень хотелось бы иметь известия от Вас.

Привет всем.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. И. УТИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 28 октября 1871 г.

Дорогой гражданин!

Я получил письмо Юнга * с просьбой от Вашего имени о паспорте и спешу послать Вам его с этим письмом; надеюсь, что Вы простите мне эту досадную забывчивость или небрежность: я полагал, что этот гражданин ** в нем больше не нуждается, поскольку я долгое время не мог достать ему паспорт. — Однако я вижу, что лучше поздно, чем никогда... Каждый день я собирался Вам написать, и мне было необходимо — и будет необходимо — столько Вам рассказать, что я никак не мог решить, с чего начать и чем кончить. Позвольте сделать Вам здесь печальное признание: после того, как мне так легко и свободно дышалось возле Вас, я испытал глубокое отвращение, очутившись вновь в этой атмосфере грязных интриг и подлой клеветы; похоже, что этим людям платят за то, чтобы они мешали продвижению вперед дела Интернационала! Отбросы Альянса — такие, как пьяница Жуковский, идиот-интриган Элпидин, иезуит Перрон (который очень огорчен, что ему не удалось сделать себе политическую карьеру среди женевских рабочих и который с тех пор стал проповедовать воздержание от политики) — эти люди пользуются поддержкой такого ничтожества, как Разуа (в защиту которого, когда потребовали его выдачи, мы выступили во имя принципа, а вовсе не его самого), такого тщеславного человека, как Малон, такой претенциозной особы, как г-жа Андре Лео, и tutti quanti ***! — И мы являемся здесь свидетелями любопытного зрелища наступательного и оборонительного союза тех, кто выдает себя за *истинных* интернационалистов, и тех, кто является охвостьем и карикатурой на истинных якобинцев! И вся эта клика занята лишь тем, что поносит Товарищество и распевает хором вместе

* См. настоящий сборник, стр. 39. *Ред.*
** — по-видимому, Форестье. *Ред.*
*** — иже с ними. *Ред.*

с «Journal de Genève» о диктатуре Генерального Совета и о необходимости образумить его!

Г-н Малон и К° говорят, что Утин ездил в Лондон, чтобы продаться Марксу (и эти олухи не понимают, что этим они меня не унижают, а наоборот, возвеличивают!), что, впрочем, царству Маркса скоро придет конец, что даже такие люди, как *Тейс* (? прошу Вас *держать это в величайшем секрете,* так как этим признанием я обязан болтливости одной особы, очень близкой Малону) недовольны этой *немецкой* диктатурой (полюбуйтесь, что за искренние интернационалисты эти галльские петухи!) и т. д., и т. д., и т. д. ...Естественно, все это нас не остановит, и мы сумеем расстроить их планы, но мне жаль, что приходится иногда тратить на эти вещи драгоценное время... Недавно в связи с митингом [124] (и тут я должен сказать, что на всю организацию этого митинга я потратил три недели после своего возвращения из Лондона) *альянсисты* распространили клевету, подхваченную позднее «Journal de Genève», будто наша *демонстрация* является лишь *предвыборным маневром* (для избрания Гроспена в ноябре месяце в Государственный совет) и что, следовательно, французские эмигранты (пресловутые эмигранты!!) не должны принимать в ней участия: на собрании эмигрантов началась чуть ли не потасовка (что, впрочем, не редкое явление!) между сторонниками и противниками участия в нашем митинге; в конце концов фракция интернационалистов одержала верх над этими карикатурами на якобинцев, и эмигранты явились на манифестацию под красным знаменем нашей Центральной секции; таким образом, маневры альянсистов провалились. Недавно несколько эмигрантов, имена которых мне еще не все известны, выпустили первый номер *своей* газеты «Révolution Sociale». Этот первый номер, разумеется, содержит личные нападки на Гроспена [125] (нашего друга, чрезвычайно много сделавшего для Интернационала и во сто крат более *смелого*, чем все прочие женевцы; достаточным поводом для их нападок было то, что он позволил себе критиковать Альянс до Лондонской конференции [126]) — нападки, аналогичные нападкам в «Journal de Genève». Эта «Révolution Sociale» обещала поместить в последующих номерах еще другие *разоблачения* относительно раздоров в нашей федерации: то есть, исключения Перрона и приспешников Гильома; они, следовательно, хотят отомстить за постановление конференции, которое запрещает предавать огласке личную полемику, и стремятся таким путем втянуть нас в подобного рода споры! Для лучшего осведомления добавлю, что г-жа Андре Лео выдает себя за автора этих статей, хотя в них отчетливо виден стиль Перрона. И эта дама *Лео* (пусть Франкель не возмущается!) будто бы даже не боится, что в один прекрасный день я ее здорово распеку за гнусные нападки на *Ферре и Риго* в ее речи на Лозаннском конгрессе [127].

Мне придется злоупотребить еще Вашим терпением, чтобы ввести Вас в курс того, что здесь происходит. Увидев, что своей новой выдумкой — созданием новой альянсистской секции — им не удалось обмануть Генеральный Совет, эти молодцы пытались навязать себя нам двумя способами: 1) они подали коллективное заявление о приеме их в нашу Центральную секцию, чтобы овладеть ею и направить Товарищество против всего того, что мог бы предпринять Генеральный Совет; мы расстроили их замыслы, обсудив каждую кандидатуру в отдельности и отказав многим из них в приеме за интриги и недобросовестность; 2) теперь они хотят организовать *общественную столовую — маскировка* Альянса, с целью привлечь людей и тем добиться, чтобы наш клуб оказался изолированным: эта *столовая* прекратит свое существование через несколько недель.

А теперь посылаю Вам «Journal de Genève», взявшую под свою защиту Альянс, — это тяжелый удар для этих господ. Одновременно посылаю Вам номер «Journal de Genève» с отчетом о нашем митинге [128]; этот отчет был полностью перепечатан в версальском «Officiel»! Вы, наверное, видели во всех континентальных и английских газетах телеграмму, сообщающую столь радостную новость, будто наш митинг не имел успеха. В первую минуту, раздраженный этой *гнусностью*, я хотел послать Вам телеграмму, но, поразмыслив и подсчитав расходы (8 франков), решил, что Вы сами догадаетесь, что реакционная пресса лжет. Вы могли видеть наше обращение в «Égalité» [129], я направил Вам афишу с этим обращением, напечатанную на розовой бумаге: совершенно ясно, что мы не стали бы столь широко афишировать демонстрацию, если бы заранее не были уверены в ее *полном успехе*. Действительно, успех превзошел все наши ожидания: вся Женева поднялась, и наш кортеж, растянувшись на три-четыре мили, победно шествовал по главным улицам, направляясь в Каруж *, где нас встретили орудийными залпами салюта и где под открытым небом собралась пятитысячная толпа, чтобы слушать наши речи: *никогда еще все* рабочее *население* Женевы не отзывалось с такой готовностью на наш призыв и не выражало столь недвусмысленно своих симпатий к Интернационалу. Все речи принимались с энтузиазмом, а буржуазия содрогалась от страха. Реакции не оставалось ничего другого, как разослать повсюду телеграммы, будто наша демонстрация не имела успеха! Вот как делается история! К сожалению, брюссельская «Liberté» тоже попалась на эту удочку и перепечатала официальную телеграмму о нашем фиаско, вслед за чем мы ей направили письмо с опровержением. Впрочем, «Constitution» от 26 октября содержит довольно подробный

* — предместье Женевы. *Ред.*

рассказ об этом празднестве (хотя речи там изложены *очень плохо*) [130], и в «Égalité» в следующую пятницу будет дан подробный рассказ о митинге. Мы не выпустили этот номер раньше: 1) чтобы спешка с выпуском дополнительного номера не была истолкована в том смысле, будто мы опасаемся впечатления, которое мог произвести отчет в «Journal de Genève»; 2) потому что стенограммы речей еще не готовы. — Итак, в следующую пятницу этот номер появится, и если бы Вы могли разоблачить в английских газетах махинации «Journal de Genève», это было бы нам очень полезно...

Французские эмигранты, подстрекаемые некоторыми альянсистами, агитируют за создание французской секции, но мы не можем здесь этого допустить, так как за этим последовал бы всеобщий развал; женевцы совершенно обоснованно заявили бы: мы выходим из Интернационала; раз каждая национальность образует особую организацию, мы тоже создадим чисто женевскую организацию; и таким образом наше дело было бы здесь погублено; мы пытаемся объяснить французам, что существуют только профессиональные и смешанные секции — центральные секции, что, кроме них, есть также секции, основанные по *языковому* принципу, например, секция немецкого и итальянского *языков*, но что в принципе мы не можем допустить существования специально французской секции в Женеве, где все говорят по-французски!.. Молодой Форестье, которого направил к нам Юнг и который заходил ко мне вчера, передал мне устав «Французской секции 1871 года в Лондоне», — я его прочел и твердо уверен, что Генеральный Совет внесет в этот устав очень значительные изменения. Так, например, в статье 3, параграф 2, говорится:

> «равным образом она ставит своей целью изыскивать пути и способы возможно скорее создать во Франции наилучшие экономические и политические условия» [131].

Я полагаю, что подобная цель не может являться *монополией* Французской секции в Лондоне и что если в глазах широких масс эта Французская секция предстанет, как нечто вроде верховного руководящего органа для Франции, то это нанесет *большой ущерб* Товариществу. — Я полагаю также, что каждая секция должна преследовать одну-единственную цель — добиваться освобождения трудящихся повсюду и при всяком случае, не вытаскивая на белый свет статьи, выражающие национализм, так как это внесло бы в ряды Интернационала скорее разъединение, чем объединение. Но в статье 11 претензии этой секции становятся совершенно неприемлемыми:

> «В Генеральный Совет будут посылаться один или несколько делегатов»,

по нашему мнению, никакая секция не имеет на это права. — Генеральный Совет волен пополнять свой состав, и это остается исключительным правом Генерального Совета, и никакая секция не имеет права

навязывать ему «одного или нескольких делегатов». А во 2 параграфе той же статьи говорится:

«Каждый член секции *обязуется* входить в состав Генерального Совета не иначе как в качестве делегата своей секции».

Это слишком резко выраженный антагонизм по отношению к Генеральному Совету, и я уверен, что эти господа получат от Вас здоровый щелчок. Юнг просит у нас сведений о лицах, которые обратились к Вам с просьбой организовать Славянскую секцию [28]. Мы узнали об их намерении некоторое время тому назад косвенным путем, через одного из наших друзей, а несколько позже Беккер получил от них письмо. Надо заметить, что эти лица и не подумали обратиться к Трусову, хотя как секретарь Русской секции он должен быть им известен. — Окончательного мнения об этой секции мы себе еще не составили, но обещаем достать Вам точные сведения и заверяем Вас, что подойдем к этому делу беспристрастно, без личных счетов. Пока же разрешите поблагодарить Вас за то, что Вы сочли нужным обратиться к нам за сведениями, и позвольте высказать Вам наши сомнения и опасения. Эти опасения сводятся к тому, что мы предвидим новую интригу или, вернее, новое *ответвление* прежней интриги. Раз будет создана новая Славянская секция, то что сможет помешать им организовать в Женеве новую русскую секцию, в которую войдут Элпидин, Жуковский и К°? Что сможет помешать им *реабилитировать* Бакунина или даже Нечаева? (говорят, что этот мошенник недавно был в Цюрихе и *сумел* завербовать себе там приверженцев и что он лишился своего *престижа* только после того, когда удостоверились, что он *ворует* письма и т. д.). Судите сами, насколько недостаточно интеллектуальное развитие цюрихской молодежи. А вообще следует отметить, что *русские женщины* в Цюрихе значительно серьезнее мужчин; эти юноши поразительно *невежественны*, и их могут увлечь громкие фразы первого встречного проходимца. Кроме того, можно с уверенностью сказать, создание подобной секции будет встречено, как в России, так и в славянских странах, очень неодобрительно. В этих странах рабочие-славяне принимают уже деятельное участие в международном движении и, безусловно, не захотят выслушивать поучения молодых людей из Цюриха, студентов, которые в этих славянских странах оставляют желать о себе много лучшего. И в России пролетарская молодежь весьма неодобрительно посмотрела бы на то, что молодые люди, оставившие Россию без особой надобности, только благодаря денежным средствам своих родителей, ибо они не изгнаны и не бежали, *рядятся* теперь в тогу Интернационала. Этим молодым людям, по существу, нечего делать в Цюрихе; если бы они хотели служить делу народа, они не покинули бы

своей страны (я не говорю о женщинах, которые лишены возможности учиться в своей варварской стране). Короче говоря, мы не видим оправдания для существования в Цюрихе студенческой Славянской секции. Если они хотели издавать различные социалистические произведения, то они могли бы обратиться в нашу типографию, созданную специально для этой цели. Очень хорошо, что они занимаются изучением социальных вопросов, организуют библиотеку и устраивают собрания (пока не поссорятся и не разойдутся, как это не раз случалось в Цюрихе!), но отсюда еще очень далеко до того, чтобы иметь право называться *Славянской секцией*. Это название предоставляет нам большие права, и, по нашему мнению, опасно присваивать его *совершенно* неизвестным студентам, деятельность которых и в России и в славянских странах может привести к весьма нежелательным результатам; не говоря уже о том, что интриганы могут легко использовать действия этой секции, чтобы скомпрометировать все наше Товарищество. — Еще раз прошу Вас поверить, что строки эти продиктованы лишь нашей искренней преданностью Интернационалу. Пусть эти студенты едут на свою родину, пусть они пропагандируют там наши идеи и способствуют организации секций, — вот какова должна быть роль этой молодежи; пусть, однако, они не разыгрывают диктаторов и верховных руководителей рабочего народа.

Извините за непростительную длину данного послания, а мне тем не менее хочется еще и еще продолжать его: ведь, когда я пишу, я тем самым мысленно переношусь к Вам, и воспоминание о Вашем дружеском приеме несколько смягчает мое огорчение от того, что пребывание у Вас было таким кратковременным. Я надеюсь, что Вы не сочтете банальной фразой выражение моей признательности за ту доброту, которую проявили ко мне Вы и вся Ваша семья, а также Ваш славный друг Энгельс. Мое неизменное желание — оправдать этот прием преданностью и искренним служением нашему общему делу.

С братским приветом *Н. Утин*

Юнг пишет, что скоро вышлет различные резолюции конференции; жду их с нетерпением [126].

Мисс Женни * может сообщить Вам сведения о нашей сестре Элизе **; ее здесь больше нет.

Н. У.

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Полностью публикуется впервые

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Томановской. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 17 (29) октября 1871 г.

Милостивый государь!

Закончив полностью первый том «Капитала», мы остановились в ожидании обещанной Вами переработки первой главы [113]. Но затем нам стало жаль лишать русских читателей возможности познакомиться с мастерским изложением этой главы, ибо, если отвлечься от ее абстрактности, она, на наш взгляд, одна из лучших в книге. Чтобы не задерживать выхода тома (решено выпустить его не позже декабря этого года), мы приступили уже к печатанию. Переработанную первую главу (если Вы не отказались еще от Вашего намерения), а также различные другие мелкие изменения мы решили дать в виде приложения в конце книги (читатель, разумеется, ничего не потеряет от двух вариантов текста). — Исходя из всего этого, мы просим Вас сообщить нам, к какому приблизительно времени можно ожидать получения рукописи.

На днях я послал Вам произведения одного из лучших русских публицистов и критиков — Добролюбова [132]. В часы отдыха они доставят Вам настоящее наслаждение. Надо заметить, что автор умер еще очень молодым: ему было только 25 лет. Он был другом автора «Очерков политической экономии по Миллю» *.

Вопрос о реформе налогов рассматривается теперь в особой комиссии под председательством Валуева. Эта комиссия занимается специально *политической* стороной реформы.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 9 ноября 1871 г.

Дорогой друг!

Прилагаю список нескольких поправок, частью это просто исправление опечаток. Некоторое значение имеют изменения на страницах 192,

* — Чернышевского. *Ред.*

201, 288 (примечание 205[a]) и 376, так как здесь речь идет отчасти о самом содержании.

Было бы бесполезно *дожидаться* переработки первой главы, ибо в последние месяцы я так занят (и в ближайшем будущем на этот счет мало надежды на улучшение), что никак не могу приняться за свои теоретические работы.

Конечно, в один прекрасный день я положу конец всему этому, но бывают обстоятельства, когда чувство долга обязывает заниматься вещами, несравненно менее привлекательными, чем теоретические изыскания и исследования.

Горячо благодарю за всю ту доброжелательность, которую я встретил с Вашей стороны. С сочинениями Эрлиба * я отчасти знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро.

Получил несколько курьезных номеров «Московских ведомостей».

Преданный Вам

А. У.

[Приложение]

Стр. 68, примечание 52, строка 2 снизу — следует читать: «ne pouvant» вместо «ne pouvant pas».

Стр. 83, примечание 62, строка 6 снизу — следует читать: «specie» вместо «species».

Стр. 192, строка 3 сверху — следует читать: «годовой оборот» вместо «годовой доход».

Там же, строка 7 сверху — следует читать: «из этих $^{23}/_{23}$» вместо «из этих $^{23}/_{23}$ рабочего часа», так что фраза теперь должна гласить: «из этих $^{23}/_{23}$, образующих совокупность этих 115 000 ф. ст. и т. д.».

Там же, после *примечания 32, стр. 192,* следует вставить: *Добавление автора к примечанию 32:* «Не говоря уже о содержании, изложение Сениора путаное. Сказать он хочет, собственно, только вот что:

Фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать $11^1/_2$, или $^{23}/_2$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь рабочий год состоит из $^{23}/_2$ часа (а именно из $^{23}/_2$ рабочего часа, помноженных на число рабочих дней в течение всего года).

При этом предположении

$^{23}/_2$ рабочих часа производят совокупный продукт в 115 000 ф. ст., $^1/_2$ рабочего часа производит $^1/_{23} \times 115\,000$ фунтов стерлингов; $^{23}/_2$ рабочих часа производят $^{23}/_{23} \times 115\,000$ ф. ст. $=$ 115 000 ф. ст.,

$^{20}/_2$ рабочих часа производят $^{20}/_{23} \times 115\,000$ ф. ст. $=$ 100 000 ф. ст.,

* — Добролюбова; Маркс переводит его фамилию на немецкий язык: Ehrlieb. *Ред.*

следовательно, они только возмещают авансированный капитал в 100 000 фунтов стерлингов. Остающиеся $^3/_2$ рабочих часа производят $^3/_{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 15 000 ф. ст., т. е. валовую прибыль.

Из этих $^3/_2$ рабочих часа $^1/_2$ рабочего часа производит: $^1/_{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 5 000 ф. ст., то есть производит только возмещение износа фабрики и машин. Последние $^2/_2$ рабочего часа, то есть *последний рабочий час,* производит последние $^2/_{23}$ продукта, следовательно, $^2/_{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 10 000 ф. ст., то есть он производит чистую прибыль. Quod erat demonstrandum *.

Но в тексте *Сениор* говорит:

«Остающиеся $^2/_{23}$, т. е. два последних получаса каждого дня, производят чистую прибыль в 10%».

Таким образом, он вдруг смешивает эти $^2/_{23}$ части, на которые он подразделил продукт, с тем $^1/_2$ часом, на который он подразделил рабочий день».

Стр. 201, строка 7 и следующая снизу — следует читать: «Но если ты потребляешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно $^1/_{10950}$ вместо $^1/_{3650}$ всей ее стоимости, т. е. лишь $^1/_3$ дневной ее стоимости, то ты таким образом *крадешь* у меня ежедневно $^2/_3$ стоимости моего товара».

Стр. 288, примечание 205[a] — следует читать: «Принятая в современной химии *молекулярная теория,* впервые научно развитая *Лораном* и *Жераром,* основывается именно на этом законе»; следовательно, нужно *опустить слова:* «намеченная проф. Вюрцем в Париже и т. д.».

Стр. 307, строка 8 сверху — следует читать: «animal spirits» вместо «animal spirit».

Стр. 309, примечание 15, строка 4 сверху — следует читать: «le poisson» вместо «la poison».

Стр. 319, примечание 26, строка 9 снизу — следует читать: «dévider» вместо «divider». *Строка 6 снизу* — следует читать: «dévidenses» вместо «dividenses» и «teinturiers» вместо «teinturieurs».

Стр. 376, строка 20 сверху — следует читать: «Чем меньше стоимости они передают продукту» вместо «чем меньше стоимости они создают».

Стр. 593, примечание 60, строка 16 снизу — следует читать: «ces services» вместо «ses services».

Стр. 658, строка 17 снизу — следует читать: «2 зильбергроша, 6 пфеннигов» вместо «1 зильбергрош, 8 пфеннигов».

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 265—267

* — Что и требовалось доказать. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж, 9 ноября [1871 г.]

Дорогой гражданин Энгельс!

Только вчера я видел одного человека, который 5-го этого месяца получил письмо из Лондона. В нем говорится, что Врублевский испытывает крайнюю нужду: ему нечего есть, он заложил свое последнее пальто и заболел. Я слышал, что он и раньше здесь, в Париже, лишенный средств существования и больной, никогда никому не показывал своей нужды, скрывая ее из гордости. Я прошу Вас повлиять также на тех лиц, которые могут это сделать, чтобы они уделили немного внимания этому человеку, имеющему, по всем данным, большие заслуги. Если он болен, надо, чтобы кто-нибудь его навестил. Если у него нет средств, необходимо сделать все, чтобы помочь ему, не ожидая, пока он обратится с просьбой о помощи. Мне сказали, что он скорее умрет, чем поступит таким образом. Вчера здесь провели сбор пожертвований для него, и на этих днях ему пошлют немного денег, и в самом деле, он, кажется, заслуживает, чтобы и его коллеги занялись им. — Я бы написал Джонсону * или его жене, но, согласно последнему письму Юнга, он сильно болен, и я боюсь потревожить своим письмом его или его семью. Прошу Вас сообщить мне, что у него нового; его болезнь меня глубоко беспокоит, ведь я так давно ничего о нем не знаю. — Благодарю за интересную посылку, которую я недавно получил от Вас вместе с «Eastern Post». — Сообщите мне, пожалуйста, примерные цены работ, помеченных мной на следующей странице; возможно, я скоро попрошу Вас прислать мне ту или другую из этого списка. Привет всем Вашим друзьям.

П. Лавров

Герберт Спенсер. «Психология»
» » «Основные начала»
Бен. «Наука о психике и морали»
» «Логика»
» «Ощущения и рассудок»
» «Воля и характер»

Мне хотелось бы также знать, представляет ли первое произведение Бена, которое я указал и которое мне неизвестно, нечто совершенно отличное от двух его последних работ, помеченных мной и известных мне.

* — Марксу. *Ред.*

Из Петербурга мне пишут, что вышла или выйдет новая работа Герберта Спенсера. С тех пор я не встречал никаких указаний на этот счет. Не могли ли бы Вы мне сказать, что̀ соответствует действительности в этом сообщении. Это срочно.

Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 29 ноября 1871 г.

Дорогой Сидоров!

Я получил два Ваших последних письма *. Если я не смог ответить Вам раньше, то виноват в этом мо̀лодец Бакунин **, который причиняет нам бесконечно много хлопот своими интригами. Положение обостряется, и в скором времени в прессе разразится открытая война. Открытый раскол — вот к чему они стремятся. В конце концов это все вскоре решится. Я не пытаюсь Вам рассказывать все в подробностях, так как их слишком много и они слишком скучны. Само собой разумеется, что так как нам приходится возиться с этими глупостями, то ни у Джонсона ***, ни у меня не остается времени для работы.

Благодарю Вас за то, что Вы снова потратились на меня, подписавшись на «Gazette des Tribuneaux».

О Врублевском мы уже получили сведения от Розвадовского ****, который оставил свое первое место, но несколько дней спустя нашел другое. Мы сделали все, что было в наших силах, но из-за упрямого и болезненно гордого характера этого человека нам пришлось действовать очень осторожно; тем не менее мы полагаем, что нам удалось добиться хотя бы того, что он по крайней мере не нуждается в самом необходимом. Вы знаете, что он отказывается от всякой врачебной помощи, и победить этот предрассудок будет еще труднее.

У Джонсона был легкий бронхит и один-два *фурункула* — не столь опасные, сколь мучительные; вчера он был на заседании Совета — в первый

* См. настоящий сборник, стр. 218—219 и 228—229. *Ред.*
** Слова «мо̀лодец Бакунин» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** — Маркса. *Ред.*
**** Слова «Врублевский», «Розвадовский» и ниже «Малон» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

раз за целый месяц. В остальном он чувствует себя вполне сносно. У нас здесь стоит отвратительная погода, из-за которой у всех насморк.

Что же касается здешних интриг, то они с каждым днем теряют значение. Несколько честных людей, которые позволили себя вовлечь в них, отошли и предоставили поле действия настоящим негодяям, которыми уже больше не занимаются. В Швейцарии дело обстоит хуже, потому что Малон и прочие попались там в ловушку — одни по слабости, другие из-за тщеславия. Тем хуже для них, мир не остановится из-за их глупости!

Ваш *Ф. Э.*

Герберт Спенсер. «Психология»	16 шилл.	
Его же. «Основные начала»	16 шилл.	
Бен. «Наука о психике и морали»	10 шилл.	6 пенс.
Его же. «Логика», 2 части	10 шилл.	6 пенс.
Его же. «Ощущения и рассудок»	15 шилл.	
Его же. «Чувства и воля»	15 шилл.	
Его же. «Об изучении характера на основе френологии»	9 шилл.	

На эти цены 20% скидки.

В отношении Бена указаны все названия отдельных работ.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 299—300

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 21 декабря 1871 г.

Дорогой гражданин!

Не могу ли я Вас попросить купить для меня книги:

Бен. «Ощущения и рассудок»

» «Характер и воля»

Г. Спенсер. «Психология»

Нельзя ли также разыскать следующие номера журналов:

«Fortnightly Review» 1869 г., 1 октября, 1 ноября; 1870 г., 1 февраля, май.

«Fraser's Magazine» апрель, май, июнь, июль (номера, содержащие статьи М. Мюллера по истории религий).

Не могли бы Вы дать мне справку, что представляет собой Шедуорт Х. Ходжсон и его работа «Новая система философии»? Каких он придерживается взглядов?

Привет всем друзьям, которые так упорно молчат к моему большому удивлению, даже когда представляется превосходный случай сообщить мне новости.

С приветом

П. Лавров

Прилагаю при сем распоряжение Эйлау своему корреспонденту о выдаче Вам 2 ф. ст. 8 шилл. Мне очень хотелось бы знать, сколько я буду Вам должен после получения книг, которые я прошу отправить. Напишите, нужно ли возобновить подписку на «Gazette des Tribuneaux» и когда, так как я забыл срок подписки.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 19 января 1872 г.

Дорогой друг!

Вы, вероятно, уже получили книги * согласно прилагаемому счету, соответственно этому я записываю в Ваш дебет *1 ф. ст. 16 шилл. 5 пенсов*.

Зато из посланных Вами денег (которые еще не получены) я переведу в Ваш кредит *2 ф. ст. 8 шиллингов*.

Работа Ходжсона мне совершенно неизвестна, я нигде не видел объявлений о ней. Однако я постараюсь что-либо разузнать.

Наши счета теперь более или менее сбалансированы. Относительно «Gazette des Tribuneaux» я Вам напишу. Думаю, что эта газета нам больше не понадобится; срок подписки на нее истекает в конце января.

Вы, вероятно, получили номера «Eastern Post», которые я Вам посылал, а также печатные материалы, которые я иногда вкладывал в них.

Дела Интернационала идут хорошо. Интриги Бакунина ни к чему серьезному не приведут. Этот человек забывает, что рабочие массы нельзя вести за собой так, как можно было вести кучку сектантов-доктринеров.

* См. настоящий сборник, стр. 230. *Ред.*

Кроме того, мы получили ценные сведения об его происках в России, и притом из первоисточника. Это более чем гнусно.

Всегда к Вашим услугам

Ваш *Ф. Э.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 321—322

ЭЛЕОНОРА МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 23 января 1872 г.

Милостивый государь!

Папа в настоящее время до такой степени занят, что просит Вас извинить его за то, что он не пишет Вам сам, а я это делаю за него. У него *настолько* мало времени, что я убеждена, Вы на этот раз ничего не будете иметь против того, что он пишет не сам. Он просит передать Вам, что, несмотря на все дела, с которыми ему надо справиться, он бы уже написал Вам, если бы не откладывал с одного дня на другой в надежде, что сможет переписываться с Вами *непосредственно*. — Второе издание папиной книги * должно скоро появиться в Германии, оно потребовало от него много работы, так как было сделано много изменений. Должно скоро появиться также и французское издание. Вы можете понять, какую работу пришлось проделать, чтобы все это подготовить. — Он пишет бо́льшую часть ночи и весь день не покидает своей комнаты. — Я очень опасаюсь, что это сильно отразится на его здоровье. — Единственная надежда на то, что он скоро покончит с этими трудоемкими изданиями. Что касается Роберти, то папа просит сообщить Вам, что он видел его статью в «Revue Positive», но книги никогда не получал. Поэтому он не может написать что-либо для опровержения этой книги, а статья не дает достаточного материала для возражения. — По мнению папы, Вы ни под каким видом не должны задерживать русского издания, а по возможности скорее продолжать его [14]. Я очень надеюсь, что, как только появится французское издание «Капитала», за ним тотчас же последует и английское. Англичане подражают всему, что делают французы, — только то, что идет из *Парижа,* встречает здесь успех. Например, биография и портрет папы, появившиеся в «Illustration», были воспроизведены в бесчис-

* — первого тома «Капитала». *Ред.*

ленных газетах не только здесь, но также в Испании, Италии, Германии, Америке и т. д. Несомненно, Вы также видели их в России.

Мы начинаем очень сильно тревожиться о нашем «общем друге» *. Тот интерес, который мы все к нему испытываем, заставляет нас весьма опасаться за него. Увы, зачем он покинул тогда Англию. Вот уже несколько месяцев, как мы о нем имели сведения, и последние сообщения были не утешительны. — Надеюсь, милостивый государь, что Вы извините папу; он просит Вас принять его лучшие пожелания.

Преданная Вам

Элеонора Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 566—567

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 15 (27) марта 1872 г.

Милостивый государь!

Печатание русского перевода «Капитала» наконец закончено, и у меня есть возможность послать Вам один экземпляр книги. Я рассчитывал закончить эту работу к концу декабря, и не моя вина, если она затянулась дольше. Сначала мы хотели поместить в книге портрет автора на отдельном листе, он был уже выгравирован, но это не удалось нам, и опять-таки не по нашей вине: цензура не пропустила. Она же не разрешила поместить портрет как иллюстрацию в тексте.

Отзывы наших журналов об этом труде я, разумеется, Вам перешлю. Не думал, что извещать Вас об окончании печатания придется мне, я надеялся, что это сделает «наш общий друг». Мы с ним не виделись, но он прислал нам подробное описание своих скитаний [133]. Оказывается, он вынужден был провести 11 месяцев в тюрьме, и его судили не по политическому делу, а за проживание по чужому паспорту. Суд первой инстанции приговорил его к поселению в Сибири; суд следующей инстанции отменил этот приговор и наложил на него лишь денежный штраф в сто рублей. Вслед за этим он был освобожден с обязательством не выезжать оттуда (то есть из Иркутска). Таковы его дела. Впрочем, я убежден, что он сам Вас обо всем известит. Если Вы хотите что-нибудь

* — Лопатине. *Ред.*

сообщить ему, то я готов играть роль посредника и пересылать Ваши письма по адресу «нашего общего друга».

После того как автор «Очерков политической экономии по Миллю» * отсидел свое время, он был отправлен в Якутскую область в город Вилюйск [27]. В этом городе 311 человек жителей, он находится на расстоянии 710 верст к северу от Якутска и 9 500 верст от Петербурга.

Я давно уже хотел обратить Ваше внимание на некоторые неточности в IV томе сочинений этого автора на тот случай, если бы Вы захотели на него сослаться. Дело в следующем:

Цензура не разрешила поместить в журнале, где печатались эти очерки, всю первую главу в том виде, в каком она появилась в IV томе [134]. Все напечатанное на стр. 1—58 в русском журнале отсутствует; вместо этого там был ряд страниц, которые также вошли в IV том, а именно стр. 58—62. Далее: стр. 24, строка 5, после нее должно следовать то, что напечатано от 6-й строки стр. 31 до 19 строки стр. 33, за этим идет пример на стр. 24—31, а после этого текст стр. 33, строка 20-я, считая сверху. Последние три строки стр. 33 и две первые строки стр. 34 нужно совершенно выпустить. Эти пять строк не имеют здесь никакого смысла, ибо ими заканчивался другой критический очерк, выдержки из которого приводятся здесь автором. На стр. 40 по недосмотру допущена большая ошибка, именно: после 14-й строки нет цитаты из Милля, книга 2, глава 2, §§ 3, 4, 5, 6.

Чтобы письма *не терялись*, я попросил бы Вас посылать их отныне заказными по следующему адресу: С.-Петербург, моя фамилия, Общество взаимного кредита, Казанский мост, дом Лесникова.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. И. УТИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Женева, 11—15 апреля 1872 г.

Дорогой гражданин!

Я поспешил отправить Вам уже вчера документ, который Вы просили; я отправил его ценным письмом на адрес Ф. Энгельса. По печатям

* — Чернышевский. *Ред.*

на Ваших конвертах, которые я Вам возвращаю, Вы убедитесь, что у меня были на это серьезные основания. Как видите, эти печати были сломаны, и версальская почта *в Кале* не постеснялась приложить свои собственные. Кроме того, кто-то вздумал зачеркнуть слова *«через Остенде»*, а это *важно*, так как дает основание предполагать, что это было сделано в Англии!

Между тем адрес г-жи Арден совершенно неизвестен; это старая женщина, не имеющая никакой *склонности* к политике!

Сообщите моей сестре Тусси, что я абсолютно ничего не получил: ни «Times» ни «Daily News», ничего, ничего. (А. Перре получил номер «Eastern Post» от *30 марта* только вчера вечером.) Все ли в порядке с почтовой оплатой? Ведь я регулярно получаю «Bee-Hive» и «Spectator», а в прошлом году аккуратно получал «Eastern Post», пока был на нее подписан.

Возвращаюсь к документу: его надо *заполнить*, вставив какое-нибудь женевское имя: *Марешаль*, например. Затем нужно указать *место рождения* — Женева — и куда направляется: во Францию, Бельгию и Англию... Поскольку в документе обозначено: «Предъявлено в Дьепе 25 сентября», этот человек должен будет сказать, что он был уже раз в Англии и вернулся оттуда. Очень хорошо, что мне удалось раздобыть и *оформить* этот документ; в настоящее время это очень трудно...

Задержка с печатанием манифеста * огорчает меня больше, чем кого бы то ни было. Как видно, все познается на опыте. А опыт показывает, что очень неудобно осуществлять печатанье *здесь*, если *корректуру* приходится посылать в Лондон. Причина этого — исключительно экономического характера: типография не может *сохранять в наборе более одного листа текста,* именно поэтому она печатает второй лист, когда напечатан первый; разумеется, я упрекаю за это типографию, и у нас было с ней объяснение, которое, надеюсь, приведет к ускорению работы; *в эту* субботу я вышлю Вам корректуру второго листа; первый напечатан (2 000 экземпляров); я пошлю Вам также листов десять в ожидании брошюровки всего текста и Ваших указаний о доставке; через 4 дня после возвращения корректуры второго листа я вышлю Вам *корректуру* третьего и последнего, и этим будет завершено. В отношении сказанного Вами, что благоприятный момент упущен, я не совсем согласен; я считаю, что было бы хуже, если бы этот манифест появился именно во время обнародования версальского закона [135] и волнений в Испании. Кроме того, в данный момент и у нас здесь *горячка:* в Шо-де-Фоне объявлена забастовка граверов, а это затрагивает всю *«фабрику»* [85] Женевы. (Между прочим,

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

я по-прежнему считаю, что следует говорить: «ouvriers de *la* fabrique»или просто «*la fabrique*», так как под этим названием в Женеве подразумеваются все рабочие *часовой* промышленности; оно стало *родовым* понятием; а если говорят: «ouvriers de fabrique», то это может также относиться, например, к столярному ремеслу. Впрочем, это пустяки: мы напечатали «ouvriers *de* fabrique», потому что я не хочу присваивать себе не принадлежащее мне право, и в деле публикации Вашего циркуляра я считаю себя лишь Вашим комиссионером и надеюсь, что Вы со мной согласны в этом!). Итак, эта забастовка является лишь прологом к всеобщему движению в часовой промышленности, а это значит, что можно ожидать в скором времени присоединения новых секций к нашей федерации.

Кроме того, во всей Швейцарии рабочие заняты сейчас вопросом о пересмотре союзной конституции. Это очень печально, так как вызывает разногласия между рабочими немецкой Швейцарии, в особенности цюрихцами, и рабочими Романской Швейцарии. Мы здесь высказываемся против пересмотра, считая, что пересмотр, уничтожив навсегда *автономию* кантонов, лишит нас возможности совершать *революции,* ибо союзное правительство осмелеет и будет по всякому поводу пускать в ход штыки. Жаль, что в момент, когда даже во Франции мы наблюдали великолепную реакцию народа против монархического унитаризма, *открытым проявлением* которой была Коммуна, люди, — любимые и уважаемые нами, как наши старейшие товарищи, вроде папаши Беккера, — расходятся с нами по этому политическому вопросу. Беккер стоит за унитаризм и за централизацию всей власти в руках финансовых баронов! Впрочем, я был не менее удивлен, прочтя заявление Либкнехта на Лейпцигском процессе [136], что «он не сторонник федеративной республики».

Другой вопрос, который горячо обсуждается во всех секциях, — это вопрос о создании *общешвейцарской федерации Международного Товарищества,* Романский федеральный комитет, так же как и секции Интернационала в Цюрихе, Базеле и т. д., согласны на образование *единой, общешвейцарской федерации* с швейцарским федеральным советом в Женеве. Это исключительно важно для успешного развития Интернационала в Швейцарии: существующее ныне разделение на секции немецкой и секции Романской Швейцарии делает возможным такие скандальные и прискорбные факты, как, например, выход рабочих Санкт-Галлена из Интернационала.

15 апреля, вечером

Как видите, при всем желании я не смог закончить и отправить это письмо. К несчастью, у меня болезненное стремление высказывать слиш-

ком много сразу. Постараюсь быть кратким, чтобы отослать Вам это письмо еще сегодня вечером, так как корректурные листы готовы. Эти дни все мое время было поглощено забастовкой граверов в Шо-де-Фоне. *Фриц Хенг,* один из отколовшихся, но честный и преданный человек, вернулся к нам в качестве делегата бастующих. Пришлось помочь ему связаться со всеми секциями: нужно было созвать общее собрание и выпустить приложение к «Égalité» [137] (высылаю Вам его сегодня). Любопытно, что местная секция граверов в Шо-де-Фоне вышла из Интернационала под тем предлогом, что после завоевания ими два года тому назад десятичасового рабочего дня им больше нечего делать в нашем Товариществе. Мы предсказывали им, что критический момент наступит раньше, чем они предполагают, и действительно они вынуждены теперь прибегнуть к нашей помощи. Само собой разумеется, мы придерживаемся правильной политики, диктуемой нам и нашими принципами и нашими чувствами, и встречаем их «с распростертыми объятиями» (по выражению нашего друга Юнга!) и т. д. ...

Возвращаюсь к циркуляру: я считаю, что он появится в самый подходящий момент: посылаю Вам уже *напечатанный* первый лист; затем *второй* — в корректуре, и так как после этого остается только *6 страниц* рукописи, то я возвращаю их Вам с просьбой внести в нее, если возможно, все поправки, которые Вы считаете необходимыми, с тем, чтобы, получив обратно *корректуру 2-го листа* и не набранные еще *6 страниц,* я смог бы отдать их в набор, исправить типографские ошибки и *печатать все,* не посылая Вам *корректуры* шести последних страниц; этим мы *сэкономим столько времени,* что я могу гарантировать Вам появление циркуляра через 4 дня после получения от Вас почты; следовательно, через 8—10 дней циркуляр увидел бы свет, а мы увидели бы страшный гнев Великих Моголов!

Если Вы согласны с моим предложением, то я попросил бы Вас одновременно *распорядиться относительно* рассылки: 1) Сколько посылать и куда? 2) Каким образом — малой или большой скоростью? 3) Надо ли назначать *цену* и указывать ее на последней странице? 4) Надо ли печатать, где находится *главный склад* циркуляра? 5) Надо ли давать его *книготорговцам?* 6) *Сколько* экземпляров можно передать *бесплатно* Романскому федеральному комитету? (Это необходимо в целях надлежащей пропаганды.) — Ну, кажется, все. Мне остается только *принести повинную* за задержку, за промедление с публикацией. Во-первых, я лично несу ответственность за *6 дней,* когда болел, во-вторых, на основании печального опыта я решил не просить больше о том, чтобы печатание осуществлялось в Женеве: у кооперативной типографии нет в достаточном количестве шрифта — *корпуса 8;* поэтому она не может *сохранять* слишком

большой набор, так как постоянно нуждается в этом шрифте. Если бы пользовались *корпусом 10* (крупный шрифт «Égalité»), тогда другое дело, — но я счел, что лучше взять корпус 8, потому что в таком случае брошюра получается значительно тоньше.

В прилагаемых корректурных листах я не позволил себе никакого вмешательства — исправил только некоторые ошибки и опечатки.

Действительно, третьего дня я увидел в русской газете * объявление о выходе Вашей книги и не поверил глазам своим [138]. Я немедленно попросил одну мою приятельницу прислать мне ее, так как меня чрезвычайно интересует перевод. Очень боюсь, что переводчикам не удалось точно передать оригинал. Во всяком случае, я поздравляю Вас, а еще больше — поздравляю русскую молодежь, которая сможет, наконец, познакомиться с нашими великими принципами на основании достоверного источника.

Когда должно выйти *второе издание* Вашей книги **? Если первые главы полностью переделаны и я мог бы получить их в корректуре, то я поспешил бы перевести их и предложил бы какому-нибудь издателю для опубликования в виде *дополнения*.

Что касается Ля-Ля ***, то я получил такое же известие за два дня до Вашего письма, но не хотел верить в правдивость этих сообщений. Нужно ли говорить, как я счастлив, тем более, что у меня есть все основания предполагать и верить, что он *не одинок* и что ему помогает один из моих лучших друзей, отправившихся по тому же *торговому делу*. Таким образом, мы можем, наконец, надеяться, что это *торговое дело* будет осуществлено!! По поводу биографии двух апостолов **** я напишу Вам в следующий раз. Тема эта очень сложная, и я не могу обещать Вам что-нибудь положительное.

Прилагаю к этому письму 3 *вырезки* из «Journal de Genève» относительно *Бастелика*. Как Вы считаете, следует ли отвечать ему в «Égalité»? Прилагаю также несколько слов для моей дорогой сестры Тусси; она мне давно уже ничего не пишет. Если она сердита — не могу даже представить себе за что — то я по-братски прошу ее простить меня. Если же она будет упорствовать в своем молчании, то я вынужден буду апеллировать к *патрону* *****, личным секретарем которого она является, и потребовать третейского суда...

Привет Энгельсу, Юнгу и всей Вашей семье, включая Лонге.

Преданный Вам

Николай

* — «Московских ведомостях». *Ред.*
** — немецкое издание первого тома «Капитала». *Ред.*
*** — Лопатина (см. настоящий сборник, стр. 233—234). *Ред.*
**** — Чернышевского и Добролюбова. *Ред.*
***** — Марксу. *Ред.*

N. В. *Пенди приехал* сюда; имеются какие-то дела; по тому, как его описывают, можно подумать, что документ предназначен для него! Он не является в Тампль Юник[97], и его считают здесь горлопаном и *«офицеришкой»;* этого достаточно для того, чтобы он примкнул к банде из Лонжмаля[139].

N. В. Одновременно с этим письмом посылаю: 1) заказное письмо с *разъяснениями* о всяких вещах; 2) приложение к «Égalité» — среди номеров находится первый *напечатанный* лист.

Н. У.

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Полностью публикуется впервые

Н. И. УТИН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Женева, воскресенье утром, 12 мая 1872 г.

Дорогой друг!

Спешу уведомить Вас, что *циркуляр** находится у переплетчика для брошюровки; он будет готов во вторник утром. Прошу Вас дать мне указания относительно его рассылки. — Сколько его нужно посылать и куда, по каким адресам, большой или малой скоростью? Тотчас по получении ответа мы начнем рассылать. Сколько экземпляров я могу дать Реджису для *Италии?* Сколько отправить в *Испанию,* и можно ли быть уверенным, что посылка *не будет* конфискована версальским правительством по пути через *Францию?* — Нужно ли посылать в *Австрию, Германию, Бельгию?* А как для *Америки* — отправите ли Вы их сами или пожелаете, чтобы это было сделано отсюда?

Где взять деньги для всей этой *рассылки?* Жду Ваших указаний. Задержка наша вызвана тем, что вся Швейцария охвачена лихорадочным волнением в связи с пересмотром конституции, и это сильно отразилось на работе *типографий,* равно как и на каждом из нас, ибо уклониться от участия в этой борьбе было невозможно — нас, членов Интернационала, *провоцировали* на эту борьбу самым невероятным образом; и клянусь честью! мне прискорбно писать об этом—провокация исходила от папаши Беккера, в его корреспонденциях в «Landbote der Winterthur». Приходится с сожалением говорить, что в последнее время папаша Беккер не соизволил со мной здороваться!! Вот видите, до чего может довести такой характер?

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

Это не *донос,* но позднее я *таковой* Вам пошлю, ибо необходимо, чтобы Вы знали, какой трудный и критический момент мы здесь переживаем: никогда я не подумал бы, что и в Швейцарии могла проявиться расовая ненависть, подобная той, которая существует между Францией и Германией... Вот что *вынудило* нас опубликовать в «Égalité» статью о пересмотре, которая вызвала большую сенсацию, — в особенности своим заключением и призывом покончить с расовым антагонизмом [140]: буржуа поняли, что этот клич мог исходить только от рабочих, от Интернационала. — Прошу извинить меня за это бессвязное письмо, я очень устал: мне хотелось подробнее следить за борьбой, пришлось в эти дни много писать и присутствовать на многочисленных публичных и особенно частных собраниях; я был вынужден дать пощечину (в печати, разумеется) *грютлианцам* [141]. Эти *буржуа* чистой воды всегда были против нас, и нужно было на деле побывать в этом водовороте, чтобы понять, как папаша Беккер мог очутиться теперь вместе с этими грютлианцами, — и я отказываюсь это понимать. Прискорбно, что поскольку речь идет об Интернационале в Женеве, Беккер утрачивает таким образом все свое личное влияние, — члены Интернационала очень раздражены против него.

В самом ближайшем будущем напишу моей сестре Тусси. Пока что, шлю братский привет всей Вашей семье.

Ваш преданный друг

Николай Утин

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 28 мая 1872 г.

Милостивый государь!

Мой ответ запоздал так сильно потому, что я все время надеялся послать Вам одновременно с письмом первые выпуски *второго немецкого издания «Капитала»,* а также *французского перевода* (Париж). Но немецкий и французский издатели * до такой степени затянули дело, что я больше не могу откладывать ответа.

Прежде всего, большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан *мастерски* [14]. Мне бы хотелось получить еще один экземпляр — непереплетенный — для Британского музея.

Я сожалею, что *абсолютный* [недостаток времени] *(в самом точном значении этого слова)* не позволил мне приступить к подготовке второго

* — Мейснер и Лашатр. *Ред.*

издания ранее конца декабря 1871 года. Это было бы очень полезно для русского издания.

Хотя французское издание (в переводе г-на Руа, переводчика Фейербаха) и выполнено большим знатоком обоих языков, тем не менее он часто переводил чересчур буквально. Поэтому я был вынужден переделывать целые куски французского текста, чтобы сделать их доступными для французской публики. Тем легче будет в дальнейшем переводить книгу с французского на английский и на романские языки.

Я так переутомлен и встречаю столько помех в своих теоретических занятиях, что после сентября намерен *выйти* из *торгового дела* *, которое в настоящее время лежит главным образом на моих плечах и, как Вам известно, имеет свои разветвления по всему свету. Но est modus in rebus **, и я не в состоянии больше, по крайней мере в течение некоторого времени, заниматься одновременно делами двоякого рода и столь различного характера.

Известия, которые Вы сообщили о нашем *общем друге* ***, очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и уважаю, как его.

Вы очень обяжете меня, переслав прилагаемое письмо доктору В. Баранову [71] по адресу: г-же Багговут-Гросс, Театральная площадь, дом барона Кюстера.

В надежде скоро услышать о Вас,
дружески преданный Вам

А. У.

Один из проживающих в Швейцарии шарлатанов — М. Бакунин — вытворяет такие вещи, что я был бы очень благодарен за всякие точные сведения об этом человеке: 1) о его влиянии в России и 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом процессе [120].

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 402—403

Н. И. УТИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 1 июня 1872 г.

Дорогой гражданин и друг!

Мы накануне открытия съезда в Веве [142], делегаты отправляются завтра утром, и у меня масса дел; чтобы выгадать несколько дней, я распоря-

* Маркс намеревался после Гаагского конгресса выйти из состава Генерального Совета Интернационала. *Ред.*

** — всему есть мера (*Гораций.* «Сатиры», книга 1, сатира первая). *Ред.*

*** — Лопатине. *Ред.*

дился отпечатать «Égalité» еще в четверг. Вчера я послал Вам этот номер — 20 экземпляров, из них 10 для Серрайе. — Я пишу Вам эти несколько строк потому, что типография досаждает мне с оплатой счета, а я не захотел послать счет, пока не отправлю Вам экземпляры *. Посылка с тысячей экземпляров отправлена на Ваше имя, к счету надо добавить 5—7 франков за ящик, комиссионные и т. д., так как отправку производила дирекция типографии. — У меня находится пачка с 500 экземплярами; перед отъездом отсюда я передам ее Перре. Дело в том, что я отправлюсь в ближайший понедельник. — Сначала заеду в Берн и Цюрих, а затем сам пока еще не знаю куда: если не окажется слишком дорого, отправлюсь на какой-нибудь швейцарский курорт, так как мне надоело постоянно быть нервнобольным. — В мое отсутствие неплохо бы Вам переписываться с *А. Перре* — пишите на письмах, специально адресованных ему: *частное* или *личное*, чтобы это избавляло его от обязанности сообщать о них Федеральному комитету. Ему можете направить также все, что сочтете нужным для редакции. Серрайе обещал найти для «Égalité» двух корреспондентов из Франции, — если это осуществится, дело пойдет. Но само собой разумеется, когда надо будет нанести какой-нибудь удар или когда Вы сочтете необходимым, чтобы действовал именно я, а Вы оставались за кулисами, я всегда к Вашим услугам; я обещал своим здешним друзьям по-прежнему сохранить для них свои *воскресные дни*. — Пока что мой адрес следующий: Швейцария. Г-же Наталии Утиной. — Schauplatz-Gurtengasse, 233. — 1 этаж, у Г. Уршелера. — *Берн*.

Позже сообщу Вам другой.

В заявлении Федерального комитета юрцы увидят наш *прощальный привет* и поймут, что на этом дело не кончится, если они возобновят или продолжат свои прежние действия. Создание Швейцарской региональной федерации нанесет им *смертельный* удар, они вынуждены будут капитулировать на основе резолюций конференции [126]. Вы увидите, что в напечатанной в «Égalité» статье о региональной федерации мы об этом даже не упоминаем, но их сторонники в нашей Центральной секции выразили беспокойство за судьбу своих *братьев*, что было встречено дружным смехом. Это пока между нами. — Что касается этой региональной федерации, то я должен рассеять Ваши опасения относительно разногласий между французскими и немецкими членами Интернационала. Как раз наоборот, статья в «Égalité» заставила призадуматься обе стороны, и наши взаимоотношения никогда еще не были такими тесными и дружескими; наши люди побывали в *Цюрихе*, и Грёйлих вскоре полностью излечится от некоторой своей симпатии к юрцам. Союз *Грютли* [141] пытался

* *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

было обрушиться на нас, однако не отважился на своем съезде принять резолюцию против нас; я понимаю, что делаю, не идя на уступки *Грютли*, — этот союз надо разрушить.

Впрочем, обо всем этом я Вам напишу подробно на отдыхе в уединении. Сегодня мне необходимо еще составить множество всякого рода отчетов.

Я получил письмо от Serrайе. Черт его побери, откуда он взял все свои россказни! Никогда в жизни я не подозревал его в том, что он говорил что-нибудь плохое о г-же Дмитриевой, и право же не стал бы я тратить время на возню с Малоном; я удовольствовался тем, что просил его не пытаться видеться или раскланиваться со мной, так как я считаю его подлецом и предателем Интернационала. — Серрайе я отвечу на той неделе. Я послал 10 экземпляров Лафаргу; если бы Лафарг согласился стать корреспондентом «Égalité», — это было бы великолепно. Посылаю Вам брошюры Бакунина. О *нечаевском* процессе[120] поговорим в следующем письме.

Что Вы скажете о *бельгийцах?* Есть ли что-либо более подлое? Если бы у меня были деньги, я опубликовал бы целую брошюру в ответ на эти подлости, имеющие целью погубить Интернационал.

Г-н Бастелика найдет в ближайшем номере *поправку,* которая не очень ему понравится.

Перре только что зашел ко мне сказать, что он получил письмо от *Юнга;* не беспокойтесь, уж наш-то съезд не вздумает поддерживать таких господ, как Гинс, и прочих глупцов. Новости сообщу позднее.

Братски преданный Вам

Николай

Не забудьте, пожалуйста, передать привет всей Вашей семье, *за исключением* моей сестры Тусси, которая мне не отвечает.

P. S. Если Вы не сможете выслать типографии всю сумму, пришлите хотя бы половину.

N. B. Одновременно с этим пакетом посылаю Вам: 1) письмо с *объяснениями* различного рода; 2) приложение к «Égalité» — среди номеров находится первый *напечатанный* лист.

Н. У.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 23 мая (4 июня) 1872 г.

Милостивый государь!

Так как Вас, наверное, интересует судьба русского перевода «Капитала», то я могу по этому поводу сообщить следующее. В цензуре, куда эта книга была, согласно закону, сдана на три дня, ее просматривали два цензора, которые дали свое заключение о ней цензурному комитету. Еще до просмотра было принципиально решено не задерживать книгу из-за одного только имени автора, но при этом все же самым тщательным образом изучить весь текст и поискать, нет ли мест, которые могут разрушить или поколебать основы экономического строя. — Вот вкратце постановление, единогласно принятое комитетом и переданное на заключение Главного управления по делам печати:

«Хотя автор по своим убеждениям вполне социалист и вся его книга носит вполне определенный социалистический характер, доказательством чему служат следующие страницы» (страницы мне не известны), — «однако, принимая во внимание, что изложение отнюдь не может быть названо общедоступным и что, с другой стороны, способ доказательства облечен всюду в строго математическую научную форму, комитет» (можно подумать, что комитет вполне удовлетворился доводами и вообще превратился в социалистический клуб) «не находит возможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию и вследствие этого решает выпустить книгу в свет» [143].

Разрешая эту книгу, цензурный комитет рассчитывал главным образом на то, что ее никто не станет читать. Вот данные по этому поводу: книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая продано 900 экземпляров (всего отпечатано 3 000 экземпляров).

Бóльшая часть журналов и газет поместила рецензии на книгу. Все — без исключения — отзываются о ней с большой похвалой. Всесторонней критики пока еще нет. К сожалению, нет до сих пор отзыва «Московской газеты» *. От этой газеты можно ожидать самых курьезных высказываний.

С некоторых пор мы не имеем никаких вестей от «нашего общего друга» **. Я ожидаю письма не раньше конца мая.

Кроме уже посланного отзыва о «Капитале» [32], я на днях вышлю Вам еще другие.

Как раз когда я собирался отослать свое письмо, пришло Ваше от 28 мая. Переводчики очень польщены Вашим высоким мнением о переводе. Книгу вышлю на этих днях.

* Имеются в виду «Московские ведомости». *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*

Сообщение о Вашем намерении отказаться от всякой нетеоретической работы в высшей степени меня огорчило. Для самого дела это будет чувствительной потерей.

Я постараюсь возможно скорее удовлетворить Ваше желание получить более подробные сведения о Бакунине. Я думал, что «наш общий друг» во время своего пребывания в Лондоне уже сообщил Вам многое о нем. Сейчас могу только сказать: 1) что он (Бакунин) никогда не пользовался особым влиянием. В настоящий момент о каком бы то ни было его влиянии не может быть и речи ввиду глупой и некрасивой роли, которую он играл в этом процессе [120]. 2) К несчастью, эта его роль не вскрылась во время судебного разбирательства, хотя он и был главой всей этой истории. Все знаменитые прокламации (с призывами к убийствам, поджогам и т. д.) были составлены им. Однако сам он с величайшим старанием скрывал свое авторство, чтобы не повредить своей репутации на Западе; его адъютант Нечаев (с которым Бакунин очень считался) замалчивал это в своих собственных интересах. Некий Негрескул должен был разоблачить все это на суде, но он умер от чахотки до процесса. Его (Бакунина) роль была глупа потому, что он позволил Нечаеву одурачить себя и внимал его болтовне, как изречениям оракула.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

В. О. БАРАНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) июня 1872 г.

Милостивый государь!

Специально об этой проделке Бакунина я могу рассказать Вам следующее: как Вам известно, в 1869 г. в России был предпринят перевод Вашего труда *. Издатель ** поручил перевод Бакунину, так как он просил у него работы. Если не ошибаюсь, перевод был заказан Бакунину в мае 1869 года; он обещал (точной даты я не знаю) представить значительную часть первого тома к осени того же года. Однако Бакунин условия не выполнил, медлил с работой, и наконец — в конце 1869 г. или в начале 1870 г. посредник издателя *** получил письмо Нечаева ****,

* — первого тома «Капитала». *Ред.*
** — Поляков. *Ред.*
*** — Любавин. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 259. *Ред.*

в котором от имени Комитета запрещалось требовать с Бакунина перевод и *беспокоить его в дальнейшем по поводу полученного им аванса в 300 рублей серебром (талер — 0,90 рубля)*.

Посредник написал Бакунину письмо, в котором возлагал на него вину за эту проделку, так как ему было ясно, что Нечаев без Бакунина не отдал бы такого *приказания*. Он сказал, что простой честный отказ от работы не вызвал бы, конечно, никаких преследований. — Что касается других проделок Бакунина, то я ничего точно о них сказать не могу, так как не могу полагаться на свою память, когда речь идет о передаче чужих слов.

Свидетельствую Вам и Вашей семье свое глубокое уважение.

В. Б.

Впервые опубликовано в книге: «Литературное наследство. А. И. Герцен, II», № 41—42, 1941 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20—25 июля (1—6 августа) 1872 г.

Милостивый государь!

Посылаю Вам сборник «Русские общественные вопросы» [144], несколько рецензий на «Капитал» * и *«Письма без адреса»* [34] (автора «Очерков политической экономии по Миллю» [30]). Я не отсылал до сих пор рецензий, так как ждал окончания статьи в «Биржевой газете» [145]. Но они, весьма вероятно, передумали и поняли, что высказывания, которые они делали, им совершенно не подобают, а поэтому предпочли вовсе не печатать второго отдела. — «*Письма* и т. д.» были написаны автором тотчас же после законодательного решения крестьянского вопроса. Я слышал, что вскоре выйдет V том его сочинений, и так как в этих «Письмах» затрагиваются те же темы, что и в IV томе, то было бы неплохо включить их в него. Возможно, что у издателя уже есть копия этих писем (они не были напечатаны), но принимая во внимание, что начало IV тома (напечатанного тоже с рукописи) не свободно от ошибок, я посылаю Вам копию, сверенную с оригиналом, в надежде, что Вы будете так добры и перешлете ее, по прочтении, издателю.

В *«Сборнике»* есть несколько статей, которые, я думаю, заинтересуют Вас своими фактическими данными о том, в каком состоянии находятся

* Как Вы увидите, к ним, в отличие от немцев (Г. Зибеля, Шеффле и др.), нельзя применить слова Лихтенберга: «Люди склонны думать, что они способны прочесть всякую книгу, в которой нет кривых линий или алгебраических формул, если только они понимают язык, на котором она написана. Но это в корне неправильно!» (1778 г.) *(Примечание автора.)*

Н. Г. Чернышевский. — Н. А. Добролюбов.
Страница конспекта К. Маркса рукописи Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса»

различные вопросы в России. Не ожидайте от авторов теоретической оригинальности и особой проницательности; в настоящее время в нашей литературе нет ни того, ни другого. Но это добросовестные труженики. Вы найдете там две статьи Флеровского (Берви) (VI и XIII) — автора *«Положения рабочего класса в России»* [18]. (Между прочим: второе издание этой книги задержано цензурой. — Опекуна детей Чернышевского (Пыпина), намеревавшегося издать критические, библиографические, исторические и историко-литературные статьи Чернышевского, предупредили, что, если хоть одна статья этого автора выйдет в свет, издатель будет без дальнейших разговоров выслан из столицы. При этом следует заметить, что многие из этих вещей были впервые напечатаны в тяжелые для свободного слова времена — в 1855—1856 годы).

В «Сборнике» есть статья Жохова «Нерешенные вопросы крестьянского дела», в которой заслуживает Вашего внимания очерк современного положения крестьян как составной части государственного организма, то есть условий, определенных Положением 19 февраля 1861 года. В ней Вы найдете также, как создавалось это *«Положение»*, какую роль играли помещики. Может быть, Вы заинтересуетесь вопросом, изложенным в этой статье, и пожелаете познакомиться с материалом, легшим в ее основу. Может быть, Вы захотите также увидеть делегатов-помещиков в их полной наготе, когда они с циничной откровенностью защищали свои священные права, когда они на предложение «Комиссии» освободить крестьян вместе с их землей отвечали, что подобное предложение есть плод зловредных учений социализма и коммунизма, что «Комиссия» дала себя увлечь учениями Прудона, которые вся просвещенная Европа признала недостойными даже насмешки; они отстаивали малые наделы земли для крестьян, заявляя, что крупные были бы обременительны для самих крестьян. Возможно, повторяю, все это заинтересует Вас настолько, что Вы пожелаете ближе ознакомиться с материалами, изданными *Скребицким* под заглавием *«Крестьянский вопрос в царствование Александра II»* [146], и напишете мне, чтобы я Вам выслал этот труд, весьма добросовестно составленный, — тогда я, посылая этот «Сборник», достигаю своей цели. У *Скребицкого* Вы найдете ход дела, все мнения, возражения помещиков, все их проекты и т. д., и т. д. С характером этого труда Вас до известной степени познакомит названная работа Жохова.

25 июля (6 августа)

Десять лет реформ отошли в вечность — теперь наступило время контрреформ. Хотя эти знаменитые 10 лет знамениты лишь тем, что вслед за одним шагом к реформе сразу же делалось два шага назад, чтобы парализовать ее действие, но все же до сих пор не было случая,

чтобы правительство отступилось от открыто провозглашенного общего принципа какой-нибудь реформы. На днях, однако, случилось и это. Я уже послал Вам новый закон о печати, согласно которому отменяется суд, разбирающий дела о печати (единственная гарантия свободы печати), и вместо него вводится административный произвол (мотивы!), то есть министр получает право уничтожить собственной властью каждую неугодную для него книгу, сочинение и т. д.; суд же низводится до роли простого лакея, который решает вопрос не о виновности или невиновности, — решение в первом смысле уже принято министром, — а о том, какому наказанию подвергнуть автора или издателя неугодного для администрации сочинения. Но это только внешняя сторона дела. Одновременно с этим законом был издан тайный указ, в силу которого все дела о печати, начатые в судебных инстанциях во время действия более свободных законов, были объявлены уничтоженными (не улаженными, а просто уничтоженными), без того, однако, чтобы издатели могли требовать какого бы то ни было возмещения ущерба. Как Вы видите, священные права собственности власти топчут в случае необходимости с полнейшей свободой, а одновременно растаптывается и элементарное понятие о законе вообще: закону дается обратное действие.

Но, быть может, кто-либо найдет, что этот закон касается лишь меньшинства так называемого образованного класса.—Здесь, однако, распространяется слух, проникший даже в печать, будто, принимая во внимание страшный рост за последнее время крестьянских недоимок, что указывает якобы на неспособность крестьян самостоятельно вести свое хозяйство (чтобы убедиться в неосновательности этого утверждения, достаточно просмотреть цифры на стр. 768—769 статистического сборника «Россия» [147] и вспомнить положение о земстве, согласно которому сельскохозяйственные расходы отделены от государства и подчинены земству, то есть, чтобы не сокращать бюджет государства, был введен новый бюджет — земский), будто правительство имеет намерение поставить крестьян в административную зависимость от помещиков, другими словами — вернуться опять к крепостному праву. Если этот слух и окажется необоснованным, то, во всяком случае, уже самое возникновение его указывает на то настроение, которое господствует в законодательных сферах.

Неужели общество, ради интересов которого пострадал Утин [148], не примет никаких мер против этих разбойников? В каком положении находится вообще это дело?

Верно ли, будто конгресс состоится в Гааге? Будьте настолько любезны, пришлите мне его программу.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам статью из *«Вестника Европы» — «Опыты земской статистики»* [149]. Она покажет Вам, что у нас

величина v в формуле $\frac{m}{v}$ стремится стать отрицательной величиной, то есть, что из каждых 100 единиц, производимых рабочим, у него стремятся отнять 150! Здесь видно, куда привели нас «знаменитые 10 лет реформ»! Недаром голодный тиф стал у нас хронической болезнью.

Когда Вы думаете закончить второе издание «Капитала»? В нем будет, наверное, много изменений? Для меня эти вопросы важны, так как я думаю, что к концу года русское издание будет распродано и, следовательно, к этому времени надо завершить все подготовительные работы (перевод, изменения и т. д.) ко второму изданию.

Я передал Баранову Ваше письмо [71], он хочет Вам сам ответить.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Н. И. УТИН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

N. B.

№ 7 *

Швейцария (Тун), 14—19 августа 1872 г.

Конфиденциально

Дорогая сестра!

Мое столь продолжительное молчание могло быть вызвано, разумеется, лишь чем-нибудь из ряда вон выходящим: ведь в самом деле, прошло уже несколько месяцев, как я не писал ни Вам, ни нашему другу Энгельсу, от которого получил, кажется, два письма [71].

Вчера я получил Ваше письмо [150], адресованное в Женеву, и, к *величайшему* своему *удивлению,* убедился, что Вы ничего не знали о случившемся со мной; я подозревал это, не получая от Вас, сестра, ни слова сочувствия в моем печальном положении, но все же полагал, что и помимо меня между Лондоном и Женевой ведется более оживленная переписка! — Очень печально сознавать, что можно умереть или быть убитым, а Вас об этом даже не известят.

Да, сестра, хорошенькие вещи вытворяют бакунисты. Слушайте и извините за краткость моего рассказа: у меня еще очень *болит глаз,* и это письмо мне придется писать в несколько приемов. А теперь к делу.

* Пометка Маркса. *Ред.*

Вам известно, что я покинул Женеву и отправился сперва в Цюрих: во-первых, чтобы посоветоваться с врачами, во-вторых, познакомиться в какой-то степени с Цюрихской секцией (плохонькая и жалкая секция, не сумевшая завербовать рабочих!). Не успел я приехать и обосноваться в Цюрихе, как *18 июня*, в половине 12 ночи, возвращаясь *случайно* домой *совершенно один* и *без револьвера*, я подвергся нападению *8 человек*. Я попытался защититься от первого нападающего и отбросил его, думая, что это либо пьяный, либо какой-нибудь немецкий студент, который *ошибся адресом*, и снова направился к своей гостинице (Hotingerhof), как вдруг сзади и с обеих сторон на *мою голову* посыпался град ударов; борьба продолжалась несколько минут, но что может поделать в темноте один человек против 8, которых он даже и не видит; им удалось оттолкнуть меня к *куче камней* около строящегося канала, и здесь меня ударили по лбу камнем, поранившим мне *правый глаз* и нос; я был уже близок к обмороку, и, лица, напавшие на меня, конечно, ждали этого момента, чтобы убить меня, но тут, к счастью, появились 4 немецких студента, и напавшие на меня люди разбежались.

Мои немецкие *спасители* отвели меня к моему другу Артю, где я и пролежал целую неделю в постели на попечении двух *окулистов* *, которым удалось спасти мой глаз, но... не *полностью;* правый глаз (это был мой *лучший* глаз) поврежден внутри и не может быть вылечен до конца, вследствие чего в дальнейшем мне всегда будет угрожать возможность потерять его из-за напряжения, слишком большой усталости, толчка или какого-нибудь удара! В настоящее время глаз еще сильно болит, зрачок расширен, поэтому я все вижу в тумане, — таков результат удара после 7 *недель* беспрерывного лечения всевозможными средствами.

Тем временем, спустя лишь несколько дней после этого происшествия, мне пришлось встать с постели, чтобы находиться вместе с женой ** при *смерти* моего *старшего* брата — *бывшего* профессора С.-Петербургского университета, — который приехал в Цюрих и умер здесь от рака легких; моему другому, младшему брату, Евгению, другу Жоаннара, угрожает судебное преследование из-за *дуэли,* во время которой он убил наповал своего противника ***, чиновника от литературы, в связи с политическим процессом, в котором мой брат как адвокат защищал одного молодого человека, приговоренного к высылке из страны за распространение прокламаций, и в котором противник моего брата играл двусмысленную роль!..

А теперь: со стороны кого была предпринята попытка убийства? Были ли это, скажем, агенты русского правительства? Нет, сестра, это

* — Эрисмана и Горнера. *Ред.*
** — Н. Утиной. *Ред.*
*** — Жохова. *Ред.*

были агенты *Бакунина* — я утверждаю это и разрешаю Вам говорить об этом повсюду. Убийцы, нападая на меня, осыпали оскорблениями — ***по-русски*** и со *скверным русским произношением* — это были *сербы;* мои свидетели — немецкие студенты — узнали *одного* из них; другие видели, как эта банда уже с 10 часов подстерегала кого-то (меня) поблизости от места, где разыгралась эта сцена; и еще некоторые *самым определенным образом* утверждали, что какой-то господин, *выдающий себя за поляка Турского*, был в числе *лиц, напавших на меня;* этот Турский рассказывал кому-то о нападении с такими подробностями, что ему трудно будет отрицать свое участие в нем; между прочим, *Турский* — один из трех *подписавших* устав Славянской секции в Цюрихе (не принятой) [28]. Этот же субъект ездил зимой в *Мюнхен* со специальными полномочиями организовать и там *сепаратистскую* славянскую секцию; мне об этом сообщил один молодой человек, поляк; он писал мне о том, как Турский на предварительном совещании оскорблял *Маркса* и меня и хотел убедить своих слушателей, что Интернационалом руководят *евреи* (тема, которую развивает Бакунин в своем пасквиле в «Bulletin jurassien»); Турский потерпел неудачу и вернулся в Цюрих; всем полякам *заведомо* известно, что он *негодяй;* я подал жалобу в суд, хотя полагаю, что буржуа ничего для меня не сделают. Тем временем Бакунин поспешил лично явиться в Цюрих и теперь он разгуливает в студенческом квартале в сопровождении как раз этих сербов, Турского и других лиц, которых судебный следователь не без основания подозревает в нападении на меня. Не приходится сомневаться, что активное участие в нападении принимал также некий *Александров* (этот субъект ничего не делает); он проживал в Женеве, а счел более удобным для себя организовать маленькую *тайную* (!) русскую типографию в Цюрихе, где у него *работают* (!) несколько сербов, принадлежащих, вероятно, к той же банде. Этот *Александров* также является членом нечаево-гильомо-бакунистской банды; и в этом качестве страшно озлоблен против меня. (Нечаев сейчас тоже находится в Цюрихе, но я не знаю ничего определенного о его теперешних отношениях с Бакуниным.) Возможно, что Бакунин прибыл сюда с целью устройства какой-нибудь новой западни; одновременно, как Вы могли легко убедиться на основании *программы*, напечатанной в «Bulletin», *он основал* раскольническую *польскую* секцию в Цюрихе и сделал это, несомненно, с целью увеличения числа своих делегатов на конгрессе [151]; хорошо было бы запросить фамилии *польских **рабочих*** и навести о них справки у Комитета швейцарской секции в Цюрихе...

Вот, следовательно, в чем секрет моего молчания: только несколько дней назад мне разрешили писать и читать, и больше всего я сожалею о том, что срок созыва конгресса так близок. Весьма возможно, что

бакунисты напали на меня и попытались хотя бы ослепить для того, чтобы я не смог сделать разоблачений, обещанных в закрытом циркуляре о деле Нечаева. В значительной степени им это удалось: теперь я и *думать* не могу об *издании* брошюры, которая должна была быть направлена против них: сейчас уже нет времени ни для печатания, ни для распространения ее до конгресса; а это очень жаль, но у меня есть намерение сделать следующее: я составлю *письменный доклад* Генеральному Совету о расколе (его причинах и последствиях) и в особенности о главе и вдохновителе этого раскола — Бакунине... Я вынужден был прервать на этом месте письмо на целых два дня. Вы видите, что мне еще очень трудно много писать. Постараюсь быть более кратким.

Я присоединю к этому докладу несколько документов, касающихся дела Нечаева, роли Бакунина как инициатора этого дела, и тесной *связи* между русскими делами, Альянсом и интригами сегодняшнего дня. О, если бы у меня было достаточно времени, я бы сделал из этого интересную брошюру! Я посмотрю еще, как наилучшим образом использовать имеющиеся у меня материалы: один из моих друзей только что передал мне чрезвычайно ценные документы: это — программа и ***тайный*** устав ***тайного Альянса,*** организованного Бакуниным в октябре 1869 г.; из программы ясно видна вся глупость и коварство этого *Герострата* социальной революции; видно, как он решил завладеть нашим Международным Товариществом, и я не сомневаюсь, что эти документы будут иметь ***огромную и решающую роль*** в борьбе на конгрессе; сейчас я дал их переписать и вышлю Вам копию, может быть, уже *завтра.* Но я настаиваю на величайшей осторожности, а именно: Вы *не промолвите о них ни единого слова кому бы то ни было;* Вы передадите их Вашему отцу *, ему и Энгельсу я доверяю тайну, что эти документы получены от *меня;* в дальнейшем мы посмотрим, как нам поступить в этом вопросе; пока же они смогут огласить эти документы на закрытом заседании Генерального Совета и поручиться *своей честью,* что одна часть этого устава написана *собственноручно Бакуниным,* а другая — его женой ** (третья часть — г-жой Оболенской, а четвертая — под диктовку Бакунина одним из его друзей). Вы понимаете, что открыто назвать г-жу Оболенскую *неудобно* и *невозможно* (нас обвинили бы, что мы донесли русскому правительству), но достаточно дать понять, что Бакунину и его сообщникам не удастся *отречься* от этого устава, ибо граждане Маркс и Энгельс заявят тогда, что они имеют *собственноручно написанный текст* Бакунина и в случае надобности представят его. Для этой цели, если папа считает нужным, я пришлю ему оригинал, то есть ту часть его, которая написана

* — Марксу. *Ред.*
** — А. Бакуниной. *Ред.*

рукой Бакунина и его жены, — но для этого необходимо, чтобы Вы *поскорее переписали* то, что я Вам пришлю, и вернули мне это; тогда я Вам вышлю *подлинник,* ибо я не могу выпустить из рук все сразу. В общем, я настаиваю также на том, чтобы *копия,* которую я пришлю, была *переписана,* ибо мне кажется *недопустимым,* чтобы почерк, которым написана копия, узнали наши враги, присутствующие на конгрессе, так как, если бы такая неосторожность была допущена, лицо, переписавшее копию, было бы серьезно скомпрометировано. Впрочем, я думаю, что нет ни срочности, ни необходимости, чтобы кому бы то ни было стало известно, что эти документы получены от меня, — сообщение об этих документах Генеральный Совет мог бы прекрасно получить от любого лица, хотя, конечно, если потребуется, я не буду прятаться, тем более, что в своем докладе я привожу выдержки из них. Наконец, я всецело полагаюсь на Вашего отца и Энгельса, будучи уверенным, что они смогут использовать эти документы таким образом, чтобы с моей стороны это не выглядело *личным* делом, в противном случае пропал бы весь эффект. Теперь мне необходимо знать, использовал ли Энгельс что-нибудь в связи с процессом Нечаева или нет? Ответьте незамедлительно. — Действительно ужасно, что конгресс так близок, а я сейчас без глаз. Поэтому я был в отчаянии, узнав, что открытие конгресса назначено на 2 сентября, тогда как был уверен, что он состоится, как обычно, не раньше 17. Как и все наши друзья в Женеве и Цюрихе, я был также огорчен, что Генеральный Совет выбрал *Гаагу,* а не *Женеву:* мы были уверены, что в Женеве мы победим, — теперь же я не думаю, чтобы женевские секции послали больше *одного* делегата (вместо по меньшей мере *20!*), и я не знаю, кто это будет. Что касается меня, то я не буду в *Гааге:* ни мое здоровье, ни мои средства не позволяют мне и думать об этом! Потребовалось бы по меньшей мере 300 франков, а у меня их нет; что же касается того, чтобы меня избрали от Женевы, то, поскольку будет всего один делегат, я никогда не принял бы полномочий, ибо считаю, что им должен быть *рабочий,* а впрочем, моего отсутствия в Женеве в течение последних 3 месяцев самого по себе достаточно, чтобы не быть избранным в качестве делегата; наконец, и это главная причина, мое горло в плачевном состоянии: я был очень близок к тому, чтобы отправиться *ad patres* *, теперь надеюсь, что выздоровлю, но *не могу* говорить долго и громко и переносить трудности путешествия. Итак, не стоит об этом думать, хотя это меня очень огорчает; следовательно, наша встреча откладывается, может быть, до весны 1873 г., если я раньше не умру или меня не убьют. — Поверьте, что именно я теряю при этом больше всех и для

* — к праотцам. *Ред.*

меня была бы настоящим праздником возможность вновь увидеть всех вас в Женеве на этом конгрессе, который будет решающим и, мне кажется, кончится *явным расколом* рядов нашего Товарищества, раздираемого этими негодяями. — О! Если бы можно было избежать этого разрыва, что бы я ни дал за это! — Это будет досадно, хотя в конечном счете те группы *рабочих*, которые покинут наше Товарищество, чтобы плестись в хвосте авантюристов, более худших, чем агенты-провокаторы, скоро вернутся к нам, проникнувшись отвращением к этим интриганам.

Черт возьми!.. Я не верю своим глазам. Мне только что принесли «Journal de Genève» от пятницы, 16 августа, где в корреспонденции из Италии написано черным по белому: «Gazzetta di Torino» помещает отчет о конференции *итальянских секций,* состоявшейся в *Римини:* на ней была основана федерация секций; заявлено о необходимости упразднить *юридическую семью* (о, Бакунин, старый идиот, я тебя узнаю и я тебя снова нахожу!), отменить *государство* и т. д. и т. д.; на конференции провозгласили *экономический союз* рабочих всего мира и «отреклись от всякой солидарности с *Главным* лондонским советом, — из-за его *интриг».* Наконец, было разослано приглашение всем европейским *революционным* секциям собраться на международный конгресс *2 сентября,* в *Невшателе,* Швейцария!! — Что Вы по этому поводу скажете?! Корреспондент сообщает, что «Gazzetta di Torino» с трудом удалось получить эти весьма точные сведения, и Вы можете быть уверены, что эти решения были действительно приняты! Право, Вам это, может быть, покажется странным, но я полагаю, что настоятельно необходимо разъяснить всю эту историю... *Гарибальди* и убедить его высказаться против авантюристов из бакунистской банды. Вы и представить себе не можете, какое влияние оказали бы слова Гарибальди в этом деле.

Не правда ли, Вы выскажетесь в своем письме, что Вы обо всем этом думаете и что намереваются предпринять наши перед лицом такой возможности. Не думаете ли Вы, что было бы лучше, если бы можно было отложить конгресс на две недели под предлогом того, что Генеральный Совет ждет и предоставляет федерациям еще 15 дней, чтобы они могли дополнить *программу* конгресса? Кто знает, возможно, это было бы лучше, *гнусные* решения сепаратистов стали бы известны, и это побудило бы секции послать делегатов на настоящий конгресс? Хотя, с другой стороны, эта неожиданная отсрочка могла бы в то же время вызвать раздражение некоторых секций. Я прошу у Вас прощения за эти нерешительные размышления, это результат моей теперешней оторванности от всех дел. Вскоре я вернусь в Женеву — после того, как закончу лечение горла, — и буду находиться там до тех пор, пока мое здоровье это позволит.

В настоящее время я нахожусь на водах в небольшом швейцарском местечке, где меня никто не знает; что касается Вас, то я прошу направить мне Ваш ответ на имя моего друга г-жи Ольги Левашовой, в дом вдовы Лугинбюль: Aeschi bei Thoune (кантон Берн), *Швейцария,* и больше ничего; она перешлет мне письмо сюда, как только его получит. Прошу Вас тщательно хранить этот адрес и не сообщать его абсолютно никому. Все другие могут писать мне в Женеву, откуда мне перешлют письма.

Должен Вам сказать еще, что у меня, видимо, нет одного Вашего письма: Вы мне пишете, что просили у меня мою фотографию, а я не читал об этом ни в одном из Ваших писем, из чего заключаю, что письмо затерялось. Последнее письмо, которое я получил, содержало рассказ о нападках на Дюпона, Жоаннара и Серрайе, оно пришло на следующий день после происшествия со мной, и мой друг Артю с грехом пополам прочел его мне.

Не забудьте передать привет всем друзьям и мои сожаления гражданину и гражданке Лафарг, которых я лично не знаю, но научился уважать вследствие нападок на них в «Bulletin» [152].

Мне остается еще сказать о деле *Комбо.* Сестра! После зрелого размышления я нахожу, что не могу прямо писать ему о столь деликатном деле, в котором замешано имя женщины, которая нам дорога. Прежде всего, сам я его очень мало знаю: я разговаривал с ним лишь один раз в 1868 г., на обеде, в присутствии Малона. Затем о нем очень плохо отзывался Хедвиг (это должно остаться между нами): кажется, на одном народном собрании во время Коммуны Комбо потребовал головы Малона и других изменников, и г-же Дмитриевой пришла в голову злополучная мысль *защищать* его! В общем, нужно, чтобы Вы навели о Комбо самые точные справки: Лонге, Вайян и Франкель должны его хорошо знать. Таким образом, все, что я смог сделать — это вложить сюда *официальное* письмо для *Вас* по поводу Малона и г-жи Дмитриевой, — Вы можете им распоряжаться, как найдете нужным, то есть Вы можете, если это необходимо и Вы доверяете Комбо, передать ему его. Надеюсь, что это Вас удовлетворит.

Что мне еще сказать: я поправляюсь очень медленно — сегодня уже понедельник 19-го, и я эти дни чувствовал себя неважно. Глаз и горло вступили в адский сговор друг с другом, чтобы помешать мне работать...

Только что получил «Tagwacht» с протестом *Бакунина* и его сообщников против *ареста Нечаева в Цюрихе* (это верно: мне пишут из Цюриха, что в действительности арестован *Нечаев,* а не какой-то *серб,* как хочет уверить Бакунин). Представьте себе, что этот жалкий лгун заявляет в своем протесте: г-н Нечаев *совершенно чужой* нам человек (?!), и мы *не хотим иметь ничего общего* (!!) с приписываемыми ему — справедливо

или *несправедливо* (?!) — принципами, но, поскольку его преследует ненавистное нам русское правительство, *его особа для нас священна*... Значит, раз этот *убийца и вор* преследуется русским правительством, он должен быть для нас священным!! Сожалею, что *Грейлих* имел глупость (не первую, к несчастью) писать о нем в «Tagwacht» как о *политическом* деятеле!.. Но умолчим о глупостях наших коллег, иначе мы никогда не кончим.

Прощайте, сестра; прилагаю на отдельном листке личную просьбу к Вам.

Будьте здоровы. Если Вы поедете в *Гаагу*, то сделайте одолжение, пишите мне оттуда во время конгресса каждый *день* по несколько строк, чтобы я был в курсе дела. Вы представить себе не можете, как я буду волноваться все эти дни за наше Товарищество. Но, как уже сказано, вопрос решен: *меня там не будет*, это абсолютно невозможно, итак, перестанем говорить об этом.

Ответьте мне поскорей на это длинное послание... Пока прощайте, сердечный привет всей Вашей семье, я счастлив был узнать от Вас, что Ваш отец решился наконец присутствовать лично на этом конгрессе... Я совершенно не знаю, в каком положении сейчас дела в Женеве, но сожалею, что маленького *Реджиса* не будет на конгрессе, — итальянская секция безусловно выдала бы ему мандат, но нет денег.

Дружески жму Вам руку.

Искренне и навсегда преданный Вам

Ваш брат *Николай*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 15 августа 1872 г.

Милостивый государь!

Надеюсь, что Вы уже получили первую часть второго немецкого издания *, которую я послал Вам несколько дней тому назад. Я вышлю Вам также первые 6 выпусков французского издания, которые выйдут на днях. Необходимо сличить *оба издания*, так как во французском я многое добавил и изменил.

Ваше интересное письмо ** я получил и отвечу на него на днях. Я получил также рукопись [34] и статью из «Вестника» [32].

* — первого тома «Капитала». *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 246—249. *Ред.*

Пишу сегодня наспех по одному специальному делу *самого неотложного* характера. Бакунин годами тайно подготовлял взрыв Интернационала и теперь до такой степени прижат нами к стене, что вынужден сбросить маску и *открыто отколоться* вместе с глупцами, которыми руководит он — тот самый человек, который был главным заправилой нечаевского дела[120]. Так вот, этому Бакунину было когда-то предложено перевести на русский язык мою книгу *, причем деньги за перевод были им получены вперед, но вместо того чтобы представить работу, он написал или велел написать к некоему Любавину (так, кажется), который вел с ним переговоры по поручению издателя **, в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо ***. Это письмо могло бы быть для меня весьма полезным, если бы *оно было послано мне* немедленно. Так как это чисто *коммерческое* дело и так как при использовании письма не будет названо никаких имен, то я надеюсь, что Вы добудете его. Но нельзя терять ни минуты. Если Вы можете прислать мне его, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на Гаагский конгресс.

Преданный Вам

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 431—432

Н. Н. ЛЮБАВИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 8 (20) августа 1872 г.

Милостивый государь!

От Вашего корреспондента **** я узнал, что Вы хотите иметь письмо, полученное мной два года назад в связи с переводом Вашей книги * на русский язык. Мои личные счеты с г-ном Бакуниным, которому был поручен этот перевод, я считаю поконченными после того, как я тогда же послал ему письмо, на которое он так и не ответил. Если я все же иду навстречу Вашему желанию, то только потому, что считаю деятельность названного гражданина крайне вредной и надеюсь, что история с переводом может способствовать его дискредитации. Однако я должен уже теперь заметить, что имеющиеся у меня улики против него не так

* — первый том «Капитала». *Ред.*
** — Полякова. *Ред.*
*** См. о нем следующее письмо. *Ред.*
**** — Даниельсона. *Ред.*

очевидны, как Вы, возможно, нреднолагали. Правда, они бросают тень на эту личность, но недостаточны для ее осуждения. Этот человек был уже причиной многих несчастий *, и все же он окружен еще известным ореолом как в Занадной Евроне, так и в кругу нашей неонытной молодежи **. Поэтому его дискредитация послужила бы на нользу общему делу.

Согласно Вашему желанию я нрилагаю к этому нисьму нисьмо «Бюро» с тем, однако, условием, что Вы вернете его мне нри нервой же возможности, носле того как иснользуете его нужным образом, так как оно может нонадобиться и здесь. Относительно иснользования нисьма я должен только заметить, что Вы заблуждаетесь, нолагая, что мое знакомство с этим госнодином носило чисто коммерческий характер. Если бы он онубликовал мои нисьма к нему, то это нричинило бы мне большие ненриятности, а он обещал обязательно это сделать, если я снова нодниму историю с нереводом.

Чтобы разъяснить Вам эту историю, я должен рассказать следующее.

Летом 1869 г. в Берлине я узнал от моего нокойного друга Негрескула, что Бакунин очень нуждается и ему необходима возможно срочная номощь. Тогда я еще мало знал Бакунина и разделял мнение многих русских студентов, которые считали, да и сейчас еще считают его одним из наиболее видных героев освободительной борьбы. Я тотчас же нослал ему 25 талеров и обратился одновременно через своего нетербургского друга к одному издателю с нросьбой нредоставить Бакунину работу. Было решено норучить ему неревести Вашу книгу, за что ему было обещано 1200 рублей. По его просьбе ему нереслали через меня целую начку книг, нужных как нособие для перевода, и уплатили ему также но его нросьбе 300 рублей внеред. 28 сентября (1869 г.) я нослал ему эти 300 рублей в Женеву но адресу Шарля Перрона (я к тому времени переехал в Гейдельберг), а 2 октября нолучил от Бакунина расниску.

2 ноября Бакунин нанисал мне из Локарно, что освободился наконец от лишней нолитической работы и «завтра» нристунает к нереводу. Прошел весь ноябрь, а я не нолучил от него ни одного листа рукониси. Затем в конце ноября или, вернее, уже в начале декабря я но нолучении письма из Петербурга занросил Бакунина, собирается ли он нереводить или нет. К сожалению, у меня не осталось конии этого нисьма, и я не могу точно сказать, что я тогда написал. Насколько я номню, мой нетербургский друг, через которого я сносился с издателем, нанисал мне, что,

* Здесь сейчас циркулируют слухи, что нападение банды на Утина в Цюрихе было совершено по поручению Бакунина. *(Примечание автора.)*

** В чем я еще совсем недавно имел случай убедиться. *(Примечание автора.)*

если Бакунин не хочет переводить, пусть он так прямо и скажет, вместо того чтобы затягивать дело; а что касается 300 рублей, то об этом можно договориться. Я сообщил это Бакунину, а 16 декабря он прислал ответ, в котором прежде всего заявляет, что не писал так долго (последнее письмо, полученное мной от него, было от 2 ноября) «отчасти» потому, что я был с ним очень груб (не в связи с переводом, а по другому поводу). Далее он пишет: «На каком основании Вы вдруг вообразили, что, взявшись за эту работу и взяв даже за нее вперед триста рублей, я захочу от нее отказаться?». По его словам, весь свой годовой бюджет он построил на этой работе, но по совершенно независящим от него обстоятельствам не смог серьезно приняться за перевод раньше начала декабря. Во-вторых, работа оказалась гораздо труднее, чем он сначала думал. Затем он описывает различные трудности перевода. Упомяну лишь об одной из них, так как сильно подозреваю, что Бакунин в данном случае солгал. Процитировав фразу из Вашей книги: «Стоимость — это сгусток труда», он пишет: «Маркс просто пошутил — впрочем, *он мне сам в этом признался»*. Он надеется закончить весь перевод к концу апреля 1870 г. и настоятельно просит меня уговорить издателя не отбирать у него перевода. А если издатель решит это сделать, то срочно известить его об этом, чтобы он мог позаботиться о возвращении 300 рублей.

19 декабря Бакунин прислал мне первые листы рукописи. При этом он писал: «Отныне буду Вам посылать через день или через два переведенные и переписанные листы».

31 декабря я получил еще несколько листов перевода — и это были последние. Всего я получил от него один, самое большее, два печатных листа.

3 марта (1870 г.) я получил наконец от «Бюро» письмо, которое Вас теперь интересует. Хотя это письмо было написано не Бакуниным (по всей вероятности, оно было непосредственным творчеством Нечаева), однако я счел Бакунина ответственным за него, так как не сомневался тогда, что он причастен к этому делу. Поэтому я написал ему ругательное письмо. Зимний семестр уже закончился, и мне нужно было уезжать. Все-таки я ждал две с половиной недели после отправки Бакунину письма, однако ответа не получил. Позднее Бакунин писал нашему общему знакомому Лопатину, что он ответил мне кратким письмом, в котором сообщал, что отказывается от перевода из-за моей грубости. Но я считаю, что этот ответ не был написан, иначе я бы его получил. Он передал, кроме того, тому же моему другу расписку, в которой значилось, что он, Бакунин, получил через меня от издателя 300 рублей и обязуется их возвратить в кратчайший срок. Это было, однако, совершенно излишне, так

как у меня уже была его собственноручная расписка. Обещание его об уплате *в кратчайший срок* выполнено не было, и до сих пор от него еще не получено ни одного рубля. Мало того, он недавно прислал к тому же издателю одну даму с просьбой дать ему другой перевод, обещая при этом, что история с «Капиталом» не повторится. Какое бесстыдство!

В заключение скажу, что я теперь думаю о письме «Бюро», полученном мной в 1870 году. Тогда причастность к нему Бакунина казалась мне несомненной. Но должен сознаться, что сейчас, когда я хладнокровно обдумываю всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина вовсе не доказано. Нечаев и в самом деле мог послать это письмо совершенно независимо от Бакунина. Одно только несомненно: Бакунин проявил полное нежелание продолжать начатую работу, хотя и получил за нее деньги.

О получении этого письма прошу Вас уведомить Вашего постоянного здешнего корреспондента *. Письмо «Бюро» прошу вернуть по следующему адресу:

Г-ну Н. Любавину, С.-Петербург, Невский проспект, 34.

Не откажите завернуть письмо в бумагу, написав на ней: *для Ник. Ник. Любавина.*

Ваш *Н. Любавин*

Впервые опубликовано в книге: «Литературное наследство. А. И. Герцен, II», № 41—42, 1941 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 9 (21) августа 1872 г.

Милостивый государь!

Я полагаю, что Вы получили письмо **, которое ожидали (с некоторыми пояснениями) ***. Вы увидите, что оно отнюдь не *только коммерческого* характера, и при использовании его это необходимо учитывать. Об этом не следует забывать. В особенности нужно остерегаться некоторых русских, находящихся в Швейцарии: длинные уши и, особенно,

* — Даниельсона. *Ред.*

** См. предыдущее письмо. *Ред.*

*** Здесь есть нечто большее. 20 мая 1870 г. Бакунин, между прочим, пишет: «В половине февраля этого года *я получил предложение от «Бюро» оставить все другие свои занятия»* (то есть перевод) «и переселиться в Женеву, чтобы посвятить себя исключительно русским делам. Я и многие другие ожидали осенью 1870 г. народного движения» (что, собственно, не делает чести его проницательности). «Эти ожидания оказались необоснованными (!)... В ожидании народного движения *я хотел содействовать ему всеми моими силами»*. (Локарно, 20 мая 1870 г.). *(Примечание автора.)*

длинные языки были причиной несчастья «нашего общего друга» *. Тот, кто от моего имени сообщал Вам сведения о «нашем общем друге», должен был бы вспомнить, с кем он говорил об этих делах. Впредь ему следовало бы остерегаться таких faux frères **.

В мае я необдуманно писал Вам, что о влиянии Бакунина не может быть и речи ***. Оказывается, однако, что время от времени его посещают, чтобы выразить ему свое поклонение.

Мне хотелось бы знать, верен ли слух, что Бакунин участвовал в нападении на Утина.

Не будете ли Вы любезны сообщить мне о результате этого дела. Мне было бы также очень приятно, если бы Вы прислали мне отчеты о заседаниях Гаагского конгресса.

Я очень благодарен Вам за присланную мне книгу ****.

«Наш общий друг» просит сообщить Вам, что «все мелкие вещи, оставленные им у Вас, он рассматривает как залог своего обязательства появиться у Вас и постарается в скором времени исполнить это свое намерение».

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и немецкого

Н. И. УТИН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС

В ЛОНДОН

Женева, четверг, 22 августа [1872 г.]

Дорогая сестра!

Уже четверг, и меня удивляет, что я не получил еще обратно посланной Вам *копии* *****. Пора бы уже; я боюсь, не затерялась ли она. — Один из моих друзей сдаст сегодня вечером это письмо на почту в Цюрихе. Я вложу в него первый лист, самый важный, так как он написан рукой *Бакунина,* и начало (стр. 1, 2 и половину третьей).

С нетерпением жду возвращения копии, а также получения *гаагского адреса,* который я у Вас просил. Этот адрес абсолютно необходим мне, чтобы отправить мой длинный и, смею сказать, интересный *доклад* о Бакунине, о расколе и о заговоре в России. Доклад так или иначе будет

* — Лопатина. *Ред.*
** — лжедрузей. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 245. *Ред.*
**** — второе немецкое издание первого тома «Капитала». *Ред.*
***** См. настоящий сборник, стр. 252—253. *Ред.*

готов к *субботе,* — следовательно, я рассчитываю, что *в понедельник* он сможет уже быть в Гааге, если адрес будет получен своевременно. Если же Вы еще не выслали адрес, который я просил в последнем письме, то, умоляю Вас, *протелеграфируйте* мне его по следующему адресу:

Interlaken, Bönigen, Chalet Lac, д-ру Щербакову.

Больше ничего. Все, что придет по этому адресу, будет мне немедленно передано. Ваши письма, которые я рассчитываю получить на будущей неделе, в особенности если Вы поедете в *Гаагу,* посылайте также по этому новому адресу. Второй конверт не требуется, мой друг будет знать, что это для меня.

Меня удивляет, что нет еще известий из Женевы относительно мандата для мисс Харриет Ло. Но тетя — г-жа Ольга З. * (справьтесь о ней у Лео **, он хорошо ее знает; она просит меня передать ему сердечный привет) — поручает мне сообщить Вам, что мандат будет выслан, она почти уверена в этом, либо на Ваше имя, либо на гаагский адрес, которого я жду. Получив этот адрес, я тотчас же протелеграфирую его в Женеву председательнице секции. Я тоже уверен, что этот мандат обеспечен...

Не знаю толком, что происходит в Женеве. Мы ведем эти дни оживленную переписку относительно посылки делегата. Дело в том, что женевцам надоели прежде всего бакунистские интриги, и они заявляют, что не хотят тратить денег на то, чтобы вновь выслушивать жалкие сплетни *этих мошенников*. Что же касается пересмотра устава, то Женева его не требует — надо применять и проводить в жизнь требования устава, а не пересматривать его с тем, чтобы ничего не делать. — Так рассуждают женевцы, перенесшие немало испытаний за все последние месяцы из-за нескольких стачек, которые закончились завоеванием *10-часового рабочего дня.* Федеральный комитет должен был послать Вам *докладную записку* для конгресса. Тем не менее я считаю, что было бы *непростительно,* если бы Женева не была представлена делегатом-женевцем, а потому я энергично настаивал на его посылке. Удалось ли мне убедить их и решили ли они послать делегата, я еще не знаю; это будет известно сегодня вечером... Во всяком случае, старик Беккер отправляется туда (в Гаагу) уже завтра.

Пока до свидания. Как бы я хотел, чтобы это было действительно до *свидания!*

Братский привет всей семье. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Ваш брат *Николай*

* — Левашова (урожденная Зиновьева). *Ред.*
** — Франкеля. *Ред.*

Пожалуйста, сообщите немедленно о получении этого письма в *Interlaken* (этот адрес предназначается только для Вас).

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. И. УТИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Берн, конец августа 1872 г.]

Гражданину К. Марксу

Дорогой друг!

Эту записку, равно как и все необходимые документы *, передаст Вам мой лучший друг и соратник Дюваль. Рекомендую Вам его, так же как я осмелился бы рекомендовать человека, гораздо лучшего и более достойного Вашей дружбы, чем я. Говорите с ним столь же откровенно, как и со мной, — он поймет и поддержит Вас во всем.

До свидания. Действуйте!

Ваш *Николай*

Обязательно прочтите эти документы, а затем судите сами, как их использовать. — Я полностью полагаюсь на Вас и подпишу все эти документы от своего имени обеими руками.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

И. Г. ГОЛОВИН — МАРКСУ
В ГААГЕ

[Гаага, около 5—7 сентября 1872 г.]

Многоуважаемый господин!

Некогда в Лондоне я вместе с Герценом защищал в «Morning Advertiser» Бакунина от нападок со стороны Вашего однофамильца **. На этот раз я не хочу этого делать. От Русской секции, как мне кажется, вообще мало пользы. Но чтобы разъяснить это положение вещей, я потре-

* См. предыдущее письмо. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 5—6. *Ред.*

бовал слова и буду Вам благодарен, если Вы соблаговолите уведомить меня, когда мне следует прийти, чтобы выступить.

С глубоким уважением

Иван Головин

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Н. И. УТИН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 1 ноября, пятница вечером [1872 г.]

Дорогой учитель!

Вместе с этим письмом посылаю Вам наконец так давно обещанные сведения; это следующие материалы: 1) Жизнь Бакунина в Сибири и его бегство. 2) Его панславистский манифест, датированный февралем 1862 г., Лондон [24]. 3) Его апология *крестьянского царя* Александра II [153] — нечто весьма интересное и очень поучительное. — Я сделал довольно большие выдержки из этих обеих публикаций и снабдил их многочисленными комментариями; я решил, что Вам лучше иметь много выдержек, чтобы Вы могли выбирать, хотя, признаюсь, испытывал большие затруднения в связи с богатым выбором — один отрывок интереснее другого, и я предался воспоминаниям о некоторых эпизодах, о характерных чертах эпохи 1862 г.,.. «quorum magna pars fui» * («magna» — здесь излишне): прежде всего, я не могу говорить об этой эпохе без содрогания при упоминании о стольких жертвах, которые до сих пор дороги мне, а кроме того, трудно понять всю подлость и идиотизм Бакунина, не отдававшего себе отчета в том, в какое именно *время* он распевал гимны царю. Зная хорошо Бакунина, я могу сказать, что если только он не делал таких вещей по чистой глупости, то значит он поступал так в надежде привлечь к себе внимание и заслужить милость императора. Думаю, что о Бакунине можно сказать: он не продался, потому что его не купили, если только и в самом деле его не купили.

2) Прилагаю Ваши русские оттиски — они взяты из второго номера «Народной расправы», появившегося в Женеве *в декабре 1869 г.*, хотя в заголовке сказано: «Петербург, *зима 1870 года*». Это оттиски из статьи, озаглавленной: *«Главные основы будущего общественного строя»* со следующей заметкой в примечании:

* — «в этом большая заслуга принадлежит мне» (*Вергилий.* «Энеида», книга вторая). *Ред.*

«Подробное теоретическое развитие основных *наших* принципов читатели найдут в опубликованном нами произведении: «Манифесте Коммунистической партии»; здесь мы главным образом *объясняем практический путь реализации»*.

Они действительно перевели «Манифест Коммунистической партии» [55] и издали его на русском языке в числе прочих брошюр — какая честь для Вас; эти мошенники присвоили себе таким образом программу, которую они исказили и истолковали на свой лад в статьях, подобных той, оттиски которой Вы мне даете. — Ваше имя нигде не упоминается. — Впрочем, я упомянул и об этих оттисках в своей докладной записке, там, где я говорю об *оценщиках* (смотри 2-й номер *«Народной расправы»)*. — Теперь нужно заметить, что Бакунин безусловно будет отрицать всякое *родство* с этими *«Основами будущего»;* но надо его предупредить, указав, что *номер 2* появился *до* брошюры Бакунина, озаглавленной: *«К офицерам русской армии»*, и в этой брошюре (кое-какие выдержки из которой я Вам послал в маленькой тетрадке) Бакунин *опирается* на *программу* общества «Народной расправы», заявляя:

«*Комитет* вам известен: *во-первых, по своей программе, столь определенной и ясной, обнародованной им* и объясняемой еще *подробнее* каждому вновь вступающему в организацию. Во-вторых, он» (комитет) «рекомендуется вам тем безусловным доверием» (без всяких условий), «которое имеют к нему известные вам и *уважаемые* вами лица» (так Бакунин говорит о самом себе), «доверие, которое *заставляет* вас *вступить* именно в эту» (нечаевскую), «а не в *другую* организацию» (стр. 8 брошюры) [154].

Под этой ясной и определенной программой подразумеваются именно эти *«Основы»*, так как *катехизис* [155], перевод которого у Вас имеется, не был *опубликован*.

3) Чтобы покончить с этими публикациями, я должен прибавить, что я нигде не говорю о другой его, Бакунина, брошюре, которая называется *«Наука и революционное дело»;* она была издана в то же время, что и все брошюры, исходившие от бакунинско-нечаевского комитета зимой 1869—1870 г.; я обошел эту брошюру, так как критика всех абсурдных утверждений, которые в ней содержатся, отняла бы слишком много времени, — надо заметить лишь следующее: предаваясь в ней всяческим философским размышлениям sui generis *, он приходит к выводу о необходимости *организации* для русской молодежи и в качестве образца этой организации предлагает *Международное Товарищество;* таким образом, он *умышленно смешивает* Международное Товарищество со своим тайным обществом.

Если Вы хотите, я пришлю Вам также и эту брошюру, но читать ее — потерянное время. — Обращаю Ваше внимание на некоторые статьи,

* — особого рода. *Ред.*

опубликованные в «Tagwacht» [156] *одним русским; я не знаю его имени*, но в ней есть хорошие вещи.

4) Вы просите у меня сведений о лицах, подписавших смехотворную реабилитацию Бакунина в «La Liberté» [157]. Первый — *Николай Огарев* — должен быть Вам *известен* — это друг детства и политический единомышленник Герцена, *его соиздатель*, в настоящее время он уже несколько лет страдает эпилепсией, полусумасшедший, почти идиот; он был также одним из *орудий* Нечаева и Бакунина и принимал участие во всех их изданиях. Это главным образом он поддержал настояния Бакунина, чтобы Герцен передал ему и Нечаеву *20 тысяч франков*, оставленных в 1859 или 1860 г. одним молодым русским * Герцену на *пропаганду* в России [22]. *Герцен* постоянно отказывался передавать эти деньги кому бы то ни было, несмотря на то, что в *России* они иногда были *крайне* необходимы (*между нами*, хотя бы для спасения Чернышевского), однако он отдал их Бакунину и Нечаеву — и, расточая бесцеремонно именно эти деньги, указанные мошенники организовали свой заговор. В томе, где он наносит Вам оскорбления, имеется статья Герцена относительно *этих денег*, в которой он, говоря неправду, оскорбляет молодых людей, обращавшихся будто бы к нему за этими деньгами; он заканчивает статью утверждением, что якобы он не захотел никому отдать эти деньги [158], но *забыл* при этом добавить, что целиком передал их Бакунину, Огареву и Нечаеву. — Этим объясняется подобострастная симпатия к Герцену, проявляемая Бакуниным и Нечаевым в своих ультрареволюционных писаниях. Впоследствии Нечаев поссорился с Бакуниным из-за этих денег и в своей газете «Община», издававшейся в Лондоне (вышло только 2 или 3 номера), *публично потребовал* от Бакунина возвращения задержанных им денег! Кажется, я упомянул об этом факте в конце своей докладной записки. — Я упоминаю в ней также одно *стихотворение* Огарева, имеющее целью обессмертить Нечаева, описав его мнимую смерть в Сибири [159].

Второй — *Владимир Озеров* — *один* из наиболее подлых негодяев в *Альянсе;* он был адъютантом Бакунина во время его *лионской кампании* [160] и однажды явился ко мне извиняться за все прошлое и попросил раздобыть для них *100 тысяч франков*, чтобы *спасти* Францию (это было во время войны). Он удовлетворился 100 франками, которые, сознаюсь, я имел глупость дать ему тогда, но не для спасения Франции, а для того, чтобы накормить тех, кто по милости этих людей был брошен в тюрьму в Лионе. — Позже, во время Коммуны, он явился к нам и клялся, что хочет действовать вместе с нами, чтобы подготовить восстание в Лионе; он

* — Бахметьевым. *Ред.*

предал нас, рассказав все Альянсу, и совместно с Г. Бланом и Ришаром посылал через Альбера Леблана прокламации из Женевы в Лион за подписями многих лиц без их разрешения. — Альбера Леблана арестовали — неизвестно, по чьему доносу (я не говорю, что доносчиком был Озеров, нет!), — и в руках полиции оказались документы с подписями, компрометировавшими многих лиц, ничего обо всем этом не знавших. Именно это было причиной провала лионского восстания, и в этом деле Озеров сыграл подлую роль.

3) Ралли, Смирнов, Эльсниц, Гольстейн — молодые люди, бежавшие из Москвы и Петербурга, потому что они были замешаны в деле Нечаева; в бегстве не было необходимости, так как обвиняемые их категории были освобождены. Из этих четырех только Эльсниц до нападения на меня считался честным человеком, — и лишь этим летом он объявил себя сторонником Бакунина; это единственная потеря, ибо говорят, что он был серьезный и усердно занимавшийся юноша. Впрочем, я не говорю, что он принимал участие в нападении на меня, но знаю, что он не пожелал осудить это нападение, наоборот, он его одобрял (да ну его к черту — не стоит им заниматься, достаточно уж того, что эти молодые люди принадлежат к банде Нечаева).

Затем, *Гольденберг,* которого я не знаю; мне известно, что он негодяй из той же банды, но в списке цюрихских студентов он числится *сербом.* — Вот, кажется, все.

5) *Нечаев* был недавно *выдан* русской полиции [161] — иначе и быть не могло, так как, безусловно, убийство Иванова нельзя считать политическим делом. Иначе они способны были бы убить и Вас во время Гаагского конгресса и заявить, что это *политическое* убийство!

Посылаю Вам брошюру, опубликованную Бакуниным во время процесса... В цитатах, которые Бакунин приводит из речи прокурора, есть *передержки:* прокурор не говорил, что *все обвиняемые* отмечают громадную энергию Нечаева; наоборот, прокурор говорит, что все показания свидетельствуют о том, что он прибегал к обману и мошенничеству, и только *один-единственный* обвиняемый упорствует в своем слепом доверии. — Кроме этого, надо заметить, что прокурор *в отсутствии Нечаева* имел *задание раздуть все дело до размеров подлинного политического заговора:* целью правительства было воспользоваться этим случаем, чтобы погубить сотню молодых людей, осудив их как политических преступников. Вместо того чтобы хвастаться этим, бакунистам следовало бы молчать и не признаваться, что они сыграли на руку правительству, предоставив ему *случай* осудить столько молодых людей. — Вообще, было бы *серьезной ошибкой* пытаться представить Нечаева в виде героя — он был скорее сумасшедшим (посмотрим *еще,* не русский ли он

агент — выдача ничего не означает), и *надо было бы разделаться с ним, сделав его смешным,* ибо в противном случае он будет еще оказывать весьма губительное влияние на бедную русскую молодежь — необразованную и варварскую; и Вы увидите еще, что старый мошенник Бакунин будет *спекулировать* на *несчастье* своего молодого *соучастника* Нечаева и попытается *возбудить* молодежь против всех нас. — Можно будет сказать, что мы не хотели предавать *гласности* все это дело, пока не был еще решен вопрос о выдаче, чтобы не давать ложных *предлогов* нашим противникам; а теперь нужно высмеять обоих героев, настаивая на том, что жалкий, скудоумный глупец Нечаев был только *марионеткой* в руках Бакунина — это будет истиной, — надо устроить так, чтобы вся *гнусность* этого дела пала на Бакунина, надо сделать его *виновником* той кары, которой подвергается глупец Нечаев.

5) Вы спрашиваете у меня о некоторых подробностях относительно преступников, покушавшихся на мою жизнь; я не могу больше ничего добавить — в моем первом (после нападения) длинном письме сестре Тусси я сообщил все известные мне подробности *; мне кажется, я сказал, что шпион *Стемпковский,* тот, который донес на Нечаева и который был его лучшим другом, равно как и другом Бакунина, — этот шпион, *по всей вероятности,* был в числе лиц, напавших на меня!

6) Сегодня вечером выходит наконец «Égalité»; я сделал все возможное, чтобы в ней было высказано в конце концов ясное и определенное мнение о Гаагском конгрессе; мне, правда, было *предложено* сделать этот номер, но при условии *не касаться личностей* и говорить только о *принципах.* Какой идиотизм, что этим людям непонятна необходимость раз и навсегда покончить с отдельными лицами, но что поделаешь — здоровье не позволяет мне посещать Тампль Юник [97], и я вынужден время от времени собирать у себя несколько человек. — Поведение *англичан* и перенос местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк вызвали здесь у некоторых подозрительные колебания; они хотели, чтобы газета ничего не говорила о конгрессе. — Я сказал тогда кое-кому, что если Федеральный комитет окажется до такой степени малодушным, то я найду в себе достаточно сил, чтобы явиться в Тампль Юник и поднять там бурю; меня энергично поддержали Бернар и Дюваль, и Федеральный комитет в конце концов единогласно проголосовал за выпуск номера, посвященного конгрессу, и принял мои статьи в том виде, в каком Вы их увидите в «Égalité» [162] — это во всяком случае лучше, чем ничего. Теперь не может быть никакого сомнения, что Федеральный комитет будет решительным сторонником Генерального Совета в Нью-Йорке, его

* См. настоящий сборник, стр. 249—256. *Ред.*

обязывает к этому данный номер «Égalité», и члены комитета приходили ко мне, чтобы сказать о своем намерении обратиться в Лондон и Нью-Йорк с просьбой поддержать *материально* «Égalité» — путем *подписки*, ибо иначе она перестанет выходить: с прошлого года, с тех пор как ввоз ее во Францию был запрещен, стало трудно покрывать расходы по печатанию. В самом деле, нам следовало бы иметь много подписчиков в Англии и в Америке, тогда газета могла бы преуспевать, а взамен она обязалась бы выполнять роль *официального органа* Генерального Совета, то есть печатать все, что ей присылали бы из Лондона и Нью-Йорка. — Я только повторяю здесь рассуждения членов Федерального комитета: они говорят, что «Égalité» остается *единственным французским* органом *подлинного* Интернационала, и это в самом деле так, и было бы печально, если бы она перестала выходить. — Перре и другие просили меня написать Вам об этом, я отказался, заявляя, что это их дело и я не хочу вмешиваться в их отношения, так как рассчитываю вскоре уехать отсюда... Тогда они решили, кажется, написать Энгельсу и Зорге.

Все они здесь надеются, что Ваш доклад об *Альянсе* * и т. д. появится на *французском языке*, о чем я уже говорил своей сестре Тусси; они говорят, что доклад гораздо более важен для Швейцарии и Франции, чем для Англии, а что касается Германии, то «Volksstaat» поместит его перевод. Мы, конечно, предоставили бы столбцы «Égalité» для этого *доклада*, но у нас нет уверенности, когда «Égalité» сможет выйти, и, кроме того, *доклад* займет, без сомнения, больше одного номера.

Мне пришла в голову такая *комбинация:* если у нового Генерального Совета найдутся средства (деньги) для издания доклада по-французски и если бы Вы считали, что он мог бы приобрести более *официальный* характер, будучи вначале напечатан в официальном органе Интернационала, то можно было бы поступить таким образом: надо было бы оплатить номер или, вернее, *двойной номер* «Égalité», который был бы тогда целиком заполнен только Вашим докладом, и немедленно вслед за этим тот же набор мы выпустили бы в виде брошюры. — Все вышесказанное сводится к тому, что *страницы* «Égalité» всегда могут быть в вашем распоряжении, но следует учитывать расходы по печатанию.

7) Сегодня утром ко мне явился один француз, *делегат* из Парижа и Лиона; бедняга послан сюда, чтобы *осведомиться*, *уяснить*, с кем им следует *идти:* с Нью-Йорком, *или* с Женевой, *или* с *Юрской федерацией*, *или* с Ранвье, Вайяном и К°? — Я ему сказал, что Нью-Йорк и Женева — это *одно и то же*, а все остальные — противники Интернационала.

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

Он придет сегодня еще раз досаждать мне, затем пойдет в Тампль Юник, а завтра вечером снова придет ко мне с членами Федерального комитета. Если я узнаю от него что-нибудь интересное, обязательно сообщу об этом в письме к сестре Тусси. Пока что мне стало известно следующее: 1) Ранвье, Вайян и К° *готовятся* выпустить *манифест с целью объяснить*, почему они отошли от конгресса (!!), и заявить об основании политического общества. 2) До того, как был созван конгресс, *Ранвье* направил в Париж письмо, в котором убеждал парижан не доверять Серрайе и называл Серрайе реакционером! 3) И также еще до *конгресса* явился туда один делегат, *поляк, без ноги*, чтобы от имени *Юрской федерации* предложить парижским членам Интернационала объявить себя противниками Лондона и присоединиться к Юрской федерации для образования контринтернационала; но его выставили за дверь... Поверьте, вызывают отвращение все эти гнусности!

Ну, кажется, я рассказал на этот раз все, и даже больше того. Благодарю Энгельса за присылку резолюций, я воспользовался бы ими еще «в момент сдачи номера в набор», но, к сожалению, он послал их на адрес Тампль Юник, и только *вчера* заведующий редакцией «Égalité» принес мне два письма с резолюциями.

А теперь, когда я покончил с *официальной* частью, разрешите мне, дорогой учитель, выразить Вам мою самую горячую признательность за дружеские и сочувственные слова по моему адресу, содержащиеся в Вашем письме [71]. Вы не поверите, как меня подбодрило Ваше доверие, хотя — и это не пустая фраза — я далеко не достоин его и чувствую, что не заслужил этого. Добросовестно изучая в настоящее время Ваш труд, я все более и более убеждаюсь в своем глубоком невежестве и вижу, как много еще мне предстоит учиться, прежде чем удастся чего-либо достигнуть. — Но мадемуазель Дора сильно *преувеличила*, если осмелилась заявить Вам, что я очень много работаю; как раз наоборот, меня весьма огорчает то, что состояние моего здоровья и глаза нередко вынуждает меня бездельничать до такой степени, что приходится отказываться от предложений ряда русских газет. Что касается финансового положения, то — нет худа без добра! — Случай с покушением на меня бакунистов «вновь пробудил лучшие чувства моей семьи» (выражаясь в стиле буржуа), и, действительно, я получаю *субсидии* из дому, — без этого я не смог бы существовать; моя болезнь вынудила меня *согласиться* с такого рода средствами существования, после того как в течение продолжительного времени я привык уже самостоятельно и вполне достаточно зарабатывать себе на жизнь. Таким образом — хотя *субсидии* не столь уж *грандиозны*, что соответствует состоянию моего отца, — недостатка в самом необходимом я больше не испытываю, меня тяготят лишь долги,

которые я наделал за шесть месяцев безработицы (с декабря по июнь); кроме того, врачи и лекарства очень дорого стоят. — Извините за эти подробности, но мне хотелось высказать все это Вам — Вам одному (то есть Вашей семье), так как я не хочу прослыть в Ваших глазах жертвой, не являясь больше ею. Разумеется, у меня нет средств на поездку в Италию, как это рекомендуют врачи, но вполне возможно также, что через некоторое время я смогу работать как следует, буду достаточно зарабатывать и тогда постараюсь покинуть Женеву — это *гнездо, где плетется сеть самых грязных сплетен,* где на моих глазах запутываются в собственной лжи даже наиболее надежные люди — они компрометируют самих себя и кончают тем, что компрометируют то дело, которому они искренне служат!

Может быть, в другой раз мне удастся с Вами об этом поговорить, — я все еще надеюсь, что мы скоро увидимся, ведь, в конце концов, у меня не *чахотка,* а только *катар* горла, который мучает меня восемь месяцев, но я был уже на пути к выздоровлению, когда убийцы, напавшие на меня, вынудили меня слечь в постель и лечить глаз посредством холода, что вновь вызвало простуду в груди; теперь, когда я не занимаюсь больше *ораторским искусством,* надо надеяться, что я вылечусь. — Я питаю отвращение к Италии и хотел бы спросить у Вас — Вы ведь хорошо знаете Англию и не являетесь врачом ex-professo * (что служит гарантией беспристрастного совета), — нет ли в Англии *мест* с теплым климатом, которые могли бы заменить Италию. Я знаю *Торки,* но мне кажется, что есть места более теплые, чем Торки, тогда я предпочту в один прекрасный день отправиться туда, вместо того чтобы влачить жалкое существование в Италии. — У меня к Вам еще одна просьба: очень давно — еще в России — я читал Адама Смита и Рикардо и считаю, что было бы полезно перечитать их и что это будет для меня совсем *новым* делом — за десять лет в моем возрасте забывают прочитанное тем скорее, чем хуже оно было усвоено. — Не будете ли Вы так добры *указать мне,* каким *изданием* мне следует пользоваться для моих занятий и не *предпочтительно* ли читать этих авторов *по-английски?* В последнем случае я попрошу мадемуазель Дору достать их и прислать мне. — И раз уж мы заговорили об этом, я еще раз хочу злоупотребить Вашей добротой и попросить указать мне добросовестный труд — если таковой имеется — по *аграрному вопросу* в Англии и Ирландии — у меня просят из России статьи на эту тему. Вам известно, что сейчас в России ставят вопрос об *индивидуальной* земельной собственности и хотят упразднить общинное, или коллективное, *владение* землей, следовательно, мы окажем народу

* — по профессии. *Ред.*

большую услугу, вновь и вновь доказывая на примере Англии и Ирландии, к чему приводит крупная индивидуальная собственность. Изучению именно этого вопроса посвятил себя Чернышевский, и эту работу необходимо возобновить, — я считаю себя поэтому вправе обратиться по этому поводу к Вам, ибо к кому же еще, кроме Вас, мне обращаться?!.

Я горю желанием узнать, что это за *рукопись* Чернышевского[34], которую Вы обещаете мне выслать! Если это важная вещь, то мы всегда найдем средства напечатать ее, — у нас здесь есть *шрифт*, а что касается расходов по печатанию, на бумагу и оплаты за труд, то можно будет *объявить* подписку — деньги найдутся, и я счастлив, что эта рукопись не попала в лапы жалким бакунистам.

Все еще не могу закончить это столь длинное послание. Мне остается сказать еще две вещи.

1. Передать Вам и всем Вашим привет от сестры Элизы *. Похоже, что полиция оказалась еще *более подлой*, чем я думал, и бедное дитя шесть месяцев не получала от меня ни строчки, хотя за последнее время я написал ей два пространных письма. Она решилась тогда прибегнуть к телеграфу, и на прошлой неделе я получил от нее длинную телеграмму, извещавшую меня о ее желании возможно скорее *вернуться* at home **, то есть в Европу, к нам. Разумеется, я ей ответил, что все будут рады вновь увидеть ее; не знаю, получила ли она мою телеграмму, может быть, она уже в пути... (между нами).

2. Теперь перейдем к мадемуазель Доре (Вы должны признать, что расстояние довольно большое) — она бомбардировала меня письмами, исполненными самой горячей благодарности к Вам и Вашей семье, и я должен поблагодарить Вас за нее и извиниться, что по моей милости она причинила Вам столько беспокойства. Что же касается ее самой, то я пишу ей, что наилучший способ выразить Вам свою благодарность — это постараться стать серьезной сторонницей наших идей и наших устремлений.

В заключение прошу извинить меня за неприличную длину этого письма и верить в неизменную преданность того, кто был бы счастлив назвать себя когда-нибудь Вашим настоящим учеником.

Николай

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Полностью публикуется впервые

* — Томановской. *Ред.*
** — домой. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 28 октября (9 ноября) 1872 г.

Милостивый государь!

Согласно Вашему пожеланию в конце августа Вам было послано интересовавшее Вас письмо *. Тот, кто предоставил его, просил сообщить ему, получили ли Вы это письмо? Так как у нас нет об этом никаких сведений и мы поэтому опасаемся, не пропало ли оно на почте, между тем как при случае оно может нам пригодиться, то мы просим сообщить нам, получили ли Вы письмо. Если получили, то мы очень хотели бы знать, оказалось ли оно Вам полезным, и вообще, в каком положении находится все это дело.

Очень благодарен Вам за первый выпуск французского перевода **. Прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне, *где* появятся рецензии на него. — На днях я надеюсь послать Вам написанную одним русским экономистом критику этого труда (рукопись) [163].

С глубоким уважением

Н. Д.

В том случае, если Ваше письмо, возможно, меня не застало, старый адрес остается в силе.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

А. В. КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (ЖАКЛАР) — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Цюрих, 12 ноября 1872 г.

Милостивый государь!

Весьма сожалею, что из-за своего отсутствия в Берне я не получила вовремя Ваше письмо. Поэтому прошу извинить меня за то, что я не ответила Вам раньше.

Очень признательна Вам за ту честь, которую Вы столь любезно оказали мне, прислав одну из частей Вашего труда **, а также Вашу фотографию.

* См. настоящий сборник, стр. 257—260. *Ред.*
** — первого тома «Капитала». *Ред.*

Но я в совершенном отчаянии из-за того, что не могу послать Вам экземпляр перевода, поскольку *сама не имею* ни одного[164]. Единственный экземпляр, которым я располагала, попал в руки версальской полиции. К тому же этот перевод был сделан с 1-го издания и вряд ли мог Вам пригодиться. С тех пор я ограничилась переводом некоторых отрывков, необходимых мне для одной критической работы, которую я намеревалась опубликовать. Именно эту последнюю работу я предложила одному брюссельскому издателю. Впрочем, прежде чем обратиться к издателю с целью опубликования перевода Вашего труда, я не преминула бы соблюсти самые строгие меры приличия, посоветовавшись сначала с Вами.

Что касается издания произведений Чернышевского, то я попыталась получить интересующие Вас сведения. Но те лица, которые, казалось, должны быть наиболее информированы в этом вопросе, ограничились тем, что ответили мне, что они ничего об этом не знают и эта публикация окружена совершенно непроницаемой тайной.

Примите, милостивый государь, выражение моих самых лучших чувств, а также искреннее сожаление, которое я испытываю в связи с тем, что фактически оказалась не в состоянии удовлетворить Вашу просьбу.

А. Жаклар-Корвин

Впервые опубликовано в книге: И. С. Книжник-Ветров. «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны», 1964 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 25 ноября 1872 г.

Дорогой друг!

Пересланное мне письмо пришло вовремя и сделало *свое дело*[165].

Если я не написал Вам ранее и если даже теперь посылаю лишь эти несколько строк, то только потому, что хотел бы получить от Вас другой, если возможно, *строго коммерческий адрес*, по которому я мог бы писать Вам.

Выдача Нечаева[161] и интриги его учителя Бакунина заставляют меня сильно беспокоиться за Вас и за некоторых других друзей. Ведь эти люди способны на всякую подлость.

Я не могу в достаточной мере выразить мою благодарность за то внимание к моим произведениям и моей работе, которые проявляете Вы и другие мои русские друзья.

Искренне Ваш

А. Уильямс

Пожалуйста, ответьте на эти строки возможно скорее.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 453

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 21 ноября (3 декабря) 1872 г.

Милостивый государь!

«Наш общий друг» *, между прочим, пишет:

«Друзья, не знаю, известно ли Вам, что в ночь со второго на третье августа я покинул Иркутск, чтобы больше туда не возвращаться. Но... после десяти неудавшихся попыток путешествовать комфортабельно я наметил план, на который мои друзья смотрели как на безумный. Этот план требовал от меня смелости, физической силы, выдержки, крепкого здоровья и еще раз смелости...»

«Раздобыв ружье, я отправился на двухвесельной лодке (душегубке) вниз по Ангаре. Я греб изо всех сил, так что делал по 70, 80, 100 и даже 120 верст в один день. Ночи я проводил либо на островах, либо в прибрежной тайге, а затем и в глухих деревушках. Питался я либо взятой с собой провизией, либо тем, что добывал своим ружьем, либо черным хлебом, который покупал. Целые дни я проводил под лодкой, укрываясь от ливней. Я выступал под разными именами и профессиями. Счастливо миновав все знаменитые пороги Ангары, пройдя среди оглушающего шума воды, окруженный огромными волнами, окатывавшими мою лодку снизу доверху, между скал, которые возвышались со всех сторон, я достиг наконец реки Енисея, проделав за 24 дня 2 500 верст. Тут я решил пробраться через тайгу на так называемый Староачинский тракт. Мне довелось в течение короткого времени встретить свежие следы не менее десятка медведей; мучимый всевозможными насекомыми, я благополучно добрался до Западной Сибири и 2 сентября был уже в Томске. Эта удача внушила мне такую самоуверенность, что я в течение пяти дней своего пребывания в Томске совершенно не менял своей наружности и ходил по городу столь же беспечно, как в Париже и Лондоне. В результате 6 сентября я был арестован среди бела дня на главной улице...»

. . . .

«Когда подумаю, что я мог бы теперь быть в Лондоне!.. О чем я еще очень сожалею, так это о своем дневнике, который я вел во время моего путешествия и который наряду с некоторыми юмористическими заметками содержал много записей,

* — Лопатин. *Ред.*

касающихся географии, этнографии, филологии, естествознания, политической экономии, политики и т. д.»

. . . .

Он находится теперь в Иркутске.

Если Вы не желаете пользоваться теперешним адресом, то пишите по старому, он вполне надежен (то есть г-ну Стулову, Государственный банк).

Здесь все *спокойно* (что касается Бакунина).

С нетерпением ожидаю Вашего ответа на мои прежние письма. О здешних делах в другой раз.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 12 декабря 1872 г.

Дорогой друг!

Из прилагаемого Вы ознакомитесь с результатами Гаагского конгресса [166]. На заседании комиссии по расследованию деятельности Альянса я прочел письмо к Любавину под большим секретом и не назвав имени адресата [165]. Однако тайна не была сохранена, во-первых, потому, что в состав комиссии входил бельгийский адвокат Спленгар, который был в действительности просто агентом альянсистов, а во-вторых, потому, что *Жуковский, Гильом* и К° — в качестве предупредительной меры — заранее рассказывали направо и налево обо всем этом деле, конечно, *на свой лад* и в апологетическом освещении. В результате комиссия в своем докладе конгрессу * была вынуждена сообщить относящиеся к Бакунину *факты,* содержавшиеся в письме к Любавину (я, понятно, не назвал его имени, но друзья Бакунина знали об этом еще в Женеве). Спрашивается теперь: *имеет ли право* комиссия, выделенная конгрессом для опубликования протоколов (в ее состав вхожу и я), *использовать это письмо, предав его гласности,* или же нет? Это зависит от Любавина. Однако должен заметить, что со времени конгресса факты эти без всякого нашего

* «Доклад комиссии по расследованию деятельности общества «тайный Альянс»». *Ред.*

содействия давно уже обошли европейскую прессу. Оборот, который приняло это дело, был для меня тем неприятнее, что я рассчитывал на строжайшее сохранение тайны и торжественно требовал этого.

Вследствие исключения Бакунина и Гильома Альянс, в руках которого находились секции Товарищества в Италии и Испании, открыл против нас повсюду кампанию клеветы и т. д. и, объединившись со всякими сомнительными элементами, стремится вызвать раскол на два лагеря. Однако, в конечном счете, его поражение неминуемо и он только поможет нам *очистить* Товарищество от нечистоплотных и тупоумных элементов, которые кое-где затесались в его ряды.

Покушение друзей Бакунина в Цюрихе на бедного Утина — несомненный факт, и состояние его здоровья в настоящее время внушает очень серьезные опасения *. Об этом мерзком поступке уже писалось в нескольких газетах Товарищества (между прочим — в мадридской «Emancipacion»), и о нем будет подробно сказано в нашем публичном отчете о Гаагском конгрессе. Та же шайка негодяев сделала еще две подобные попытки по отношению к своим противникам в Испании. Вскоре она будет пригвождена к позорному столбу перед всем миром.

Судьба нашего милого «общего друга» ** глубоко волнует всю мою семью. У меня есть план помочь ему — дипломатическим путем [167] — из Константинополя. Может быть, это и удастся.

Присланная Вами рукопись все еще находится у меня, так как Утин не в состоянии заняться ее печатанием, а Элпидин принадлежит к той же шайке негодяев. Рукопись очень интересна [34].

С нетерпением ожидаю обещанной критики (рукописной) [163], а также всех печатных материалов, имеющихся у Вас по этому вопросу. Один из моих друзей как раз хочет написать о приеме, оказанном моей книге в России.

Печатание французского перевода *** приостановилось из-за одной досадной случайности, но через пару дней оно возобновится.

Готовится также итальянский перевод.

В заключение еще одна просьба. Мой зять, доктор медицины Лафарг (эмигрант), охотно посылал бы, если это возможно, в какой-либо *русский журнал* и т. п. сообщения или по естественным наукам, или же об общественно-политических событиях в Испании и Португалии (а также во Франции) [168]. Но его материальное положение не позволяет ему делать это даром, и, кроме того, он может посылать свои статьи лишь на французском языке.

* См. настоящий сборник, стр. 249—256. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*

Мне очень хотелось бы увидеть книгу киевского профессора Зибера [31] об учении Рикардо и других о стоимости и капитале, в которой говорится также и о моей книге.

Дружески преданный Вам

А. Уильямс

Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно ее русской формой *.

Еще одно. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе [169]. Но для этого мне нужны фактические данные.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 457—458

Н. И. УТИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Женева], 17 декабря 1872 г.

Дорогой гражданин и друг!

Спешу написать Вам эти несколько слов по просьбе моих друзей из стачечного комитета рабочих ювелирной промышленности.

Они просят у меня адрес нашего друга Лео Франкеля, а так как он изменился, то я не могу его припомнить. Поэтому укажите, пожалуйста, адрес подателям этой записки, отправляющимся в Лондон на поиски работы. Эмиграция стачечников организуется сейчас в большом масштабе, чтобы воздать хозяевам по заслугам. — Сегодня вечером я отправлю Вам пакет с «Égalité» со всеми подробностями. Мы уже давно послали обращение Генеральному Совету в Нью-Йорк и надеемся, что наши американские друзья ответят нам звонкой монетой. Необходимо, чтобы стачку поддержал весь Интернационал: от этого зависит судьба Товарищества в Швейцарии. Это очень важно.

Впрочем, меня торопят; завтра напишу моей сестре ** длинное письмо, а пока что примите мой братский привет.

Ваш *Николай Утин*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 10. *Ред.*

** — Элеоноре Маркс. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 15 (27) декабря 1872 г.

Милостивый государь!

Вы хотите хлопотать за «нашего общего друга» *, используя дипломатические каналы [167]. Мне кажется, однако, что всякое ходатайство, исходящее не от родных, — и тем более от иностранцев,— в состоянии ему только повредить, так как оно *может придать* данной личности *особую важность* в глазах правительства. Но это зависит от средств, какие Вы хотите применить для этого.

Я послал Вам *Зибера* [31] и, кроме того — в качестве материала по вопросу о русской земельной собственности, — *Скребицкого* и книгу *Головачева «10 лет реформ»* [170]. Во избежание всяких недоразумений я должен сообщить Вам, что посылка книг у нас оплачивается только до границы, так что Вы, вероятно, должны будете заплатить за доставку их от границы до Лондона. Тут я ничего изменить не могу. Около двух лет назад я, чтобы избежать этого, по просьбе «нашего общего друга» послал Вашей дочери с одним английским судном некоторые русские оперы; не знаю, получила ли она их. Мне очень хотелось бы знать, какое впечатление произвели на Вас и на Вашу семью эти оперы [171].

Надеюсь, что Ваша просьба касательно Вашего зятя ** может быть выполнена [168]. В один журнал («Знание») можно посылать статьи по вопросам естествознания (условия: 50 рублей за печатный лист оригинальной работы и 35 рублей за лист реферата, компиляции), а в другой — статьи по различным социальным вопросам в Западной Европе. Но непременно требуются пробные статьи.

Что касается данных о жизни и личности Чернышевского, то я попытаюсь раздобыть их и послать Вам. Здесь приходится принимать в расчет те же соображения, что и в деле «нашего общего друга». Мне кажется, однако, что 1) положение Чернышевского не может быть ухудшено; 2) описание его научной и публицистической деятельности не может ему повредить и 3) пора, наконец, придать огласке это возмутительное юридическое убийство.

Обвинение основывалось, между прочим, на одном подложном письме [172]. Ему не разрешили привести доказательства в свое оправдание. Кроме того, ему предъявили обвинение за его произведения (выходив-

* — Лопатина. *Ред.*
** — Лафарга. *Ред.*

шие под цензурой!). Ему ставили в вину связи с эмигрантами, а именно то, что он написал письмо Герцену, в котором призывал его прекратить свою публицистическую деятельность, так как она, по мнению автора, вместо пользы приносит решительный вред[173]. — Я постараюсь достать материалы этого процесса и пришлю их Вам. Боюсь, что не смогу раздобыть достаточно материалов для его биографии. Между прочим, его статьи, вырванные из книжек журналов, составляют 12 томов, и их невозможно собрать. В печати появились его критические, полемические, экономические (которые Вы большей частью получили), исторические, библиографические и т. д. и т. д. работы, и лишь по этим работам можно судить о его большой образованности, эрудиции. Он перевел: «Политическую экономию» Милля, «Историю XVIII века» Шлоссера (причем обещал два тома своих примечаний, чего, к сожалению, не смог выполнить), шесть томов «Всеобщей истории» Шлоссера и часть «Истории XIX века» Гервинуса.

Любавин готов исполнить Ваше желание, то есть согласен на публичное использование письма, но лишь при следующем условии: так как документ был доставлен Любавиным и он при этом выступает в качестве обвинителя; так как он не хочет взять на себя роль анонимного обвинителя; так как он убежден, что подобный документ должен быть напечатан en toutes lettres *, то он хочет, чтобы было напечатано и его имя. Только при этом условии он готов исполнить Ваше желание.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

А. В. КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (ЖАКЛАР) — МАРКСУ В ЛОНДОН

Цюрих, 3 января 1873 г.

Милостивый государь!

Не знаю, как и благодарить Вас за ту честь, которую Вы оказываете, выразив желание прислать мне свой труд **. Мой муж *** ознакомился

* — полностью, дословно. *Ред.*
** — по-видимому, второе немецкое издание первого тома «Капитала». *Ред.*
*** — В. Жаклар. *Ред.*

с материалами, имеющими к нему отношение, и хочет сам ответить Вам по этому вопросу [174].

Примите, сударь, уверение в моем глубочайшем уважении.

Анна Жаклар-Корвин

Впервые опубликовано в книге: И. С. Книжник-Ветров. «Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны», 1964 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 18 января 1873 г.

Дорогой друг!

Вместе с Вашим письмом я получил Зибера, Головачева и пять томов Скребицкого *. Право, мне совестно, что Вы входите для меня в такие большие расходы. Сердечно Вам благодарен!

Оперы тоже были получены своевременно и доставили моей дочери большое удовольствие. Но она думала, что они были посланы ей одной знакомой русской дамой, и теперь просит меня передать незнакомому ей отправителю свою искреннюю благодарность.

Редакция «Знания» * еще раньше обращалась ко мне с просьбой о сотрудничестве **, но у меня нет времени для такого рода работ. Что касается Лафарга, то он пошлет через Вас пробную статью.

Что касается Чернышевского, то целиком зависит от Вас — буду ли я говорить только об его научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности. Во втором томе моего сочинения *** он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна.

Относительно общего друга **** Вы можете быть уверены, что если я предприму какие-либо шаги — пока я все еще ожидаю некоторых сведений по этому вопросу из Константинополя, — то они будут такого характера, что не скомпрометируют его или еще кого бы то ни было.

Что касается Любавина, то я предпочту скорее изъять всю эту часть из готовящихся к печати материалов расследования, чем подвергнуть

* Это слово написано Марксом по-русски. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 180. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*
**** — Лопатина. *Ред.*

его малейшей опасности. С другой стороны, смелость, быть может, — наилучшая политика. Судя по одной вещице, выпущенной Бакуниным в Швейцарии не от собственного лица, а от имени нескольких его славянских друзей [157], они намереваются представить *свой собственный отчет* о всей этой истории, как только *обстоятельства* позволят им сделать это. Развязность их сообщников в Гааге была умышленной и, как я предполагаю, являлась своего рода запугиванием.

С другой стороны, я не могу судить о том, к каким последствиям может повести опубликование этих материалов, а потому желал бы, чтобы наш друг сообщил мне через Вас свое окончательное решение, после того как он еще раз спокойно *продумает* этот вопрос.

Второй выпуск французского перевода * выйдет только через несколько дней. Задержки вызываются всякого рода случайностями, которые при существующем в настоящее время в Париже осадном положении затрудняют всякое дело. Исправление самого перевода требует от меня неимоверной работы. Мне стоило бы, вероятно, меньше труда, если бы я с самого начала сделал весь перевод сам. И притом в результате такого рода улучшений, сделанных в виде заплат, работа всегда выглядит плохо.

В последних номерах парижского «Economiste» за прошлый год опубликована рецензия Блока на мою книгу; она служит новым доказательством полной деградации теоретических представителей буржуазии.

С наилучшими пожеланиями к Новому году
дружески преданный Вам

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 468—469

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 16 (28) января 1873 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю Вас за 5—6 выпуски «Капитала», я получил их из цензуры.

* — первого тома «Капитала». *Ред.*

Что касается опубликования письма, то дело обстоит по-прежнему: Любавин настаивает на том, чтобы его имя было напечатано. Если у Вас есть под рукой газеты, в которых публикуется эта история, то я прошу Вас вырезать статью и переслать мне.

Мне очень жаль, что я не могу сдержать свое обещание и прислать Вам работу Юлия Жуковского о «Капитале» [163]. Так как автор вынужден отказаться от литературной деятельности, то он уничтожил все свои рукописи.

Около двух лет назад «наш общий друг» * просил меня, во время своего пребывания здесь и позже, в письмах *оттуда,* переслать Вашей дочери несколько опер, чтобы тем самым хоть как-нибудь отблагодарить ее за ту помощь, которую она оказала, преподавая ему английский язык [171]. Впоследствии он справлялся, выполнил ли я его просьбу. В следующем письме я передам ему благодарность его бывшей учительницы.

На этих днях я получил письмо от «нашего общего друга», в котором он между прочим сообщает, что, по слухам, Чернышевский *сошел с ума.* Эти слухи, по его мнению, очень правдоподобны, потому что в последнее время Чернышевский был лишен физических удобств (продовольствия, белья и т. д.) — и это в местности, климатические условия которой такие же, как на Новой Земле и Шпицбергене [27].

Чтобы получить фактические данные о жизни Чернышевского, я обратился к его друзьям. Один из его друзей, с ранней юности всегда бывший с ним вместе и поэтому очень хорошо его знавший, боится теперь громко произнести его имя. Но этого мало. Получив в 1866 г. от Чернышевского роман чисто эпического характера, в котором автор относится к своему герою точно так же, как Теккерей к Пенденнису, — роман, рисующий общественное движение 40-х годов в столице и в провинции, впечатление, произведенное на общество Крымской войной, общественное движение, явившееся результатом этой войны, освобождение крестьян и т. д., — этот человек не нашел ничего лучшего, как... сжечь роман!.. [175] И от такого человека я надеялся узнать подробности о Чернышевском! — Другой его друг обещал мне собрать желаемые сведения, но он не ручается, что эти сведения будут полными. Я его особенно просил достать мне сведения о публицистической деятельности Чернышевского, потому что он был дружен с ним как раз в это время. Интересно отметить, какое впечатление он производил на своих литературных противников: все журналы были заняты им, все неодобрительно отзывались о нем. Теперь же, когда его имя появляется в газетах, оно используется только как ругательство...

* — Лопатин. *Ред.*

Я посылаю Вам сатиры Щедрина[176], единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова. Его типы сразу же становятся такими же популярными, как типы Островского и т. д. Никто не умеет лучше его подмечать тривиальные стороны нашей общественной жизни и высмеивать их с большим остроумием. Кроме нечаевского (277) и мясниковского (101) дел, международного статистического конгресса (277—305) и т. д., Вы найдете у него характеристику типа, Вам уже знакомого, но у нас только сейчас появляющегося, — типа умеренного либерала (пенкосниматель у Щедрина) V, IV, представителями которого, между прочим, являются «С.-Петербургские ведомости», «Вестник Европы» и др.; также типа концессионера и т. д.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 марта (1 апреля) 1873 г.

Милостивый государь!

Когда я узнал, что Вы хотите дать описание русских поземельных отношений, я начал собирать сведения, имеющиеся по данному вопросу в русской литературе. Чтение книги *Егера «Современный социализм»* * побудило меня сообщить Вам *исторические* данные по этому вопросу. — Оказывается, это отвечает и Вашему желанию. Но *сейчас* невозможно послать Вам эту полемику; я должен прежде вырвать из журналов соответствующие статьи. Мне кажется, что статья Чернышевского *«Чичерин как публицист»*[178] Вам неизвестна. Это блестящая критическая работа, в которой автор с едким юмором опровергает главные мысли Чичерина. Я Вам пришлю ее вместе с основными трудами о земельной собственности. Историческая сторона этого вопроса сравнительно мало разработана. К сожалению, книгу *Беляева* («Крестьяне на Руси») я нигде не мог найти, а между тем в ней приводится масса интересных фак-

* *Held.* «Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart u. dgl.». Определение социализма у Егера очень забавно по своей наивности[177]. *(Примечание автора.)*

старые, подгнившіе столбы были немедленно замѣнены новыми...

Нынѣ, къ безмѣрной радости охранителей, пробѣлъ, причиненный кратковременнымъ безстолбіемъ, пополненъ. „Чумазый человѣкъ"—въ виду у всѣхъ; человѣкъ свѣжій, непреклонный и расторопный, который, навѣрное, освободитъ охранителей отъ половины гнетущей ихъ обузы. Нѣтъ нужды, что онъ еще недостаточно поскоблился, что онъ не тронутъ наукой и равнодушенъ къ памятникамъ искуства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: распивочно и на выносъ... Охранитель видитъ въ этомъ не препятствіе, но залогъ. Чѣмъ меньше бродитъ въ обществѣ превыспренностей, тѣмъ прочнѣе оно стоитъ — это истина, которая нынѣ бьетъ въ глаза даже булочникамъ. Что такое „общество"?—это фикція и больше ничего. Объ этой фикціи отъ времени до времени упоминается, потому что совсѣмъ забыть о ней какъ-то совѣстно, но въ сущности... Ахъ, тѣмъ-то вѣдь и дорогъ „чумазый человѣкъ", что, имѣя его подъ рукой, обо всѣхъ вообще фикціяхъ навсегда можно забыть, и нисколько не будетъ совѣстно. Ему ни „общество", ни „отечество", ни „правда", ни „свобода"—ничто ему доподлинно неизвѣстно! Ему извѣстенъ только грошъ—ну, и пускай онъ надѣлаетъ изъ него пятаковъ!

Слѣдомъ за охранителями, привѣтствуютъ чумазаго человѣка и публицисты. Никогда не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ. Знаете ли, ради чего поднялась эта суматоха? ради чего такъ усиленно понадобилось ограждать огражденное и разъяснять разъясненное?—все ради васъ, кабатчики и мѣнялы! все ради

кабатъ — широкая и долгая рабочая рубаха, надѣваемая крестьянами сверхъ кафтана.

М. Е. Салтыков-Щедрин. — Страница книги М. Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» с пометками К. Маркса

тов. Кое-что Вы можете найти в работе *А. Славатинского «Дворянство в России»*. Если Вы можете получить «Университетские Известия», Киев, за 1870—1872 годы *, то Вы найдете там статью о крестьянстве в России до царствования Бориса Годунова. Некоторый материал дадут Вам *«История гражданских законов в России» Неволина* и *«Русское гражданское законодательство» Победоносцева* (если они отсутствуют в Британском музее, то я их Вам вышлю). На днях Вы получите полную библиографию по этому вопросу вместе с брошюрами и книгами, которые мне удастся достать. — Но помимо исторической стороны дела интересно проследить причины распада коммуны (общины) в настоящее время, чтобы показать, что освобождение крестьян не имело никакого непосредственного влияния на это (А. Вагнер утверждает, наоборот, в своей брошюре «Уничтожение» [179], стр. 47, что крепостное право и община тесно связаны между собой и уничтожение первого влечет за собой распад последней). В своих прежних письмах я имел случай указать на некоторые условия, вызывающие это явление.

С глубоким уважением

Н. Д.

Чернышевский, родившийся в Саратове в 1828 г. **, был сыном священника. Он воспитывался в Саратовской духовной семинарии. Его отец, хорошо знавший языки, передал эти знания и сыну. Неудовлетворенный теми знаниями, которые давала семинария, Чернышевский ушел из нее в возрасте 16 лет и поступил в Петербургский университет. В Петербурге он познакомился с Введенским, переводчиком Диккенса, который оказал некоторое влияние на его развитие, познакомив его с иностранной литературой. К этому времени относится сделанный им перевод повести *«Семейство Доддов за границей»* [180]. Посещая филологический факультет, он продолжал свои лингвистические занятия. 1847 год явился годом кризиса в его духовной жизни: так как филология его больше не удовлетворяла, то он взялся за изучение политической и общественной жизни Западной Европы; свои университетские занятия он продолжал с меньшим усердием, чем раньше. 1848 год оказал на него очень большое влияние; в то время он имел обыкновение посещать кофейни, чтобы читать иностранные политические газеты. В 1850 г. он окончил университет. Написанная им для получения степени магистра диссертация («Эстетические отношения искусства к действительности», СПб., 1855 г. *** — ее

* Здесь они запрещены. *(Примечание автора.)*
** В оригинале ошибочно: 1830. *Ред.*
*** В оригинале ошибочно: 1856. *Ред.*

теоретическая основа стала исходным пунктом для деятельности Чернышевского и Добролюбова как критиков) была отвергнута университетом. — По окончании университета он постепенно перестал заниматься филологией, с тем чтобы приняться за немецкую философию, экономические и политические науки. Все же его первые печатные работы — филологического содержания, а именно: *«О взаимоотношении между славянским языком и санскритским»*, а также разбор филологической деятельности Гильфердинга («Отечественные Записки», 1853 г.). В 1850 г. он занял должность учителя русского языка в кадетском корпусе, где оказал большое влияние на других преподавателей. О влиянии какой-либо отдельной личности на него не может быть и речи; лица, знавшие его, утверждают, что он превосходил всех в тех кругах, где он бывал; все изумлялись его образованности. В 1852 г. он был вынужден, по семейным обстоятельствам, вернуться в Саратов, где занял место учителя гимназии. В 1853 г. вернулся в Петербург и принял деятельное участие в «Отечественных Записках» и «Современнике». С 1855 г. «Современник» выходил под его редакцией, следуя его программе. В 1858 г. он объединился с Добролюбовым [181]. В июне 1862 г. он был арестован по обвинению в государственной измене на основании анонимного письма [182]; в марте 1864 г. был вынесен приговор, согласно которому он был сослан в Сибирь на семь лет каторжных работ.

Как Вы видите, эти сведения весьма недостаточны. Их нужно дополнить данными: 1) о его духовной жизни, 2) о его литературной деятельности и 3) о его процессе. Что касается первого пункта, то мне *обещали* достать его переписку; что касается литературной деятельности, то одно лицо, очень хорошо знавшее Чернышевского, обещало мне дать описание соответствующих фактов.

Вполне достоверная биография Чернышевского напечатана в «Колоколе» Герцена (1864 г.) [183]. Здесь достать номера этого года невозможно.

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 22 марта 1873 г.

Милостивый государь!

Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне *кое-какие сведения* о взглядах Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике на эту тему с Беляевым [184]. Вопрос о пути, которым эта форма собственности образовалась (исторически) в России, является, конечно, второстепенным и не имеет ничего общего с вопросом о значении этого института. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и др., используют это оружие, предоставленное в их распоряжение Чичериным [185]. В то же время все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России этот институт был введен просто как фискальная мера, как сопутствующее явление крепостничества, тогда как во всех других странах этот же самый институт возник естественным путем и представлял собой необходимую фазу развития свободных народов?

Искренне преданный Вам

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 482

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ [186]

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) мая 1873 г.

Милостивый государь!

У *Беляева*, книга которого *«Крестьяне на Руси»* является лучшей монографией о социальном положении крестьян в ходе исторического развития, на мой взгляд, много недостатков. Прежде всего я назову славянофильство автора, которое затемняет взор его и мешает ему видеть отношения такими, какими они были. Например — эпоха Ивана IV. Но об этом позже. 2) Далее, как заметили уже его рецензенты Устрялов и Вешняков [187], он написал не историю крестьян вообще, а историю крепостного права. 3) Излагая историю на свой лад, он сообщает главным образом только факты, без всякой связи их с другими социальными явле-

ниями. Он почти никогда не указывает на общие причины, имевшие те или иные последствия. Так, например, у него не найдешь даже названия монголов, в то время как этот народ, произведший переворот во всей жизни русских, оказал известное влияние и на жизнь крестьян. Как мы увидим впоследствии, монголы, перенесшие на русскую почву свои государственно-правовые идеи, совершили действительно радикальный переворот в земельных отношениях. Но Беляев, повторяю, ничего даже не упоминает о монголах. Несмотря на его ошибки, история Беляева до сих пор наилучшая в своем роде.

Не довольствуясь знакомой мне литературой по этому вопросу (см. ниже), я попросил нашего историка Костомарова назвать мне источники. Обратив его внимание на мои вышеуказанные замечания, я добавил к этому, что Беляев очень точно описывает положение общины в XVI в., но ничего не говорит о ее положении в XVII и XVIII веках. *Костомаров* ответил мне на это:

«Этот вопрос не был разработан, и вообще вопрос о земельной общине еще ждет своего историка».

Я: Беляев не говорит ничего о том, как повлияли на земельные отношения крупные политические события. Так, например, у него нигде нет указаний о воздействии на эти отношения монголов, между тем у Неволина я нашел замечание, что монголы, вместе с завоеванием России, внесли в русскую жизнь «начала своего государственного права, по которому вся земля, находившаяся под властью хана, *была его собственностью». (Неволин. «История гражданских законов»,* т. IV, стр. 136, 151.)

Костомаров: «Это *бесспорно: русское государственное право — монгольского происхождения».*

Я: Беляев рассматривает Ивана IV как царя, при котором крестьянская община пользовалась очень большой самостоятельностью, одновременно говорит (стр. 99, 98), что в это же самое царствование «была особенно развита раздача земель в поместья и вотчины служилым людям».

Костомаров: «Эти люди совершенно не понимают характера Ивана IV. Он был пешкой, в его царствование нужно различать два периода, в зависимости от лиц, имевших на него влияние». (Ср. его характеристику Ивана IV в «Вестнике Европы» за 1872 г.) [188].

Я не вполне согласен с этим мнением. Что представлял собой Иван как личность, это — дело второстепенное. Чтобы выяснить вопрос, возможны ли те или иные отношения или явления, разумеется, очень важно составить себе ясное представление о всем характере общественной жизни в известную эпоху. Лишь более точно определив путем подобных исследований основу, на которой зиждется вся государственная жизнь, можно довольно правильно решить, возможно ли было то или иное явление.

Русская история распадается на два очень резко отличающихся друг от друга периода: домонгольский и послемонгольский. Для изучения государственного права в домонгольский период могут, между прочим, послужить сочинения: Сергеевич — «Вече и князь», Москва, 1867, и Хлебников — «Общество и государство в домонгольский период», СПб., 1872. Здесь видно, как постепенно идея древнерусского (или, лучше, древнеславянского) государственного права — полнейшая политическая и экономическая автономия отдельных княжеств и общин, право веча по своей воле выбирать и смещать князей, право законодательства, суда и т. д. — как эта идея постепенно вытесняется чуждым, монгольским, элементом *.

С этой точки зрения очень важно изучить время Ивана III и Ивана IV. Очень важно изучить те средства, при помощи которых князья из лиц, полностью зависевших от веча, стали хозяевами всей русской земли. Чтобы еще больше убедиться в значении монгольского влияния, надо в особенности обратить свое внимание на такие земли, которые меньше всего подверглись воздействию татарского господства, — а именно на северорусские земли: Новгород, Псков и Вятку. Важным вспомогательным источником может служить здесь произведение Костомарова «Севернорусские народоправства», СПб., 1863.

«Князь, — говорит автор (стр. 154), — не мог приобретать в новгородской земле имений ни покупкой, ни принятием в дар, не мог брать закладников, то есть совершать сделок; это же распространялось и на его дружинников...» (Стр. 155): «Князь не мог лишать волостей, раздавать их в собственность». Непосредственно перед своим падением Новгород заботится о том, чтобы «великий князь в боярские вотчины не вступался» (стр. 220). Но великий князь требует, «чтобы Новгород дал нам села и волости» (стр. 224), и говорит: «взять мне половину всех волостей владычных и монастырских во всей земле» (новгородской), «а Новоторжские все — чьи бы то ни были» (стр. 225). «В 1484 г. имения» (новгородские), «владычные (архиерейские) и боярские, были раздаваемы московским детям боярским» (стр. 235) **.

Так община, — корни которой кроются в доисторической эпохе со времени прибытия варяжских князей, — не только начинает вводить в законодательство свое обычное право, но идея ее настолько глубоко про-

* «Хотя татары, — говорит автор на стр. 21, — не остались в России и не поделили между собою завоеванных земель, тем не менее русская земля сделалась *«улусом»* Ордынского хана; вместе с тем центр русской политической жизни переместился за пределы России — в Орду... Народ находится в необходимости подчиняться всем требованиям Орды. Занятие столов (тронов) перестает зависеть от воли народа: ханы жалуют их, кому хотят. Таким образом, самостоятельное решение важнейших общественных вопросов... заменяется молчаливым выполнением воли сильного завоевателя. Татары не отменили веча, но, как скоро центр государственной жизни переместился в Орду, исчезли поводы, призывавшие граждан к участию в общественных делах...» (Сергеевич, «Вече и князь», ср. стр. 274). «Князья, — говорит Неволин (т. IV, стр. 137), — были посредниками между своим народом и монгольскими ханами и, по ослаблении, прекращении их владычества, сделались непосредственными обладателями *прав, им принадлежавших*. После сего, естественно, *все земли*, лежавшие в пределах известного княжества, могли быть рассматриваемы как собственность княжеская». *(Примечание автора.)*

** Ср. *Горчаков.* «Монастырский приказ», СПб., 1868, стр. 21 и сл. *(Примечание автора.)*

никла в древнерусскую общественную жизнь, что она перешла и в политическую жизнь. Какой характер носила эта община — можно увидеть из названных ниже работ.

Так, Щапов, который пишет теперь историю цивилизации в России (отдельные части этого труда можно найти в периодической литературе; цитируемое мной место заимствовано из главы: «Миросозерцание, мысль, труд, женщина в истории русского общества» [189]; в этой главе показано, следовательно, под влиянием какого мировоззрения развивалась древнерусская община), говорит:

«В первобытные времена, фетишический страх таинственных сил природы и грубой физической силы человеческой был первым естественно-психологическим мотивом к соединению первоначальных физиолого-генеалогических, родовых союзов в гражданское общество, на первый раз в форме первобытных общин... Этот... общинно-устроительный процесс совершался, таким образом.., при всеобщем страхе таких непостижимых сил природы, которые обусловливали, например, неудачу в хищнической войне, в звериных и иных промыслах, в обеспечении и сохранении жизни и т. д.; разрозненные славянские роды, жившие в лесах, все более и более чувствовали потребность в общих, взаимно-вспомогательных средствах сохранения и обеспечения жизни... Им необходимо было наибольшее число таких «сильных мужей», «храбрых воинов», богатырей, которые бы защищали, охраняли и спасали их от... страшных хищных зверей, татей и разбойников... В общине, в миру не страшно было жить и в диком черном лесу, среди страшных хищных зверей: на миру и смерть была красна... Далее, страх грубой физической силы таких «сильных мужей», как богатыри-разбойники, тати и убийцы, был новым естественным побуждением, вызвавшим «маломочных смердов» к соединению в общины, к основанию «вервей» *, «миров». И в то же время страх этот был одним из самых первых естественных мотивов к распространению общинной колонизации по северо-востоку Европы, колонизации так называемых «черных земель» и «черных диких лесов». Страх насилия сильных мужей — татей и разбойников... невольно заставлял искать убежища в лесах и жить в беспрестанном ожидании насилия, грабежа, разбоя, хищничества. «Оттого у них, — говорит Маврикий, — недоступные жилища в лесах, при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай... вообще живут большею частью в страхе». (Φοβῶ ρᾶλλον ἢ Σῶρος ειχοντες)... При таких опасениях всем маломочным людям не оставалось никакого другого спасения, никакого другого средства самосохранения и самообеспечения от насилия сильных мужей, как только уходить в лес и там соединяться в общины и совокупными, общими силами бороться с деспотической, порабощающей, хищнической силой сильных мужей». И вот, в эпоху разложения родового быта.., когда вообще «вставал род на род».., в эти времена полнейшего господства грубой физической силы и права сильного, созидались общины, миры. Страх этой силы... невольно... заставлял всех маломочных смердов заключать между собою согласие.., составлять общины или, по выражению *«Русской правды»,* «вкладываться в виру, из дружины прикладываться к вире, к людям», к миру, с тем чтобы всею «дружиною», «всем

* Наша древняя *«вервь»,* — говорит Грановский в своем сочинении «О родовом быте у древних германцев», — представляет нечто, соответствующее германской «марке» (Архив Калачова, 1855, СПб., стр. 152); *Ф. Леонтович.* «О значении верви по «Русской правде» и Полицкому Статуту», стр. 5. Вервь = общине. *(Примечание автора.)*

вложившимся в виру людям» сообща, общими силами искать всякого зловредного сильного человека, «убийцу, татя, разбойника», и выдавать его «на поток и разграбление» («Русская правда», сб. Калачова, ст. LXXXVIII—XC).

«Иже будет кто убил в своде или в пиру явлено — ему платити по вервине (то есть по складу общины, мира); а иже убьют огнищанина в разбои и убийцы не ищут, то вирное платити, в ней же вире (верви) голова начнет лежати», то есть той общине, где найдут убитого. Точно так же «Русская правда» предписывала общинам совокупными силами охранять от хищнической и разбойнической силы свои общинные угодья: «аще будет рассечена земля, или на земли знамение есть, им же ловимо, или сеть, то по верви (миром) искати в собе татя; аще кто украдет бобр или сеть, или разломает борть, или посечет дерево на межи, то по верви (миром) искати татя в собе» и т. д. (*Щапов*. «Миросозерцание» и т. д. — «Отечественные Записки», 1873, март, стр. 66—69).

Ср. *Леонтович, «Древнее хорвато-далматское законодательство»*, стр. 92.

«*Круговая порука* была одной из главных основ администрации полицких общин. Это начало с полной силой выступало в особенности по вопросу о внутренней и внешней безопасности общин. Платеж дикой виры» (как в «Русской правде») «— главное проявление круговой поруки — составлял повинность общин, несших ответственность за своих членов: в *Полицком Статуте* вражба (дикая вира) прямо отнесена к числу общественных «данак», стоит рядом с десятиною и т. п. государственными повинностями (Полицкий Статут, ст. 14). Неся ответственность за своих членов, община обязана была «стати», защищать их от нападений и обид, пользовалась широким правом мести против чужих и своих... (стр. 93). Члены общин, в силу солидарности отношений, обязаны были содействовать своими частными средствами общественному порядку и благочинию... Всякий должен «чувати», открывать и преследовать явных преступников и нарушителей земского мира, иногда под угрозой значительных штрафов (зарок)...» (*Леонтович*. «Древнее хорвато-далматское законодательство» — в «Записках Новороссийского университета», 1868, Одесса).

Те же самые или почти те же самые побуждения вели к образованию торгового класса как некоего целого. (Ср. *Костомаров*. «Севернорусские пародоправства», СПб., 1863, т. II, стр. 223 и сл., и *Никитский*. «Очерк внутренней истории Пскова», СПб., 1873, стр. 168—170).

В течение всего домонгольского периода общинные права все более и более укрепляются. При татарском господстве политическое значение народа все более и более падает. Все силы направлены на свержение ненавистного ига. Московские князья, — теперь уже не избранники народа, а татарские наместники, — приобретают все бо̀льшую и бо̀льшую силу. Начинается политическая и административная централизация. Иван III, собиратель русских земель, до того пропитан татарским духом, что он раздает не принадлежащие ему земли. Оба эти явления (собирание земель, централизация и раздача земель в поместья), несомненно, носят не случайный характер. Очень интересно проследить у Неволина (Собрание сочинений, т. IV) историю поместья. Первоначально поместья раздаются служилым людям как жалование, на время их службы; впослед-

ствии их дети получают право распоряжаться этими землями; наконец, понятие поместья соединяется с понятием вотчины.

В московский период русской истории можно различить следующие земли: 1) *Черные* — принадлежащие непосредственно общинам. 2) *Вотчины* боярские, владычные или архиерейские и монастырские... Последние по происхождению были исстаринные, то есть уступленные волостью, городом; жалованные, то есть подаренные князем (позднейший период); вкладные, то есть пожертвованные частными лицами, и, наконец, приобретаемые покупкой... Сначала *монастыри могли свободно приобретать земли, но Иван IV ограничил это право*... В соборном приговоре 11 мая 1551 г. сказано:

«Вперед архиепископам, епископам и монастырям вотчины без Царева Великого Князя ведома и без докладу не покупати ни у кого, а князем и детям боярским и всяким людям вотчин без докладу не продавати ж...»

Здесь же было определено *отобрать* у монастырей *земли, приобретенные незаконно* (следовательно, были и такие):

«А которые Царевы Великого Князя *поместные* и *черные* земли *задолжали* у детей боярских и у христиан и *насильством поотоймали* владыки и монастыри или которые земли писцы *наровя* владыкам и монастырям *подавали*, а *называют* владыки и монастыри *те земли своими*, а иные починки поставляли на *государевых* землях: и того сыскати, чьи земли были исстари, и за тем те земли и учинити» («Акты археографической экспедиции», т. 1, № 227).

Равным образом не было дозволено, без государева позволения, отказывать земли по духовной. В том же приговоре 1551 г. читаем:

«А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего Государева приговора давали без Государева докладу, и *те вотчины имати на Государя*, да за них по мере деньги платити, да *те вотчины отдавати в поместия»*... «С развитием поместного права, вотчины все более и более принимают характер поместий и из частной собственности обращаются в Государственное имущество» (*Беляев. «О поземельном владении в Московском Государстве»* — в издании: «Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских». Москва, 1851, стр. 16—17).

Следовательно, взгляды князей почти те же, что у татар, ибо подобное явление было невозможно в дотатарский период *. 3) *Княжеские*, или подклетные земли, впоследствии *дворцовые*. Они возникли только после того, как князья укрепились в той или иной части России. Князь —

* История монастырских земель имеет здесь тем большее значение, что, согласно Коллинзу и др., в царствование Алексея Михайловича около 2/3 русских земель принадлежало монастырям и духовенству (*Горчаков*. «Монастырский приказ», стр. 21, 146). Но русские цари своей централистской политикой, делившей земли на облагаемые налогами и на поместные, не могли оставить в покое эту огромную массу земель, принадлежавшую духовенству и монастырям. Этим объясняется стремление к их секуляризации, продолжавшееся вплоть до царствования Екатерины II, которая превратила, наконец, монастырские земли, вместе с сидевшими на них крестьянами, в государственную собственность. (*Горчаков*, стр. 121—200, и *Павлов*. «Исторический очерк секуляризации церковных земель в России», Одесса, 1871). *(Примечание автора.)*

безраздельный собственник подобных земель (там же, стр. 19). 4) *Поместные,* то есть такие, которые князья раздавали боярам и другим лицам, находившимся у них на службе, чтобы они жили на доходы с этих земель (ср. Неволин, т. IV, Беляев, Сергеевич, Костомаров и др.). С распространением завоеваний увеличивалась и масса поместных земель. (Беляев, там же, стр. 26, 31).

«К концу рассматриваемого периода» (то есть в эпоху Ивана IV), — говорит Сергеевич, — «в образе вознаграждения служилых людей произошло важное изменение, положившее начало новому порядку вещей. Вместо того чтобы раздавать служилым людям свое золото и серебро, князья начали наделять их недвижимыми имуществами с обязанностью служить до тех пор, пока длилось владение пожалованными недвижимостями... Отсюда явился класс людей, обязанных службою Великому Князю.., передавая же поместья только служилым людям, власть Великого Князя тем самым становилась вне зависимости от доброй воли его слуг. Первые следы нового порядка относятся к началу XIV века,.. но сколько-нибудь значительного развития он достигает только к концу рассматриваемого периода». (Сергеевич. «Вече и князья», стр. 410, 411).

Но при этом не следует забывать, что в более ранний период князья, даже если их *звали* на княжение, сами не могли, согласно характеру своего положения, владеть вотчинами. В некоторых землях, как мы это могли видеть, например в Новгороде, они, по смыслу своего договора с вечем, не могли присваивать недвижимость.

В каком состоянии находилась в это время земельная община? Какое влияние оказало на нее двухсотлетнее татарское иго? Из всего вышесказанного ясно, что все бремя централизации пало главным образом на нее. Если князья могли распоряжаться монастырскими и боярскими поместьями, то есть такими землями, собственники которых пользовались известным влиянием, то ясно, что им не приходилось стесняться с беззащитными черными землями. Действительно, как возникли огромные княжеские земли? За чей счет развивались поместья? Утверждение Чичерина, что во времена Федора Ивановича было очень мало крестьянских земель, кажется мне очень правдоподобным *.

«Крестьяне, — говорит Беляев, — как мы знаем из многих памятников, преимущественно потому и оставляли общину и покидали данную землю, что им приходилось невмочь платить лежащие на земле подати, — вообще тянуть тягло» («Русская беседа», 1856, № 1, стр. 115). «Мы находим много жалоб со стороны общин, — говорит Чичерин, — на то, что члены их разошлись по разным местам, а остающиеся должны уплачивать подать за выбылых» («Опыты» и т. д., стр. 114).

Объединение в общину, первоначальной целью которой была защита членов общины, должно с развитием централизации (а следовательно, и

* «Поместья были даваемы из *казенных* и *черных* волостей». Сочинения Неволина, т. IV, стр. 229; см. также *Чичерин.* «Опыты» и т. д., стр. 90—175; *Горчаков.* «Монастырский приказ», стр. 105—106; *Чичерин.* «Областные учреждения», стр. 556—570. *(Примечание автора.)*

бюрократии) утрачивать все более и более свое значение; силы общины были незначительны, чтобы противостоять новому принципу, развившемуся под защитой татар; все преимущества, дававшиеся объединением в общины, были уничтожены. Осталось только одно: уплата непосильных налогов, которая была обеспечена круговой порукой общины. Из приведенных цитат видно, что Беляев и Чичерин согласны между собой в том, что это было одной из главных причин распада общины.

Костомаров, рисующий в своем «Стеньке Разине» очень мрачными красками положение крестьян в боярских и в монастырских поместьях, Костомаров, говорящий, что

«от всех тягостей, поборов, бесправия (например, хозяин мог посылать вместо себя крестьянина на истязание; если дворянин медлил явиться на службу или оказывал непослушание, вместо него наказывали крестьян и т. д.) *много было причин к побегам*», добавляет к этому: «состояние посадских и черных волостей бывало нередко еще тяжелее, оттого тяглые бегали из своих общин и отдавались в крестьяне и холопы частным владельцам» («Акты археографической экспедиции», т. III, стр. 144—145. Ср. также *Горчаков*. «Монастырский приказ». СПб., 1868, стр. 37) *, «а правительство возвращало их на свои места. *Посады и черносошные села были обременены бесчисленными повинностями*».

Ниже автор описывает эти повинности...

«*Общинное устройство, по которому все это требовалось не с каждого лица, а с целой общины,* увеличивало тягость повинностей... *Злоупотребления служилых* людей, посылавшихся на кормление, *дурные стороны правосудия* увеличивали тягостное положение жителей. Воеводы, посылавшиеся на кормление, смотрели на должность как на доход... Они грабили иногда по-разбойничьи... Наглость их была особенно безмерна в отдаленных провинциях... Суды их были до крайности продажны... *Сила выборного управления... упала*... Выборы производились под влиянием воевод, и притом только богатыми членами общины... От всех злоупотреблений жители разбегались; пустели целые посады и большие села».

«Удивительно, — замечает иностранец (Флетчер), — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольно. Суд в провинции был тяжел, и правительство, в виде льгот, давало грамоты, дозволявшие судиться не иначе, как в Москве... (понятно, как такой порядок должен был отозваться на крестьянах)» («Исторические монографии», т. II, стр. 222—234). «Все это показывает, что причины побегов, и вообще недовольства обычным ходом жизни, лежали во внутреннем организме гражданского порядка... Пойманных наказывали кнутом и водворяли на местах жительства... но такие не уживались и бежали в леса, образуя разбойничьи шайки» (там же, стр. 235).

Вместе с торжеством монархии, централизации и с падением федеративной системы масса беглых ушла на юг, где они образовали казачество.

* «Многие монастыри после монгольского ига подвергались разграблениям от окрестных жителей, удельных князей и разбойников. Некоторые из таких монастырей искали приписки к другим, имеющим возможность оберегать себя и свои вотчины... и в то же время пользующимся привилегиею непосредственной подсудности в делах гражданских московскому государю» (*Горчаков*. «Монастырский приказ», стр. 37). *(Примечание автора.)*

Здесь собирались все недовольные новым режимом. Все более и более развиваясь,

«в половине XVII столетия казачество охватывало более чем пол-Руси, а народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силу. В казачестве воскресали старые, полуугасшие стихии вечевой вольности: в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единодержавием» (там же, стр. 211—212).

В эпоху Стеньки Разина возникла борьба между старым и новым режимом, но первый, «не заключая в себе никаких новых жизненных начал, был бессилен, чтобы проложить новый путь русскому народу. Поэтому эпоха эта, громкая, кровавая, блестящая, оказалась для русского народа бесплодна». Но размеры восстания показывают, как велико было в народе недовольство новым режимом. Вместе с казнью Стеньки этот режим восторжествовал полностью.

На основании всего вышеизложенного я полагаю, что Чичерин прав в своем споре с Беляевым. Община, известная нам при крепостном праве, обязана своим существованием фискальным мерам. В отношении ее не придумали ничего нового; но после того как все развитие новой жизни лишило ее всех связующих мотивов, это же развитие дало правительству возможность насильственно, и притом тягчайшими цепями, скрепить это распадающееся учреждение. Ранее члены общины были связаны общностью интересов; позже, когда община увидела свое бессилие и была близка к распаду, она была насильственно связана посредством фискальных интересов правительства. Но отсюда не следует заключать, что общинный дух вымер: там, где община еще не потеряла своей силы, там, где она могла охранять интересы своих членов, там она сохранилась без внешней поддержки. Пример — артели.

В 1861 г. произошло освобождение крестьян. Потом настал черед других реформ: судебной реформы, земской реформы, реформы государственного устройства, военного дела и т. д. Каждая из этих реформ влекла за собой рост бюджета. Налоги выросли чудовищным образом. Земские, местные бюджеты непрерывно растут. Вот один пример того, какие последствия вызывают налоги на местное производство:

«В известной местности разводят много конопли; маслобойное производство свободно от налога. Крестьяне заводят во множестве маленькие маслобойки, помещающиеся в крестьянской избе, и бьют масло. Кому нужно масло — везет коноплю к масленику, платит ему за выбой масла и везет домой масло и жмаку — масло ест сам, жмаку отдает в корм скоту.., так что почвенные частицы возвращаются полям. Но вот явилось земство, земству нужны деньги... земство облагает маслобойки налогом. Это сейчас же отражается на всем маслобойном деле. Количество маслобоек уменьшается, они остаются только у более богатых маслеников, жмака сходится

в одни руки и продается маслениками в большие хозяйства гуртом, en gros *; еще увеличился налог — мелкие хозяйства совсем уничтожаются, являются хорошо организованные маслобойные заводы; крестьяне уже не возят бить коноплю на маслобойки, не возвращают к своему хозяйству жмаку, но продают коноплю и покупают в городе масло. Жмака скопляется на больших заводах и уже идет на откормку скота в больших хозяйствах и в городах, вывозится за границу или идет на топливо... почвенные частицы не возвращаются на поля, почва истощается... То же самое можно сказать относительно винокурен, пивоварен, крахмальных и сахарных заводов» (А. Энгельгардт. «Химические основы земледелия». — «Отечественные Записки», 1873, апрель. Автор теперь сам сельский хозяин, раньше он был профессором химии).

Пресса и лица, которые имели возможность сами наблюдать факты, единодушно утверждают, что экономическое положение крестьян после их освобождения нисколько не улучшилось. Названный выше автор доказывает в своем сочинении *«Вопросы русского сельского хозяйства»*, что сохранилась даже барщина, только под другим названием.

«Самые выгодные в нашей местности хозяйства (в Калужской губернии), — пишет он, — те, в которых земля обрабатывается кругами за отрезки, за пользование покосами, лесами и т. п. *Эти хозяйства, имея монополию относительно доставки крестьянам всего, что нужно, — лесов, покосов, выгонов, — за исключением денег, стягивают к себе всех лучших рабочих, которые обрабатывают* у них круги *целыми деревнями, причем богачи-крестьяне имеют выгоду, а бедняки окончательно разоряются. Эти хозяйства не требуют* ни *оборотного капитала,* ни агрономических знаний *от хозяина. Все агрономические затеи в этих хозяйствах* (*машины,* турнепсы и т. п.) — в том бестолковом виде, как они применяются, — *просто блажь* и выносятся хозяйствами только потому, что *труд достается крайне* дешево, почти даром (стр. 219)... *Крестьяне тех деревень, которые должны работать на подобных условиях, беднеют, и особенно* незажиточные малосемейные дворы» (стр. 213).

Можно привести много аналогичных примеров. Какое влияние могут иметь такие условия на общину? Такое же, как и во времена Ивана IV и Федора Ивановича. Члены общины начинают чувствовать бремя круговой поруки, а именно зажиточные — те, значение которых наибольшее. Разумеется, им невыгодно — при наличии круговой поруки и неплатежеспособности бедных членов общины — платить за других. Подобные зажиточные члены стараются выделиться из общины. В феврале 1870 г. они получили право покидать общину. Но какое отношение имеет теперешний распад общины к общинному принципу? Разумеется, община может сохраниться до тех пор, пока она в состоянии удовлетворять требования своих отдельных членов. Но если, под влиянием внешнего давления, она не в состоянии удовлетворить этих требований, то исчезает ее raison d'etre **. Но, независимо от этого, тот принцип ассоциаций, которых требует теперешняя экономическая жизнь, имеет мало общего с русским

* — оптом. *Ред.*
** — право на существование. *Ред.*

общинным принципом. Русская община, как и всякая другая, возникла не под давлением экономических потребностей, а в силу необходимости обеспечить общие интересы своих членов; под влиянием этого в русской общине развилась почти исключительно *административная* сторона. Та община, которая существовала в древней Руси, с чисто *экономической* стороны почти неотличима от теперешней; то же самое дробление земли на мелкие участки, тот же самый периодический передел ее. (Хотя Чичерин оспаривает факт переделов в древнерусской общине, но даже сам С. Соловьев становится в этом вопросе на сторону Беляева. Соловьев — глава той школы, к которой принадлежит Чичерин. Ср. «Полицкий Статут», статьи 95—120 (особенно 102). *Tacitus.* «Germania», p. 26: «Arva per annos mutant et superest ager» *.)

Совершенно бесполезно обсуждать то, что возникло бы, если бы монголы не вторглись в Россию. (Ср. Костомаров. «Севернорусские народоправства»). Но история Новгорода, — земли, в которой влияние татар было наименьшим, — показывает, что в этой земле имеются многочисленные зачатки для совершенно иного развития... Когда Чернышевский и другие указывали на эту сторону вопроса, когда они говорили, что не следует препятствовать свободному развитию общинного принципа, так как этот принцип уже существует, то противники возражали, будто Чернышевский хочет навязать новый, не свойственный русской жизни элемент. Но Чернышевский стремился — в согласии с новыми требованиями новой жизни — стать в этом вопросе на *экономическую* точку зрения. Теперь противники общинной земельной собственности указывают, что она является бременем для самих крестьян вследствие круговой поруки, то есть они рассматривают общину как (так сказать) платежную, административную единицу. Защитники же общины возражают: дайте общинному принципу дальнейшее *экономическое производительное* развитие, и это облегчит положение общины как *платежной* единицы; и наоборот — вследствие роста платежей ее положение как *производительной* единицы подрывается, и в силу этого община утрачивает свою платежеспособность. Но никто не обращает внимания на такие голоса: зародился новый принцип — принцип индивидуализма...

Но мое письмо стало уже гораздо больше, чем я предполагал. — Итак, мне хотелось показать, что на общину, как и на все другие отношения русской жизни, больше всего оказало влияние господство татар; что двухсотлетнее порабощение, изменив взгляды, характер русского народа, приучив его к покорности, изменило его отношение к князьям (и это изменение было не к выгоде народа), что это господство до неимоверных

* *Тацит.* «Германия», пункт 26: «Пашню ежегодно меняют, и все еще поля остается в избытке». *Ред.*

размеров развило централизацию и поместное право, короче говоря, перенесло на русскую почву монгольский принцип государственного права; что все эти явления, вместе взятые, дали толчок приравниванию крестьян к рабам, возложили на них тяжелое бремя непомерных налогов и тем самым ослабили общественные связи. Центральная же власть, окрепнув, оказалась настолько сильной, что не только подавила недовольство, обнаружившееся в восстании Стеньки Разина (в восстании, охватившем сотни тысяч бунтовщиков), но и насильственно связало общину, сделав из нее исключительно платежную единицу; в это же самое время все другие стороны общинного принципа потеряли, под давлением всех неблагоприятных условий, всякую возможность дальнейшего развития. Наконец, теперь, после освобождения крестьян, сам закон дал возможность богатым членам под давлением не только прежних, но и новых, неблагоприятных обстоятельств выкупать земли у общины и лично выходить из нее; конечно, это весьма неблагоприятно должно повлиять на большинство крестьян; но наступающая капиталистическая эпоха — во всеоружии экономической науки * и промышленного опыта Западной Европы — еще больше принижает их экономическое положение **...

Полная литература вопроса имеется в каталоге Межова. *Межов.* «*Полный каталог книг и статей по крестьянскому вопросу*, появившихся с 1784 по 1864 г.». СПб., 1865.

Главным трудом о фактической стороне вопроса является: Собрание сочинений *Неволина*, СПб., 1858, тт. IV, V, VI. Мне сказали, что в Британском музее есть весьма полное собрание русских исторических сочинений. Только поэтому я не посылаю Вам ни этого труда, ни работ Костомарова. Если это не так, то прошу Вас написать мне об этом, чтобы я мог переслать Вам эти книги.

Иванов. «Систематическое обозрение поместных прав». СПб., 1837. *Костомаров.* «Исторические монографии». СПб. (особенно т. II — «Стенька Разин»). *Победоносцев.* «Заметки для истории крепостного права в России» («Русский вестник», 1858, №№ 11, 12. 16). *К. Аксаков.* «О состоянии крестьян в древней России». Сочинения, т. I, стр. 415—494. *Беляев.* «Законы и акты, установлявшие в древней Руси крепостное состояние»; в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России». Изд. Н. Калачовым. СПб., 1859, т. II; в этом «Архиве» вообще много сведений по данному вопросу. Во II томе можно найти также: *Костомаров.* «Должно ли считать

* Разумеется, мы не обладаем еще остроумием г-на Юара дю Палли. В «Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences de Paris», 1873, v. 76, p. 839, можно было прочесть: «Господин Юар дю Палли прислал заметку относительно употребления одной «микстуры, содержащей динаморфные эманации, чтобы увеличить количество труда, которое может доставить рабочий в определенное рабочее время». *(Примечание автора.)*

** Для выяснения этого достаточно лишь вспомнить экономическое значение развития средств сообщения (железных дорог, пароходов и т. д.): покупку кулаками у крестьян хлеба на местах производства по весьма низким ценам; скупку его агентами оптовых торговцев; значительный вывоз за границу при почти хроническом голодном тифе на местах... Банки, кредит и т. д. и т. д. *(Примечание автора.)*

Бориса Годунова основателем крепостного права?» *Белевская вивлиофика*, изд. Елагин, два тома, Москва, 1858. (Это — писцовая книга Белевского уезда 1632; очень важная для истории того времени, когда Борис Годунов прикрепил крестьян к земле. *А. Щапов.* «Земство» («Век», 1862, №№ 7—8. Там же, №№ 5—6, его же «Сельская община».) *Аксаков.* «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» — «Московский сборник», 1852. (Вот заключение: «Русская земля была изначала наименее патриархальная — наиболее семейная и наиболее общественная (то есть общинная) земля».) *Хомяков.* «Современный вопрос» (Сочинения, т. I. «Об общинной собственности на землю»). *Лешков.* «Общинный быт древней России» («Журнал Министерства народного просвещения», 1856, т. 9). *Лешков.* «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII столетия». Москва, 1858. *Энгельман.* «О приобретении права собственности на землю по русскому праву». СПб., 1859. *Панаев.* «Община» («Современник», СПб., 1858). *Леонтович.* «О крестьянах юго-западной России» («Университетские известия», 1863, № 10-11). *Чичерин.* «Областные учреждения». Москва, 1856. *Чичерин.* «Опыты по истории русского права». Москва, 1858. *Беляев.* «Первое возражение Чичерину» («Русская беседа», 1856, Москва, № 1. Второе — там же, № 2). *С. Соловьев.* «По вопросу о сельской общине» («Русский вестник», 1856, № 22, Москва). *Вл. Милютин.* «О недвижимых имуществах духовенства в России» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Москва, 1859, т. 4; 1860, т. 3. *Беляев.* «Возражение на предыдущую статью» («Русская беседа», № 4, 1856). *Иванишев.* «О древних сельских общинах в юго-западной России» («Русская беседа», 1857, № 3). *Лазаревский.* «Посполитые крестьяне в Малороссии». *Неволин.* «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» (в «Записках Географического общества», т. VIII, СПб., 1853). *Горчаков.* «Монастырский приказ». СПб., 1868. *Горчаков.* «Земельные владения всероссийских митрополитов, патриархов и архиереев». СПб., 1871. *Сергеевич.* «Вече и князь». Москва, 1867. *Хлебников.* «Общество и государство в домонгольский период русской истории». СПб., 1872. *Хлебников.* «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории». СПб., 1869. *Павлов.* «Исторический очерк секуляризации церковных земель в России». Одесса, 1871. *Никитский.* «Очерк внутренней истории Пскова». СПб., 1873. *Утин* и *Лазаревский.* «Собрание важнейших памятников древнерусского права». *А. Градовский.* «История местного управления в России». *Самоквасов.* «Древние города в России». СПб., 1873. Соловьев, Карамзин и другие книги по истории России.

Костомаров назвал только следующие источники, так как вопрос об общинной земельной собственности требует еще разработки: Полное собрание русских летописей. — *Писцовые книги.* Акты, изданные археографическою экспедициею. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России — «Русская правда», изд. Калачова, 1847; Судебники и др., которые можно найти в книге «Севернорусские народоправства» Костомарова.

Еще одно. На стр. 2 этого письма * я говорил, что для выяснения возможности существования известного института в определенное время

* См. настоящий сборник, стр. 289. *Ред.*

у какого-нибудь народа совершенно необходимо изучить все институты этого народа в то время, вместе взятые. Но этого еще весьма недостаточно. Для подобного рода исследований, по большей части, очень мало писаных источников, да и эти обычно не охватывают у известного народа всех институтов вместе. В этом случае, для понимания совокупности всех институтов, необходимо предпринять сравнительное изучение всех писаных памятников всей расы (в данном случае — славянской), потому что в этих древних славянских обычаях и законодательных актах заключаются зародыши общественных отношений позднейшего периода. Особенно важно изучение таких памятников, происхождение которых можно отнести к тому времени, когда рассматриваемая раса еще не рассеялась и не образовала отдельных народов. Но когда раса рассеется, то в ней, естественно, сохраняется масса обычаев и институтов, которые существовали у нее искони, но которые, подвергаясь новым влияниям, постепенно преобразуются, оставаясь, впрочем, еще долгое время в виде «survival in culture» Тэйлора[190]. Для определения же присущих всей расе признаков — общее исследование относится к области антропологии — первостепенное значение приобретает изучение памятников таких народов, которые меньше всего подвергались внешним влияниям, между тем как сравнительное изучение других народов, подвергавшихся бо̀льшим внешним влияниям, дает полную картину, так сказать, родовых признаков всей расы. — Только такое изучение дает единственно правильный критерий для оценки не только различных институтов известного народа и для правильного толкования летописей и письменных памятников, но также и для правильной оценки взглядов того или иного ученого на изображаемую им эпоху. Я не буду говорить об исследованиях Палацкого, Шафарика, Иречека и др. в этой области: они уже известны. Я обращу только Ваше внимание на следующую монографию: *«Древнее хорвато-далматское законодательство» Ф. Леонтовича* (Одесса, 1868, в «Записках Новороссийского университета»). Здесь он рассматривает Полицкий Статут (Полица — это община, принадлежащая теперь к Спалатскому округу; жители ее, в силу ее географического положения, были избавлены от всякого внешнего влияния), Виндольские законы, законы города Загреба, — законы, возникшие в древности и коренящиеся в старинных обычаях. В этих законах сохранились многие институты, прежде общие всем славянам. Так, например, Полицкий Статут очень поучителен для выяснения вопроса об общине. Это — чисто общинно-деревенский Статут. Вот некоторые подробности его.

Текст *Полицкого Статута* в издании: Ivan Kukuljević Sakcinski, «Arkiv za povêstnicu jugoslavensku u Zagrebu», 1859, кн. V, стр. 225—318. Вот заглавие (пере-

вод): *Во имя Господа Бога, аминь. Статут Полицкий. Настоящий Статут вновь составлен из старого: лета Господня от Иисуса Христа 1400.*

Стр. 62. — *Обычаи* — древнейший источник полицкого законодательства. Много статей взято непосредственно из народных обычаев, — «обичаи» и «закон» легли в основание большинства постановлений Статута (стр. 63)... Сам Статут нередко предоставляет судьям руководиться старыми обычаями (ст. 64, 39, 42, 105). Другой источник Статута — *старые законы;* они входили в Статут целиком или с изменениями. «Хоче стари законь, — есть законь стари, — то е био стари законь и пр.» (ст. 55, 78, 126, 173, 194). Старейший сборник неизвестен: имеются только позднейшие переработанные списки. Заглавие, несомненно, указывает на старый сборник полицких законов, существовавших до 1400 г. и послуживший главным основанием нового Статута.

(Стр. 67). Главные предметы, исчерпывающие все содержание Статута суть: союз нескольких сельских общин или просто союз одной *жупы* без всякого намека на «грады» и городскую жизнь, — союз, удержавший полную самостоятельность при самом слабом и отдаленном подчинении «иной господе», — устройство такого союза, отношение его к своим членам и т. д. Его по справедливости можно назвать *сельско-общинным уставом.* В нем все возводится прежде всего к жупе, общине, селу; он не знает иных интересов, помимо интересов своей жупы с отдельными общинами. Нигде хозяйственное устройство древней сельской общины не изложено так обстоятельно, как в Полицком Статуте, этом сельскохозяйственном уставе, тем более драгоценном, что в основе его лежат старые обычаи, бывшие когда-то общими для всех славян.

Стр. 69. Полица носит название *жупы*, опчины жупской, опчины полицкой. *Жупа* полицкая — это союз меньших территориальных общин — *катуней и сел.* В состав союза входило 12 катуней. *Катуни* — общины с исключительно земледельческим характером. Почти $^1/_5$ часть *Статута* наполнена постановлениями о поземельных отношениях «од земаль, котаревь, гаев, испошь», водах, путях, межах и т. п. Села имеют свои отдельные земли — пахотные и лесные, свои пастбища и т. п.

(Стр. 70). Отдельное село живет на опченной, *пополной* земле — общей собственности целой общины; в безраздельном обладании сел находится вся общинная земля. Допускаются по селам и переделы, *«дилениа»*, по жребиям (ждрибове, дио), между членами общины — диониками, сусидями, главами. Тот же порядок принят по владению лесами и др. общими угодьями. Исключение — пастбища, всегда остававшиеся в безраздельном обладании общин. Полицкие, как и виндольские, общины имеют характер вполне *автономических* союзов. Во главе общины стоят вече и выборные старшины — главные органы сельского самоуправления. Кроме территориальной общины, Полицкому Статуту известна также *вервь, дружина верная,* подобная сербской задруге, имевшая характер семейной общины (?). (Подробности о верви см. ниже)...

Катуни и верные дружины — основные формы общественной жизни поличан... (стр. 75). (Стр. 76). Во главе общественных учреждений Полицы стоит збор, виче, или просто опчина и князь; вполне от нее зависимы старшины полицкой жупы: князь, воевода, прокаратуры.

(Стр. 78). В Статуте есть указание на то, что на вече собиралась *сама община,* без предварительной инициативы со стороны князя или других главарей.

(Стр. 79). Предметы ведомства веча были: издание законов, суд по гражданским и уголовным делам, выборы в общественные должности и множество других административных дел. Из Статута видно, что составление законов на вечах, при участии всего народа, было исстаринным обычаем Полицы. Община, до позднейшего времени, считалась главным деятелем в сфере законодательной; о законодательной власти

князя, помимо общины, нет нигде ни слова. Далее общине предоставляется право «вазимати» великого князя, «ставити» прокаратуров, судцев и др. главарей. Полицкое вече напоминало не сеймы польские или чешские с их аристократическим устройством, но демократические сходки старых славян или позднейшие веча Новгорода и Пскова. Пук, народ, община — главная сила, заправлявшая всеми действиями веча новгородского и полицкого (стр. 80). Народоправство старых общин нигде не сохранилось в такой свежести и целости, как в Полице с ее вечами и сбором — главными органами общинной власти (стр. 81). — Звание князя имело в Полице издавна характер выборной должности (стр. 83).

(Стр. 109). Полицкий Статут очень подробно развил учение *о правах на вещи.* В нем точно определяется различие между правом полной собственности и простым владением, между частным и общим имуществом... Частной собственностью может быть то, что̀ кто-либо «отдельно нашел и добыл или прибавил после раздела с теми, с кем имел участие в племенщине» (ст. 74). Это показывает, что пока лица находятся в союзе верви, до тех пор все, что бы они ни приобрели, считается «опчено, заедно» (стр. 112). Основанный на исстаринных обычаях Полицкий Статут дает верную картину хозяйственного быта сельских общин, державшегося в старое время у всех славянских народов. — *Земля* находится в общем обладании сел. Пашни каждого села составляют общую принадлежность всех сельчан, обрабатываются ими по отдельным участкам. Владельцами таких участков были отдельные семьи и дворы. Учреждать новые межи, разделяющие участки, можно было только с согласия всей общины (ст. 101, 104, 106, 111, 241). Общинное владение необязательно. Допускается раздел. *Леса* находятся в безраздельном пользовании сельчан. *Испаши* (пастбища) — главный предмет общинного пользования. Раздел их безусловно запрещается *Статутом* (стр. 113). То же относится *к дорогам и водам.*

...В Винодоле общины пользуются полнейшею автономиею... Винодольские законы не заботятся о ней, она крепка в обычаях... В общественных делах община играет одинаковую роль с князем, иногда же она обходится и совсем без его вмешательства. Судные пошлины идут в пользу общины... Система круговой поруки развита винодольскими законами очень подробно как исстаринный народный обычай... (стр. 14—18). — Отсутствие рабства (стр. 18). — Управление целого Винодола основывалось на двух противоположных началах: *общинного народоправства (куп)* и *личном (князь). Куп* — общая народная сходка (ср. *купы,* или *копы,* в юго-западной России у Иванишева) всех винодольских общин. *Куп* — собрание не только законодательное, но играет роль и общинного суда (ст. 69). — Местные сходки — *вече (виче).*

(Ст. 25). — Старые сходки славян основывались на непосредственном участии всех членов общины. Выборные лица — *сатники* (соответствуют новгородским и псковским *посадникам*). Внутреннее устройство Винодольской общины во многом напоминает старый Псков и Новгород с их развитой системой народоправства, с их вечами, посадниками и пр. — То же можно сказать о положении *князя. Князь* винодольский — не столько государь, как старшина, в лице своем объединявший общины. Влияние его на главнейшие общественные дела вообще слабо: преобладание в них за общиной, народом. Разница их от князей новгородских та, что выбор их в Новгороде вполне зависел от общины. — То же сходство и *в гражданском* праве, *сбор* — общинная собственность. *В уголовном* праве — следы установлений, принадлежавших самой глубокой древности. Винодольский устав представляет необыкновенное сходство с «Русской правдой», основанное на развитии одних и тех же общественных обычаев и порядков. Члены общины, в случае какой-нибудь шкоды, обязаны были идти на помощь по первому требованию обиженного, *обязаны были преследовать* и выдавать преступника *(Ф. Леонтович. «Древнее хорвато-далматское законодательство»).*

(*Ф. Леонтович. «О значении* **верви** *по «Русской правде» и Полицкому Статуту, сравнительно с задругою юго-западных Славян»* в «Журнале Министерства народного просвещения», СПб., т. 134, 1867, стр. 1—19):

«Вопрос о верви, до последнего времени, оставался для русской науки темным. О верви было только немного известно по неясным указаниям «Русской правды»... Недавно опубликованный (1859) Полицкий Статут ближе знакомит нас с *славянской вервью*. Составленный из старых обычаев, Статут этот ясно говорит о верви, как о старинном славянском учреждении, вполне раскрывает юридическое значение ее как учреждения, весьма близко подходящего к задруге (стр. 2) или заедину — первой формы общины у юго-западных Славян. — Сравнительное изучение свидетельств о верви в «Русской правде» и Статуте приводит к несомненному заключению, что оба памятника говорят об одном и том же институте, но только в разные эпохи его развития: мы увидим, что «Русская правда» раскрывает, преимущественно, судебно-административное значение верви, а Статут идет дальше, развивает общее значение верви, мало касаясь ее отношений к суду и администрации... Краткая *«Правда»* говорит о верви только в одной статье. Пространная же дает больше указаний в статьях об убийстве, «оже станет без вины на разбои, о поклепной вире, о знамениях и бобре» («Русская правда», изд. Калачова, ст. CXXIX).

Из этих статей видно, что *вервь, вервинина (вервинна), дружина, люди* и *людье* — явления, по-видимому, однородные; но тождественны ли они по внутреннему значению, в чем заключается сущность верви, — «Правда» говорит неясно. — Она дает ей несомненное судебное значение, ставит ее в связи с институтом *виры*... и только. Значения ее в жизни — «Правда» не уясняет... На верви лежит обязанность платить *виру (дикую виру, вервное)*... Платеж такой (стр. 3) обязателен, главным образом, когда убийцы нет налицо. Вервь свободна от платежа виры за убийство в разбое, без свалки, или когда неизвестен сам убитый. С другой стороны, вервь может «прикладываться, влагаться в виру, помогать» своим членам сообща (вообчи) в платеже пени. Кто не вступит в договоры виры — платит сам за себя. Наконец, по верви разыскивают татя (вора), если «будет рассечена земля или на земли знамение есть», или «кто украдет бобр или сеть, или разломает борть, или посечет дерево на меже». Отсюда ясно, что в основании верви лежал не один договор виры. Даже и не он один был главным условием ее существования: к ней могли принадлежать и не влагавшиеся в виру. Они не могли только рассчитывать на подмогу, в случае взыскания пени. Сущность же основы верви, без которой теряется ее юридическое значение, «Правда» не объясняет. Для нее главное значение имел вопрос об уплате виры; о верви говорится мимоходом, как об учреждении, коренившемся в обычаях...

(Стр. 5) — В *Статуте Полицком* мы встречаем довольно полные указания *на самую сущность верви*, именно в значении общины, но только не территориальной, а *семейной*, — учреждения однородного с задругой юго-западных Славян. Нет никакого основания считать *вервь* (врвь, врьвь — Статута) Полицы новым или заимствованным учреждением. Полицкий Статут трактует о ней как о славянском учреждении глубокой древности (стр. 6) — «почело од искони». Устав составлен на основании старых обычаев; утверждение последних — вот главная цель его. Такие же обычаи изложены в статьях, касающихся верви. (*Примечание:* Многие статьи ссылаются на старые обычаи как на главный свой источник (ст. 10, 55, 222 и пр.). Вообще Полицкий Статут представляет во многих статьях разительное, иногда буквальное сходство с «Русской правдой» и «Псковской судною грамотою». Общая их основа —старые славянские обычаи.) Есть повод заключить, что когда-то вервь была общим учреждением и у Сербов, а может быть и у других Славян. У Сербов до сих

пор существует выражение връвник (родственник). Статут Полицкий утверждает вервь как вполне развитое учреждение. Вот статьи, где главным образом говорится о верви: (стр. 7) — *статья 49,* русский перевод: «Если кто убьет ближнего или вервного (врвнога) из-за племенщины его, принадлежащей ему (убитому) в собственность, то убийца лишается своей части (в наследстве). — она отдается другому, по разделу племени». Здесь ближний отличается от вервного, но оба имеют общую связь в племенщине, следующей в разделе, по «разлогу» племени.

Статья 102: «Где есть гай (роща, лес), там делить его следующим образом: прежде всего, если вервь владеет племенщиною, вступающею в раздел по бащине, между селами, то дележ производить не иначе, как по вервям и «мири» — по хозяевам, дворам и племенщинам: сколько верви идет по бащине, столько должно отойти к ней и по дележу гая. Если вервь не владеет племенщиною, как это бывает в селах с многими участниками, то гай делить так: прежде всего и наиболее, как ведется исстари, делить на старые и законные жеребьи, но раздел может соизмеряться и с дворами». (*Примечание:* в 101-й статье говорится вообще о разделе полей и лесов, когда «село хотело разделить между собою леса и поля. говоря, что не может или не хочет сообща (заедино) пасти или владеть».) Леса, следовательно, делятся по вервям — частям сел, а в ней по жеребьям (ждрибове) или числу хозяев, дворов и племенщин (т. е. вообще хозяйств). Вервь владеет племенщиною сообща, по бащине, отличается от верви, состоящей из отдельных участников (диоников), владеющих отдельными жеребьями (участками, ждрибове). В обоих случаях вервь обнимает «главы и подворницы» (хозяев и дворы).

Статья 171: «Кто хочет устроить мельницу (коловае млинске) там, где ее прежде не было, тот может устроить ее на своем собственном участке. Если одним участком владеют братья или иная дружина вервная, то участник, желающий устроить мельницу, не может устроить этого без согласия других, кого касается участок». Братьям здесь противополагается вервная дружина. Она состоит из отдельных участников (диоников). Братья и дружина живут в одном участке, в отличие от отдельных лиц, на «особитых дионицах», не принадлежащих к союзу верви.

Статья 114: «Без суда не отнимать племенщины, а если она остается в спокойном состоянии без оповеди в течение 30 лет, то никто не может насильно брать, ни искать (по суду). Если племенщиною владеют братья ближние или дальние или вервные, то споры между братьями вервными разбираются только вервью. Ей принадлежит суд по кривдам, особенно всякий суд по племенщине, принадлежащей верви». Здесь различаются братья близкие и дальние от вервных. Вервь обнимает и тех и других, владеет отдельною племенщиною — вервною. Ясно раскрывается здесь также автономический характер верви — главного судьи по спорам между вервными братьями. Племенщина вервная стоит наряду с отдельною (особитою), бывшею во владении лиц, не принадлежавших к верви. Вот прямые указания Статута на вервь.

(Стр. 9). — Вервь состоит из *братьев,* живет на племенщине без раздела или распадается на участки (дио). Племенщина имеет значение общего союза братьев, состоящих в союзе верви. Вервь слагается, далее, из диоников одного села... Дионики, или братья вервные — прежде всего *главы, соседи* (сусиди), — составляют *вервную дружину.* Дружина живет на племенщине вервной одним или несколькими дворами. Главная основа верви — «держание племенщины ка е врвитчна (врвна)».

(Стр. 10). — Солидарность верви наглядно высказана в 31-й статье Статута: «До тех пор, пока не разделятся братья или другие участники, до тех пор для них все «заедино» — и добро и зло, и корысть и убыток, и долги (кому они должны и кто им должен) — все для них общее, пока не разделятся. После раздела каждый знает только свою часть — (дио)». Здесь вообще высказано то, о чем «Русская правда» подробнее говорит в статьях о верви и дикой вире: пока не разделится вервь, члены

ее, пользуясь общею корыстью и неся сообща убытки, подлежат взаимной ответственности, обязаны общею порукой — неотъемлемою принадлежностью всякого общинного союза старого времени. В верви все члены равны между собою. Племенщина — общая собственность всей верви; хозяйство вервное, со всеми доходами и расходами, ведется сообща, целою дружиною. Отдельные участники верви ограничивались в распоряжении своими участками, жеребьями, в особенности в праве отчуждения их лицам, не принадлежащим к союзу.

(Стр. 11). — С разделением верви на «дионица особита», отдельные участки, прекращалось юридическое значение верви. С этих пор каждый знает свой «дио», без общих повинностей и солидарности вервного союза. Такой раздел верви, по 30-й статье Статута, предоставляется свободной воле ее членов. — Статут мало касается судебного значения верви, преимущественно развитого в «Русской правде». Но общий строй полицкой верви не оставляет никакого сомнения в тождестве ее с подобным же учреждением «Русской правды». — В этом еще более убеждает нас сравнение верви с задругою, разносторонне развитою в других памятниках юго-западных Славян. Играя по делам уголовным роль верви «Правды», задруга вместе с тем вполне сходна с вервью «Полицы» по своим внутренним отношениям и устройству. Поэтому едва ли возможно сомневаться в тождественности этих институтов с вервью «Русской правды»...

(Стр. 12). — *Задруга, заедин* (zadruha, zajedin) — названия общины, удерживающиеся до сих пор у южных Славян. *Задругу* можно видеть также в *дружине* некоторых памятников — она известна «Правде» и Полицкому Статуту в смысле *верви*.

Наши летописи называют дружиною не только сподружников княжеских (бояр и пр.), но и всякий иной союз, например, — *ремесленную артель*, называвшуюся по летописям XIV века дружиною (ремесленные дружины состояли из старшин и *другов*, дружины. Ср. *Лешков*. «Русский народ и государство». Москва, 1858, стр. 367). Из «Русской правды» видно также, что дружиною назывался также союз лиц, принадлежащих к верви. То же самое — по Полицкому Статуту и сербским грамотам.

(Стр. 13). — Несомненно также, что задруга тождественна с родом *«Законника Душана»*. Братья и род «Законника» = братьям ближним и вервным, вервной дружине «Полицы»... Теперешняя задруга Военной Границы носит название *communio*. Задруга живет в одном *дворе*, купе, на одном *огнище*. (*Примечание:* Укажем здесь также на *огнищан* «Русской правды», живших, как можно заключать, на одном *огнище*, т. е. принадлежащих к одной задруге). Двор слагается из нескольких... семейств, составляет одну общину, тесно связанную сожительством на одном месте...

(Стр. 14). — Глава — выборный представитель общины — *господарь, владыка, старейшина, староста* — вполне от нее зависимый. Во всех важных случаях требовалось согласие всех членов общины. Члены — полноправны и равноправны. Принцип ассоциаций, лежавший в основе задруги, высказывался в особенности в отношениях имущественных и в учреждении круговой поруки... Отношения имущественные основывались на равноправии всех членов задруги. Бащина (племенщина, дедина) усвояется не главе общины, но всем ее членам вместе... Глава управляет только делами задруги, заведовает ее имуществом.

(Стр. 15). — Имущество задруги, по сказанию о суде Любуши, могло оставаться в нераздельном обладании, или вступать в равный раздел между ее членами. Отчуждается оно не иначе, как с согласия всего союза... При полном господстве задруги всякое приобретение членов считается общим достоянием союза (*Tkalac*. «Staatsrecht des Fürstenthums Serbien», 1858, стр. 62, 63). Юридический характер задруги, в этом случае вполне сходный с вервью «Русской правды», высказывается в общей поруке членов (Iireček, Sl. pr. I, стр. 68). Пока задруга не разделилась — это юридическое лицо, подлежащее, в определенных случаях, ответственности наравне с от-

дельными лицами. Эта черта свойственна всем древним славянским памятникам. (Ср., например, Душанов Законник, ст. 48, виндольские законы.)

(Стр. 16). — Из всех этих постановлений видно, насколько сильна была связь между задругою и ее членами; они обнимали все общественные и частные отношения. С упадком задруг слабеет и связь. По гражданскому Законнику (сербскому) 1844 г. отдельный член задруги отвечает за себя сам по всяким полицейским и уголовным делам. Государство обращается уже не к общине, а к ее отдельным членам... раздел задруги возможен только с общего согласия ее членов.

(Стр. 17). — Современная задруга, по исследованиям Миличевича («О задругах в народе сербском», 1857), в своих существенных чертах не изменилась сравнительно с задругой первых исторических эпох... Исстаринное и общее существование задруг у всех славян, по справедливому замечанию Воцеля («O staročeskem dědickem prȁwu», 1861, стр. 7), ясно доказывает глубокую древность их... Корень задруг надо искать в доисторической, племенной жизни Славян. Там же коренится и вервь «Русской правды» и Полицкого Статута...

(Стр. 18). — ...*Верви и задруги представляют переход к чисто общинным формам жизни... Солидарность,* удержавшаяся и в современных задругах южных Славян, *становится теперь тяжелым бременем для отдельных лиц.* **Повинность общей поруки и ответственность влечет задруги к упадку.** Вынесши на своих плечах политическую независимость Сербии в период последней борьбы, *сербская задруга*, по словам Миличевича, *стремится к распадению* на отдельные «инокоштины»... В задруге развиваются и поддерживаются главные элементы политической независимости Черногории...

(Стр. 19). — Вервь, в конце концов, не есть учреждение, навязанное пришлым элементом, но есть учреждение старинное, общеславянское, сходное с задругой южных и западных Славян».

Леонтович: из «Журнала Министерства народного просвещения», т. 134, стр. 1—19, СПб., 1867).

Для сравнения русского права с правом остальных славянских народов и др.:

Irečеk. Slovanské právo v Čechách a na Moravě (немецкий перевод: Das Recht in Böhmen und Mähren, 1863—1866). *Tkalac*. Staatsrecht des Fürstenthums Serbien, 1858. *Зигель*. Законник Стефана Душана. Спб., 1872. *Padberg*. Die ländliche Verfassung in d. Provinz Pommern, 1861. *Гильфердинг*. История балтийских славян. *Он же*. Босния. Герцеговина. Старая Сербия. *Maciejowsky* *. Historya prawodawstw słowianskich. Warszawa. Первое издание—1832—1836, второе—1856—1865, 6 томов. Немецкий

* «Статуты, связывающие собою нить немецкого права с нитью права славянского — «Статуты полабских славян». Т. 1, III. Abteilung, § 174. «Саксонское зерцало» (Sachsenspiegel)... несомненно заключает в себе и славянские источники» (§ 177). «В постановлениях частного права прежде всего обращает на себя внимание общее владение недвижимою собственностью всех родичей; система владения, в основании своем имеющая много общего с славянскою системою, находится в Sachsenspiegel как бы наперекор немецкому праву, т. е. дозволяется жить таким образом не только братьям, но и лицам, не находящимся между собою в кровном родстве... Достойно внимания также постановление касательно предоставления пастбищ в пользу жуп (общин), а также о наказаниях тех, кто окажется виновным в порче чужого поля в ночное время, в засеве или в причинении смерти лицам, от которых ждут наследства» (§ 179, Maciejowsky). *(Примечание автора.)*

перевод: Slawische Rechtsgeschichte. Stuttgart — Leipzig. *Palacky*. Srownánj zákonů cara Stefana Dučana srbského s neystaršjm rády zemskými w Čechách в Museum krolevstvi českého, 1837, t. I. *Wozel*. O staročeskem dědickem práwu v Praze, 1861. *Гильфердинг*. Письма об истории сербов и болгар. Москва, 1855—1859.

Среди находящихся у Вас книг «нашего общего друга» * Вы найдете очень хороший русско-французский словарь Макарова и работу Васильчикова «О самоуправлении».

Если Вам потребуются другие подробности и книги по истории сельской общины, то я всегда готов помочь Вам в этом.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на русском и немецком языках

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 12 (24) июля 1873 г.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо от 22 марта, в котором Вы просили изложить сущность спора между Беляевым и Чичериным, я послал Вам некоторые работы (Чичерина, «Крестьяне на Руси» Беляева, Горчакова, Сергеевича, Неволина, Скалдина и т. д.); кроме того, послан обзор литературы и изложены некоторые мои мысли по этому вопросу, а также указано, где что́ можно найти. Так как я не получил от Вас никаких известий и только из газет узнал тревожные слухи о Вас, то я очень хотел бы знать, насколько обоснованы эти слухи. — Весьма возможно, что до Вас не дошли ни книги, ни письма; в таком случае Беляева и Неволина трудно будет достать еще раз. Поэтому я попрошу Вас прислать мне более надежный адрес, так как мне лишь теперь удалось получить ответ Беляева Чичерину (а также — *Милютин*. «О земельном владении духовенства в России»; *Соловьев*. «По вопросу о сельской общине»; *Панаев*. «Община»; *Иванишев*. «О древней сельской общине в юго-западной России»). Кроме того, уже после отправки моего письма, в июне месяце, вышли прекрасные работы комиссии (под председательством Валуева), созданной для исследования положения сельского хозяйства в России

* — Лопатина. *Ред.*

(«Доклад Высочайше утвержденной комиссии для исследования современного положения сельскохозяйственной промышленности в России»), где собраны самые точные сведения, которые можно только теперь иметь. По данным, приведенным в этом докладе, оказывается, что отношение всех налогов к общей сумме всех доходов выражается в следующих цифрах:

1) для помещиков — от $1^1/_2$ до 20%;

2) для крестьян (государственных) — от 60 до 160%;

3) для крестьян (бывших крепостных) — от 70 до 562%. (Доклад. Приложения, т. I, часть III. «Ценность денежных повинностей и отношение ее к доходности».)

Все это я пошлю Вам тотчас же по получении Вашего письма, так как я не хотел бы, чтобы эти книги пропали; вряд ли было бы возможно их снова раздобыть.

В каком состоянии дела относительно писем и т. д.?

В ожидании Вашего ответа остаюсь с глубоким уважением

Н. Д.

Благодарю Вас за присылку немецких и французских экземпляров «Капитала» *.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на русском и немецком языках

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 12 августа 1873 г.

Н. Даниельсону, эсквайру

Милостивый государь!

В последние месяцы я тяжело болел и одно время, вследствие переутомления, находился даже в опасном состоянии. Моя голова пострадала так серьезно, что можно было опасаться удара паралича, и даже теперь я все еще не способен работать более нескольких часов в сутки. Вот *единственная причина*, почему я раньше не подтвердил получения той ценной коллекции книг, которую Вы были так любезны прислать мне, и не поблагодарил Вас за нее.

* — второго немецкого издания и французского перевода первого тома «Капитала». *Ред.*

Вы уже, конечно, получили — по крайней мере, так я понял Ваше последнее письмо, — три экземпляра «Капитала», изданного в одном томе. Сегодня посылаю Вам последний *выпуск* того издания, которое выходило отдельными выпусками.

В настоящее время мы печатаем разоблачения об *Альянсе** (Вы знаете, что в Англии эту секту называют титотелерами [191]), и я хотел бы знать *самый дешевый* способ отправки Вам довольно значительного числа экземпляров. Письмо, имеющее отношение к главарю** этой ханжеской компании, мы все еще держим в резерве [165].

Очень благодарен за Ваше последнее длинное письмо; я использую его надлежащим образом. Оно имеет для меня большую коммерческую ценность.

Искренне преданный Вам

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 503—504

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) августа 1873 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю Вас за присылку второго издания «Капитала»***. Я получил три полных экземпляра, а также и последние выпуски.

Если Вы пожелаете выслать мне обещанные «Разоблачения» относительно Альянса*, то вот адрес: Г-н Kirschbaum, Bruxelles, до востребования. Но этот адрес пригоден лишь до 1—13 сентября.

Посылаю Вам следующие журнальные статьи:

Беляев. «Первая критическая статья на сочинение Чичерина о сельской общине». («Русская беседа», Москва, 1856, № 1.)

Он же. Вторая статья. («Русская беседа», 1856, № 2, стр. 114—141.)

Иванишев. «О древних сельских общинах в юго-западной России». («Русская беседа», № 3, 1857.)

С. Соловьев. «Спор о сельской общине». («Русский вестник», 1856, № 22, Москва.)

В. Панаев. «Община» («Современник», 1858, № 3, СПб.)

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

** — Бакунину. *Ред.*

*** — второго немецкого издания первого тома. *Ред.*

Вл. Милютин. «О недвижимых имуществах духовенства в России». Москва, 1859—1860. Две статьи. Первая помещена в четвертой книге «Чтений в Обществе истории и древностей» за 1859 г., вторая — в третьей книге тех же «Чтений» за 1860 год, и превосходное исследование профессора *Ф. Леонтовича.* «Древнее хорвато-далматское законодательство» — в «Записках Новороссийского университета». Одесса, 1868.

К сожалению, мне до сих пор не удалось послать обещанных биографических материалов *. Хотя я сам считаю теперь полезным опубликование возможно более полной биографии, но те, которые обладают необходимыми сведениями, придерживаются другого взгляда. Они совершенно убеждены, что такая публикация только повредит Чернышевскому.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на русском и немецком языках

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 23 февраля (7 марта) 1874 г.

Милостивый государь!

Позвольте обратиться к Вам с просьбой — передать прилагаемое письмо «нашему общему другу» **. Простите, что я беспокою Вас, но мне неизвестен его адрес.

В первом номере журнала «Знание» Зибер начал печатать ряд статей под заглавием: «Экономическая теория Маркса» [192]. Цель этих статей — популяризировать экономические взгляды автора теории и критически проанализировать их. Что касается критической части, то, на мой взгляд, он во многом прав. «Наш общий друг», вероятно, передаст Вам эти номера.

Когда можем мы ожидать появления второго тома ***?

С глубочайшим уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — о Чернышевском. *Ред.*
** — Лопатину. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 21 марта (2 апреля) 1874 г.

Милостивый государь!

Я опять вынужден побеспокоить Вас и просить оказать любезность — передать прилагаемое письмо «нашему общему другу» *.

Извините, что я снова обращаюсь к Вам.

Преданный Вам

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 29 сентября (11 октября) 1874 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз побеспокоить Вас. Дело в следующем. Вот уже три недели, как я не имею никаких известий от «нашего общего друга». Из Кёнигсберга я получил от него три письма и, со своей стороны, написал ему тоже три, но ни на одно из них не получил ответа. Так как я знаю его аккуратность, то не понимаю, в чем причина его молчания.

Окажите любезность и сообщите мне, что̀ именно Вы узнали о нем и где он находится теперь, или, если это возможно, сообщите ему содержание этого письма.

Надеюсь, что Вы не откажете в удовлетворении моей просьбы.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

* — Лопатину. *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Париж, 15 октября [1874 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Один из моих русских друзей просит меня достать для него 117 и 118 номера «Volksstaat» с Вашими статьями об «Эмигрантской литературе» *, но здесь, в Париже, это совершенно невозможно. Некоторое время тому назад я, правда, получил эти номера от редакции журнала «Вперед!», но мне пришлось вернуть их по прочтении. Не будете ли Вы так добры прислать мне их, если у Вас остались экземпляры, или не могли бы Вы написать в редакцию «Volksstaat» и попросить ее об этом? Излишне говорить, что Вы меня этим очень обяжете.

Что касается меня, то я прочел статьи с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации. Но по форме они довольно язвительны. Право, Вы очень *злы*. Я не мог удержаться от смеха, хотя люди, с которыми Вы так строго обошлись, мои друзья.

Я надеюсь, что г-жа Энгельс ** и маленькая Пумпс здоровы и не очень были напуганы взрывом? Вчера я получил весьма любезное письмо от г-жи Маркс [150] и посылаю сердечный привет как ей, так и г-ну Марксу и всей его семье.

Искренне преданный Вам

Герман Лопатин

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Г. А. ЛОПАТИНУ [193]

В ПАРИЖ

[Отрывок из письма]

[Лондон, около 20 октября 1874 г.]

«...Однако это совершенно не входило в мои намерения. Напротив, я смягчил настолько, насколько это было возможно, потому что после того, как я внимательно прочитал памфлет «Русской социально-революционной молодежи» [38], я действительно больше не мог иметь претензий к нашему

* См. настоящий сборник, стр. 45—53. *Ред.*
** — Лиззи Бёрнс. *Ред.*

другу * за его необычайно резкие и действительно не имеющие оправдания выражения, которые он употребил в отношении нас. Что касается меня, *мы квиты,* и я готов пожать ему руку в любой момент, если он отнесется ко всему этому так же легко, как я».

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33, стр. 544

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 1 ноября [1874 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Очень благодарен Вам за статью **, которую я тотчас же отправил в С.-Петербург. Извините, что не сразу известил Вас о получении ее в полной сохранности. Я был очень занят все это время. На этом кончаю, в надежде скоро увидеться с Вами и поговорить обо всем *vivá voce* ***.

Сердечнейший привет Вашей семье и семье Маркса.

Преданный Вам

Герман Лопатин

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

В. Н. СМИРНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

[Черновик] ****

[Лондон, первая половина февраля 1875 г.]

Милостивый государь! Гражданин!

Я имел удовольствие слушать Вашу речь на январском собрании, отчет о котором я обещал дать для ближайшего номера газеты «Вперед!» [194]. Мне твердо помнится, что во время Вашей речи Вы произнесли такую

* — Лаврову. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 313. *Ред.*
*** — лично. *Ред.*
**** Письмо написано рукой Лаврова. *Ред.*

фразу: «необходимо пропагандировать среди польского народа идеи (или принципы) Международного Товарищества Рабочих», между тем в выдержке из Вашей речи, приведенной польским журналом *, я не нахожу этой фразы. Чтобы окончательно убедиться, что моя память не обманывает меня, я решаюсь побеспокоить Вас вопросом: действительно ли подобные слова содержались в Вашей речи?

Заранее благодарю Вас за ответ [71], который я ожидаю с величайшим нетерпением, и прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в моем искреннем уважении и сочувствии социалистическим идеям, носителем которых Вы являетесь.

Вал. Смирнов

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 11 февраля 1875 г.

Дорогой друг!

Посылаю Вам сегодня немецкое издание ** в виде целого тома (отдельных выпусков у меня больше нет) и шесть первых выпусков французского издания. В последнем много изменений и добавлений (см., например, *выпуск 6-й, стр. 222,* — против Дж. Ст. Милля, — яркий пример того, как буржуазные экономисты даже с самыми лучшими намерениями инстинктивно идут по ложному пути даже в тот момент, когда кажется, что они вот-вот овладеют истиной ***). Но самые важные изменения, содержащиеся во французском издании, находятся в еще не опубликованных частях, а именно в главах о накоплении.

Искренне благодарен Вам за издания, которые Вы мне прислали. Что меня более всего заинтересовало, так это статьи «Что делается на родине» [195]. Если бы у меня было время, я сделал бы из них извлечения для «Volksstaat». «Не наши» [196] — славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет некоторое отношение к этой статье.

Мне послали целый пакет книг и официальных изданий из С.-Петербурга, но он был украден, вероятно, русским правительством. Там, между

* — «Wici». *Ред.*
** — второе немецкое издание первого тома «Капитала». *Ред.*
*** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 524—527. *Ред.*

прочим, были доклады: «Комиссии по сельскому хозяйству и сельской производительности в России» и «По податному вопросу» [197] — вещи, абсолютно необходимые для той главы второго тома, в которой я исследую земельную собственность и т. д. в России.

Мое здоровье значительно улучшилось после пребывания в Карлсбаде, но я вынужден еще сильно ограничивать свой рабочий день, а кроме того, вернувшись в Лондон, я простудился и это не перестает меня донимать.

Зайду к Вам, когда погода станет лучше.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 98—99

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 8 мая 1875 г.

Дорогой друг!

Только что я получил письмо из Берлина от одного коммерсанта * (вполне честного человека, не имеющего никакого политического значения, по крайней мере в глазах общества и полиции), который просит у меня разъяснений по поводу некоторых мест из «Капитала». Отвечая ему, — что̀ я сделал немедленно, — я воспользовался случаем и, в свою очередь, попросил у него надежный адрес для Ваших писем из России. Мое письмо будет отправлено еще сегодня.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 112—113

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 18 июня 1875 г.

Дорогой друг!

Когда я был у Вас позавчера, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, быть может, Вам еще неизвестна. Физиологу Траубе в Берлине

* — Карла Августа Шрамма. *Ред.*

удалось создать искусственные клетки. Это, конечно, еще не натуральные клетки: в них нет ядра.

Смешивая коллоидальные растворы, например желатин с сернокислой медью и т. д., получают шарики, окруженные оболочкой, которые можно заставить расти посредством эндосмоса. Итак, образование оболочки и рост клеток вышли уже из области гипотез! Это большой шаг вперед, который тем более кстати, что Гельмгольц и другие собирались уже провозгласить нелепую доктрину, будто зародыши земной жизни падают в готовом виде с луны, то есть что они были занесены к нам аэролитами. Терпеть не могу подобных объяснений, которые решают задачу перенесением ее в другую сферу.

Торговый кризис развивается. Теперь все зависит от известий, какие будут получены с азиатских, в особенности с ост-индских, рынков, которые в течение ряда лет все более и более переполнялись. При известных условиях, наличие которых, впрочем, не особенно вероятно, наступление окончательного краха могло бы, пожалуй, затянуться еще до осени.

Поистине примечательное явление — сокращение продолжительности периодов, отделяющих один всеобщий кризис от другого. Я всегда рассматривал эту продолжительность не как постоянную, а как уменьшающуюся; но особенно приятно то, что она обнаруживает столь осязательные признаки своего уменьшения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира.

Привет г-же и г-ну Ноэль *.

Ваш *К. М.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 116—117

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 20 сентября [1875 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Вы получили № 17 газеты «Вперед!». В передовой статье разбирается вопрос, которым Вы, как мне сказал Маркс, много занимались в последнее время. Я с нетерпением ждал Вашей работы на эту тему, но она пока еще не вышла. Правда, по словам Маркса, Вы рассматриваете этот вопрос с иной точки зрения. И все же Вы оказали бы мне большую услугу, если бы

* Псевдоним В. Н. Смирнова и его жены Р. Х. Идельсон. *Ред.*

взяли на себя труд прочесть мою статью «Социализм и борьба за существование» [198] и сообщили бы мне свое мнение о ней *. Я предполагаю опубликовать через некоторое время систематизированный сборник статей, в который войдет и вышеназванная, и хотел бы использовать Вашу критику при просмотре его для второго издания. Надеюсь, что это не займет у Вас слишком много времени, и заранее благодарю Вас за Вашу любезность.

Ваш *П. Лавров*

Вы, вероятно, видели небольшую брошюру, которую анонимные приверженцы Нечаева издали в Брюсселе, так сказать, в ответ на брошюру об Альянсе [199]. Впрочем, ни сама группа, ни ее творение никакого значения не имеют.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

В. Н. СМИРНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 20 сентября 1875 г.

Многоуважаемый г-н Маркс!

Посылаю Вам письмо из Америки, которое было прислано мне [200] с просьбой передать Вам.

С самым глубоким уважением

В. Смирнов

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 24 сентября 1875 г.

Дорогой г-н Лавров!

По возвращении из Рамсгета, где я провел несколько недель, я нашел Ваше письмо от 20-го и, кроме того, целую кучу газет, книг и т. д., получен-

* См. настоящий сборник, стр. 320—323. *Ред.*

ных за время моего отсутствия. Я сперва приведу их в порядок и как можно скорее примусь за чтение Вашей статьи в «Вперед!»[198], тогда я буду иметь возможность сказать Вам, в чем мы согласны и в чем расходимся в наших взглядах на отношение социализма к борьбе за существование по Дарвину. Если Вы не получите моего ответа в ближайшие дни, то прошу извинить меня, потому что мне надо написать много писем и привести в порядок другие залежавшиеся дела, так как в течение месяца я не мог делать ничего, кроме того, что необходимо было сделать абсолютно и безотлагательно.

Я не знаю брошюры, о которой Вы мне говорите[199]. Буду Вам очень благодарен, если Вы мне ее пришлете почтой на несколько дней.

В Португалии у нас снова есть газета: лиссабонская «O Protesto» («Протест»), шесть номеров которой уже вышло (выходит один раз в неделю); редакция — Rua do Bemformoso, 110, второй этаж, контора — Rua dos Cardaes de Jesus(!), 69, второй этаж. Я еще не просмотрел четырех полученных номеров.

Прошу засвидетельствовать мое почтение г-ну и г-же Смирновым.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 121—122

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 8 октября 1875 г.

Дорогой друг!

Очень сожалею, что ни меня, ни моей жены не было дома, когда Вы были так любезны, что зашли к нам.

Эти «Несколько слов русской группы и т. д.»[199] я взял у Энгельса и с Вашего разрешения покажу еще одному из моих друзей, прежде чем отошлю обратно. Ответа это ученическое писание не заслуживает.

Преданный Вам

К. М.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 123—124

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 22 октября [1875 г.]

Милостивый государь!

Не могли бы Вы сообщить мне кое-какие сведения относительно ареста Драгоманова *. Нашелся один англичанин, любезно согласившийся написать для «Times» статью по поводу этого ареста при условии, что я снабжу его некоторыми достоверными данными.

Примите, милостивый государь, уверения в моем глубочайшем уважении.

Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 12—17 ноября 1875 г.

Дорогой г-н Лавров!

Вернувшись из поездки в Германию, я принялся, наконец, за Вашу статью, которую только что прочел с большим интересом [198]. Посылаю Вам свои замечания к ней, которые пишу по-немецки, так как это дает мне возможность быть более кратким.

1) В учении Дарвина я принимаю *теорию развития,* дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно те люди, которые теперь повсюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и т. д.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным кислород и пищу и, наоборот, животные доставляют растениям углекислоту и удобрения, как это особенно подчеркивал Либих. Обе эти концепции в известных границах до известной степени правомерны, но как та, так и другая одинаково односторонни и ограниченны. Взаимодействие тел природы — как мертвых, так и живых — включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и со-

* Эти сведения оказались ложными. Драгоманов был уволен из Киевского университета. *Ред.*

трудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе подводить все богатое многообразие исторического развития под одностороннюю и тощую формулу «борьба за существование», формулу, которая даже в области природы может быть принята лишь cum grano salis *, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор.

2) Из трех цитированных Вами «убежденных дарвинистов» внимания заслуживает, по-видимому, только Хельвальд. Зейдлиц — в лучшем случае мелкая величина, а Роберт Бир — романист, роман которого «Трижды» печатается в настоящее время в журнале «Über Land und Meer» [201]. Там вполне уместно все его фанфаронство.

3) Не отрицая преимуществ Вашего метода критики, который я назвал бы психологическим, я выбрал бы другой метод. На каждого из нас в большей или меньшей степени влияет интеллектуальная среда, в которой мы преимущественно вращаемся. Для России, где Вы лучше меня знаете свою публику, и для пропагандистского журнала, который апеллирует к «связующему аффекту», к нравственному чувству, Ваш метод, возможно, является наилучшим. Для Германии, где ложная сентиментальность причиняла и продолжает еще причинять такой неслыханный вред, он бы не годился, он был бы неправильно понят, был бы извращен в сентиментальном духе. У нас скорее нужна ненависть, чем любовь, — по крайней мере на ближайшее время, — и прежде всего необходим отказ от последних остатков немецкого идеализма, восстановление материальных фактов в их исторических правах. Поэтому я повел бы атаку (и в свое время, вероятно, сделаю это) на этих буржуазных дарвинистов следующим образом:

Все учение Дарвина о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о bellum omnium contra omnes ** и учения буржуазных экономистов о конкуренции, наряду с мальтусовской теорией народонаселения. Проделав этот фокус (безусловную правомерность которого я оспариваю, как уже было указано в 1-м пункте, в особенности в отношении мальтусовской теории), опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества. Наивность этой процедуры бросается в глаза, на это не стоит тратить слов. Но если бы я хотел остановиться на этом подробнее, то я сделал бы это так, что прежде всего показал бы, что они — плохие *экономисты,* и только потом, что они — плохие естествоиспытатели и философы.

* — буквально: со щепоткой соли; в переносном смысле: с известной оговоркой. *Ред.*
** — войне всех против всех. *Ред.*

4) Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают,* тогда как люди *производят.* Уже одно это — единственное, но фундаментальное — различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных обществ на человеческое общество. Благодаря этому различию стало возможным, как Вы правильно заметили, чтобы

> «человек вел борьбу не только за существование, но за наслаждение и *за увеличение своих наслаждений...* готов был для высшего наслаждения отречься от низших *».

Не оспаривая Ваших дальнейших выводов из этого, я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы. Человеческое производство на известной ступени достигает, следовательно, такой высоты, что могут быть произведены предметы не только для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сначала, правда, только для меньшинства. Борьба за существование, — если мы на момент оставим здесь в силе эту категорию, — превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения, в борьбу не за одни только средства *существования,* но и за средства *развития,* за *общественно-производимые* средства развития, а к этой ступени категории из животного царства уже не могут быть применены. Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет огромную массу действительных производителей от потребления этих средств существования и развития; если собственный закон жизни этого общества вынуждает его к тому, чтобы постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое, для него, производство, и потому оно вынуждено периодически, каждые десять лет, уничтожать не только массу продуктов, но и сами производительные силы, — то какой же смысл имеет здесь еще болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может здесь заключаться еще только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который стал теперь неспособным к нему, а это именно и есть социалистическая революция.

Между прочим, достаточно взглянуть на предыдущий ход истории как на непрерывный ряд классовых битв, чтобы стала ясной вся поверхностность понимания этой истории как некоторого слегка видоизмененного варианта «борьбы за существование». Поэтому я никогда не сделал бы такого одолжения этим псевдонатуралистам.

* Эта и следующая цитаты приводятся Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

5) По той же причине я соответственно иначе сформулировал бы Ваш по существу совершенно правильный тезис, что

«идея солидарности для облегчения борьбы могла... вырасти, наконец, до того, чтобы охватить все человечество и противопоставить его как солидарное общество братьев остальному миру минералов, растений и животных».

6) Но, с другой стороны, я не могу согласиться с Вами, что «борьба всех против всех» была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, насколько наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было.

---

17 ноября

Мне опять помешали, и я вновь берусь за это письмо, чтобы отправить его Вам. Вы видите, что мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее существу. Надеюсь, что Вы найдете их достаточно ясными, я писал их второпях и, перечитывая, хотел бы многое изменить, но опасаюсь сделать письмо слишком неудобочитаемым.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 133—138

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 22 ноября 1875 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Большое спасибо за Ваше письмо. Я не могу согласиться с Вашей точкой зрения на дарвинизм вообще и на роль, которую играет солидарность в социалистической пропаганде. Но я очень благодарен Вам за два замечания по специальным вопросам, которые Вы мне дали, и обязательно воспользуюсь ими для второго издания, или, вернее, для издания в виде брошюры. Одно из этих замечаний (относительно человеческого

труда) сделал мне также и Лопатин. Что касается второго, то выражение (о борьбе всех против всех) требует, конечно, оговорки, которую я и намерен был сделать. Это просто стилистическая ошибка: я выразил свою мысль не совсем правильно.

Еще раз благодарю Вас за труд, который Вы проделали, и прошу принять уверения в моем искреннем уважении.

П. Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 16 (28) ноября 1875 г.

Милостивый государь!

Только теперь мне удалось получить один экземпляр «Трудов Податной Комиссии» [202], он в моем распоряжении. Это—редкое издание, оно не предназначается для публики. Узнав от «нашего общего друга» *, что Вы изучаете теперь экономическое положение России, я посылаю Вам 10 книг этих «Трудов» (а именно: важнейший XXII том). Но эти книги мне одолжили лишь на два-три месяца.—Самые важные данные содержатся в разработках Штофа (а именно: том XXII, часть III, отдел I). Взгляды публики сгруппированы в работах Майнова и Ольхина. В феврале, во всяком случае, я сообщу Вам, можете ли Вы задержать у себя эти книги еще на некоторый срок. Прошу Вас по получении этих книг сразу же сообщить мне об этом, так как мне было бы очень неприятно, если бы они пропали.

На днях пошлю некоторые данные о Débit et Crédit ** крестьянского хозяйства в Европейской России и некоторые статьи.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

* — Лопатина. *Ред.*
** — дебете и кредите, расходах и доходах. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ [203]

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 декабря 1875 г.

Дорогой друг!

Фурункул (да еще на соске на левой стороне груди) — в чем Вы сами сможете убедиться, когда придете ко мне, — совершенно не позволяет мне выходить по вечерам и присутствовать 4 декабря на митинге. Впрочем, я мог бы там только повторить то мнение, которое я защищаю уже в течение тридцати лет, а именно, что освобождение Польши есть одно из условий освобождения рабочего класса в Европе. Новые заговоры Священного союза [204] являются новым доказательством этого.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 139

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 17 декабря 1875 г.]

Дорогой друг!

Милейший Леблан серьезно болен и очень желал бы, чтобы его навещали. Последние листы (то есть последний — 44-й — выпуск французского издания «Капитала») имели *установленные* размеры. Г-н Лашатр утверждал, что по условиям соглашения с типографией нельзя дать больше 44 листов. Таким образом, я должен был пожертвовать *предметным указателем, который был уже составлен.* Если я найду экземпляр, то пошлю его Вам.

Ваш *К. М.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 141

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) декабря 1875 г.

Милостивый государь!

Вы были очень любезны, послав мне последние выпуски французского издания «Капитала».

До сих пор мне не представился случай встретить книгу Советова [205], о которой Вы говорите [71]. Во всяком случае, если я найду, что она может быть полезной, то пошлю ее Вам. Вы уже знаете главные типы земледельческого хозяйства. То что Вас интересует в особенности, это—хозяйство подсечное, лесоподсечное или огневое и переложное. Относительно первого типа я советую Вам прочесть книгу Чубинского «О состоянии хлебной торговли и производительности Северного района». Факты, собранные им в книге, очень любопытны и дают весьма ясное представление об этой системе. Что касается общинной связи самих производителей, то Вы, несомненно, знакомы с ней по очерку Лалоша («Сельская община в Олонецкой губернии» — «Отечественные Записки» № 2, 1874). Этот очерк был Вам, вероятно, передан «нашим общим другом» * вместе со статьями Энгельгардта. Очерки Лалоша и исследования Леонтовича («Сборник государственных знаний», под редакцией Безобразова, т. II, ч. 2, стр. 35—91) дают представление об общине in statu nascendi **, о первобытной общине. Со вторым типом (хозяйство переложное), который существует в южных степях, нас знакомит Чаславский («Отхожие земледельческие промыслы» — в «Сборнике» Безобразова, т. II. Я просил одолжить Вам этот «Сборник», чтобы Вы могли его прочесть). Кроме Чаславского, Вы найдете сведения об этом типе хозяйства у Сабанеева: «Зауральский край», Москва, 1874, и в «Трудах экспедиции для исследования хлебной торговли и производительности России». СПб., 1869—1875, которые я Вам пошлю.

Желаю успеха в Вашей работе, имею честь быть преданным Вам

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 18 мая 1876 г.

Дорогой друг!

Адрес Пио следующий: 15, Hargwyne Street, Stockwell, S. W.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 145

* — Лопатиным. *Ред.*
** — в процессе зарождения. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 14 июня 1876 г.

Дорогой друг!

Энгельс, вероятно, сообщил уже Вам, что Либкнехт и его друзья имеют основания *подозревать* Рихтера в шпионаже. Если это подтвердится, я мог бы также объяснить, почему со времени последнего посещения, которым удостоил меня Рихтер, исчезла моя книжка с адресами; в ней находились *адреса* моих корреспондентов в разных странах. Это вызывает у меня сильное беспокойство только в отношении нескольких лиц в России.

Нужно предупредить также Пио.

Ваш *К. Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 146

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 15 июня 1876 г.

Дорогой друг!

Я был очень рад узнать из Вашего письма [95], что подозрения против Р. * были просто фантазией.

Либкнехт сперва написал Энгельсу, что против Р. существуют подозрения и что он (Энгельс) должен был бы *конфиденциально* предупредить об этом русских друзей в Лондоне. Энгельс ответил ему, что он ничего подобного не сделает до тех пор, пока Либкнехт не сообщит ему фактов, послуживших поводом для этих подозрений. Тогда Либкнехт написал, что однажды вечером, находясь в обществе нескольких членов экспедиции «Volksstaat» и других рабочих, Р., *бывший не совсем в трезвом виде,* пытался похитить пакет с письмами (от «Volksstaat»), предназначенными для отправки на почту. Друзья не мешали ему в этом, однако сопровождали его на почту и заставили сдать там пакет. Факт этот был передан Либкнехту, так что подозрение было высказано не им, а рабочими, до тех пор вполне доверявшими Р. Либкнехт сам пишет, что пословица «in vino veritas» ** далека от того, чтобы быть непререкаемой догмой, но что, тем

* — Рихтера. *Ред.*
** — «истина в вине». *Ред.*

не менее, случай этот наводит на размышления. Вы хорошо знаете, что раз возникает подобного рода подозрение, то всегда находятся более или менее неопределенные признаки, которые можно истолковать в неблагоприятном смысле.

По моему мнению, Либкнехт только исполнил свой долг, сделав предупреждение; ни он (до известной степени это относится и *ко мне*), ни его друзья не знали о *близких* связях Р. с Вами; в противном случае он, конечно, не считал бы нужным предупреждать Вас. Чтобы рассеять подобного рода недоразумения, самое лучшее — говорить откровенно. Партии, которая борется, следует быть готовой ко всему; я, по крайней мере, совершенно не был удивлен, когда меня обвинили в том, что я являюсь агентом г-на Бисмарка.

Энгельс был у меня вчера вечером. Я спросил его, писал ли он Вам, он ответил, что *не писал*, что он не считал себя вправе *писать* Вам по этому делу, потому что Либкнехт поручил ему сообщить Вам об этом *конфиденциально*, и что у него не было еще времени зайти к Вам. Я сказал ему, что написал Вам, и тогда он тоже выразил желание Вам написать.

Либкнехту я напишу в духе Вашего письма. Вместе с тем я полагаю, что было бы лучше ничего не сообщать Р. о том, что̀ произошло. Когда Либкнехт сообщит мое письмо своим друзьям, последние — я в этом уверен — сделают все (это честные рабочие), чтобы исправить то зло, которое они причинили своему товарищу.

В *«Pall Mall Gazette»* на прошлой неделе была помещена громовая статья о русских финансах.

Ваш *К. Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 146—147

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 16 июня 1876 г.

Дорогой г-н Лавров!

Несколько времени тому назад Либкнехт написал мне, чтобы я предупредил Вас, что Р. * возбуждает подозрения. Но так как я не мог взять на себя подобное поручение, не имея возможности указать Вам какие-либо факты, то я откровенно высказал это Либкнехту.

* — Рихтер. *Ред.*

Вот его ответ, который я сообщаю Вам *совершенно конфиденциально:*

«Р. пытался здесь весьма странным образом завладеть пакетом с письмами, который прошлой зимой должен был быть отправлен мне в Берлин. Он был *пьян* и поэтому очень неловко взялся за дело, так что его поймали. В опьянении его в течение многих часов преследовала *навязчивая идея* завладеть этим пакетом; это ему даже удалось, но его спутники заставили его опустить пакет в почтовый ящик, что он и сделал, после того как его попытка *подменить* пакет потерпела неудачу. Лица, присутствовавшие при этом происшествии и до тех пор твердо верившие в его честность, были теперь озадачены. В состоянии опьянения иной раз, правда, приходят в голову странные вещи, однако ничего такого, чего там уже не было бы и в трезвом состоянии. Выражение «in vino veritas» * не совсем лишено смысла. О других весьма подозрительных обстоятельствах я здесь говорить не стану, так как они не столь вески, как то, что я рассказал. Отмечу только, что Р. неоднократно предлагал свои услуги по *передаче писем* и просил рекомендации к всевозможным партийным товарищам».

Я очень сожалею, что из-за того, что мне постоянно мешали, я не смог раньше передать Вам это сообщение, о котором не знаю что и думать.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравии. Привет г-ну Смирнову.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 147—148

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 30 июня 1876 г.

Дорогой г-н Лавров!

По поводу запрещения г-ном Бисмарком в Германии «Вперед!» ** могу сообщить в утешение Вам, что всего шесть дней тому назад я видел его в Гейдельберге открыто выставленным в витринах книжных магазинов. Г-н Бисмарк еще не сумел выучить всех своих полицейских читать по-русски.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 148

* — «истина в вине». *Ред.*
** Название написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 7 августа 1876 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Только что получил два письма, одно из Лейпцига, другое из Берлина по поводу одного дела, которое является для меня весьма неприятным и которое, по-видимому, произвело очень плохое впечатление и в Лейпциге; я нахожу, что там имели полное основание быть неприятно пораженными этим случаем. Один молодой русский (еврей) * в Берлине, лично мне не знакомый, был довольно длительное время нашим берлинским агентом по связям, и ничего кроме хорошего мы о нем сказать не могли. Он часто общался также с немецкими социалистами и переписывался с Либкнехтом. Но теперь он допустил весьма серьезную ошибку: в течение некоторого времени он не являлся на почту за получением писем до востребования и несколько писем, адресованных ему до востребования, были вскрыты, в том числе и письма Либкнехта. Почта переслала их в Лейпциг, и это произвело на саксонских социалистов то впечатление, о котором я говорил. Я не собираюсь защищать этого молодого человека, который сам признает серьезность своей ошибки, обвиняет себя в своем письме и просит, чтобы обязанности связного были переданы кому-нибудь другому. И хотя ошибка серьезная, у меня все же есть все основания думать, что этот человек не заслуживает подозрений. Повторяю: лично я с ним не знаком, и из всех моих русских друзей, находящихся здесь, только один его знает. Но у него были превосходные рекомендации от социалистических групп, действующих в России. Он очень активный член социалистического общества русских евреев, которое выпустило пересылаемую Вам прокламацию и основало недавно здесь, в Лондоне, социалистическую группу, устав которой я Вам также посылаю [206] (это еврейское социалистическое общество ручается за этого молодого человека). Все те, кто поддерживал с ним отношения посредством переписки, в том числе и я, всегда с похвалой отзывались о нем; кроме того, он достаточно хорошо осведомлен о делах в России и о тех, кто ими руководит, чтобы нанести нам, если бы он этого захотел, непоправимый вред. Поэтому я попросил бы Вас передать от моего имени Либкнехту, что мы, осуждая совершенный им проступок и принимая все необходимые меры, чтобы он не повторился, не имеем никаких оснований сомневаться в этом человеке и видеть в его ошибке нечто большее, чем необдуманный проступок, хотя и очень серьезный. В связи

* — Гуревич. *Ред.*

с этим делом мне необходимо сказать Вам еще несколько слов. Полученное мной вчера письмо из Лейпцига написано одним молодым русским, который выступает от имени немецких социалистов и, по-видимому, от имени Либкнехта. Я уже кое-что сообщал Либкнехту об этом молодом человеке, некоем Дехтереве (иногда называющим себя Морозовым). Он *не состоит* в партии, *не пользуется* доверием ни в кружках, действующих в России, ни у нас. Его нельзя назвать опасным человеком, но он глупый болтун и фанфарон, с некоторым налетом цивилизации и начитанности, но с абсолютно пустой головой. Ему следует оказывать по возможности меньше доверия, и я попросил бы Вас никогда не использовать его в качестве посредника в делах, имеющих какое-либо значение. — Этот господин пишет мне, что «немцы» (полагаю, что речь идет о Либкнехте) отправили в Берлин для расследования этого дела одного русского, по фамилии Чернышев, который мне хорошо известен по Цюриху. Более худшего выбора вряд ли можно сделать. Это путаная голова; у него никогда не было ни одной ясной мысли, зато он превосходно умеет сеять раздоры. Нужно было бы поручить это дело нескольким немецким рабочим, которые куда лучше разобрались бы в нем. От души желаю, чтобы этот злосчастный Чернышев (который, вдобавок, хвастается — бедняга, — что он мой личный враг) не причинил бы в данном случае еще большего вреда.

Прошу извинить меня за пространность данного письма. Я пишу его на случай, если не застану Вас дома. На этих днях пришлю Вам новую брошюру [207]. Все это время мы сильно беспокоились за Смирнова. Он был очень плох, и я уже думал, что он не перенесет эту болезнь, последние дни он, кажется, чувствует себя несколько лучше, но все еще очень слаб.

Ваш *П. Лавров*

Не посылаю Вам устава, потому что он на еврейском языке, но перевод был опубликован в № 37 нашего журнала *.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОН

Рамсгет, 15 августа 1876 г.

Дорогой г-н Лавров!

По возвращении из Германии я нашел у себя Ваше письмо от 7-го числа, которое и поспешил сообщить Либкнехту. Так как лица, о которых

* — «Вперед!». *Ред.*

идет речь, были мне совершенно неизвестны, то это было единственное, что я мог сделать.

Надеюсь, что наш бедный Смирнов окажется достаточно крепким, чтобы справиться с болезнью. При слабом состоянии своего здоровья он работал слишком много, а ему следовало бы несколько беречь себя. Тысяча пожеланий от меня ему, так же как и Вам.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 150

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 15 сентября 1876 г.

Дорогой г-н Лавров!

В конце настоящего письма я сообщаю Вам те несколько слов, которые Либкнехт только что написал мне по поводу лиц, упоминаемых в Вашем письме *. Из них Вы увидите, что Либкнехт снимает с себя всякую ответственность за то, что мог написать Д. ** и что мог сделать Ч. ***

Надеюсь, что г-н Смирнов поправляется.

Ваш *Ф. Энгельс*

«*Мои* письма, которые Г. **** подсунул в руки полиции, были заведомо написаны так, чтобы их мог прочитать Штибер, но не так обстояло дело с многочисленными письмами русских. Л.***** заблуждается, если думает, что я доверился *хотя бы одному* русскому эмигранту. Я совершенно не отвечаю за то, что *болтают* эти людишки, а болтают они страшно много. Ч. ездил в Берлин *не* по моему поручению, но, разумеется, с моего ведома, — испортить там было уже нечего».

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 156

* См. настоящий сборник, стр. 330—331. *Ред.*
** — Дехтерев. *Ред.*
*** — Чернышев. *Ред.*
**** — Гуревич. *Ред.*
***** — Лавров. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 7 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Я только что получил письмо из Парижа (от одного служащего в книжном магазине Лашатра *), из которого видно, что запрещение «Капитала» ** — просто-напросто миф, впрочем миф, усердно распространяемый полицейскими и самим г-ном Кэ, судебным администратором, под опеку которого блаженной памяти Бюффе передал книжный магазин Лашатра.

Так как «Капитал» издавался при режиме осадного положения, то, с тех пор как осадное положение снято, он может быть запрещен только обыкновенным судом, а такого скандала боятся. Поэтому стараются изъять книгу с помощью скрытых интриг.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы передадите мне письмо, в котором Ваш комиссионер Гюйо пишет о запрещении книги. С другой стороны, у Ковалевского есть русские друзья в Париже, которые готовы засвидетельствовать, что даже в книжном магазине Лашатра им отказали в продаже этой книги.

Имея эти доказательства, я мог бы пригрозить г-ну Кэ, — который весьма скуп, хотя и миллионер, — судебными мерами и требованием возмещения убытков. Только под давлением подобных угроз он, наконец, согласился отпечатать последние 15 выпусков. Согласно французским законам, он по отношению ко мне является только представителем г-на Лашатра, его заместителем, и должен выполнять все условия, содержащиеся в моем договоре с последним.

В «Revue des deux Mondes» за сентябрь этого года помещена критика, — если так можно выразиться, — «Капитала», принадлежащая г-ну Лавеле [208]. Нужно прочитать ее, чтобы получить представление об идиотизме наших буржуазных «мыслителей». Г-н Лавеле, однако, достаточно наивен, чтобы признать, что если принять доктрины Адама Смита и Рикардо или даже — horribile dictu *** — доктрины Кэри и Бастиа, то нельзя избежать пагубных выводов «Капитала».

Поздравляю Вас с Вашей передовой статьей в последнем номере «Вперед!» о панславистском лиризме в России [209]. Это не только шедевр, но прежде всего акт большого морального мужества.

Как здоровье Смирнова?

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 161—162

* Вероятно, от А. Ориоля. *Ред.*
** — французского издания первого тома «Капитала». *Ред.*
*** — страшно сказать. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 21 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Прилагаю вырезку из «Pall Mall Gazette»; это извлечение из Вашей передовой статьи (в № 42 «Вперед!» [209], плохо переведенное, хотя перевод сделан сэром и т. д. Ролинсоном. Ковалевский сообщил мне об этом, а также прислал и саму выдержку. Он просил меня дать ему № 42 Вашей газеты, но и «самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». Я уже послал этот номер Утину (в Льеж).

Ковалевский сообщил мне [95] также, — Вы можете использовать это в Вашей газете [210], — что отвратительная русская клика, претендующая на звание представительницы самых крупных русских литературных сил, заявила Ролинсону и другим известным английским деятелям о своем намерении издавать в Лондоне журнал, чтобы знакомить англичан с подлинным политико-социальным движением в России. Главным редактором — вместе с другими сотрудниками гнусной газеты «Гражданин» * — будет Голохвастов и, как говорят, князь Мещерский.

Русское правительство уже дало доказательство своей неплатежеспособности, заставив Петербургский банк объявить, что он больше не будет оплачивать иностранных векселей золотом (а также серебром). Этого я ждал, но что это правительство, прежде чем пойти на такую «неприятную» меру, снова сделало глупость, пытаясь в течение двух или трех недель искусственно поддерживать курс рубля на Лондонской бирже, — такой факт превосходит всякие границы. Это стоило ему около двадцати миллионов рублей, что равносильно тому, как если бы оно бросило эти деньги в Темзу.

Эта нелепая операция — искусственная поддержка курса за счет правительства — принадлежит XVIII веку. В настоящее время к ней прибегают только алхимики русских финансов. Со времени смерти Николая эти периодически повторяющиеся бессмысленные манипуляции стоили России, по крайней мере, 120 миллионов рублей. Так может поступать лишь правительство, которое еще серьезно верит во всемогущество государства. Другие правительства знают, по крайней мере, что «деньги не имеют хозяина».

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 169—170

* Название газеты написано Марксом по-русски. *Ред.*

Н. И. УТИН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Льеж, воскресенье, 17 декабря 1876 г.

Дорогой отец!

Ты будешь не мало удивлен и огорчен содержанием этого письма. Речь идет о нашей милой Элизе * и ее печальной истории. Недавно она решила сбросить свое инкогнито и явилась в Петербург к нашему близкому другу Виктору Бартеневу. Причина этого решения следующая: она вышла замуж, вскоре после своего отъезда, за бывшего управляющего покойного мужа. Этот бывший управляющий, насколько я могу судить по его письмам, всегда был негодяем... Вскоре после своего отъезда, то есть спустя три месяца, она обратилась ко мне, как к своему другу и бывшему наставнику (какой же я бедный человек!) и призналась, что одно время она спрашивала себя, уж не любит ли она этого человека, о котором все говорят дурно... Я высказал ей все, что думал, старался отговорить ее, советовал отбросить всякую мысль о любви к этому человеку, говорил, что в России она найдет достойного человека, если ищет объекта любви... Наведя справки, я описал ей этого человека. Она мне ответила тогда, что действительно этот человек «произвел на нее некоторое впечатление, но что иллюзия эта утрачена, что она больше не думает о нем, что задыхается в России и т. д. и т. п.». Но иллюзия была утрачена настолько мало, что в один прекрасный день она оказалась его женой, а теперь Элиза мать двоих детей, муж ее в тюрьме по обвинению в принадлежности к одному обществу — не политическому, а мошенников, которые вымогали деньги обманным путем... Процесс состоится в Москве, в феврале... Элиза всерьез любит своего мужа и говорит, что если он будет осужден, она последует за ним в Сибирь... Следовательно, этот человек имеет, по-видимому, какие-то привлекательные черты... Очевидно также, что бедная женщина, привыкшая к роскоши и совершенно разорившаяся, верила в мечты о миллионах, которые рисовались воображению ее мужа. Теперь она находится в большой нужде. И это — «дочь нашего полка!».

Элиза явилась к Виктору и попросила его обратиться *за границу* к ее старым друзьям, через посредство г-жи Ольги **, чтобы достать ей *3 000 рублей,* которые она надеется вернуть через три года. Эти деньги ей нужны, чтобы уплатить адвокату, который пожелал бы защищать ее мужа, а адвокаты дороги... Так вот, поможем ли мы заблудившемуся несчастному

* — Томановской. *Ред.*
** — Левашовой. *Ред.*

ребенку или нет? Я считаю, что нужно помочь, и я не был бы достоин называться твоим сыном, если бы думал иначе... Я могу выделить *тысячу* франков, и постараюсь их доставить ей; Ольга последует моему примеру и пошлет ей, вероятно, *две* тысячи... Но этого недостаточно. Не сообщишь ли ты об этой истории *Энгельсу?* Он, наверное, захочет помочь ей. Затем *Ковалевский* — у него благородное сердце. Если кто-нибудь имеет право на нашу помощь, то это несомненно Элиза — в свое время она не жалела своего состояния ради нашего дела... Но Ковалевский может также оказать большую помощь и другим способом. Он знает многих адвокатов в Москве. Не мог ли бы он *немедленно* написать некоторым своим друзьям и попросить их, чтобы кто-нибудь взял на себя безвозмездно защиту этого человека, по фамилии *Давыдовский* (общество носило название «червонных валетов»). В Москве есть несколько богатых адвокатов, которые могли бы это сделать. (Если бы дело слушалось в Петербурге, мой брат * сделал бы это, но ввиду того, что оно будет разбираться в Москве, он не может отлучиться на месяц или полтора.) Если Ковалевский согласен на это, нужно, чтобы он запросил ответ телеграммой... Итак, деньги и адвокат!

Я очень спешу, различные дела поглощают все мое время, поэтому не могу отлучиться отсюда ни на одну минуту, иначе приехал бы лично поговорить об этом деле. Это письмо передаст тебе Ната **, она сообщит все необходимые подробности.

До свидания. Обнимаю тебя и остаюсь преданным до предстоящей революции.

Николай

P. S. Видел ли ты французско-итальянский журнал, который издается в Женеве? Если нет, я пришлю тебе его. Он мне кажется подозрительным, хотя и направлен против юрцев. Бонапартист Бастелика фигурирует там вместе с Терцаги, как заклятый враг юрцев!

Тысяча приветов герцогине Аргайльской *** и Тусси.

Я все же приеду в Англию в конце января на три дня.

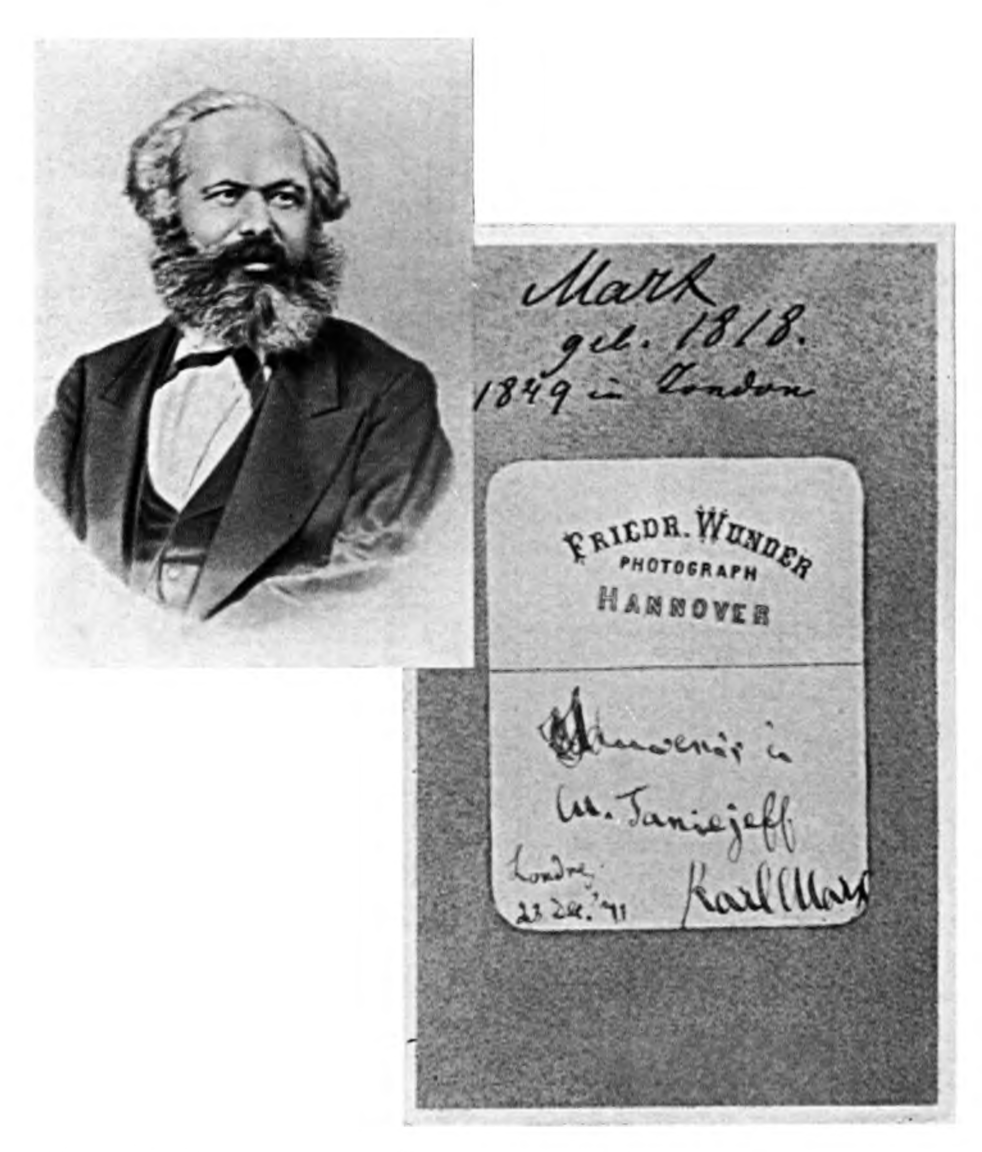
Николай

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — Е. Утин. *Ред.*
** — Утина. *Ред.*
*** — Женни Маркс. *Ред.*



Портрет К. Маркса с дарственной надписью В. И. Танееву

МАРКС — М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

В МОСКВУ

Лондон, 9 января 1877 г.

Дорогой друг!

Я узнал, что одна русская дама *, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа **. Я ничего не знаю ни о ее муже, ни о том, виновен ли он или нет. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь и так как г-жа ..... решила следовать за своим мужем, которого считает невиновным, то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника. Г-жа ..... предоставила управление своим состоянием мужу и сама совершенно не в курсе дела, таким образом только адвокат может ей в этом помочь.

Г-н Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа, — может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Поэтому Вы меня очень обяжете, если от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 185

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 24 февраля 1877 г.

Дорогой друг!

Вы нас очень обяжете, мою жену и меня, если придете к нам обедать завтра (в воскресенье) в два часа. Я тогда объясню Вам причину своего долгого молчания — болезнь горла и работа, которую мне навязали отчасти против моей воли [211].

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 197

* — Томановская. *Ред.*
** — Давыдовского. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 16 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Один член палаты общин (ирландец) * собирается внести — на следующей неделе — предложение о том, чтобы английское правительство потребовало от *русского* правительства проведения (в России) реформ, которые оно объявляет необходимыми по отношению к Турции. Он хочет воспользоваться этим случаем, чтобы сказать об ужасах, творящихся в России. Я уже сообщил ему некоторые подробности о мерах, принятых русским правительством по отношению к непокорным полякам-униатам. Не могли бы Вы дать краткую сводку — по-французски — о судебных и полицейских преследованиях, происходивших за последние годы в России? Так как времени мало — я только сегодня узнал об этом — и так как лучше сделать что-нибудь, чем ничего, то не могли бы Вы, поскольку Вы лучше меня помните все подобные факты, сделать это «что-нибудь»? Я думаю, что это принесло бы большую пользу Вашим несчастным соотечественникам [212].

Что касается г-жи Утиной, то я тут ничего не понимаю, но я подвергну ее перекрестному допросу при следующем свидании. Если бы она не говорила неоднократно моей жене и мне о своем желании видеть Вас, мы не сказали бы об этом ни слова.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 198—199

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 (19) марта 1877 г.

Милостивый государь!

Надеюсь, Вы получили книги, которые я послал Вам. (Три выпуска *«Статистического временника»*, *«Сборник сведений об артелях»*, Буняковского — *«Антропобиологические исследования»*, Васильчикова — *«Землевладение и земледелие»* и, наконец, только что вышедшее в свет исследование Соколовского — *«Очерк истории сельской общины»*. СПб., 1877.) Для нас большое значение имеет вопрос, разрабатываемый Ва-

* — О'Клиери. *Ред.*

сильчиковым. Но так как он, как Вы убедитесь сами, совсем не философ, так как, кроме того, в его распоряжении было сравнительно мало данных, то нередко его выводы не согласуются с фактами. Примером может служить история деревенской общины: автор ничего не желает знать о методе, приведшем к столь блестящим результатам, например, в этнологии, то есть о методе объяснения происхождения известных социальных отношений на основании фактов, которые мы сами можем наблюдать в обществах, живущих, так сказать, в первобытных условиях. Так, он не обращает никакого внимания на интеграцию рассеянных на большом пространстве крестьян, при приросте населения, в одну общину с переделами, как мы это наблюдаем, например, в западной Сибири, северной России, на землях донских казаков и т. д. (Гагемейстер, «Статистическое описание Сибири»; Лалош, «Сельская община в Олонецкой губернии»; «Отечественные Записки», 1874, № 2; «Донские областные ведомости»; «Ставропольские губернские ведомости» и пр.). Впрочем, Вы сами заметите, что эта работа при всех своих крупных достоинствах не лишена и недостатков. Но так как вопрос о земельной собственности имеет для нас, как я уже раньше сказал, большое значение, и так как Вам известны не только западноевропейские и *все* русские источники, которые использовал Васильчиков, но еще и многие другие (разумеется, печатные) то, может быть, Вы возьметесь написать по этому вопросу статью для какого-нибудь русского журнала (например, для «Отечественных Записок»). Благоприятный ответ с Вашей стороны был бы нам очень желателен.

В каком состоянии находится второй том Вашего труда [81]? Я слышал, будто он появится в этом году. Верно ли это?

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Статью я получил, и она находится уже в руках члена палаты общин *, которому я доставлю также и поправку [212].

* — О'Клиери. *Ред.*

Бизли был вчера у меня, я говорил ему о Вашей статье[213] для *«Fortnightly Review»*. Он сказал мне, что порекомендует Вас Джону Морли, главному редактору, но — и это очень неприятно — статью надо написать по-английски или перевести на английский язык, прежде чем посылать ее радактору. Что же касается размера статьи, то печатный лист является обычным размером.

Олсоп не дал нам своего последнего адреса; может быть, Леблан мог бы его добыть?

Я получил вчера письмо из С.-Петербурга с сообщением о том, что мне отправлена посылка, содержащая несколько книг*. К сожалению, я ничего не получил.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 199

Н. И. УТИНА — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], понедельник, 26 марта 1877 г.

Дорогой г-н Маркс!

К моему великому сожалению, Николай абсолютно ничего не знает о генерале Игнатьеве, так как до сегодняшнего дня эта персона была совершенно неизвестна.

Николай приехал в добром здоровье, и, как я это предвидела, уже отправился в контору, где останется до вечера. Он поручил мне передать Вам самый сердечный привет и сказать, что в скором времени мы явимся к Вам в гости.

Преданная Вам

Наталия Утина

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* См. предыдущее письмо. *Ред.*

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 27 марта 1877 г.]

Дорогой друг!

Не можете ли Вы сообщить мне имя Игнатьева, а также некоторые подробности о его семье и о нем самом? Что касается его политических подвигов, то о них я более или менее осведомлен.

В Москве произошел основательный торговый и промышленный крах.

Ваш *К. М.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 202

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 29 марта 1877 г.]

Дорогой друг!

Очень благодарен Вам за записку, которую я получил вчера вечером. Вы и понятия не имеете о подлости и трусости «свободной» английской прессы. Это единственная причина, почему я не могу еще дать Вам определенного ответа о судьбе Вашей статьи [213].

Ваш *К. М.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 202

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 17 апреля 1877 г.

Дорогой друг!

Посредник только что вручил мне гонорар в 2 ф. 10 ш., причитающийся Вам от *«Vanity Fair»;* прилагаю этот гонорар в виде почтового перевода.

Меня поистине удивило Ваше письмо [95]. Ведь Вы по моей просьбе взяли на себя труд немедленно написать не только эту статью, которая

была напечатана, но и рукопись для члена парламента [212], и Вы еще считаете себя обязанным мне! Наоборот, я Вам обязан.

Мы сможем поговорить о деле Пио, когда Вы исполните свое обещание и придете ко мне.

Ваш *Карл Маркс*

Если в почтовой конторе спросят фамилию «отправителя», надо указать мою фамилию и мой адрес.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 205—206

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 21 апреля 1877 г.]

Дорогой друг!

Мы ждем Вас завтра (в воскресенье) к обеду (в 2 часа).

Очень спешу. Привет от г-жи Маркс.

Ваш *К. М.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 208

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 апреля 1877 г.
(день рождения Шекспира)

Дорогой друг!

Посылаю Вам от имени моей дочери Тусси билет (на два лица) в кресла *Лицейского театра* *. Это на сегодняшний спектакль (понедельник). Ставят «Ричарда III» **. Было бы хорошо, если бы Вы были там немного позже семи часов.

Ваш *Карл Маркс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 209

* — драматического театра в Лондоне. *Ред.*
** — пьеса Шекспира. *Ред.*

Ш. ЖАКЛАР — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 ноября (2 декабря) 1877 г.

Дорогой гражданин!

Спешу воспользоваться представившимся случаем, чтобы нарушить долгое молчание и напомнить о себе Вам и моему милейшему другу Лафаргу. Дело в следующем: в начале января следующего года в Петербурге начнет выходить новый социалистический журнал «Слово». Хотелось бы иметь статьи об Ирландии. Вспомнив о замечательных статьях, опубликованных некогда мадемуазель Маркс в «Marseillaise»[214], у меня появилась надежда, что она, может быть, согласится взять на себя эти корреспонденции. Размер статей и количество их предоставляются на усмотрение автора. Думаю, что предпочтительнее давать статьи размером не более одного листа. Они могут быть написаны по-английски, по-немецки или по-французски. Журнал платит из расчета 189 фр. за лист (в 35 000 букв) и просит извинить его: для начала он больше платить не может. Первую статью можно переслать через меня, так как точный адрес редакции мне еще не известен.

Прошу извинения у мадемуазель Маркс за смелость, которую я себе позволил. Так или иначе, я буду очень рад, если этот случай даст мне возможность получить какие-либо известия от Вас и от Вашего зятя.

Моя жена *, которая не забыла, каким вниманием Вы ее окружали, шлет Вам вместе со мной свои наилучшие пожелания.

Д-р Жаклар

P. S. После нового разговора с редакцией я должен передать Вам еще одну просьбу. Не согласитесь ли Вы прислать несколько статей о социальном и экономическом движении в Германии и Англии?

Теперь личная просьба: не можете ли Вы рекомендовать мне шведских и датских корреспондентов?

Журнал ежемесячный. Статьи должны присылаться в Петербург не позднее 10 (22) каждого месяца. В случае Вашего согласия, прошу Вас указать мне форму оплаты.

Вот мой адрес:

С.-Петербург, Васильевский остров, 6 линия, дом 15. Д-ру Жаклар-Корвин. Адрес может быть написан по-французски.

* — Корвин-Круковская. *Ред.*

Вы меня очень обяжете, если ответите до 10(22) декабря.

Статьи подписываются.

Жаклар

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — В. Н. СМИРНОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 29 марта 1878 г.

Дорогой Смирнов!

Я предполагаю, что Вы еще редактор «Вперед!» * и, значит, это письмо застанет Вас по выбранному мной адресу.

Партийные друзья в Париже просят у меня информацию о двух агитаторах, выступающих в наших парижских обществах, а именно о *«князе Кропоткине»* и г-же *«Кулишовой»*, близкой подруге Косты.

Известно ли Вам что-нибудь об этих личностях в политическом отношении?

Преданный Вам

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 253

ЭНГЕЛЬС — Г. А. ЛОПАТИНУ [215]

В ПАРИЖ

[Лондон, 3 апреля 1878 г.]

...Передайте от меня большой привет Лаврову. Я с удовольствием отметил, что его прекрасная статья в последнем выпуске «Вперед!» * была переведена в «Vorwärts», она произведет соответствующее впечатление [216]. К сожалению, у меня немного побаливает глаз, и это мешает мне читать по-русски, от русского шрифта у меня всегда болят глаза; будем надеяться, что болезнь не затянется...

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 254 — 255

* Название журнала написано по-русски. *Ред.*

С. И. СЕРЕБРЕННИКОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 9 апреля 1878 г.

Д-ру Карлу Марксу, эсквайру.

Милостивый государь!

К моему величайшему сожалению, я вынужден уехать отсюда, не повидав Вас еще раз. Мой хозяин отправляется отсюда на континент, вероятно, в Италию, и я должен сопровождать его. После экспедиции к устью Енисея я вернусь обратно в Англию. Тогда я сочту за величайшую честь посетить Вас, следуя Вашему дружескому приглашению.

С глубочайшим уважением

Ваш *С. И. Серебренников,* инженер-механик

Публикуется впервые | *Печатается по рукописи*
Перевод с немецкого

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Верне-Монтрё, 17 апреля 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Вернувшись третьего дня из довольно продолжительной деловой поездки, я нашел у себя на столе Ваше письмо от 3 апреля*, полученное здесь, однако, только 10 числа. Судя по почерку на конверте, я думаю, что оно было переслано мне Гиршем, хотя внутри этого конверта не было ни строчки от него.

Объяснив Вам запоздание моего ответа, я прямо перехожу к тому небольшому делу Бракке, о котором Вы пишете.

Мне кажется, что у Вас должна быть группа осужденных в формате обыкновенной фотографической карточки[217]. Существует снимок этой группы и в виде кабинетной карточки. Сейчас у меня нет ни одного экземпляра этого формата. Но я уже попросил Смирнова послать Вам или Бракке один такой снимок. Я попросил его также присоединить к нему номер «Graphic», в котором эта фотография была недавно помещена, полагая, что Бракке предпочтет, может быть, просто приобрести английское клише. Возможно даже, что Смирнов найдет у себя также несколько карточек осужденных по последнему процессу 193-х и сможет одолжить их Бракке, но я не уверен, есть ли они у него.

* См. настоящий сборник, стр. 344. *Ред.*

Что касается статьи, о которой просит Бракке[218], то я не смогу ее написать сам по двум причинам. Во-первых, у меня нет здесь под руками необходимых материалов, а во-вторых, я страшно завален сейчас спешной работой, которой не могу пренебрегать из-за своего стесненного положения, да еще принимая во внимание низкий курс рубля в настоящее время. Я попросил Смирнова заменить меня в этом деле. В качестве нынешнего редактора журнала «Вперед!», он специально занимается собиранием и обработкой подобных материалов, и потому ему довольно легко будет это сделать. К тому же, мне кажется, что он может писать по-немецки гораздо лучше, чем я по-французски или по-английски. В случае, если он также откажется от этой работы, я постараюсь поручить ее одному из моих друзей эмигрантов, который довольно хорошо владеет немецким языком.

В последнее время я вижу очень мало немецких газет, а потому не знаю толком, о какой статье из 5-го тома «Вперед!» Вы говорите[216]. Но, во всяком случае, могу заверить Вас, что ни одна из статей не написана Лавровым: он уже очень давно не состоит больше в редакции и не сотрудничает в этом журнале.

У меня со своей стороны тоже есть просьба к Вам. Вы недавно напечатали в «Vorwärts» ряд очень интересных статей о философии и политической экономии Дюринга *. Может быть, эти статьи уже изданы особо, в виде отдельного оттиска? В таком случае я буду Вам очень обязан, если Вы пришлете мне один или два экземпляра этого отдельного издания. Второй экземпляр предназначается для некоторых моих друзей, русских социалистов, которые ухитряются подчас соединять воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь (правда, весьма крепкую и весьма революционную) из Прудона, Маркса и Дюринга только на том основании, что все трое находятся в крайней оппозиции и труды их в той или иной мере запрещаются и преследуются у нас в России.

Меня очень огорчает нездоровье Вашей жены ** и г-жи Маркс. Что касается меня, то мои семейные дела не лучше. Моя жена *** до сих пор еще не вполне поправилась. Начиная с июля месяца 1877 г. она непрерывно находится в Швейцарии. Я провел вместе с ней сентябрь и октябрь и теперь с февраля снова в Швейцарии. Думаю остаться здесь до июня. Можете себе представить, во что обходятся все эти вынужденные путешествия при нашем теперешнем курсе, который падает временами до 237, а иногда и ниже; что будет дальше, не берусь судить и стараюсь

* *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг». *Ред.*
** — Лиззи Бёрнс. *Ред.*
*** — Абсеитова-Корали. *Ред.*

даже не думать об этом. Каждый день может вспыхнуть новая война, если Англию не удержит перспектива того большого промышленного и торгового кризиса, о котором Вы говорите. Впрочем, может быть, даже наоборот, именно эта перспектива неизбежного кризиса и заставит ее быстрее решиться на войну. Qui vivra, verra *.

А теперь до свидания. Сердечный привет Вашей жене и всей семье Маркса.

Ваш *Г. Лопатин*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Верне-Монтрё, Швейцария, 23 апреля 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Я получил ответ от Смирнова. Он сам пошлет Вам фотографические карточки осужденных [217]. Что касается статьи о процессах русских социалистов, то ее берется написать г-н Даль — второй нынешний редактор журнала «Вперед!». Это автор статьи «Плоды реформ», перевод которой был помещен в «Vorwärts» [216]. Он живет в настоящее время в Лейпциге (под фамилией Майера, 28b, Elsterstrasse, W., у г-на Виллеке). Его статья будет написана по-немецки, для Бракке это будет удобнее.

Посылаю Вам это письмо через Смирнова, чтобы он мог добавить все необходимые подробности.

Сердечный привет Вашей жене, Пумпс и всей семье Маркса.

Ваш *Г. Лопатин*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — В. Н. СМИРНОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 16 июля 1878 г.

Дорогой г-н Смирнов!

Вчера я послал Вам экземпляр моего сочинения против Дюринга **, который, надеюсь, Вы получили.

* — Поживем — увидим. *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг». *Ред.*

Я послал бы по экземпляру Лопатину и Лаврову, но не знаю, в Швейцарии ли еще Лопатин, и у меня нет теперешних парижских адресов ни того, ни другого. Вы меня очень обяжете, если сможете сообщить мне, куда я должен адресовать эти книги.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 259

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «НАЧАЛО» — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Брюссель, 22 июля 1878 г.

Милостивый государь!

Сегодня я послал Вам 3 последних номера социалистического органа, выходящего в России.

Если желаете получать и следующие, которые начнут снова выходить в середине августа, то мы, несмотря на трудность, готовы с удовольствием сделать это. Об этом Вам нужно будет только заявить г-ну Либкнехту.

Мы, в свою очередь, просим Вас, равно как и г-на Маркса и всех просвещенных людей, готовых содействовать нам, присылать нам важные для нас статьи и корреспонденции, равно как и сообщать все важнейшие сведения, могущие ускользнуть от нас.

Писать можете по-немецки, французски и английски (и, понятно, по-русски). Пока тоже через посредство г-на Либкнехта́.

Один из представителей русского социализма *

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи на русском языке, сверенной с немецким переводом

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 10 августа 1878 г.

Дорогой г-н Лавров!

Надеюсь, что Вы получили экземпляр моей брошюры против Дюринга **, которую я отправил Вам вчера. Я бы послал ее раньше, если бы

* В немецком переводе подпись другая: «Один из представителей газеты «Начало»». *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг». *Ред.*

у меня был Ваш теперешний адрес. Я писал Смирнову *, 4, Lower Charles St., а затем Лопатину, 6 Rue Linné, чтобы узнать Ваш адрес, но ни тот, ни другой не ответили мне. Не можете ли Вы мне сообщить, куда следует отправить экземпляр, предназначенный Лопатину? Его молчание нас несколько беспокоит, потому что предыдущее письмо **, посланное по тому же адресу, было переправлено ему в Швейцарию, где он предполагал оставаться, как он мне сам писал, только до июня месяца, а после этого в газете «Начало» писали, что он *арестован в России*[219]. Хотя в этом известии имеются хронологические несоответствия, однако его молчание нас тревожит.

Вы, вероятно, уже читали, что немецкие дарвинисты в ответ на призыв Вирхова[220] решительно выступили против социализма. Геккель, брошюру которого я только что получил, ограничивается тем, что в общих выражениях говорит о «безумных социалистических учениях», зато г-н Оскар Шмидт из Страсбурга собирается разгромить нас на съезде естествоиспытателей в Касселе и сделает это con amore ***. Напрасный труд! Если реакция в Германии будет развиваться беспрепятственно, то первыми жертвами после социалистов будут дарвинисты. Впрочем, что бы с ними ни случилось, я считаю своим долгом ответить этим господам. Во всяком случае мы имеем все основания быть довольными этим событием, как и вообще всем ходом событий. Г-н Бисмарк, который в течение семи лет так работал на нас, как если бы мы за это ему платили, теперь, по-видимому, уже не может сдержать своих усилий ускорить пришествие социализма. «После меня хоть потоп» — не удовлетворяет его; он добивается наступления этого потопа еще при жизни, — да свершится воля его! Боюсь только, что он работает чересчур усердно и потоп наступит раньше положенного срока.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 262—263

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 11 августа 1878 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Я только что получил Ваше любезное письмо и Вашу работу о Дюринге, которую я уже давно хотел видеть и половину которой я прочел

* См. настоящий сборник, стр. 347—348. *Ред.*
** См. там же, стр. 345. *Ред.*
*** — с превеликим удовольствием. *Ред.*

в «Vorwärts», пока еще получал эту газету; теперь ее чрезвычайно трудно достать в Париже, и я ее почти не вижу. Я очень благодарен Вам за то, что Вы вспомнили обо мне. Экземпляр для Лопатина отправьте по моему адресу, так как я сохраняю все письма, газеты и книги, которые приходят для него в его отсутствие. Лопатина сейчас нет в Париже. Среди писем, ожидающих его, есть одно с адресом, написанным, как мне кажется, Вашей рукой. Известия, сообщаемые газетой «Начало» [219], относятся или к брату *нашего* Лопатина, участнику последнего процесса — процесса 193-х [217], или же к его двоюродному брату, который только что выслан в Вологодскую губернию по делу киевских студентов. *Наш* Лопатин приезжал из Швейцарии, а потом снова уехал на некоторое время; думаю, что он вернется через месяц, если не раньше. Своего адреса он мне не оставил, но я получил письмо от него около двух недель тому назад. — Немецкие дарвинисты поступают весьма глупо, занимая по отношению к социализму позицию, которая отнюдь не диктуется их общей точкой зрения. Я с большим интересом прочту то, что Вы собираетесь написать по этому поводу.

Что касается положения дел в Германии, то я очень рад, что Вы находите его благоприятным, но у меня нет такой уверенности, и я жду, как развернутся события. — Как здоровье Маркса и что с его вторым томом *, подвигается ли он? Следили ли Вы за ожесточенной полемикой в русской литературе прошлого года вокруг его имени [221]? Жуковский (ренегат) и Чичерин выступают против Маркса, Зибер и Михайловский за него. И все это длинные статьи. Я думаю, что нигде в другом месте не было так много написано о его работе. Полемика еще не закончена, так как Зибер, которого я видел несколько дней тому назад в Париже, сказал мне, что он готовит ответ Чичерину, статью которого он только что прочел. Работа Зибера о теории Маркса будет опубликована отдельно, вероятно, в конце года [222]. — Третьего дня я послал Вам и Марксу привет через Ковалевского, с которым я познакомился; он уезжает сегодня (если не уехал уже вчера) в Лондон. — И я рад воспользоваться оказией, чтобы напомнить о себе Вам, а также Марксу и его семье.

Ваш *П. Лавров*

Читали ли Вы телеграмму из Одессы о *смертном* приговоре социалисту Ковальскому?

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

* — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 28 октября (9 ноября) 1878 г.

Милостивый государь!

Около шести-семи месяцев тому назад я Вам писал [95]: 1) по поводу второго издания русского перевода I тома «Капитала», так как в книжных лавках уже нет ни одного экземпляра. При этом я спрашивал у Вас, не согласны ли Вы сделать некоторые изменения во французском и во втором немецком издании. 2) По поводу второго тома я покорнейше просил Вас, если он печатается, присылать мне, по мере печатания, листы оригинала неоплаченными.

Кроме того, я послал Вам некоторые экономические работы, вышедшие у нас за последнее время.

Так как я знаю Вашу пунктуальность, но до сих пор не получил от Вас никакого ответа, то очень беспокоюсь о судьбе моих писем. Мне было бы очень неприятно, если бы и эти книги пропали. (Теперь у меня есть для Вас еще одна статья *Чичерина: «Немецкие социалисты.* Ф. Лассаль и Карл Маркс» [223], второй том работы Чупрова и др., которые я не посылаю Вам по той же самой причине.) Поэтому я прошу Вас ответить па мой запрос.

С глубоким уважением

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ [224]

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 15 ноября 1878 г.

Милостивый государь!

Сегодня утром я получил Ваше письмо от 28 октября.

Письмо, на которое Вы ссылаетесь, я не получил. Возможно, что оно было перехвачено германской почтой или затерялось: прусское правительство до такой степени тормошит своих почтовых чиновников, что много писем «исчезает» неизвестно куда, просто из-за беспорядка. Таким образом, последнее письмо, которое я имел честь получить от Вас, было помечено — *7 марта 1877 года* *.

* В оригинале, очевидно, описка: 7 мая 1877 года. (См. настоящий сборник, стр. 338—339). *Ред.*

То, что я прекратил Вам писать, было просто результатом предостережений, полученных мной как раз в то время от друзей, проживающих в России; они просили меня перестать на некоторое время писать им, так как мои письма, несмотря на их невинное содержание, могли бы причинить им неприятности.

Относительно второго издания «Капитала» позволю себе сделать следующие замечания:

1) Я желал бы, чтобы *разделение на главы* — то же относится и к их *подразделению* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сравнивал второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, «упрощать» [«aplatir»] изложение при переводе его на французский язык).

3) Я нахожу полезным сделать *некоторые изменения* и *постараюсь подготовить* их для Вас во всяком случае *в течение недели*, чтобы иметь возможность выслать их Вам в следующую субботу (сегодня у нас пятница).

Как только *второй том* «Капитала» будет сдан в печать — но это едва ли случится ранее конца 1879 года, — Вы получите рукопись так, как Вы просили.

Я получил из Петербурга несколько печатных произведений, за которые Вам очень благодарен. Из полемики *Чичерина* и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая — кажется, Михайлова *, — обе в «Отечественных Записках», — написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, г-ну Жуковскому). Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживленную полемику [221].

Английский кризис, который я предсказывал на стр. 351 французского издания (примечание), наконец разразился в течение этих последних недель. Мои друзья, теоретики и просто деловые люди, просили меня в свое время выбросить это примечание, потому что оно казалось им недостаточно обоснованным, — до такой степени они были убеждены, что кризисы в Соединенных Штатах Америки, в Германии и Австрии должны, так сказать, «дисконтировать» английский кризис.

Первой страной, где дела пойдут вновь по *восходящей* линии, будут Северо-Американские *Соединенные Штаты*. Только улучшение это наступит здесь при совершенно изменившихся условиях, и притом изменившихся к худшему. Народ тщетно будет пытаться избавиться от монопо-

* — Михайловского. *Ред.*

лизирующей силы и пагубного (в отношении *непосредственного благополучия* масс) влияния крупных компаний, которые с начала Гражданской войны во все ускоряющихся темпах подчиняют себе промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги и финансы. Лучшие американские авторы открыто провозглашают как неопровержимый факт, что хотя война против рабства и разбила цепи, сковывавшие негров, зато, с другой стороны, она поработила белых производителей.

Наиболее интересный объект для исследователя-экономиста представляют теперь, конечно, Соединенные Штаты, и в особенности период от 1873 (со времени сентябрьского краха) до 1878 г. — период хронического кризиса. Те перемены, которые потребовали в Англии для своего осуществления целых столетий, произошли здесь в течение нескольких лет. Но исследователь должен обратить свое внимание не на более старые, приатлантические штаты, а на более новые (*Огайо* представляет собой разительнейший пример) и новейшие (например, *Калифорния*).

Многие глупцы в Европе, воображающие, что корень зла кроется в теоретиках вроде меня и других, извлекли бы полезный урок из чтения *официальных* американских отчетов.

Вы очень обязали бы меня сообщением некоторых сведений о нынешнем состоянии русских финансов, — сведений, которыми Вы, наверное, располагаете как человек, занимающийся банковским делом.

Преданный Вам

А. У.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 276—278

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], пятница, 23 ноября 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за Вашего «Дюринга»; я нашел его вместе с Вашим письмом [71] на своем столе по приезде из России, где я провел эти последние четыре месяца. Трудно передать Вам свои впечатления, да еще на языке, которым я так слабо владею. Итак, буду краток.

Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные элементы из числа революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не

имеют еще нравственного мужества открыто признаться в этом и хотя эта политическая борьба носит пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести в отношении некоторых лиц и попытками освободить своих отдельных товарищей. Что касается общества вообще, то в нем исчезают с каждым днем последние следы уважения к правительству и оно нередко взирает с сочувствием на действия крайней партии. Но так как мир окончательно еще не заключен [225], то общество не может пока заняться своими собственными делами, и остаток патриотизма, или, если хотите, шовинизма, мешает ему вызывать «внутренние беспорядки» на «радость нашим врагам». Многие даже считают, что действительная причина всех наших бедствий — это интриги «коварной Англии» (коварного Альбиона). Таково положение.

Я не знаю, хватит ли у меня сил долго оставаться за границей, но всю зиму я думаю все же провести в Париже, чтобы закончить заказанную работу и заработать немного денег.

Надеюсь, что Маркс и его семья, так же как и Вы и все Ваши, чувствуют себя хорошо?

Неудивительно, что Вы не получили ответа от Смирнова: он выехал в июле вместе со своими товарищами из Лондона и живет теперь в Берне. А его товарищ *, который обещал статью для календаря Бракке [218], неожиданно уехал в Россию, кажется еще в мае.

Очень хотелось бы знать, что Вы думаете о нынешнем положении дел в Германии [226]? Забавная сложилась обстановка!

От всей души жму Вашу руку. Сердечный привет Вашей семье и семье Маркса.

Ваш *Г. Лопатин*

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 28 ноября 1878 г.

Милостивый государь!

Три посланные Вами книги я получил и весьма благодарен за них. Некоторые из моих русских друзей уже подготовили меня к тому, что от г-на Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но дей-

* — Даль. *Ред.*

ствительность превзошла мои ожидания[223]. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что тривиальности школы Бастиа, будучи напечатаны от его, Чичерина, имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины.

На прошлой неделе я не имел возможности взяться за просмотр «Капитала». Теперь я просмотрел его и нахожу, что — за исключением тех изменений, которые должны быть сделаны переводчиком при сличении второго немецкого издания с французским — необходимо будет внести лишь очень немного изменений, которые следуют далее в этом письме.

Два первых отдела («Товар и деньги» и *«Превращение денег в капитал»)* следует переводить исключительно по *немецкому тексту. На стр. 86* немецкого издания, *строка 5 снизу*, должно быть: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин» *.

В главе XVI французского издания (в главе XIV немецкого издания этого нет) прибавленный пункт о Дж. Ст. Милле, *стр. 222, столбец II, строка 12 снизу, следует читать:* «Я предполагаю везде, — говорит он, — современное положение вещей, которое и т. д. господствует повсюду, где рабочие и капиталисты образуют особые классы и т. д.». Следующие две фразы: «Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор существовали на земном шаре лишь в виде исключения! Но, пойдем дальше» — надо *вычеркнуть*, а следующую фразу читать таким образом:

«Г-н Милль хочет верить, что нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где рабочие и капиталисты образуют особые классы» **.

Кризис и вытекающие из него прекращение работы, закрытие фабрик и банкротства продолжают свирепствовать в промышленных графствах; но здесь, в Лондоне, чтобы не пугать широкую публику, газеты изо всех сил стараются замять эти неприятные, но неопровержимые «инциденты». Поэтому человек, читающий только финансовые статьи лондонских газет, может получить лишь самые скудные сведения о происходящем.

Искренне Ваш

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 279—280

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 117. *Ред.*

** См. *там же*, стр. 526. *Ред.*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 1878—1879 гг.]

Дорогой г-н Маркс!

Я уезжаю завтра утром в Рамсгет и в тот же вечер вернусь в Лондон.

Искренне Ваш

Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 15 января 1879 г.

Дорогой Энгельс!

С чувством величайшей скорби узнал я о смерти г-жи Энгельс *. Я всегда живо помню дружескую сердечность, которую она постоянно проявляла ко мне, и никогда не забуду, как облегчал мою прежнюю одинокую жизнь в Лондоне тот любезный прием, который я постоянно встречал у Маркса и у Вас. Да будет земля пухом этой бедной доброй душе!

Ваши советы, может быть, очень благоразумны и хороши, но я, кажется, не в состоянии буду долго оставаться за границей и скоро вернусь на родину, конечно под чужой фамилией [227]. Мой авангард (жена ** и сын ***) уже там. Жена моя, с которой я не сочетался законным браком из-за отсутствия необходимых документов, не носит моей фамилии: это могло бы ей только повредить. Что же касается моего сына, то он живет там в качестве маленького подданного «ее величества королевы Великобритании» (это стоило мне в свое время лишь небольшой ложной присяги в Лондоне). Я не могу еще пока сказать Вам окончательно, когда уеду; прежде всего надо заработать немного денег. Все это последнее время я лихорадочно работал, вот почему на Ваше письмо [71] я отвечаю только сегодня. Надеюсь, Вы простите мне это, не правда ли? Мне незачем прибавлять, что я прошу Вас считать это сообщение *строго конфиденциальным.*

* — Лиззи Бёрнс, умершей 12 сентября 1878 года. *Ред.*

** — Абсеитова-Корали. *Ред.*

*** — Бруно Барт. *Ред.*

Со всех сторон я слышу, что Маркс уже закончил свой второй том * и послал первые его листы в типографию в Гамбург. Это действительно так? Как-то не верится. Но если это правда, то у меня будет еще одна работа по переводу. Если этот том не сможет выйти в России, то я надеюсь найти издателя, который согласится выпустить его на русском языке за границей.

«Начало» больше не выходит. Вместо нее в С.-Петербурге существует теперь другая газета «Земля и воля» с программой менее расплывчатой, чисто «социально-революционной». Попытки правительства разыскать тайную типографию, которая великолепно работает, оказались бесплодными.

Своими реакционными мерами ваше германское правительство почти конкурирует с нашим. Запрещение Вашего «Дюринга», работ Лассаля, а также последнее предложение Бисмарка о введении парламентской цензуры прямо великолепны.

Поздравляю Вас и Маркса с семьей с Новым годом и желаю вам, вам всем, всякого благополучия. Лавров желает того же самого. И до свидания, если таковое станет возможным.

Ваш *Г. Лопатин*

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ [228]

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 5 (17) февраля 1879 г.

. . . .

Сведения, собранные в прилагаемой таблице **, обнимают собой то, что можно было собрать о состоянии платежных средств и платежей русских крестьян. Относятся они не ко всей России, а только к Европейской. Мало того. Некоторые губернии доставили сведения очень неполные, так что их пришлось совершенно исключить из расчета. Относительно платежных средств в расчет принят только *доход,* получаемый крестьянами от *земли:* ни отхожие промыслы, ни кустарная промышленность, ни другие посторонние заработки во внимание не приняты.

В России резко выделяются три типа крестьян: бывшие помещичьи, бывшие государственные и бывшие удельные. Есть, впрочем, еще несколько групп податных сословий, но их относительно мало, да

* — «Капитала». *Ред.*
** Таблица не обнаружена. *Ред.*

и сведений о них, сколько-нибудь полных, — нет. Таковы малороссийские казаки, башкиры, татары и другие инородцы. Так как экономическое положение этих трех главных групп, вследствие исторических и других причин, различно, то мне и хотелось формулировать это различие цифрами. Но произвести три параллельных исследования, по трем главным типам, опять-таки вследствие недостатка данных не удалось, а пришлось две последние группы, то есть крестьян государственных и удельных, соединить в одну; притом те и другие имеют более общих черт между собой (хотя не по всем губерниям), чем государственные и помещичьи или удельные и помещичьи. — Вследствие этого явилось два типа, около которых сгруппированы данные: 1) крестьяне бывшие помещичьи и 2) крестьяне бывшие государственные и удельные. Далее оказалось нужным выделить крестьян 9 западных губерний, так как одна из главнейших тягостей, именно выкупные платежи за землю, сильно понижены сравнительно с остальной Россией. Данные о них сгруппированы особо. Неполные сведения доставили три остзейских губернии, Бессарабия и Область Войска Донского; все эти местности пришлось из расчета исключить. Таким образом, в расчет вошли 37 губерний Великой, Малой и Новой России и 9 западных губерний. Обращаюсь к таблице: 1) *число плательщиков* и 2) *подушная подать* (столбцы таблиц 2, 12, 5, 15, III).

По всей Европейской России числится тягловых единиц, или ревизских душ (Податная комиссия, т. XXII, стр. 11, столбец 10), ...	22 709 094 души		
платящих подушную подать по смете на 1872 г., всего	41 132 624 руб.		
В расчете нет: малороссийских казаков, башкир и других, и 5 названных губерний, всего			2 452 000 душ
которые все платят подушной подати	4 572 474 руб.		
		в расчете	20 557 362 души
	платят 36 560 150 руб. подушной подати		

3) *Число десятин* в их владении (III, 313). Основанием для данных этих рубрик послужили главным образом 1) для государственных крестьян цифры, имеющиеся на стр. 54—64 XXII тома, но по некоторым губерниям они изменены по данным таблицы на 26—35 стр., а также по данным стр. 400—464; 2) для бывших помещичьих — данные стр. 26—35, но с ограничениями по сведениям стр. 400—464. Все это относится до

числа десятин, находящихся во владении крестьян 37 губерний, как государственных, так и помещичьих, и до государственных крестьян 9 западных губерний. Что же касается до земли, находящейся во владении бывших помещичьих крестьян 9 западных губерний, то определить с какой-нибудь точностью эту цифру очень трудно. Приведу цифры: В Военно-Статистическом Сборнике *«Россия»* [229] (стр. 203) мы находим данные о количестве земли, находящейся во владении бывших помещичьих крестьян. С другой стороны, у нас есть сведения из Главного Выкупного Учреждения о количестве земли, к выкупу которой приступлено к 1 октября 1875 года. Сравним их по 9 западным губерниям.

		По данным Военно-Статистического Сборника в распоряжении бывших помещичьих крестьян было земли		По сведениям Главного Выкупного Учреждения к 1 октября 1875 г. приступлено к выкупу	
Виленской	губ.	802 000	десятин	706 696	десятин
Витебской	»	881 000	»	859 479	»
Волынской	»	1 529 000	»	1 614 016	»
Гродненской	»	618 000	»	646 837	»
Киевской	»	1 337 000	»	1 363 787	»
Ковенской	»	661 000	»	699 689	»
Минской	»	1 503 000	»	1 559 670	»
Могилевской	»	1 265 000	»	1 222 739	»
Подольской	»	1 145 000	»	1 194 362	»
Всего		9 741 000	десятин	9 867 275	десятин

По данным же стр. 26—35 XXII тома в 9 западных губерниях на долю бывших помещичьих крестьян приходится 9 928 466 десятин. Из сличения этих цифр видно, что по некоторым губерниям уже приступлено к выкупу большего количества земли, чем числилось, и даже в общем итоге цифра десятин земли, к выкупу которой уже приступлено, больше той, какая по данным первого столбца находилась во владении *всех* бывших помещичьих крестьян. Всех их числится по 9 западным губерниям 3 017 158, а к выкупу приступили по 1 октября 1875 г. — 2 689 000 душ.

Итак, сколько-нибудь верные, хотя и приблизительно, данные о числе десятин можно получить и путем вычислений. Именно приходится предположить, сколькими бы десятинами земли владели бывшие помещичьи крестьяне 9 западных губерний, если бы они все приступили к выкупу, принимая, что среднее число десятин, приходящееся на душу по каждой

губернии отдельно, остается такое же, как и у тех, которые к выкупу уже приступили. При расчете таким образом и поступлено.

4) *Платежи за землю* (III, 4, 14). При определении платежей за землю я руководствовался приемом Штофа (том XXII, стр. 84), именно вычислил, сколько бы приходилось платить крестьянам бывшим помещичьим, если бы все они приступили к выкупу той земли, какая по вычислениям столбца 3-го приходится на их долю. Цифры, полученные таким образом, меньше действительных. По данным Синих книг (Blue Books) Сельскохозяйственной комиссии[230] оказывается, что по 17 губерниям, которые дали сведения по этому предмету, крестьяне, не приступившие еще к выкупу, находящиеся на оброке, платят в среднем на 18, 29% больше тех, которые к выкупу уже приступили. Сведения о платежах за земли крестьян бывших государственных и удельных взяты из таблиц стр. 54—64 и 86 и 87.

Государственный земский сбор: 5) *подушный* и 6) *поземельный* — из таблиц стр. 19—43, причем каждая сумма разбита на соответственные рубрики (III, 6, 16, 17). Оклады с души и с десятины брались средние по губернии. Из суммы государственного земского сбора, платимого подушно, исключены по каждой губернии цифры, выражающие *платежи мещан* (стр. 45). 7) *Местные земские сборы.* Из исследований *Руковского «О сметах и раскладках губернского и уездного земских сборов»* (Труды Комиссии. СПб., 1870, стр. 1) известно, что, до открытия земских учреждений, земских сборов по последней смете было назначено 5 186 000 рублей. По открытии же земских учреждений, по смете на 1868 г., земские сборы составили 14 570 000 руб., то есть они увеличились на 9 380 000, или на 180%. По смете же на 1872 г. по 31 губернии без 11 уездов приходилось платить 17 000 000, да 3 170 000 руб. в губерниях без земских учреждений, то есть всего 20 170 000 рублей. Данные столбцов 8 и 20 взяты из XXII тома, стр. 289—323; по тем же губерниям (например, по Воронежской), где прямо не показаны цифры налога, уплачиваемого крестьянами, взята средняя плата с десятины по всей губернии. Для губерний же, где земские учреждения еще не введены, данные взяты из таблиц стр. 328—337, причем сумма разбита пропорционально числу десятин. Для западных губерний, следовательно, взяты цифры таблиц *а, б, г, д* и *е,* по каждой губернии особо. — 8) *Общественный сбор* и 9) *лесная подать* у государственных крестьян (III, 18, 19). Общественный сбор, бывший в свое время у крестьян всех наименований, перешел у помещичьих крестьян (а потом и у удельных) на основании «Общего Положения о крестьянах», ст. 31, в собственность последних, между тем как тот же самый сбор, назначавшийся для определенных целей, у государственных крестьян сохранился как особый предмет го-

сударственного дохода. (Подробности у Ольхина, XXII т., ч. II, стр. 307—310.) Данные взяты из таблиц стр. 16—18 и 66—67. Замечу в скобках, что при окончательном суммировании всех крестьянских платежей *Штоф* почему-то пропустил лесную подать. — 10) Столбцы 9 и 22 изображают итоги всех крестьянских платежей (кроме мирских) по каждой губернии отдельно. — 11) Количество крестьянских платежей на мирские нужды удалось собрать из 37 губерний только по 27 *(Синие книги* и *Труды Податной Комиссии)*, причем в среднем выводе приходится на душу 1 руб. 17 копеек; эта средняя цифра отнесена ко всем 37 губерниям. Из 9 западных губерний эти сведения имеются только по четырем, причем оказывается, что на душу приходится около 1 рубля. Цифра эта принята за среднюю для всех 9 губерний.

12) *Доходность земли.* Как ни шатки положения, на которых основал свои вычисления Штоф, но, за неимением более верных, приходится довольствоваться и этими, так что цифры столбцов 10 и 23 взяты из вычислений стр. 466—467. Но и здесь кое-что пришлось исправить. Так, по данным этой таблицы, оказывается, что земли Рязанской губернии — самые доходные во всей России, именно десятина дает 9 руб. 74,25 копейки. Если припомнить, что вся та часть губернии, которая лежит к северу от Оки, далеко не отличается плодородием, то является сомнение в верности приведенной цифры. На чем эта цифра основана? Открываем стр. 420—421. Здесь мы находим подробный расчет доходности каждого рода угодий. Вот, например, 171 000 десятин крестьянской земли Спасского уезда дают дохода 1 471 726 рублей. Откроем том XXII, ч. III, приложение к первому отделу; там на стр. 184 увидим, что все 312 000 десятин земли уезда дают дохода 1 159 693 рубля. То же самое по Данковскому и Рязанскому уездам. Дело в том, что Управа вычислила в одном случае валовой, а в другом — чистый доход с десятины, а так как все остальные данные относятся к чистому доходу, то названную цифру пришлось уменьшить, то есть взять среднюю доходность десятины по губернии. Это единственный случай уменьшения цифры дохода. По Воронежской губернии цифра взята из Синих книг. По губерниям Екатеринославской, Тульской и Херсонской цифры дохода несколько увеличены по данным, собранным мной из других источников. Оказалось, что цифры, исправленные таким образом, более соответствуют сведениям о недоимках. (Об отношении доходности к недоимкам — речь впереди, когда-нибудь после.) По губерниям Оренбургской, Ставропольской и Уфимской данные о доходности собраны из частных, неофициальных источников; насколько они верны — не знаю. Общий итог всех крестьянских платежей, показанный в таблице, расходится с итогами Штофа (на стр. 663—665) на сумму лесной подати (по каждой губернии), которая у Штофа

в расчет не вошла. Затем разница в итогах по тем губерниям, где мной исключены башкиры, татары, колонисты и другие. — Итак, сведения относятся к 20 557 362 податным единицам. Во владении у них находится 97 868 926 десятин земли.

К сожалению, из 9 западных губерний сведения о доходности земли доставила одна Киевская, где доходность десятины определена в 1 руб. 61,25 коп., поэтому степени обременения налогами в связи с доходностью нельзя было определить. В 9 западных губерниях бывшие помещичьи крестьяне платят с десятины 2 руб. 10 копеек; бывшие государственные — 1 руб. 66 копеек.

Все эти лица платят:

За землю		94 972 749 руб.
Подушной подати		36 560 150 руб.
Государственного сбора земского:		
а) подушного	11 325 700 руб.	
б) поземельного	4 249 053 »	15 574 753 руб.
Общественного сбора		3 296 638 »
Лесной подати		1 223 967 »
		56 655 508 руб.
Земских повинностей		9 473 160 »
Мирские платежи		23 394 337 »
Всего		184 495 754 руб.

Бывшие помещичьи крестьяне по 37 губерниям платят с десятины всяких податей, кроме мирских	2 руб. 77 коп.	= 175,79%
Получают же с десятины	1 руб. 57 коп.	
Те же крестьяне платят (с мирскими)	3 руб. 12 коп.	= 198,66%
Получают	1 руб. 57 коп.	
Бывшие госуд. крестьяне (37 губ.) платят (без мирских)	1 руб. 15,2 коп.	= 80,00%
Получают	1 руб. 44 коп.	
Те же крестьяне (с мирскими) платят	1 руб. 33,6 коп.	= 92,78%
Получают	1 руб. 44 коп.	

По всей Европейской России, в среднем, все названные крестьяне платят с десятины 1 руб. 88,4 копейки.

Итак, полученные цифры выражают степень обременения крестьян налогами и те средства, какие дает земля для покрытия этих налогов. Но цифры, выражающие платежи, далеко ниже действительных; к ним надо прибавить: 1) *натуральную повинность,* 2) разные обязательные расходы, например на страхование, которые не вошли в расчет за неимением данных, и

3) «Случается нередко, что общества исправно платят по окладному листу, — говорит Харьковская Уездная Земская Управа (XXII, I, 32), — и у крестьян, в их расчетных книжках, отмечены все подати сполна уплаченными; однако же оказывается необъяснимая недоимка, которую они должны платить вновь. Эти общества платят гораздо более, нежели сколько следовало бы...»

Факт, указываемый Харьковской Управой, не есть явление местное. Факт этот встречается по всем закоулкам России.

Бросим теперь взгляд на доходы железнодорожных предприятий. Полная железнодорожная статистика за 1877 г. еще не появилась. Согласно данным за предыдущие годы, валовой доход постоянно увеличивался (см. таблицу II *). В 1865 г. он = 24 млн., а в 1877 = 190 млн. руб. (1878=220 млн. (?)), так как валовой доход с каждой версты увеличился на 17%, между тем как чистый доход с каждой версты непрерывно уменьшался... Однако чистый доход за последние годы доходил до 48—52 млн. в год, то есть, если бы весь доход с железных дорог доставался казне, то железнодорожный дефицит значительно уменьшился бы. Но у нас вся прибыль достается частным лицам, а вся тяжесть дефицита падает на казну. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть только таблицу IX, стр. 1—7 «Сборника статистических сведений Министерства путей сообщения», С.-Петербург, 1878, или же таблицу «Валовой сбор русских железных дорог».

Но что выигрывает правительство, производя эти колоссальные затраты? Их результатом является значительное развитие торговли, которому содействовали в то же время кредитные и земельные банки, основанные в ту же эпоху. Вот почему следует рассмотреть влияние всех этих учреждений, вместе взятых.

Все вклады на проценты и текущие счета Государственного банка и его отделений доходили к 1864 г. до 262,7 млн. руб., из которых 42 млн. были употреблены на пользу торговли (23,7 — под векселя; ссуды под процентные бумаги, акции и облигации и т. д. — 18,6 млн.). К 1877 г. суммы эти доходили во всех кредитных учреждениях уже до 723,8 млн.,

* Таблица не обнаружена. *Ред.*

то есть они увеличились на 175%. Мы уже видели, что часть этих сумм — 360 млн. — была дана в ссуду под акции и облигации, процентные бумаги и так далее. Теперь посмотрим, какую пользу извлекают торговые классы из этих банков. К 1864 г. Государственный банк и его отделения учли векселей на 23,7 млн. К 1877 г. все кредитные учреждения учли векселей на 489,3 млн., то есть сумма учтенных векселей увеличилась на 1 900%!! Вы видите, таким образом, что мы движемся гигантскими шагами, но куда?.. Обратимся опять к цифрам. Из всех отраслей торговли особенно быстро развивается торговля хлебом. В 1864 г. в Европу было вывезено 9,25 млн. четвертей на сумму в 54,7 млн. рублей. Стоимость всех вывезенных товаров равнялась 164,9 млн. рублей, то есть стоимость хлеба составляла 3,2% стоимости всех вывезенных товаров. В 1877 г. было вывезено 30,5 млн. четвертей на сумму в 264 млн. Стоимость всех вывезенных товаров равнялась 508 млн., то есть стоимость хлеба составляла 51,8% стоимости всех вывезенных товаров. Следовательно, вывоз хлеба возрос на 384% по всей своей стоимости; количество четвертей увеличилось на 241,4%; в то же время стоимость хлеба превысила стоимость всех вывезенных в 1864 г. товаров на 100 млн. рублей (на 60%) * (см. стр. 17, таблица II).

Чупров («Железнодорожное хозяйство», том II, стр. 243) приводит очень любопытные данные насчет увеличения хлебных грузов, перевозимых железными дорогами. В 1869 г. эти грузы составляли 146 млн. *пудов*, или же 33,4% всех грузов. Согласно «Статистическому сборнику Министерства путей сообщения» 1877 г., т. I, вес перевезенного хлеба равнялся 547,8 млн. пудов, то есть составлял 41,28% всех грузов.

Очень жаль, что банки не указывают в своих отчетах виды торговли своих дебиторов, чтобы можно было знать, до какой степени содействуют эти учреждения развитию торговли хлебом. Но не одни только эти банки содействуют развитию ее; в это же самое время появились преуспевающие учреждения земельного кредита. Сравним цифры за 1874 и за 1877 годы. (К 1864 г. долги прежним учреждениям земельного кредита

* Вот еще несколько цифр для сравнения с другими предметами вывоза:

	1864 г.	1877 г.	Увеличение в %
Скота на	1 821 000 руб.	15 724 000 руб.	763
Льна	15 985 000 »	67 690 000 »	323
Пеньки	8 993 000 »	66 820 000 »	87
Ввезено хлопка	21 824 000 »	35 500 000 »	62

(Примечание автора.)

доходили до 359,5 млн. рублей, но часть этого долга падает на крестьян за выкуп земли. Сколько приходится на долю помещиков, не могу сказать — нет под рукой данных. К 1874 г. он распределяется так: на помещиков 99 614 000 руб., на крестьян 307 000 000 рублей (ср. «Статистический временник», т. XI, стр. XLVIII, примечание)).

Ипотечный долг русских земельных собственников (Польша и Остзейский край).

Поземельный долг старым кредитным учреждениям.

	К 1874 г. — 99 614 000 («Статистический временник», XI, стр. 57)	К 1877 г. — 73 393 000 («Ежегодник», IX, стр. 89, 1878 г.)
Общества земельного кредита выдали	102 692 000 руб.	163 505 000 руб.
Земельные банки	63 668 000 »	118 322 000 »
Общественные банки	7 182 000 »	11 250 000 »
	273 156 000 руб.	366 493 000 руб.

Следовательно, в течение трех лет на землю (не крестьянскую) прибавилось долга 34,2%.

Посмотрим теперь, какие суммы привлекли все эти кредитные и железнодорожные компании и каким образом они сгруппированы (к 1877 г.).

	Основной капитал	%	Вклады на проценты и пр.	Закладные общества земельного кредита	Облигации	(2+3+4):1
Кредитные учреждения	167 788 000	18,8	723 790 000	—	—	81,2%
Земельные банки («Ежегодник», IX, 1878 г., стр. 337)	27 753 000	5,6	6 848 000	460 000 000	—	94,4%
Железные дороги (к 1878 г.)	474 185 000	34,3	—	—	915 706 000	65,97%
	669 726 000	25	—	2 006 444 000	—	75%

Изложив самые важные факты, я хотел бы прибавить к этому некоторые подробности относительно крестьянского хозяйства. Но это письмо растянулось, и я боюсь запоздать с отсылкой его, если буду пере-

водить остальное, тем более, что мне придется далее цитировать русских авторов.

Так как Вам известно уже отчасти из прежних писем, как тяжело отзывается на податном сословии возрастание государственного бюджета и насколько налог несоразмерен с доходом, то мне теперь не придется много говорить об этом; сообщу только несколько новых данных. Но прежде обращу Ваше внимание на то, как смотрит наш новый *всесословный* орган — земство — на народные нужды. Надо ожидать, что земство уравновесит бремя налогов и постарается сложить с крестьян — которые несут всю тягость государственного бюджета и большие выкупные платежи за землю — бо̀льшую часть земского бюджета.

Вот цифры: в 1877 г. в 32 губерниях, где введены земские учреждения, у крестьян считалось 75 млн. десятин земли, которые были обложены земством в количестве 11 230 000 рублей; земля остальных сословий 129 млн. десятин несла земских платежей 8 515 000 рублей; весь бюджет — 26 700 000 рублей.

На основании этих данных надо думать, что крестьянские земли отличаются особым плодородием сравнительно с землей прочих владельцев. Посмотрим, что говорят цифры. Московское земство предприняло издание «Сборника статистических сведений», относящихся до Московской губернии [231]. Я не нахожу достаточно сильных выражений, чтобы рекомендовать Вам это превосходное исследование; особенно обращаю Ваше внимание на отдел «Крестьянское хозяйство» (отд. II) и на «Экономические таблицы», на основании которых сделаны выводы в этом отделе. (В феврале должен выйти III том и начало IV, который исключительно будет посвящен крестьянскому хозяйству.) В этом сборнике мы, между прочим, находим, что арендные цены за *крестьянские* земли в Серпуховском уезде на 43% *ниже средних* арендных цен всего уезда (стр. 57, т. II); в Подольском — на 36% (стр. 35, 36); в Верейском — на 51% (стр. 72); в Звенигородском — на 50% (стр. 112—113); в Рузском — на 40,3% (стр. 93); в Можайском — на 12%.

Самым лучшим указателем экономического положения населения есть его способность уплачивать подати, которые, как известно, взыскиваются не особенно нежными средствами *. Оказывается, что крестьяне Москов-

* Мне только что принесли «Слово», 1879 г., II. (Там, между прочим, помещена статья Зибера «Чичерин contra Маркс».) В нем мы читаем: «В Ернурской волости (Яранский уезд, Вятской губ.) волостной старшина *сек* многих крестьян по несколько раз за невзнос податей, а последний раз всех неаккуратных плательщиков поставил на колени во дворе волостного правления и в таком положении продержал их часа два» (*А. Р—в.* «Заметка об экономическом состоянии крестьян Вятской губернии», стр. 106, «Слово», II, 1879). Это после неурожая!.. Слишком буквальное понимание метафоры: «подати, это — крестьянская кровь...» *(Примечание автора.)*

ской губернии должны выкупных платежей за землю (недоимок) 1 157 000; податных недоимок за ними числится 895 000 руб., всего 2 052 000 рублей (*Приложение* к отчету Государственного контроля за 1877 г., таблицы 5—7). Чтобы понять значение этой суммы, надо просмотреть только что упомянутые таблицы 5 и 7 *Приложения* и т. д., из которых видно, что по величине крестьянского долга Московская губерния стоит рядом с вечно голодными Смоленской, Новгородской, Псковской и недавно голодавшими Самарской, Казанской, Вятской губерниями. А Московская губерния — самая промышленная в России... В «Сборнике статистических сведений» по Московской губернии можно до самых детальных подробностей проследить шаг за шагом путь, который ведет к обнищанию населения; там можно видеть, почему крестьянин перестает «обряжать землю», «забрасывает» ее и почему число «упалых» постоянно возрастает; так, по Подольскому уезду в 1869 г. 6,9% крестьян не занимались хлебопашеством, а в 1877 г. — уже 18% (т. II, стр. 23). В 7 уездах Московской губернии 13,83% крестьянских домов не занимаются хлебопашеством. А самое население возрастает чрезвычайно медленно. Так, по 6 уездам Московской губернии с 1858 по 1876—1877 гг. население увеличилось всего на 4,69%. На стр. 7—17 (т. II, отд. II) «Сборника» можно видеть, как постепенно уменьшается число рабочего крестьянского скота и как вместе с тем постоянно возрастает число домохозяев, принужденных, за неимением скота, или обрабатывать землю наймом (!), или просто бросать земледелие. Далее, из данных стр. 74—83 можно видеть, в какой тесной зависимости находится количество имеющегося у крестьян скота с их податной способностью.

Можно думать, что крестьянин, перестав заниматься земледелием, поступает на фабрику и благоденствует. Вот что об этом говорит «Статистический сборник» (т. II, отд. II, стр. 55).

«При исследовании каждого селения мы ставили вопрос о быте семей, не занимающихся хлебопашеством, и в большинстве случаев получали такой ответ: «Живут поденщиной — чрез день хлеб едят; всего имущества имеют руб. на 15—20». «Живут на стороне в мастеровых, с ними живут и жены; дети помирают». «Мужчины ходят на сторону по фабричной части; жены и дети побираются». «Муж на заработках, жена и дети нанимают квартиру в своей деревне из «Христа ради»».

Из приведенных в первой части письма данных мы видели, в каких широких размерах пользуются кредитом хлеботорговцы и землевладельцы. Любопытно знать, куда же последние употребляют позаимствованные суммы? Насколько улучшают они свое хозяйство? Но... оказывается, что хозяев *не крестьян*, которые бы вели самостоятельно хозяйство наемными рабочими, — очень мало. Факты, сюда относящиеся, разбросаны по страницам наших журналов за последнее время. «Статистический сборник»

Московской губернии полон указаниями на это. Из 291 имения Черниговского и Борзенского уездов Черниговской губернии только 11, то есть 3,77%, ведут хозяйство наемными рабочими («Материалы для оценки земельных угодий Черниговской губернии», I и II, Киев, 1877). Да это и понятно: из показаний Джурича (Синие книги) и других источников известно, как поступают хлеботорговцы и их агенты. Тотчас после жатвы или даже перед нею эти господа объезжают села и скупают по вынужденной (подати, недоимки и пр.) цене хлеб у крестьян или же берут его за долги. Таким образом определяемые цены настолько низки, что никакой помещик не в состоянии конкурировать. Так, например, Григорий Бланк (известный крепостник), помещик Тамбовской губернии, жалуется (в частном разговоре), что у него в имении гниет хлеба на 500 000 руб., и он не в состоянии продать его, не потерпев громадных убытков. То же самое постоянно можно слышать и от помещиков других губерний (Тверской, Новгородской и пр.). Недаром поэт говорит об уничтожении крепостного права:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, раскачалася;
Одним концом по барину,
Другим по мужику...

(*Некрасов.* «Кому на Руси жить хорошо»)

Крестьянин обыкновенно бывает вынужден (подати) продать бо̀льшую часть своего хлеба. Остающейся же части хватает до декабря — января; вот тут-то у него и нет другого пути, как обратиться к своему благодетелю кулаку-хлеботорговцу, который и отдает его же собственный хлеб ему же, крестьянину, по ценам, нередко вдвое выше осенних. Впрочем, на деньги крестьянин сравнительно редко покупает хлеб; берет он обыкновенно в долг, с обязательством никому другому не продавать будущей жатвы. Вот что говорит, например, *Вологдин, «Лесное царство»* («Слово», 1878, XI, стр. 170—171):

«Несмотря на крайнюю бедность в хлебе (Устьсысольский уезд), каждый год, весною, по реке Сысоле и Визинге плывут в Архангельск барки с зырянским хлебом. Откуда же берется этот хлеб? Голодный край, торгующий хлебом... Нужда вырывает изо рта крестьян последний кусок хлеба... и заставляет его продавать кулакам задешево, по 40—50 коп. за пуд... Та же нужда гонит их в конце или даже в половине зимы покупать хлеб у кулаков. Вот и покупают они свой же хлеб, проданный осенью по 40 коп., за 80 коп. и дороже... В 1867 г. зимою куль ржаной муки стоил 6 руб. 30 коп., а весною 13 руб. 50 коп. В 1868 г. зимою куль стоил 6 руб. 30 коп., а к весне 15 руб. 70 коп.»...

А вот что говорит *Энгельгардт* в последней своей статье *«Из деревни»* («Отечественные Записки», 1879 г., I, стр. 117):

«При обыкновенной продаже скота осенью, в деревне хозяин получает за говядину от 80 коп. до 1 руб. 50 коп. за пуд, красная цена 2 рубля. Посчитайте, много ли при такой цене придется рабочему за труд, который он употребил для приготовления корма и на уход за скотом. Посчитайте. Вы удивитесь, как мало копеек приходится косцу за его тяжелый труд. Ведь это только *нужда* — необходимость уплатить подати, *купить хлеба* — продает мясо по таким дешевым ценам, и *чем дешевле мясо, тем, значит, более нужда.* Прошедшей осенью говядина у нас обходилась скупщикам скота по 80 коп. за пуд; знаю даже несколько покупок по 50 коп. за пуд. Между тем ржаная мука была 1 руб. — до 1 руб. 20 коп. за пуд. Мужик приводил на рынок корову, продавал ее за бесценок и на вырученные деньги покупал ржаную муку» («Отечественные Записки», 1879 г., № 1, стр. 117).

...Мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба...

(*Некрасов.* «Медвежья охота»)

Вернемся к началу: сведем бюджеты рассмотренных нами факторов экономической жизни государства за 1877 год.

Государственный бюджет	548,8	млн.	руб.	64,6%
Земский	26,7	»	»	3,1%
Железнодорожный	190,5	»	»	22,4%
Банковый (кредиты не земельные)	84,2	»	»	9,9%
Земельных кредитных учреждений	? нет сведений			
	850,2	млн.	руб.	100%

Как видите, вновь нарожденные младенцы развиваются быстро: оказывается, что и родились-то они зубастыми.

Вам, может быть, интересно знать, как оплачивается труд железнодорожных рабочих. Возьмем для примера Николаевскую железную дорогу, имевшую до 45 000 *поверстного дохода* (валовая выручка). Войдемте вместе с д-ром Диатроптовым в здание Петербургской станции этой дороги. Вот квартира рабочих:

«Она представляет логовище в каменной стене, без окон, с одной дверью, длиною 14 аршин, ширина 3 аршина, вышина $3^1/_2$ аршина, где день и ночь горит и коптит масло и где помещено 10 человек мастеровых, следовательно, на человека прихо-

дится 178,19 куб. фут. воздуха!.. При осмотре мне сказали, что это помещение временное». «Тюремное помещение тоже временное, — прибавляет доктор, — но оно не лишено дневного света» (*«Врачебные ведомости»*, 1879 г., № 304, стр. 45. Диатроптов. «О жилых подвальных помещениях в районе Александро-Невской части»...).

Однако это письмо до такой степени растянулось, что пора подвести итог всему сказанному. Итак, мы присутствуем при таком экономическом перевороте, другой пример которого едва ли может представить русская история. Факторами этого новейшего переворота являются:

1) *Банк* — и вообще кредитные учреждения, как краткосрочные, так и земельные, — которые способствуют сосредоточению колоссальных средств и раздаче кредита избранным *, но настоящее свое значение и силу они получили при развитии.

2) *Железные дороги*, эти, так сказать, дренажные трубы, уносящие из государственного организма пищу и почву... Чупров в своем «Железнодорожном хозяйстве», II, стр. 237, говорит о влиянии железных дорог на лесоистребление:

«Немедленно по проведении железной дороги начинается усиленная вырубка лесов, ближайших к рынку и к самой железной дороге; лесные грузы в течение нескольких, большею частью немногих лет быстро увеличиваются; затем, по мере истребления лесов в окрестностях ближайших станций, лесные отправки постепенно переходят в более отдаленные рынки, пока не оттесняются так далеко, что перестанут выносить издержки перевоза, тогда происходит на *железных дорогах убыль лесных грузов»* (II, стр. 237).

Рассуждение это буквально применимо и к хлебным грузам, но период истощения почвы здесь, разумеется, гораздо длиннее, результат же одинаков: с одной стороны, лесоистребление, с другой — неурожай и голодовка... Вообще, влияние железных дорог на экономическую жизнь населения представляется далеко не в таком привлекательном виде, как бы этого желал Чупров. На стр. 51 тома I, где он рисует картину обмена архангельской мужицкой рыбы на самарский мужицкий хлеб как желательный результат железнодорожного влияния **, он забывает одно условие: в чьих руках находятся деньги и кредит; здесь, следовательно, мы опять наталкиваемся на кредитные учреждения.

* Вот против этой *привилегии* кредита наши либеральные экономисты не находят иного средства, как учреждение ссудо-сберегательных товариществ. Не говоря уже, что и в них практикуется привилегия, посмотрите, что это за орудие борьбы: в 1876 г. в 564 товариществах было выдано всего 5 844 000 руб.!!! Это сравнительно с 2 000 млн., выданных в 1876 г. во всех остальных кредитных учреждениях. *(Примечание автора.)*

** Непосредственную пользу железные дороги крестьянам приносят мало: «они (железные дороги) для доходности земель Московского уезда не имеют значения, так как по ним удобрения не перевозятся и сельские продукты не сбываются» («Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. I, стр. 85). *(Примечание автора.)*

Словом, мы вращаемся в заколдованном кругу...

Совокупность всех этих условий приводит к тому, что мы вывозим на 264 млн. руб. хлеба, и в то же время народ голодает или питается его суррогатами, вроде сосновой коры; вывозим на 15,7 млн. скота и бросаем обработку земли; «опускаем ее» вследствие недостатка удобрения, то есть скота. Вывозим на 67,7 млн. льна, чтобы привезти на 35 млн. хлопка, как будто русскому народу нравится больше носить коленкор вместо полотна... А между тем еще Байрон сказал:

...Счастье мира, —
С тех пор как Ева жадностью своей
Сгубила нас, запретный плод отведав, —
Как знают все — зависит от обедов [232].

Вы, может быть, пожелаете знать литературу банкового хозяйства; но у нас ее нет... Ни журналы, ни ежедневная пресса не занимаются разработкой подобного рода вопросов. Так как мне попался под перо Байрон, то могу сказать, что он именно предвозвещал о нашей прессе, когда говорил:

Мерзавец, чье презренно ремесло
И чье к тому направлено стремленье,
Чтобы внушать своим владыкам зло:
Народы гнуть, готовить заточенье
Всему, что мыслью вольной расцвело,
Чинить цепей расшатанные звенья;
Продажный плут, чья цель — плодить рабов
При помощи бесстыдно лживых слов [233].

Это она, это наша ежедневная пресса; это только вчера написано, а не в 1818 году!

В конце концов прошу извинения за разбросанность, несвязность настоящего письма. Многое, о чем желательно было бы поговорить, так и осталось без разъяснения. Например, спекулятивный характер наших южных банков, с их огромными потерями, ведущими к ликвидации целых учреждений (ростовский, одесский банки), очевидно, находится в зависимости от спекулятивного характера самой хлебной торговли. Далее, не указана зависимость количеств несостоятельностей от большей или меньшей урожайности и многое другое. Но все это можно сделать не в письме, а в большом исследовании, да и времени для этого требуется не месяц, не два...

Далее, надо было бы сказать хотя несколько слов о проценте возрастания населения, о развитии фабричной производительности, но для

этого нет у нас *верных* данных. Относительно последнего вопроса Чупров (II, стр. 291, примечание 106) цитирует *Л. Карачунского* («Статистика производительных сил России», Берлин, 1878), который уверяет, что число фабрик с 1855 до 1875 г. удвоилось, оборот же их утроился. Насколько это справедливо, не знаю. Работы Карачунского не видал, но цифрам его мало верю, так как официальная статистика по этому вопросу не дает ничего. В настоящем письме я черпал материал только из вполне достоверных источников.

Прежде чем закончить это письмо, я прошу Вас: 1) сообщить мне о сомнениях, какие могли бы зародиться у Вас в связи со всеми собранными мной фактами, и сказать, какие я мог бы послать Вам по этому поводу материалы и разъяснения.

2) Какие сведения Вы хотели бы иметь относительно других отраслей нашего государственного хозяйства. Я хорошо знаю, что «самостоятельные исследования являются главным источником нового научного познания».

3) Когда Вы ознакомитесь с материалами, которые я Вам посылаю и из которых мной взяты содержащиеся в этом письме факты, то, прошу Вас, напишите мне, какое они произвели на Вас впечатление, и одновременно укажите, есть ли что-нибудь подобное в других странах. Вы пишете мне о Соединенных Штатах: совершается ли там революция, о которой идет речь, в таких же размерах или же она наталкивается на некоторые препятствия?

4) По получении этого письма прошу Вас сразу же написать мне об этом. Вы бы меня очень обязали, если бы сообщили также, получили ли Вы книги, посланные мной Вам весной прошлого года:

«Сборник статистических сведений по Московской губ.», I и II тт., Москва, 1877 и 1878. Для Вас — он неоценим. *Пахман.* «Обычное право». СПб., 1878. *Янсон.* «Крестьянские платежи». СПб., 1877. *«Биржевые артели»*, XI выпуск *«Статистического временника»:* «Статистика банков». СПб., 1875, и выпуск X, 1875, СПб. *Соколовский.* «Община на севере» — и небольшая статья из «Слова». *Трирогов.* «Податная душа».

И книги, которые я посылаю Вам теперь:

«Материалы для оценки и т. д.». Киев, 1877, I и II. *«Отчеты Государственного банка»* за 1863 и 1877 гг. *«Ежегодник Министерства финансов»*, тт. I, V, VI, IX. «Отчеты Государственного контроля по исполнению Государственной росписи» за 1876 и 1877 гг. *«Обзор внешней торговли России за 1877 г.». «Сборник сведений о железных дорогах в России»*, 1875, СПб. *«Статистический сборник Министерства путей сообщения, 1877 и 1878»*, 2 тома. Таблицы: *«Валовой сбор железных дорог»* за весь 1877 г. и 10 таблиц за 10 месяцев 1878 г. (более не выходило, по выходе пришлю). *«Врачебные ведомости»* № 304, 305, 1879. *«Баланс Государственного банка и его контор на 1 января 1879 г.». Трирогов.* «Податная десятина» («Вестник Европы», 1878, № 11, ноябрь).

Кроме того, послал:

«Отечественные Записки», 1878, № 11. *Трирогов.* «Наши общины». *Чупров,* т. II, Москва, 1878.

Автор статей о наших железных дорогах, помещаемых в «Сборнике государственных знаний», просил переслать их Вам; последнюю — в корректурных листах, так как она еще печатается.

Если Вам нужны «Труды Податной Комиссии» и «Синие книги», то спросите их у «нашего общего друга» *. Вы можете пользоваться ими, как долго пожелаете.

Затем позвольте пожелать Вам наибольшего успеха в Ваших исследованиях и уверить Вас, что Вы найдете самого ревностного помощника в собирании материалов для них в...

Н. Д.

Так как Вы мне обещаете к концу года высылать листы по мере их печатания, то я решил удовлетворить публику, сначала издав II том «Капитала» [81] (тем более, что мы не имеем возможности отпечатать одновременно оба тома), а затем заняться вторым изданием I тома.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на русском, французском и английском языках

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 5 (17) марта 1879 г.

Милостивый государь!

В ответ на письмо г-на Уильямса я послал (5 февраля) очерк ** нашей финансовой политики за последние пятнадцать лет и — одновременно — материалы, послужившие основой для этого очерка (больше сорока фунтов книг, часть из них — очень редкие издания). Не имея никаких известий от г-на Уильямса о том, получил ли он вышеупомянутый очерк (и книги), я прошу Вас успокоить меня в отношении этого. Я приготовил некоторые новые публикации, но опасаюсь отправлять эти книги, если посылки утеряны.

Ваш *Н. Д.*

* — Лопатина. *Ред.*

** См. предыдущее письмо. *Ред.*

К стр. 17 моего письма *

Год	Чистый сбор хлеба, за исключением семян, по всей России	Вывезено за границу	Вывоз в %% чистого сбора	Урожай сам
	в тысячах четвертей			
	А.	Б.		
1870	231 756	21 071	9,09	4,3
1871	166 677(?)	23 224	13,93	3,3
1872	190 398	15 950	8,37	3,6
1873	191 278	20 705	10,81	3,7
1874	219 616	26 804	12,25	4,1
1875	156 245	22 460	14,37	3,2
1876	187 291	25 394	13,55	3,6

А. «Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ». Выпуск I. С.-Петербург, 1879, стр. 3.

Б. «Ежегодник Министерства финансов» и «Обзоры внешней торговли России» за соответствующие годы.

На днях мы имели случай видеть еще одно лишнее подтверждение того, насколько правительство помогает частным кредитным учреждениям. Дела Ревельского коммерческого банка совершенно расстроились, так что цена его акций сильно упала. Государственный банк оказал ему поддержку, открыв кредит в 3 млн. рублей. В течение двух дней акции поднялись с 30 до 62 рублей.

Вообще после отправки моего последнего письма у меня накопились кое-какие факты, не лишенные интереса, для характеристики нашего финансового положения. — Вот, например, еще любопытный факт. По вычислению «Сборника сведений по Министерству государственных имуществ» (С.-Петербург, 1879, стр. 16, 17, 18), на душу населения требуется продовольствия 1,75 четверти хлеба, между тем нечерноземная полоса в 1876 г. дала 1,28 четверти на душу, черноземная—2,16; в среднем 1,73; за вычетом хлеба, вывезенного за границу, на душу приходится 1,50 четверти; при этом количество населения бралось по данным 1870 года.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на английском и русском языках

* См. настоящий сборник, стр. 364. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 29 марта (10 апреля) 1879 г.

Милостивый государь!

5 февраля, в ответ на Ваше письмо (от 15 ноября*), я послал Вам краткий очерк нашего финансового положения и кипу книг, на основании которых он был написан. Не получая в течение месяца ответа, я решил написать Вам еще раз и настоятельно просить сообщить мне, получили ли Вы письмо (от 5 февраля) и книги. Весьма вероятно, что Вы не получили моих писем; вот почему я посылаю это письмо через третье лицо, и Вы меня очень обяжете, если направите мне какую-нибудь информацию.

Я не послал Вам некоторые новые официальные статистические отчеты лишь вследствие неуверенности. Мне неизвестно, получили Вы или нет книги, отправленные в январе и феврале.

Мы потеряли «нашего общего друга» **: он теперь здесь, но мы не можем видеть его.

Ваш *Н. Д.*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

МАРКС — М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

В МОСКВУ

[Лондон, апрель 1879 г.]

Сочинение г-на Кареева [234] превосходно (excellent). Только я не вполне разделяю его взгляд на физиократов. Я беру теорию капитала, то есть современного строения общества. Начиная от Петти и кончая Юмом, эта теория была развиваема только по частям, — здесь кусок, там кусок, — согласно потребностям той эпохи, когда жил автор. Кенэ первый положил в основу политической экономии ее настоящий, то есть капиталистический базис, и весь курьез заключается в том, что он так поступает, по-видимому, как арендатор землевладельца. Г-н Кареев положительно неправ, говоря, что физиократы противополагали только одно социальное занятие, именно земледелие, другим, то есть промышленности и торговле, но никогда не доходили, подобно Смиту, до противоположения социальных

* См. настоящий сборник, стр. 351—353. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*

классов. Если бы г-н Кареев вспомнил основную мысль предисловия Рикардо к его знаменитому творению, где он рассматривает три класса государства (землевладельцев, капиталистов и рабочих, трудами которых почва обрабатывается), то он убедился бы, что первое изобретение трех классов в экономической сфере и их взаимных отношениях могло найти место только в системе земледелия, как это сделал Кенэ. Сверх того, необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении. Это справедливо даже для философских систем: так, две совершенно различные вещи — то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень. Поэтому неудивительно, что некоторые приверженцы Кенэ, вроде Мерсье де ля Ривьера, находили сущность всей системы в ее параферналиях [235], тогда как английские физиократы, писавшие в 1798 г., впервые доказывали на основании Кенэ, наперекор А. Смиту, необходимость уничтожения частной собственности на землю.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2. т. 34, стр. 286—287

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ [224]

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 10 апреля 1879 г.

Милостивый государь!

Как раз, когда я получил Ваше февральское письмо (и в то же время ценные печатные материалы, благополучно дошедшие до меня, так же как и другие упоминаемые Вами книги *), моя жена заболела так тяжело, что врачи даже сомневались, сможет ли она пережить этот приступ. В то же самое время мое собственное здоровье также сильно пошатнулось. (Фактически с тех пор, как вследствие создавшегося в Германии и Австрии положения **, я был лишен возможности ежегодно посещать Карлсбад ***, состояние моего здоровья никогда уже не было достаточно удовлетворительным.) При таких обстоятельствах, которые изменились к лучшему лишь с очень недавнего времени, я не мог, конечно, изучить присланный мне материал. Тем временем я послал Вам письмо через одного немца, ехавшего в Санкт-Петербург, в котором ограничился, впро-

* См. настоящий сборник, стр. 372—373. *Ред.*
** — в связи с введением исключительного закона против социалистов (1878 г.). *Ред.*
*** Чешское название: Карлови-Вари. *Ред.*

чем, только подтверждением получения Вашего письма да рекомендацией Вам подателя. Но, к моему великому изумлению, он снова появился вчера здесь и сообщил мне, что вследствие каких-то обстоятельств он не ездил дальше Берлина и совершенно отказался от поездки в Петербург.

А теперь, прежде всего, я должен сообщить Вам (это совершенно конфиденциально), что, по полученным мною из Германии сведениям, мой второй том * *не может быть издан,* пока нынешний режим сохраняется там во всей его нынешней суровости. Это известие, принимая во внимание status quo **, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, ничуть не огорчило — по следующим причинам.

Во-первых: я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своей высшей точки. Его проявления на этот раз весьма своеобразны, они во многих отношениях отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. И это, помимо других модифицирующих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и продолжающиеся уже 5 лет кризисы *в Соединенных Штатах, в Южной Америке, Германии, Австрии* и т. д.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду *«теоретически».*

Вот, например, одна из своеобразных особенностей нынешнего положения дел. Как Вам известно, произошли банковские крахи в Шотландии и в некоторых английских графствах, главным образом в западных (в Корнуэлле и Уэльсе). Тем не менее, действительный *центр денежного рынка* — не только Соединенного королевства, но и всего мира — *Лондон,* до сих пор был мало затронут. Наоборот, за немногими исключениями, крупнейшие акционерные банковские компании, вроде Английского банка, пока только *выиграли* от общей прострации. А какова эта прострация, Вы можете судить по тому крайнему отчаянию, в какое впали английские торговые и промышленные филистеры, потерявшие всякую надежду на лучшие времена! Я никогда не видал ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такого морального потрясения, хотя я был в Лондоне и в 1857 г. и в 1866 году ***!

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии *Французского банка,* который со времени недавнего развития сношений между обеими странами превратился в *филиал*

* — «Капитала». *Ред.*

** — существующее положение вещей. *Ред.*

*** — в годы мировых экономических кризисов. *Ред.*

Английского банка. Французский банк держит громадный запас золота в слитках, свободный размен его банкнот еще не восстановлен, и при первом же признаке какой-либо пертурбации на лондонской фондовой бирже французские деньги наводняют ее для скупки временно обесцененных бумаг. Если бы прошлой осенью французские деньги были внезапно изъяты, Английскому банку несомненно пришлось бы прибегнуть к своему последнему, *крайнему* средству, *к приостановке действия банковского акта,* а в таком случае у нас неизбежно произошел бы денежный крах.

С другой стороны, то спокойствие, с каким было произведено в Соединенных Штатах восстановление платежей наличными, устранило всякие покушения с этой стороны на ресурсы Английского банка. Но что до настоящего времени особенно содействовало предотвращению краха на лондонском денежном рынке, это — внешне спокойное состояние банков *Ланкашира* и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада), хотя вполне достоверно известно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей по убыточным сделкам фабрикантов и на ссуды по этим сделкам, но некоторые из них, как, например, Олдемский, даже затратили значительную часть своего капитала на постройку новых фабрик. В то же самое время большие запасы товаров, в особенности хлопчатобумажных, накопляются с каждым днем не только в Азии (преимущественно в Индии), куда их отправляют на консигнацию, но и в Манчестере и т. д. и т. д. Каким образом такое положение вещей может кончиться без всеобщего краха в промышленности, а следовательно и среди местных банков, влияющих в свою очередь непосредственно на лондонский денежный рынок, — трудно предвидеть.

А пока — стачки и смятение господствуют повсюду.

Замечу *мимоходом,* что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других предприятий, *железные дороги* процветали; но это происходило только благодаря исключительным обстоятельствам, вроде Парижской выставки * и т. д. На самом же деле железные дороги сохраняют видимость процветания, накопляя долги и со дня на день увеличивая свой *капитальный счет.*

Каким бы путем, однако, ни пошло развитие этого кризиса, столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и профессионального теоретика, — он все же пройдет, как и предшествовавшие ему, и явится исходным пунктом нового «промышленного цикла» со всеми его разнообразными фазами — процветания и т. д.

* — всемирной выставки 1878 года. *Ред.*

Но под покровом этого «с виду» прочного английского общества кроется другой кризис — *аграрный,* который произведет большие и серьезные изменения в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз, сейчас это завело бы меня слишком далеко.

Во-вторых: огромная масса материалов, полученных мною не только из *России,* но и из *Соединенных Штатов* и т. д., дает мне приятный «предлог» продолжать мои исследования, вместо того, чтобы окончательно обрабатывать их для опубликования.

В-третьих: мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю оказаться в том же состоянии, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда у меня были головокружения и я становился неработоспособным после нескольких часов серьезных занятий.

По поводу Вашего в высшей степени интересного письма я ограничусь немногими замечаниями.

Железные дороги возникли прежде всего как «couronnement de l'oeuvre» * в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития,* — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и т. д. Я называю их «couronnement de l'oeuvre» не только в том смысле, что это были, наконец (наряду с океанским пароходством и телеграфом), *средства сообщения,* адекватные современным средствам производства, но также и потому, что они послужили основой для возникновения огромных акционерных компаний, одновременно образовав новый отправной пункт для создания разного рода *других* акционерных компаний, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой толчок *концентрации капитала,* которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и в громадной степени расширили *космополитическую деятельность ссудного капитала,* благодаря чему весь мир оказался опутанным сетью финансового мошенничества и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более

* — «увенчание дела». *Ред.*

передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства обогащали железнодорожные компании и покровительствовали им за счет государственной казны. В Соединенных Штатах они получили в дар значительную часть государственных земель и притом не только ту землю, которая была необходима для прокладки железнодорожных линий, но и многие мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесом и т. д. Таким образом, они стали самыми крупными земельными собственниками. Понятно, что мелкие фермеры-иммигранты предпочитали селиться именно на этих землях, расположение которых обеспечивало удобный способ транспортировки их продуктов.

Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключавшаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в обеспечении им долгосрочного владения, в гарантировании им определенного дохода из общественного кармана и т. д. и т. д., достигла наиболее полного расцвета при Луи Бонапарте, правление которого в сущности покоилось на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже делал им подарки в виде каналов и т. д.

Но в Австрии и особенно в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и ограбления народных масс.

Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом *сырье,* эта торговля усилила нищету народных масс; и притом не только потому, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового пресса* на народные массы, но еще и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие товары, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа. В то же время, с другой стороны, и *само производство* — я имею в виду некоторые специальные *виды продукции* — также изменилось в зависимости от *большей или меньшей пригодности* этой продукции *для вывоза,* тогда как раньше оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Гольштейне пахотные земли были обращены в пастбища, потому что вывоз скота оказался более выгодным, но, в то же самое время, земледельческое население было согнано с насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных земельных собственников, ростовщиков, купцов, железнодорожных компа-

ний, банкиров и т. д., но очень плачевными для действительных производителей!

Заканчивая свое письмо (время отправки которого на почту все более и более приближается), скажу еще, что невозможно провести действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией. В Соединенных Штатах государственные расходы уменьшаются с каждым днем, и государственный долг ежегодно и быстро сокращается. В России же неизбежность государственного банкротства становится все более и более очевидной. Соединенные Штаты освободились (хотя и самым гнусным образом, к выгоде кредиторов и в ущерб мелкому люду) от своих бумажных денег, в России же ни одно производство не процветает в такой мере, как фабрикация бумажных денег. В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация народных масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и искусственно ускоренное Гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, прогресса в сельском хозяйстве и т. д.; Россия же напоминает скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (имевшего, правда, под собой гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой на фоне застоя большей части производства (сельскохозяйственного) и голода среди производителей. Соединенные Штаты в настоящее время значительно перегнали Англию по темпам экономического прогресса, хотя все еще отстают от нее по размерам накопленного богатства; но в то же самое время народные массы там реагируют живее и имеют в своих руках более сильные политические средства для выражения своего негодования против той формы прогресса, которая осуществляется за их счет. Я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы.

Кстати: какую русскую работу по кредиту и банковому делу Вы считаете лучшей?

Г-н Кауфман был настолько любезен, что прислал мне свою книгу «Теория и практика банкового дела», но я был несколько удивлен, увидев, что мой прежний рассудительный критик из петербургского «Вестника Европы»[32] превратился в какого-то Пиндара современного биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже исключительно с точки зрения данной специальности, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Лучшая ее часть — полемика против бумажных денег.

Говорят, будто некие иностранные банкиры, через посредство которых некое правительство пожелало заключить новые займы, потребовали от

него в виде гарантии введения конституции; я лично далек от того, чтобы верить этому, так как при их современных методах ведения дел они, по крайней мере до сих пор, были всегда очень равнодушны к формам правления и не изменят этому и впредь.

Преданный Вам

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 287—293

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 14 (26) июля 1879 г.

Милостивый государь!

Считаю своим долгом сообщить, что получил Ваше письмо, доставившее мне величайшее наслаждение. Но, к моему большому сожалению, оно в то же самое время свидетельствует, что появление долгожданного II тома «Капитала» [81] гораздо дальше от нас, чем я полагал.

Очень жаль, что я не могу удовлетворить Вашу просьбу и послать Вам какое-нибудь русское сочинение по «кредиту» или «банковому делу»: по этому предмету у нас нет оригинальных работ.

Я должен извиниться, что с такой задержкой отвечаю на Ваше письмо, но 1) каждый день я ожидал выздоровления «нашего общего друга» * от болезни, однако последняя имеет тенденцию стать хронической [227]; 2) я хотел собрать как можно больше фактов, чтобы представить Вам итог экономического положения наших налогоплательщиков. Вероятно, Вы помните, что «Труды Податной Комиссии» [202] дают только представление о тенденции налогов поглотить весь доход крестьянина, то есть указывают на тенденцию v в формуле $\frac{m}{v}$ приближаться к нулю или на тенденцию $\frac{m}{v}$ приближаться к ∞%. Но «Труды» не дают точных данных, ибо земства брали только чистую прибыль (следовательно, за исключением продовольствия), а не валовую прибыль (за исключением Рязанского земства). Не имея достаточно фактов, я не могу послать Вам сводный подсчет, по крайней мере, — в настоящее время.

Мое последнее письмо вызвало у Вас некоторое недоумение. Я постараюсь устранить его, и одновременно это дает мне повод привести факты,

* — Лопатина. *Ред.*

которые должны подтвердить некоторые из моих предыдущих утверждений.

С начала 60-х годов до настоящего времени производительность труда в России (а именно — земледельческого труда) остается неизменной, но распределение продуктов труда значительно изменилось. Вот факты:

«Очень немногие помещики в Курской губернии ведут хозяйство сами, несмотря на то, что Курская губерния по числу помещиков была первою в России». Еще менее — вольнонаемным трудом. Земля сдается крестьянам из части урожая, «иногда из $^1/_2$, но большею частью помещику $1^1/_2$ или даже 2 части». «Огромное большинство имений сдается за деньги, и *арендные деньги быстро растут по всей губернии».* «Купеческие хозяйства ведутся тем же путем» (*Чаславский.* «Хлебная торговля в центральном районе». СПб., 1875, стр. 7/231).

После 1861 года земли сдавались так, что крестьянин получал $^1/_2$ продукта, впоследствии ему пришлось отдавать $1^1/_2$—2 части.

«После проложения железных дорог испольная система начала быстро заменяться денежною арендой». Арендуют же подесятинно и под один посев. *«Последствия оказались гибельными для крестьян:* если он брал землю из $^1/_3$ урожая, ему оставалось около 16 руб.; из $^1/_2$ — 23 руб. 50 коп., теперь же на его долю приходится около 4 руб., при плохом же урожае он терпит убыток» (там же, стр. 16/240). Следовательно, его участие в продукте, доля его уменьшилась в 4—6 раз. «Все сказанное можно отнести ко всем черноземным уездам Орловской, Тамбовской губ. (последняя без восточной и юго-восточной части), северо-востоку Воронежской и югу Рязанской и Тульской» (стр. 21/195). «Бóльшая часть хлеба, поступающего в торговлю, — хлеб крестьянский (в примосковском районе); главная масса продаваемого хлеба производится на арендованных землях» (*Чаславский.* «Хлебная торговля в примосковном районе», стр. 6). «Огромная часть хлеба с волжских, цнинских, рязанских пристаней — хлеб крестьянский, так как крестьяне арендуют многие земли в Тульской, Орловской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской губерниях» (стр. 205). «Арендные же платы быстро повышаются... и это повышение парализует выгоды от повышения цены на хлеб» (стр. 206). — «В Смоленской и Тверской губерниях земля отдается в аренду крестьянам подесятинно за плату; в Калужской — за пользование пустошами и угодьями (так как здесь наделы меньше)... обыкновенно сельским обществам... Возделывание за угодья для помещиков выгоднее, потому что *крестьяне не дошли еще до надлежащей оценки своего труда* (!?); за плату натурою крестьянин сделает всегда больше, чем за деньги...»

(Из «Сборника» Московского земства можно видеть, какое значение имеют для крестьян «отрезки», то есть земли, отрезанные в пользу помещиков от прежних крестьянских хозяйств, без пользования которыми все их хозяйство едва ли может существовать.)

«Кроме того, при заключении условия, крестьяне соглашаются (!) на дополнительные «выговоры» (отработки), которые, подчас, бывают больше капитальной работы... Вообще помещики говорят: мужик только тогда хорошо работает, когда ему должны... для этого и даются ему задатки». Аренд здесь нет, вольнонаемного труда — также (*Раевский.* «Хлебная торговля в западном районе», стр. 27—28). — В Вологодской губернии помещики после 1861 г. стали отдавать земли исполу:

семена — помещичьи, урожай, кроме семян, делится пополам, солома — помещику, сено — пополам (*Чубинский.* «Северный район», стр. 516). В Костромской губернии — за угодья; в Новгородской — исполу (стр. 576).

Число таких выписок можно увеличить, но и этих достаточно. Мы проехались по довольно значительной части России, и везде оказалось, что земли частных землевладельцев обрабатываются крестьянами на свой страх, но что при этом наем земель для них отяготителен (за угодья) или что доля урожая, приходящаяся на их долю, уменьшается (вместо $^1/_2$— 2—3 части отдает); но в этих двух случаях крестьянин может рассчитывать получить хоть что-нибудь; мы видели, что испольная система заменяется денежной арендой, притом в форме подесятинной — на год, и при арендной плате, возвысившейся в 4—6 раз, крестьянин рискует ничего не получить в случае плохого урожая...

Я уже приводил факты, что крестьяне бывают вынуждены осенью продавать свой хлеб, чтобы весною или даже зимою снова купить. Посмотрим теперь, насколько это явление распространено вообще, насколько увеличилось или уменьшилось местное потребление.

«После освобождения (1861), с развитием арендования земель крестьянами, *сократились прежние размеры местного потребления...* Результатом уничтожения крепостного права и проведения железных дорог было общее увеличение избытков и вывоза из губернии (Курской)... Вместе с тем в последнее время развились отхожие промыслы» (*Чаславский.* «Торговля в Риге», стр. 32/250).

(Другими словами — местному населению не стало доставать продовольствия!)

«Главная масса продаваемого хлеба производится крестьянами на арендованных землях, своего же не хватает и на прокормление. Продавая обыкновенно хлеб осенью, (крестьяне) покупают его для продовольствия зимою и весною» (*Чаславский.* «Примосковский район», стр. 6). «Население Коломенского уезда, даже при хорошем урожае, едва в состоянии продовольствоваться своим хлебом, тем не менее, по уборке, крестьяне начинают свозить на базары хлеб, нуждаясь в деньгах... весною им приходится покупать собственный же хлеб, но дороже, чем продали» (там же, стр. 120). «Несмотря на то, что $^2/_3$ населения (от Москвы до Нижнего) приходится покупать хлеб.., можно каждую осень встретить здесь на городских и сельских рынках продажный крестьянский хлеб, но это только осенью, тотчас после сбора. Продают всегда по нужде — для уплаты податей... *Весною же положительно все крестьяне покупают хлеб»* (там же, стр. 165). «Крестьяне, для уплаты податей, продают тотчас после уборки часть своего хлеба, а после обращаются к покупному, и, зачастую, собственного производства, приобретая его по цене гораздо высшей, чем та, по которой продали» (*Барковский.* «Хлебная торговля в верхне-волжском бассейне», стр. 13/629). — «Мужик не любит вообще продавать хлеба, но нужда все-таки заставляет, и у крестьян сложилась прибаутка: *«Не тужи, матушка рожка, что выпала в город дорожка, уж переплачу, да тебя ворочу»,* то есть что весною крестьянин, хотя за более дорогую цену, да купит свою же рожь» («Сборник материалов по статистике Тверской губернии». Тверь, 1874, выпуск II, стр. 64—65).

Из этого можно видеть, насколько распространено такое дикое, нелепое явление, как продажа осенью крестьянами хлеба, необходимого на продовольствие, и затем весенняя покупка своего же собственного хлеба, но по более дорогой цене. — Посмотрим теперь, при каких условиях совершается крестьянами продажа хлеба осенью, и какая доля крестьянского хлеба идет в нашу хлебную торговлю.

«Главные производители хлеба — крестьяне... Хлеб сборный... В Курск, Орел, Конотоп и пр. с проложением железных дорог наехало много торговцев из Риги, Витебска, Динабурга, Киева и т. д., которые разъезжают для закупки хлеба и живут в местах сборки» (*Чаславский.* «Торговля в Риге», стр. 31/255). «Крестьянский хлеб обыкновенно в продаже осенью. Он скупается у прасолов» (там же, стр. 118/342). «Размеры посевов в Моршанском районе, с проведением железных дорог, значительно увеличились... почти $^1/_2$ хлеба крестьян, которые арендуют много земли... Моршанские купцы скупают на базарах сами или через посредство кулаков-комиссионеров» (*Чаславский.* «Примосковский район», стр. 75). «При закупке крестьянского хлеба на моршанских базарах принимают большое участие местные кулаки... Да и в прямых сношениях купцов с крестьянами, здесь, как и во всей юго-восточной черноземной полосе России, преобладает характер кулачества... Здесь пускается в ход заманиванье, обмер, обвешиванье, притеснения при расплатах... У одного из первостатейных купцов, издавна торговавшего хлебом и делавшего обороты на 100 000 четвертей в год, найдена была пудовая гиря, неверная на два фунта... Посредством ее он наживал в год до 16 000 рублей... Дело это замяли» (там же, стр. 76—77). «Торговыми деятелями являются московские, петербургские, рижские и местные купцы... Заготовка на местах делается обыкновенно приказчиками московских и других иногородних торговцев при посредстве местных купцов-кулаков, перепродающих затем партии в Москву и другие места... Вообще характер торговли двоякий: 1) В местах, где промышленное и торговое оживление велико, характер торговли по преимуществу прасольский. Хлеб скупается мелкими партиями при посредстве кулаков, прасолов, шмырей и т. п., разъезжающих по деревням и сельским базарам и закупающим хлеб по преимуществу у крестьян. Этот вид торговли преобладает к северу от Орла. 2) К юго-востоку хлеб свозится в торговые села и скупается местными кулаками для перепродажи приезжим купцам» (там же, стр. 5—6). «Скупка хлеба на козловских базарах производится обыкновенно через посредство местных кулаков-комиссионеров» (там же, стр. 51). «В Мценске крупные купцы закупают хлеб через посредство *прасолов* и *кулаков...* На базары местных торговых центров — сел хлеб прежде свозился из окрестностей и ссыпался в амбары двух-трех мелких кулаков... Они устанавливали цены, давали вперед и деньги, и товары под будущие урожаи, словом, держали меновую торговлю в своих руках. С проведением железных дорог они должны были уступить место приезжим прасолам и кулакам... Севернее торговля и прежде была прасольская. Каждый оптовый торговец имеет своих прасолов. Он раздает им деньги для закупки товара, обыкновенно не выше определенной цены: они отправляются по деревням и базарам... Барыш при покупке идет в пользу прасола. Кто дешевле умел купить у крестьян, тот получает больше пользы, быстро наживается, сам делается купцом, заводит своих прасолов» и так далее (там же, стр. 140—142). *«Проведение железных дорог отозвалось невыгодно на местных купцах: московские купцы начали действовать помимо местных»* (там же, стр. 146). «Крупные торговцы (между Москвой и Нижним) закупают хлеб у производителей почти всегда при посредстве кулаков, так называемых *«мартышек»*» (там же,

стр. 167). «Огромная часть хлеба волжских, цнинских и рязанских пристаней — хлеб крестьянский» (там же, стр. 205).

«Хлебные базарные ссыпки (в Екатеринославской губернии) очень велики... кулаки-скупщики крестьянского хлеба являются главными продавцами хлеба вообще» (*Янсон*. «Одесский район», стр. 46/122). «На берегу Днепра, рядом с крупным капиталом, работает огромное число мелких, направленных на сборку мужицкого хлеба, для снабжения городского населения» (так как вывозится хлеб помещичий) (там же, стр. 111/195). «Крестьяне (в Бессарабии) продают свой хлеб исключительно евреям на базарах... дальше базаров крестьяне хлеба не везут, так как все запасы попадают уже раньше в руки местных кулаков-евреев... Крестьяне находятся у них в полнейшей экономической зависимости» (там же, стр. 140/216). «В Подольской губернии сборкой крестьянского хлеба занимаются мелкие евреи. Здесь, как вообще в юго-западном крае, помещичий хлеб преобладает» (там же, стр. 170/246). «В Киевской, Подольской и Херсонской губерниях базарная торговля развита в сильной степени. На базарах идет сборка хлеба: сюда свозят его окрестные крестьяне и другие производители (казаки, чиншевики и пр.)... евреи скупают, формируют партии для отправки в порт» (там же, стр. 192/268). «Нередко крестьяне формировали между собою товарищества, поручали выборным продать свой хлеб в Одессе, делили выручку пропорционально вложенному товару» (там же, стр. 193/269). В Одессе «колониста или мужика кулаки-евреи стерегут за городом, верстах в пяти, приторговывают товар, садятся на воз, везут в магазин к хозяину... и здесь-то проявляется искусство мерщика... хлопочут о том, чтобы зерно поплотнее улеглось и пр.» (стр. 379).

«В настоящее время способ закупки хлеба у крестьян на базарах вытесняет прежний способ разъездов» (*Безобразов*. «Северо-восточный район», стр. 511). «Мелкое торгашество и спекулятивный перекуп хлеба на торжках и базарах сильно развит между крестьянами» (там же, стр. 514). «Дешевизна хлеба обусловлена крестьянским хозяйством, исключительно здесь господствующим... Весь вывозимый хлеб — крестьянский» (там же, стр. 500). «В Уфимском крае в торговлю поступает хлеб крестьянский: *помещики с крестьянами конкурировать не могут, так как крестьяне производят хлеб при гораздо меньших расходах»* (там же, стр. 558).

Впрочем, это явление очень распространено, так как в западном районе

«помещичьи хозяйства запускаются, земля продается зажиточным крестьянам и купцам. Новые хозяева ведут хищническое хозяйство, стараясь поскорее высосать все возможное из земли» (*Раевский*. Там же, стр. 28).

В Костромской губернии помещичьи запашки сокращаются (Чубинский). В Новгородской — также. Из «Сборника» Московского земства (т. V) видно, что помещичьи запашки за 18 лет сократились на 80% и что при крайнем малоземелье крестьян число десятин необрабатываемой пашни постоянно возрастает.

«Главными действующими лицами на ярмарках и базарах являются прасолки, то есть мелкие торгаши из зажиточных крестьян и мещан, скупающие все в крестьянском хозяйстве»... Мужики говорят, что *«кулак и дохлую кошку возьмет»*. «Прасолки, это — первая торговая инстанция... Прасол продает портовым купцам; у каждого портового свой круг прасолов. Главная польза прасолов — обмер и обвес мужиков: у прасолов свои весы» (*Раевский*. Там же, стр. 36—37). — «Производители

льна (а также и хлеба) в местностях северного района принадлежат к небогатому крестьянскому сословию, которое здесь — более чем где-либо — стоит в зависимости от своих богатых односельцев, так называемых кулаков. Кулаки снабжают своих односельцев деньгами, а также всеми предметами, необходимыми в крестьянском быту, приобретаемыми покупкой: косами, серпами, красным товаром и пр., получая за все расплату продуктами крестьянского производства: льном, холстом, хлебом и пр. ...Эти-то кулаки перепродают товар, купленный по вынужденной цене, купцам и приказчикам архангельских и иностранных контор» (*Чубинский*. «Северный район», стр. 102—104). — В Пинском районе «хлеб скупает жид-корчмарь и маклер». «В Пирятинском и Лохвицком уездах комиссионеры скупают хлеб у местных кулаков, в свою очередь скупающих крестьянский хлеб на базарах» (*Янсон*. «Пинский район», стр. 159—169). — «Трое купцов, в руках которых находится вся торговля льном Бежецкого рынка, сами лично лен не покупают, а делают это через особых мелких скупщиков-барышников... Кулаки по мелочам скупают для них лен у помещиков и у крестьян, разъезжая по уезду. Кулаки из мещан, во время базарных дней, чуть свет выползают на рынок, чуть не вырывают лен у крестьян; тут пускается в ход и обмериванье, и обсчитыванье, и всякое надувательство» («Сборник материалов по статистике Тверской губернии», вып. II, Бежецкий уезд, Тверь, 1874, стр. 8).

Отсюда следует, что на земледельческом труде крестьянина основывается не только государственный бюджет и другие факторы, перечисленные в моем последнем письме, но что крестьянин должен также отдавать: 1) постоянно возрастающую долю своего продукта помещику и 2) прибыль большому числу кулаков, мартышек, прасолов, шмырей, евреев-шинкарей, портовых купцов и так далее. Из вышеприведенной сводки мы видели, каким образом эти джентльмены получают свою часть добычи...

«Сборник Министерства государственных имуществ» показывает далее, что производительность земледельческого труда не растет, так как все усилия частных лиц и государства направлены, как мы знаем, на развитие обращения, а не на организацию производства, или, иными словами, все усилия направлены на обогащение посредников между производителями и потребителями, на развитие всех средств, содействующих концентрации капитала; и мы видим, что если производитель в начале 60-х годов получал на свою долю 50% продуктов, то в настоящее время его доля (при совокупной деятельности всех поименованных факторов) уменьшилась в четыре раза; но, кроме того, он экономически связан не с землей, как до 1861 г., а с кулаком. — Сравнивая Россию с Соединенными Штатами и будучи знаком с быстрым ростом производительности труда в последних, я желал бы знать: в каком отношении находится доля производителей к возрастающей массе продуктов? Если прежде рабочий производил в Соединенных Штатах 100 единиц, а его доля равнялась 50, то сколько получает он теперь, когда производительность его труда возросла, скажем, до 200? Либо его доля возросла пропорционально возросшей производительности и равна 100, либо она по-прежнему равняется 50, либо она меньше 50. В России доля производителя уменьшается

и относительно и абсолютно. Но — и это в тысячу раз важнее — эта доля продолжает непрерывно уменьшаться, и недалеки времена, когда мы будем свидетелями чего-то ужасного... В то же самое время все симптомы этого уменьшения (развитие всех вышеупомянутых факторов, за исключением бюджета) рассматриваются подавляющим большинством нашей публики и прессы как признаки возрастающего процветания.

Надеюсь, Вы получили IV и V тома «Сборника» Московского земства («Крестьянское хозяйство и хозяйство частных землевладельцев»). Уверен, что Вы прочтете его с большим интересом и удовольствием (теоретическим, разумеется). Эти тома знакомят нас с крайне любопытными фактами. Так, например, с одной стороны, мы видим тенденцию части мира удлинить сроки нового передела земли, — в настоящее время средняя продолжительность этих сроков составляет 12,5 года; 50% всех общин проводят периодические переделы через 20 лет (т. IV, стр. 152, 3, 9), — и в то же самое время, с другой стороны, продолжительность владения землей нашими новыми частными земельными собственниками — купцами — составляет только 17 лет!! (т. V, стр. 46). Чаславский в «Сборнике государственных знаний», в статье о «Земледельческих отхожих промыслах» старается, между прочим, показать, что в южнорусских губерниях (степных) наибольшая интенсивность земледельческого труда встречается не в поместьях крупных земельных собственников, как мы можем это предполагать, а на крестьянских землях. В V томе «Сборника» мы сталкиваемся с аналогичными фактами, показывающими, что в Московской губернии наибольшую интенсивность имеет крестьянское хозяйство! — Князь Васильчиков в своем труде «Землевладение и земледелие» утверждает, что не следует увеличивать крестьянского землевладения и что силы крестьянской семьи недостаточны для обработки более обширной площади. Напротив, «Сборник», как и вышеприведенные цитаты, показывает, что в значительнейшей части России (за исключением юго-западных губерний) крестьяне арендуют бо̀льшую часть земли и что поступающий в торговлю хлеб — это хлеб крестьян. По количеству фактов и статистических данных относительно крестьянского землевладения и т. п. я не знаю лучшей работы, чем этот московский «Сборник» (III том выйдет в свет в августе или в сентябре).

В августе появится новый том «Статистического сборника Министерства путей сообщения», в котором, помимо других данных, будут помещены и таблицы железнодорожных грузов (12 видов земледельческих продуктов), которые были отправлены со всех русских железнодорожных станций и со всех пунктов водных путей и которые были получены всеми

соответствующими станциями и пунктами в 1876 году. Статистический отдел Министерства намеревается опубликовать аналогичные таблицы относительно 48 видов товаров (92—93% всех грузов; 12 видов земледельческих продуктов составляют около 42%). Имея в руках эти таблицы и издания Министерства государственных имуществ, можно определить, какая часть земледельческих продуктов остается в каждой губернии и какая часть вывозится. Главные результаты я объединил на карте *, которую я послал Вам вместе с другими книгами (отчеты акционерных банков за 1876 год). Из этих таблиц Вы увидите, что линия, отделяющая южное направление земледельческих грузов от северного и западного, проходит от Царицына до Жмеринки (Одесская железная дорога); даже, например, Славянка (Курско-Харьково-Азовская железная дорога) отправляет в северном направлении одну треть своих земледельческих грузов; то есть наши экономические условия таковы, что хлеб, направляющийся по железным дорогам через всю Россию (от Царицына до Петербурга, Риги, Вержболова и так далее), способен конкурировать с хлебом других стран; в то же самое время Вы не должны забывать, как низка производительность земледельческого труда в России. Иначе говоря, русский крестьянин, в силу своей крайней экономической зависимости, дает возможность шлезвиг-гольштейнскому помещику «сгонять с земли земледельческое население» и «превращать пахотную землю в пастбища» и усиливать в то же самое время экономическую зависимость России от Западной Европы. Таким образом — выгода взаимная.

Как я уже сказал, наши статистические отчеты о банковом деле не дают никакого ответа на вопрос, какая доля в кредитных операциях достается купцам в каждой отрасли торговли. — Чтобы получить некоторое представление о взаимной зависимости наших внутренних рынков, Вы можете обратиться к отчетам Государственного банка (приложение, таблица № 3), но здесь мы получаем только общее представление о сделках некредитного характера. Хотя эта таблица дает лишь приблизительный ответ, мы не должны забывать, что отделения Государственного банка рассеяны по всей России и что очень большая часть переводов и телеграфных платежей совершается через их посредство. Из «Обзора внешней торговли России» мы знаем, каким могучим центром притяжения является Петербург (вместе со своим портом — Кронштадтом); поэтому интересно изучить: 1) встречное движение, движение платежных

* Карта не обнаружена. *Ред.*

средств *в провинцию* на место закупленного сырья и 2) движение платежных средств — полученных на месте вывезенного сырья — *из провинции* в промышленные центры для закупки товаров провинциального потребления. «Сборник Министерства путей сообщения» показывает, что *только по железным дорогам* в 1876 г. в Петербург было доставлено 50,5 млн. пудов хлеба (за отсутствием данных я не знаю, сколько хлеба ввезено по внутренним водным путям *); эти 50,5 млн. пудов составляют 66,2% всех товаров, прибывших по железным дорогам в Петербург. Количество 12 видов земледельческих продуктов, которые были получены всеми 1 080 станциями русской железнодорожной сети в 1876 г. и о которых дает нам сведения «Сборник», достигает 236,2 млн. пудов; количество этих продуктов, полученных *Петербургом как железнодорожной станцией,* достигает 55,754 тысячи пудов (кроме хлеба — лен, пенька, льняное семя), то есть на долю Петербурга приходится 23,6% общего количества, полученного всеми прочими 1 079 станциями, — несколько меньше одной четверти!

Теперь весьма интересно установить, находится ли встречное движение платежных средств в том же самом отношении ко всем платежам. Обратимся к помощи отчета Государственного банка за 1876 год (приложение № 3) и отчета Волжско-Камского коммерческого банка за 1876 год (стр. 15), как таких банков, которые имеют свои отделения в провинции.

Из всей суммы переводов и телеграфных платежей в 1876 г. на 596,4 млн. рублей на долю Петербурга приходится 265 млн., или 44% (в 1877 г. — 50,8%). Петербург покупает в провинции на 201 млн. рублей (76%) и продает на 64 млн. (24%) (в 1877 г. — 84% и 16%). Мы уже видели, кто благодаря этому обогащается в провинции и каким образом это делается. Коммивояжеры петербургских и московских купцов недаром рыщут по базарам и селам черноземных губерний.

Теперь Вы можете судить о том, насколько основательно широко распространенное мнение, будто Россия, как земледельческая страна, может поднять уровень своего благосостояния только посредством продажи своих сырых продуктов и что поэтому требуется организовать кредит для крестьян (то есть для кулаков и так далее). Если быть последовательным, то

* Вот цифры 1874 года. Из всего количества грузов в 351 млн. пудов, полученных всеми пристанями водных путей сообщения, на долю Петербурга приходится 183,7 млн. пудов, то есть 52%. Из всего количества хлебных произведений в 87,35 млн. пудов, полученных в 1874 г. всеми пристанями России, на долю Петербурга приходится 31,7 млн. пудов, то есть 36,4%. С тех пор отношение едва ли изменилось. Впрочем, по выходе «Сборника» мы получим ответ. — В 1876 г. по Николаевской железной дороге было провезено 63 млн. пудов хлебных грузов, в 1878 г. — 75 169 875 пудов («Отчет главного общества российских железных дорог за 1878 год». СПб., 1879, стр. 16—18). *(Примечание автора.)*

Переводы и телеграммы в 1876 году

	a	b	c				
	Выданные из Петербурга на отделения	Выданные из отделений на Петербург	Всего выдано переводов	Из Петербурга на Москву	Из Москвы на Петербург	Из Москвы на отделения	Из отделений на Москву
				в тысячах рублей			
Государственный банк	161 086 000 руб.	52 520 000 руб.	426 770 000 руб.	3 200	31 937	37 327	34 613
Волжско-Камский банк	40 275 000 »	11 480 000 »	169 702 000 »	5 773	26 336	12 760	37 161
Всего	201 360 000 »	64 000 000 »	596 472 000 »	8 973	58 373	50 087	71 774
в %%	76%	24%	$\frac{a+b}{c} = 44\%$			41%+59%=100	
в 1877 году							
Волжско-Камский банк	55 327 000 руб.	11 455 000 руб.	178 719 000 руб.	11 600	15 215	15 380	34 325
Государственный банк	248 000 000 »	47 700 000 »	534 302 000 »	14 200	17 700	57 600	57 844
Всего	303 327 000 »	59 155 000 »	713 021 000 »	25 800	32 915	66 980	92 170
в %%	84%	16%	$\frac{a+b}{c}=50,8\%$			42%+58%=100	

надо требовать организации крестьянских железных дорог и так далее. Всякого рода кулаки обогащаются при помощи кредита, железных дорог и так далее. Отсюда следует (?), что эти учреждения должны дать крестьянам возможность, хотя и в уменьшенном размере, обогащаться (то есть стать кулаками). «Сборник» Московского земства показывает, как постепенно кулачество выделяется из крестьянства...

Я повторяю еще раз, что все наши усилия направлены не на организацию производства (которое не развивается), а на организацию и развитие *обращения*. (В настоящее время, например, мы устраиваем морской канал в Петербурге, Азовский порт, углубляем Либавский порт и т. д., и на все это потребны миллионы.) Все эти усилия приносят желанные плоды: немногие торговые центры начинают быстро процветать, подобно пиявкам, сосущим самые здоровые соки социального организма. Вот почему крайне интересно и поучительно изучить современное экономическое развитие России: перед Вами страна с весьма слабо развитой произ-

водительностью, социальный организм которой уже заражен чумой капитализма в ее наиболее опасной форме.

Я должен теперь обратить Ваше внимание на другую группу социальных явлений, тоже переживающих революцию. Я имею в виду обычное право. Экономическая революция, которую я попытался обрисовать, должна, разумеется, оказать влияние и на правовые отношения, в особенности на обычное право, которое под влиянием новых экономических условий подвергается изменению, и, конечно, не в интересах большинства населения. Вся социальная, семейная и т. д. жизнь наших небольших экономических и социальных единиц, как артели, деревенские общины, была основана на труде каждого их члена. Труд был здесь единственным источником, дававшим право на собственность, и в силу этого труд лежал в основе всех их правовых отношений; но как только право на собственность стали приобретать иным путем, а не исключительно трудом, в обычном праве должна была произойти революция, и действительно она здесь происходит. Очень жаль, что этот предмет не подвергся такому научному изучению, как он этого заслуживает по своему значению. За последние годы в нашей литературе время от времени появляются статьи, показывающие, между прочим, влияние новых экономических условий на обычное право; например, я могу отметить очень хорошую работу Оршанского об «Обычном праве», работу Пахмана по тому же вопросу, «Деревенские будни» Златовратского в «Отечественных Записках» и т. д.

Заканчивая это письмо, я прошу Вас, милостивый государь, извинить меня за неудачные английские обороты, но в то же время Вам известно, что иностранные языки представляют для меня такую же трудность, как для Вас русский язык. Еще прошу Вас вернуть мне, по возможности не позже сентября, пять томов Блиоха: «Влияние железных дорог и т. д.» [236], которые я Вам послал, чтобы Вас не могли упрекнуть в полном игнорировании этой работы, не имеющей, по моему мнению, никакой ценности. Будьте любезны послать мне также «Хлебную торговлю» [237] (изд. Географического общества) *, но это не очень к спеху. Дополнительно я пошлю Вам несколько номеров «Отечественных Записок» из-за некоторых статей (Энгельгардта, Трирогова, Златовратского) и буду Вам очень обязан, если по прочтении Вы отошлете их мне обратно.

В своем последнем письме Вы пишете, что *аграрный* кризис в Англии «произведет крупные и серьезные изменения в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз». Надо сказать,

* Но не бандеролью: ввоз книг пересылкой бандеролью у нас запрещен. *(Примечание автора.)*

что этот предмет представляет для меня огромный интерес и огромное значение, и если Вы выполните свое обещание, то очень обяжете преданного Вам

Н. Д.

Год	Чистый сбор хлеба в тысячах четвертей	Вывоз		% отношение вывоза к сбору	Число жителей ** (тыс. человек)
		год *	тысячи четвертей		
1870	231 756	1871	23 224	10	72 417
1871	166 677	1872	15 950	9,57	73 141
1872	190 398	1873	20 705	10,87	73 872
1873	191 278	1874	26 804	13,95	74 611
Всего	780 109		86 683	11,11	294 041
1874	219 616	1875	22 460	10,22	75 357
1875	156 245	1876	25 394	16,82	76 111
1876	187 291	1877	30 579	16,30	76 872
—	—	—	—	—	—
Всего	563 152		78 433	13,93	228 340

* Урожай данного предыдущего года, экспортированный в следующем году. *(Примечание автора.)*

** Обыкновенно принимается, что число жителей возрастает в год на 1%. *(Примечание автора.)*

Год	Среднее число четвертей, оставшихся в год (тысяч)	Среднее число жителей	На каждого осталось четвертей (*всех* хлебов)
1871—1874	173 356	73 510	2,371
1875—1877	161 573	76 113	2,125
В %%			
увеличение		+3,5%	
уменьшение	—6,8%		—10,38%

Отправление и прибытие товаров малой скорости по сети русских железных дорог в 1876 году
(в пудах)

	Следующих 12 родов произведений земледельческой промышленности: 1) пшеница, 2) рожь, 3) овес, 4) ячмень, 5) гречневая крупа, 6) пшено, 7) мука пшеничная и 8) ржаная, 9) горох, 10) льняное семя, 11) лен, 12) пенька		Общее количество всех грузов малой скорости	
	Отправлено (c)	Прибыло (на)	Отправление	Прибытие
По всем железным дорогам	553 682 261 (e)	553 682 261 (f)	1 382 103 867 (g)	1 382 103 867 (d)
В том числе *:				
а) станции русских железных дорог	270 974 061	236 233 540	844 949 781	794 197 641
в) заграничные железные дороги	36 207	29 089 256	17 635 231	44 961 130
Итого a + b	271 010 268 (k)	265 323 496 (l)	862 585 012 (m)	839 158 771 (n)
	$\frac{g}{f}=40\%$; $\frac{m}{k}=31\%$	$\frac{m}{g}=62\%$; $\frac{k}{l}=49\%$	$\frac{g-l}{m-k}=71\%$	$\frac{k}{l}:\frac{g-l}{m-k}=$ $=69{,}9\%$

* Без передачи на другие дороги, то есть самостоятельного отправления и прибытия по сети русских железных дорог. *(Примечание автора.)*

Несогласие данных отправления и прибытия (а+в) произошло вследствие разноречия в показаниях правлений железных дорог относительно передачи грузов с одной дороги на другую в *узловых* пунктах.

Впервые опубликовано (за исключением таблиц) в журнале «Летописи марксизма», кн. II(XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на русском, английском и французском языках

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 9 сентября 1879 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Я только что получил письмо, которое вынуждает меня немедленно уехать по семейным делам в Россию. Бесконечно сожалею, что не могу

Herrn Eugen Dühring's

Umwälzung der Wissenschaft.

Philosophie. Politische Oekonomie. Socialismus.

Von

Friedrich Engels.

Leipzig 1878.

Druck und Verlag der Genossenschafts-Buchdruckerei.

Титульный лист книги Ф.Энгельса «Анти-Дюринг» с дарственной надписью автора М. Ковалевскому

М. Ковалевскаго.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ,

ПРИЧИНЫ, ХОДЪ И ПОСЛѢДСТВІЯ

ЕГО РАЗЛОЖЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1879.

Титульный лист книги М. Ковалевского «Общинное землевладение» с дарственной надписью автора К. Марксу

проститься с Вами и прошу Вас, а также г-жу Маркс принять это письменное уверение в моем глубоком уважении и горячей привязанности.

Всем сердцем Ваш

Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 августа (11 сентября) 1879 г.

Милостивый государь!

Ящик с книгами, который Вы вернули мне, уже здесь, но пока находится в цензуре.

Профессор Максим Ковалевский из Москвы опубликовал первую часть своего очень интересного труда об «Общинном землевладении» [238]; если Вы не получили книги от него, то я пошлю ее Вам с другими книгами.

По моему ходатайству Государственный банк в своем отчете за 1878 г. дополнит таблицу № 3 (переводы и телеграммы) * новой таблицей, которая будет содержать кредитные сделки (взаимная зависимость русских внутренних рынков).

Искренне Ваш

Н. Даниельсон

«Если когда-нибудь я забуду, что я — министр финансов, то не забуду никогда, что я — министр торговли». Слова министра финансов Грейга, сказанные на обеде, данном ему на Нижегородской ярмарке.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 19 сентября 1879 г.

Милостивый государь!

Я только что вернулся в Лондон после почти двухмесячного отдыха на лоне природы на острове Джерси и в других приморских местах.

* См. настоящий сборник, стр. 391. *Ред.*

Я был вынужден так поступить и приостановить на это время всякую работу, по совету врачей, из-за нервного расстройства. По этой же причине я был также не в состоянии отдать должное той духовной пище, которой Вы столь любезно снабдили меня. Но теперь я чувствую, что значительно окреп, и охотно засяду за работу.

Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он один из моих «научных» друзей, который приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея.

Более обстоятельное письмо Вы получите от меня, как только я разделаюсь с наиболее неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствия.

А пока желаю Вам всего наилучшего.

Искренне Ваш *А. Уильямс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 323

В. Н. СМИРНОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Верне-Монтрё, 7 ноября [1879 г.]

Дорогой г-н Маркс!

Один из моих близких друзей, Николай Васильев, проживающий по адресу 57, Fonthill Road, Holloway, нуждается в некоторых советах и помощи с Вашей стороны и просит меня представить его Вам. Если Вы не возражаете встретиться и поговорить с ним, напишите ему. Он зайдет к Вам немедленно по получении Вашего письма.

С глубочайшим уважением

Ваш *В. Смирнов*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. В. ВАСИЛЬЕВ — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], четверг, 13 ноября [1879 г.]

Милостивый государь, г-н Маркс!

Пожалуйста, сообщите мне, получили ли Вы письмо Смирнова, посланное мной в этот понедельник.

Это было рекомендательное письмо — так как у меня есть до Вас кое-какая просьба.

Вас глубоко уважающий

Николай Васильев

Мой адрес: Н. Чепсел, 57 Fonthill Road, Holloway N.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

Н. В. ВАСИЛЬЕВ — МАРКСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 15 ноября [1879 г.]

Я получил Ваше письмо [71] только что (12 часов), так что прошу извинить, что не могу быть в назначенное время. Я буду, если не имеете ничего против, в это же время в понедельник.

Вас глубоко уважающий

Н. Васильев

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Ницца, [1879—1880 гг.]

Дорогой и глубокоуважаемый друг!

Тысяча благодарностей за Ваше доброе письмо [71] и за позволение надеяться, что я получу для своей библиотеки Вашу брошюру против Прудона *. Экземпляр, который Вы мне дали в пользование, я пошлю Вам через несколько дней. Чтение «Нищеты философии» меня очень заинтересовало, я там довольно часто встречаю подтверждение тех мыслей, которые не раз приходили мне в голову при чтении «Экономических противоречий» [74]. Польза, которую приносит мне это чтение, заключается в том, что я с каждым днем все больше убеждаюсь в бессилии метафизики создать точную науку из огромного множества экономических фактов, исследованных и более или менее плохо объясненных официальными экономистами. Конт, следовательно, был прав, когда не соглашался признать в настоящий момент политическую экономию законченной наукой; она

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

еще «в процессе становления», и Вы не мало сделаете для ее окончательного построения, применяя к изучению экономических фактов великий закон борьбы интересов.

Вы совершенно правы, утверждая, что официальные издания, касающиеся русского сельского хозяйства, Вам знакомы. Но не так обстоит дело с вопросом о кредите в России. Я постараюсь, следовательно, достать Вам наиболее известные труды, так как их огромное множество; русские экономисты в той или иной степени все банкиры и потому занимаются обычно только вопросами кредита.

Прошу напомнить обо мне Вашей жене и всей Вашей семье и разрешите выразить Вам мою искренною преданность.

Ковалевский

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VI, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 21 марта 1880 г.

Глубокоуважаемый г-н Маркс!

Имею честь переслать Вам в этом письме записочку от моего друга г-на П. Лаврова. Я был бы чрезвычайно рад получить разрешение посетить Вас и приветствовать великого учителя социальных наук.

С величайшим уважением

Л. Гартман

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 17 (29) марта 1880 г.

Милостивый государь!

Хотя в своем последнем письме * я старался показать связь, существующую между новыми факторами нашей экономической жизни, но можно также доказать, что эта связь чисто внешняя и что, развиваясь

* См. настоящий сборник, стр. 382—394. *Ред.*

одновременно, они могут быть совершенно независимы друг от друга. Продолжая изучать взаимозависимость этих факторов, я подошел к ним с другой стороны и в настоящем письме попытаюсь показать их взаимную зависимость несколько подробнее. С этой целью я составил прилагаемые таблицы *; здесь Вы можете увидеть, насколько эти факторы сами зависят от существующих общих условий производства страны и насколько они, со своей стороны, влияют на экономическую жизнь.

Эти таблицы составлены следующим образом.

Чтобы показать циклические колебания в главных отчетах банков, я взял совокупность балансов (сальдо) на конец каждого месяца в соответствующих отчетах Российского банка и всех частных банков (для Российского банка за 11 лет: 1869—1879, и для частных банков за 8 лет: 1872—1879). Данные за предыдущие годы затемняют регулярность движения, ибо цифры за каждый последующий месяц больше, чем цифры за предыдущий месяц, как мы видим это в столбце 19-м I и II таблиц (вклады на хранение). В 10-м столбце (кредитные билеты в обращении) исключены два года — 1877 и 1878. Рост цифр в 13—14 столбцах за декабрь следует объяснить взаимной ликвидацией счетов между промышленниками и так далее. Я прошу Вас обратить внимание на незначительность суммы векселей, оплаченных в других городах. (Из 161 млн. руб., учтенных в 1878 г., только 17. «Отчет Государственного банка за 1878 год». Приложение: «Ведомость учтенных и т. д. векселей по местам платежа».) Не следует забывать, что на цифры в 11, 12, 15, 16 столбцах оказывают влияние займы, реализуемые в ближайшие два-три года, но они реализуются почти равномерно в течение всего года. За последние два года цифры 15-го столбца, а именно авансы, выданные Российским банком (С.-Петербург), возрастают от месяца к месяцу, и регулярность их колебаний ускользает от наблюдений. Поэтому цифры, представляющие движение свободной денежной наличности (столбцы 17 и 18), имеют наибольшее значение.

В столбце (3), показывающем вывоз зернового хлеба, цифры получены тем же самым способом, а именно количество четвертей, вывезенных в январе за восьмилетие (1872—1879), дано в первой строке, вывезенных в феврале за это восьмилетие — во второй строке и так далее.

Железные дороги. Здесь цифры получены тем же самым способом. Цифры за предыдущие годы не взяты по той же самой причине, что и в первом случае. Валовой доход (столбец 3) (связанный с движением), взят за девятилетие (1871—1879). Число пассажиров (за исключением военных) и количество пудов груза (столбцы I и II), идущего малой

* Таблицы не обнаружены. *Ред.*

Русские общественные деятели и ученые — корреспонденты К. Маркса и Ф. Энгельса: Н. Ф. Даниельсон, М. М. Ковалевский, М. К. Горбунова, Н. А. Каблуков

скоростью, за отсутствием данных необходимо брать только за шесть лет (1871—1873, 1877—1879).

О чем же говорят нам эти таблицы? Начнем с производителей. Мы видим, что с марта месяца они начинают отправляться на отхожие промыслы, и, как мы знаем, главным образом на сельскохозяйственные работы. В течение летних месяцев число пассажиров непрерывно возрастает до августа, когда оно достигает своего максимума. В августе производители закончили свою работу. В сентябре число пассажиров падает на 33,65% и непрерывно убывает до марта, когда опять начинается та же самая история. В сентябре железные дороги начинают перевозить вместо производителей продукты. Количество грузов в пудах возрастает в сентябре на 20% по сравнению с августом и продолжает возрастать и в последующие месяцы. В ноябре начинают замерзать реки. Перевозки уменьшаются и продолжают уменьшаться до весенних месяцев, когда перевозка продуктов труда прошлого года возрастает в мае сразу на 41%. С мая она постепенно уменьшается до сентября, чтобы начать тот же самый процесс. Вся эта история повторяется с теми же деталями в вывозе зерна, показывая примечательные совпадения в волнах колебаний.

Посмотрим теперь на движение кассовой наличности (столбцы 17—18). С января начинается процесс «воздержания», который продолжается до мая; в мае сумма свободной денежной наличности уменьшается, чтобы возрасти немного в летние месяцы; в августе кассовая наличность в Петербурге уменьшается на 11%, а в провинции возрастает на 8%, то есть резервные деньги отсылаются из Петербурга в провинцию, как это мы видим в столбце 5 (увеличение на 23,21%). В сентябре она уменьшается в Петербурге и в провинции (соответственно на 7,6—29,8%), то есть в этом месяце деньги переходят в руки производителей. Но здесь они не задерживаются слишком долго; в ближайший месяц количество денег в провинциальных банках возрастает на 18,5%, а в следующие месяцы они начинают переливаться в Петербург. В августе и сентябре, когда прекращается процесс «воздержания» и спрос на деньги достигает своего максимума, Российский банк отвечает на это выпуском в обращение кредитных билетов: в сентябре количество выпущенных билетов сразу возрастает на 1,4% (столбец 10). Вы хорошо знаете влияние подобных выпусков — особенно в такое время — на производителей. Например, урожай за последние два года (1878 и 1879) был очень плохим, настолько плохим, что в настоящее время появляются признаки голода, — не только в северных губерниях, как Вологодской и Псковской, но также и в губерниях по нижнему течению Волги, в Оренбургской, Харьковской и даже в Волынской губернии, — и тем не менее хлеб вывозился в 1879 г. почти в том же самом количестве, как и в предыдущем году. Крестьянство, под

влиянием сравнительно высоких цен на хлеб (вследствие удешевления нашего рубля), стремится продать свой урожай, чтобы уплатить налоги, недоимки, арендную плату и т. д. и т. д. В следующем году мы увидим, как государственный контролер в своем отчете будет восторгаться этим явлением и объяснять его ростом благосостояния крестьян. Вы знаете, в какой мере это объяснение соответствует реальному положению вещей.

Но вернемся к нашим таблицам. Столбец 19 показывает, что количество вкладов на хранение в каждый следующий месяц больше, чем в предыдущий, за одним очень характерным исключением, а именно: в августе количество это несколько уменьшается (0,3%) по сравнению с июлем. Иначе говоря: в августе часть накопленных денег покидает кладовые банков, чтобы вступить в процесс усиленного самовозрастания... Наиболее значительная степень возрастания падает на первую часть года: в эти месяцы происходит реализация прибылей предыдущего года.

Резюмирую.

1) Экономическая деятельность страны зависит от ее климата. У меня уже была возможность сообщить Вам, что мы не только не предпринимаем ничего для регулирования естественных (метеорологических и т. д.) условий производства, но в таких случаях, как, например, в Закавказье, где в старину внимание было обращено главным образом на эту сторону (орошение и т. д.), в настоящее время ничего не делается. Когда мы являемся свидетелями плохого урожая, то мы можем утешиться вместе с профессором Джевонсом, говоря, что это зависит от космических влияний («Торговый кризис и солнечная система», «Nature» [239], том XIX, стр. 588).

2) *Производительность труда отделена во времени от производительности капитала.*

3) Государство (через посредство Российского банка) содействует усилению процесса отделения продуктов от производителя (совершенно независимо от нашей налоговой системы), выпуская банкноты как раз после окончания сельскохозяйственных работ, когда деньги устремляются из банка в обращение среди населения. Зимой, исполнив свое провиденциальное назначение, отняв у производителей продукты их летнего труда, банкноты начинают притекать в банки и изымаются из обращения.

4) Колоссальный выпуск банкнот для военных целей усилил в соответствующей степени процесс отделения, упомянутый в предыдущем пункте (3). Чтобы показать влияние выпуска банкнот я посылаю Вам таблицу *, из которой эта зависимость станет очевидной. Но это не все:

* Таблица не обнаружена. *Ред.*

аппетит приходит во время еды, и чем больше выпускается в обращение банкнот, тем больше спрос на них; частные банки никогда не были в такой задолженности у Российского банка, как в 1879 г., и из таблицы Вы увидите, что в этом году выпуск банкнот был почти наибольшим. Прошу обратить внимание на поразительное совпадение и связь между цифрами столбцов a — g таблицы VI.

5) Банки не имеют никакого отношения ни к производителям, ни к производству.

6) Экономическая деятельность страны определяется в настоящее время все больше и больше хищнической эксплуатацией земледельческого населения городским. Среди городов первое место в этом отношении принадлежит Петербургу *.

Вы, без сомнения, имели случай оценить данные, полученные Вами за последний год, данные, показывающие, какое влияние оказывают на деревню новые экономические факторы; как среди крестьянства происходит процесс дифференциации на два совершенно различных слоя крестьян: на домохозяев, имеющих хотя бы и жалкое хозяйство, и на таких, которые совершенно бедны, которые, не имея скота, должны прекратить обработку своей земли; как эти последние при переделах земли получают на свою долю худшие участки; как постепенно удлиняются сроки переделов, так что у нас уже есть признаки того, что в недалеком будущем крестьянское землевладение выкристаллизуется в частную земельную собственность; как ослабляются общинные узы; как выступает на сцену меньшинство крестьян в качестве наших мелких капиталистов [accapareurs]; как они, в свою очередь, уступают место своим более богатым соперникам; как правовые и моральные отношения крестьянства подчиняются новым экономическим влияниям; как, короче говоря, старые экономические отношения вытесняются новыми, изображенными Щедриным в типах Грациановых, Деруновых и т. д. вместе с их новой культурой.

Остаюсь, милостивый государь, с глубоким уважением

Ваш *Н. Д.*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Если мы производим при помощи кремневых орудий каменного века, то для отделения продукта от производителя употребляются «самые последние завоевания науки». *(Примечание автора.)*

С. А. ПОДОЛИНСКИЙ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Монпелье, 30 марта 1880 г.

Милостивый государь!

Мне доставляет особое удовольствие, что я могу послать Вам небольшую работу [240], написать которую побудил меня в первую очередь Ваш труд *«Капитал»*.

Возможно, Вы еще помните, что я имел честь познакомиться с Вами летом 1872 г. у г-на Энгельса через посредство г-на Лаврова.

Надеюсь, что в скором времени смогу опубликовать в «Revue socialiste» работу о некотором применении моих идей к развитию различных форм производства [241]. Кроме того, я подготовляю еще одну, более крупную работу с примерами, но еще не решил, следует ли мне избрать для ее написания французский или немецкий язык.

С глубоким уважением

С. Подолинский

Впервые опубликовано на украинском языке в газете «Черкаська Правда» № 229, 27 сентября 1964 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

С. А. ПОДОЛИНСКИЙ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Монпелье, 8 апреля 1880 г.

Милостивый государь!

Я думаю, что не смогу поблагодарить Вас за Ваше письмо [71] лучшим образом, чем признавшись, что оно доставило мне такую искреннюю радость, какую вообще очень редко приходится испытывать. Меня особенно тронула Ваша забота о моем здоровье, и поэтому я спешу уведомить Вас, что в этом отношении дело обстоит не так плохо, как Вы, возможно, об этом слышали. Если меня как врача не обманывают мои знания, то я обладаю выносливой конституцией, которая позволит мне работать еще долгое время.

С особым нетерпением я ожидаю Вашего мнения о моей попытке приведения понятия прибавочного труда в соответствие с господствующими физическими теориями.

С глубоким уважением

С. Подолинский

Впервые опубликовано на украинском языке в газете «Черкаська Правда» № 229, 27 сентября 1964 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

П. Л. ЛАВРОВ — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 22 июня [1880 г.]

Дорогой друг!

Позвольте мне горячо рекомендовать Вам друга Гартмана—*г-на Крячко,* который сопровождал Гартмана в Англию, когда последний уезжал из Франции. Он, вероятно, будет говорить с Вами о деле, которое живо интересует наших эмигрантов и относительно которого именно Вы можете дать наилучший совет.

В тот самый момент, как я пишу Вам, утренние газеты сообщают о полной амнистии, принятой вчера палатой. Поздравьте от меня Лонге, Лиссагаре и всех тех еще неамнистированных коммунаров, с которыми я имел случай познакомиться в Лондоне. Надеюсь, что г-жа Лонге, когда она приедет в Париж, сообщит мне о своем прибытии, и я смогу зайти к ней и пожать ей руку.

Ваш *П. Лавров*

Вам, вероятно, известно, что наш друг Лопатин сослан в административном порядке в Ташкент [227].

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

М. К. ГОРБУНОВА — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Биарриц, [первая половина июля 1880 г.]

Милостивый государь!

Прежде всего я должна объяснить Вам, почему я решила обратиться именно к Вам, да к тому же с просьбой. Я русская, получила, как у нас говорят, хорошее воспитание, то есть говорю на многих языках, и вначале жизнь моя шла так, как обычно идет жизнь женщин среднего класса, то есть я вышла замуж, составив себе подходящую партию и т. д. Не хочу докучать Вам семейными делами, скажу только коротко, что вот уже семь лет как все пошло по-иному. Я живу в Москве и даю уроки; я отказалась от очень хорошего места, которое имела в Институте ведомства императ-

рицы и даю уроки лишь в самых обыкновенных ремесленных школах для девочек; эти школы, однако, поставлены у нас совсем иначе, чем учреждения под тем же названием за границей. Все это время я занимаюсь вопросом о ремесленных школах, вопросом, который все глубже и глубже уводит меня в область политической экономии. Три раза я имела возможность съездить за границу; каждый раз использовала это время для того, чтобы поступить ученицей в женские ремесленные училища в Гамбурге, Берлине, Дрездене, Мюнхене, Париже; в некоторых училищах я оставалась до 4 месяцев, другие учреждения только посетила. И всюду я нашла мало удовлетворительного. Но это не относится к делу. Я все больше углублялась в вопросы образования ремесленного класса и собиралась использовать настоящие каникулы для путешествия в Англию отчасти для того, чтобы почитать в Лондонской библиотеке *, отчасти, чтобы посетить Mechanics' Institutions [242] в Манчестере, Ливерпуле и т. п. Я заработала уже необходимые для этого деньги, но заболела и должна была, вместо поездки в Англию, отправиться в Биарриц, откуда и пишу Вам. Моя поездка откладывается теперь, по крайней мере, на год, если вообще здоровье позволит мне по-прежнему много работать. Но у меня огромное желание выяснить, как теперь обстоит дело в Англии с воспитанием детей рабочего класса, а также какие меры принимаются по продолжению образования взрослых рабочих. В Англии у меня совсем нет знакомых, а Вас, милостивый государь, я знаю по Вашим произведениям, которые мне удалось достать: «Положение рабочего класса», «Жилищный вопрос», «Переворот в политической экономии, произведенный господином Дюрингом» **. Не видя другой возможности, я решила попытаться обратиться к Вам, — ведь самое худшее, что может случиться, это то, что Вы мне не ответите. Пожалуйста, извините меня, что я говорю так прямо, но, может быть, Вы поможете мне, назвав книги, которые я могла бы достать. Как обстояло дело с воспитанием детей раньше, мне известно из Вашего произведения, — о чем я уже упоминала, — затем из «Капитала» Маркса и из Синих книг — «Отчеты членов комиссии по обследованию состояния народного образования в Англии» — 1861 год. Я достала также последние «Отчеты об исправительных заведениях для малолетних преступников и ремесленных училищах» и маленькую брошюру о Mechanics' Institutions. Не могли бы Вы указать мне еще какие-либо источники? В Москве у нас нет библиотек, где можно было бы найти подобные книги, и мне приходится выписывать все самой. Я охотно трачу деньги на такие книги, но, во-первых, у меня даже нет каталогов, по которым я могла бы их

* — Британском музее. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». *Ред.*

отобрать, и, во-вторых, при моих ограниченных средствах жаль было бы купить какую-либо негодную вещь, как со мной уже часто случалось, когда я выписывала немецкие и французские произведения по этому же вопросу. Мне уже удалось добиться некоторых, хотя и очень незначительных результатов в практической жизни, но я боюсь утомить Вас. Иногда очень, очень хочется услышать мнение человека, который смотрит на дело, как Вы, но я никого не знаю, а своим собственным познаниям я еще недостаточно доверяю, чтобы составить себе ясное, определенное суждение. Мне не раз приходилось встречаться с людьми противоположных взглядов, но с их точкой зрения я не могу согласиться, и поэтому так сильно ощущаю недостаток знаний и советов. Свой народ я знаю хорошо, до шестнадцати лет росла в деревне, и теперь мне приятней всего иметь дело с детьми из народа.

Разумеется, я прекрасно сознаю, милостивый государь, насколько смело с моей стороны так писать Вам, но не сердитесь на меня, прошу Вас. Только мысль, что иного выхода у меня нет, и горячее желание учиться дальше и составить себе ясный взгляд на вещи, — только надежда добиться в таком случае чего-нибудь — не для себя, потому что я уже не молода, — толкнули меня на этот шаг. Извините меня и, если это Вас не слишком затруднит, ответьте мне, хотя бы совсем коротко.

Будьте уверены в моем самом искреннем почтении и уважении и примите мою глубочайшую благодарность за то наслаждение и за те знания, которые я почерпнула из Ваших произведений.

С глубочайшим почтением

М. Горбунова

Мой адрес: France. Biarritz. До востребования. Г-же М. Горбуновой.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ

В БИАРРИЦ

Лондон, 22 июля 1880 г.

Милостивая государыня!

Ваше письмо из Биаррица после некоторых блужданий благополучно доставлено мне сюда, где я проживаю уже в течение 10 лет. Спешу сообщить Вам те сведения, которыми располагаю.

Я обсудил этот вопрос с моим другом Марксом, и мы оба находим, что относительно английских ремесленных школ здесь нет лучших источников, чем имеющиеся в Вашем распоряжении официальные отчеты [243]. Другая, неофициальная, литература по этому вопросу занимается почти исключительно прикрашиванием, а то и просто имеет целью рекламирование какого-нибудь шарлатанства. Я просмотрю отчеты школьных советов и министерства просвещения за последние годы, не найдется ли там чего-нибудь, что могло бы Вас интересовать, и тогда сообщу Вам об этом подробнее, если Вы окажетесь столь любезны и укажете мне, куда Вам можно адресовать письма или посылки, будь это недели через две или осенью (так как я на некоторое время уезжаю из Лондона). Ремесленное образование юношества находится здесь в еще худшем состоянии, чем в большинстве стран континента; то, что делается, делается обычно только для вида. Из самих отчетов Вы уже, вероятно, усмотрели, что здешние «ремесленные училища» никоим образом не соответствуют ремесленным училищам на континенте, а представляют собой своего рода исправительные заведения, куда по решению суда посылают на определенное число лет беспризорных детей.

Но вот попытки американцев в этом отношении должны, пожалуй, Вас больше заинтересовать. Соединенные Штаты послали по этому вопросу на Парижскую выставку * богатейший материал, который, должно быть, остался в большой библиотеке на улице Ришелье. Подробнее об этом Вы можете узнать там же, из каталога выставки.

Затем я постараюсь разыскать для Вас адрес некоего г-на Да Косты в Париже, сын ** которого был участником Коммуны 1871 года. Да Коста-отец трудится в области народного просвещения, горячо интересуется своей профессией и с величайшей готовностью окажет Вам содействие.

Школы по продолжению образования для взрослых рабочих здесь тоже обычно немногого стоят. Если где-либо и делается что-нибудь хорошее, то лишь благодаря исключительным обстоятельствам и отдельным лицам, то есть это явления местные и временного характера. Систематически встречается здесь во всех этих делах только одно: шарлатанство. Наилучшие заведения очень скоро губит мертвящая рутина, а забота о благе общества становится только наиболее удобным предлогом для служащих выкачивать свое жалованье. Это настолько обычное явление, что даже заведения, в которых воспитываются дети среднего класса — буржуазии, не составляют исключения. Как раз в этой области я в последнее время снова натолкнулся на замечательные примеры.

* — всемирную выставку 1878 года. *Ред.*
** — Шарль Никола Да Коста. *Ред.*

Очень сожалею, что не могу сам уже предоставить Вам новый материал. К сожалению, в течение целого ряда лет я не имел возможности проследить за развитием народного образования во всех подробностях. В противном случае я был бы очень рад, если бы мог указать Вам большее количество источников. Мы живейшим образом интересуемся всем, что способствует народному образованию, а вместе с тем, хотя бы косвенным образом, революционному движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией.

С глубоким уважением

преданный Вам *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 355—357

М. К. ГОРБУНОВА — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Биарриц, 25 июля 1880 г.

Милостивый государь!

Приношу Вам свою самую искреннюю и глубокую благодарность за Ваше письмо. Не нахожу слов, чтобы выразить, как я тронута тем, что Вы не только вообще ответили мне и с такой готовностью хотите мне помочь, но что Вы отнеслись к этому делу так серьезно, что сочли нужным переговорить о нем с г-ном Марксом, которого мы глубоко уважаем. Как часто в течение этих семи лет я задавалась вопросом: что может сделать отдельный человек, лишенный средств, не имеющий никакого влияния на общественные дела, что может сделать он при существующих обстоятельствах, да еще без основательных знаний для того, чтобы пробудить в народе сознание, чтобы внести свою лепту на общее благо? На меня часто нападало уныние — казалось, нечего стараться, слишком ничтожно то, что я делаю, но меня поддерживала только мысль, что лучше дать мало, чем ничего, и я даю все в меру своих сил и способностей. Подумайте, как должна была при таких обстоятельствах подействовать на меня предупредительность, подобная Вашей, и именно с Вашей стороны. Еще раз от глубины души благодарю Вас и с радостью воспользуюсь Вашими советами. Я попрошу Вас еще передать только г-ну Марксу, что его произведение «Капитал» широко распространено в России и не только среди ученых, но больше всего среди тех, кто проявляет

какой-либо интерес к социальным наукам и к положению народа; «Капитал» читается многими учителями и учительницами, то есть теми из них, которые серьезно относятся к своей профессии. Но чем больше читается «Капитал», чем больше усваивают читатели и молодежь изложенные в нем принципы, тем худшей славой пользуется эта работа у наших прокуроров и судебных следователей, из-за чего за последнее время произошло несколько очень комичных случаев во время судебных заседаний. Для нас эта книга является дорогим и глубоко уважаемым учителем.

В прошлый раз я забыла сообщить Вам, милостивый государь, что у меня есть еще отдельные парламентские акты о начальном обучении от 1870, 1873 и 1876 гг., а затем «Отчет комиссии Совета по вопросам образования за 1878—1879 гг.», расписание и перечень лекций института Уатта и школы прикладного искусства. Все эти вещи я получила незадолго до своего отъезда и, следовательно, не успела еще прочесть их.

В Биаррице я пробуду до шестого августа, проеду отсюда на неделю в Париж. а затем вернусь обратно в Москву. Мой московский адрес следующий: Москва, Большая Молчановка, дом Топорова. Я буду Вам очень благодарна за каждое сообщение, за каждое Ваше указание. О школьном деле в Америке я читала мало, — знаю только произведение Иппо и затем книгу Штудница[244] — «Условия жизни рабочих в Северной Америке», — поэтому я очень признательна Вам за сообщение о том, где я могу найти более подробные сведения.

Разрешите мне, милостивый государь, сообщить Вам подробнее о цели моих исследований. Так как они могут привести к практическим результатам, а потому представляют интерес не только для меня одной, для меня лично, то мне очень хотелось бы, чтобы некоторые взгляды были подвергнуты Вашей критике, услышать Ваше мнение по этим вопросам. Иначе я бы, конечно, не осмелилась злоупотреблять Вашим временем. Я не буду рассказывать Вам о своих прежних неудачных попытках, упомяну только, что до весны этого года моя работа ограничивалась уроками. Все мои стремления были направлены к тому, чтобы хорошо обучать своих учениц, не заставлять их зубрить, а развивать их умственные способности, дать им действительные знания и сделать из них лучших работниц в широком смысле этого слова. Я могла бы привести не один пример в качестве доказательства, что мои старания не остались бесплодными. Все мое свободное время я посвящала изучению вопроса о профессиональном образовании. И вот весной прошлого года один из членов Педагогической секции Общества распространения технических знаний читал публичный доклад о женских ремесленных школах. Я пошла на доклад и не могла не удивиться количеству красивых фраз,

поверхностным знаниям оратора и бессодержательности доклада. Прения по докладу были еще примечательнее. Под конец я не выдержала и, несмотря на свою робость и нелюбовь к публичным выступлениям, обратилась в перерыве к председателю с просьбой разрешить мне выступить в прениях; слово мне было дано, так как некоторые члены знали, что я преподаю во многих ремесленных школах. В результате некоторых моих высказываний дальнейшие прения были отложены на осень, так как оказалось, что большинство присутствующих совершенно не знакомы с обсуждавшимися вопросами. К осени я подготовила два доклада: первый — о профессиональном образовании вообще, второй — о женских ремесленных школах, и прочла их в октябре и ноябре прошлого года. Между тем члены Комитета, председатель и некоторые из членов Общества до такой степени запутались в личных спорах, что доклады совсем не обсуждались, и Комитет сложил с себя свои полномочия. Что будет дальше с Обществом, я не знаю. Все же доклады в известной мере обратили на себя внимание и возбудили интерес у нескольких гласных земского собрания. Они обратились к Обществу с просьбой создать комитет и выработать программу сельских школ по продолжению образования взрослых и сельских школ рисования для наших крестьян, которые в качестве подсобной работы занимаются кустарным промыслом. Однако, как уже сказано, до этого дело не дошло, так как Общество было слишком занято своими ссорами. Один из земских гласных добился у Земской управы ассигнования тысячи рублей ежегодно для женского учительского семинария, где учительницы должны были обучаться прикладному рисованию и рукоделию. Не думайте только, милостивый государь, что я придаю этому особое значение, я по собственному опыту слишком хорошо знаю, как справедливы Ваши слова, что успех дела зависит в большинстве случаев от личностей исполнителей. Я хотела только показать Вам, что по крайней мере первый толчок был дан. Вскоре после этого я получила приглашение принять участие в заседании, на котором должен был обсуждаться устав одного вновь образующегося общества. Общество, говорилось в письменном приглашении, ставит себе целью устройство мастерских для беспризорных, в данный момент бездомных детей. Общество организует некий князь Хилков. Так как я сама воспитывалась в семье, принадлежащей к высшей аристократии, и позднее очень близко познакомилась с этой средой, то я испытываю настоящую ненависть к этому классу, ко всей его филантропической деятельности и вообще к подобным обществам, но я подумала, что было бы неправильно отказываться идти туда и, может быть, из личных соображений упустить случай что-то сделать. Я пошла. С трудом я достала себе проект устава Общества; оно производило впечатление уже совсем организовавшегося общества, да

к тому же замкнутого, собирающегося лишь для формального утверждения ранее принятых решений. Уже в первом параграфе говорилось, что Общество ставит своей целью организацию мастерской, где бездомные дети будут для начала обучаться вязанью чулок на машине. Дети таким образом будут сами зарабатывать себе на содержание; одна часть выручки будет употребляться на покрытие расходов по их содержанию, другая — на возмещение расходов на покупку машин и т. д., а из третьей части будет образован фонд для учреждения новых мастерских. Позднее, когда фондовый капитал возрастет, детей станут обучать также чтению, письму и закону божьему (арифметика не предусматривается). В мастерскую принимаются дети от 6 до 14 лет. Остальное я опускаю, все было в том же духе. Первым моим побуждением было тотчас же уйти с собрания. Я была возмущена поведением этих людей, которые не постеснялись образовать общество, чтобы под покровом христианской любви организовать подобную фабрику в миниатюре. Но тем временем собрание было объявлено открытым, князь единогласно и при общем одобрении избран в председатели, а устав зачитан под дружные аплодисменты собравшихся. Я не выдержала и попросила разрешения задать несколько вопросов, что было встречено с большим удивлением. Из ответов на эти вопросы выяснилось еще следующее: князь уже организовал в виде опыта вышеописанную фабрику в миниатюре, куда были устроены 11 детей от 6 до 10 лет. В течение двух недель, не больше, они обучаются работе; они работают 6, 8, 10 часов в день, но, мол, совсем не устают; пока что они не учатся. Они много зарабатывают, и результаты-де очень хорошие: они едят досыта, спят в комнатах, а не на улице, их моральное состояние улучшается, поскольку они приучаются к работе. — Слышать все это и молчать я не могла. Не буду повторять Вам, милостивый государь, всего того, что я говорила, но Вы сами можете представить себе это, если учтете, что я не только прочла Ваши произведения и «Капитал» г-на Маркса, но и усвоила, по мере своего разумения, изложенные в них принципы, к тому же я действительно всем сердцем люблю народ и уважаю его права. На меня посыпались нападки, но не напрасно я так много перечитала и передумала: на все возражения против моих взглядов я смогла привести мнение авторитетов. Под конец я все же добилась того, что мне предложили иначе отредактировать параграф, который определял цель общества. После этого должны были быть собраны подписи, то есть произведено голосование, чтобы решить, какая редакция принимается. Так и сделали. Князь настоял на том, чтобы при голосовании участники его подписывали свои фамилии друг за друга, и, представьте себе, все же голоса разделились точно пополам, и только перевес голоса князя, как председателя, решил дело в пользу его проекта. Но остальные уже

не могли отступить и вышли из Общества. С тех пор о нем ничего не слышно, хотя фабрика продолжает существовать.

Я бы не стала писать Вам об этом, если бы дело этим ограничилось. Упомяну только о главных последствиях. В числе членов этого Общества находился председатель Московского уездного земства, и этот господин сделал мне следующее предложение: в шестидесятых годах в Москве образовался союз, целью которого являлось содействие народному образованию; этот союз не собирался уже в течение шести лет, отчасти потому, что время было неподходящее для успешного выполнения его задач, отчасти по другим причинам. Но у этого союза имеется капитал в 10 000 рублей, который лежит неиспользованным. Председатель предложил мне основательно разработать некоторые из поставленных вопросов профессионального образования, и тогда он созовет Комитет для избрания меня в члены. Вслед за этим я должна буду прочесть один или несколько докладов по упомянутым вопросам, после чего будет создан комитет, который обсудит, какого рода школы желательно открыть в Московской губернии, где вследствие малоплодородности земли очень развиты кустарные промыслы. Деньги на это есть и, без сомнения, можно достать еще. В Москве уже несколько лет существует Земское статистическое бюро, которое представило очень подробные исследования о характере землевладения, о положении крестьян и вообще обо всех условиях жизни сельского населения; бюро продолжает работать и поныне. Бо́льшая часть его работ уже издана, и так как этому господину было известно, что я по мере своих сил знакомлюсь со всем, что относится к этой области, то он решил, что при моем участии может быть сделано что-нибудь полезное для народа.

Этот человек принадлежит в земстве к оппозиционной партии и, как я не раз слышала, очень много сделал для открытия школ в уезде. Я лично знаю его очень мало. Эти господа настаивали сперва, чтобы я как можно скорее согласилась на их предложение, но мне не хватает необходимой для этого уверенности в себе, и я сказала им, что до осени текущего года я не смогу ничего разработать. Теоретическая сторона задания — обзор того, что сделано в этом отношении в других странах, какие результаты достигнуты, необходимость профессионального образования — все это вопросы, ответить на которые в той мере, в какой это необходимо мне, не так уж трудно. Труднее другой вопрос, который мне не поставили, но на который я хочу дать себе ответ прежде, чем вообще приступлю к работе. Это вопрос о том, как согласовать требования нового времени, требования крупной промышленности с нашими деревенскими условиями, с кустарным производством. Крестьянин работает у себя в избе, работает очень примитивными инструментами и может

существовать только потому, что, кроме этой работы, имеет еще землю. Но земля не может его прокормить, надел, который он получает от общины, слишком незначителен, земля в большинстве случаев требует удобрения, а скота недостаточно, подати слишком велики; короче говоря, он должен иметь побочный заработок. Он берется за ремесло. В Московской губернии мы имеем щеточников, шапочников (из поярка), игрушечных мастеров, столяров, горшечников и других кустарей, менее многочисленных, чем названные. У меня нет при себе таблиц, а то я могла бы приблизительно указать, какой процент работает самостоятельно, какой на других предпринимателей-крестьян и какой процент в качестве рабочих — наемных рабочих у крестьян. Как же разрешить эту задачу? Как избежать того, чтобы, содействуя профессиональному образованию в таких промышленных отраслях, которые более всего приспособлены для крупного производства, не содействовать в то же время неизбежно развитию фабричного производства с его полностью оторванными от земли рабочими? Все хваленые средства: школы по продолжению образования для взрослых, обучение прикладному рисованию, передвижные выставки, кредитные учреждения, различные объединения для закупки сырья, склады готовой продукции и т. д. — все эти средства, по моим наблюдениям в Германии, приносят мало пользы. Кустарные промыслы, вернее те, кто ими занимается, находятся всюду в жалком состоянии. Что делать? Идти по проторенному пути и пробовать все, что уже испробовано, обращая главное внимание на развитие, на образование народа с тем, чтобы в будущем он сам искал и находил выход? Или же существуют другие пути, которых я не вижу и которые до сих пор никто не мог мне указать? Мне говорят — деньги имеются; но я боюсь, что эти деньги, добытые трудом бедняков, будут неправильно использованы, будут использованы на опыты, в которые я сама не верю. Как Вы видите, эта мысль мучает меня, я хотела бы внести ясность в этот вопрос.

Милостивый государь, у меня не хватает даже мужества перечитать свое письмо. Мне кажется, что в него попало столько лишнего и что оно только отнимет у Вас время. Но я прошу Вас в интересах дела быть ко мне снисходительным.

С глубочайшим почтением и уважением

М. Горбунова

P. S. Вы окажете мне большую услугу, если сообщите адрес г-на Да Коста. Мне очень важно услышать правильное мнение о некоторых школах, в частности о школе на rue Tournefort, где делались опыты соединения начального обучения с квазиремесленным обучением. Во время моего пребывания в Париже в 1877 г. мне, несмотря на рекомендательные

письма, очень многого не удалось сделать, особенно когда речь зашла о том, чтобы поближе познакомиться с крупным производством готового платья и белья. Я хотела поступить работницей, чтобы лично убедиться, сколь велико разделение труда, применение машин и т. д., но несмотря на все мои старания, мне этого не удалось. А чтобы поближе познакомиться с постановкой обучения в ремесленной школе, мне тоже пришлось поступить туда ученицей.

Позвольте упомянуть еще об одном обстоятельстве. У нас существует течение, придерживающееся того взгляда, что в нашей стране не трудно было бы перевести кустарное производство на рельсы крупной промышленности, с той только разницей, что крестьяне (по условиям нашего климата) будут использовать для фабричной работы только свободное от сельскохозяйственных работ время, то есть 5—8 месяцев в году, в зависимости от местоположения деревни, при этом во главе предприятия будет стоять не фабрикант, а ассоциация самих крестьян. Не говоря уже о том, как трудно было бы осуществить такую искусственную меру, с точки зрения наших условий, я думаю, что и в другом отношении эта попытка не удалась бы, поскольку участвующие в производстве рабочие превратились бы просто в работодателей. Фабриканты — выходцы из рабочей среды — у нас наихудшие. Они не только больше притесняют и эксплуатируют рабочих, но и оборудуют свои фабрики хуже других, так что эти фабрики во всех отношениях являются самыми плохими. Общеизвестен факт, что прежние артели — группы рабочих, которые совместно искали и подряжались на работу в качестве плотников, каменщиков и т. п., — приняли теперь не только в городе, но и в деревне совершенно другой вид. В большинстве случаев артель состоит теперь из так называемого подрядчика, который самостоятельно берет подряд, а затем собирает рабочих, чтобы его выполнить, и платит им заработную плату, но отнюдь не делит с ними всю полученную сумму. Многие указывают на существующую у нас общину; здесь не место разбирать этот вопрос, но снова укажу только на одно обстоятельство: определенно известно, что в последние годы, если какая-нибудь *община* покупает землю, то эта земля не рассматривается как общинное владение, а распределяется, за редкими исключениями, между отдельными членами общины в соответствии с внесенными ими деньгами. Можно ли при таких условиях надеяться, что в случае получения кредита крестьяне, занимающиеся кустарным промыслом, который неизбежно должен перейти в крупное производство, создадут ассоциацию на равных правах, а не образуют кооперативное товарищество, которое, как показывает большинство примеров, или превращается в фабрику с несколькими, а не с одним хозяином во главе, или распадается, как только члены его разбогатеют, и переходит

к другому, частному владельцу. Я сомневаюсь, чтобы в этом отношении *теперь* дело могло бы обстоять у нас иначе.

Если бы я захотела сообщить Вам все сомнения, которые возникают, как только приступаешь к практическому осуществлению какого-либо мероприятия, то я бы никогда не кончила, а я боюсь, что и так уж слишком долго злоупотребляла Вашим терпением. Если Вы мне позволите, милостивый государь, обращаться к Вам в тех случаях, когда особенно трудно найти решение, то я буду Вам бесконечно благодарна. Я потому так стремлюсь познакомиться с постановкой этого дела в других странах, что ищу там себе отправных пунктов.

С искренним уважением

М. Горбунова

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ

В БИАРРИЦ

Лондон, 2 августа 1880 г.

Милостивая государыня!

Пишу второпях. Вот уже несколько дней, как мой дом полон приехавших ко мне из провинции приятелей. Сообщаю адрес:

Г-н Да Коста, 40, rue Gay-Lussac, Paris.

Так как со стариком я виделся всего лишь один раз и притом недолго, то он, наверно, не помнит меня; но вместо рекомендации Вы вполне можете сослаться на то, что Маркс достал мне его адрес специально для Вас через своего зятя Лонге, который дружен с молодым Да Коста *.

На этой неделе у меня будет время, чтобы написать Вам подробнее уже в Париж, до востребования.

С глубоким уважением

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 357—358

* — Шарлем Никола Да Коста. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ

В ПАРИЖ

Лондон, 5 августа 1880 г.

Милостивая государыня!

В дополнение к моему краткому письму, посланному Вам в Биарриц, могу только сказать, что я, право, не придумаю, какие еще другие документы и отчеты я мог бы порекомендовать Вам, кроме тех, которые Вы сами перечислили в своем последнем письме. Но после школьных каникул, когда сюда вернутся некоторые мои знакомые, я наведу еще дальнейшие справки и, если найду что-нибудь новое, пошлю Вам в Москву или же сообщу об этом. Чтобы эта переписка выглядела совершенно безобидной, я буду писать по-английски и подписываться Э. Бёрнс. Письма, направляемые оттуда ко мне, Вы можете адресовать мисс Э. Бёрнс, 122, Regent's Park Road, N. W., London. Внутреннего конверта не нужно: это моя племянница.

Я с большим интересом прочел Ваши сообщения о Вашей деятельности в Москве, а равно и о том, что у Вас появилась возможность с помощью председателя земства* открыть ремесленную школу. У нас здесь есть также статистические отчеты всех русских земств* и вообще превосходнейший материал об экономическом положении России. К сожалению, я не могу просмотреть их в данный момент, так как они лежат у Маркса, а он со всей своей семьей находится на морском курорте. Впрочем, это мало помогло бы мне при ответе на Ваш вопрос, так как для этого необходимо такое знание соответствующих отраслей домашней промышленности, — организации производства в этих отраслях, производимых ими продуктов, их конкурентоспособности, — которое можно получить только на месте. В общем, мне кажется, что упомянутые Вами отрасли промышленности, по крайней мере большинство из них, будут еще известное время в состоянии конкурировать с крупной промышленностью. Подобные промышленные перевороты происходят чрезвычайно медленно; в Германии в некоторых отраслях еще и до сих пор не вполне вытеснен даже ручной ткацкий станок, между тем как в Англии он изгнан из этих отраслей уже 20—30 лет тому назад. В России это должно происходить еще более медленно. Ведь долгая зима оставляет там крестьянину столько свободного времени, и если он в течение дня хоть что-нибудь заработает, он все-таки окажется в выигрыше. Конечно, эти примитивные методы производства не могут избежать неминуемой гибели, и в стране с высокоразвитой промышленностью, как, например, здесь, мож-

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

но было бы утверждать, что гуманнее ускорить этот процесс разложения, чем замедлить его. Но вполне возможно, что в России дело обстоит иначе, — тем более, что там определенно предстоят огромные изменения в общем политическом положении. Мелкие и жалкие паллиативы, которые, как Вы сами убедились, принесли чрезвычайно мало пользы в Германии, так же как и в других странах, в России, быть может, кое-где помогли бы народу пережить политический кризис и сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не скажет свое слово. И вот школы, быть может, хоть до некоторой степени помогли бы народу понять, *что* именно ему надо будет сказать. Этому в большей или меньшей степени способствуют всякие подлинные средства просвещения, распространяемые в народе. Техническое обучение достигло бы своей цели, пожалуй, легче всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в наиболее жизнеспособных и распространенных отраслях промышленности, и, с другой стороны, дало бы детям общие технические знания в таком объеме, который облегчил бы им переход в другие отрасли промышленности. Живя вдали от всего этого, вряд ли можно сказать что-либо еще, кроме этих общих вещей. Одно мне кажется почти несомненным, что Московская губерния еще не так скоро станет центром крупной промышленности, так как она расположена далеко от угольных районов, а дров уже и сейчас не хватает. Поэтому тот или иной вид домашней промышленности, при всей ее изменчивости, мог бы там продержаться еще некоторое время, даже если благодаря покровительственным пошлинам получат возможность развития отдельные крупные предприятия, как, например, хлопчатобумажная промышленность Шуи и Иванова во Владимирской губернии. Но в конечном счете крестьянам можно помочь только тем, что они получат больше земли и будут обрабатывать ее коллективно.

Ваши сообщения о начинающемся распаде общины * и артелей подтверждают сведения, дошедшие к нам и из других источников. Тем не менее этот процесс разложения может продолжаться еще очень долго. А так как общее движение в Западной Европе происходит в совершенно противоположном направлении и при ближайшем потрясении оно приобретет необычайную силу, то можно ожидать, что и в России, которая за последние 30 лет выдвинула столь много критически мыслящих умов, это движение вовремя окажется достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнее стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть. Поэтому производительные ассоциации и другие формы внедрения ассоциаций среди народа следовало бы

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

рассматривать в России с иной точки зрения, чем на Западе. Но они все же, конечно, останутся мелкими паллиативами.

С глубоким уважением

преданный Вам *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 358—360

Н. А. КАБЛУКОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Париж, 21 августа 1880 г.

Милостивый государь!

Думаю, что не ошибаюсь, предполагая, что Вы интересуетесь русскими условиями и знаете русский язык. Вследствие этого позволяю себе, милостивый государь, переслать Вам прилагаемую работу[245], которую я написал по поручению Московского земства. Материалы для этой работы собраны на местах частично лично мной, частично другими сотрудниками Статистического бюро. Примите ее как скромный знак моего искреннего уважения и моей глубокой признательности Вам, милостивый государь, человеку, из произведений которого я не только многому научился, но и нашел там подтверждение моих принципов. Второй экземпляр книги покорнейше прошу передать г-ну Марксу, которого я также глубоко уважаю и почитаю. Я бы послал книгу ему непосредственно, но, к сожалению, не смог достать его адреса.

Надеюсь, что Вы позволите мне представиться Вам лично, как только мой путь приведет меня в Лондон.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем уважении.

Н. Каблуков

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

М. К. ГОРБУНОВА — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Москва, [сентябрь 1880 г.]

Милостивый государь!

Предполагая, что мое письмо не застанет Вас в Лондоне, так как Вы сообщили мне о своем намерении предпринять небольшое путешествие,

я воздержалась от ответа Вам. Примите мою глубокую благодарность за рекомендацию, которую Вы дали мне к г-ну Да Коста, а также за подробный разбор поднятого мной вопроса. Я очень прошу Вас передать мою глубокую благодарность также г-ну Марксу за его посредничество.

Теперь, когда я услышала Ваше мнение, я приступаю с большей уверенностью к делу; я также пришла к выводу, что школы и ремесленные училища — это пока почти единственное, где можно с пользой приложить такие слабые силы, как наши. Если Вас это интересует, я охотно буду сообщать Вам в дальнейшем о мерах, принимаемых земством, и о достигнутых результатах. Вчера мне предложили обследовать на месте по поручению земства некоторые женские отрасли кустарных промыслов в Московской губернии, а затем доложить о тех мерах, которые принимаются для развития подобных промыслов за границей. Я боюсь, что у меня еще слишком мало знаний в этой области и, с Вашего разрешения, обращаюсь к Вам с просьбой указать мне некоторые источники. Так, например, в некоторых местностях у нас развит кружевной промысел. У меня есть отчет о кружевном промысле, составленный для Венской выставки, затем я лично посетила школу кружевниц, объединенную с венской художественно-ремесленной школой, и сделала себе несколько заметок о ней; я была также в школе австрийского министерства торговли и других. Но, может быть, Вы могли бы указать мне еще несколько книг по этому вопросу. Простите, милостивый государь, что затрудняю Вас подобными просьбами, но, задавая эти вопросы, я руководствуюсь только желанием быть по возможности полезной, хотя и подвергаюсь при этом опасности показаться Вам назойливой.

Примите уверения в моем глубочайшем почтении и уважении.

М. Горбунова

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 21 августа (2 сентября) 1880 г.

Милостивый государь!

Ваше продолжительное молчание и сообщение о Вашем здоровье, содержащееся в Вашем последнем письме *, вызывают у меня беспокойство,

* См. настоящий сборник, стр. 396—397. *Ред.*

тем более, что мое мартовское письмо * осталось без ответа. Это письмо содержало таблицы, доказывающие не только тесную связь в развитии всех явлений нашей экономической жизни, но и почти полное приспособление в ходе эволюции каждого отдельного явления ко всем другим, и обратно. При дальнейшем изучении этого вопроса для меня, благодаря привлечению дополнительных фактов, выяснились некоторые факты, казавшиеся противоречивыми: 1) Земледельческое производство. Влияние, оказываемое этим последним на обмен, выясняется из таблицы, в которой год начинается первого сентября (таблица *a*). Наиболее рельефно выделяются 1871 и 1875 гг., отмеченные плохим урожаем. За эти два года развитие обмена приостановилось (таблица *a* (3)). В 1875 г. наблюдалось даже попятное движение, не исключая и валовой выручки железных дорог, которая до сих пор непрерывно возрастала. Это последнее уменьшение можно было уловить лишь благодаря этой таблице. 2) Уменьшение кредитных билетов, находившихся в обращении в 1876 г., наряду с увеличением обмена, сопровождаемое падением курса ассигнаций, можно объяснить продажей золота Российским банком. Стоимость вывезенного в 1876 г. золота равняется 100 млн. рублей («Обзор внешней торговли России»). Продажа этого золота имела своим результатом увеличение средств обращения, но в форме заграничных векселей. Однако, поскольку внутренний обмен требует в известные месяцы года увеличения выпуска кредитных билетов, то я утверждаю, что эти билеты были действительно выпущены, хотя и не знаю, под какой рубрикой они фигурируют в балансе. 3) Сумма векселей в 1877 г. довольно мала по сравнению с другими элементами обмена в этом году. Но это — год войны, парализовавшей внутреннее обращение южной России; сумма платежей в Петербурге в это время необычайно возросла, но это увеличение не могло уравновесить перерыв в развитии всех платежей во всей России.

Чтобы выяснить, какая доля земледельческих продуктов и какой род их попадает в торговый оборот, я сравнил 1) количество хлеба, вывезенного за восьмилетие (1871—1878), по видам его в отношении к чистому урожаю. За первые четыре года было вывезено 40% собранной пшеницы и 8% ржи. За следующие четыре года — 44% пшеницы и 10% ржи; в 1878 г. количество вывезенной пшеницы составляло больше половины урожая; 2) количество хлеба, перевезенного по железным дорогам и водным путям, тоже по различным видам и в отношении к чистому урожаю (в течение двух лет: 1874 и 1876 — «Сборник статистических сведений по Министерству путей сообщения», выпуски II и III); в 1874 г. почти 40% собранной пшеницы и почти 22% ржи, в 1876—1877 гг. —

* См. настоящий сборник, стр. 399—404. *Ред.*

78% пшеницы и 31—32% ржи. «Сборник сведений по земледельческой и сельской промышленности» (1880, СПб.) объясняет, чем заменяется хлеб в областях, где получает распространение наемный земледельческий труд. На долю каждого жителя России, — за исключением Прибалтийских провинций, западных губерний и Польши, — приходится $^1/_3$ четверти картофеля; в Прибалтийских провинциях — $1^1/_2$ четверти; в западных губерниях — 1,3; в Польше — $2^3/_4$. За четырехлетие (1874—1877) посев картофеля увеличился на 2% по сравнению с предыдущим четырехлетием, в Польше — на 3,4%, в юго-западных (черноземных) губерниях на 6,2%, а в Прибалтийских провинциях даже на 32%. (Хлопок, картофель и водка — предметы самого широкого потребления, «Нищета», стр. 41.) [246]

Вы должны были заметить поразительное явление в сфере обращения. Если мы сравним месячные изменения уровня процента за два смежных периода в 8 лет, например в Англии и России, то мы заметим, 1) что форма кривой изменяется, поднимаясь в осенние месяцы. Если мы выразим эти месячные изменения в процентных отношениях, то мы получим в Англии в 1862—1869 гг. в октябре $22^1/_2$%, а в 1870—1877 гг. 60%. То же самое наблюдается в России: количество выпущенных кредитных билетов (уровень процента изменяется у нас мало: по мере роста требований печатают кредитные билеты) в сентябре 1862—1868 гг. — 30,5%; в сентябре 1869—1876 и 1879 гг. — $56^1/_2$%, то есть как увеличение, с одной стороны, ввоза земледельческих продуктов, так и увеличение вывоза их, с другой стороны, имеет одни и те же результаты. 2) Амплитуда волны растет; устойчивость экономических отношений уменьшается. В Англии амплитуда возросла с 708 в 1862—1869 гг. до 1080 в 1869—1877 гг. (52,5%), в России — с 300 до 409 (34,3%). То же самое явление наблюдается, если сравнивать несколько групп годов (ср. Крейги. «10-летие статистики Британского сельского хозяйства 1870—79»; Гилберт. «Об отечественном производстве, импорте и потреблении пшеницы в течение 27 лет, с 1852 по 1879»).

Вероятно, во втором томе «Капитала» эти явления будут изложены вместе с порождающими их причинами. Но эти явления, а также и те, которые я Вам сообщил в своем последнем письме, имеют, помимо чисто теоретического интереса, и практический интерес; вот почему было бы желательно сообщить о них публике. Если найдете, что эти факты заслуживают Вашего внимания, то не согласитесь ли Вы написать для какого-нибудь русского журнала статью «О нашем пореформенном хозяйстве». В случае утвердительного ответа, я Вам вышлю все имеющиеся у меня таблицы. В случае же отказа, мои друзья советуют мне поместить эти таблицы в каком-нибудь журнале, объяснив содержащиеся в них факты.

В настоящее время, с приближением кризиса, эти факты приобретают особый интерес. Выполненная без теоретического освещения, эта работа в значительной мере теряет свой интерес не только теоретический, но и практический. Вот почему Вы бы сделали хорошее дело, взяв эту работу на себя. Если Вы откажетесь, что было бы печально, то я вынужден буду ограничиться выводами, которые я сообщил Вам в своем последнем письме, и привести, с Вашего разрешения, те взгляды, которые я нашел в Вашем письме.

В надежде на благоприятный ответ, имею честь, милостивый государь, быть преданным Вам

Н. Д.

Вы, несомненно, знаете, что «наш общий друг» * находится в настоящее время в Ташкенте [227].

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ [224]

В ПЕТЕРБУРГ

Рамсгет, 12 сентября 1880 г.

Милостивый государь!

Мне нет надобности говорить Вам, что я был бы очень счастлив сделать все, что Вы считаете полезным, но краткое сообщение о тех обстоятельствах, в которых я нахожусь в данный момент, убедит Вас, что я в настоящее время не в состоянии заниматься теоретической работой. Я был послан сюда врачами со строгим предписанием «ничего не делать» и восстанавливать свою нервную систему посредством «far niente» **, как вдруг болезнь моей жены, мучающая ее уже с давних пор, осложнилась настолько, что угрожает привести к *роковому* исходу. При этих условиях все то немногое время, какое мне удается урвать для работы, неизбежно уходит у меня исключительно на такие произведения, с которыми я *должен* разделаться во что бы то ни стало.

Кроме того, все наиболее важное для *широкой публики,* то есть составление статистических таблиц и истолкование содержащихся в них

* — Лопатин. *Ред.*

** — «ничегонеделания»; сокращенное выражение от «dolce far niente» — «блаженное ничегонеделание» (ведет происхождение от аналогичного латинского выражения, употребленного Плинием Младшим в послании VIII). *Ред.*

фактов, Вами уже сделано. Было бы жаль, если бы Вы отложили опубликование Вашего труда, которого я сам ожидаю с величайшим нетерпением.

Вы можете свободно располагать всем, что сочтете полезным извлечь из моих писем с этой целью. Опасаясь только, что такого материала окажется немного, так как я послал Вам всего лишь несколько отрывочных заметок.

Нынешний кризис по его продолжительности, масштабу и интенсивности является величайшим из когда-либо пережитых Англией. Но, несмотря на банкротство некоторых шотландских и английских провинциальных банков, на этот раз поражает отсутствие обычного завершения всех прошлых крупных периодических английских кризисов — я имею в виду финансовый крах в Лондоне. Этот в высшей степени необычный случай — отсутствие *денежной паники* в собственном ее смысле — вызван особым стечением обстоятельств, анализ которых завел бы меня сейчас слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств было, однако, следующее: громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен благодаря совместным действиям Французского банка и немецкого Имперского банка. С другой стороны, внезапное оживление дел в Соединенных Штатах — с весны 1879 г. — отразилось на Англии, явившись для нее настоящим deux ex machina *.

Что касается аграрного кризиса, то он будет постепенно усиливаться, развиваться и мало-помалу достигнет своей высшей точки; это приведет к настоящей революции в отношениях земельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г-н Кэрд, уже начали «чуять недоброе». В высшей степени характерным для английского тупоумия является следующее: вот уже два года, как в «Times» и в разных сельскохозяйственных газетах печатаются письма фермеров, дающих перечень их затрат на обработку земли и улучшения их ферм, сопоставляющих эти затраты с их доходами от продажи продукции по существующим ценам и показывающих, что в результате у них получается явный *дефицит.* И представьте себе, что ни одному из этих специалистов, так много распространяющихся по поводу этих подсчетов, не приходит в голову спросить себя: *каковы* были бы *эти подсчеты,* если бы *расходы на выплату ренты* были во многих случаях вычеркнуты из них совсем, а во многих других — сокращены «самым чувствительным образом»? Но это щекотливый пункт, которого нельзя касаться. И хотя сами фермеры перестают уже доверять *патенто-*

* — буквально: «богом из машины» (в античном театре актеры, изображающие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле: неожиданно появляющееся лицо, или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

ванным средствам, предлагаемым им их лендлордами или «свитой» наемных писак, тем не менее они все еще не осмеливаются занять мужественную позицию, считая, что им самим угрожает сельский «рабочий класс». В целом — превосходная ситуация!

Надеюсь, что в Европе не будет всеобщей войны. Хотя в конце концов война не могла бы задержать социального развития (я имею в виду развитие *экономическое*), а, скорее, усилила бы его, но она, безусловно, вызвала бы бесполезное истощение сил на более или менее продолжительный срок.

Посылайте, пожалуйста, свои письма по-прежнему на мой лондонский адрес, откуда они всегда будут доставляться мне, даже в случае моего временного отсутствия.

Искренне Ваш

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 34, стр. 367—369

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 24 октября 1880 г.

Дорогой друг!

Мне необходимо встретиться с тобой возможно скорее. Я отвлеку тебя от твоей работы лишь на пять минут.

В понедельник приду в 12 часов.

Искренне твой

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 28 октября 1880 г.

Дорогой друг!

Извини меня, пожалуйста, что я до сих пор не пришел.

Прошу также передать мои извинения г-же Маркс.

Завтра я приду к тебе и расскажу о деле, которое меня до сих пор занимает.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ В РОССИИ — МАРКСУ В ЛОНДОН

Русской социально-революционной партии
Исполнительный комитет.
Октября 25 дня 1880 года *,
№ 246

С.-Петербург, 25 октября (6 ноября) 1880 г.

Г-ну Карлу Марксу

Гражданин!

Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ.

Лучшие тенденции русской жизни нашли в них свое научное подтверждение. «Капитал» сделался настольной книгой образованных людей. Но в царстве византийского мрака и азиатского деспотизма всякий прогресс социальных идей истолковывается как революционное движение. Вполне очевидно, что Ваше имя должно было оказаться неразрывно связанным с внутренней борьбой в России; вызывая глубокое уважение и живую симпатию одних, оно подверглось гонению со стороны других. Ваши труды были запрещены, и самый факт их изучения считается признаком политической неблагонадежности.

Что касается нас, уважаемый гражданин, то, зная, с каким интересом Вы следили за всеми стадиями деятельности русских революционеров, мы рады констатировать ныне, что самое тяжелое время этой деятельности уже миновало. Революционный опыт, закалив борцов, привел не только к выработке теории революционных принципов, но и направил практическое дело революции по надлежащему пути ее осуществления. Революционные фракции, неизбежные в таком новом и таком сложном деле, постепенно договариваются между собой, сливаются и пытаются

* Эта надпись сделана на бланке на русском языке. *Ред.*

Русские революционные народники — корреспонденты К. Маркса и Ф. Энгельса: Л. Н. Гартман, С. М. Кравчинский (Степняк)

совместно присоединиться к народному протесту, который у нас столь же давний, как и само рабство. Все эти обстоятельства приближают момент победы. Наша задача была бы значительно облегчена, если бы искренние симпатии свободных народов были на нашей стороне, для чего требуется только знание действительного положения дел в России.

С этой целью мы поручаем нашему товарищу Льву Гартману найти средства для ознакомления Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни.

И мы обращаемся к Вам, уважаемый гражданин, с просьбой помочь Гартману в осуществлении этой задачи. Полные решимости разбить оковы рабства, мы уверены, что недалек тот час, когда наша несчастная родина займет в Европе место, достойное свободного народа. Мы счастливы выразить Вам, уважаемый гражданин, чувство глубокого уважения от имени всей социально-революционной партии в России.

Исполнительный комитет социально-революционной партии в России

Впервые опубликовано в газете «L'Intransigeant» 30 ноября 1880 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 20 ноября 1880 г.

Дорогой друг!

Я не мог зайти к Вам в течение последних двух недель — был очень занят.

Теперь я болен и опять не могу прийти к Вам. Надеюсь быть у Вас через несколько дней.

Искренне преданный Вам *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 24 ноября 1880 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Я полагаю, что Вы имеете большое знакомство в Лондоне и потому будете в состоянии пособить моему другу Чайковскому, которого знает и г-н Маркс.

Не будет ли у Вас возможности рекомендовать Чайковского какому-нибудь химику какой-нибудь лаборатории, где бы Чайковский, как специалист по химии, мог получить работу, хотя за малое вознаграждение.

Пишу Вам эту просьбу под влиянием того впечатления, в которое ставит меня положение Чайковского: денег и работы у него нет, жена его больна каменной болезнью в почках и он остается с тремя детьми на руках, причем одно дитя — грудное.

Специальность Чайковского — органическая химия, кажется, минеральные масла и по этой части он опубликовал уже некоторые собственные исследования.

Прибавляю, что Чайковский ищет помощи не в виде денег, а лишь в приискании ему работы.

Будьте добры, ответьте.

С уважением к Вам остаюсь

Л. Гартман

P. S. Пишу по-русски в той уверенности, что Вы легко поймете письмо.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском языке

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 18 (30) ноября 1880 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен за Ваше любезное письмо *, доставившее мне большое удовольствие и вместе с тем весьма встревожившее меня. Как Ваше здоровье и здоровье Вашей супруги?

Когда я получил Ваше письмо, я начал писать статью [247] с анализом фактов, содержащихся в статистических таблицах. Вы не найдете в ней ничего нового (за исключением таблицы на стр. 129, примечание). Как Вы увидите, я широко воспользовался Вашим любезным разрешением цитировать Ваши письма. Так как времени в моем распоряжении было очень мало, то я не смог выполнить всей своей программы и вынужден был ограничиться лишь частью ее. То, что уже сделано, сделано недостаточно полно: кроме цензора, у журнала есть издатель, который боится даже упоминания Вашего имени в его присутствии.

Я собираюсь расширить намеченную программу и разобрать в отдельной публикации некоторые близкие ей вопросы, которые не вошли в мою статью. Вы очень обяжете меня, указав, где можно найти данные об экономических факторах развития Германии, Франции и Англии (особенно Англии), аналогичных тем факторам, на которых основываются III и IV таблицы моей статьи (то есть отчеты о железнодорожном движении, о количестве перевезенных за каждый месяц и за каждый год товаров и пассажиров, о выпуске банкнот, ввозе и вывозе товаров и т. д.). По-видимому, существует поразительная внешняя аналогия между движением главных экономических факторов в Англии и России, аналогия, порождаемая отчасти совершенно противоположными, отчасти сходными явлениями. Изучение движения экономических факторов в два смежных периода и их взаимной зависимости очень интересно само по себе и может привести к интересным выводам, — разумеется, если предпосылки не ошибочны.

Так как статья написана не для отдельного человека, а для широкой публики (я впервые писал для малоизвестных мне лиц), то я не знал, *как* писать: что следует развить подробнее, а что нужно опустить. Если содержание статьи заинтересует нашу публику, то я выпущу ее отдельным изданием, и Вы очень обяжете меня, — если Ваше здоровье и время позволят Вам это, — указав, какие наиболее существенные изменения следует в нее внести.

* См. настоящий сборник, стр. 424—426. *Ред.*

Искренне желаю Вам выздоровления и остаюсь, милостивый государь, с глубоким уважением.

Ваш *Н. Д.*

Несколько отдельных оттисков статьи «Сборник сведений о сельской общине» и «Статистику поземельной собственности в России» пришлю по выходе II выпуска последнего сочинения [248].

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

М. К. ГОРБУНОВА — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Москва, 23 декабря [1880 г.]

Милостивый государь!

Через одного из моих друзей, г-на Каблукова, Вы получите отдельный оттиск статьи, помещенной в только что появившемся VI томе 2 выпуска «Сборника статистических сведений по Московской губернии» [249]. С октября я работаю в Статистическом бюро и по поручению последнего занимаюсь изучением женских кустарных промыслов. Эта статья — мой первый опыт. Мне поручили не только исследовать вопрос, но и ждут, что я внесу предложения о том, как добиться подъема и развития кустарного промысла. Именно поэтому для меня в высшей степени важно получить Ваш отзыв о моей работе, о пробелах и ошибках в ней, чтобы я могла избежать их в позднейших работах. Не ради себя осмеливаюсь я обратиться с этой просьбой к Вам и к г-ну Марксу, которому г-н Каблуков также передаст экземпляр статьи, я прошу Вас об этом от имени нашего женского населения, для пользы которого что-то должно быть сделано. Поэтому, милостивый государь, убедительно прошу Вас, не считайте меня назойливой за то, что я докучаю Вам подобной просьбой. Ваше заверение, что Вас живейшим образом интересует все, что содействует народному образованию и способствует развитию народного движения, придает мне смелость обратиться с этой просьбой к Вам и к г-ну Марксу, ибо мнение Ваше и г-на Маркса для меня выше мнений всех других людей. Надеюсь, Вы мне верите, что я делаю это не из личных побуждений.

Теперь я позволю себе сделать несколько замечаний по поводу самого издания: реклама составлялась совершенно без моего ведома; она содержит даже явную и *преднамеренную* ложь, так как я уже давно ушла из Института. Я пробовала протестовать, но это ни к чему не привело

и мне был предоставлен выбор — либо отказаться от работы, либо согласиться. В статье было сделано несколько совершенно абсурдных изменений. Укажу только один случай: я дословно привела отдельные места из Вашего и г-на Маркса произведений, с указанием их названий и страниц. В цитатах из произведения Маркса были вычеркнуты целые предложения, ссылки на заглавие даны по-немецки, а указания страниц совсем опущены. Все это было сделано *намеренно*, ибо, как сказано, книга не на очень хорошем счету и у нашего земства. Статья кишит опечатками, и рисунки сделаны не только плохо, но в некоторых случаях просто искажены.

Очень прошу Вас передать мой почтительный привет г-ну Марксу и простить мне мою назойливость, так как намерения у меня хорошие.

С величайшим уважением

М. Горбунова

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 января 1881 г.

Дорогой друг!

В письме из России мои товарищи просят меня прислать им твою фотографию.

Если у тебя есть готовые, пришли мне пару: одну для России, а другую — за одно уж — и для меня.

Я должен писать им и посылать некоторые вещи, и чем это скорее сделаю, тем будет лучше. Поэтому был бы рад, во-1-х, получить от тебя, на что надеюсь, и, во-2-х, получить поскорее.

Дружески пребываю

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском языке

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 3 января 1881 г.

Дорогой друг!

Через г-жу Лонге я получил письмо из России. Мне пишут, что партия занята теперь вопросами организации и вследствие этого она пока не приступала к террору, чтобы не помешать процессу организации.

В ответ на мое письмо мои друзья хотят получить некоторые достоверные сведения по следующему вопросу: насколько велико было то вредное влияние, которое оказал террор на отношения между русским правительством и Западной Европой?

До сих пор мои друзья мало интересовались делами Запада, да и не могли этого делать, так как русские газеты не помещают правдивых сообщений; но теперь они хотят читать английские газеты, чтобы иметь возможность следить за повышением и падением морального и экономического курса русского правительства.

Не можешь ли ты уделить мне один час на этой неделе? Некоторые обстоятельства требуют, чтобы я быстро дал ответ моим друзьям.

Во время одного из таких событий были *конфискованы* твои фотографии, а также много фотографий других лиц.

Меня опять просят прислать новые фотографии — твои и Энгельса.

С дружеским приветом, остаюсь

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 26 января 1881 г.

Милостивый государь!

Могу ли я надеяться, что ты дашь мне взаймы 3 ф. ст., которые я верну через 2—3 недели? Если у тебя нет какой-либо причины для отказа, то пришли мне их, пожалуйста, по почте.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 1 (13) февраля 1881 г.

Милостивый государь!

Ваше долгое молчание, в связи с тем, что Вы пишете в своем последнем письме (от 12 сентября 1880 года *), побуждает меня убедительно

* См. настоящий сборник, стр. 424—426. *Ред.*

попросить Вас написать мне несколько слов относительно состояния Вашего здоровья. В надежде, что оно совершенно поправилось,

остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

Н. Даниельсон

Я послал Вам «Статистический сборник Московского земства», новый выпуск; «Сельский быт» — князя Васильчикова и свою статью (мои письма к Вам) [247]. В середине февраля я пошлю Вам мой ответ на критическую рецензию, появившуюся в «Новом обозрении» [250]. — Вообще пресса «бойкотирует» статью.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

В. И. ЗАСУЛИЧ — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Женева, 16 февраля 1881 г.

Уважаемый гражданин!

Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, небольшое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается массой более или менее образованных людей нашей страны, и серьезные люди изучают его. Но что Вам, вероятно, неизвестно, — это роль, которую играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине. Вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, насколько важен и злободневен этот вопрос в России. Вы знаете, что̀ думал о нем Чернышевский. Наша передовая литература, как, например, «Отечественные Записки», продолжает развивать его идеи. Но этот вопрос, по-моему, — вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших революционных социалистов.

Одно из двух. Либо эта сельская община, избавленная от непомерных требований фиска, выплат помещикам и произвола властей, способна развиваться в социалистическом направлении, то есть постепенно организовывать свое производство и свое распределение продуктов на коллективных началах. В этом случае революционер-социалист обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию.

Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе. Тогда им нужно вести пропаганду только среди городских рабочих, которых постоянно будет затоплять масса крестьян, выбрасываемых вследствие разложения общины на улицы больших городов в поисках заработка.

В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм — словом, все, что есть наиболее бесспорного, — обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excellence*: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России, — возражают им.

— Он бы сказал это, если бы говорил о нашей стране, — отвечают Ваши ученики, — быть может, несколько слишком смело.

Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере интересует нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства.

Беру на себя смелость, гражданин, от имени моих товарищей, просить Вас оказать нам эту услугу.

Если время не позволяет Вам изложить Ваши мысли по этим вопросам более или менее подробно, то соблаговолите сделать это, по крайней мере, в форме письма **, которое прошу разрешить мне перевести и опубликовать в России.

Примите, гражданин, мой почтительный привет.

Вера Засулич

Мой адрес: Польская типография rue de Lausanne, № 49, Genèva

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 443—444. *Ред.*

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 19 февраля 1881 г.

Милостивый государь!

Спешу ответить хоть несколькими строками на Ваше дружеское письмо *.

После того как я вернулся из Рамсгета, здоровье мое в общем поправилось, но отвратительная погода, длящаяся целыми месяцами, осчастливила меня хроническим насморком и кашлем, нарушающими сон и т. п. Но хуже всего, что состояние здоровья г-жи Маркс с каждым днем становится все более угрожающим, несмотря на то что я обращался к самым знаменитым лондонским врачам. К тому же у меня масса всяких домашних хлопот, о которых скучно рассказывать. С другой стороны, мне приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолевать целую уйму Синих книг, присылаемых мне из разных стран, в особенности же из Соединенных Штатов, так что моего рабочего времени едва хватает для выполнения этой задачи, поскольку уже ряд лет всякая ночная работа мне категорически воспрещена моими врачами. Вследствие всего этого у меня накопилась страшная задолженность по части корреспонденции. А тут еще в моей семье сейчас царит ужасная суматоха по случаю переезда моей старшей дочери, г-жи Лонге, с детьми ** из Лондона в Париж, где ее муж *** после амнистии (все это время он занимал место преподавателя в лондонском Королевском колледже) стал одним из редакторов «Justice» (полусоциалистическая речь Клемансо в Марселе была инспирирована именно им). Вы понимаете, как тяжела эта разлука при нынешнем состоянии здоровья г-жи Маркс. Для нее, так же как и для меня самого, наши внуки, три маленьких мальчика, являлись неистощимым источником радости.

Теперь прежде всего поговорим о прилагаемой рукописи [251]. Автор ее — г-н Лафарг, муж моей второй дочери **** и один из моих прямых учеников. Он просил меня справиться у Вас, не может ли он через Ваше посредство сделаться сотрудником петербургских журналов *«Отечественные Записки»* или *«Слово»* ***** (мне кажется, это единственные журналы, на которые он мог бы рассчитывать). Если это возможно, то он предоставляет Вам право изменить или выкинуть все, что окажется неподходящим для санкт-петербургского меридиана. Что касается его «имени», то можно будет

* См. настоящий сборник, стр. 433—434. *Ред.*
** — Жаном, Анри и Эдгаром. *Ред.*
*** — Шарль Лонге. *Ред.*
**** — Лауры. *Ред.*
***** Названия журналов написаны Марксом по-русски. *Ред.*

ограничиться одними инициалами. Во всяком случае, Вам интересно будет прочесть эту рукопись.

Я с величайшим интересом прочел Вашу статью [247], она «оригинальна» в лучшем смысле этого слова. Оттого ее и бойкотируют. Стоит вам только вырваться из сетей рутинной мысли, и вы можете быть уверены, что первым делом всегда натолкнетесь на «бойкот», — это единственное орудие защиты, которое *рутинеры* умеют пускать в ход в первый момент замешательства. Меня «бойкотировали» в Германии в течение очень многих лет и все еще продолжают бойкотировать в Англии с той небольшой разницей, что здесь время от времени против меня допускают такие нелепые и дурацкие выходки, что мне было бы стыдно публично отвечать на них. Но продолжайте в том же духе! Первое, чем Вам, по-моему, следовало бы заняться, — это поразительным ростом *задолженности помещиков*, представителей высшего класса в сельском хозяйстве, и показать, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под контролем «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть Вашу полемику со «Словом». Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно относительно Ваших *«Очерков»*. Пока же не могу удержаться от одного замечания по этому поводу. Почва, которая непрерывно истощается и не получает — путем искусственного, растительного и животного удобрения и т. п. — необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, то есть от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по величине урожаи; однако при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер сельскохозяйственного производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год* и тем более ряд следующих за ним неурожайных лет позволяют минералам, входящим в состав почвы, накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду, однако в *других местах* он сдерживается и видоизменяется вследствие вмешательства самого земледельца. *Единственным регулирующим фактором* он становится там, где человек перестал быть «силой» — ввиду недостатка средств.

Так, *в 1870 г.* в вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год; весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому

кульминационному 1874 году, за которым непосредственно следует голодный 1875 год; затем снова начинается подъем, завершающийся еще более тяжелым, голодным — 1880 годом. Сводка результатов за весь период показывает, что годовое производство в среднем оставалось без изменений и различия между отдельными годами и малыми циклами вызывались одними только естественными факторами.

Я писал Вам некоторое время тому назад *, что если тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к завершающему финансовому краху в Лондоне, то это *исключительное* явление объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это видят и признают даже английские рутинеры. Так, *«Statist»* (29 января 1881 г.) говорит:

> «Благополучие денежного рынка в течение прошлого года было *результатом чистой случайности. Французский банк* в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 млн. ф. ст. до 22 млн... *Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью нам едва удалось избежать смертельной опасности»* (!)

Английская железнодорожная система катится по той же наклонной плоскости, что и вся европейская *система государственных долгов*. Правящие магнаты из числа директоров разных железнодорожных компаний не только заключают — во все возрастающих размерах — новые займы *для расширения своей железнодорожной сети*, то есть той «территории», где они царствуют как самодержавные монархи, но и расширяют эту сеть, *чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов*, дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также бросать время от времени подачку рядовым акционерам, доверием которых постоянно злоупотребляют, в форме несколько повышенных дивидендов. Этот милый метод рано или поздно должен привести к ужасной катастрофе.

В *Соединенных Штатах* железнодорожные короли стали теперь мишенью нападок не только, как было раньше, со стороны фермеров и других промышленных *«предпринимателей» Запада*, но также и со стороны крупнейшего представительства коммерческого мира — *Нью-Йоркской торговой палаты*. Железнодорожный король и финансовый плут, чудовищный спрут *Гулд*, со своей стороны, заявил нью-йоркским торговым магнатам:

> «Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считаете их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь: вслед за железными дорогами наступит очередь для *всякого рода корпораций»* (на языке янки это обозначает *акционерные компании*), «после этого — для *всех форм ассоциированного капитала*, а в заключение — *для всех форм капитала вообще;* вы расчищаете, таким

* См. настоящий сборник, стр. 424—426. *Ред.*

образом, дорогу для *коммунизма,* симпатия к которому уже и сейчас все более и более распространяется в народе».

У мистера Гулда «хорошее чутье».

В *Индии* для британского правительства назрели серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, дивидендов от совершенно ненужных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них *без всякого эквивалента, — не считая того,* что они ежегодно присваивают себе *в самой* Индии, — то есть говоря только о *стоимости товаров,* которые индийцы вынуждены *даром* ежегодно *отправлять* в Англию, — *превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!* Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело!

Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает *размеров,* о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают! Среди населения готовится настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане. Британское правительство знает, что что-то «затевается», но эти тупицы (я имею в виду правительственных чиновников), ослепленные своей собственной парламентской манерой говорить и мыслить, не желают даже уяснить себе положение вещей, не хотят понять всего размера угрожающей опасности! Обманывать других, а тем самым и самих себя, — в этом вся суть *парламентской мудрости!* Тем лучше!

Не можете ли Вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера *«Глава о вырождении»* [252], которое Вы цитируете в своей статье? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г-н Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Нет ли известий о нашем «общем» друге *?

Кстати: последняя статистическая работа *Янсона* [253], сопоставляющая Россию с Европой, вызвала большую сенсацию. Я был бы очень рад познакомиться с ней.

С наилучшими пожеланиями искренне преданный Вам

Карл Маркс

Если статья Лафарга не найдет себе «пристанища» в Петербурге, будьте добры, верните мне ее обратно.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 126—130

* — Лопатине. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 24 февраля (8 марта) 1881 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за Ваше любезное письмо. Очень рад узнать, что здоровье Ваше поправляется и что это дает Вам достаточные силы для осуществления Ваших научных целей.

Мне приятно также, что «Пореформенное хозяйство» [247] заинтересовало Вас. Я буду с нетерпением ждать того момента, когда Вы более основательно займетесь этой статьей. Так как она предназначалась для журнала, то она была написана сжато, а сжатость, как известно, не всегда хорошее качество. Внутренняя связь экономических явлений осталась в тени. От одной части критиков я ожидал нападения с этой стороны, но здесь так и не дождался вообще никакого нападения. Не могу сказать, что статья оказалась незамеченной. Меня пригласили сотрудничать в четыре петербургских «журнала», но до сих пор статья бойкотируется. В своем ответе (очень кратком) на одну дружескую критическую рецензию я пытаюсь показать, как посредством процесса обращения, продукт работника, по видимости независимого, превращается в капитал. (Номер выйдет в свет завтра [254].)

«Поразительный рост *задолженности помещиков»* * должен дополнить общую картину рождения новых экономических условий, которые могут развиваться только на развалинах старого порядка. Я уже имел случай цитировать следующие строки Некрасова:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, ударилась
Одним концом по барину,
Другим по мужику **.

Я упустил это из виду.

Исследования английских ученых (Чемберса, Арчибальда, Дж. А. Броуна, Хилла, Блекфорда, Мелдвина и т. д., и т. д.) о соотношении между частотой солнечных пятен и барометрическим давлением, дождями, голодом и т. д., и т. д. побудили меня изучить взаимное влияние этих факторов по отношению к России. Ваше письмо указывает на небольшие циклы из ряда лет, вполне объясняемые действием естественных факторов. «Слона-то я и не приметил».

* См. настоящий сборник, стр. 437. *Ред.*

** *Некрасов.* «Кому на Руси жить хорошо». *Ред.*

Замечательная статья г-на Лафарга [251] будет напечатана в третьем номере «Нового обозрения». Не буду говорить Вам, с каким интересом я прочел ее. На мой взгляд, она появится вполне своевременно. Ни одно слово в ней не будет изменено. Я с нетерпением ожидаю ее продолжения. (Гонорар будет выслан в середине марта, когда появится книжка журнала — около шестидесяти рублей за лист.)

Сочинение профессора Ланкестера «Вырождение» [252] еще не переведено на русский язык.

Я поддерживаю связь с «нашим общим другом» * по телеграфу. Его письма пропали. Почтовое сообщение очень медленное: письма доходят в Петербург на 60-й или 70-й день. Каждый день я ожидаю письма от него.

Сегодня «Порядок» [255] (я думаю — Кауфман) пишет:

«Вклады на хранение дошли в Государственном банке» (этот столбец введен под влиянием «Пореформенного хозяйства» — и то хорошо) «до огромной цифры 1076 млн. рублей; такое возрастание указывает на ненормальность хода торговли, на присутствие капиталов, не находящих более производительного помещения» (?!?).

Я сказал бы, что такое возрастание слишком медленно (в 1879 г. — 150 млн., в 1880 г. только 43 млн.).

На 63-й стр. своей брошюры (примечание) я говорю, «как кризис проявится — предсказать не беремся». Теперь же есть кое-какие указания на этот счет. «Саратовскому листку» пишут из Старой Студеновки, Сердобского уезда («Голос» № 14, 1881 г.):

«Бо́льшая часть крестьян этого села так обеднела вследствие неурожая озимых хлебов, что им не только нечем платить подати, но они с трудом достают себе пропитание. Наши же власти принуждают крестьян *сдавать свои наделы*, то есть землю, которую они должны бы засевать при наступающих посевах, *местным крестьянам-кулакам за бесценок*. Так, в Старой Студеновке у некоторых крестьян душевой надел *три сороковые десятины* (40 × 80), а *также достающиеся при дележе леса дрова и при сенокосе луга, все это продавалось за 11 руб.*, тогда как при съемке под посев одна десятина стоит дороже 10 руб.»

Вот другой пример:

«В «Симбирской земской газете» напечатана записка шести гласных, в которой обращается внимание на обнаружившееся в Симбирской губ. стремление к *скупке крестьянских наделов*, получившей в народе меткое название «скупки мертвых душ». Скупки этого рода ведут к разрушению крестьянского землевладения и обезземелению многих крестьян, которые теперь тщетно ведут борьбу с разрушителями своего благосостояния. Сделки этого рода происходят так: каждый домохозяин со взносом в уездное казначейство всей причитающейся на его участок выкупной ссуды имеет право требовать выдела себе, соответственного взносу, участка земли к *одному месту*. В первое 10-летие после издания «Положения», когда ценность земли немногим превышала цифру, определенную «Положением» о выкупе, желающих выкупать

* — Лопатиным. *Ред.*

участки находилось немного. В последнее же время, с увеличением ценности земли в Симбирской губ. вдвое, а в северных уездах втрое и вчетверо против цифры, определенной «Положением», и со вздорожанием в такой же мере арендных цен, стремление к выкупу участков обнаружилось в широких размерах. Право выкупа... отдельных участков послужило на пользу не тем трудолюбивым крестьянам, которые дорожат клочком надельной земли, но тому разряду людей, который получил значение и силу лишь в последнее время и которого прежде не знала Россия (то есть новые столпы общества), — людей, чуждых народу, побуждаемых корыстью и действующих с бесцеремонной ловкостью, для которых вторжение в мирское землевладение представляет удобное средство вредной эксплуатации. Каждый крестьянин, случайно ли обедневший или разорившийся по своей вине, *попадает в руки местному кулаку-скупщику земельных наделов, который вносит от его имени выкуп и укрепляет за собой законным порядком выделенную землю,* а обедневший и уже безземельный крестьянин со своей семьей ложится тяжелым бременем на сельское общество, членом которого остается и которое обязано отвечать за него платежом всех повинностей, которые ложатся на него, за исключением, конечно, выкупа, а затем, когда он не будет в состоянии работать, общество обязано призреть его по закону. Сельские общества, *прежде сомневавшиеся в своем праве на общий передел* общественной земли без особого разрешения на то со стороны правительства, в последние годы стали пользоваться предоставляемым им правом. *Передел* на так называемые живые души, в противоположность ревизским или *мертвым душам,* представляет в настоящее время *потребность всего сельского населения.* В той *торопливости,* с которой ведутся сельскими обществами дела *о разделе земли по живым душам,* в той быстроте, с которой движение это охватило почти все крестьянское население губернии, сказалось чувство самосохранения, желание положить если не предел, то стеснение для захватов мирской земли ненавистными народу эксплуататорами. Но с такой же быстротой и с гораздо большей ловкостью ведут свои дела скупщики наделов, пользуясь легким правом выкупа ревизских душ до утверждения общественных приговоров о переделе»... (*«Правительственный вестник»* № 39, 18 февраля 1881 г.)

Вы уже видели в «Сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии», стр. 22 — «Формы крестьянского землевладения», Тамбов, 1880:

«Большинство обществ не находит возможным верстать надельной землей новых членов» (так старые домохозяева в течение долгого времени *выкупали* свои наделы), «так как земли слишком мало, и потому никто не захочет отказаться от части своих наделов».

И вот ввиду этих и подобных фактов у князя Васильчикова хватило духу сказать:

«Как только отдельным хозяевам и обществам было предоставлено *вольное распоряжение своими способностями,* то начали обнаруживаться факты, что люди разумные, бережливые и воздержные богатеют, а неспособные или слабые, разгульные — беднеют» («Сельский быт», стр. 19).

Буквально то же говорит и модный английский философ Г. Спенсер:

«Подобно тому как растущий индустриализм ослабляет строгость церемониальных правил, так и здесь он постепенно разрушает введенные военным строем

Страницы из записной книжки К. Маркса «Русское на моей полке» и из его адресной книжки с русскими именами

классовые разделения, устанавливая на их место другие, свидетельствующие *о различии функций, вытекающем из различия способностей»* (!?) («О дифференциации политики» — «Revue philosophique» № 2, 1881, р. 151).

Что за гнусная пошлость!..

С весьма глубоким уважением

Ваш *Н. Даниельсон*

Я полагаю, что Вы уже получили Янсона [253] и некоторые другие статистические издания.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи на английском и русском языках

МАРКС — В. И. ЗАСУЛИЧ [256]

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 8 марта 1881 г.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля *. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету [50] работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Капитал», франц. изд., стр. 315) [48].

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы.* Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью,* основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341) [48].

В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму*

* См. настоящий сборник, стр. 434—435. *Ред.*

частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность.*

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка,
оставаться преданным Вам

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 136—137

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Южный Вулидж, [30 марта 1881 г.*]

Дорогой г-н Маркс!

Надеюсь, что ты уже получил «Слово» или одну из статей в нем, которую я обещал тебе прислать.

Я просил г-на Броше прислать тебе эту статью.

Жаль, что я не смог найти «Times» за понедельник 14 марта, в котором содержится статья об Александре II [257].

Искренне преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Южный Вулидж, 30 марта 1881 г.

Дорогой друг Маркс!

Я понимаю, что твой вопрос [71] очень важен **, но не могу ответить тебе на него, поскольку ничего не знаю.

* Дата помечена рукой Энгельса. *Ред.*
** См. следующее письмо. *Ред.*

Я только что написал письмо г-ну Лаврову, и он ответит мне немедленно.

Мне очень жаль, что я не смог найти сегодняшний номер «Times» [258], если он у тебя есть, пришли мне его, пожалуйста, на два дня.

Я не приеду в Лондон в ближайшую субботу, но сделаю все возможное, чтобы сообщить тебе ответ Лаврова, как только получу его.

Искренне преданный тебе

Л. Гартман

P. S. Еженедельная газета в номере от 27 марта опубликовала телеграмму из Петербурга, сообщающую о том, что 13 марта [52] я находился в Петербурге (!).

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. В. ЧАЙКОВСКИЙ — МАРКСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 31 марта [1881 г.*]

Дорогой г-н Маркс!

Гартман адресовал мне Ваш вопрос о том, является ли Ростовцев — председатель известной комиссии и воспитатель Александра II — одним и тем же лицом.

Мне известно лишь, во-первых, что воспитателем Александра II был поэт Жуковский, а во-вторых, что Ростовцев, председатель, был весьма либеральным и честным человеком и из-за своего либерализма не был у власти в течение всего реакционного периода правления Александра II. Не думаю, чтобы Николай ** счел возможным назначить такого человека воспитателем своего сына даже на непродолжительное время.

Искренне преданный Вам

Н. Чайковский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Год помечен рукой Энгельса. *Ред.*
** — Николай I. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 29 апреля (11 мая) 1881 г.

Милостивый государь!

Статья будет опубликована в ближайшем номере «Слова»[251]. Сегодня я получил сообщение об этом от издателя. Она появится в первую неделю июня. Я желал, чтобы статья появилась в «Отечественных Записках», как самом влиятельном органе (около 10 000 подписчиков), но за последний год этот журнал стал придерживаться очень определенных оптимистических взглядов на экономические явления и отказался напечатать статью.— «Новое обозрение» уже не выходит. Я пошлю Вам «Слово».

«Наш друг» * жалуется на очень скучную жизнь: он работает кассиром в одном банке.

Искренне Ваш

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

В. В. ЛУЦКИЙ — МАРКСУ

В АРЖАНТЕЙ

Мёдон, 11 августа 1881 г.

Дорогой гражданин!

Посылаю Вам эту рекламу, предназначенную для капиталистов, которых вовсе не интересуют цели и употребление денег, извлекаемых из применения машины, но которые рассматривают ее лишь как выгодное коммерческое предприятие. Если человек, с которым Вы собираетесь говорить, социалист, то я заранее прошу его извинить рекламный характер, который я придал своему описанию; необходимо, чтобы он принял во внимание, что, описывая преимущества своего аппарата, я не допустил никаких преувеличений и могу наглядно показать все его преимущества так, чтобы не осталось никаких сомнений в их очевидности. Кстати, должен заметить, что образец, оставленный у Вас, не дает правильного представления о том совершенстве, которого можно достичь, работая на моем аппарате, так как аппарат, который я имею сейчас, не был как следует закончен из-за отсутствия денег; я заканчивал его сам, первый раз в своей жизни работая напильником и молотком. Кроме того, я уже составил чертежи его усовершенствования, в результате которого скорость

* — Лопатин. *Ред.*

работы аппарата возрастет в полтора раза, что дает возможность получить за десятичасовой рабочий день 40—50 тысяч букв; это упростит конструкцию аппарата, придаст механизму бо̀льшую прочность, облегчит управление им и прежде всего уменьшит его стоимость.

Вам лично я осмелюсь напомнить, что: а) русская социально-революционная партия социалистов-революционеров больше всего заинтересована в деньгах и что часть этих денег предназначена для обеспечения бесплатными экземплярами социалистических групп без различия национальностей и фракций; б) я прошу Вас лишь помочь мне приобрести патенты, и я готов объяснить человеку, которого Вы мне порекомендуете, все детали моего аппарата, чтобы гарантировать его от риска участия в этом сомнительном предприятии. Я полагаю, что важно получить патенты одновременно в Англии, Франции, Соединенных Штатах, Германии, Австрии, Италии и Бельгии, а это обойдется приблизительно в 2000 франков (через посредство фирмы Арманго-старшего).

Даже если Вы будете не в состоянии помочь мне, я останусь бесконечно благодарен Вам за интерес, проявленный Вами к этому делу, и буду всегда рад, что оно дало мне возможность познакомиться с Вами. Болезнь Вашей супруги не позволяет мне передать Вам это описание лично, но я надеюсь нанести Вам визит, когда обстоятельства это позволят, либо в Париже, либо в Лондоне.

Леон Буш, мой друг, заходивший к Вам вместе со мной, просит меня передать Вам привет.

С глубочайшим уважением

Владимир Луцкий

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Аржантёй], 16 августа 1881 г.

Дорогой Лавров!

Я должен завтра уехать и поэтому не буду иметь возможности снова повидаться с Вами на этот раз. Но теперь, после того как я уже добрался до Парижа, я буду наведываться сюда время от времени.

Пока до свидания.

Весь Ваш

К. Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 173

Л. Н. ГАРТМАН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Нью-Йорк, 24 августа 1881 г.

Дорогой друг Маркс!

Извини меня за долгое молчание. Я не мог писать тебе, пока обстоятельства не выяснились. «Большой шум», поднятый в газетах после моего прибытия, продолжается почти 4 недели; однако этот «шум» является лишь началом еще более великого шума, который поднимается в настоящий момент. Если это так, то мои дела не могут идти плохо. Ни одна газета в Америке и Канаде не молчала обо мне ни одного дня, употребляя в отношении меня всякого рода ошеломляющие эпитеты: убийца, кровожадный нигилист, поджигатель, нахал. подлец и многие другие эпитеты подобного рода. Одна из газет заметила, что никогда еще ни одному кровавому убийце не создавали такую рекламу, как Гартману; и это совершенно верно.

Буржуа боятся и действительно верят, что я могу причинить им много неприятностей. Прежде я не мог бы этого сделать, но теперь после такой прекрасной рекламы, чувствую себя на это способным. Из разных мест Америки я получил 63 письма, в которых немецкие социалисты выражают мне симпатии и приглашают приехать к ним и проводить митинги.

Как видишь, я еще жив, и, если найду выход из нынешних затруднений, буду готовиться для ведения социальной пропаганды. Буржуа сами обеспечивают мне успех.

Я приехал в Америку в очень неблагоприятное время, но не думаю, что это обстоятельство будет против меня. Я не только не препятствовал тому, чтобы мне создавали рекламу (без которой нельзя рассчитывать на какой-либо успех), но и помогал этому, и нынешнее требование о выдаче меня является в общем следствием успеха рекламы. Я уезжал в Канаду, так как не был готов, чтобы встретить арест, которого ожидал, после того как г-н Блейн высказал обо мне свое мнение. Теперь я нахожусь здесь и намерен оставаться до тех пор, пока не будет поставлен и решен вопрос о выдаче.

Г-н Уиллард Браун считает, что у меня нет никаких шансов, которые давали бы мне основание надеяться на то, что я благополучно выберусь из возможных затруднений, но я не нахожу свое положение столь безнадежным. Наиболее известные люди в Америке, то есть Уэнделл Филлипс и Суинтон, обещали мне помощь. Г-н Суинтон, по правде говоря, не так уж известен, но никто не может оспаривать его необыкновенный авторитет и влияние. Я хочу попытаться остаться здесь. Конечно, это игра и притом рискованная игра, возможно не на живот, а на смерть, но для меня самого это имеет смысл.

Ты извини меня за то, что я опубликовал без твоего предварительного разрешения документ, который ты получил от Исполнительного комитета *. Он был напечатан в «Herald» и «New Yorker Volkszeitung» [259]. Я хотел послать тебе газеты, содержащие напечатанный документ, но после своего бегства в Канаду потерял их. Ты должен еще больше извинить меня за другую ошибку: лишь спустя 3 недели я вспомнил, что ты дал мне визитную карточку для вручения г-ну Зорге **, и только тогда я ее немедленно послал ему. Г-н Зорге, должно быть, очень сердит на меня за это; я написал ему (он находится за городом), но он мне не ответил.

Хочу сообщить тебе о г-не Суинтоне и г-не Зорге, полагая, что тебе хотелось бы узнать о них. Действительно, вызывает сожаление, что Зорге стоит вне социалистического движения. Не знаю, насколько он подготовлен для этой цели, но я вижу, что он пользуется очень хорошей репутацией во всех социалистических кружках, и многие из них хотели бы иметь его в качестве руководителя. Такая безыдейная газета, как «New Yorker Volkszeitung», имеет $15^1/_2$ тысяч ежедневных подписчиков и 23 тысячи подписчиков на воскресный выпуск, однако ее редактор (один русский, г-н Шевич, человек литературно образованный, но не человек науки) готов изменить ее программу (довольно трудно сказать, какова ее социалистическая программа), как того пожелали бы гг. Маркс и Энгельс, и стать верным исполнителем их указаний.

Г-н Зорге хотел, чтобы я остался у него, но я не мог, поскольку должен был бы ежедневно ездить в Нью-Йорк к своему другу, а наиболее вероятной опасностью, которая могла меня ожидать, является опасность быть похищенным при переезде водным путем. Он хотел также, чтобы я остался в Нью-Йорке тайно и работал на какой-нибудь фабрике за 8—9 долларов в неделю. Но я считаю, что лучше идти на риск, чем влачить собачью жизнь.

Что касается г-на Суинтона, то ты имеешь о нем совершенно правильное представление, и мне нечего добавить к этому. Сейчас он вместе со мной готовится защищать меня, если возникнет опасность. Мы готовимся к массовым митингам, которые проведем в ближайшее время. Ничем другим ты не смог бы доставить г-ну Суинтону большего удовольствия, как ты это сделал своим письмом и фотографией ***.

Я очень сожалею, что не взял с собой все свои книги, когда отправлялся в Америку, и теперь написал уже много писем с просьбой прислать их мне, но пока не получил. Если бы в моем распоряжении было больше материала, я мог бы зарабатывать много денег. «Herald» платит

* См. настоящий сборник, стр. 427—428. *Ред.*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 35, стр. 158. *Ред.*

*** См. там же, стр. 157. *Ред.*

мне 35—60 долларов за колонку. Я уже написал пять статей и готовлю еще три. Если бы я не имел денег, меня бы уже могли похитить.

Передай от меня привет г-же Маркс и мисс Маркс *. Надеюсь, что г-жа Маркс чувствует себя лучше, проведя несколько недель на морском побережье? Что касается мисс Маркс, то я видел ее фотографию у г-на У. Брауна и полагаю, что она выглядит, как нельзя лучше.

Остаюсь с дружеским приветом

Л. Гартман

P. S. Мой адрес: Дж. Суинтон (для Л. Г.) 123, East, 62-d Street. New York.

Хочешь ли ты регулярно получать какие-либо газеты и какого рода? Передай, пожалуйста, привет от меня г-же Лафарг, моему недругу г-ну Лафаргу и Гиршу.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Нью-Йорк, 24 августа 1881 г.

Дорогой друг Энгельс!

Я думаю, что ты поймешь мое русское письмо так же хорошо, как и английское. Не писал я тебе по очень простой причине: так был занят со своими делами, что просто не оставалось времени, когда бы приходило желание писать письма.

По приезде моем в Америку г-н Блейн—государственный секретарь— поспешил заявить, что правительство Штатов с готовностью выдаст меня России. Такое заявление, конечно, развязывало руки всем шпионам, которые здесь большие охотники до похищений. Во-вторых, я не был готов, чтоб встретить опасность, и потому я уехал в Канаду. Однако я возвратился, как только увидел, что могу получить помощь от Уэнделла Филлипса, Суинтона и других, в случае меня арестуют.

Теперь все обстоятельства выяснились и притом против меня. Вся пресса, за исключением 2, 3 газет, стоит против меня. Общественное мнение — против меня, и лишь немцы за меня. Американский суд способен на подкуп. Американское правительство готово выдать меня царю с большим удовольствием.

В сегодняшних газетах читаю, что русское правительство потребовало мою выдачу. Все эти обстоятельства могли бы лишить меня надежды на

* — Элеоноре Маркс. *Ред.*

успешный исход дела, в случае меня арестуют; но Уэнделл Филлипс, Суинтон и другие крупные люди обещали мне свое содействие. Между Америкой и Россией нет трактата о выдаче преступников, но американское правительство состоит из взяточников и мошенников, а Оксфордский конгресс в прошедшем году и международный конгресс в Кёльне на прошедшей неделе делают выдачу меня вероятной.

Однако я хочу остаться в Нью-Йорке и ждать всего, что может случиться.

Хотя общество и пресса и против меня, но за всем тем, дела мои идут прекрасно. Вот уже 4 недели, как газеты кричат обо мне изо дня в день, ругают меня самыми скверными словами и популяризируют мое имя. Если предстоящий процесс кончится счастливо для меня, и я не буду выдан России, я буду здесь силой и сделаю много неприятностей для буржуазии и правительства. С различных сторон получаю я письма: мне выражают симпатии, просят меня приехать к ним и держать митинги. Все эти письма от немцев-социалистов и лишь 3 от американцев.

Не знаю, знакома ли тебе «New Yorker Volkszeitung». Она имеет $15^1/_2$ тысяч ежедневных подписчиков и 23 тысячи подписчиков на воскресное издание. Ее редактор, г-н Шевич, русский и мой товарищ теперь. Он просил меня сообщить тебе и Марксу, что готов следовать в своей газете той программе, которую ты и Маркс ему продиктуете. Кроме Шевича, там есть редакторы Йонас и Дуэ. Я думаю, вам известны эти лица, но главный редактор — Шевич. «New Yorker Volkszeitung» составляет собственность рабочих-социалистов. Шевич высказал свою надежду, что ты и Маркс не откажетесь писать в «Volkszeitung», если убедитесь, что редакция будет верна тем требованиям, которые вы продиктуете.

Приехавши сюда, я опубликовал ордер, который я получил от Исполнительного комитета. Рядом с ним — воззвание Исполнительного комитета к американцам и письмо того же комитета к Марксу *. Все это было напечатано крупным шрифтом в «Volkszeitung» и «Herald» и произвело сильное впечатление. Что касается до письма к Марксу, то это произвело сильное впечатление среди немцев. Отвечая на множество вопросов их по поводу участия вашего в русском движении, я публиковал, что Энгельс и Маркс управляют теперь делами русских террористов в Лондоне. Мне было необходимо так сказать, хотя с *формальной* стороны я и не имел права этого сделать.

Среди 900 пассажиров парохода, на котором я ехал сюда, было до 800 немцев. Все они как один человек жаловались на тяжесть жизни в Германии, все видят в Бисмарке *единственного* виновника их бедствий

* См. настоящий сборник, стр. 427—428. *Ред.*

и *все* возлагают надежды на социалистическую партию. «Скоро должна прийти в Германию революция», — говорят они.

Что меня особенно поразило, это то, что между ними было много солдат, бежавших от службы. Было три унтер-офицера, которые рассказывали мне, что бежали из тюрьмы, в которую попали за то, что бранили Бисмарка и Вильгельма *. Они не знали — кто я, и я не думаю, что они лгали.

Передай мой привет Гиршу, г-ну Муру, Шорлеммеру, Зорге, мисс Бёрнс и г-же Лафарг и Лафаргу. Я думаю, что мой французский недруг уже в Париже? Я напишу ему в ближайшие дни. Где Гирш? Я хотел бы услышать о нем, и мне больно, что он относится ко мне не так, как прежде. Я надеюсь, что мы будем вновь друзьями. Между прочим, я скоро уплачу мой долг ему.

Преданный Вам

Л. Гартман

Мой адрес: Дж. Суинтон (для Л. Г.) 123, East, 62-d Street, N. Y. city.

Ради потехи я считаю не лишним сообщить тебе все эпитеты, которые дает мне нью-йоркская пресса. Меня бранят убийцей (что впрочем неправда), кровавый нигилист, подлец, поджигатель, нахал, негодяй, ядовитое животное и проч. и проч. Как не радоваться таким отношениям! Ведь после этого, право, те же враги мои делают мою популярность! Врут про меня так много, что просто нет возможности защищаться. По словам «New-York Tribune» (консервативная газета) я уже убил много *детей* из царской фамилии.

Чего не ожидал здесь увидеть, так это симпатии американцев к царю и их ненависть к нигилистам. Это однако ж не беда и нет никакого труда сделать обратное. Ни одна газета в Канаде не сказала про меня ни одного дурного слова. Все отнеслись ко мне *сочувственно* и даже *защищали дело нигилистов* от нападок нью-йоркской прессы.

Почти ничего не знаю я о России: американские газеты не имеют в России корреспондентов и ничего не сообщают о моей родине.

Я приехал в Нью-Йорк с 65 долларами в кармане. 10 дней я прожил у Зорге и после уже заработал 300 долларов. До сих пор я заработал уже 475 долларов. Это не дурно для пустого кармана! А теперь я надеюсь заработать еще столько же за 3 недели.

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи на русском языке

Полностью публикуется впервые

* — Вильгельма I. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 25 августа (6 сентября) 1881 г.

Милостивый государь!

Я очень огорчен, что не могу послать Вам журнал «Слово» со статьей г-на Лафарга [251]. Но у нас редактор предполагает, а цензура располагает: с мая месяца этот журнал уже не выходит, хотя майский, июньский и июльский номера (в последнем помещена статья г-на Лафарга) уже отпечатаны. Цензурный комитет отказывает в утверждении на должность главного редактора всем лицам, выбираемым сотрудниками. Трудно предвидеть, чем все это кончится.

Статья г-на Лафарга так понравилась главному редактору журнала, что он хочет во что бы то ни стало поместить ее в другом журнале (вероятно, в «Отечественных Записках»).

Примите, милостивый государь, мои почтительнейшие приветствия.

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Нью-Йорк, 12 сентября 1881 г.

Друг Энгельс!

Должно быть, корреспондент «Herald» ушел из твоего дома с некоторыми прыжками по лестнице: он обругал тебя в телеграмме из Лондона, и я вижу, что ему было солоно у тебя.

Твой ответ вышел прекрасно.

Через месяц, то есть около 15 октября, я надеюсь выехать из Америки в Лондон, чтобы ехать далее на восток.

Поклон всем.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском языке

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 14 ноября 1881 г.

Дорогой Энгельс!

Мне нужно иметь 4 ф. ст., и я не могу затратить эти деньги из тех, которые имею.

Если ты можешь, то пришли мне их по почте, адресуя на имя Л. Гартмана. Возвращу этот долг в январе.

Вчера я не знал, что мне понадобятся деньги, так как только сегодня получил письмо.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Барселона, 8 декабря 1881 г.

Дорогой учитель!

В Барселоне, куда меня привлекли арагонские архивы, я узнал из «Temps» печальную весть о смерти г-жи Маркс. Покойная всегда была очень добра ко мне, и я привык уважать ее и в то же время нежно любить. — Радушный прием, который Вы мне всегда оказывали, дает мне право присоединиться к выражениям горячего сочувствия и, увы, бесполезных сожалений, которые Вы, я уверен, получаете отовсюду по поводу ее смерти.

Разрешите выразить Вам, дорогой учитель, чувство моей искренней привязанности.

Ваш *Максим Ковалевский*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VI, 1928 г *Печатается по рукописи*
Перевод с французского

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 13 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Второго числа этого месяца после долгой и мучительной болезни умерла моя жена *. Осенние месяцы я провел вместе с больной, ухаживая за ней, сначала в одном из английских приморских местечек (в Ист-

* — Женни Маркс. *Ред.*

борне), затем в Аржантёе (приблизительно в 20 минутах от Парижа), где мы наслаждались возможностью жить вместе с нашей старшей дочерью (г-жой Лонге) и четырьмя ее маленькими мальчиками * (старшему ** около пяти лет), чрезвычайно привязанными к своим дедушке и бабушке.

С моей стороны было очень рискованно предпринимать эту поездку в Париж при слабости моей дорогой жены. Но, положившись на мнение моего доброго друга, д-ра Донкина, я решился на это, чтобы доставить ей эту последнюю радость!

К несчастью, мое собственное здоровье было более или менее шатким все это время, и после нашего возвращения в Лондон я внезапно схватил бронхит, осложненный плевритом, так что в продолжение трех из последних шести недель жизни моей жены я не мог видеться с ней, хотя мы находились в двух смежных комнатах.

И сейчас я все еще не в состоянии выходить из дому. Я был очень близок к тому, чтобы «покинуть этот несовершенный мир». Доктора хотят отправить меня на юг Франции или даже в Алжир.

Письма с выражением соболезнования, которые я получал отовсюду, служили для меня большим источником утешения, поскольку во всех этих письмах (за исключением одного-единственного *русского)* звучала непритворная симпатия и настоящее понимание и признание редких качеств моей дорогой жены.

Мой немецкий издатель *** сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я хочу окончить как можно скорее II том [81] (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). Мне теперь особенно хочется довести его до конца, с тем чтобы посвятить моей жене.

Впрочем, как бы то ни было, я условлюсь с моим издателем, что я ограничусь для третьего издания возможно меньшим количеством изменений и добавлений; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1000 экземпляров вместо 3000, как он хотел. Когда эти 1000 экземпляров, составляющих третье издание, будут распроданы, я, может быть, внесу в книгу те изменения, которые сделал бы в настоящее время при других обстоятельствах.

Остаюсь всегда Вашим верным другом

А. Уильямс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 200—201

* — Жаном, Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*
** — Жану. *Ред.*
*** — Отто Мейснер. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 5 (17) декабря 1881 г.

Милостивый государь!

Я прочел Ваше письмо с глубочайшим огорчением. Мне так часто приходилось слышать от «нашего общего друга» * о редких достоинствах Вашей супруги **, что, и не зная ее лично, я испытывал к ней чувство величайшего уважения. Это еще более увеличивает мое глубокое сочувствие Вашему горю, сочувствие, которое я позволю себе выразить.

Посвящение второго тома Вашего труда памяти покойной будет лучшим ей памятником. Нам же и нашим детям Ваш труд даст наилучшую возможность научиться тому, как следует служить человечеству. Память о той, которая вдохновляла Вас на такое служение, будут хранить с глубоким уважением.

От души желаю Вам, милостивый государь, поскорей поправиться. Остаюсь глубоко уважающий Вас

Ваш *Н. Д.*

«Наш общий друг» переедет в январе в Вологду [227].

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II(XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 28 декабря 1881 г.

Дорогой Энгельс!

Я *последний раз* прошу тебя помочь мне. Я ожидал деньги от Лилиенталя и вот теперь в самом ужасном состоянии, не получивши тех денег.

Поверь, мне самому очень тяжело быть таким нахалом, чтоб постоянно просить в долг денег, но у меня нет исхода из моего положения и я решаюсь просить у тебя *еще 5 фунтов* уже *в самой крайности.*

Ты не можешь сомневаться, что все деньги, какие я у тебя взял, ты получишь назад и я уверен, что к концу февраля я буду в силах возвратить тебе около 10 фунтов, а остальные немного позже. Поэтому и даже просто потому, что я *в очень критическом положении,* прошу тебя не отказать мне и ссудить мне еще 5 фунтов.

Твой отказ будет очень тяжел.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском языке

* — Лопатина. *Ред.*
** — Женни Маркс. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Л. Н. ГАРТМАНУ

В ЛОНДОНЕ *

[Лондон, конец декабря 1881 г.]

[Черновик]

У меня есть письмо из Америки для тебя **, но мне приказано выдать это письмо только тебе лично.

Можешь приехать принимать оно?

Твой

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 207

П. Л. ЛАВРОВ — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Париж, январь 1882 г.]

[Черновик]

Дорогой друг!

Когда Ваша дочь сообщила мне *** о тяжелом горе ****, постигшем Вас, я ответил ей, но у меня не хватило мужества написать и Вам. Я знаю слишком хорошо, что бывают потери, при которых невозможны слова утешения; потери приходится переносить, как неизбежный ход явлений природы, часть которой мы сами составляем; бороться против действия этих ужасных ударов можно только работой мысли, подавляя личное страдание могучей силой общих идей и размышлениями о судьбе человечества. Я уверен, что Вы, каждое произведение которого так горячо ожидается всеми, кто сколько-нибудь разбирается в общественных науках, прибегли сейчас же к этому одному-единственному средству в этом великом горе. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам с просьбой не только от себя лично, но и от группы моих товарищей.

Вам известно, что мы издаем «Русскую социально-революционную библиотеку», первые два тома которой Вам уже посланы. Они содержат мою брошюру о 18 марта и перевод «Квинтэссенции» Шеффле с моими примечаниями и предисловием одного террориста ***** [260]. Следующий выпуск должен содержать перевод Манифеста немецких коммунистов 1848 г. с примечаниями некоего молодого человека (Плеханова) [54], одного из самых ревностных Ваших учеников. К этому мы присоединим преди-

* Письмо написано по-русски, без подписи; воспроизводится дословно. *Ред.*
** — от Лилиенталя. *Ред.*
*** Элеонора Маркс — П. Лаврову, 3 декабря 1881 г. *Ред.*
**** — смерти Женни Маркс (жены Маркса). *Ред.*
***** — Тарновского. *Ред.*

словие к вышедшему второму изданию. Перехожу теперь к просьбе, с которой мы, редакторы «Русской социально-революционной библиотеки», обращаемся к авторам Манифеста, то есть к Вам и Энгельсу. Не будете ли вы так добры написать несколько строк нового предисловия специально для нашего издания. Читателям было бы крайне интересно узнать, как авторы Манифеста толкуют его в 1882 г., и это придало бы большую ценность нашему переводу в глазах публики. Если Вы и Энгельс согласитесь выполнить нашу просьбу, мы будем Вам очень благодарны.

Надеюсь, что Вы не откажетесь написать мне в ответ несколько строк. Прошу Вас передать от меня привет Энгельсу и тысячу дружеских пожеланий мадемуазель Маркс.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) января 1882 г.

Милостивый государь!

Наш русский журнал «Слово» прекратил свое существование. Вместо него появится новый журнал «Устои». (Издатель тот же самый.) Я не могу предсказать, насколько они устойчивы... В нем будет помещена статья г-на Лафарга [251]. Она уже отпечатана, но издатель опубликует ее лишь тогда, когда будет иметь в своем распоряжении продолжение статьи. Завтра Вы получите печатную копию ее перевода. Вы убедитесь, что ни одно слово не опущено, хотя статья прошла через чистилище цензуры. В феврале я пошлю г-ну Лафаргу гонорар. Издатель убедительно просит его послать продолжение работы и стать сотрудником журнала.

А тем временем извините меня, что я не смог найти место для этой статьи раньше в другом журнале, но издатель «Слова» надеялся, что журнал переживет кризис и что он даст своим подписчикам возможность испытать удовлетворение, когда на его страницах будет опубликована эта чрезвычайно интересная статья.

В надежде, что Ваше здоровье уже совершенно поправилось, остаюсь, милостивый государь, преданный Вам

Н. Д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II(XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 23 января 1882 г.

Дорогой друг!

Прилагаю несколько строк для русского издания «Коммунистического манифеста» *; поскольку эти строки предназначены для *перевода* на русский язык, то стилистически они не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке, на котором они написаны.

Я только несколько дней тому назад вернулся в Лондон. Дело в том, что в результате перенесенного мною плеврита и бронхита у меня остался хронический катар бронхов, который мой врач ** надеялся излечить, отправив меня в Вентнор (на острове Уайт), место, где обычно бывает тепло даже зимой. На этот раз, однако, во время моего трехнедельного пребывания в Вентноре, там стояла сырая, холодная погода, было пасмурно и туманно, между тем как в то же самое время в Лондоне установилась почти летняя погода, которая, однако, при моем возвращении в Лондон кончилась.

Теперь меня намереваются послать куда-нибудь на юг, может быть, в Алжир. Выбирать не приходится, ибо Италия для меня недоступна (в Милане один человек был арестован, потому что его фамилия похожа на мою); я не могу даже поехать отсюда на пароходе через Гибралтар, потому что у меня нет паспорта, а там даже англичане требуют паспорт.

Несмотря на все настояния врачей и моих близких, я бы ни за что не согласился на такую затею, связанную с большой потерей времени, если бы эта проклятая «английская» болезнь не действовала так на мозг. Кроме того, рецидив болезни, если бы я даже оправился после него, отнял бы еще больше времени. Несмотря на все это, я сперва еще попытаюсь предпринять что-нибудь здесь.

Посылаю Вам номер «Modern Thought» со статьей обо мне. Излишне Вам говорить, что биографические данные, приводимые автором, совершенно неверны. Ваш корреспондент, моя дочь Элеонора, которая шлет Вам привет, взялась исправить в посылаемом Вам экземпляре цитаты из «Капитала», неправильно переведенные на английский язык. Но как бы плохо г-н Бакс ни переводил, — я слышал, что он еще совсем

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»». *Ред.*

** — Донкин. *Ред.*

молодой человек, — он, несомненно, первый английский критик, который проявляет действительный интерес к современному социализму. Искренность и глубокая убежденность его высказываний произведут на Вас большое впечатление. Некий Джон Рей, — мне кажется, что он лектор по политической экономии в каком-то английском университете, — несколько месяцев тому назад поместил в «Contemporary Review» статью на ту же самую тему, очень поверхностную (хотя он и пытается произвести впечатление, ссылаясь на целый ряд моих работ, которых он, безусловно, никогда не видал), но преисполненную той претенциозности, которой проникнуты истинные британцы благодаря особенному, свойственному им тупоумию. Однако он снисходительно допускает, что я — в течение почти сорока лет — вводил в заблуждение рабочий класс ложными доктринами не из корыстных мотивов, а по убеждению! Вообще говоря, публика здесь начинает стремиться к тому, чтобы что-то узнать о социализме, нигилизме и т. д. С одной стороны, Ирландия и Соединенные Штаты, с другой — неминуемая борьба между фермерами и лендлордами, между сельскохозяйственными рабочими и фермерами, между капитализмом и лендлордизмом; некоторые признаки оживления среди класса промышленных рабочих, — так, например, при недавних частичных выборах в палату общин рабочие кое-где с презрением отвергли официальных кандидатов от рабочих (особенно ренегата Интернационала, презренного Хауэлла), предложенных признанными лидерами тред-юнионов и публично рекомендованных «народным Уильямом», г-ном Гладстоном; демонстративное создание в Лондоне радикальных клубов, которые состоят преимущественно из рабочих, англичан и ирландцев вперемежку и решительно выступают против «великой либеральной партии», *официального* тред-юнионизма, «народного Уильяма» и т. д. и т. д., — все это вызывает у британского филистера стремление приобрести как раз теперь некоторые сведения о социализме. К сожалению, обозрения, журналы, газеты и т. д. используют этот «спрос» только для того, чтобы «предлагать» публике отбросы продажных, невежественных, подхалимствующих писак, цена которым пенни за строчку (хотя бы даже они получали по шиллингу за строчку).

Здесь выходит «еженедельник» под названием «Radical», преисполненный добрых намерений, смелый по языку (смелость основана на бесцеремонности, а не на силе), пытающийся вырваться из пут, которыми связана британская пресса, но при всем этом очень слабое издание. Чего газете не хватает, так это толковых редакторов. Несколько месяцев тому назад они письменно обратились ко мне. Я находился тогда в Истборне вместе с моей дорогой женой, затем был в Париже и т. д., так что до сих пор им еще не удалось переговорить со мной. В сущности я считаю это

бесполезным. Чем больше я читаю их газету, тем больше прихожу к убеждению, что она неисправима.

Моя дочь * напоминает мне, что уже давно пора кончить письмо, так как осталось несколько минут до отправки почты.

Привет.

Карл Маркс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 213—215

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 18 февраля 1882 г.

Дорогой г-н Лавров!

Бесконечно сожалею, что не застал Вас сегодня после обеда; но если Вы, как я надеюсь, получите настоящую открытку еще сегодня вечером, то не будете ли Вы так добры прийти ко мне завтра, в воскресенье, между 7 и 8 часами вечера. Вы встретите у меня друзей. Мы все будем очень рады Вас видеть.

Ваш *Ф. Энгельс*

[Надпись Энгельса на оборотной стороне открытки]

П. Лаврову, эсквайру, 13, Alfred Place, Tottenham Court Road, W. C.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 227—228

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 февраля 1882 г.

Дорогой друг!

«Financial Reform Almanach 1882» указывает следующие адреса:

Дилк, У. Аштон, 1, Hyde Park Gate, S. W.,

затем — сэр [Чарлз], 76, Sloane st., S. W.

Вернувшись от Вас, я нашел дома письмо от д-ра Донкина (того самого, который некоторое время тому назад лечил Гартмана, а также семью Маркса), где он пишет:

* — Элеонора Маркс. *Ред.*

«Несколько дней тому назад я получил письмо от Гартмана (помеченное: 14, Huntley st., Bedford sq.), в котором он спрашивает, можно ли ему прийти повидать меня. Я немедленно ответил на его письмо, предложив ему на выбор два дня, но после этого не имел от него никаких известий.

В случае если мои письма затерялись, сообщите мне, пожалуйста, не знаете ли Вы, что́ с ним. Если Вы увидите его, будьте добры, передайте ему, что он может прийти ко мне в любой день (60, Upper Berkeley st., W.) между 11 и 12 часами утра».

Не будете ли Вы так добры сообщить Гартману вышеприведенное письмо? Поскольку письмо Донкина не дошло, я думаю, что на нем был указан неправильный *номер* дома, в котором и я также не уверен, потому что знаю его только от Донкина. Таким образом, не зная точного адреса, я лишен возможности непосредственно снестись с Гартманом и поэтому прибегаю к Вашему посредничеству, тем более что он живет, как Вы говорили, очень близко от Вас.

Я пишу Донкину, что надеюсь уже через несколько дней дать ему более точные сведения; если возможно, постарайтесь сообщить мне что-либо по этому делу в воскресенье вечером.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 236—237

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 4 марта 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо я получил [71]. Благодарю за сообщение.

Я не могу быть у тебя раньше, но приду к тебе в первое свободное воскресенье. Мне приходилось чрезмерно работать, пока я наконец не стал механиком. Теперь я монтер на фабрике электрического освещения.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 6 апреля [1882 г.]

Дорогой Энгельс!

Я просил корректурные листы предисловия, которое Вы и Маркс были так любезны дать нам *. Я хотел бы, чтобы Вы просмотрели их,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»». *Ред.*

чтобы быть уверенным, что мысль передана правильно. Верните мне их, пожалуйста. «Народная Воля» уже опубликовала ваше предисловие[54].

Дружески жму Вашу руку.

П. Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 10 апреля 1882 г.

Дорогой Лавров!

С благодарностью возвращаю Вам корректурный оттиск*. Я сделал бы это раньше, если бы не надеялся увидеть Вас вчера вечером и сказать Вам: Христос, воскрес ли он? **

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли мне на несколько дней немецкий текст предисловия? «Sozialdemokrat» просил нас послать ему это предисловие, а так как оно было напечатано в «Народной Воле» (мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками), то это не представит никаких неудобств.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс

Наша мысль, по-моему, передана очень хорошо.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 252

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 11 апреля 1882 г.], вторник

Дорогой Энгельс!

Мне уже больше недели нездоровится; я простудился и по вечерам плохо себя чувствую и потому в это время сижу дома. Я хотел зайти к Вам позавчера, но почувствовал себя очень плохо. Не знаю, как и поступить с оригиналом предисловия, кажется, он заперт в одном из ящиков моего письменного стола в Париже и достать его будет нелегко. Но я предполагаю, что имеется его немецкая копия, так как нам не

* См. предыдущее письмо. *Ред.*

** Слова «Христос, воскрес ли он?» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

хотелось посылать в Швейцарию оригинал. Напишу в Париж, чтобы сделали, что возможно. — Вы обещали сообщить мне о результатах обмена моих двухсот рублей и помещения их, но я еще ничего не получил.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 17 апреля [1882 г.]

Дорогой Энгельс!

Только что получил копию Вашего предисловия[54] и немедленно посылаю ее Вам. Боюсь, не слишком ли поздно, но тут я ничего не могу поделать.

Жму Вашу руку.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 (19) мая 1882 г.

Мадемуазель!

Будьте любезны сообщить своему шурину*, что его первая статья[251] напечатана в последней книжке журнала, а конец будет напечатан в следующем номере.

Издатель просит его о дальнейшем сотрудничестве, но желает знать: 1) каков объем его следующей статьи (о производстве хлеба в Америке и т. д.) и 2) когда он сможет послать ее?

Не осмеливаясь затруднять Вас, я прошу его написать мне, как теперь здоровье Вашего уважаемого отца и когда он вернется домой.

Я надеюсь, что Вы получили некоторые московские и петербургские издания, которые я послал для него.

Примите мои уверения в совершенной преданности Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II(XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

* — Лафаргу. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 1 июня [1882 г.]

Дорогой Энгельс!

Посылаю Вам два экземпляра русского издания «Манифеста» [54], один для Вас, другой для Маркса. Хотел отправить ему непосредственно, но Лафарг, которого я видел в воскресенье, сказал мне, что не уверен, в Монте-Карло ли еще Маркс. Предпочитаю поэтому адресовать его экземпляр Вам, так как Вы должны знать, где находится Маркс в данный момент. Прошу Вас выразить мои самые дружеские чувства всем, кого я встречал у Вас, а в особенности дамам.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 июля 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Я до сих пор не ходил ни к тебе, ни к Марксу, ни к Лафаргу, но по единственной причине: мои дела очень плохи.

По этой же причине я и пишу тебе теперь. Я должен тебе 16 ф. ст., но думаю, что ты не такой человек, чтоб торопить меня, ибо рано или поздно, а я возвращу тебе мой долг сполна. Помимо того, мне нужно где-нибудь найти 2 ф. ст. 15 шилл. и, кроме тебя, я никого не знаю, где б занять эти деньги.

Если ты будешь столь добр вновь поверить мне эту сумму, пришли ее по вышеупомянутому адресу, где ближайшее почтовое отделение.

За последние полгода я претерпел много перемен. Два месяца работал на фабрике электрического освещения и получал по $3^1/_2$ ф. ст. в неделю, но после меня уволили, так как русское посольство сообщило управляющему, что я Гартман.

Затем я сделал небольшое изобретение по электричеству, и так как у меня не было денег, то я предложил некому Дж. Дж. Фрайси — Lombard Street — купить мое изобретение за 100 ф. ст., с тем чтобы патентовать его на мое имя. Как ни опасно было сообщить ему сущность моего изобретения, прежде чем оно патентовано, но мне не оставалось ничего другого, так как денег для патента у меня не было. Я рассказал ему идею своего изобретения при двух свидетелях — французах, моих

знакомых. Но тогда он патентовал на свое имя, уплатил свидетелям по 20 ф. ст. каждому, а я остался ни при чем.

Я, однако, рискуя, оставил за собою некоторую долю осторожности и не сообщил этому Фрайси всей сути моего изобретения, так что рано или поздно у меня остается еще возможность патентовать свое изобретение и сделать первое бессодержательным.

Теперь я ожидаю работы в двух новооткрывающихся компаниях электрического освещения Галчер и Чатемп и скоро должен получить. Мне предстоит ехать в Индию.

Пока еще обещания, а у меня нет ни сапог, ни квартиры, и все мои вещи арестовала хозяйка последней.

Итак, я надеюсь, не получу от тебя отказа.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 июля 1882 г.

Дорогой Энгельс!

После того как я написал тебе первое письмо, я виделся с одним из управляющих Галчер и К^{0}.

Я окончил с ним пока еще словесный договор, по которому мне предоставляется употреблять их приборы для испытаний и динамомашины для моих собственных целей, и мне дадут все средства, чтоб построить, испытать и патентовать изобретенную мною лампочку.

Я начну работу через неделю и надеюсь окончить в два месяца.

Я пишу это, чтоб представить тебе некоторое основание того, что я буду в состоянии уплатить тебе скоро деньги, которые я занял у тебя и те 2 ф. ст. 15 шилл., которые я теперь прошу. Я пребываю в надежде, что ты и в этот раз будешь столь же доверчив к моей совести, как и до сей поры.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 5 июля 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Весьма благодарен за твою помощь; она пришла в самый критический момент.

За последние шесть месяцев я не имел ни писем, ни книг от Лилиенталя. Я не ожидал и не получал от него за это время 30 долларов. Все письма от многих лиц из Америки доставлялись мне, но среди них не было ни одного от Лилиенталя. Тем не менее я наведу справки на Центральном почтамте.

Я скоро зайду к тебе, но прежде я хочу оказаться в лучшем положении.

Преданный тебе *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 22 июля 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Я был у г-на Мура в тот же день, когда я видел тебя, но г-на Мура не было дома.

Я жалею — я поздно получил его письмо: оно нечаянно попало между газетами, и я увидел его только сегодня утром.

Мой контракт уже подписан, кое-кто из людей, компетентных в этом деле, сделал нужные изменения.

У меня есть еще немного денег, и я хочу взять немедленно патент во Франции. Для этого у меня не хватает всего 2 ф. ст., и если ты будешь столь добр, прошу ссудить меня этими деньгами. Через 10 дней и не позже я начну делать свою лампу и буду в силах тогда же возвратить эти деньги тебе.

В случае ты не откажешь, пришли деньги по почте на мой адрес. Почтовое отделение на той же улице.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

С. ПЕТРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 23 июля 1882 г.

Милостивый государь!

Извините меня, что я беспокою Вас этими несколькими строками, но мое тяжелое положение, в котором я нахожусь в настоящий момент, вынуждает к этому. Я родился в Петербурге, но вынужден был покинуть свою родину, потому что весьма активно участвовал в агитации за свободу

трудящегося класса. Затем полиция все время гоняла меня с места на место, пока мне не удалось наконец уехать в Лондон Здесь я оказался без всяких средств, но после многих тщетных усилий мне удалось узнать в Социал-демократическом рабочем клубе (во II-ой секции) на Featherstone-Street Ваш драгоценный адрес. Поскольку г-н Даубеншпек обратил мое внимание на Вашу хорошо известную доброту и рекомендовал мне Вас как очень отзывчивого человека, я хотел бы, милостивый государь, чистосердечно рассказать Вам о моем прискорбном положении, чтобы побудить Вас сделать для меня что-нибудь, так как в настоящий момент я не знаю, откуда достать самое необходимое для жизни.

В надежде, что Вы удовлетворите мою настоятельную просьбу о небольшой помощи,

остаюсь с глубочайшим уважением и преданностью

С. Петров

Петров?! Одалживание 82-го года.

Я знаю его *.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 27 июля 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Весьма благодарен за 2 ф. ст., которые я получил позавчера. Извини, что я не ответил раньше, поскольку мне пришлось поехать в Южный Вулидж, и, следовательно, у меня не было времени написать.

Я посылаю деньги в Париж на патент и вскоре должен буду начать свою работу.

Твой *Л. Гартман*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

С. ПЕТРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 28 июля 1882 г.

Милостивому государю господину Энгельсу!

По нужде своей я принужден Вас побеспокоить. Честь имею благодарить Вас за Вашу рекомендацию к г-ну Гартману, ибо просьба моя

* Пометка Энгельса. Слова: «Я знаю его» написаны им по-русски. *Ред.*

увенчалась успехом. Г-н Гартман ради моих родителей пожертвовал мне, но с условием, чтобы я не ездил в Ливерпуль, ибо для меня нет никаких расчетов ехать туда, и, как он мне объяснил, что в Нью-Йорке я имею более шансов, чем в Ливерпуле; также г-н Даубеншпек и г-н Юнк, также и профессор согласны с мнением г-на Гартмана, и таким образом для достижения моей цели, т. е. добраться до Нью-Йорка, недостает мне 25 шилл., каковой суммой имею честь покорнейше Вас просить выручить меня.

Вечно Вам преданный и благодарный

С. Петров

Теплота — эта та форма критического движения, которая кладет начало историческому развитию *.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи на русском языке*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 30 июля [1882 г.]

Дорогой Энгельс!

Я только что прочитал в последнем номере «Academy», что Ковалевский вернулся из Америки. Вы его, несомненно, видели. Если он еще в Лондоне, будьте любезны сообщить мне его адрес. Если уехал, то, может быть, он сказал Вам, направляется ли он в Париж или прямо в Россию, не заезжая сюда. В обоих случаях напишите мне, пожалуйста, что Вам об этом известно. К сожалению, здесь все наши общие с ним друзья либо отсутствуют, либо их адреса мне не известны. Я поискал бы его в гостинице, где он обычно останавливается, но не уверен, заезжал ли он в Париж.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 31 июля 1882 г.

Дорогой Лавров!

Я бы уже давно поблагодарил Вас за присылку русского издания «Манифеста» [54], но не мог Вам писать, ничего не сообщая о Марксе,

* Эта пометка на письме сделана Энгельсом по-немецки. *Ред.*

а мне было строжайше запрещено сообщать кому бы то ни было в Париже, что он находится в Аржантёе. К сожалению, запрет врачей, которые предписали ему как можно меньше говорить, заставляет его еще *скрываться.*

Ковалевский заходил ко мне, когда меня не было дома. Его видела только мадемуазель Маркс *, а адреса он не оставил. Он, должно быть, уехал через несколько дней после своего приезда, но мне совершенно неизвестно, куда он направился. Как будто бы у него было намерение вернуться на родину. Мадемуазель Маркс в Аржантёе. Если Вы обратитесь к Лонге, то, может быть, узнаете больше.

Ваш *Ф. Э.*

[Надпись Энгельса на оборотной стороне открытки]

Г-ну П. Лаврову, 328, rue St. Jacques, *Paris,* France.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 288

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 4 августа 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Я получил твое письмо [71], но русского молодого человека — Петрова я не видел. Он приходил три раза на 215, Camberwell New Road, но я там уже не был. Я дал свой новый адрес, но он не пришел.

Причина всего этого та, что три недели я не имел своей квартиры (ибо не было чем платить). Поэтому я ночевал то там, то в другом каком-либо месте, а больше всего на 215, Camberwell New Road.

Теперь я на моей прежней квартире.

Не ожидаешь ли ты приезда Шорлеммера в Лондон? Мне надо выяснить у него некоторые вопросы по химии, и я надеюсь, что он мне поможет.

В настоящее время я работаю над своей лампой, которая уже патентована в Англии, Франции и Америке. Через неделю я произведу предварительные опыты, а через две недели — окончательное испытание. Мне бы очень хотелось показать тебе ее в действии, и я надеюсь, что ты не будешь против этого.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском и английском языках

* — Элеонора Маркс. *Ред.*

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], понедельник, утро 21 августа 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Я получил твое письмо [71], но только сегодня, потому что я, как и ты, переменил свою резиденцию, то есть местожительство.

У меня теперь большие неприятности с покупателем моего патента. Он уплатил мне только 20 ф. ст. вместо 60 ф. ст., которые обязан был уплатить до изготовления лампы. Я уже сделал ее, и третьего дня она прекрасно горела на Camberwell Road, 31. Я заметил (уже неделю тому назад), что тут что-то неладно и покупатель намерен обмануть меня; теперь я уверен в этом, и поэтому помощь г-на Мура безусловно необходима. Я написал ему.

К счастью, меня ожидает новый успех вместо очевидной потери моего патента; меня пригласили работать в Вестминстерский аквариум над установкой аккумуляторов Коббота и электрических ламп для предстоящей выставки.

Но пока что я опять без гроша в кармане. Так как я нигде не нашел денег для неотложных расходов, то опять обращаюсь к тебе как единственному источнику вероятной помощи и прошу тебя прислать мне 1 ф. ст. 10 шилл. Почтовое отделение на той же улице. Адрес: Л. Гартман, 51, Greek Street, Soho Sq-re, W.

Надеюсь, ты извинишь меня за то, что снова потребовалась твоя помощь. Сердечный привет Шорлеммеру.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 25 августа 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Весьма благодарен за 1 ф. ст. 10 шилл., которые я получил. Если бы у меня была какая-нибудь возможность не прибегать к твоей помощи, я бы не просил тебя о ней.

В настоящее время я предпринял все усилия к тому, чтобы выйти из затруднительного положения, а также уладить дело с покупателем моего патента. Нет сомнения, что моя борьба и неприятности скоро кончатся, но затруднения еще не преодолены, и ты уж меня извини, если в конце

следующей недели я снова в случае надобности обращусь к тебе с просьбой о небольшой сумме. Надеюсь, что эта просьба будет последней.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 30 августа 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Благодарю тебя за ответ[71]. Неожиданно ко мне снова явился покупатель моего патента, и мы пришли к соглашению, согласно которому я получаю небольшую сумму через несколько дней и гарантию на получение 3 000 ф. ст. в дальнейшем. Я рассчитываю очень и очень скоро стать владельцем кругленькой суммы денег.

Успех моего первого изобретения привел к тому, что мне сделали предложение (без малейшего усилия с моей стороны добиться его) разработать для одной из существующих компаний электрического освещения способ установки, за который мне предлагается 1 000 ф. ст. через 2 месяца и 100 ф. ст. сразу. Теперь мне остается только работать день и ночь и надеяться на успех.

Так что в настоящее время я не испытываю нужды и надеюсь, что скоро смогу уплатить свои старые долги, чтобы наделать новые и так далее.

Преданный тебе

Л. Гартман

P. S. В следующую субботу я собираюсь переменить квартиру, так как моя нынешняя слишком отвратительна. Мой новый адрес будет: 55, Middleton Square, W. C. Near Engel, Islington.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 6 сентября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Не будешь ли ты так добр помочь мне — одолжить 2 ф. ст. 10 шилл. Это *безусловно последний раз,* потому что нынешняя нужда имеет

временный характер, так как я должен получить деньги через две недели.

Извини, что я так часто беспокою тебя.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 13 сентября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Благодарю тебя за почтовый перевод, который я получил. Я не смог прийти к тебе в прошлое воскресенье, хотя мне и не хотелось затруднять тебя хождением на почту.

Компания Чайковского только что справлялась о твоем адресе. Я дал его, хотя не знаю точно, кому из них он понадобился; надеюсь, ты не будешь недоволен.

Преданный тебе

Л. Гартман

P. S. Я приду к тебе в следующее воскресенье вечером.

Мои парижские друзья получили письма из России, одно из которых для меня. Пока мне его еще не передали, один из них сообщил мне главную новость из России: недалеко от Красного Села (небольшого городка близ С.-Петербурга) был взорван динамитом мост в тот момент, когда по нему проезжал царь *, направляясь на маневры. К несчастью, он остался невредим, но два его дяди были серьезно ранены. Я сомневаюсь в этом, поскольку не было определенно сказано, что об этой новости сообщается в письмах из России.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 (22) сентября 1882 г.

Милостивый государь!

Вторая часть статьи г-на Лафарга напечатана в № 6 «Устоев» [251]. Я полагаю, что он получил этот номер (но не уверен в этом: аккуратность

* — Александр III. *Ред.*

не составляет добродетели наших издателей). Гонорар будет выслан после 20 сентября.

Наша литература переживает в настоящее время очень тяжелые дни. Выходит очень мало новых публикаций, и эти немногие не имеют читателей. Месяц или два назад я послал Вам, среди прочих книг, VI том «Сборника статистических сведений по Министерству путей сообщения», в котором Вы найдете данные относительно железнодорожных перевозок (в 1878 г.) 39-ти видов товаров и некоторые другие подробности касательно нашей внутренней торговли. Не менее важен другой статистический труд — «Ежегодник банков России» (за тот же 1878 год). В первом труде Вы найдете все, что касается обращения товаров, а здесь — данные о денежном обращении. Позвольте мне обратить Ваше внимание на VII часть этого труда и на объяснительные примечания (стр. 69, 84 — 85 в начале тома), а также на V часть. Здесь в таблицах (стр. 12 — 13) Вы найдете сравнительную оценку крестьянской земли, произведенную Выкупным учреждением, и оценку частной земельной собственности земельными банками (столбцы 9 — 27, стр. 12 — 13). Но приведенные здесь данные требуют некоторых поправок: оценка является функцией дохода; из таблицы мы не можем вывести отношения между доходом крестьян и частных собственников. По этой причине я послал Вам «1881 год в сельскохозяйственном отношении», где в таблицах (стр. 121—136) Вы найдете весьма ценные подробности по этому вопросу. Из этих таблиц мы узнаем, что нельзя найти в России ни одной губернии (за исключением Пензенской), где крестьянская земля приносит большой доход. Из 44 губерний в одиннадцати урожай на десятину земли, засеянную хлебом, у частных собственников на 3 — 10% выше, чем у крестьян, в пятнадцати — выше на 10 — 20%, в девяти — на 20 — 30%, в шести — на 30 — 40% и в девяти губерниях — на 47 и 56%. В среднем — на 18,5%. Кроме того, мы не должны забывать, что в частном владении находятся луга, леса и т. д., а крестьянин не имеет почти ничего. Данные эти приобретают особое значение. если мы примем во внимание, что они основываются на показаниях 1645 лиц самого различного состояния.

Я уверен, что Вы прочтете с большим удовольствием *«Письма из деревни»* А. Энгельгардта и некрасовскую

...бедную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу [261].

Вы знаете, что у нас будут 1) собственные фабричные инспекторы и 2) крестьянский поземельный банк для покупки земли; он будет давать ссуду в 75% стоимости земли по $8^1/_2$% на $24^1/_2$ года и по $7^1/_2$% на $34^1/_2$ года.

Вы очень обяжете меня, написав несколько строк о влиянии климата Алжира на Ваше здоровье и о состоянии Вашей работы над II томом Вашего труда [81]. Позвольте мне убедительно попросить Вас указать, чем я могу помочь Вам в той части Вашего труда, которая относится к фактам нашей экономической жизни (книги, информация и т. д.).

Искренне Ваш

Н. Даниельсон

Мне интересно знать, посылает ли Вам профессор Эрисман свои исследования по санитарному состоянию фабрик Московской губернии, изданные Московским земством [262].

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 28 сентября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

В следующую субботу у меня не будет денег, чтобы уплатить за квартиру и т. д., и, следовательно, единственным источником их получения снова оказываешься ты. И мне опять приходится просить у тебя 2 ф. ст.

Можешь ли ты дать эту сумму? Если да, то пришли.

Меня приняли рабочим (с жалованьем 3 ф. ст. в неделю) в компанию, изготовляющую лампы «Солнце».

Я начну работать там на следующей неделе. Удостоверениями меня снабдили из Парижа.

Помнишь, я говорил с тобой о Хотинском?

Не будет ли у тебя каких-либо возражений против знакомства с ним?

Он не социалист, но и не противник социалистов; симпатичный парень, любознательный и интеллигентный. Он мне сказал, что хотел бы познакомиться с тобой и Марксом.

Что касается меня, то я не могу сказать ни за, ни против него, следовательно, для меня будет совершенно безразлично, согласишься ли ты или откажешься познакомиться с ним.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 6 октября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Я пишу в кофейне, где нет никакой бумаги, кроме этого клочка.

Будь добр, сообщи г-ну Рошеру, что я хотел бы встретиться с ним завтра на станции Моргейт в 9.15 утра.

Если ты сможешь опять мне помочь — одолжить 2 ф. ст. (надеюсь, что это будет уже в последний раз), то передай их Рошеру, а он вручит их мне при встрече.

Я не ответил тебе на последнее письмо[71] с 2 ф. ст., так как ждал окончания переговоров с Бебро. А тем временем Рошер написал мне.

Надеюсь, что Рошер назначит мне встречу завтра в любое время, если он не может утром, ибо мне хотелось бы поговорить с ним о вопросе, который я считаю важным.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 11 октября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Г-н Ларчин после консультации со своим другом — инженером-электриком г-ном Фостером (довольно известным человеком) сделал мне окончательно предложение. Я должен получить 10 000 ф. ст. — четвертую долю в прибылях и стать управляющим предприятия.

Но предварительные затраты уж очень незначительны.

1) Он предоставляет мне место для работы; это вполне приемлемо и удобно.

2) Затем он обеспечивает меня необходимыми материалами на сумму, не превышающую 60 ф. ст.; и это тоже неплохо,

3) но он не может снабдить меня приборами (то есть испытательными и измерительными приборами), а это уже совсем скверно, ибо что, собственно, можно сделать без них? Когда я сказал ему об этом, он заявил, что испытание будут производить покупатели, и с этим я не могу согласиться. Ведь какой-нибудь дефект можно обнаружить только тогда, когда сам испытаешь батарею, а не до этого, ибо без испытания я не могу узнать силу тока; и в том случае, когда батарею должны ис-

пытывать сами покупатели, тоже нельзя допустить, чтобы она имела дефекты, а ведь она должна действовать в течение 3 месяцев. Я мог бы пренебречь дефектами, если бы батарея должна была работать в течение 3 недель, но не могу пренебречь ими в данном случае.

4) Он платит мне 3 ф. ст. в неделю на жизнь. Эта сумма, хотя и вполне достаточна мне для жизни, не может быть достаточной в данном случае, поскольку на приобретение многих приборов и материалов (таких, как приборы для карбонизации и гальванического покрытия слоем серебра) потребуются затраты в 10—12 ф. стерлингов.

Он не может предоставить мне эту сумму, но даже если бы и мог, я не хотел бы ему говорить, поскольку это не оговорено в патенте.

Ты ошибаешься, если полагаешь, что я не доверяю людям, которые заслуживают доверия. Разумеется, эти люди могут выдвинуть свои собственные идеи, выводя их на основании моих идей. И они могут внести ряд усовершенствований даже в мою батарею (и эти усовершенствования будут, по существу, принадлежать им), в то время как я могу это сделать сам, если приму меры предосторожности и не оставлю им много возможностей в этом отношении.

К тому же, вышеупомянутые 3 ф. ст. в неделю кажутся мне слишком мизерной платой и, вероятно, могут даже скомпрометировать меня в глазах покупателей.

Поэтому я хотел бы отделаться от четвертого параграфа, а если возможно, и от всех четырех параграфов.

Располагая суммой в 100 ф. ст., я бы легко сумел достать приборы, небольшую рабочую комнату, материалы и оплатить расходы на свою жизнь. А результаты будут видны уже по израсходовании 20 ф. ст., через 7 — 10 дней, и, следовательно, если эти результаты окажутся неудовлетворительными, то дальнейшие затраты будут бесполезны; но если результаты окажутся удовлетворительными, то можно будет без опасения производить дальнейшие затраты.

Не сочтешь ли ты для себя удобным принять участие в этом деле на условиях, что получишь какой захочешь процент (не ниже 10 процентов) и дашь мне ссуду для подготовительных работ, то есть 20 ф. ст. сразу и около 80 ф. ст. после того, как будут получены удовлетворительные результаты?

В качестве гарантии возврата 20 ф. ст., а также всех тех денег, которые я от тебя получил и могу получить, может служить мое соглашение с г-ном Кристи, прилагаемое к настоящему письму.

Мои заграничные патенты утрачены так же, как и 3000 ф. ст., но 500 ф. ст., из коих 125 надо будет уплатить патентному агенту, будут выплачены, без всякого сомнения, через два или три месяца.

Я хотел бы, чтобы ты дал тот или иной ответ г-ну Рошеру, так как он хочет посоветоваться с тобой сегодня вечером.

Преданный тебе

Л. Гартман

P. S. В случае если ты согласишься с вышеупомянутым предложением, можешь наклеить марку на это письмо или я пришлю тебе другое.

Прилагаемая копия моего соглашения с г-ном Кристи написана им самим и, как можно видеть из письма г-на Мура, оформлена совершенно правильно юридически, то есть является ценным документом.

В случае твоего согласия я хотел бы покончить со всем этим делом и приступить к работе, как только ты будешь готов.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 12 октября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Получил твой ответ с документом [71]. Я еще не видел г-на Рошера, но надеюсь увидеть его завтра.

Я писал тебе, что должен получить работу с оплатой в 3 ф. ст. в неделю. Но теперь меня очень огорчили, так как мне сказали, что я получу работу после 21 октября, то есть накануне открытия выставки. А пока я без дела и очень бедствую.

Мне нужно найти 3 ф. ст. до субботы, и сейчас остается единственная возможность — попросить их у тебя. Если ты не откажешь, пошли их по почте; если же откажешь, то ответь завтра.

Преданный тебе

Л. Гартман

Выдано авансом до 14 октября включительно *:

3 июля	16 ф. ст.	29 сентября	2 ф. ст.
11 июля	2 » » 15 шилл.	7 октября	2 » »
24 августа	1 » » 10 »	14 октября	3 » »
7 сентября	2 » » 10 »		13 » » 15 шилл.
			29 ф. ст. 15 шилл.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Позднейшая приписка Энгельса. *Ред.*

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 19 октября 1882 г.

Дорогой Энгельс!

Благодарю тебя за 3 ф. ст., которые я получил. Завтра я начинаю делать свою батарею, поскольку материалы еще не прибыли.

Следовательно, я не получу своих 3 ф. ст. за эту неделю от г-на Ларчина, а так как мне надо жить, то я вынужден снова просить у тебя 2 ф. ст. 10 шиллингов.

На этот раз я могу обещать тебе, что больше не буду просить тебя о помощи.

Если не откажешь, то пришли мне деньги не почтовым переводом, а в заказном письме.

С дружеским приветом

Твой *Л. Гартман*

P. S. Передай от меня благодарность Шорлеммеру за его «Химию».

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 17 декабря 1882 г.

Дорогой Энгельс!

До сих пор я не знаю, какие шаги мне предпринять и когда.

Следовательно, я попросил бы тебя помочь мне, прислав 3 ф. ст. Если затем я сочту необходимым уехать, то, надеюсь, что ты дашь мне еще 12 ф. стерлингов.

Я приду к тебе завтра вечером после 8 часов.

Преданный тебе

Л. Гартман

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

[Париж], 17 марта 1883 г.

Дорогая мадемуазель Элеонора!

Благодарю Вас за то, что Вы вспомнили обо мне в Вашем великом горе. Да, Вы правы, совершенно правы, рассчитывая на мое сочувствие, потому что, независимо от моей дружбы к Вашему отцу, этой выдающейся личности, и к Вам, я по опыту знаю, что значит быть одиноким в толпе более или менее приятных знакомых, в сутолоке повседневной работы и борьбы, которые занимают Ваши мысли, утомляют Ваши нервы, но все-таки не заполняют пустоты в личной жизни. Работаешь, исполняешь свой долг, но место рядом с Вами не занято, все, что делало работу приятной и долг легким..., всего этого нет и не будет. Остается одно утешение — если только подобное чувство может служить утешением — это сознание того, что есть множество людей еще более несчастных, людей, никогда не имевших возле себя любимых и уважаемых близких, которые делали бы их жизнь прекрасной, работу приятной, долг легким. Мало кому выпадает счастье иметь такую семью, как Ваша, хранить у себя в памяти образ людей, столь достойных любви и уважения, как те люди, которых Вы только что потеряли... Это, конечно, отнюдь не утешение, но, дорогая мадемуазель Элеонора, я не верю в утешения, считаю нелепой всякую попытку утешить кого-нибудь в большом горе. Только время, безразличное ко всем несчастьям, ко всем страданиям, зарубцовывает, помимо нашей воли, живую рану, оставляя навсегда рубец...

Узнав о тяжелой потере, которую понесла наука и социалистическая партия всего мира, я успел до отъезда Лафарга только наспех набросать несколько слов от имени своих соотечественников-социалистов для прочтения над могилой великого усопшего [263]. Я боюсь, что эти несколько слов, написанные наспех и в состоянии духа, которое очень затрудняло эту работу, окажутся мало достойными того человека, к которому я обратился с последним прости. Но я не в состоянии был написать лучше, удар был еще слишком чувствителен и слишком тяжел. Написать Вам с Лафаргом я не решался и едва решаюсь делать это сейчас.

Я буду очень благодарен Вам, дорогая мадмуазель Элеонора, если через некоторое время, когда жестокая нобходимость продолжать жить и действовать, несмотря на горе, заставит Вас вернуться к ужасной банальности повседневной жизни, — я буду очень благодарен Вам, если Вы сообщите мне что-нибудь о себе, о Вашеих занятиях, Ваших планах на будущее, одним словом о том, как Вы собираетесь устроить свою

жизнь, какое решение Вы намерены принять. Поверьте, что все это меня живо интересует.

Примите, дорогая мадемуазель Элеонора, уверения в моей самой искренней дружбе.

Петр Лавров

P. S. Я не знаю, каким образом сообщить эту тяжелую весть Лопатину, а не напишете ли Вы Ковалевскому? Его личного адреса я не знаю, но письма можно адресовать на Московский университет.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ОБЩЕСТВО РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ-ЭМИГРАНТОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Женева, 18 марта 1883 г.

Общество русских социалистов-эмигрантов в Женеве выражает скорбь по поводу утраты великого учителя.

Лопатин
Плеханов
Бардина

Публикуется впервые

Печатается по телеграфному бланку

Перевод с немецкого

СТУДЕНТЫ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ — РЕДАКЦИИ «DAILY NEWS»

ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Москва, 18 марта 1883 г.

Благоволите передать г-ну Энгельсу, автору «Положения рабочего класса в Англии» и близкому другу покойного Карла Маркса, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

«Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов Петровской земледельческой академии в Москве».

Г-на Энгельса просят сообщить свой адрес и стоимость венка; расходы будут ему немедленно возмещены.

Студенты Петровской академии в Москве

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 355

СЛАВЯНСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ СОЮЗ В ЦЮРИХЕ «СЛАВИЯ» — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Цюрих, 19 марта 1883 г.

Милостивый государь!

Согласно постановлению общего собрания союза «Славия» от 18 марта 1883 г. — союза молодежи славянских стран, проживающей в Цюрихе, мы спешим выразить нашу глубочайшую скорбь по поводу преждевременной кончины Карла Маркса, гражданина мира и неустанного борца за права пролетариата всех народов. Мы просим Вас передать близким дорогого и незабвенного усопшего чувства, которыми это печальное событие преисполнило наш союз.

Мы выражаем надежду, что в память Карла Маркса будет учрежден особый международный фонд его имени для оказания помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для поддержки самой этой борьбы. С этой целью союз «Славия» будет проводить среди своих членов постоянные сборы. Посылаем первый взнос в сумме 5 марок, собранных в нашем кругу.

Вам, верному соратнику нашего дорогого покойного, мы передаем уверения в нашем особом уважении и почтении.

От имени союза

Председатель *А. Масье*

Секретарь *И. Теодоров*

P. S. Так как среди нас есть люди, которые намерены вернуться в Россию легальным путем, то мы просим Вас в случае опубликования этого письма не упоминать названия нашего союза.

Председатель *А. Масье* *

Адрес: Союз «Славия»
Oberstrass bei Zürich.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* На письме печать: Союз «Славия», Цюрих. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 24 марта 1883 г.

Дорогой Лавров!

Я получил длинную телеграмму из Москвы, в которой меня просят возложить венок на могилу Маркса от имени студентов Петровской земледельческой академии. Не имея моего адреса, они телеграфировали в редакцию «Daily News». Теперь они просят меня сообщить стоимость венка и мой адрес. Но телеграмма без подписи; подписано: студенты Петровской академии в Москве.

Кому отвечать? Не посоветуете ли Вы мне? Так как телеграмма пришла после похорон, а могила была снова открыта сегодня, чтобы похоронить в ней маленького сына Лонге*, умершего в прошлый вторник, я смогу возложить венок только на будущей неделе. Но я бы хотел сообщить этим славным ребятам, что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня поручение.

Очень спешу.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 388

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 26 марта 1883 г.

Дорогой Энгельс!

Я думаю, что лучшим способом сообщить Ваш ответ этим молодым людям, — это написать какому-нибудь известному профессору Академии, объяснив ему суть дела, и попросить передать Ваш ответ студентам; раз уж о нем узнает кто-либо из них, он станет быстро известен всем. Вчера я навел справки о профессорах и думаю, что было бы неплохо остановить свой выбор на профессоре Иванюкове. У него есть работы по экономическим учениям и по вопросу освобождения крестьян. Если Вы напишете, что знаете его как автора, то Ваше письмо его не скомпрометирует, тем более что из содержания письма будет видно, что он к этому делу не имеет отношения. Другой путь — написать в Московский университет Ковалевскому, а он уж сам выберет наиболее удобный способ для передачи Вашего ответа. Однако в теперешние времена, пожалуй, опаснее посылать профессору письмо, из которого видны его дружеские отношения с Вами, чем

* — Анри Лонге. *Ред.*

писать человеку, которого Вы совсем не знаете. Личный адрес Максима Ковалевского мне неизвестен, но письмо можно адресовать на университет.

В тот самый день, когда Маркс умер в Лондоне, Лопатин переходил еще раз границу России[264]. Теперь он здесь, но еще не устроился с квартирой. Его глубоко потрясло известие, которое я сообщил ему тотчас по его приезде. Он собирается написать Вам и мадемуазель Элеоноре, как только будет иметь жилье.

Прошу Вас, дорогой Энгельс, как только Вы выясните, в каком состоянии находятся рукописи нашего незабвенного друга, сообщите мне в нескольких словах, каковы Ваши планы относительно публикации II тома «Капитала» и нового немецкого издания I тома, а также не думаете ли Вы написать работу о жизни Маркса и развитии его идей; подобную работу лучше всего можете написать именно Вы. Меня, так же как и многих наших друзей, живо интересует все это. Лопатин говорит, что он никак не может осознать, что Маркса нет в живых.

Сердечно жму Вашу руку. Прошу передать мой самый дружеский привет мадемуазель Элеоноре.

Петр Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 28 марта 1883 г.

Дорогой Энгельс!

Надо ли говорить Вам, как тяжело мне было узнать о смерти Маркса? Надо ли говорить Вам, как искренне и глубоко я сочувствую Вашему собственному горю? Я надеюсь, что Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы избавить меня от выражения на ломаном английском языке своих сокровенных чувств по поводу этого горестного события.

Я слышал от Лаврова о Вашем последнем письме к нему * и постараюсь узнать через одного из московских студентов фамилии лиц, пославших эту телеграмму **.

Вместе со всем научным и социалистическим миром я с нетерпением жду результатов первого просмотра бумаг Маркса.

Примите еще раз выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности

Вашего *Г. Лопатина*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. настоящий сборник, стр. 483. *Ред.*
** Там же, стр. 481. *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

[Париж], 28 марта 1883 г.

Дорогая мисс Тусси!

У меня действительно нет слов, чтобы высказать Вам, как тяжело мне было получить известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России [264]. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня счастья еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца.

Не сердитесь на меня, что я не написал Вам сразу. Вы знаете, как мне всегда было трудно писать на чужом языке, а за четырехлетнее пребывание в России, трудность в этом отношении, как Вы легко можете себе представить, еще больше возросла. К тому же, в течение всех этих первых дней у меня не было собственного угла, и только сегодня я нашел, наконец, маленькую комнату, где могу думать и чувствовать, оставаясь наедине с собой. Я пользуюсь первыми минутами уединения, чтобы написать Вам это письмо.

Примите, дорогая мисс Тусси, выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности

Вашего *Германа Лопатина*

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 16 (28) марта 1883 г.

Милостивая государыня!

Позвольте мне выразить глубокое сочувствие в связи с постигшим Вас горем, которое является, несомненно, и горем всех тех, кому были дороги интересы науки, представителем которой был Ваш отец.

Его друзья, вероятно, издадут те части его трудов, которые еще не опубликованы. Если мое предположение верно, то я был бы очень рад послать все новые данные относительно экономической жизни России,

тем более что я знаю, какое научное значение придавал Ваш отец экономическим отношениям.

Я хотел бы узнать: 1) нужны ли такие материалы, 2) что, в частности, нужно, 3) под чьей редакцией будут издаваться труды Вашего отца? г-на Энгельса? Если моя догадка верна, то я попросил бы его прислать мне свой адрес для того, чтобы я мог отправлять ему необходимые материалы.

Намереваются ли друзья Вашего отца, кроме издания его трудов, выпустить в свет также его письма к разным лицам? Если такое намерение существует, то я перешлю, для копирования, те письма, которые я получил от него.

Остаюсь преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. II (XII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 31 марта [1883 г.]

Дорогой Энгельс!

Посылаю Вам при сем почтовый перевод на 124 франка 50 сантимов, полученные П. Кранцом * из Петербурга «от студентов Технологического института и от русских курсисток» для возложения «венка на могилу Карла Маркса». Я собираюсь поместить в одной из ежедневных петербургских газет (вероятно, в газете «Новости») извещение о передаче Вам этих денег. Они посланы полуофициально, а потому, если Вы решите опубликовать сообщение, что деньги Вами получены и использованы по назначению, то я попрошу Вас прислать мне вырезку с этой заметкой [265]; я перешлю ее в Петербург. Предупреждаю Вас, что имени П. Кранца я в своем извещении упоминать не буду.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* Псевдоним П. Лаврова. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 2 апреля 1883 г.

Дорогой Лавров!

Спешу подтвердить получение Вашего письма с переводом на 124 франка 50 сантимов. Я смогу получить их не раньше среды, потому что завтра должен разбирать рукописи Маркса. Исполнив поручение, я намерен поместить сообщение в цюрихском «Sozialdemokrat» и буду просить редакцию послать Вам несколько экземпляров этого номера. Само собой разумеется, что имя гражданина Кранца не будет упомянуто.

Я нашел рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Формы процесса, взятого в целом», около 1 000 страниц ин-фолио [81]. Пока еще нельзя сказать, может ли эта рукопись быть напечатана в том виде, в каком она есть. Во всяком случае мне придется ее переписать, потому что это — черновик. Завтра у меня будет, наконец, время, чтобы посвятить несколько часов беглому просмотру всех рукописей, оставленных нам Мавром. Особенно меня интересует очерк диалектики, который он давно хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он понимал: если мы узнаем, что у него что-нибудь готово, то будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать. Все это между нами, я не имею права ничего печатать без Тусси, которая вместе со мной является его литературной душеприказчицей.

Известие о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин благополучно вернулся на волю [264], явилось для всех нас приятной неожиданностью. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях. Передайте ему от меня горячий привет.

Преданный Вам.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 3—4

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 21 сентября 1883 г.

Дорогой Энгельс!

Не будете ли Вы так добры дать мне рекомендацию для представления в правление Британского музея и не заполните ли с этой целью прилагаемую

здесь форму? Мой хозяин, являющийся владельцем меблированных комнат, не может сделать этого для меня как своего жильца.

Я обращаюсь к Вам письменно, потому что опасаюсь, что смогу зайти к Вам не раньше, чем завтра или послезавтра.

Я пытался увидеть мисс Тусси, но не смог найти ее ни на квартире, ни в Музее.

Преданный Вам

Г. Лопатин

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 сентября 1883 г.

Получил от Ф. Энгельса для передачи П. Лаврову 1 ф. ст. 13 ш. 9 п. как остаток от суммы, присланной для возложения венков на могилу К. Маркса.

Герман Лопатин

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VII—VIII, 1928 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж, 2 октября 1883 г.

Получил от г-на Фридриха Энгельса 1 ф. ст. 13 ш. 9 п. как остаток денег, присланных для возложения венков на могилу Карла Маркса.

Петр Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева, первая половина ноября 1883 г.]

Гражданину Фридриху Энгельсу.

Я пишу Вам это письмо, уважаемый гражданин, с целью узнать, как Вы относитесь к проекту издания перевода второго тома великого творения Маркса.

Находясь в положении эмигрантов, мы можем взяться за это только в том случае, если русское правительство окажется достаточно глупым, чтобы запретить распространение книги, что, впрочем, оно постоянно делало в отношении «Капитала».

Поэтому я очень прошу Вас, гражданин, сообщить нам, можно ли предпринять это издание в С.-Петербурге или нет. Вы, вероятно, лучше осведомлены, чем мы, так как издатели не могли не обратиться к Вам по поводу перевода.

Если второй том «Капитала» не будет издаваться в Петербурге, то не согласитесь ли Вы, гражданин, дать нам возможность начать перевод как можно скорее?

Одновременно посылаю Вам наше объявление, которое разъяснит Вам, какие цели ставит перед собой наша группа, а также перевод «Наемного труда и капитала» Маркса [266]. Мой перевод «Развития социализма» в настоящее время печатается.

Очень прошу Вас, гражданин, соблаговолить ответить мне по адресу г-на Концетта, «Народная книготорговля», Хоттинген-Цюрих, для г-на Аксельрода.

Примите, гражданин, уверения в моей преданности.

Вера Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 13 ноября 1883 г.

Дорогая гражданка!

Я совершенно не в состоянии ответить на те вопросы, с которыми Вы обратились ко мне. Издание второго тома «Капитала» на языке

оригинала очень затягивается. Мне пришлось до сих пор заниматься главным образом третьим изданием первого тома *.

До сих пор я не получал из Санкт-Петербурга сведений относительно планов издания там русского перевода второго тома. Не думаю, чтобы в настоящее время в русской столице помышляли о подобном издании; несомненно, сначала захотят ознакомиться с немецким текстом.

С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что наступления кризиса можно ждать со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свободы печати добьются прежде, чем в Германии. А в этом случае переводчик первого тома Г. Лопатин [14] мог бы претендовать на право перевода второго тома.

Мне кажется поэтому, что было бы несколько преждевременным в настоящий момент стремиться прийти к какому-нибудь окончательному решению. Я принимаю к сведению Ваше любезное предложение и сердечно за него благодарю. Может быть, через несколько месяцев положение станет яснее, и тогда мы снова сможем об этом побеседовать.

Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что именно Вы взяли на себя перевод моего «Развития и т. д.». Жду с нетерпением появления Вашего труда и вполне ценю честь, которую Вы мне оказываете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, уверения в моей глубокой преданности.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 61—62

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж, конец 1883 г.]

Дорогой Энгельс!

Рекомендую Вам моего молодого русского друга г-на Тилло, почитателя Ваших и Маркса́ трудов и сочувствующего нашему движению.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и Ваша работа продвигается вперед.

Дружески жму Вашу руку.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — на немецком языке. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 28 января 1884 г.

Дорогой Лавров!

Около трех недель тому назад я послал Вам номер «Standard» со статьей, которая могла представлять для Вас интерес [267]. Надеюсь, Вы его получили.

Я занимаюсь — здоровье, наконец, позволяет мне это — разборкой книг и т. д., оставленных Марксом. Среди прочего имеется вся та русская библиотека, которая составилась благодаря любезности Даниельсона и содержит очень важные материалы о современном социальном положении в России. Там собрано почти все, что вышло из печати. В моем возрасте и при моей чрезмерной загруженности я лишен возможности *a novo* * приняться за углубленное изучение России, которое, к несчастью, прервалось со смертью нашего друга. Тогда мне пришла мысль, что наш долг — предоставить эти книги в Ваше распоряжение, и Тусси согласилась со мной. Вы, как признанный представитель русской революционной эмиграции и старый друг покойного, конечно, больше, чем кто-либо другой, имеете право на собрание книг, составленное благодаря преданности Ваших и наших друзей в России, — с тем, чтобы оставить его в Вашем личном пользовании или чтобы оно послужило ядром для создания библиотеки русской революционной эмиграции. Если Вы согласитесь, я Вам могу послать эти книги — на Ваш адрес или по любому другому адресу, который Вы мне укажете в течение февраля. Я оставлю здесь только те книги, из которых Маркс сделал выписки, а также те, которые могут мне понадобиться для второго тома «Капитала». За вычетом всех этих книг наберется приблизительно около ста томов.

Что касается второго тома, то я, наконец, начинаю в нем разбираться. Для второй книги, «Обращение капитала», для наиболее важных ее частей, для начала и конца, у нас есть варианты, сделанные в 1875 г. и позднее. Тут надо будет только привести цитаты согласно имеющимся указаниям. Для средней части книги есть не менее четырех вариантов, написанных до 1870 года; в этом единственное затруднение. Третья книга — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» — существует в двух вариантах, написанных до 1869 года; к более позднему времени относятся только несколько заметок и целая тетрадь, представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли **. Но выписки

* — вновь. *Ред.*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 6. *Ред.*

из книг о России[268] и о Соединенных Штатах содержат множество материалов и заметок о земельной ренте; другие относятся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам как орудию кредита и т. д. Я еще не знаю, в какой мере смогу их использовать для третьей книги, — может быть, лучше будет объединить их в отдельном издании. Я так, несомненно, и сделаю, если включение их в «Капитал» представит слишком большие трудности. Для меня важнее всего, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением *Маркса*.

Со дня на день мы ждем экземпляров третьего издания первого тома *; мы Вам пошлем один из них, как только получим.

Женевские русские издания — «Манифест» и т. д.[269] — доставили мне большое удовольствие.

Только что получил письмо от двух поляков, Кшивицкого и Сосновского. Они просят нашего разрешения на польский перевод «Капитала»[270]. Конечно, мы это разрешение дали **. Сосновский находится в Париже. Может быть, Вы случайно знаете этих граждан?

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 83—84

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 30 января 1884 г.

Дорогой Энгельс!

Прежде всего благодарю Вас и мадемуазель Элеонору Маркс за то, что вы подумали обо мне, когда встал вопрос о русской части библиотеки нашего покойного друга ***. Моя дружба с ним и то глубокое уважение, с каким я относился и отношусь к его трудам, сделают для меня вдвойне дорогими книги, которые Вы мне пришлете. Так как моя библиотека к услугам всех моих соотечественников, которым нужно выполнить какую-либо работу, то этими книгами смогут пользоваться очень многие.

Я счастлив, что Вы чувствуете себя лучше и что Вы принимаетесь за подготовку второго тома «Капитала». Все спрашивают у меня, когда предполагается выход этого тома. Может быть, было бы целесообразно издавать его отдельными выпусками по мере того, как Вы будете окон-

* — третьего немецкого издания первого тома «Капитала». *Ред.*
** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 36, стр. 82. *Ред.*
*** — Маркса. *Ред.*

чательно подготавливать его для печати? Во втором томе нашего «Вестника Народной Воли» [271] я даю обзор социалистического движения и деятельности рабочих и революционных организаций в различных странах и сообщаю там же, что, кроме немецкого и английского изданий первого тома «Капитала» и издания второго тома того же труда, Вы готовите полное собрание сочинений Маркса и его подробную биографию. Очень своевременным было бы переиздание старых работ Маркса, так как многие из них невозможно достать. Здесь нельзя было найти ни одного экземпляра ни «Нищеты философии», ни «К критике» *. Недели две тому назад мне предложили опубликовать в нашем «Вестнике» перевод одной статьи Маркса, появившейся в 1850 г. в «Neue Rheinische Zeitung» под заглавием: «С 1848 по 1849» **. Но у меня нет никакой возможности достать здесь «Neue Rheinische Zeitung», и я никогда не читал этой статьи, а потому не знаю ни ее содержания, ни ее объема. Полагая, что Вы больны, я не решался обратиться к Вам. Но раз уж я пишу Вам, то могу посоветоваться с Вами и по этому вопросу. Что это за статья и какое место занимает она в творчестве Маркса? Вы меня очень обяжете, если дадите мне разъяснения по этому поводу.

Сосновского, который писал Вам и приходил ко мне за Вашим адресом, я знаю. Это искренний и преданный социалист и прекрасный юноша. Не знаю только, откуда возьмет эта довольно бедная группа достаточно денег для такого большого издания, как издание первого тома «Капитала» на польском языке [270].

Читали ли Вы работу Девиля, который дал краткое изложение «Капитала» на французском языке [272], и каково Ваше мнение об этой книге ***?

Дружески жму Вашу руку и желаю Вам прежде всего доброго здоровья и быстрой и успешной работы. Заранее благодарю Вас за присылку 3-го немецкого издания I тома «Капитала» [273].

П. Лавров

Передайте мой сердечный привет мадемуазель Элеоноре Маркс, когда Вы ее увидите.

Я забыл поблагодарить Вас за газету «Standard». Я не знал, что это Вы мне ее послали [267]. Это сообщение особенно интересно тем, что оно доказывает, что граф Толстой, несмотря на то, что он министр внутренних дел, не имел точных сведений о том, как все произошло на квартире Яблонского.

Доверяю Вам одну *тайну* (впрочем, Вы можете сообщить ее мадемуазель Элеоноре): Лопатин здесь; он приехал на несколько дней *по*

* *К. Маркс.* «К критике политической экономии». *Ред.*
** *К. Маркс.* «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 495. *Ред.*

партийным делам и страшно занят. Он просит передать Вам и мадемуазель Элеоноре сердечный привет, но совершенно не имеет времени написать Вам. Я только что прочел ему Ваше письмо, и он высказал надежду, что по получении корректурных листов II тома «Капитала» Вы будете постепенно пересылать их Даниельсону, с которым он скоро увидится.

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 5 февраля 1884 г.

Дорогой Лавров!

Значит, решено, книги я Вам вышлю.

Ах, этот второй том! * Если бы Вы знали, мой старый друг, как бы мне хотелось поскорее его подготовить! А вот пришлось потерять полгода из-за моей проклятой болезни. И теперь еще я не смогу всерьез приступить к этой работе раньше середины марта; это время мне понадобится для того, чтобы разобрать все книги, бумаги, газеты и т. д., а я могу, не переутомляясь, заниматься этим всего лишь по нескольку часов в день. Особенно это беспокоит меня потому, что *я — единственный из оставшихся в живых,* кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз. Что касается издания выпусками, то это отчасти будет зависеть от издателя и от германских законов. Пока я не думаю, чтобы это было подходящим для такой книги, как эта. С корректурными листами я постараюсь поступить так, как этого хочет Лопатин **. Но около двух месяцев назад Вера Засулич *** писала мне, чтобы я предоставил перевод ей ****. Я ответил, что преимущественное право на перевод остается за Лопатиным ** и что говорить об этом пока преждевременно. Но обсудить возможность публикации перевода *в России* можно было бы уже сейчас. Как Вы думаете, можно ли это сделать? Вторая книга носит чисто научный характер и трактует лишь вопросы, относящиеся к взаимоотношениям *внутри самой буржуазии.* Но в третьей будут места, которые заставляют меня сомневаться даже в возможности напечатать их в Германии при исключительном законе.

* — «Капитала». *Ред.*

** В оригинале русская буква: Л. *Ред.*

*** В оригинале написано русскими буквами: Вера З. *Ред.*

**** См. настоящий сборник, стр. 489. *Ред.*

В отношении издания полного собрания сочинений Маркса — то же самое затруднение, и это только одна из многочисленных трудностей, которые надо преодолеть. У меня около 60 листов (по 16 печатных страниц) старых рукописей Маркса и моих 1845—1848 годов. Из всего этого можно будет опубликовать только извлечения, но я не смогу взяться за это, пока не закончу работу над рукописью второго тома «Капитала». Так что остается только ждать.

Статья, о которой Вы говорите и которой у нас здесь тоже нет, вероятно, объемом от 3 до 5 печатных листов. Это сводный обзор политического развития Франции с 24 февраля 1848 до 1851 года. Это вкратце изложено в «Восемнадцатом брюмера», но все-таки статью стоит перевести. Я сам разыскиваю полный экземпляр «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», у меня есть только $^2/_5$ всех выпусков.

Девиль прислал мне свою рукопись [272] для редактирования. Так как я был болен, то ограничился лишь теоретической частью, где мне пришлось исправить очень немного. Но описательная часть составлена слишком бегло. Прежде всего она иногда непонятна тому, кто не читал оригинала, и затем он часто дает выводы Маркса, совершенно опуская условия, тогда как эти выводы только при этих условиях и являются правильными. Это иногда создает несколько искаженное впечатление. Я обратил на это его внимание, но книгу хотели выпустить как можно скорее.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 87—89

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 9 февраля [1884 г.]

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за 3-е немецкое издание первого тома «Капитала», которое я только что получил [273]. Все будут очень довольны, прочитав в нем сообщение о предполагающемся выпуске второго тома в 1884 году. — Что касается русского перевода, то я должен прежде всего передать Вам благодарность Лопатина за Вашу память о нем и сказать Вам от его имени, что в России существует группа лиц, которая решила издать перевод второго тома «Капитала» *во что бы то ни стало* [274]. Если напечатанная книга будет конфискована властями (на этот риск идут), то издание будет осуществлено за границей; но самый риск не помешает печатанию. Дело это решенное, и деньги для печатания найдутся. Но Вы опасаетесь за

немецкое издание. Может быть, в 3-й книге есть личные выпады против Бисмарка или против старого Вильгельма? Если этого нет, то мне кажется мало вероятным, чтобы книга была запрещена. Но во всяком случае это лишний довод за то, чтобы издавать книгу отдельными выпусками (второе издание, насколько я припоминаю, вышло именно таким образом). Это дало бы возможность читателям получить по крайней мере первые выпуски, куда вошли бы вторая книга, а может быть, и часть третьей. А выпуск, который оказался бы задержанным, можно было бы издать в Цюрихе, что не составит слишком большого труда.

Благодарю за Ваши разъяснения относительно статьи в «Neue Rheinische Zeitung». Нашему «Вестнику» очень трудно будет поместить переводную статью размером в 3—5 печатных листов.

Желаю Вам всего наилучшего и прежде всего здоровья. Мой самый искренний привет мадемуазель Элеоноре Маркс.

П. Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 14 февраля 1884 г.

Дорогой Лавров!

Принимаю к сведению сказанное Вами относительно русского перевода второго тома «Капитала». Когда придет время, я вернусь к этому.

Что касается немецкого издания, то Вы знаете, что в Германии мы под властью самого неограниченного произвола и что там могут запретить *все*. Маркс никогда не считался с существующими законами, он всегда высказывался откровенно, и было бы чудом, если бы второй том не дал достаточно оснований для конфискации и изъятия по закону 1878 года. Но надо рискнуть, и я, конечно, ничего не стану смягчать.

Когда Г. Лопатин * был здесь **, он мне сказал, что Н. Даниельсон хочет, чтобы я ему вернул книгу под заглавием «Труды комиссии для исследования хлебной промышленности в России» ***. Так вот, я нахожу много книг по торговле и производству зерна. Книга, наиболее подходящая к указанному заглавию, — это «Труды экспедиции, снаряженной императорскими Вольным экономическим и Русским географическим обще-

* В оригинале написано русскими буквами: Г. Л. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 91. *Ред.*
*** Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

ствами, для исследования хлебной торговли и производительности в России» *, том II, 1870.

Об этой ли книге идет речь? Если да, то по получении подтверждения от Вас я ее немедленно отошлю обратно по адресу: Мойка, 27, Санкт-Петербург.

Надеюсь, что смогу отослать Ваши книги на будущей неделе. Некоторые из них я оставил у себя; если окажется, что они мне не понадобятся для второго тома, я отправлю их Вам позже.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 94—95

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Женева, 2 марта 1884 г.

Уважаемый гражданин!

Мы просим Вас разрешить нам напечатать русский перевод книги Карла Маркса «Нищета философии» и прислать текст предисловия, которое, как нам сказали цюрихские товарищи, написано Вами для готовящегося немецкого издания [275]. Не будете ли Вы так добры просмотреть также корректурные листы русского издания и сделать, если понадобится, свои замечания.

Опубликование этой книги будет, безусловно, очень полезным. Прудон пользуется у нас слишком большим почетом, и многие из молодежи, приступая к изучению социального вопроса, начинают с того, что ломают себе голову над его многотомными сочинениями и запутываются в его противоречиях. Но «Нищета философии» не будет иметь, конечно, широкого круга читателей — несколько сот человек, самое большее. Зато «Развитие...» [266] будет читаться тысячами и произведет большое впечатление на умы, в этом я не сомневаюсь. Вас это, может быть, удивит, но наши молодые кружки народовольцев и народников именно сейчас начинают более чем когда-либо интересоваться вопросами теории. У нас требуют только «серьезных» книг, а в России многочисленные якобы серьезные произведения размножаются на гектографе. Прием, оказанный в России нашему начинанию — пропаганде научного социализма, предвещает нам успех, далеко превосходящий все наши ожидания. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы, гражданин, взяли на себя труд посоветовать нам, какие книги следует переводить.

* Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

Вы пишете в своем письме *, что политическое положение в России настолько напряженное, что наступление кризиса можно ждать со дня на день. Вы имеете в виду финансы, по всей вероятности? В других отношениях положение, как мне кажется, сейчас менее напряженное, чем 2—3 года тому назад.

Примите, гражданин, уверения в моей преданности.

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Лондон], 3 марта 1884 г.

Дорогой Лавров!

В прошлую пятницу я Вам послал через контору братьев Флажоле, 27, rue Paul Lelong, Paris, ящик с известными Вам книгами **. *Расходы по пересылке уплачены здесь;* если их с Вас потребуют, немедленно известите меня об этом. В случае неполучения будьте добры востребовать книги по указанному адресу.

Отправлено отсюда через гг. Джиттенс и К°.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 103

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 6 марта 1884 г.

Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе [275]. Само собой разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может быть Вам полезен. Вот что я предполагаю сделать.

* См. настоящий сборник, стр. 490. *Ред.*

** См. там же, стр. 491. *Ред.*

Кроме немецкого перевода, в настоящее время в Париже печатается новое французское издание. Я пишу кое-какие примечания к этим двум изданиям и текст их пришлю Вам.

В качестве предисловия можно взять статью Маркса «О Прудоне» из берлинского «Social-Demokrat» (1865 г.), где сказано почти все, что нужно. Она будет напечатана в начале обоих новых изданий — французского и немецкого. Статья эта сохранилась только в одном экземпляре, принадлежащем архиву нашей партии в Цюрихе. Если не найдется другого среди бумаг Маркса или моих (я узнаю это в ближайшие недели), Вы легко сможете получить копию этой статьи через Бернштейна.

Для немецкого издания мне придется написать специальное предисловие *, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов, будто Маркс в «Капитале» совершил плагиат у Родбертуса, и доказать, что, наоборот, Маркс подверг Родбертуса критике уже в «Нищете», до того как Родбертус написал свои «Социальные письма». Мне кажется, что для русской публики, куда еще не проникли наши псевдосоциалисты, это не представляет интереса. Впрочем, судите сами, предисловие, если угодно, в Вашем распоряжении.

То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России. Вы просите меня указать Вам книги для перевода. Но ведь Вы уже перевели или обещали перевести почти все произведения Маркса; из моих Вы уже взяли лучшие; остальные наши немецкие книги либо слабы в теоретическом отношении, либо ограничиваются вопросами, представляющими интерес главным образом для Германии. В последнее время французы написали довольно много хороших вещей, но все это пока лишь первые ростки. Краткое изложение «Капитала», сделанное Девилем [272], удачно в своей теоретической части, но описательная часть написана слишком бегло и почти непонятна для того, кто не знаком с оригиналом. К тому же оно слишком велико для краткого изложения. Тем не менее, мне кажется, что, если его переработать, из него можно было бы сделать хорошую вещь. Краткое изложение «Капитала» было бы во всяком случае полезно в стране, где саму книгу можно достать лишь с трудом.

Говоря о положении в России, я, конечно, имел в виду, в частности, также и финансы, но не исключительно их. Положение правительства, которое, подобно петербургскому, находится у последней черты, и царя-пленника, каким является гатчинский отшельник **, не может не стано-

* *Ф. Энгельс.* «Маркс и Родбертус». *Ред.*
** — Александр III. *Ред.*

виться все более и более напряженным [56]. Как дворяне, так и крестьяне разорены, армия оскорблена в своих шовинистических чувствах и возмущена при виде государя*, который постоянно прячется; необходима внешняя война для того, чтобы дать выход «дурным страстям» и всеобщему недовольству, и в то же время развязать ее невозможно из-за отсутствия денег и из-за неблагоприятной политической конъюнктуры; сильная национальная интеллигенция горит желанием разорвать сковывающие ее цепи; и при всем том полнейшее отсутствие денег и нож деятелей*, приставленный к горлу правительства, — мне кажется, с каждым месяцем положение должно становиться все более невыносимым, и если бы нашелся конституционно настроенный и смелый великий князь, само русское «общество» должно было бы увидеть в дворцовом перевороте наилучший выход из этого тупика. Спасут ли Бисмарк и Блейхрёдер своих новых друзей? Сомневаюсь. Я скорее склонен задать себе вопрос, которая из двух договаривающихся сторон будет обворована другой.

Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове»** ли или в «Отечественных Записках»** он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» [46]. Он написал этот ответ***, который, по-видимому, был предназначен для опубликования в России, но так и не послал его в Петербург, боясь, что одно его имя поставит под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Ваш перевод моей брошюры**** я нахожу превосходным. Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 104—106

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 7 марта 1884 г.

Дорогой Энгельс!

Получил позавчера Вашу открытку. Вчера справлялись от моего имени у г-жи Флажоле относительно ящика, но еще ничего не получено. Се-

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** Название журнала написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*
**** *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*

годня я получил сперва извещение из Булони на море о том, что ящик отправлен вчера, а затем мне его доставили. С меня не спросили никакой платы. Итак, мне остается лишь поблагодарить Вас и мадемуазель Элеонору Маркс за только что доставленный ценный подарок. Надеюсь, Вы по-прежнему здоровы.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 апреля (2 мая) 1884 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо Вам за экземпляр третьего издания «Капитала» *. Эта книга представляет собой неиссякаемый источник новых идей.

Очень приятно было прочесть в предисловии **, что второй том появится в течение этого года.

«Хлебная торговля» получена.

Так как Вы намерены издать полное собрание сочинений Маркса, то не потребуются ли Вам некоторые из его произведений, которых, возможно, у Вас нет под рукой? (Например, «Deutsche Jahrbücher», «Критика критической критики», «Нищета...», «Два политических процесса», «Разоблачения», «Господин Фогт».)

«Наш общий друг» *** шлет Вам привет.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Е. Э. ПАПРИЦ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 26 июня 1884 г.

Многоуважаемый г-н Энгельс!

Позволяю себе обратиться к Вам за советом, в уверенности, что Ваш совет будет, несомненно, лучшим из всех, которые могут быть даны по интересующему меня вопросу.

* — третьего немецкого издания первого тома «Капитала». *Ред.*
** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 27—29. *Ред.*
*** — Лопатин. *Ред.*

Существует довольно распространенное мнение, что русские социалисты лучше других подготовлены к революции. Мне кажется, что этот взгляд верен только наполовину. Преследования вызывают у них большую силу сопротивления, увеличивают, быть может, их энергию. Но, с другой стороны, русские являются невеждами в общественных делах. В случае революции русские социалисты не будут знать, что делать со своей победой, они ее не удержат, потому что у них нет ни твердых принципов, ни организации, ни настоящих научных знаний (за немногими счастливыми исключениями). Если бы Вы могли познакомиться с социалистическими брошюрами, распространенными среди русской молодежи, я уверена, Вы согласились бы со мной. Они продиктованы чувствами, а не идеями, не знаниями. Они поднимают революционный дух, но не дают глубоких познаний. Возможно, что почва для революции в России подготовлена, но разве может быть хорошей жатва, если плохи посевы?

Именно поэтому с целью распространения в русском обществе идей научного социализма в Москве предпринято издание литографированного журнала «Социалистическое знание» [276] (печатать его, к сожалению, невозможно). Программа включает переводы работ о научном социализме.

Не будете ли Вы так добры назвать малоизвестные статьи, как Ваши, так и Маркса, которые были в свое время опубликованы в прессе. За исключением «Положения рабочего класса в Англии», «Жилищного вопроса», «Социализма утопического и социализма научного» ничего не переведено. В настоящий момент я перевожу «Наброски к критике политической экономии». Я очень хотела бы иметь последний манифест к английским рабочим, но не могу найти его. Не будете ли Вы добры указать мне, где его можно достать, а также, где можно купить в Лондоне «Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом».

Прошу Вас, не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим учиться, так как глубоко убеждены, что невежество не ведет ни к чему хорошему и только наука может осветить нашу дорогу.

Разрешите, милостивый государь, выразить Вам мое глубочайшее уважение.

Всегда готовая к услугам

Евгения Паприц

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IV, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Е. Э. ПАПРИЦ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 26 июня 1884 г.

Сударыня!

Про литографированный журнал [276], о котором Вы говорите, я уже слыхал, хотя мне еще не удалось увидеть ни одного экземпляра.

Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы, наверное, знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски некоторые из наших работ, а вскоре выйдут и другие, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., — «Lohnarbeit und Kapital» («Наемный труд и капитал» *), — тоже принадлежит к этой серии и напечатана под упомянутым заглавием [266].

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Наброски и т. д.». Хотя я и теперь еще немного горжусь этой своей первой работой в области общественных наук, я очень хорошо знаю, что в настоящее время она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и ляпсусов. Боюсь, как бы она не вызвала больше недоразумений, чем могла бы принести пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр книги: «Переворот в науке и т. д.» **.

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь трудно было бы разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставшихся после Маркса, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к *английским* рабочим Вы говорите. Может быть, Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции»,

* Слова в скобках написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг». *Ред.*

манифест Интернационала по поводу Парижской Коммуны? Его я могу Вам послать.

Если бы здоровье мне позволило, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя *дома* я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. — Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда к Вашим услугам около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 147—148

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Женева, 5 октября 1884 г.

Прежде всего прошу извинить меня, гражданин, за то, что я не ответила на Ваше последнее письмо *. Я получила его почти одновременно с злополучным известием об аресте Дейча [277] и, уехав на несколько месяцев из Женевы, не могла дать Вам своего адреса. Очень благодарю Вас (хотя и с опозданием) за присланную мне статью Карла Маркса. Она заставляет меня с еще большим нетерпением ожидать выхода второго тома «Капитала», где мы найдем, по всей вероятности, изложение взглядов великого учителя на экономическое развитие России. Я перевела статью, и мы ее скоро напечатаем [278]. Что касается «Нищеты философии», то мы все же предпочитаем подождать Вашего предисловия к немецкому изданию, так как оно, возможно, не будет лишено интереса для русского читателя. — Доказательством этому служит, между прочим, и объявление общества «Распространения социальных знаний», напечатанное недавно в типографии «Вестника Народной Воли». Первоочередной задачей в нем ставится выпуск перевода «Капитала» Родбертуса.

Я предполагаю также перевести Ваше новое произведение «Происхождение семьи и т. д.» [279] и очень прошу Вас дать нам разрешение на издание этой книги.

Преданная Вам *Вера Засулич*

Мой адрес: Genèva, Carouge, 477, Grand Bureau, г-ну Плеханову (для В. З.)

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

* См. настоящий сборник, стр. 498—500. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 17 октября 1884 г.

Дорогой друг Энгельс!

Удивили же Вы меня, написав мне письмо по-русски [71]; я и не предполагал никогда, что Вы так сильны в нашем варварском языке. На будущее время сообщите мне, как звали Вашего отца, а то, по русскому обычаю, в письме надо мне называть Вас по имени и отчеству, а я отчества-то Вашего и не знаю. — Очень благодарен за присылку Вашей книги, за чтение которой я уже принялся, и надеюсь дать отчет о ней в № 4 «Вестника» [280]. — Ковалевский в России, и ему всего лучше писать и посылать в Московский университет.

Жму крепко руку и желаю всего лучшего, в особенности здоровья.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи на русском языке

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 30 октября 1884 г.]

Большое спасибо за Ваше сообщение. Это — великая победа и счастье для Вашей страны и для нас также [281]. Пруссия является оплотом реакции; сокрушенная (а этого ждать недолго) в Берлине, она не удержится и в Петербурге.

Искренне преданный Вам

С. Степняк

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Публикуется по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 11 февраля 1885 г.

Милостивый государь!

Охотно буду посылать Вам корректурные листы II тома *, как только Вы сообщите мне, каким образом их отправлять — *бандеролью* (как

* — «Капитала». *Ред.*

печатные произведения) или в закрытом конверте, в виде письма. Дело в том, что в случае утери какого-либо листа его невозможно будет возместить до окончания печатания всего тома. Я полагаю, что к моменту получения Вашего ответа у меня будет для Вас два или три листа.

Очень благодарен Вам за сделанное некоторое время тому назад предложение предоставить в мое распоряжение имеющиеся у Вас письма г-на Уильямса *. Сейчас рукописи поглощают все мое время и внимание, но, без сомнения, наступит момент, когда я воспользуюсь Вашим любезным предложением.

Имеете ли Вы какие-нибудь известия от нашего общего друга ** после той неприятности, которая с ним недавно случилась? [282]

Будьте любезны в дальнейшем писать мне по адресу, указанному в конце письма.

Преданный Вам

П. Рошер ***

Г-же Рошер
6, Richmond Villas, Messina Avenue,
West Hampstead, N. W., London

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 242—243

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 11 февраля [1885 г.]

Дорогой Энгельс!

Хотя мне и не хотелось бы отрывать Вас от Ваших многочисленных дел, я все же вынужден обратиться к Вам с некоторыми вопросами. Вы, несомненно, знакомы с брошюрой *Густава Гросса* «Карл Маркс» (Лейпциг, 1885), — тем более, что в предисловии он ссылается на полученные от Вас сведения [283]. В этой брошюре (стр. 27 и следующие) я нашел кое-какие факты, о которых я никогда не слышал и их достоверность мне здесь никто не может подтвердить. А именно, что в 1850 г. Маркс издавал в Лондоне «ежемесячное обозрение» под заглавием «Neue Rheinische Zeitung» **** в качестве продолжения своей кёльнской газеты ***** и что выпуски этого обозрения выходили с января по ноябрь 1850 года. Верно ли это? Если нет, то возможно в упомянутой брошюре имеются и другие неточ-

* См. настоящий сборник, стр. 485—486. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*
*** — конспиративный псевдоним Энгельса в переписке с Даниельсоном. *Ред.*
**** — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». *Ред.*
***** — «Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie». *Ред.*

ности биографического характера? — Если Вы улучите минутку написать мне несколько слов по этому поводу, я буду Вам очень признателен, так как хочу дать небольшую заметку об этой брошюре в нашем журнале. — Еще один вопрос. Я хочу также поместить в журнале рецензию на Вашу статью «Маркс и Родбертус» [284], опубликованную в «Neue Zeit». Не добавлено ли к немецкому переводу «Нищеты философии» еще что-нибудь кроме этой Вашей статьи? Я еще не видел немецкого издания.—Когда Вы предполагаете выпустить второй том «Капитала» и английское издание первого тома? Мое зрение в последнее время очень ухудшилось, так что я вынужден теперь работать значительно меньше, чем прежде.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 12 февраля 1885 г.

Дорогой Лавров!

Спешу ответить на Ваши вопросы. Данные о «Neue Rheinische Zeitung, Revue» под редакцией К. Маркса, Гамбург и Лондон, 1850 г. совершенно точны. Были изданы выпуски 1—6. Издателем был Шуберт в Гамбурге. Вы сами несколько месяцев тому назад просили меня дать Вам сведения о статьях Маркса, напечатанных в этом журнале *, — о февральской революции и последовавших за ней событиях. У меня есть только три выпуска, и я тщетно старался раздобыть полный комплект. Остальные факты, указанные Гроссом, насколько мне помнится, тоже правильны (мой экземпляр у Тусси, так что я не мог их проверить). Я, конечно, не имею никакого отношения к его тупоумной критике теории Маркса. Его рекомендовали мне венские социалисты; он задал мне несколько вопросов биографического характера, и я сообщил ему необходимые факты.

В немецком переводе «Нищеты» мне принадлежит только несколько пояснительных примечаний, но там напечатана, кроме того, статья Маркса «О Прудоне» 1865 г. и его «Речь о свободе торговли» 1847 года.

Второй том «Капитала» печатается; вчера я правил четвертый лист. Последнюю часть рукописи отправляю через две недели. Самым важным будет третий том; я примусь за него, как только полностью закончу

* См. настоящий сборник, стр. 493 и 495. *Ред.*

второй. — Английское издание * затягивается; оба переводчика ** слишком заняты другой работой, чтобы с рвением взяться за дело. К лету, надеюсь, перевод будет закончен.

Мне уже говорили, что у Вас болят глаза. Не лучше ли Вам было бы на время прервать занятия, чтобы не слишком утомлять зрение? Я нахожу, что в нашем возрасте всегда лучше бороться с симптомами болезни в самом начале. Надеюсь вскоре получить от Вас более утешительные известия.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я возвращаюсь к Родбертусу, чтобы доказать, что его претензии к Марксу основаны на полнейшем невежестве в области классической политической экономии ***.

Преданный Вам

Ф. Энгельс
(Федор Федорыч) ****

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 243—244

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева, 14 февраля 1885 г.]

Уважаемый гражданин!

Одновременно с этим письмом Вы получите от автора ***** нашу новую публикацию: «Наши разногласия» [62]. Мы очень хотели бы знать Ваше мнение об этой книге ******. Ее основной темой является все тот же сакраментальный вопрос: усилия русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины. Эта книга безусловно вызовет целую бурю против нашей маленькой группы [266], ведь она нападает на самую любимую и наиболее распространенную доктрину: славянофильскую у правых и бакунистскую в революционных кружках — на «народничество». Все, что народничество могло сказать, оно уже сказало лет десять тому назад, и теперь у него нет больше сил даже на то, чтобы сделать «усилия», — повторяются лишь одни и те же фразы. А это начинает уже давать свои плоды: интеллектуальный уровень партии снижается, мыслящая молодежь, желающая действовать сознательно, перестает вступать в кружки.

Это все же не мешает время от времени убивать одного-двух жандармов, но нанести деспотизму действительный удар они, по моему мнению, уже неспособны.

* — первого тома «Капитала». *Ред.*
** — Мур и Эвелинг. *Ред.*
*** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 24, стр. 10—24; т. 21, стр. 180—194. *Ред.*
**** Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
***** — Плеханова. *Ред.*
****** См. настоящий сборник, стр. 513. *Ред.*

Даже с самой соглашательской точки зрения, какую только можно себе представить, критика, как мне кажется, стала необходимой.

Если бы я писала по-русски, я могла бы Вам, гражданин, сказать еще многое, но французский язык стесняет меня, и мне не всегда удается выразить свои мысли.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 9 (21) марта 1885 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за первые четыре печатных листа *, которые получены вовремя и в порядке.

Несколько дней назад здесь опубликована новая книга Н. Зибера: *«Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях»* [285]. Это — второе дополненное издание его прежних работ о теории ренты и о «Капитале». Если Вы не получили этой книги от автора, я буду рад послать ее Вам. Вероятно, Вы хотели бы получить некоторые новые русские труды по статистике, которые появились в 1884 году. Вы знаете, что у нас есть свои фабричные инспекторы, двое из которых (Янжул и Песков) издали свои «Отчеты» [286]. Вы можете найти в них чрезвычайно любопытные факты, иллюстрирующие состояние нашей промышленной жизни. На большей части наших фабрик, например, рабочие не получают заработную плату в течение всего года, и, не имея денег, вынуждены брать необходимые им товары в лавках своих хозяев. Это блестяще подтверждает тот экономический закон, что величина заработной платы, получаемой рабочим, находится в обратном отношении к количеству труда.

Ежедневное число часов труда	Заработная плата московского рабочего в месяц
15 часов	16 руб. 16 коп.
14 »	17 » 89 »
13 »	20 » 11 »
12 »	21 » 66 »

(*Песков.* «Санитарное исследование московских фабрик», стр. 75—76.)

* — первого немецкого издания второго тома «Капитала». *Ред.*

Из II тома «Капитала», стр. 10*, нам известно, что русские помещики жалуются на то, что со времени так называемого освобождения [крестьян] они не располагают необходимым количеством труда и что в то же самое время у них нет наличных денег для выплаты заработной платы. И посмотрите, как они справляются с этими затруднениями. Вы знаете, что наделы, которыми владеют наши крестьяне, так малы, что самый лучший урожай не может покрыть их потребность в деньгах. У них нет ни пастбищ, ни лесов. Поэтому они арендуют у помещика необходимую им землю, без которой они не могут существовать, но вместо денег они расплачиваются своим трудом, который обыкновенно оценивается помещиками очень низко. Между тем все условия *нашей* современной экономической жизни — с ее железными дорогами, банковой системой (вчера опубликован устав о новых *крестьянских банках*), торговлей, займами и т. д. и т. д., с тяжестью нашего бюджета, лежащего на плечах крестьянства — все эти условия разрушают нашу старинную общинную земельную собственность, лишая довольно значительный процент крестьян фактического пользования своими наделами. Количество так называемых бесхозяйственных хозяев растет чрезвычайно быстро. В статистических исследованиях наших земств мы находим ясный ответ на этот вопрос. Так, за последние 5 лет в Московской губернии число таких хозяев возросло на 17% — 60 000 из 180 000 не имеют хозяйств, то есть больше одной трети. В Полтавской губернии их 20%, в Тамбовской — около 5—8%, в Самарской столько же, и т. д. и т. д. Эти рабочие руки, если не юридически, то фактически не имеют никакого отношения к своей земле, они стали *свободными;* таким образом помещики и фабрики получили в свое распоряжение новые рабочие руки.

У помещиков нет наличных денег; правительство в ответ на их жалобы предоставляет им через Государственный банк необходимые деньги на короткий срок (в форме соло-векселей).

Не можете ли Вы сообщить мне, сколько печатных листов будет во втором томе** (приблизительно, конечно) и через сколько месяцев будет издание закончено?

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Мойка, 27, кв. 3. Или, если Вы предпочитаете, — Казанский мост, дом Лесникова, Общество взаимного кредита.

Извините за мой плохой английский язык.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 24, стр. 40. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 11 (23) апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за 5—9 печатные листы *, которые я получил лишь 31 (19) марта. Около 7 листов уже переведено. В следующем месяце рукопись будет сдана в типографию.

В ожидании Ваших любезных посылок остаюсь
искренне преданный Вам

Н. Ф. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше любезное письмо от 9/21 прошлого месяца и весьма благодарен Вам за очень интересные сведения, которые оно содержит **. Действительно, чрезвычайно интересно, что закон обратной пропорциональности между величиной заработной платы и продолжительностью рабочего времени подтверждается также и в России. Столь же интересно и быстрое разложение мира *** вследствие развития современной промышленности и финансовой системы, о чем свидетельствует возрастающее количество бесхозяйственных хозяев ****. Все такие факты имеют для меня огромное значение, и я буду Вам весьма благодарен, если Вы время от времени станете сообщать мне известные Вам данные об экономическом положении и развитии вашей великой страны. К сожалению, в настоящий момент все мое время до такой степени занято опубликованием рукописей *****, что я вынужден прервать не только всякую не связанную с этим работу, но даже и свои научные занятия и едва нахожу время для писем; так что теперь, как видите, я не могу воспользоваться Вашим любезным предложением посылать мне оригинальные русские

* — первого немецкого издания второго тома «Капитала». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 509—510. *Ред.*
*** Слово «мир» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
**** Слова «бесхозяйственные хозяева» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*
***** — «Капитала». *Ред.*

работы по экономическим вопросам: у меня положительно не было бы времени воспользоваться ими. Надеюсь, однако, что Вы не посетуете на меня, если я впоследствии при первой возможности позволю себе напомнить Вам о Вашем любезном обещании. А сейчас эти неоценимые рукописи служат для меня источником высшего научного *наслаждения;* без сомнения, и Вы испытаете то же чувство при чтении корректурных листов. Я отправил Вам листы 5—9 около трех недель тому назад — 27 марта, а вчера листы 10—14. Скоро пошлю Вам еще партию, тоже *заказным.* Весь II том составит около 37 листов и выйдет к концу мая. Я занят теперь III томом, представляющим собой заключительную часть, которая венчает всю работу и затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который решительно никто не способен прочесть, кроме меня, и не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан так, чтобы его во всяком случае смогли прочесть другие. После этого я смогу заняться окончательной редакцией, что будет нелегкой задачей, поскольку оригинал находится в незавершенном состоянии. Но как бы то ни было, если даже мне не суждено закончить эту работу, рукопись будет спасена от полной гибели и в случае необходимости может быть издана в том виде, в каком она есть. Этот III том — самая поразительная вещь из всего, что я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не смог при жизни довести работу над ним до конца, сам издать его и увидеть то впечатление, которое этой книге суждено произвести. После такого ясного изложения никакие прямые возражения уже невозможны. Самые трудные вопросы разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид. Боюсь, что этот III том составит целых два тома. Кроме того, у меня есть старая рукопись [287], в которой рассматривается история теории и которая тоже потребует немало труда. Итак, Вы видите, что дел у меня по горло.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 257—259

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Дорогая гражданка!

Я еще не ответил на Ваше письмо от 14 февраля *. Вот причины задержки, которая произошла, конечно, не из-за лени.

* См. настоящий сборник, стр. 508—509. *Ред.*

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия» *. Для этого мне нужно было ее прочесть. Я читаю по-русски довольно легко, когда позанимаюсь им в течение недели, но бывает, что я по полгода не имею этой возможности; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его как бы заново. Так именно и случилось с «Разногласиями» *. Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю **, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых тоже ведь не выставишь за дверь; приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют переводы (итальянские, датские и т. д.) моего «Происхождения» ***; меня просят просматривать их, а эта проверка иной раз является далеко не лишней и не легкой работой. Все эти помехи не позволили мне продвинуться дальше 60-й страницы «Разногласий» *. Если бы у меня нашлись три свободных дня, я покончил бы с этим делом и к тому же освежил бы свои знания русского языка.

Но и того немногого, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ознакомиться с разногласиями ****, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны.

Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы взять на себя смелость судить о частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение.

* Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — Эйзенгартену. *Ред.*
*** *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*
**** В черновике в этом месте зачеркнуто: «между вашей фракцией и народовольцами». *Ред.*

То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году. Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта [56]. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова) [288], и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге *. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова) [289], люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им бо̀льшую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что̀ делали, — что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели **. Посмотрите на Бисмарка — этого революционера поневоле — и Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем ***.

По-моему, самое важное — чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно. Пусть это будет **** дворцовый заговор, он будет сметен на другой же день. В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы

* В черновике в этом месте зачеркнуто: «Я не говорю — в России, так как в провинции, вдали от административного центра, такой переворот не нужен». *Ред.*

** Слово «деятели» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** — Александром III. *Ред*

**** В черновике в этом месте зачеркнуто: «дворянская или биржевая клика, — что же, в добрый час! — вплоть до». *Ред.*

народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стóит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год.

Я прощаюсь с Вами, дорогая гражданка. Уже половина третьего ночи, а завтра перед отправкой почты я не успею ничего к этому добавить. Если Вам удобнее, пишите мне по-русски, но будьте добры не забывать, что русский *рукописный* текст мне приходится читать не каждый день.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 259—264

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева, конец апреля 1885 г.]

Уважаемый гражданин!

Посылаю Вам еще три наших издания (не для того, конечно, чтобы Вы читали их, а просто, чтобы Вам их показать) [290]. Первая часть «Нищеты» уже напечатана: издание задержалось, так как перевод второй части был плохо сделан и пришлось его переделать от первой до последней строки.

Теперь несколько слов, имеющих большее или меньшее отношение к теме Вашего последнего письма. Близка или не близка революция в России, все равно мы можем воздействовать только на подлинно революционные элементы, из которых рекрутируются наши заговорщики, наши тайные общества. Так вот, для этих элементов настоящий момент не есть момент прямого действия, охоты за царем. Может быть, этот момент продлится всего 2—3 года, но сейчас даже самый ярый из бланкистов не мог бы и не может делать ничего другого, как только заниматься пропагандой. Это потому, что, с одной стороны, весь контингент наших тайных обществ состоит в настоящий момент из совсем зеленых студентов, — ибо все сколько-нибудь зрелые элементы были выметены с поля действия, — непременно должно пройти некоторое время, пока эти студенты успеют немного вырасти, чтобы стать заговорщиками, способными

организовать систематический террор наподобие террора 1880—1881 года. А с другой стороны, кредо «Народной воли» [70] уже не удовлетворяет этих студентов, за исключением нескольких небольших групп правоверных. У большинства все поставлено под сомнение, не исключая всемогущества динамита, захвата власти и даже самой сельской общины.

И не наша вина или заслуга в этом возрождении интереса к вопросам, которые считались навеки решенными, с тех пор как началась террористическая борьба. Гораздо раньше, чем наши брошюры проникли в Россию, это идейное колебание уже давало себя чувствовать очень сильно... *

Впервые опубликовано в сборнике «Литературное наследие Г. В. Плеханова», т. VIII, ч. I, 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 24 апреля (6 мая) 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо ** и за 9—20 печатные листы ***. Содержание Вашего письма обрадовало и вместе с тем огорчило меня.

Было очень приятно узнать, что труд Маркса завершен в такой мастерской форме, но в то же время я думал, что эта часть его будет включена во второй том, как предполагалось в предисловии к I тому ****. А теперь я узнаю из Вашего письма, что этот труд пока еще не издается. Насколько я понял, землевладение, земельная рента и другие, связанные с ними вопросы, рассматриваются в этих двух томах. — Я с величайшим нетерпением буду ждать опубликования этой части, являющейся венцом всего труда. Очень интересно узнать, включены ли в эту книгу данные о русской экономической жизни. Ведь автор считал их, как Вам известно, весьма важными для себя, так как условия нашего экономического существования чрезвычайно просты, они не сложны, и взаимное влияние его факторов выступает более отчетливо, ибо оно не затемнено внешними влияниями. Кроме того, ему важно было изучить эти факторы *in statu nascendi* *****, там, где их взаимные влияния выражаются наиболее сильно. В этом состоит причина того, почему его выводы — использовал ли он русские данные или нет — приобретают для нас исключи-

* Здесь письмо обрывается. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 511—512. *Ред.*
*** — первого немецкого издания второго тома «Капитала». *Ред.*
**** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 11. *Ред.*
***** — в процессе зарождения. *Ред.*

тельное значение. Г-н Джон Рей в своем «Современном социализме» [291] никак не может понять этот факт; его удивляет, что теория автора приобрела в России определенное влияние, в то время как в Англии, в стране капитализма, «Капитал» еще не переведен.

Нужно ли говорить о том, какое удовольствие доставило мне чтение тех 14 печатных листов, которые Вы любезно прислали мне. (Листы 15—20 я еще не читал.)

Глубоко преданный Вам

Н. Ф. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 3 июня 1885 г.

Милостивый государь!

Получил Ваше письмо от 24 апреля/6 мая и надеюсь, что Вы получили листы 21—26, посланные Вам 13 мая. Сегодня отправил Вам окончание — листы 27—33. Через несколько дней, надеюсь, смогу послать Вам предисловие и пр. Из этого предисловия Вы увидите, что рукопись III тома была написана еще в 1864—1866 гг., то есть еще до того, как автор благодаря Вашей любезности так основательно познакомился с аграрными отношениями вашей страны; в настоящее время я работаю над главой о земельной ренте и до сих пор не встретил никакого упоминания о русских условиях [292]. Как только вся рукопись будет переписана удобочитаемым почерком, я должен буду обработать ее, сравнивая с другими материалами, оставленными автором; для главы о ренте имеются также весьма обширные выписки из различных статистических работ, полученных им от Вас, но я еще не могу сказать, содержатся ли в них какие-либо критические замечания, которые могут быть использованы в этом томе. Все, что там имеется, будет использовано с максимальной добросовестностью. Во всяком случае, только работой по переписыванию я буду занят до глубокой осени, а так как рукопись содержит почти 600 страниц ин-фолио, то ее, быть может, в свою очередь, придется разделить на два тома.

Анализ ренты теоретически настолько полон, что Вы безусловно найдете в нем много интересного применительно к особым условиям вашей

страны. Однако в этой рукописи не рассматриваются докапиталистические формы земельной собственности; о них лишь упоминается кое-где в целях сравнения.

Преданный Вам

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 275—276

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 29 мая (11 июня) 1885 г.

Милостивый государь!

Весьма благодарен за Вашу любезную готовность посылать мне печатные листы «Капитала» *. Несколько дней назад я получил окончание, — вместе с Вашим любезным письмом. Очень жаль, что обширный статистический материал о нашей земельной системе не был использован автором в этом большом труде **. Тот факт, что автор так сильно интересовался этими публикациями, доказывает, что он придавал им большое значение, что у него было намерение использовать их. Для читателей в нашей стране это двойная утрата...

Я вышлю Вам любые издания, которые Вы пожелаете получить, как только буду знать, что именно Вам нужно.

Разрешите мне выразить надежду, что когда будет печататься третий том, Вы будете столь же любезно посылать мне листы этого тома по мере их выхода из печати.

18 листов второго тома уже переведены.

Глубоко преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 13 (25) июня 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваши предисловия к «Капиталу» и к «Нищете» ***. Содержание этих предисловий в высшей степени интересно, но я не знаю,

* — первого немецкого издания второго тома «Капитала». *Ред.*
** — в третьем томе «Капитала». *Ред.*
*** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 24, стр. 3—24; т. 21, стр. 180—194. *Ред.*

как избежать следующих затруднений. Родбертус — экономист, работы которого мало известны в России; его претензии на открытие законов происхождения прибавочной стоимости известны еще менее; его обвинения автора «Капитала» в плагиате совершенно неизвестны. Кроме этих соображений, мне приходится принимать во внимание также нашу цензуру.

Вот те причины, почему я беру на себя смелость просить Вас несколько изменить Ваше предисловие к русскому изданию «Капитала», а именно: исключить полемику из той его части, где Вы даете блестящее изложение вопроса о том, какое место занимает автор среди остальных экономистов, и того, что он сделал для науки.

Я надеюсь, что перевод * выйдет в октябре.

Искренне преданный Вам

Н. Ф. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 8 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Я обдумал Ваше предложение — написать специальное предисловие к русскому изданию *, но не знаю, сумею ли я это сделать как следует [293].

Если Вы считаете, что Родбертуса лучше вообще не касаться, то я предложил бы Вам опустить всю вторую часть предисловия. Она далеко не достаточна для выяснения того, какое место занимает автор ** в истории экономической науки, но это оправдано теми особыми условиями, при которых она была написана, — я имею в виду нападки со стороны родбертусовской клики. Эта клика, чрезвычайно влиятельная в Германии, подняла изрядный шум, и о ней, без сомнения, вскоре услышат и в России. Что может быть легче и удобнее, чем покончить со всем этим вопросом, объявив, что наш автор просто списал у Родбертуса? Это наверняка станут повторять повсюду, где читают и обсуждают произведения нашего автора. Но во всех этих делах Вы лучший судья, и поэтому я передаю все это всецело на Ваше усмотрение, тем более что у меня нет ни малейшего представления о том, что̀ ваша цензура может пропустить и что̀ задержать.

* — второго тома «Капитала». *Ред.*
** — Маркс. *Ред.*

Здесь распространились некоторые благоприятные слухи о судьбе нашего общего друга *. Не можете ли Вы сообщить мне что-нибудь новое?

Преданный Вам

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 299—300

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 6 (18) августа 1885 г.

Милостивый государь!

Так как я не намерен исключать что-либо из предисловия без согласия автора и, вообще говоря, вовсе нежелательно каким бы то ни было образом сокращать перевод, то я по возможности минимально воспользуюсь Вашим любезным разрешением сократить предисловие. Я опущу лишь такие фразы, которые могут послужить поводом для запрещения книги, как, например (стр. XVII): «Называются ли эти присвоенные части продукта налогами, прибылью или кражей»... Эти «вычеты»... ** Это тем более необходимо, что в самой книге никто не сможет найти ничего такого, что следовало бы исключить; наиболее неприемлемым для цензуры является в ней самое имя автора. Я, конечно, не стану даже пытаться *изменять* что-нибудь в предисловии, и его историко-полемический характер будет сохранен.

Какое впечатление производит второй том в Германии? Вы совершенно правы, говоря, что изучать эту книгу — наслаждение (перевод ее уже закончен). По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Чарлзом Дарвиным. И судьба их теорий одинаковая. Обе они прошли через три одинаковые фазы: 1) теория не выдерживает критики; 2) она не представляет собой ничего нового (Дарвин — Ламарк, Гёте и т. д., К. Маркс — Родбертус и т. д.); 3) всеобщее признание. Кажется, это хороший симптом, что на автора нападают с этой стороны: это доказывает, что истина берет верх, что споры вызывает вопрос не о том, верна теория или нет, а о том, кто является автором подобной теории. Конечно, в данном случае есть намерение фальсифицировать теорию, облачить ее в прусский мундир, сшитый по выкройке Родбертуса. Мне кажется, что этот

* — Лопатина. *Ред.*
** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 24, стр. 18. *Ред.*

факт показывает, какое влияние имеет данная теория: каждый старается использовать вновь возникшую силу к своей выгоде. Чарлз Дарвин ответил своим критикам неутомимыми исследованиями. Куда девались теперь его оппоненты? Ответ нашего автора — его глубокие исследования в таких вопросах, которые считались исчерпанными. И какой ответ! Достаточно упомянуть третий отдел второго тома *. Не легкая задача: победить такого великана мысли, и Родбертус со своей кликой не в состоянии вычеркнуть его имя из истории науки или умалить влияние его теории. Д. Дидро в своих «Философских принципах о материи и движении» (Сочинения, изд. Бриера, Париж, 1821 г., стр. 212) [294] говорит, что «количество силы в природе является постоянной величиной». Разумеется, это — счастливая догадка и ничего больше. В истории теории «сохранения энергии» имя Дидро не будет упоминаться. Чтобы стать научной мыслью, эта теория должна была быть доказана Румфордом, Джоулем, У. Томсоном, Гельмгольцем и т. д., а ведь Дидро нельзя сравнивать с Родбертусом. Труд нашего автора теперь опубликован, и каждый может судить, на чьей стороне истина.

Как далеко подвинулась Ваша работа по редактированию III тома **?

Здоровье «нашего общего друга» *** внушает весьма серьезные опасения: его медицинские консультанты уверены, что болезнь неизлечима, и так как она заразна, то он совершенно изолирован.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 9 (21) августа 1885 г.

Милостивый государь!

Года два тому назад Вы дали для опубликования в одном из наших журналов ответ К. Маркса на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского» ****. Опубликовать этот ответ оказалось невозможным,

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 24, стр. 394—596. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*
*** — Лопатина. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*

так как журналы запрещались один за другим. Несколько сотрудников запрещенных журналов объединились для издания нового журнала «Северный вестник». Редактор будет очень рад опубликовать упомянутый ответ. Но в силу определенных обстоятельств, которые мне, конечно, не приходится Вам объяснять, редактор настойчиво просит Вас прислать ему краткое письмо приблизительно такого содержания: «Редактору «Северного вестника». В бумагах К. Маркса я нашел его ответ на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Так как этот ответ был предназначен для русской публики, Вы, вероятно, не откажетесь опубликовать его в Вашем журнале». Ваша подпись. Письмо может быть написано по-французски или по-немецки, как Вам удобнее.

Редактор надеется напечатать этот ответ в первом или во втором номере журнала, то есть в сентябре или в октябре [295].

Если Вы будете так добры и напишете подобное письмо, то пошлите его, пожалуйста, на мой адрес. Я передам его редактору.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Джерси, 25 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши письма от 6/18 и 9/21 августа, на которые отвечу после своего возвращения в Лондон. Пока прилагаю письмо для редактора «Северного вестника» *. Полагаю, что ответ у Вас есть. Если нет, прошу Вас написать по прежнему адресу в Лондон, а я, вернувшись туда недели через две, пошлю Вам другой экземпляр.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 303

* В оригинале русскими буквами: «С. В.». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 25 августа (6 сентября) 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо. Ответ переведен и, полагаю, будет напечатан во втором номере журнала (октябрьском) [295].

Так как Вы теперь заняты подготовкой к печати третьего тома, то я посылаю Вам некоторые выписки из писем, которые я имел честь получить от автора и которые Вы, возможно, найдете полезными для своего предисловия.

10 апреля 1879 года:

«А теперь, прежде всего, я должен сообщить Вам (это совершенно конфиденциально), что, по полученным мною из Германии сведениям, мой второй том *не может быть издан*, пока нынешний режим сохраняется там во всей его нынешней суровости. Это известие, принимая во внимание status quo*, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, ничуть не огорчило — по следующим причинам.

Во-первых: я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис достигнет своей высшей точки. Его проявления на этот раз весьма своеобразны, они во многих отношениях отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. И это, помимо других модифицирующих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и продолжающиеся уже 5 лет кризисы *в Соединенных Штатах, в Южной Америке, Германии, Австрии* и т. д.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду *«теоретически»*.

Вот, например, одна из своеобразных особенностей нынешнего положения дел. Как Вам известно, произошли банковские крахи в Шотландии и в некоторых английских графствах, главным образом в западных (в Корнуэлле и в Уэльсе). Тем не менее, действительный *центр денежного рынка* — не только Соединенного королевства, но и всего мира — *Лондон*, до сих пор был мало затронут. Наоборот, за немногими исключениями, крупнейшие акционерные банковские компании, вроде Английского банка, пока только *выиграли* от общей прострации. А какова эта прострация, Вы можете судить по крайнему отчаянию, в какое впали английские торговые и промышленные филистеры, потерявшие всякую надежду на лучшие времена! Я никогда не видал ничего подобного; никогда

* — существующее положение вещей. *Ред.*

еще не доводилось мне быть свидетелем такого морального потрясения, хотя я был в Лондоне и в 1857 г. и в 1866 году!

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии *Французского банка,* который со времени недавнего развития сношений между обеими странами превратился в *филиал* Английского банка. Французский банк держит громадный запас золота в слитках, свободный размен его банкнот еще не восстановлен, и при первом же признаке какой-либо пертурбации на лондонской фондовой бирже французские деньги наводняют ее для скупки временно обесцененных бумаг. Если бы прошлой осенью французские деньги были внезапно изъяты, Английскому банку несомненно пришлось бы прибегнуть к своему последнему, *крайнему* средству, к *приостановке действия банковского акта,* а в таком случае у нас неизбежно произошел бы денежный крах.

С другой стороны, то спокойствие, с каким было произведено в Соединенных Штатах восстановление платежей наличными, устранило всякие покушения с этой стороны на ресурсы Английского банка. Но что до настоящего времени особенно содействовало предотвращению краха на лондонском денежном рынке, это — внешне спокойное состояние банков *Ланкашира* и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада), хотя вполне достоверно известно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей по убыточным сделкам фабрикантов и на ссуды по этим сделкам, но некоторые из них, как, например, Олдемский, даже затратили значительную часть своего капитала на постройку новых фабрик. В то же самое время большие запасы товаров, в особенности хлопчатобумажных, накопляются с каждым днем не только в Азии (преимущественно в Индии), куда их отправляют на консигнацию, но и в Манчестере и т. д. и т. д. Каким образом такое положение вещей может кончиться без всеобщего краха в промышленности, а следовательно и среди местных банков, влияющих в свою очередь непосредственно на лондонский денежный рынок, — трудно предвидеть.

А пока — стачки и смятение господствуют повсюду.

Замечу *мимоходом,* что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других предприятий, *железные дороги* процветали; но это происходило только благодаря исключительным обстоятельствам, вроде Парижской выставки и т. д. На самом же деле железные дороги сохраняют видимость процветания, накопляя долги и со дня на день увеличивая свой *капитальный счет.*

Каким бы путем, однако, ни пошло развитие этого кризиса, столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического

производства и профессионального теоретика, — он все же пройдет, как и предшествовавшие ему, и явится исходным пунктом нового «промышленного цикла» со всеми его разнообразными фазами—процветания и т. д.

Но под покровом этого «с виду» прочного английского общества кроется другой кризис — *аграрный,* который произведет большие и серьезные изменения в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз, сейчас это завело бы меня слишком далеко.

Во-вторых: огромная масса материалов, полученных мною не только из *России*, но и из *Соединенных Штатов* и т. д., дает мне приятный «предлог» продолжать мои исследования, вместо того, чтобы окончательно обрабатывать их для опубликования.

В-третьих: мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю оказаться в том же состоянии, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда у меня были головокружения и я становился неработоспособным после нескольких часов серьезных занятий».

12 сентября 1880 года.

«Нынешний кризис по его продолжительности, масштабу и интенсивности является величайшим из когда-либо пережитых Англией. Но, несмотря на банкротство некоторых шотландских и английских провинциальных банков, на этот раз поражает отсутствие обычного завершения всех прошлых крупных периодических английских кризисов — я имею в виду финансовый крах в Лондоне. Этот в высшей степени необычный случай — отсутствие *денежной паники* в собственном ее смысле — вызван особым стечением обстоятельств, анализ которых завел бы меня сейчас слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств было, однако, следующее: громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен благодаря совместным действиям Французского банка и немецкого Имперского банка. С другой стороны, внезапное оживление дел в Соединенных Штатах — с весны 1879 г. — отразилось на Англии, явившись для нее настоящим deux ex machina *.

Что касается аграрного кризиса, то он будет постепенно усиливаться, развиваться и мало-помалу достигнет своей высшей точки; это приведет к настоящей революции в отношениях земельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г-н Кэрд, уже начали «чуять недоброе». В высшей степени характерным для английского тупоумия является следующее: вот уже два года, как в «Times» и в разных сельскохозяйственных газетах

* — буквально: «богом из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле: неожиданно появляющееся лицо, или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

печатаются письма фермеров, дающих перечень их затрат на обработку земли и улучшения их ферм, сопоставляющих эти затраты с их доходами от продажи продукции по существующим ценам и показывающих, что в результате у них получается явный *дефицит*. И представьте себе, что ни одному из этих специалистов, так много распространяющихся по поводу этих подсчетов, не приходит в голову спросить себя: *каковы* были бы *эти подсчеты*, если бы *расходы на выплату ренты* были во многих случаях вычеркнуты из них совсем, а во многих других—сокращены «самым чувствительным образом»? Но это щекотливый пункт, которого нельзя касаться. И хотя сами фермеры перестают уже доверять *патентованным средствам*, предлагаемым им их лендлордами или «свитой» наемных писак, тем не менее они все еще не осмеливаются занять мужественную позицию, считая, что им самим угрожает сельский «рабочий класс». В целом — превосходная ситуация!»

Затем снова в письме от 19 февраля 1881 года:

«Я писал Вам некоторое время тому назад, что если тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к завершающему финансовому краху в Лондоне, то это *исключительное* явление объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это видят и признают даже английские рутинеры. Так, «*Statist*» (29 января 1881 г.) говорит:

«Благополучие денежного рынка в течение прошлого года было *результатом чистой случайности. Французский банк* в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 миллионов ф. ст. до 22 миллионов... *Нет ни малейшего сомнения*, что *прошлой осенью нам едва удалось избежать смертельной опасности» (!)»*.

В одном из примечаний к письму от 12 декабря 1872 г. он говорит: «Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно ее русской формой».

В последнем полученном мною от него письме, датированном 13 декабря 1881 г., он пишет:

«Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я хочу окончить как можно скорее II том [81] (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). Мне теперь особенно хочется довести его до конца, с тем чтобы посвятить моей жене.

Впрочем, как бы то ни было, я условлюсь с моим издателем, что я ограничусь для третьего издания возможно меньшим количеством изменений и добавлений; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1000 экземпляров вместо 3000, как он хотел. Когда

эти 1 000 экземпляров, составляющих третье издание, будут распроданы, я, может быть, внесу в книгу те изменения, которые сделал бы в настоящее время при других обстоятельствах».

Вот некоторые «изменения» (28 ноября 1878 года):

Я «...нахожу, что — за исключением тех изменений, которые должны быть сделаны переводчиком при сличении второго немецкого издания с французским — необходимо будет внести лишь очень немного изменений, которые следуют далее в этом письме.

Два первых отдела («Товар и деньги» и *«Превращение денег в капитал»)* следует переводить исключительно по *немецкому* тексту».

В письме от 15 ноября 1878 года:

«1) Я желал бы, чтобы *разделение на главы* — то же относится и к их *подразделению* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сравнивал второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, «упрощать» [«aplatir»] изложение при переводе его на французский язык).

«На стр. 86 немецкого издания, *строка 5 снизу,* должно быть: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин».

В главе XVI французского издания (в главе XIV немецкого издания этого нет) прибавленный пункт о Дж. Ст. Милле, *стр. 222, столбец II, строка 12 снизу, следует читать:* «Я предполагаю везде, — говорит он, — современное положение вещей, которое и т. д. господствует повсюду, где рабочие и капиталисты образуют особые классы и т. д.». Следующие две фразы: «Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор существовали на земном шаре лишь в виде исключения! Но, пойдем дальше» — надо *вычеркнуть,* а следующую фразу читать таким образом:

«Г-н Милль хочет верить, что нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где рабочие и капиталисты образуют особые классы».

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 19 октября [1885 г.]

Дорогой Энгельс!

Я очень запаздываю со своей сегодняшней благодарностью за присланную Вами брошюру, содержащую речь Маркса [296]. Эту речь я не знал и был очень рад прочесть ее и получить представление об идейном движении, которое ее вызвало. — В настоящее время мне требуется Ваш совет. Я собираюсь написать небольшую работу о чартизме. У меня есть Паули и Мартино и автобиография Ловетта. Десять лет назад мне была известна литература по этому вопросу. Но не появилось ли что-нибудь стоящее после 1875 года? Мне нужны факты, изложенные более или менее полно, а что касается точки зрения, то это безразлично. Нет ли у Вас что-нибудь на эту тему или не можете ли Вы указать мне какую-нибудь работу, которую я мог бы найти в Национальной библиотеке? Гаммеджа, без сомнения, здесь не найдешь. Простите, что беспокою Вас.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Лондон], 20 октября 1885 г.

Дорогой Лавров!

Мне очень жаль, что я не могу указать Вам источников по истории чартизма. Все мои бумаги, книги, газеты и пр., которые имели отношение к этой эпохе, пропали в буре 1848—1849 годов. Основной источник, «Northern Star», найти невозможно даже на севере Англии (ее бывший главный редактор Гарни тщетно старается достать для себя комплект). То, что писали буржуа по этому вопросу, большей частью неверно; кроме того, я совершенно не занимался всей этой литературой. Это печально, потому что если Гарни не напишет мемуаров, история первой крупной рабочей партии будет утрачена навсегда. Крайне сожалею.

Ваш *Ф. Э.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 314

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 13 ноября 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши два письма от 6/18 и 9/21 августа, когда был на острове Джерси, и тотчас же послал Вам, как Вы просили, письмо для *«Северного вестника»* *. С тех пор обилие работы мешало мне ответить более подробно на эти письма, а также и на письмо от 25 августа/5 сентября.

Я не сомневался, что второй том ** доставит Вам такое же удовольствие, как и мне. Действительно, в нем развиты теории столь высокого порядка, что рядовой читатель не даст себе труда вникнуть в их глубину и проследить их до конца. В настоящее время это и происходит в Германии, где вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что едва ли возможно опуститься ниже. Наши катедер-социалисты [297] в теоретическом отношении никогда особенно не отличались от вульгарных экономистов слегка филантропического толка, а теперь опустились до уровня заурядных апологетов бисмарковского государственного социализма. Для них II том навсегда останется книгой за семью печатями. Разве не прекрасным примером того, что Гегель называет иронией всемирной истории, является тот факт, что в результате возвышения Германии до положения первой европейской державы немецкая историческая наука оказалась снова низведенной до такого же жалкого состояния, в котором она находилась в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность. И вот, немецкая «наука» глазеет на этот новый том, не будучи способной понять его; только благодетельный страх перед последствиями мешает ее представителям критиковать книгу публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание. Третий том, однако, заставит их заговорить.

Что же касается III тома, то я закончил первоначальную работу по переписке оригинала разборчивым почерком. Три четверти рукописи почти готовы для печати; но остальная четверть или, возможно, треть тома потребует много труда: первый отдел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующие отделы — о кредите и, частью, о земельной ренте; кроме того, отдельные места почти во всех остальных отделах. За последние два месяца мне пришлось выполнить множество других работ, которыми я не мог заниматься ранее, так как

* См. настоящий сборник, стр. 521—522. Заглавие журнала написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** — «Капитала». *Ред.*

мое внимание было занято исключительно II и III томами. Это будет продолжаться еще некоторое время, а затем, быть может, еще месяц уйдет на редактирование английского перевода I тома, который почти закончен, а после этого я возьмусь за III том и доведу его до конца. Возможно, что он будет издан в двух частях, так как составит около 1 000 страниц.

Очень Вам благодарен за сделанные Вами выписки из писем автора * за 1879—1881 годы **. Читая их, я не мог удержаться от грустной улыбки. Увы, мы все так привыкли к подобным объяснениям того, почему труд не был завершен! Всякий раз, когда состояние здоровья не позволяло автору продолжать работу, это сильно угнетало его, и он рад был найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание тому, что работа не могла быть тогда закончена. Все эти аргументы он в то время приводил и в разговорах со мной, и они, казалось, успокаивали его.

Закончив III том и отобрав из других рукописей то, что подходит для опубликования, я, по всей вероятности, попытаюсь собрать ту часть переписки автора, которая важна в научном отношении, и тут его письма к Вам занимают одно из первых мест. Когда этот момент наступит, я воспользуюсь Вашим любезным предложением предоставить в мое распоряжение копии этих писем.

Мне часто представляется возможность отправлять Вам брошюры и т. п. — новые издания работ автора, моих собственных произведений и т. д., — но я не знаю, насколько безопасно посылать их непосредственно Вам. Я был бы очень обязан Вам, если бы Вы сообщили, как поступать.

Надеюсь, что здоровье нашего общего друга *** улучшается, несмотря на неблагоприятные предсказания его врачей [282]. Всегда рад получить о нем какие-либо известия.

Кризис, о котором автор говорит в своем письме, был действительно исключительным ****. Фактически он все еще продолжается, вся Европа и Америка страдают от него по сей день. Одной из причин этого является отсутствие финансового краха. Но главная причина — это, без сомнения, совершенно изменившееся положение мирового рынка. С 1870 г. Германия и в особенности Америка стали конкурентами Англии в современной промышленности, в то же время в большинстве других европейских стран собственная промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии. В результате процесс перепроизводства распространился на гораздо бо̀льшую территорию, чем тогда, когда он был ограничен преимущественно Англией, и приобрел — вплоть до настояще-

* — Маркса. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 523—527. *Ред.*
*** — Лопатина. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 525—526. *Ред.*

го времени — хронический характер в отличие от острого характера в прошлом. Отдаляя наступление грозы, которая прежде очищала атмосферу каждые десять лет, эта продолжающаяся хроническая депрессия неизбежно подготовит крах такой силы и таких размеров, каких мы никогда раньше не знали. Тем более, что аграрный кризис, о котором говорит автор, также продолжается до сего времени, распространился почти на все европейские страны и будет продолжаться до тех пор, пока не истощится девственный чернозем * прерий американского Запада.

Глубоко уважающий Вас

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 324—326

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 19 (31) декабря 1885 г.

Милостивый государь!

Второй том ** готов. В настоящее время этот труд изучается в нашей цензуре.

Мне частным образом сообщили, что цензоры не разрешат выпустить предисловие. Лучшая часть его — краткий очерк истории прибавочной стоимости и место, которое занимает наш автор *** в ее истории,—кажется им слишком красной.

Я намеревался сократить некоторые цитаты из английских авторов. Но этого им было мало. Редактор, — говорят они, — слишком сильно подчеркивает социалистические тенденции автора.

Как только кончится установленный законом срок, я пошлю Вам несколько экземпляров книги. С большим нетерпением жду третий том **. Второй том, по моему мнению, превосходен.

Желаю Вам счастья в новом году.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Слово «чернозем» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** — «Капитала». *Ред.*

*** — Маркс. *Ред.*

СЛАВЯНСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КЛУБ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Цюрих, 2 января 1886 г.

Милостивый государь!

Русские и польские социалисты в Цюрихе основали союз, который ставит своей целью изучение научного социализма и пропаганду социалистических идей. Чтобы иметь для себя такую возможность, а также облегчить публике чтение социалистических газет и книг, мы учредили два месяца тому назад общество читателей, которое сейчас получает 38 газет на различных языках и насчитывает свыше 40 членов.

Наш союз, носящий название «Славянский социалистический клуб», не в состоянии оплачивать все газеты и книги; поэтому многие авторы посылают нам свои работы и газеты бесплатно.

Мы обращаемся также и к Вам, милостивый государь, с просьбой прислать нам имеющиеся в Вашем распоряжении и написанные Вами произведения, за что наш союз будет Вам весьма благодарен.

Если при этом Вы хотите вступить с нами в переписку, то мы готовы сообщать Вам все новости, которые мы получаем из нашей страны.

С глубоким уважением от имени союза

Секретарь

Наш адрес: Zürich, Friedenstrasse, Weinberg, 31, Slawischer Verein.*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 23 января [1886 г.]

Дорогой Энгельс!

Только что получил две Ваши посылки: Вашего Дюринга и Маркса на русском языке[298]. Большое спасибо за обе книги. И на этот раз русские перевели первыми. Извещайте меня, пожалуйста, время от времени, как идет Ваша работа по публикации и переводам Маркса. Если бы только поскорее были изданы «К критике» и статьи из «Deutsch-Französische Jahrbücher». Они стали редкостью! — Не можете ли Вы указать мне работу, в которой описывались бы внешность, привычки и т. д. главных английских знаменитостей. Дружески жму Вашу руку и надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* На письме печать: Славянский социалистический клуб, Цюрих. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Лондон], 7 февраля 1886 г.

Дорогой Лавров!

Сообщите мне, пожалуйста, в каком смысле Вы понимаете слово *знаменитости* [worthies]? Мне не хотелось бы придавать ему в Ваших устах филистерское значение, получившее здесь почти официальное признание и распространяющееся на всех — от Фарадея до какого-нибудь Пибоди или леди Бёрдет-Кутс; тогда я постараюсь найти для Вас то, что Вы хотите.

Рукопись английского перевода I тома *, наконец, у меня, я ее немедленно начинаю редактировать. После этого приступлю к окончательной редакции III тома. Это будет нелегкой задачей, но я доведу ее до конца.

Привет от Вашего

Энгельса **

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 370—371

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 8 февраля 1886 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 18/30 ноября, 19/31 декабря, 26 декабря/7 января и 8/20 января [299], и четыре экземпляра перевода ***, из которых один передан в Британский музей, другой — Полковнику **** и третий — хорошо известной Вам даме *****, которая тоже перевела несколько работ автора ****** на русский язык. Вы очень обяжете меня, если будете любезны послать еще один экземпляр нашему немецкому издателю г-ну Отто Мейснеру в Гамбург.

Я с большим удовольствием прочел Ваше превосходное предисловие [274], и в доказательство того, что прочел его внимательно, могу указать Вам, что на стр. X, в строке 17, наборщик, по-видимому, пропустил одно слово. Не следует ли читать это место так: что и переменная часть

* — «Капитала». *Ред.*
** Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** — русского перевода второго тома «Капитала». *Ред.*
**** — Лаврову. *Ред.*
***** — Засулич. *Ред.*
****** — Маркса. *Ред.*

капитальной стоимости * и т. д. Пропуск этот не имеет большого значения для того, кто хорошо знаком с терминологией автора, но мог бы, пожалуй, вызвать недоумение у тех, кто ее не усвоил.

Очень благодарен за Ваши сведения об экономическом положении вашей страны. Все вещи такого рода всегда представляют для меня величайший интерес. Последние 30 лет показали во всем мире, за какой короткий срок огромные производительные силы современной промышленности могут привиться и прочно укорениться даже в странах до сих пор чисто аграрных, причем сопровождающие этот процесс явления повторяются повсеместно. То, что Вы пишете мне о платежах купонами, срок погашения которых еще не наступил, происходило по всей Германии лет десять-пятнадцать тому назад, а иногда происходит и теперь; в особенности же перед введением новой монетной системы жалобы на обращение таких купонов, срок погашения которых не наступил и которые первоначально выдавались в счет заработной платы, были всеобщими. Быстрое развитие германской промышленности уже прошло этот этап, и если подобные явления еще происходят, то лишь в виде исключения; однако пятнадцать лет тому назад это было правилом, особенно в Саксонии и Тюрингии. Но то, что ваши экономисты считают это, по Вашим словам, доказательством нехватки средств обращения, — и это при наличии в обращении бумажных денег, обесцененных в результате чрезмерного выпуска по крайней мере на 36%, — соответствует взглядам американских гринбекеров, которые также требовали увеличения выпуска бумажных денег, потому что эти бумажные деньги более не обесценивались и, следовательно, были выпущены явно в недостаточном количестве!

Я был рад узнать, что нашему другу ** рекомендуют перемену климата, — думаю, что его направят примерно туда же, куда врачи посылали его раньше и где условия были, по-видимому, довольно благоприятны для его здоровья. Во всяком случае, это служит для меня доказательством того, что всякая опасность внезапного кризиса в его болезни теперь миновала.

Я получил, наконец, всю рукопись английского перевода I тома *** и на будущей неделе начну ее редактировать; как только у меня будет представление о том, когда смогу закончить, я тотчас же заключу договор с каким-нибудь издателем. Переводчиков двое: один из них — адвокат и старый наш друг **** (Вы и он — единственные люди, которые знают книгу наиболее основательно); однако его профессиональные занятия не позволяли ему сделать всю эту работу в необходимый срок, поэтому

* Часть фразы после двоеточия написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — Лопатину. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*
**** — Мур. *Ред.*

д-р Эвелинг, муж младшей дочери * автора, предложил свои услуги; но и экономические теории, и язык автора еще несколько новы для него, и я предвижу, что сделанная им часть доставит мне больше труда. Как только перевод будет достаточно подготовлен к печати, я вновь примусь за III том и доведу его до конца, не отвлекаясь ни на какую другую работу.

Здесь промышленный кризис не идет на убыль, а напротив, углубляется, и люди все больше и больше начинают понимать, что промышленная монополия Англии близка к своему концу. С появлением Америки, Франции, Германии в качестве конкурентов на мировом рынке, с введением высоких таможенных пошлин, закрывающих иностранным товарам доступ на рынки других развивающихся промышленных стран, не так уж трудно подсчитать, когда наступит этот конец. Если одна великая промышленная держава, обладая монополией, порождала кризис каждые десять лет, то что же будет при наличии четырех подобных держав? Приблизительно — кризис каждые 10 : 4 года, то есть практически бесконечный кризис. Нам это, пожалуй, на руку.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35, стр. 371—373

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 31 марта 1886 г.

Дорогая гражданка!

Очень благодарен за присланный Вами перевод «Нищеты философии» [275], который я получил своевременно.

Вскрывая пакет, я разорвал написанный на нем адрес отправителя. С большим трудом мне удалось наконец сложить клочки бумаги так, чтобы разобрать адрес, которым я сейчас и пользуюсь. Но, не будучи уверен в том, что прочел его правильно, прошу снова прислать мне Ваш адрес, так как хотел бы послать Вам экземпляр русского перевода II тома «Капитала», полученный мной из Санкт-Петербурга [274].

Простите за беспокойство, которое я причиняю Вам своей неловкостью, и примите выражение моей искренней преданности.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 399

* — Элеоноры Маркс. *Ред.*

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева, апрель 1886 г.]

Уважаемый гражданин!

Ваше письмо от 31 марта благополучно дошло до меня, хотя адрес был не совсем правильным. Вот он: *г-же Бельдинской, Maison Goss-Renevier, Chemin de la Queue d'Arve, Plainpalais, Genève.*

Прошло уже около года с тех пор, как я получила Ваше письмо по поводу «Наших разногласий» *. Эта тема так интересовала меня, что я в ту же минуту села писать Вам ответ. Будучи не совсем согласной с Вашим мнением и желая обосновать свои возражения, я быстро заполнила несколько листов. Когда это было сделано, моя совесть подсказала мне, что Ваше время слишком дорого, чтобы растрачивать его таким образом, что у Вас есть «дела поважнее», чем вести продолжительные беседы со мной. Под влиянием этого укора совести я разорвала свое письмо.

С тех пор я несколько раз пробовала написать Вам лишь несколько слов, чтобы подтвердить получение Вашего письма, но мне не удавалось этого сделать: каждый раз я углублялась в тему и вновь становилась болтливой!

Поэтому Ваше письмо так и осталось без ответа.

Преданная Вам

В. Засулич

Заранее благодарю Вас за русский перевод II тома «Капитала» [274]. Вот какие фокусы у нас выкидывают! А бедный старик Адам Смит два года тому назад был внесен в список книг, запрещенных к выдаче в читальнях!

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 2 мая [1886 г.]

Дорогой Энгельс!

Только что получил Ваши три брошюры [300]; благодарю Вас за них от всего сердца. Фейербах всегда был моим любимым философом, и я часто занимался им. В первую же свободную минуту разом проглочу Вашу статью.

* См. настоящий сборник, стр. 512—515. *Ред.*

Боюсь, что я виноват перед Вами, и уже довольно давно. Вы спрашивали меня, в каком смысле я понимаю слово знаменитости [worthies] *, и я Вам до сих пор не ответил. В данном случае я употребил его в самом вульгарном смысле, имея в виду людей, о которых теперь много говорят и пишут в Англии независимо от их подлинного значения. Даже книга (или какая-нибудь публикация), где критика преобладала бы над восхвалением, вполне бы меня устроила. — Надеюсь, что Вы здоровы и Ваша работа продвигается успешно.

Крепко жму Вашу руку.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 9 ноября 1886 г.

Милостивый государь!

Все это время я был занят английским переводом I тома **, который, надеюсь, теперь будет закончен в течение нескольких недель, так как я уже прочел *первые* корректурные листы всего тома и теперь должен прочесть лишь вторую и третью корректуры последних 10 листов. Это была очень тяжелая работа, так как в конце концов на меня ляжет ответственность за текст. Я не имел возможности заниматься чем-либо другим все это время, и из-за этого накопилась куча всяких мелких дел, с которыми я теперь разделаюсь, а затем вернусь к III тому. По-моему, я писал Вам, что продиктовал его с рукописного оригинала, чтобы иметь разборчивый текст ***. Бо̀льшая часть его не нуждается в значительном редактировании, однако глава о превращении нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, глава о банковском капитале и — до известной степени — также глава о земельной ренте **** потребуют еще немало работы. Я надеюсь опубликовать в будущем году весь том, но не отправлю в типографию ничего, пока работа в целом не будет закончена.

До марта 1886 г. II том разошелся в 1300 экземплярах.

Как только английский перевод выйдет из печати, я пошлю Вам экземпляр.

* См. настоящий сборник, стр. 533. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*
*** См. настоящий сборник, стр. 529. *Ред.*
**** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 29—153, 371—505; ч. II, стр. 3—162, 163—379. *Ред.*

Рецензии на II том в немецкой печати невероятно глупы. Одна из них, написанная д-ром Гроссом из Вены, довольно приличная, но сам он — идиот. Другая, принадлежащая профессору Лексису из Бреславля, посвоему очень неглупа; этот человек прекрасно понимает книгу и знает, что против нее ничего нельзя возразить, но он карьерист и поэтому прикидывается вульгарным экономистом. Эта рецензия появилась в гильдебрандовских «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», XI том, 1885 г., 5-й выпуск (5 декабря 1885 г.).

Я буду, конечно, очень рад, когда смогу выпустить третий том, потому что, как Вы говорите, только тогда вся система автора будет окончательно понятна и многие глупые возражения, выдвигаемые против нее теперь, совершенно отпадут.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 479—480

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 22 января (3 февраля) 1887 г.

Милостивый государь!

Я получил сообщение о выходе английского перевода «Капитала», которое Вы были так любезны послать мне. Это сообщение вдвойне обрадовало меня. Во-первых, весьма отраден самый факт издания, во-вторых, мне ясно, что третий том будет опубликован до конца 1887 года *. Это последнее сообщение очень важно для меня. Должен признаться, что хотя имя нашего автора ** очень популярно в нашем обществе, однако его научные исследования недостаточно хорошо поняты, так что даже у его так называемых последователей Вы можете встретить искажение его взглядов.

Вот почему я намерен дать для широкой публики изображение феномена нашей собственной экономической жизни в свете его теории, чтобы показать, куда мы идем. Вы знаете, что путь, избранный русским обществом в целом, очень опасен, что наши природные богатства истощены и т. д.

В настоящее время я еще не знаю, какая форма наиболее эффективна для такого исследования, но чувствую себя обязанным сделать теорию нашего автора доступной для возможно большей массы читателей.

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 33. *Ред.*
** — Маркса. *Ред.*

Однако это намерение может быть выполнено только после издания перевода всего труда в целом.

Очень жаль, что английский перевод стóит так дорого. Книга, возможно, окажется недоступной для тех, для которых она, собственно, и переведена.

В высшей степени интересно знать, что будут говорить об этом издании. Я слышал, что французское издание * не находит читателей.

Посылаю Вам 23 сказки нашего юмориста Щедрина [301], в которых Вы найдете обсуждение некоторых «проклятых» социальных вопросов. Уверен, что многие из этих сказок доставят Вам большое удовольствие (например, пятая — «Добродетели и пороки», вторая, четвертая, третья и т.д.).

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 19 февраля 1887 г.

Милостивый государь!

Я был рад получить Ваше письмо от 22/3 этого месяца. Из него я узнал, что издатель **, вместо того чтобы послать Вам экземпляр английского «Капитала» ***, отправил только проспект. Такого рода ошибки происходили уже не раз, и это причинило нам немало досады и беспокойства. Впрочем, я сразу же, 12 февраля, послал Вам экземпляр по почте, *заказным,* и надеюсь, что Вы получили его в сохранности. Рад Вам сообщить, что книга расходится исключительно хорошо. Высокая цена *первого* издания была неизбежным злом, но так как книга была стереотипирована, то через некоторое время выйдет удешевленное издание, цена которого будет составлять примерно треть цены первого; в настоящий момент высокая цена не является серьезным препятствием *здесь,* хотя это до некоторой степени мешает распространению книги в Америке.

Я думаю, Вы хорошо сделаете, показав читающей публике Вашей страны, как применить теорию нашего автора к *вашим собственным* условиям. Но, может быть, Вам лучше подождать, как Вы сами пишете, пока вся его работа не выйдет полностью. Глава о земельной ренте, хотя

* — первого тома «Капитала». *Ред.*
** — Зонненшайн. *Ред.*
*** — английского перевода первого тома. *Ред.*

и написана до того, как он изучал экономические условия России, и не содержит упоминания о них, будет Вам тем не менее крайне необходима. Я займусь третьим томом после того, как покончу с другой накопившейся у меня работой. За исключением трех отделов, бо̀льшая часть почти готова для печати.

Большое спасибо за «Сказки» * Щедрина [301], к чтению которых я приступлю при первой возможности; легкий конъюнктивит левого глаза не позволяет прочесть их теперь же, так как русский шрифт заставляет меня сильно напрягать зрение.

До сих пор на английское издание не появилось ни одной рецензии. Профессиональные рецензенты, по-видимому, не знают, как быть с этой книгой, и боятся обжечься.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 521—522

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 (19) апреля 1887 г.

Милостивый государь!

Сегодня я посылаю Вам письма ** в двух пакетах. Будьте добры сообщить мне, получили ли Вы их своевременно и в должном ли порядке.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Прилагаются два письма.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 24 апреля 1887 г.

Милостивый государь!

Пишу Вам наспех лишь несколько строк, чтобы сообщить о благополучном прибытии двух заказных пакетов с письмами и Вашего письма

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** Письма Маркса — Н. Ф. Даниельсону. *Ред.*

от 7 апреля по старому стилю, в котором Вы извещаете меня об их отправлении. Не было необходимости торопиться с посылкой писем, но я все же очень благодарен Вам за то, что Вы доверили мне эти ценные реликвии, которые я прочту с величайшим интересом и использую, когда явится необходимость, и которые я всегда готов вернуть в Ваше распоряжение.

Преданный Вам

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 544—545

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 3 сентября 1887 г.

От Даниельсона в СПБ я получил известие о смерти Г. Лопатина *. Получили ли Вы подтверждение этого? Хочу думать, что это ошибка **. Если, к несчастью, это известие правильно, сообщите мне, пожалуйста, я тотчас же пошлю некрологию *** в «С. Д.» **** в Цюрих.

Ваш *Ф. Э.*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36, стр. 586—587

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 11 (23) декабря 1887 г.

Милостивый государь!

Несколько недель тому назад д-р Кейслер опубликовал здесь заключительную часть (четвертый том) своего труда «К истории и к критике крестьянского общинного землевладения в России» (по-немецки) [302]. Это единственный систематический труд, основанный на статистико-экономических исследованиях наших земств, проведенных ими в течение последних десяти лет. Так как они издали около ста томов этих исследований, то люди, не проживающие в России, почти не имеют возможности изучать их. Кейслер задался целью подытожить эти труды земств и дать экономический очерк крестьянской жизни. К сожалению, он начал писать свою

* Эта фраза написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
** Это известие оказалось ложным. *Ред.*
*** Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
**** — «Sozialdemokrat». У Энгельса русские буквы «С. Д.». *Ред.*

работу, пожалуй, слишком рано, когда было издано всего каких-нибудь десять или двадцать томов земских статистических исследований («Сборники статистических сведений по... губернии»). Их богатый статистический материал он смог использовать только в своих последних томах. Если у Вас есть желание прочесть этот труд, то я с большим удовольствием пошлю его Вам.

Как Вы, вероятно, слышали, наше правительство намерено поддерживать приходящее в упадок дворянское землевладение; знаете, какие средства оно использует?

Оно учредило Государственный дворянский земельный банк[303]. Здесь наши помещики за $1^1/_2$ года заняли (с уплатой $5^3/_4$%) 145 млн. руб. (под 4 млн. десятин), то есть они должны отчислять из своего дохода около $8^1/_2$ млн. руб. в год. Учреждение этого банка заставило другие земельные банки уменьшить ставку процента (с 7, $6^3/_4$ до $5^3/_4$), что привело к расширению их деловых операций. В итоге происходит очень быстрое уменьшение доходов наших помещиков и увеличение доходов наших капиталистов. Это, конечно, весьма интересная поддержка!

С другой стороны, рост населения, при одновременном уменьшении производства, вынуждает наших крестьян искать какие-нибудь добавочные источники увеличения своих доходов: они идут на поденную работу и т. д., разумеется, за очень низкую заработную плату, — или же вынуждены арендовать по любой цене добавочные участки земли.

Для расширения крестьянской земельной собственности учрежден Крестьянский государственный земельный банк. Он дает возможность артелям или «миру» покупать земельные владения и выплачивать их стоимость по частям в течение 24 или 36 лет. Этот банк функционирует около четырех лет. С учреждением его средняя цена на земельную собственность увеличилась; для помещиков его операции чрезвычайно выгодны. Очень высокие ежегодные платежи, — совершенно не соответствующие ежегодным доходам, — заставляют покупателей земли продавать постоянно возрастающую часть своих продуктов (цена которых постоянно падает) или же вынуждает их, с другой стороны, прекращать свои ежегодные платежи. Конечно, имения у них отбирают, они теряют свои прежние или своевременные платежи, а поскольку банк дает только 75% стоимости, то 25% они занимают. Таким образом они совершенно разоряются.

Я был бы очень рад что-нибудь узнать о Вас и о Вашей работе. — В каком состоянии третий том *? Когда могу я надеяться начать перевод? Говорят, что немецкая литература о «Капитале» возрастает с каждым

* — «Капитала». *Ред.*

днем. Есть ли что-нибудь заслуживающее внимания среди этих книг и брошюр? Как воспринят английский перевод *, имеет ли он широкий сбыт? И что говорят английские критики?

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 5 января 1888 г.

Милостивый государь!

Я переехал, и мой новый адрес теперь: Г-же Рошер, Cottesloe, Boston Road, Kilburn, London, N. W. Номера нет никакого, потому что Cottesloe — это название дома.

Я сейчас же заказал моему здешнему книготорговцу книгу д-ра Кейслера [302]. Если даже первые тома основаны на неполных материалах, то я достаточно знаком с трудами ваших земств, чтобы быть уверенным, что работа, подытоживающая эти труды, должна содержать чрезвычайно ценный материал, и, будучи написана по-немецки, она окажется настоящим откровением для европейцев. Я приму все меры к тому, чтобы эти материалы были использованы.

Боюсь, что ваш дворянский земельный банк [303] приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Там дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило бо̀льшую часть денег на поддержание привычного образа жизни, азартные игры, поездки в Берлин и в главные города своих провинций и т. д. Потому что дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему в этом. Поэтому, несмотря на все банки, на все громадные (прямые и косвенные) денежные подачки им со стороны государства, прусские дворяне находятся по уши в долгах у ростовщиков, и никакое повышение ввозных пошлин на земледельческие продукты не спасет их. Я вспоминаю, как один хорошо известный русский из полунемцев, связанный незаконными узами с русским дворянством, находил, что эти прусские дворяне живут все еще слишком прижимисто. Когда он

* — первого тома «Капитала». *Ред.*

прибыл от того к другому берегу * и узнал их в быту, он воскликнул: да ведь эти люди стараются копить деньги, тогда как у нас человека считают самым жалким скрягой, если он не тратит по крайней мере в полтора раза больше своего дохода [304]! Если это действительно принцип русского дворянства **, то я поздравляю его с его банками.

Ваш крестьянский банк также кажется мне похожим на прусские крестьянские банки, и это почти непостижимо, как некоторым людям трудно понять, что все новые источники кредита, предоставляемые к услугам землевладельцев (мелких или крупных), должны повести к порабощению их победоносными капиталистами.

Мои глаза все еще приходится щадить; но как бы то ни было, я все же надеюсь через короткое время — скажем, с будущего месяца — продолжить свою работу над третьим томом ***, к сожалению, я все еще не могу пока дать никаких обещаний относительно времени ее окончания.

Английский перевод **** продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги такого характера и такого объема, так что издатель его просто в восхищении от своей операции. Зато ее критики стоят много, много ниже обычного и без того низкого уровня. Единственная хорошая статья появилась в «Athenaeum» [305], остальные же или дают только извлечения из предисловия, или, если и пытаются затронуть самоё книгу, невыразимо жалки. Самой модной теорией считается здесь в настоящее время теория Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость определяется *полезностью*, то есть меновая стоимость = потребительной стоимости, а, с другой стороны, пределом предложения (то есть издержками производства), что есть просто запутанный и окольный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная политическая экономия везде и всюду! Второй крупный литературный орган здесь — «Academy» — еще не высказался.

Продажа немецкого издания первого и второго томов идет очень хорошо. Появилось множество статей о книге и ее теориях. Из них сочинение К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» представляет извлечение или, вернее, самостоятельное изложение этих теорий, недурное, хотя и не всегда вполне верное; я пришлю Вам его. Затем некий жалкий ренегат, еврей Георг Адлер, приват-доцент в Бреславле *****, написал большую книгу (заглавие ее я позабыл), чтобы доказать заблуждения Маркса; но это просто непристойный и нелепый памфлет, которым

* Слова «от того к другому берегу», написанные Энгельсом по-русски, являются намеком на книгу А. И. Герцена «С того берега» [77]. *Ред.*

** Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

**** — первого тома «Капитала». *Ред.*

***** — Вроцлаве. *Ред.*

автор хочет привлечь внимание — внимание правительства и буржуазии — к своей важной особе. Я просил всех моих друзей *не* замечать эту книгу. И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, желая создать себе рекламу, нападает на нашего автора *.

Парижские друзья усомнились в точности Ваших чрезвычайно печальных сообщений касательно нашего «общего друга» **. Не можете ли Вы доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности об этом случае?

Прилагаю маленькую вещицу, изданную несколько лет тому назад.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 6—8

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 15 октября 1888 г.

Милостивый государь!

Мне помешала ответить на Ваши любезные письма [95] от 8 (20) января и 3(15) июня, — а также на множество других писем — прежде всего слабость моих глаз, из-за которой я был лишен возможности проводить за письменным столом более двух часов в сутки и таким образом вынужден был совершенно запустить работу и корреспонденцию; а затем — поездка в августе и сентябре в Америку, откуда я только что вернулся. Моим глазам теперь лучше; но так как я принимаюсь за III том ***, с тем чтобы закончить его, то я все еще должен быть осторожен с глазами, чтобы не переутомить их. А поэтому моим друзьям придется извинить меня, если мои письма окажутся не слишком частыми и не слишком длинными.

Ваши рассуждения в первом письме — насчет отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли — в высшей степени интересны и, без сомнения, очень ценны для группировки статистического материала; но это не тот путь, которым наш автор подходит к решению задачи. Вы в своей формуле исходите из предположения, будто всякий предприниматель удерживает всю прибавочную стоимость, которую он присваивает в процессе производства. Но при таком предположении торговый и банковский капиталы не могли бы существовать, ибо они

* — Маркса. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*

не приносили бы никакой прибыли. Следовательно, прибыль предпринимателя не может представлять *всей* прибавочной стоимости, извлекаемой им из своих рабочих.

С другой стороны, Ваша формула, *возможно*, пригодна для приблизительного исчисления состава различных капиталов в различных отраслях промышленности при условии общей и равной нормы прибыли. Я говорю *возможно*, потому что не имею в данный момент под рукой материалов, которые позволили бы мне проверить выведенную Вами теоретическую формулу.

Вы удивляетесь, почему политическая экономия в Англии находится в таком жалком состоянии. Но то же самое мы видим теперь повсюду. Даже классическая политическая экономия, более того, даже самые вульгарные разносчики свободной торговли встречают презрение со стороны еще более вульгарных «высших» существ, занимающих ныне университетские кафедры политической экономии. И в этом виноват в значительной степени наш автор, который открыл людям глаза на опасные выводы классической политической экономии; вот они и находят теперь, что, по крайней мере в этой области, всего безопаснее не иметь совсем *никакой* науки. И им удалось до такой степени ослепить обыкновенных филистеров, что здесь, в Лондоне, в настоящее время имеется четыре человека, называющих себя «социалистами» [306] и в то же время уверяющих, будто бы они совершенно опровергли нашего автора, противопоставив его учению теорию Стэнли Джевонса!

Парижские друзья настаивают на том, что наш «общий друг» * не умер, но я не имею никакой возможности проверить их сообщения.

Я прочел с большим интересом Ваши физиологические наблюдения об истощении рабочего вследствие чрезмерно продолжительного рабочего времени и о количестве потенциальной энергии в виде пищи, требующейся для возмещения такого истощения. К словам Ранке, которого Вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужным сделать одну небольшую оговорку: если 1 000 000 килограммометров в виде пищи только замещает сумму развитой теплоты и выполненной механической работы, то такое количество пищи еще не может считаться достаточным, так как оно не возмещает затраты мускулов и нервов; ведь для этого требуется не одна только теплопроизводящая пища, но и *белки*, которые не могут быть измеряемы только в килограммометрах, так как животный организм не обладает способностью создавать их непосредственно из элементов.

Я не знаю двух упоминаемых Вами книг — Эдуарда Янга и Филипса Бивена, — но в их утверждении, будто бы прядильщики и ткачи хлоп-

* — Лопатин. *Ред.*

чатобумажной промышленности в Америке получают от 90 до 120 долларов в год, должно быть, скрывается какая-то ошибка. Ведь это составляет 2 доллара в неделю, что номинально равно 8 шиллингам, но в действительности по своей покупательной силе равно меньше чем 5 шиллингам в Англии. Между тем — на основании всего, что я слышал — заработки прядильщиков и ткачей в Америке номинально выше, а в действительности совершенно одинаковы с заработками их в Англии; они должны, таким образом, составлять приблизительно 5—6 долларов в неделю, что соответствует 12—16 шиллингам в Англии. Не забудьте, что работу прядильщиков и ткачей сейчас выполняют исключительно женщины и мальчики в возрасте от 15 до 18 лет. Что же касается данных Каутского, то он просто сделал ошибку, приняв доллары за фунты стерлингов, вследствие чего при переводе их на немецкие марки он множил не на 5, а на 20 и получил, таким образом, цифры вчетверо больше настоящих. Цифры переписи («Материалы десятой переписи Соединенных Штатов за 1880 год». Вашингтон, 1883, стр. 1125. Раздел: Хлопчатобумажная промышленность) таковы:

Рабочие и служащие		174 659
Вычитая конторщиков, управителей и пр.		2 115
	Одни рабочие	172 544
Из них:	мужчин (старше 16 лет)	59 685
	мальчиков (моложе 16 лет)	15 107
	женщин (старше 15 лет)	84 539
	девушек (моложе 15 лет)	13 213
		172 544

Всего 172 544 рабочих, получающих в общем 42 040 510 долларов заработной платы, то есть по 243,06 доллара в год на человека, что сходится с моей вышеприведенной оценкой, так как более высокая заработная плата мужчин уравновешивает в среднем более низкие заработки девушек и мальчиков.

Чтобы показать Вам, до каких глубин деградации пала экономическая наука, Луйо Брентано опубликовал лекцию «Классическая политическая экономия» (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает: общая, или теоретическая политическая экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, политической экономии. Как и в естествознании (!), мы должны ограничиваться *описанием* фактов; такие описания бесконечно выше и ценнее, чем все априорные выводы. «Как в естествознании!» Это *неподражаемо!* И это в век Дарвина, Майера, Джоуля и Клаузиуса, в век эволюции и превращения энергии!

Благодарю Вас за номер газеты «Русские ведомости» * с интересной статьей о вмешательстве в статистическую работу земств. Было бы очень прискорбно, если бы эта ценная работа была прервана.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 90—93

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 27 марта (8 апреля) 1889 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Вашу любезную посылку. Попытаюсь опубликовать Ваше предисловие в одном из наших журналов. Я был очень рад получить эту Вашу небольшую работу [307]. Надеюсь, Ваши глаза поправились.

Сегодня я видел одного из врачей г-на Мютюаля **. Он говорит, что несколько месяцев тому назад г-н Мютюаль был так сильно болен, что всем говорили о его смерти, но теперь его здоровье превосходно [282].

Глубоко признательный

Ваш *Н. Даниельсон*

Когда Вам больше не нужны будут письма нашего автора ***, я позволю себе просить Вас отослать их мне обратно.

Пишу второпях.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 4 июля 1889 г.

Милостивый государь!

Я передал г-ну Лафаргу и г-ну Каутскому все, что Вы любезно сообщили мне по поводу их статей, напечатанных в «Северном вестнике» [308].

* Название газеты написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*
*** — Маркса. *Ред.*

Вследствие этого г-н Лафарг прислал мне статью об эволюции собственности и просил меня переслать ее Вам в надежде, что Вы не откажетесь предложить ее редактору «Северного вестника» * на обычных условиях гонорара и пр. Я посылаю ее Вам сегодня *заказной* бандеролью [309].

Сообщенные Вами сведения о состоянии здоровья общего друга ** очень утешительны и вполне совпадают с тем, что мы слышали из других источников. Человек с таким несокрушимым организмом, без сомнения, справится с болезнью, и мы можем надеяться в один прекрасный день снова увидеть его здесь полным сил и здоровья.

Последние три месяца третий том *** оставался без движения из-за всякого рода неизбежных помех; и так как летний сезон всегда располагает к праздности, то боюсь, что до сентября или октября мне едва ли удастся много работать над ним. Раздел о банках и кредите представляет значительные трудности. Основные положения изложены достаточно ясно, но весь контекст таков, что предполагает у читателя хорошее знакомство с важнейшими работами в этой области, например с работами Тука и Фуллартона, а так как обычно бывает наоборот, то потребуется много пояснительных примечаний и т. п.

Кстати, у меня есть лишний экземпляр книги Фуллартона «О регулировании средств обращения» — важнейшей работы по этому вопросу; если у Вас этой книги нет, я буду очень рад, если Вы позволите мне прислать ее Вам.

Последний раздел — «О земельной ренте» — потребует, насколько мне помнится, только формального просмотра, так что, когда будет закончен раздел о банках и кредите (это одна треть всего тома), то работа над последней третью (рента и различные виды дохода) много времени не отнимет. Но так как этот заключительный том представляет собой такое блестящее и абсолютно неопровержимое исследование, я считаю себя обязанным выпустить его в таком виде, чтобы вся цепь аргументов выступала бы совершенно ясно и четко. А при теперешнем состоянии этой рукописи, представляющей собой лишь первый набросок, написанный с частыми перерывами и оставшийся в незаконченном виде, это не так-то легко.

Я пытаюсь сговориться с двумя компетентными лицами **** о том, чтобы они переписали для меня те части рукописи четвертого тома, которые состояние моего зрения вряд ли позволит мне продиктовать самому.

* — А. Евреиновой. *Ред.*
** — Лопатина. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*
**** — Каутским и Бернштейном. *Ред.*

Если мне это удастся, то я вместе с тем научу их расшифровывать те рукописи, которые в настоящее время остаются книгой за семью печатями для всех, кроме меня, привыкшего к почерку и сокращениям, и таким образом станут доступными и другие рукописи автора * вне зависимости от того, буду я жив или нет. Надеюсь, что сговориться об этом удастся ближайшей осенью.

Преданный Вам

П. В. Рошер

Английский переводчик большей части I тома, г-н Мур, только что уехал в Африку, куда он назначен главным судьей на территории, принадлежащей Нигерской компании. Таким образом, III том будет переведен — если не весь, то частью — на берегах Нигера!

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 202—203

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 июля 1889 г.

Милостивый государь!

Пишу Вам эти несколько строк, чтобы спешно сообщить Вам, что статья г-на Лафарга [309] — *весьма вероятно* — будет опубликована в «Северном вестнике». Так как через две недели я уезжаю за границу — вероятно в Норвегию — и буду отсутствовать недель шесть или семь, то разрешите просить Вас прислать мне возможно скорее адрес г-на Лафарга, чтобы послать ему чек (гонорар).

Большое спасибо за Ваше любезное письмо. Ваше любезное предложение прислать мне экземпляр работы Фуллартона «О регулировании средств обращения» очень тронуло меня, тем более что я незнаком с этим трудом.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — Маркса. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 15 июля 1889 г.

Милостивый государь!

Извините, что по смешной рассеянности я не сообщил Вам адрес г-на Лафарга. Вот он:

П. Лафарг,
60, Avenue des Champs Elysées,
Le Perreux,
Seine — France.

Книгу и другую важную работу по тому же вопросу Тука, которая также оказалась у меня в двух экземплярах, посылаю Вам завтра.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 207

ЭНГЕЛЬС — В. Н. СМИРНОВУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 25 июля 1889 г.

Дорогой гражданин!

Я только что получил письмо от Броше [310], в котором содержится Ваше письмо к нему и просьба ко мне одолжить для Вас 20 ф. стерлингов. Поскольку у меня нет навыка читать русский текст в *рукописи,* то мне довольно трудно разобраться в Вашем письме и ясно понять, о чем идет речь. Но во всяком случае я с большим сожалением вынужден сказать Вам, что не имею абсолютно никакой возможности дать Вам взаймы необходимую сумму. В последнее время у меня были совершенно непредвиденные расходы по оказанию помощи многим моим личным и политическим друзьям, а тут в довершение всего конгресс [311], потребовавший от меня новых различных ссуд, так что сейчас я сижу буквально без гроша. Броше просил ответить Вам незамедлительно, поэтому я не теряю ни минуты и очень сожалею, что не могу дать Вам более благоприятный ответ.

С искренним приветом

Ф. Энгельс

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 13 августа [1889 г.]

Дорогой Энгельс!

Не можете ли Вы помочь мне в деле, по поводу которого не к кому обратиться, кроме Вас. Сейчас переводят на русский язык, под моей редакцией, работу Маркса «18 брюмера» [312]. На стр. 11, изд. 1885 г., выражение «Hic Rhodus и т. д.» [313] дано в переводе, который я не встречал ни у одного из известных мне авторов. По всей вероятности, среди ученых была дискуссия о том, как переводить это место, и можно указать авторов, которые высказывались за и против такого перевода. Хотелось бы знать, кто из крупных ученых переводил так, как Маркс. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы назвали их. Смутно припоминаю, что когда-то этот вопрос обсуждался при мне, но в данный момент никак не могу вспомнить точно, как было дело. — Надеюсь, что Вы здоровы; по крайней мере, таковы последние полученные мною сведения о Вас. — Желаю Вам всего хорошего.

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 5 декабря 1889 г.

Милостивый государь!

Тотчас же по получении Вашего письма от 14(26) ноября [95] я сообщил г-ну Лафаргу его содержание. Он ответил, что одновременно с письмом мне написал Вам о том, что он не получал никаких писем от госпожи, редактирующей «Северный вестник» *, и что он предоставляет в ее распоряжение пять статей на выбор; что же касается сокращения некоторых мест статьи, о которой в настоящее время идет речь [309], то *мне* он ничего об этом не пишет; если и в письме к Вам он не упоминает об этом пункте, то, мне кажется, ясно, что этот вопрос должен быть предоставлен на усмотрение редактора. Адрес г-на Лафарга:

П. Лафарг,

60, Avenue des Champs Elysées,

* — А. Евреиновой. *Ред.*

Le Perreux,
Seine, France.

Посылаю Вам *заказным* экземпляр книги Т. Тука «Законы денежного обращения», Лондон, 1844. Этот экземпляр я купил подержанным; в книге имеется ряд карандашных пометок прежнего владельца, по большей части очень путаных; кроме того, посылаю две старые газетные вырезки, из них одна, относящаяся к кризису 1847 г., представляет известный интерес.

За это время я успел подготовить четвертое издание I тома *, которое находится сейчас в печати; там имеются два-три новых дополнения из французского издания; цитаты сверены по английскому изданию, кроме того, я добавил несколько собственных примечаний, в частности, одно о биметаллизме **. Как только книга выйдет, я пришлю Вам экземпляр.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 267—268

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 декабря 1889 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Получил письмо от Засулич, которая посылает тысячу благодарностей для передачи всех их Вам за обещанную Вами статью ***. Она сообщает мне, что если Вы пришлете ее 4 января, то это будет вовремя. Надеюсь, это не очень затруднит Вас? Если Вы не располагаете временем сделать ее настолько пространной, как Вам хотелось бы, напишите ее короче. Несколько страниц, написанных Вами, представят ценность как для издателей, так и для читателей.

Искренне Ваш

С. Степняк

P. S. Не утруждайте себя ответом.

Ваш *С. С.*

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — «Капитала». *Ред.*

** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 154. *Ред.*

*** *Ф. Энгельс*. «Внешняя политика русского царизма». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 18 (30) декабря 1889 г.

Милостивый государь!

Книгу Тука «Законы денежного обращения» я получил в должном порядке. Сердечно благодарен за Вашу любезность.

Очень приятно узнать, что четвертое издание «Капитала» * скоро выйдет. Я очень рад, что Вы прибавили несколько примечаний, в частности о биметаллизме. Утверждение, будто «на мировом рынке господствует *двойная* мера стоимости — золото и серебро» **, не согласуется с собственной теорией денег автора. Успех этого труда тем более приятен, что он является признаком определенного общественного течения. Этот успех может служить некоторым утешением в той удушливой атмосфере, которую создают другие тенденции общественной жизни. Кое-кому видно, что существует партия, жизнь которой освещается идеями, и что требования подавить человеческую мысль казарменными мерами («кто не сочувствует казарменным идеям, тот мой враг и враг общества») не встречает «всеобщего» одобрения.

Здесь реакция усиливается повсюду... В течение последнего лета нас одним росчерком пера лишили наших выборных мировых судей, и вместо них мы получили так называемых земских начальников, выбираемых губернаторами из среды дворянства. Их права в некоторых отношениях расширились, так как они могут приговаривать к наказанию розгами... Говорят, что это вполне соответствует нашим национальным обычаям.

Чтобы усилить влияние дворянства, мы идем еще дальше. После манифеста 19 февраля 1861 г. наши помещики заложили свои имения в частных земельных банках из 7% (включая платежи погашения). Около 30% частной земельной собственности было заложено. Наши помещики, в силу экономических условий и главным образом благодаря существованию крестьянской земельной собственности, были лишены возможности лично управлять хозяйством, без больших затрат капитала. Кроме того, у них не было практических знаний. Таким образом, они были вынуждены сдавать свои земли в аренду крестьянам. Но ведение хозяйства крестьянами не может дать большой прибыли помещикам, несмотря на высокую ренту, так как орудия труда и способы культивации устарели.

* — четвертое немецкое издание первого тома «Капитала». *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 153, *Ред.*

Помещики заявили, что они не в состоянии платить вышеупомянутых 7%. В недавно созданном Дворянском земельном банке [303] они получили возможность платить за свои займы около 6% (включая платежи погашения). В течение четырех лет задолженность увеличилась почти до 200 млн. рублей. Но сельское хозяйство не продвинулось ни на шаг вперед. Огромное большинство должников не уплатило ни копейки за все четыре года существования банка. Сумма просроченных долговых платежей возросла неимоверно. Правительство решило понизить ставку процента до $4^1/_2$; чтобы получить средства для этой операции, оно заняло около 170 млн. рублей (посредством выигрышного займа, 215 за 100)... В то же самое время делаются невероятные усилия, чтобы объявить дворянские имения неотчуждаемыми...

Крестьянская земельная собственность не в лучшем состоянии. Здесь мы наблюдаем старую историю: все экономические условия после 1861 г. вынуждают землевладельцев-работников сбывать все бо̀льшую часть своих сельскохозяйственных продуктов на рынке; продукты их собственной домашней промышленности уступают место продуктам капиталистической промышленности, но число «освобожденных рабочих рук» не соответствует числу занятых на фабриках, так как число фабричных рабочих не увеличивается. Крестьянство дифференцируется на два слоя: богатое меньшинство и большинство, которое становится все беднее и беднее. Чтобы положить конец этому процессу, — которому они сами содействовали всеми силами, — наши мудрецы требуют поддержки приходящей в упадок домашней промышленности, но не с целью дать производителям средства для потребления своих продуктов, а чтобы побудить их работать для рынка. Это сулит очень приятное будущее торговцам, так как при все растущей бедности производителей это даст им большие барыши.

Вы знаете, что каждый крестьянин, уплативший все выкупные платежи за свой земельный надел, имеет право требовать выделения; таким образом, он становится частным собственником. Чтобы положить этому конец, наши экономисты настаивают на лишении крестьян права продажи своих земельных наделов, то есть они желают прикрепить их к земле... Как видите, мы ведем борьбу не с болезнью, а с ее симптомами...

Я думаю, Вы уже слышали о смерти Чернышевского.

Письмо г-на Лафарга я получил и сразу же ответил ему.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — С. М. КРАВЧИНСКОМУ (СТЕПНЯКУ)
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 января 1890 г.*

Дорогой Степняк!

Поскольку я не знаю женевского адреса, мне приходится послать свою статью [64] Вам. Верните мне, пожалуйста, немецкий оригинал как можно скорее, чтобы я мог написать вторую часть.

Как часто будет выходить Ваш журнал **?

Поздравляю с Новым годом Вас, г-жу Степняк и всех друзей.

Всегда Ваш

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 281

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 22 января 1890 г.

Милостивый государь!

В «Ежегоднике» Московского земства за 1889 г., который я послал Вам, Вы найдете интересную статью о крестьянском «кредите» и о «мирских, общественных займах» [314]. Понятие кредита там употреблено неправильно; предмет, о котором идет речь, скучен; Вы не найдете там ничего о «кредите». Неправильное употребление терминологии не редкое явление в исследованиях статистиков. В «Сборниках земств» Вы, например, встретите термин «рента», который употребляется в совершенно другом смысле, чем в строго экономических исследованиях. Мы живем в переходный период. Барщина в юридическом смысле исчезла, но как экономический факт она является реальностью: крестьянин прежде работал три дня в неделю на себя и три дня — на помещика; в настоящее же время он работает в имении помещика, получая около $^1/_4$—$^1/_2$ продуктов натурой. Плата натурой часто осложняется денежной платой; это — переходная форма к чисто денежным платежам.

* В оригинале ошибочно: «89». *Ред.*
** — «Социаль-демократ». *Ред.*

Наши статистики дают массу материала для исследования на фактах происхождения прибавочной стоимости. Однако те же самые материалы, с другой стороны, показывают, что аренда крестьян, не будучи исключительным источником их дохода, увеличивает долю помещика, то есть увеличивает его доход и цену земли. Но если помещик вздумает обрабатывать землю посредством наемного труда, прибыль его будет значительно меньше средней прибыли в стране (повышенной благодаря ввозным пошлинам и т. д.); говорить о «ренте» в России абсурдно. Между тем в наших «Статистических сборниках» Вы всегда найдете исследования о «ренте». Такова и в указанном «Ежегоднике» статья о «кредите».

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Морне, 30 января [1890 г.]

Уважаемый гражданин!

Мы весьма благодарны Вам за Вашу статью [64] и просим Вас извинить нас за то, что мы возвращаем рукопись с опозданием. В этом виновата «инфлюэнца».

Наш журнал трехмесячный *, и следующая книга должна выйти в апреле. Рукопись Вашей второй статьи понадобится нам самое позднее в марте, но если бы Вас не затруднило прислать ее раньше, то нас бы очень устроило иметь все рукописи этого номера заблаговременно.

Прошу Вас поблагодарить также от нашего имени г-жу Эвелинг [315]. Русский социал-демократ, особенно социал-демократ, умеющий писать, является пока у нас очень большой редкостью, потому издание журнала в этих условиях — дело нелегкое. Помощь наших западных друзей, следовательно, нам крайне необходима.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

* — «Социаль-демократ». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 24 февраля 1890 г.

Милостивый государь!

Разрешите мне сердечно поздравить Вас в связи с таким успехом Ваших идей [316]. Этот успех тем более ободряет, что он подобен «лучу света в темном царстве», в котором мы живем.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Морне, [конец марта 1890 г.]

Уважаемый гражданин!

В своем последнем письме Вы мне писали [71], что III глава Вашей статьи «Внешняя политика» [64] готова и что Вы пришлете нам корректуру. Мы предполагаем, если Вы ничего не имеете против, опубликовать II и III главы вместе во второй книге нашего журнала. Вы, возможно, заметили в нашей книге (я не знала точно Вашего адреса и попросила Степняка передать ее Вам), что каждая статья представляет собой законченное целое. Этого требуют условия транспортировки книг в Россию. Иногда бывает так, что бо̀льшая часть издания попадает в Петербург, а читатели в Киеве, например, получают едва две-три книги. А в другой раз, напротив, легче переправить на юг, но тогда Петербург снабжается весьма скудно. Следовательно, никогда нельзя быть уверенным, что человек, прочитавший первый номер, сможет достать второй, и наоборот. Вот почему мы хотим объединить II и III главы Вашей статьи в одной книге. Если Вы на это согласны, то будьте добры прислать мне III главу для перевода.

Ваше предположение, что предрассудки наших читателей будут задеты Вашей статьей, вполне обосновано. Так и произошло. И тем не менее Ваши статьи ни в коей мере не смогут повредить нашей пропаганде. Совсем наоборот. Вообще мы не можем вести даже малейшую пропаганду без того, чтобы не раздражать вначале наших читателей. Масса нашей

интеллигенции пропитана народничеством, идеями нашей славянофильско-демократической литературы (в духе Михайловского, Тихомирова, до происшедшей с ним метаморфозы, и т. д.). Наши идеи представляют собой полную противоположность их идеям. Но это не мешает (а может быть, даже и способствует) тому, что больше всего читают именно нас. Каждая наша публикация вызывает большой шум, множество дискуссий, собраний и речей. Большая часть молодых друзей, наших товарищей и притом лучшая, принималась за изучение с намерением опровергнуть приводимые нами аргументы, а заканчивала тем, что воспринимала наши идеи. Единственное для нас средство пропаганды — задевать предрассудки читателей. И Ваша статья непременно сделает это. Но я уверена, что если читатели лишний раз почувствуют себя задетыми, то это пойдет им только на пользу.

Мы всегда будем рады публиковать все, что Вы любезно пришлете нам.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В МОРНЕ (ФРАНЦИЯ)

Лондон, 3 апреля 1890 г.

Дорогая гражданка!

Сразу же по получении Вашего письма я передал Степняку конец статьи [64] (корректуру), и так как корректура местами была несколько искажена, я передал также соответствующую часть рукописи для сверки. Надеюсь, что Вы уже все получили.

Степняк передал мне также экземпляр журнала *, за что я Вам очень благодарен; предвкушаю большое удовольствие от чтения Вашей статьи и статей Плеханова [317].

Вы совершенно правы: при такой публикации каждый номер должен содержать только такие статьи, из которых каждая представляет собой законченное целое, не зависящее от какого-либо продолжения в следующем номере. Я так бы и сделал, если бы в настоящее время не был так стеснен во времени.

* — «Социаль-демократ». *Ред.*

Совершенно согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества * — немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских. Впрочем, я признаю, что, например, вопрос о разделе Польши выглядит совершенно иначе с русской точки зрения, чем с польской, сделавшейся точкой зрения Запада. Но, в конце концов, я должен в равной мере считаться и с поляками. Если поляки претендуют на территории, которые русские вообще считают приобретенными навсегда и русскими по национальному составу населения, то не мне решать этот вопрос. Все, что я могу сказать, так это то, что, по-моему, население, о котором идет речь, должно само определить свою судьбу — совершенно так же, как эльзасцы сами должны будут выбирать между Германией и Францией. К сожалению, говоря о русской дипломатии и ее влиянии на Европу, невозможно было не говорить о вещах, которые современное поколение в России рассматривает как внутренние дела **; и неудобство, по крайней мере на первый взгляд, заключается в том, что говорит об этом так не русский, а иностранец. Но это было неизбежно.

Если Вы считаете полезным сделать от моего имени небольшое примечание об этом, то прошу Вас сделать его в том месте, где Вы найдете наиболее удобным.

Я надеюсь, что опубликование моей статьи на английском языке произведет некоторое впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительный пыл царя сильно поколеблена вестями из Сибири, книгой Кеннана и последними университетскими волнениями в России [318]. Вот почему я и поспешил с опубликованием; нужно ковать железо, пока оно горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала, что в ее будущей кампании на Востоке ей поможет приход к власти царефила Гладстона, поклонника «северного божества», как он называл Александра III. Были пущены в ход критяне и армяне, затем могла бы последовать диверсия в Македонии; при раболепстве Франции перед царем и благожелательности Англии можно было бы, пожалуй, рискнуть на новый шаг и даже завладеть Царьградом без войны с Германией, которая не осмелилась бы воевать при таких неблагоприятных условиях. А в случае завоевания Царьграда можно было бы ожидать длительного периода шовинистического опьянения, подобно тому, как это было в Германии после 1866 и 1870 годов. Вот почему возобновившиеся среди английских либералов антицаристские настроения представляются мне чрезвычайно важными

* Слово «народничество» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** Слова «внутренние дела» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

для нашего дела; очень хорошо, что Степняк здесь и имеет возможность их подогревать [319].

С тех пор как существует революционное движение в самой России, ничего уже больше не удается когда-то непобедимой русской дипломатии. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия — самый опасный враг, как ваш, так и наш. Это пока единственная непоколебимая сила в России, где даже сама армия ускользает из рук царей, о чем свидетельствуют многочисленные аресты среди офицеров, доказывающие, что русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского. И как только у вас появятся сторонники и надежные люди в рядах дипломатии — у вас или хотя бы у конституционалистов [320], — ваше дело выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 316—318

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Морне, [около 10 апреля 1890 г.]

Уважаемый гражданин!

Конец Вашей статьи я получила и перевожу его [64]. Мы прочли статью вместе с Плехановым и пришли к выводу, что давать примечание, о котором Вы говорите, не стоит. Вопрос о Малороссии и Белоруссии Вы затрагиваете только мимоходом, а в остальном сама статья достаточно ясно говорит, почему иностранец может и должен интересоваться подобными вопросами.

А теперь я не могу удержаться от того, чтобы не написать Вам о другом деле, о нападках на нас в № 14 «Sozialdemokrat» [321]. Нас чрезвычайно неприятно поразило, что подобная статья появилась в уважаемом органе немецкой социал-демократии. Если бы это была хотя бы добросовестная статья и имела какой-либо здравый смысл, но она рассчитана исключительно на полное незнакомство немецкой публики с русскими делами. Г-н Бек никогда не посмел бы написать ничего подобного по-русски. Русские издания всех оттенков (я могла бы привести бесконечное множество примеров), не имеющие согласия по всем другим вопросам, всецело сходятся, однако, в том, что движение «интеллигентной молодежи

80-х годов» ничто по сравнению с тем, каким оно было 10—15 лет до того. Правда, что «в 80-х годах» русские студенты (за исключением наших товарищей) перестали заниматься пропагандой, а потому утратили свой «культуртрегерский» (то есть нереволюционный, на языке Бека) характер; такой характер, по мнению Бека, имела социал-демократия всего мира, во всяком случае так было недавно в Цюрихе, где он примыкал к анархистам. Правда и то, что теперь в университетах Швейцарии и Парижа, — где начал и продолжает свою революционную карьеру г-н Бек, — среди студенчества в тысячу раз больше разговоров об убийствах и динамите, чем раньше. Но с начала 1882 г. (после казни Стрельникова Желваковым и рабочим Халтуриным) [322] никто в России не был убит революционерами и не было совершено ни одного покушения, когда бы жизнь царя подвергалась какой-либо опасности.

По-русски г-н Бек не решился бы написать, что «было бы трудно указать, где и когда рабочим давался совет рассчитывать на всю интеллигентную молодежь в целом». Непосредственно рабочим такого совета никто не давал просто потому, что с 1881 г., кроме нас и нескольких групп приверженцев наших идей в России, никто из революционеров ничего для рабочих не пишет и ни с какими советами к ним не обращается. Зато в «хорошем обществе», в литературе, предназначенной для интеллигенции, именно этот вопрос является излюбленной и почти единственной темой. Из-за большого выбора нелегко в доказательство подобрать цитаты. Если говорить только о последнем времени, то в 1888—1889 годах в Швейцарии появилось множество газет и журналов: «Свобода», «Борьба», «Самоуправление», «Свободная Россия» — и все они превозносили спасительную миссию интеллигенции. В первом номере «Самоуправления», органа «социалистов-федералистов», как они себя называли, в программной статье говорилось, что они не хотят стихийной народной революции, что революции в городах приводят к деспотизму, что социалисты-федералисты рассчитывают только на образованных людей, на общество, на интеллигенцию. Но это была плохо редактируемая газета, возможно, что она сама не знала, что хотела сказать. Другое дело «Свободная Россия», здесь царила полная гармония. Вдохновителем ее был г-н Драгоманов, который прекрасно знает, чего он хочет. Газета выдвигала теорию, что народные революции — это несчастье, они ни к чему не приводят. Деспотизм ниспровергался всюду только благодаря деятельности образованных людей: во Франции в 1788 г., в Пруссии в 1847 г. (патент 3 февраля), в Вене 12 марта, по рескрипту императора, накануне восстания. Что касается социального вопроса, то он будет разрешен только при помощи согласованных действий всех слоев населения, при помощи «социальной политики». Запад уже вступил в эту фазу. Богатые и образованные классы,

точно так же, как и правительства, занимаются улучшением положения рабочих, а рабочие, со своей стороны, помышляют только о минимальных, практически выполнимых требованиях. Устаревшая идеалистическая метафизика Маркса, как в экономической, так и в политической области, всюду забыта и отвергается рабочими («Свободная Россия» № 2, «Очерки социального движения» [323]). Так обстоит дело в Европе. А в России, если земства будут подавать петиции, правительство согласится создать нечто вроде Соединенного прусского ландтага 1847 года. Газета призывала учащуюся молодежь, интеллигенцию не выходить из круга «хорошего общества», а главное не обращаться к рабочим. В качестве аргументов писатели из «Свободной России» приводили всевозможные (вернее невозможные) вещи, стараясь очернить наших рабочих. Не имея фактов, они построили теорию (продолжая называть себя социалистами и революционерами в «истинном смысле слова»), что громадное большинство рабочих при аресте обязательно становится предателями, так как только образование (окончание университета или гимназии) дает человеку нравственную силу и мужество.

Рабочий, начинающий интересоваться запрещенной литературой, ни в коем случае не ограничивается брошюрами, изданными специально для него, он читает все, что попадается под руку. При таких условиях могли ли мы оставить без ответа глупые и совершенно незаслуженные оскорбления, которые наносились рабочим от имени социалистов-революционеров? Именно об этой фракции, имеющей бесчисленное множество оттенков (но все ее члены сходятся на том, что действовать надо заодно только с «хорошим обществом» образованных людей, не привлекая рабочих), говорит Плеханов в предисловии, которое ставят ему в вину. Г-н Бек лжет, когда заявляет, что «мы признаем «хорошими» только тех интеллигентов, социалистическая благонадежность которых подтверждена подписью Плеханова». На самом деле Плеханов просто говорит, что истинными друзьями рабочих являются те студенты, которые несмотря на опасности идут сейчас к рабочим. Это предисловие вызвало большой шум на студенческих собраниях в Цюрихе и в Париже. Говорили, что он выдал рабочим то, о чем образованные люди говорят между собой. Плеханов получил также несколько писем; одно так мило, что я хочу его процитировать. «Советуя рабочим», говорится в письме (автор — курсистка), «самим добиваться своего освобождения, Вы тем самым доказываете, что не любите их. Человек, любящий другого, не скажет ему: трудись сам для своего счастья. Наоборот, он скажет: будь спокоен и не тревожься, я все сделаю за тебя. Вот, что мы говорим народу, и потому именно мы его истинные друзья». Недавно опубликованное предисловие пока не подвергалось нападкам. Собрания нескольких студентов за границей еще не выражают общественного

мнения, а г-н Бек так болтлив, что ему давно уже перестали отвечать, что бы он ни говорил.

В движении нашей учащейся молодежи, — которая некогда отожествляла свои интересы с интересами народа и искренне считала себя социалистической, хотя и была только бакунистски-народнической, — происходит сейчас размежевание. Одни становятся социалистами в нашем смысле этого слова, другие все больше усваивают чисто буржуазные взгляды. Но при царящей в головах путанице даже люди, выступающие с программами в духе «Свободной России», дополнив их похвалами по адресу динамита и несколькими фразами о благе, которое они принесут народу, имеют возможность называть себя социалистами и ужасными революционерами, а может быть, и считать себя ими. Этот процесс был неизбежен, рано или поздно часть нашей учащейся молодежи должна была усвоить идеи, соответствующие ее положению. И именно в такой критический момент нашего движения мы считаем своим долгом заниматься без обиняков пропагандой революционного пролетарского социализма, принципов марксизма, и вносить возможно больше ясности в идейную путаницу, которая очень вредит движению, что бы ни говорил по этому поводу г-н Лавров, для которого все программы одинаково хороши, лишь бы называть себя социалистом и обещать «высоко держать знамя»! Это наш долг, и мы делаем все, что в наших силах.

Нам неизвестно, кто является доброжелательным автором корреспонденции в № 12 «Sozialdemokrat» [324], которая дала повод для нападок в № 14 [321]. Что касается нас, то мы никогда не стремились занимать своими делами и спорами столбцы органа немецкой социал-демократии (который, благодаря положению этой партии, является как бы центральным органом социал-демократии всего мира). Мы считаем себя лишь сторожевым отрядом на отдаленной границе; главной армии нет времени заниматься нами, думали мы. Велико же было наше удивление, когда этот уважаемый орган стал трибуной для злобных и бессмысленных нападок болтливого студента (понимаете ли Вы что-нибудь в его фразах о «пропасти, вырытой» Плехановым, о цели, которую Плеханов должен был бы себе поставить, но не поставил, и т. д.? Я лично абсолютно ничего не понимаю). Что нужно от нас редакции «Sozialdemokrat»? Чем мы ее прогневали? Надо было бы сказать нам это; мы бы постарались исправиться. Редакция может быть скажет, что она беспристрастна и опубликует наше опровержение. Но, судя по тону г-на Бека, совершенно ясно, что дискуссия ни к чему не приведет и что найдутся еще десятки Беков, которые будут чрезвычайно рады случаю напасть на нас на страницах «Sozialdemokrat». Нас окружает старая ненависть бакунистов, с недавних пор к ней прибавилась ненависть к нам буржуазных кругов. Разве не пикантно

иметь возможность атаковать нас как раз в этом органе? А для нас было бы даже зазорным вступать в дискуссию с господами Беками в *«беспристрастном» органе социал-демократии.* Какими политическими соображениями руководствовалась редакция, поступая с нами таким образом? Бернштейн был нашим другом, он отчасти в курсе наших дел, он должен был бы знать, что корреспонденция в № 12 дает совершенно правдивую картину и что она рассердит Беков. Итак, если политические соображения не позволяют редакции поддержать истину и стать на нашу сторону, то не лучше было бы вообще не печатать о русском движении ничего такого, что могло дать повод к спорам, чем наносить удар социал-демократам, даже если это только русские?

Очень прошу Вас, дорогой гражданин, простить мне, что я докучаю Вам своим письмом, ставшим невероятно длинным помимо моей воли. Было бы проще написать прямо Бернштейну, но, право, нам кажется, что он что-то имеет против нас. Вы, вероятно, часто видитесь с ним и могли бы, может быть, объяснить нам, в чем дело.

Еще раз прошу не сердиться на меня за мое длинное письмо.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В МОРНЕ (ФРАНЦИЯ)

Лондон, 17 апреля 1890 г.

Многоуважаемая гражданка!

Когда я читал статью Бека, у меня было предчувствие, что Вам и Вашим друзьям она будет неприятна, и я сказал Бернштейну, что на его месте я не напечатал бы такого набора слов. Но он ответил, что не считал себя вправе не помещать статью, выражающую, в конце концов, мнение определенной части русской молодежи, у которой нет другого печатного органа, чтобы ответить читателям «Sozialdemokrat» на опубликованную ранее статью [324]. Бернштейн сказал далее, что он стремился, главным образом, к тому, чтобы дать вам повод ответить на эту критику, и, конечно, с большим удовольствием напечатает любой ваш ответ.

Положение «Sozialdemokrat» по отношению к живущим в Западной Европе русским довольно щекотливо. Без сомнения, вас считают *союзниками*

и особыми друзьями германского движения. Но ведь и другие социалистические фракции имеют право на определенное уважение. Чтобы иметь возможность говорить с германскими рабочими, они почти вынуждены обращаться в «Sozialdemokrat»; следует ли совершенно отказывать им в гостеприимстве? Это было бы вмешательством во внутренние дела русских, а как раз этого надо избегать во что бы то ни стало. Возьмите, к примеру, внутреннюю борьбу у французских и датских социалистов; «Sozialdemokrat» сохранял нейтралитет в отношении поссибилистов, пока это было возможно, то есть пока его самого не затронули, а в отношении двух датских партий он продолжает сохранять нейтралитет, несмотря на то, что все его симпатии на стороне «революционеров» [325]. То же самое и в отношении русских. У Бернштейна нет и намека на недоброжелательность к вам, за это я Вам ручаюсь. Но у него очень сильно развито чувство справедливости и беспристрастия; и он предпочтет *десять раз* быть несправедливым к своим друзьям и союзникам, чем оказаться *один раз* несправедливым к врагу или к человеку, который ему несимпатичен; все его друзья упрекают его в этой преувеличенной беспристрастности, которая превращается в предвзятое отношение к своим союзникам. Именно эта черта Бернштейна приводит к тому, что при разборе спорных случаев он всегда более снисходителен к врагу.

Прибавьте к этому, что мы все очень плохо осведомлены о довольно часто изменяющихся группировках среди русских, живущих в Западной Европе, и поэтому рискуем в любой момент попасть впросак. Бернштейн знает о них значительно больше, чем я, так как он мог, по крайней мере, кое к чему приглядеться в Цюрихе; мне же, наоборот, было неизвестно даже существование и названия газет, которые Вы упоминаете *. Бернштейн говорил мне, что в письме Бека он увидел выражение взглядов сторонников Лаврова; не знаю, прав он или нет, но это было одной из причин, побудивших его напечатать письмо.

Он сказал мне также, что просил прислать ему из Парижа перевод предисловия Плеханова [321], чтобы напечатать его полностью. Перевод этот получен и будет напечатан при первой же возможности. Все это Бернштейн предпринял немедленно по получении письма Бека, и это должно послужить для Вас доказательством, что он хотел воспользоваться опубликованием этого письма, чтобы снова дать слово Плеханову. А теперь я предлагаю Вам составить ответ Беку — если желаете, по-французски, — и послать его либо мне, либо непосредственно в «Sozialdemokrat» (адрес Бернштейна: 4 Corinne Road, Tufnell Park, London N.). Ведь Вы знаете

* См. настоящий сборник, стр. 562. *Ред.*

этого г-на Бека, а вне русской среды его не знают; и хотя Вы и считаете для себя до некоторой степени унизительным вступать с ним в полемику, но это одна из тех неприятностей, которых, к сожалению, часто нельзя бывает избежать; мне это знакомо.

Я знаю по опыту, чтò за движение происходит внутри маленькой русской колонии в Западной Европе. Все друг друга знают, все находятся друг с другом в личных дружеских или враждебных отношениях, и, следовательно, все развитие, обязательно сопровождаемое разногласиями, расколами, полемикой, приобретает в высшей степени личный характер. Это свойственно всякой политической эмиграции; в период 1849—1860 гг. у нас тоже всего этого было достаточно. Но вместе с тем я тогда же убедился, что партия, обладающая достаточной моральной силой, чтобы первой стать выше этой обстановки личных счетов и не поддаваться влиянию этих распрей, приобретает именно благодаря этому большое преимущество перед другими партиями. Чем менее чувствительны вы будете к этим булавочным уколам, тем больше сил и времени вы сбережете для великой борьбы. Не все ли Вам равно, в конце концов, что статья Бека или кого-нибудь другого появилась в «Sozialdemokrat», раз вы уверены, что сможете ответить на нее со всей прямотой? Ведь нельзя же сделать всю социалистическую печать Западной Европы недоступной для ваших русских противников. А разве само русское движение не выиграет, если оно будет развиваться более открыто, на глазах у широкой западноевропейской общественности, вместо того чтобы прятаться в маленьких, отрезанных от всего света кружках и тем самым благоприятствовать интриганству и различным проискам? Когда Маркс видел, что против него плетутся тайные интриги, он пускал в ход именно это одно из самых сильных и чаще всего применявшихся им средств: вытаскивал своих противников на солнышко и публично вел на них атаку.

Лучшее средство отбить у ваших противников всякую охоту становиться в позу перед немецкими социалистами — это ваше активное сотрудничество в «Sozialdemokrat» и «Neue Zeit». Как только будет установлено и признано единство ваших взглядов с взглядами немцев, можно предоставить другим говорить, что им угодно, никто не будет обращать на них внимания. Я уверен, что ваши сообщения будут приняты с распростертыми объятиями, и для меня было сюрпризом известие о том, что статья Плеханова о Чернышевском * появится в «Neue Zeit» [326].

Сердечный привет Плеханову, а также лично Вам.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

* Эта фамилия написана Энгельсом по-русски. *Ред.*

Бернштейн — прекрасный парень, и умный, и с хорошим характером, но у него есть та странность, что мерилом уважения к человеку для него является количество помещаемых им в «Sozialdemokrat» нападок других лиц на этого человека. Чем больше он вас уважает, тем больше он стремится быть по отношению к вам беспристрастным.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 330—333

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Морне, [около 20 апреля 1890 г.]

Уважаемый гражданин!

Вы предлагаете нам ответить г-ну Беку. Дело не в том, что полемика внушает нам отвращение (наши враги даже жалуются, что Плеханов ее слишком любит), а статья Бека сама по себе нам глубоко безразлична. Нас «задело» другое — то, что статья эта появилась в «Sozialdemokrat» и «беспристрастие» этого органа; но приходится считаться с фактом, не будем больше говорить об этом. Мы тоже думаем, что русское движение выиграет, как Вы пишете, «если оно будет развиваться более открыто, на глазах у широкой западноевропейской общественности», которая знает о нем лишь старую легенду. Но ответ Беку в «Sozialdemokrat» был бы поистине плохим началом. Дело не в личности Бека (он или другой, не все ли равно; никто из нас не поддерживал с ним личных отношений, ни хороших, ни плохих. *Весьма возможно, что он — единомышленник Лаврова; Лавров — единомышленник всех на свете)*, дело в его литературных приемах, которые не располагают к серьезному ответу. В бессвязных фразах он затрагивает слишком много вопросов сразу (он касается, если хотите, всей истории движения, ее фактической и идейной стороны). Нам совсем не трудно было бы ответить ему в нескольких словах, и для русских этого было бы вполне достаточно. Но товарищам на Западе, знакомым только с официальной легендой, дальше которой Бек не идет, — такой ответ мало бы что дал. А если бы мы попытались серьезно разобрать затронутые в его статье вопросы, нам понадобилось бы гораздо больше места, чем это позволяют размеры «Sozialdemokrat». Но предположим, что мы все же сделали бы это. Мы сказали бы по-немецки только то, что говорим по-русски. Между тем многие русские очень дорожат нерушимостью легенды, в глазах товарищей на Западе, в силу которой отблеск «славы предков» падает до некоторой степени и на них.

Вы можете быть уверены, что редакция была бы наводнена самыми страстными протестами и проклятиями по нашему адресу. Нам они нисколько не страшны, но сама логика вещей требует, что, напечатав эти протесты, редакция была бы вынуждена снова дать слово нам, и так без конца. У газеты размером «Sozialdemokrat» не нашлось бы ни времени, ни места, чтобы разобрать окончательно это дело, да и жаль было бы заполнять этим его страницы. Как ни подойти к вопросу, мы находим, что правильнее не отвечать г-ну Беку в «Sozialdemokrat». Мы считаем этот эпизод исчерпанным.

Что касается вообще сотрудничества, то это дело другое, и, может быть, наша группа [266] была неправа, что не сотрудничала в нем.

Плеханов сейчас здесь, в Морне, и шлет Вам вместе со мной свой самый сердечный привет.

Преданная Вам

В. Засулич

P. S. Мне только что рассказали, что цюрихские студенты окраски Бека заявили на одном собрании о своем твердом намерении овладеть Царьградом. Вы так хорошо говорите о выгодах обладания им, что такое желание охватило их, вероятно, как раз в связи с чтением Вашей статьи [64].

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 6 мая 1890 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Пишу, чтобы только сказать, сколь обязан я Вам за Вашу статью о внешней политике России и как я благодарен за то, что Вы ее написали. Я получил «Time» *, но думал, что уже видел статью и поэтому не прочел ее. Но я взялся за нее в воскресенье, когда вернулся домой, и не мог оторваться. Действительно, я никогда не читал ничего более превосходного на эту тему и хочу перепечатать ее заключительную часть в следующем выпуске моей газеты в назидание нашим английским и американским друзьям (я имею в виду «Free Russia» [327], первый номер

* В оригинале ошибочно: «Times». *Ред.*

которой выйдет через несколько дней). — Я совершенно согласен со всем, что Вы сказали, и сам высказывался в том же духе — мне хотелось бы уметь говорить хотя бы наполовину столь же хорошо. — Пожалуйста, извините меня за то, что я Вам все это говорю.

Я напишу Засулич и сообщу ей то, что Вы сказали о вашей социал-демократической полемике. Русские так мало привыкли к общественной жизни, что некоторые из ее элементарных принципов им необходимо иногда разъяснять.

Искренне Ваш

С. Степняк

Впервые опубликовано в журнале «Наука и жизнь» № 8, 1965 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 17 мая 1890 г.

Милостивый государь!

Теперешний редактор и издатель «Северного вестника» г-жа Евреинова продала журнал. Она не раз пыталась опубликовать статью г-на Лафарга[309], но напрасно: наши цензоры слишком строги... Простите, я со следующей почтой отошлю Вам рукопись. Я не посылаю ее непосредственно автору, так как не уверен, что он получает мои письма. Я писал ему дважды, в марте и в апреле, в ответ на его любезные послания.

Вы знаете, что земские статистические исследования запрещены центральным правительством, но в то же самое время они проводятся на Дальнем Востоке. В течение июня или июля будет издано подробное исследование о землевладении в Восточной Сибири; так как в нем будет помещено большое количество новых и интересных материалов, собранных по этому вопросу нашими опытными статистиками, я вышлю его Вам при первой возможности.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

В этом месяце я перееду; мой новый адрес: С.-Петербург, 8, Большая Конюшенная, кв. 7.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 10 июня 1890 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также статью г-на Лафарга [309], возвращенную редакцией; она уже отослана ему. Я сообщил ему, что Вы писали ему дважды — в марте и апреле, — но не имеете определенного ответа, получил ли он эти два письма. Его жена, которая находится сейчас здесь, не может по памяти ответить на этот вопрос определенно. Она очень сожалеет о переходе «Северного вестника» в другие руки и просит меня поблагодарить Вас от ее имени и от имени ее мужа за Ваши любезные хлопоты в их интересах.

Что касается четвертого издания I тома «Капитала», то я в настоящее время читаю 39—42 листы корректуры. Всего в томе будет менее 50 листов, так как шрифт на этот раз хотя и крупнее, но более убористый. Как только книга выйдет из печати, я сейчас же пошлю ее Вам.

Я снял копии на пишущей машинке со всех писем к Вам нашего автора *, так любезно предоставленных мне Вами (это сделала младшая дочь ** автора). Теперь я могу отослать их Вам обратно заказным письмом, если Вы ничего не имеете против этого способа отправки.

Я очень благодарен Вам за Ваши постоянные интересные сообщения об экономическом положении вашей великой страны. Под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней совершаются такие же крупные и важные экономические перемены, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдение за ходом их представляет величайший интерес. Последствия этих экономических перемен рано или поздно непременно проявятся и в других сторонах жизни.

Мы здесь слышали о смерти Н. Г. Ч. *** и восприняли это с чувством глубокой скорби и сострадания. Но, может быть, это и к лучшему.

Большое спасибо за Ваши поздравления в письме от 24 февраля ****; они порадовали нас больше, чем поздравления любого другого человека.

Я был так чрезмерно занят, и мои глаза, — хотя им и становится лучше, — по-прежнему так сильно утомляются при чтении русского текста, что я все еще не мог прочесть статьи в «Ежегоднике» *****, но я

* — Маркса. *Ред.*
** — Элеонора Маркс. *Ред.*
*** Н. Г. Чернышевского. Инициалы написаны Энгельсом русскими буквами. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 558. *Ред.*
***** Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

непременно сделаю это в первую же свободную минуту [314]. Отмеченное Вами неправильное употребление экономических терминов является весьма обычным недостатком в литературе всех стран. Здесь, в Англии, термином *рента* одинаково обозначается как плата за землю английского капиталистического арендатора лендлорду, так и плата за землю ирландского бедняка-арендатора, который платит настоящую дань, складывающуюся главным образом из вычетов из его средств к существованию, заработанных им собственным трудом, и лишь в самой ничтожной степени представляющую собой действительную ренту. Так в Индии англичане превратили поземельный налог, платившийся райатом (крестьянином) государству, в «ренту» и вследствие этого, по крайней мере в Бенгалии, фактически превратили заминдара (сборщика налогов в пользу прежнего индийского государя) в лендлорда, владеющего землей в силу номинального ленного пожалования от короны, совершенно так же, как это происходит в Англии, где корона является номинальным собственником всей земли, а крупные дворяне — ее действительные владельцы — в силу юридической фикции являются лишь ленными владельцами по пожалованию короны. То же самое произошло в Северной Ирландии, когда она в начале XVII века подпала под непосредственное господство Англии. Английский юрист сэр Джон Дэвис застал там сельскую общину с общественной собственностью на землю, которая периодически переделялась между членами клана, платившими известную подать главе своего клана; он сразу же объявил эту подать «рентой». Так шотландские лэрды — главы кланов — после восстания 1745 г. воспользовались этой юридической путаницей — смешением подати, уплачивавшейся им членами клана, с *«рентой»* за землю, находившуюся в их владении, для того чтобы превратить всю землю клана, общую собственность клана, в свою собственность, в частную собственность лэрдов. Ибо, заявляли юристы, если бы они не были лендлордами, то как бы они могли получать *ренту* за эту землю? Таким образом, это смешение подати с рентой послужило основой для конфискации всех земель в горной Шотландии в пользу немногочисленных глав кланов, которые очень скоро после этого согнали прежних членов клана с их земель и заменили их овцами, как это описано в «Капитале», гл. 24, 2 (стр. 754, третье издание) *.

С сердечным приветом искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 353—355

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 740—741. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 18 июня 1890 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше в высшей степени интересное письмо от 10 июня и пересылку статьи. Могу добавить, что в начале 70-х годов, когда в наших журналах довольно живо обсуждалась английская политика в Индии — в вопросе, касающемся превращения заминдаров в лендлордов, — в некоторых округах Закавказья сборщики податей были превращены в помещиков.

Думаю, что г-жа Евреинова эмигрировала в Швейцарию.

Я буду очень рад сообщать Вам те сведения об экономическом положении России, которые Вы хотели бы получить, но желательно знать, какой вопрос Вас больше всего интересует.

Вы правы, в России «совершаются такие же крупные и важные экономические перемены, как и во всякой другой европейской стране». Быстрота, с которой крестьянская домашняя промышленность, например, превращается в капиталистическую, и, как одно из последствий этого, необходимость для крестьян зарабатывать деньги, продавать земледельческие продукты и рабочую силу по бросовым ценам, приносит ущерб не только крестьянам, но и самим помещикам: 1) дешевый труд не позволяет применять машины; 2) одновременно, вследствие продажи крестьянами продуктов по бросовым ценам, земледелие становится все более и более невыгодным для помещиков.

Статистики Московского земства проводят важную работу: они исследуют средства существования (продовольствие) крестьян. Заведующий статистическим бюро пишет мне, что они собрали в течение прошедшей весны

> «массу материалов для разъяснения процесса, происходящего в крестьянском экономическом строе, его организации и его изменений. Имеются данные относительно продажи крестьянами своих продуктов и обратной покупки их» [328].

Разрешите попросить Вас прислать мне письма нашего автора * не в одном заказном письме, а в трех или в четырех и в течение двух или трех недель.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — Маркса. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 27 ноября 1890 г.

Дорогой друг Энгельс!

Я только что узнал, что завтра Вам исполняется знаменитые «три с половиной двадцатилетия». Вас лично я не поздравляю с этой годовщиной, так как сам, приближаясь к тому же возрасту, слишком хорошо знаю все его мрачные и печальные стороны. Но я поздравляю всех Ваших юных друзей, которые могут еще черпать новую энергию в Вашей вечно молодой старости. Я поздравляю всемирный социализм, который имеет возможность назвать Вас в числе самых полезных и энергичных борцов. Одновременно в этом письме я шлю Вам привет и наилучшие пожелания не только от своего имени, от имени Вашего личного друга и друга нашего дорогого Маркса, — я передаю Вам горячие поздравления и от имени социалистов моей родины. Они приветствуют в Вашем лице единственного человека, имя которого навеки вписано в историю социализма рядом с именем Карла Маркса и не тускнеет от блеска этого великого имени. Они ждут, что Вы, именно Вы, воздвигнете грандиозный памятник из собрания трудов и биографии того, чьим неразлучным спутником Вы были. От Вас, и только от Вас, надеются они услышать веское слово, которое раскроет истинный смысл и четко обрисует границы научного социализма. Вы обязаны жить и работать еще долгие годы, чтобы выполнить задачу, возложенную на Вас историей.

Да здравствует семидесятилетний, вечно юный юбиляр, сумевший выдержать борьбу в тяжелые годы и имевший счастье прожить достаточно долго, чтобы увидеть хотя бы зарю торжества социалистических идей! Да здравствует тот, кто вместе с Марксом еще до 1848 г. подписал «Коммунистический манифест» и смог приветствовать в 1890 г. партийный съезд в Галле! [329]

П. Лавров

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ТЕЛЕГРАММА РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В БЕРНЕ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Берн, 28 ноября 1890 г.

Русские социал-демократы в Берне шлют самое сердечное поздравление одному из величайших учителей социализма,

желают Вам еще многих лет деятельности на пользу пролетариата и науки.

Да здравствует международная социал-демократия!

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 5 декабря 1890 г.

Дорогой друг Лавров!

Тысяча благодарностей за Ваше доброе письмо от 27 ноября и за поздравления как Ваши, так и Ваших соотечественников-социалистов, от имени которых Вы пишете. Повторяется старая история. Львиная доля тех почестей, которыми меня засыпали в прошлую пятницу, принадлежит не мне, и никто не знает этого лучше меня. Разрешите мне поэтому почтить память Маркса большей частью тех похвал, которые Вы любезно адресовали мне и которые я могу принять лишь как продолжатель его дела. Что же касается той небольшой доли, которую я могу без хвастовства отнести на свой счет, то я приложу все силы к тому, чтобы быть достойным ее.

В конце концов, мы с Вами не так еще стары. У нас есть надежда жить и видеть. Мы видели подъем, величие и падение Бисмарка; почему же нам не увидеть после величия также и упадок (уже начавшийся) и окончательное падение величайшего врага всех нас — русского царизма?

Искренне Ваш

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2. т. 37, стр. 435—436

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 1 мая 1891 г.

Милостивый государь!

В моем последнем письме (от 20 января 1891 г.) [95] я сообщил Вам некоторые данные о все возрастающей экспроприации нашего крестьянства

вследствие развития капитализма. Я показал, что наибольшая часть средств существования, — за исключением продовольствия, — попала в руки капиталистов и что крестьяне вынуждены отчуждать все бо́льшую часть продукта своего земледельческого труда для покупки продуктов, которые они прежде производили сами. Другими словами, своим земледельческим трудом крестьяне должны не только кормиться, но и одеваться и т. д. Для того чтобы покупать, они вынуждены предварительно продавать. Они могут продавать или самих себя, или продукт своего земледельческого труда. Так как они не могут выжидать (ибо над ними стоят полицейские), они все одновременно отправляются на рынок, где продают свой хлеб по бросовым ценам.

Наше «Министерство земледелия» издало две важные книги: «О стоимости производства хлеба» и «О продажных ценах на землю» [330]. — Хорошо известно, что возделывание пшеницы на крестьянских полях сокращается. Пшеница становится видом зерна, которое возделывают помещики. Интересно проследить изменение цен на крестьянские и помещичьи зерновые хлеба. Так как пшеница является самым важным видом зерновых хлебов в нашей экспортной торговле, так как на внешних рынках ей приходится конкурировать больше всего с пшеницей других стран, то есть с пшеницей, полученной посредством более производительного труда, то можно предположить, что ее цена должна упасть ниже цены других хлебов и в особенности ржи. Доля вывозимой ржи слишком мала по сравнению с общим ее производством, этот вид хлеба составляет главную пищу нашего населения.

Посмотрим, что говорят факты. Следующие таблицы дают средние цифры за последние годы:

Средние цены (в рублях), получаемые производителями					Колебания покупательной способности золота по отношению к русской пшенице (Лондон)	Цена золотого рубля (в бумажных деньгах) (Лондон)		
Осенью	Ржи	Пшеницы		Овса		Яровых	Пшеницы	Ржи
		Озимой	Яровой					
1881 г.	8,93	12,27	11,10	3,11	100%	1,51	100%	100%
1885 »	5,57	7,91	7,06	3,11	79%	1,59	63,4%	62,5%
1886 »	5,11	9,04(?)	7,71	2,86	82%	1,147	69,4%	57,2%
1887 »	4,17	7,73	6,95	2,17	86%	1,306	62,6%	46,2%
1888 »	4,64	8,42	7,34	2,57	79%	1,524	66,1%	51,9%

Вы можете видеть, что обесценение наших бумажных денег, сопровождавшееся падением цен всех зерновых хлебов на английских рынках, оказывало сравнительно большее влияние на цену пшеницы. Покупательная способность золота по отношению к русской пшенице с 1885 г. постоянно возрастала, а цена пшеницы на наших внутренних рынках была довольно стабильной. В 1888 г. цена поднялась на 5,6%, покупательная же способность уменьшилась приблизительно на 8%. Цена пшеницы в 1887 г. составляла 63% цены ее в 1881 г.; овса — 60%, ячменя — 59%, а ржи — только 46,2%. Цена помещичьих хлебов упала до $^2/_3$ ее первоначальной величины; крестьянские яровые хлеба потеряли $^2/_5$, а рожь — больше половины своей первоначальной цены. В продолжение 1885 — 1887 гг., когда цена пшеницы была сравнительно устойчивой, цена ржи постоянно падала. По сравнению с предыдущим годом падение составляет, соответственно, 37,5%, 8,75%, 28%. В последнем (1888) году она возросла.

Что касается крестьян, то они фактически не в состоянии производить для самих себя всех своих средств существования (за исключением продовольствия); они вынуждены, ради приобретения средств для покупок и средств для платежей, арендовать земли в соседних имениях, отдавая постоянно увеличивающуюся часть продукта земельному собственнику (за последние 10 лет эта часть увеличилась на 100%. См. «Статистические сборники земств»). Но, с другой стороны, по окончании жатвы крестьяне вынуждены идти на рынок, они продают свой продукт по тем более низким ценам, чем больше они нуждаются в средствах платежа и купли. Это падение цены хлебов оказывает влияние на сумму денег, уплачиваемых за землю, маскируя увеличение реальной доли, отдаваемой земельным собственникам.

Рассмотрим теперь изменения покупной цены земли, ибо любопытно отметить колебания этих цен в районе культуры пшеницы и в районе культуры ржи. Цена земли в южных степях и в средней черноземной зоне в 80-х гг. поднялась на 52—62%; в северной зоне (черноземной) она упала на 9—23%. В северной зоне, то есть в зоне культуры ржи, она изменилась не слишком сильно.

Рассмотрим теперь несколько подробнее те факторы, которые определяли цену земли. Если разделить Европейскую Россию на две части: северную (с культурой ржи) и южную (с культурой пшеницы, черноземная зона), мы найдем, что в черкоземной зоне рожь составляет $^2/_3$ озимых хлебов, а пшеница $^1/_3$ (в юго-западной части рожь — $^1/_3$; в северной части черноземной зоны, то есть в Тульской, Рязанской, Тамбовской и т. д., — 88%). Яровая пшеница составлет 30% яровых хлебов; овес,

ячмень и т. д. — 70% (на юго-западе пшеница — 46%, на севере — 2%). В северной зоне пшеницы почти совершенно нет.

Если мы разложим цену наших основных зерновых хлебов на ее составные части, мы найдем, что цена сбора с десятины составляет:

Черноземная зона

Озимое поле

	Постоянный капитал основной	Постоянный оборотный	Переменный	Прибавочная стоимость	Общая сумма
a. рожь	= 1,70 +	3,70 +	17,27 +	11,02 =	34,29 (× 66%)
b. пшен.	= 2,26 +	7,72 +	26,4 +	35,29 =	71,67 (× 34%)
A. $\frac{66a + 34b}{100}$	= 1,88 +	5,06 +	20,7 +	19,34 =	46,91

Яровое поле

c. пшен.	= 3,22 +	9,05 +	21,13 +	56,82 =	65,22 (× 30)
d. овес	= 1,63 +	10,2 +	12,7 +	9,07 =	27,72 (× 70)
B. $\frac{30c + 70d}{100}$	= 2,11 +	5,50 +	15,22 +	16,10 =	38,96

Оба поля

I. $\frac{A + B}{2}$	= 2 +	5,3 +	17,26 +	17,72 =	42,98

Оба поля в северной зоне

II. $\frac{A + B}{2}$	= 2,2 +	6,84 +	20,16 +	60,55 =	39,85

В процентах

$4{,}9 + 10{,}8 + 51{,}9 + 32 = 100; \quad \frac{m}{v} = 62\%$

$3{,}1 + 10{,}8 + 36{,}8 + 49{,}3 = 100; \quad \frac{m}{v} = 134\%$

$4 + 10{,}7 + 44{,}1 + 41{,}2 = 100; \quad \frac{m}{v} = 93{,}43\%$

$4{,}9 + 13{,}9 + 32{,}4 + 48{,}8 = 100;$

$5{,}8 + 14{,}5 + 45{,}8 + 39{,}9 = 100;$

$5{,}4 + 14{,}2 + 39{,}1 + 41{,}3 = 100;$

$4{,}7 + 12{,}3 + 41{,}8 + 41{,}2 = 100; \quad \frac{m}{v} = 98\%$

$5{,}5 + 17{,}2 + 50{,}7 + 26{,}4 = 100; \quad \frac{m}{v} = 52\%$

Одна десятина в черноземной зоне дает 11,81 рубля; в северной зоне 7,03 $\left(=\frac{A+B}{3}\right)$. Конечно, отношение $\frac{m}{v}$ не дает действительной величины, так как в нем отсутствует торговая прибыль, то есть львиная доля m опущена. Но в моих предыдущих письмах соответственно приведены те же данные. Отношение между прибавочной стоимостью в черноземной и северной зонах составляет 17,72 : 10,55, или 167%; отношение между ценой земли 90 : 51, или 176%. В моих вычислениях я не учитываю ячмень, более дорогой вид зерновых, чем овес; в степях сеют больше ячменя, чем овса, так как поземельные налоги выше.

Вы можете видеть, как низка производительность труда. В продуктах наших фабрик относительная доля (m+v) гораздо меньше; в производстве земледельческих орудий и в производстве машин она составляет около 30—40%, в производстве бумаги — 25—30%, на хлопчатобумажных прядильных и ткацких фабриках — около 20%, на мукомольных предприятиях — 13%, а в земледелии эта цифра возрастает до 85%. Весьма жаль, что у меня нет таких же данных относительно других стран, особенно Англии и Соединенных Штатов. В «Отчете Министерства земледелия» (США) я их не нашел. Некоторые отдельные цифры относительно английского земледелия дают сумму m+v=55—60%.

Крестьянские поля более истощены; орудия и рабочий скот у них гораздо хуже, чем у крупных земельных собственников. Десятина помещичьей земли дает большее количество (на 15—25%) и лучшего (более дорогого) продукта, чем десятина крестьянского поля.

Земледельческий труд не может дать всех средств существования («от сохи не будешь богат, а будешь горбат»). Крестьянин вынужден пополнять недостающее при помощи займов. От экономической зависимости от своих кредиторов они могут освободиться только при очень благоприятных обстоятельствах. Наиболее важным условием является обильный урожай. В «Ежегоднике Московского земства» за 1889 г. (стр. 110) мы находим интересный факт, что зимой 1887/1888 г. крестьянам не нужно было покупать средства существования в начале зимы, как в предыдущем году (1886/1887 г.), хотя урожай 1886 г. был гораздо обильнее. В 1886/1887 г. они уплатили свои старые долги и имели возможность оставить для себя гораздо бо̀льшую часть урожая 1887 года!..

«Обильный урожай 1886 г. уменьшил необходимость заключения новых займов. Положение крестьян в продолжение 1887/1888 г. было гораздо более благоприятно, чем в предыдущую зиму, благодаря гораздо меньшей продаже средств существования для уплаты их старых долгов» (см. также «Ежегодник» за 1889 год).

Крестьяне делают по большей части займы в течение весенних месяцев; поэтому, чем обильнее урожай данного года, тем меньше платят они

кулакам за свои займы. Средний размер процентов, уплаченных ими, в 1885 г. составил 44%, в 1886/1887 г. — 51—62%, в 1888 г. — 52%, в 1889 г. — 46% («Ежегодник» за 1889 г., стр. 42). Несколько урожайных лет, последовавших друг за другом, дают им возможность удержать бо́льшую часть урожая для себя. Они продают меньшую часть урожая. Цена не падает. С этой точки зрения можно отчасти объяснить следующий факт, который с первого взгляда является очень противоречивым. За очень плохим урожаем 1885 г. последовал хороший урожай 1886 и 1887 годов. Урожай 1887 г. был наиболее обильным. В 1887 г. цена ржи в сравнении с ее ценой в 1881 г. упала на 53,5%. Осенью 1888 г. после обильного урожая она возросла на 11%, а в 1889 г. она возросла еще больше (на 20%). Цена овса и ячменя возросла в 1888 г. на 17—18%, несмотря на то, что урожай яровых хлебов является главным источником для уплаты податей и т. д. Но такие благоприятные обстоятельства слишком случайны для того, чтобы оказывать глубокое влияние на экономическую жизнь нашего крестьянства; влияние их слишком случайно в сравнении с влиянием целого ряда других обстоятельств, враждебных благосостоянию нашего крестьянства.

Что благосостояние крестьян не слишком высоко, это доказывается той быстротой, с которой распространяется переселенческая горячка. Они переселяются из всех частей страны. Они переселяются в Бразилию, в Центральную Азию, на Амур, в Сибирь. Но, кроме этих переселенцев, с каждым годом увеличивается масса крестьян, ежегодно уходящих из своих домов на поиски заработков. Они отправляются главным образом в южные губернии: Новороссию, Крым, Кубань; некоторые каждый год отправляются в Центральную Азию... Этим постоянно увеличивающимся передвижением крестьян, странствующих в поисках работы, — этих дешевых рабочих, — отчасти можно объяснить увеличение доходности земледелия в Южной России, несмотря на падение цен зерновых хлебов; правда, в то же самое время устаревшие земледельческие орудия вытесняются усовершенствованными. Но в одном из моих предыдущих писем я уже сообщил Вам некоторые сведения относительно конфликта между дешевым трудом и усовершенствованными орудиями.

Я уже говорил, что одним из многочисленных признаков современной коммерческой фазы (уменьшение производимых домашним трудом неземледельческих средств существования, отделение земледелия от ремесла, замена домашних форм производства в самом строгом смысле этого слова капиталистической формой, — незачем упоминать о так называемых «кустарных промыслах», о «домашней промышленности» в Германии; домашняя форма капиталистического производства у наших экономистов,

и т. д., и т. д.) является рост процента аренды крестьянами земель в помещичьих имениях. Результатом является истощение почвы и отступление культуры пшеницы к югу. Этим отступлением пшеницы можно объяснить падение цены земли в северной части черноземной зоны (в Тульской, Рязанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и т. п. губерниях).

К этому же ряду признаков следует добавить повышение цены наших бумажных денег; степень отчуждения земель сильно возросла.

Любопытно отметить, что наша пресса, указывая на различные благоприятные и неблагоприятные обстоятельства нашей экономической жизни, не хочет видеть коренной причины наших экономических неурядиц и старается решить этот вопрос при помощи исследования о том, какой экономической политики следует придерживаться для содействия росту капиталистического производства — свободной торговли или протекционизма? Наша пресса не хочет видеть, что это — вопрос чисто капиталистический, что решение его в одном или в другом смысле зависит от прогресса в других странах (хотя, конечно, оно должно реагировать на экономические условия рабочего класса). Но по отношению к крестьянству вопрос, в конечном счете, сводится к тому, в какой форме оно легче, быстрее и полнее может быть экспроприировано.

В моем последнем письме (20 января 1891 г.) [95], сообщая Вам некоторые сведения о росте текстильной промышленности, я забыл упомянуть, что из (земских) статистических обследований фабрик Московской губернии мы знаем, что 90 880 рабочих из общего числа 104 000 человек (86%) заняты в текстильной промышленности, что более 58% общего числа заняты в хлопчатобумажной промышленности, что самыми большими заведениями являются хлопчатобумажные фабрики, что на 25 таких фабриках (из 1081) работает 36% общего числа рабочих. (Проф. *Эрисман, Погожев и Дементьев.* «Статистические исследования санитарного состояния фабрик Московской губернии». М., 1890, стр. 90—114.)

Сообщите мне, улучшилось ли состояние Ваших глаз? Мне ужасно досадно, что в русском издании второго тома предисловие было переведено с сокращениями [274]. Цензурные затруднения, как я теперь думаю, не были непреодолимыми.

В первом номере «Юридического вестника» за 1891 г. помещен перевод из работы Родбертуса о нормальном рабочем дне («Письма и т. д. Родбертуса», изданные Р. Мейером, т. II, стр. 552—575). Разумеется, это весьма любопытная статья, с несколькими хвалебными примечаниями переводчика (д-ра Герценштейна) [331]. Я послал небольшую критическую заметку редактору. Если она будет напечатана, я пришлю Вам экземпляр.

В своем последнем письме (июнь 1890 г.) Вы спрашиваете меня, каким образом лучше вернуть письма г-на Уильямса *. Я тотчас же ответил Вам. Возможно, что они отосланы, но я еще не получил их. Если они были посланы и потеряны, то это непоправимо. Вы очень обяжете меня, разъяснив мне этот вопрос.

На какой стадии находится подготовка к печати третьего тома **?

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 11 мая 1891 г.

Милостивый государь!

Большое Вам спасибо. Восемь писем * получены в полной сохранности. Я переехал, и мой новый адрес таков: Большая Конюшенная, 8, кв. 7. Петербург.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 17 июля 1891 г.

Милостивый государь!

Очень обязан Вам за Вашу любезную присылку экземпляра «Наемного труда и капитала», тем более, что я очень беспокоился, не получая от Вас никаких известий. Теперь же, из того факта, что Вы написали «Пре-

* — Маркса (см. настоящий сборник, стр. 571). *Ред.*

** — «Капитала». *Ред.*

дисловие»[332], я вижу, что слухи о плохом состоянии Вашего здоровья, к счастью, оказались неверными.

Всегда искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Мы — накануне голода.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 2 сентября 1891 г.

Милостивый государь!

Сегодня я возвращаю Вам еще шесть писем *, то есть все, что было написано до конца 1878 г. — остальные вышлю в ближайшее время.

Ваше предсказание относительно голода сбылось даже слишком скоро, и нам здесь, в Англии, также предстоят тяжелые испытания. Урожай в целом обещал быть прекрасным, но дней десять тому назад — как раз к началу жатвы на юге Англии — наступила ужасная погода, которая произвела страшные опустошения как среди сжатых, так и среди несжатых хлебов; говорят, от 20 до 30 процентов урожая сильно повреждено, если не погибло совсем. Лишь одно преимущество связано с этим бедствием: оно делает невозможной какую-либо войну в ближайшие примерно 20 месяцев, а при нынешнем состоянии всеобщих вооружений и взаимного недоверия это — благо.

Разрешите мне в другом письме вернуться к Вашим весьма интересным сообщениям от 1 мая **. А сегодня я нахожусь накануне отъезда, и главная цель этих строк — попросить Вас направлять впредь все Ваши письма на имя г-жи Каутской по адресу: 122, Regent's Park Road, N. W. London.

Письма будут пересылаться мне *нераспечатанными,* а потому нет никакой необходимости в двойном конверте (envelope). Дело в том, что мне придется очень часто отлучаться из Лондона, и я боюсь, что письма, адресованные обычным способом, могут до меня не дойти; мне пришлось бы полагаться в этом случае на сообразительность и аккуратность служанок.

Мое здоровье в общем превосходно; но раз в год я нуждаюсь в отдыхе и полной перемене обстановки примерно в течение двух месяцев. Морское

* — Маркса. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 575—582. *Ред.*

путешествие всегда является для меня самым лучшим лекарством. Если через месяц я буду чувствовать себя настолько хорошо, как я предполагаю, то сразу засяду за III том*, он *должен* быть закончен. Но лучше, пожалуй, не давать никаких обещаний относительно срока.

Искренне преданный Вам

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 125

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 21 сентября 1891 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше письмо от 2 сентября. Возвращенные письма получены в сохранности. Очень рад узнать, что Ваше здоровье в хорошем состоянии. — Из Вашего последнего письма я могу заключить, что некоторые из моих писем потеряны. Так как в одном из них, а именно в письме от 20 января 1891 г., я пытался показать Вам рост нашей капиталистической промышленности за счет домашней в самом строгом смысле этого слова, так как этот факт может заинтересовать Вас, я просмотрю свои записи и снова сообщу Вам некоторые подсчеты. Я попытаюсь показать степень превращения домашней текстильной промышленности (после земледелия наиболее важной для крестьянства) в капиталистическую, чтобы Вы могли представить себе ту быстроту, с которой ткацкий станок — после плуга наиболее важное орудие труда — переходит из избы в светелку, а затем на фабрику.

Несколько лет тому назад все наши коммерческие и промышленные предприятия (за исключением акционерных компаний) были обложены чем-то вроде «подоходного налога». (Рубрика «А».) — Акционерные компании (за исключением железных дорог и обществ взаимного страхования от пожаров) платят 3% со своей прибыли. (Рубрика «В».) Отчет об этих налогах публикуется ежегодно Министерством финансов. — Я позаимствовал из этих отчетов некоторые данные, показывающие развитие текстильной промышленности. К сожалению, во второй части (рубрика «В», акционерные компании, обложенные налогом в 3%) мы не находим данных об объеме производства, в этой части мы находим только сумму прибыли.

* — «Капитала». *Ред.*

	1836 г.		1887 г.		1888 г.	
	Вся продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль
	(в тысячах рублей)					
По рубрике «А»	574 311	31 762	644 709	31 176	588 689	37 763
Текстильная промышленность	199 489	9 677	195 677	9 649	212 940	13 220

Но текстильная промышленность постепенно переходит в руки акционерных компаний. Чтобы дать Вам понятие о росте этой отрасли промышленности, я показываю Вам сумму ее прибыли:

Рубрика «В»	1886 г	1887 г.	1888 г.
Общая прибыль всех акционерных компаний	24 829	23 033	39 816
Текстильная промышленность	11 216 100%	13 447 119%	24 070 214%
А + В. Общая прибыль акционерных компаний и всех других предприятий	56 591	54 209	77 579
А + В. Текстильная промышленность	20 893 100%	23 096 116%	37 230 180%
Отношение прибыли текстильной промышленности ко всей прибыли	36,9%	42,6%	48%

Можно предположить, что производство у акционерных компаний не возрастает так быстро, как их прибыль. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим норму их прибыли. В «Вестнике Министерства финансов» (18 ноября 1890 г., № 46) мы находим данные, касающиеся акционерных компаний Петербургского округа за 1884—1888 годы. В шерстяной промышленности Петербургского округа средняя норма прибыли в течение пяти последовательных лет составляла 22%, 19%, 42%, 32%, 28%. Шерстяная фабрика компании Торнтона дала в 1886 г. 66%.

В хлопчатобумажной прядильной промышленности прибыль составляла в 1886 г. 15%, в 1887 г. — 21%, в 1888 г. — 32%.

	В 1886 г.	В 1887 г.	В 1888 г.
На Невской прядильной мануфактуре	36%	38%	63%
В хлопчатобумажном ткацком производстве	5%	13%	18%

В некоторых случаях прибыль за указанные годы возрастала до 16—69%, 20—69%, 28—78½%.

Вы видите, что норма прибыли возрастает абсолютно и относительно, в России и в Петербургском округе. Рассмотрим теперь общий объем производства. Из отчетов, опубликованных в «Вестнике финансов», я извлек следующие детали:

	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль
	(в тысячах рублей)					
Пять самых больших прядильных и ткацких компаний (акционерных)	25 386	1 804	27 605	2 785	34 513	3 601
В %%	100	100	108,9	154	135.9	200
Прибыль трех крупных ткацких мануфактур (акционерных)		3 720		5 407		6 508

Отсюда видно: 1) что сумма прибыли в больших хлопчатобумажных мануфактурах возрастает чрезвычайно быстро, 2) что она возрастает быстрее, чем производство, 3) что капиталистическое производство хлопчатобумажных тканей, особенно на больших фабриках, растет быстрее, чем прибыль других отраслей текстильной промышленности (льняной, шелковой и т. д.). Норма роста прибыли крупных хлопчатобумажных мануфактур составляет 100 : 154 : 200%, а полотняных, шелковых и т. д. — 100 : 111 : 130%; 4) что необыкновенно быстрый рост текстильной промышленности еще раз подтверждает, что капиталистическое производство отнимает у большинства крестьян всякую возможность вести самостоятельное хозяйство, а меньшинство вынуждает наниматься на фабрики в качестве наемных рабочих, чтобы производить ткани, необходимые крестьянам как материал для одежды. Прибыль владельцев хлопчатобумажных фабрик в 1886 г. составляла 23,6% всех прибылей, в 1887 г. — 24%, в 1888 г. — 34,6%. Прибыль всей текстильной промышленности, как мы видели, составляла в 1886 г. 36%, в 1887 г. — 42%, в 1888 г. — 48%.

Анализ отчетов этих фабрик показывает, что их владельцы не берут всей суммы прибыли в качестве дивиденда: часть ее они употребляют для расширения своих предприятий. На крупных фабриках основной капитал растет быстрее остальных частей его, а сумма и норма прибыли больше, чем на мелких предприятиях, то есть расширение производства ведет к качественным различиям. «Если количественное расширение ведет к ка-

чественному изменению, то одновременно повышается норма прибыли для большего капитала» («Капитал», стр. 642, примечание) *.

1) *Анализ органического строения* капитала показывает, что основной капитал возрастает быстрее, чем обе части оборотного капитала. 2) *Анализ цен товаров* указывает, что одновременно с расширением производства в любой отрасли промышленности основная часть постоянного капитала и переменный капитал составляют относительно все меньшую долю в цене продукта; напротив, доля оборотной части постоянного капитала и прибавочной стоимости соответственно возрастает. Составные части цены продуктов крупных хлопчатобумажных фабрик таковы: 1,6 части постоянного основного, плюс 72 постоянного оборотного, плюс 8 переменного, плюс 18,4 прибавочной стоимости — итого 100. На небольших фабриках эти части соответственно таковы: $4+68+14+14=100$. (Мукомольные мельницы: $1{,}6+83{,}8+1{,}7+12{,}9$.) Я убежден, что существует более тесная связь между органическим строением капитала и относительной величиной составных частей цены товаров, но число отчетов, которыми я располагаю, слишком незначительно для того, чтобы составить окончательное мнение в этом вопросе. 3) Текстильная отрасль промышленности имеет определенное преимущество перед другими, так как рабочий период и период обращения товаров этой отрасли короче, чем в остальных отраслях промышленности. Период обращения в этой отрасли составляет 5—7 месяцев, и та часть прибавочной стоимости, которую капиталист-производитель должен делить с купцом за капитал, авансированный ему на период обращения, сравнительно меньше, чем в остальных отраслях с более продолжительным периодом обращения.

Известно, что производитель и купец делят между собой прибавочную стоимость следующим образом:

Пусть сумма прибавочной стоимости будет M; капитал, авансированный производителем, — K_{I}; капитал, авансированный оптовыми и розничными торговцами для возмещения части *капитала*, содержащейся в товаре производителя, соответственно, — K_{II} и K_{III} (за исключением их расходов в обращении, которые не трудно прибавить); средняя норма полученной ими прибыли — n. Добавочная сумма, авансированная торговцами K_{II} — в целях «позолотить» прибыль $K_{\text{I}} - \frac{n^2}{10^2}$. Если средняя норма полученной ими прибыли n будет одинакова, то в итоге мы имеем:

$$M = \frac{K_{\text{I}}n + K_{\text{II}}\left(n + \frac{n^2}{10^2}\right) + K_{\text{III}}\left(n + \frac{n^2}{10^2} + \frac{n^3}{10^4}\right)}{100} \ldots$$

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 643, примечание 77c. *Ред.*

С сокращением периода обращения капитал, авансированный купцами, и *сумма* их прибыли уменьшатся, а сумма прибыли капиталистов-производителей увеличится. Так как на больших фабриках рабочее время, необходимое для производства, меньше общественно необходимого, то капиталист-производитель дает купцу только такую часть произведенной его рабочими прибавочной стоимости, которая составляет среднюю норму прибыли купцов. Наша формула изменится в направлении увеличения доли капиталиста-производителя. Анализ органического строения капитала и анализ цен товаров нескольких фабрик в одной и той же отрасли промышленности подтверждают это заключение.

Быстрый рост покровительственных пошлин на иностранные товары является одним из активных двигателей колоссального роста капиталистической текстильной промышленности.

Излишне добавлять, что колебания роста капиталистического производства зависят от колебаний урожая. Самый лучший урожай за последние годы был в 1888 году. Производство в текстильной промышленности достигло своей наивысшей точки в том же году. В следующем году оно уменьшилось. Производство четырех крупных прядильных и ткацких хлопчатобумажных фабрик в 1888 году составляло 25 535 000 руб.; в следующем году оно составляло только 22 592 000 рублей.

У меня нет прямых данных для ответа на вопрос, является ли рост производства реальным фактом: можно сказать, что повышение цен в результате увеличения налогов маскирует застой капиталистического производства. Этот фактор, без сомнения, оказал свое влияние на увеличение данных о производстве, но есть другие факты, показывающие, что само производство возрастает. Я уже упоминал, что не вся сумма прибыли, получаемой крупными фабриками, выплачивается в виде дивиденда, но что часть ее накопляется.

Например, Кренгольмская хлопчатобумажная мануфактура (на водопаде реки Нарвы) была основана около 20—25 лет тому назад с капиталом в 2 275 000 рублей. В 1886 г. капитал ее достиг суммы в 6 105 000 руб.; часть его, 430 000 руб., была вложена в земельную собственность, наибольшая сумма — в машины и здания (5 320 000 руб.). В 1887 г. были добавлены новые машины на сумму в 780 000 руб., авансированный капитал возрос до 7 590 000 рублей. В 1888 году: земельный участок — 430 000 руб., здания и машины — 6 200 000 руб., капитал — 8 928 000 рублей. В 1889 году: земельный участок — 430 000 руб.; здания — 3 308 000 руб.; машины — 3 300 000 руб.; капитал — 9 381 000 рублей. Если капитал 1886 г. принять за 100%, то в 1887 г. он составит 126%, в 1888 г. — 146%, в 1889 г. — 153%. Таким образом, за четыре года капитал увеличился более чем на

50% без каких-либо новых затрат. В 1886 г. общая сумма производства составляла 9 693 000 руб., в 1887 г. — 10 278 000 руб., в 1888 г. — 13 602 000 руб., в 1889 г. — 12 468 000 рублей. Капитал шерстяной фабрики компании Торнтона (в Петербурге), основанной в 1860 г., увеличился с 2 млн. до 10 млн. руб., и т. д.

Если мы вспомним, что самое большее расширение текстильной промышленности совпадает с наилучшим урожаем, то мы можем сделать вывод, что перемещение производства из дома самостоятельного производителя на фабрику капиталиста освобождает массу рабочих рук и в то же самое время изменяет распределение продуктов земледельческого труда, предоставляя все бо̀льшую часть их капиталу. Капитализация расширяется пропорционально величине урожая. Но, с другой стороны, уменьшение доли рабочих в потреблении продуктов земледелия лишает их возможности сделать свой труд более производительным, и фактически они продают свой продукт ниже стоимости, затрачивая больше рабочей силы, чем это общественно необходимо. Эта экспроприация работников происходит медленно, но неуклонно. В экономическом смысле жизнь их сжигается с двух сторон: как производителей и как покупателей. («Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка... Но продажа товаров... ограничена не потребительными нуждами общества вообще, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда живет в бедности и вынуждено постоянно оставаться бедным» *.)

Но что делать при плохом урожае, как, например, в текущем году? Наш капиталист привык получать постоянно возрастающий доход; уменьшение дохода — это несчастье для всей страны, и, как ревностный патриот, он требует... новых экспортных премий, которые, конечно, должны быть взяты с голодающего крестьянства. (Петиция съезда русских мануфактурных промышленников в Нижнем Новгороде, адресованная министру финансов.)

Я глубоко верю, что Вы будете в состоянии довести до конца Ваше намерение издать III том **.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 24, стр. 356, примечание 32. *Ред.*

** — «Капитала». *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

[Лондон], 29—31 октября 1891 г.

Милостивый государь!

Когда Ваше письмо от 21 сентября прибыло сюда, я путешествовал по Шотландии и Ирландии; только сегодня нашел время и досуг, чтобы ответить на него.

Ваше письмо от 20 января действительно пропало, о чем я сожалею вдвойне: во-первых, потому, что содержавшаяся в нем интересная информация так долго не доходила до меня, а во-вторых, потому, что эта пропажа заставила Вас взять на себя труд написать его для меня еще раз. Большое спасибо!

«Выращивание миллионеров», как выражается Бисмарк, по-видимому, действительно идет в вашей стране гигантскими шагами. Такие прибыли, какие показывает ваша официальная статистика, просто неслыханны в наши времена на английских, французских и немецких текстильных фабриках. 10, 15, самое большее 20 процентов средней прибыли, а в годы исключительного процветания 25—30 процентов считаются здесь *хорошей* прибылью. Только в период детства современной промышленности некоторые предприятия с наилучшими машинами новейшего образца, производившие свои товары с затратой значительно меньшего труда, чем общественно необходимый труд того времени, были способны обеспечивать такие нормы прибыли. В настоящее время такие прибыли обеспечиваются только в результате удачных спекулятивных предприятий, эксплуатирующих какое-нибудь новое изобретение, да и то в одном таком предприятии из ста, остальные же по большей части терпят полную неудачу.

Единственная страна, в которой такие или приблизительно такие прибыли возможны в наши дни, и притом в главных отраслях промышленности, это — Соединенные Штаты Америки. Здесь покровительственный тариф, введенный после Гражданской войны, а теперь тариф Мак-Кинли привели к подобным же результатам, и прибыли здесь должны быть и действительно являются огромными. Того факта, что это положение вещей зависит исключительно от законодательства о тарифах, которое может измениться в любую минуту, вполне достаточно, чтобы помешать вложению в эти отрасли промышленности *иностранного* капитала в сколько-нибудь крупных размерах (крупных по сравнению с размером вложенного в них отечественного капитала), а вместе с этим устраняется главный источник конкуренции и понижения прибылей.

Ваше описание перемен, вызванных в жизни народных масс распространением современной промышленности, а именно — гибель домашней промышленности по производству продуктов, *потребляемых непосредственно самими производителями,* затем мало-помалу и той домашней промышленности, которая работала на скупщиков — капиталистов, живо напоминает мне главу нашего автора о «создании внутреннего рынка» *, равно как и то, что происходило в большей части Центральной и Западной Европы между 1820 и 1840 годами. Эта перемена, разумеется, привела у вас к несколько иным результатам. Французский и немецкий крестьянин-собственник очень живуч: он будет прозябать еще в течение двух или трех поколений в руках ростовщика, прежде чем окончательно решится на то, чтобы продать свою землю и дом, по крайней мере, в тех местностях, куда еще не проникла современная промышленность. В Германии крестьянство не идет ко дну благодаря всякого рода домашним промыслам, вроде производства трубок, игрушек, корзин и т. п., при этом оно работает на капиталистов. Крестьянин считает ни во что тот досуг, который остается у него после обработки его маленького поля; а потому всякая копейка, получаемая им за добавочный труд, кажется ему чистым барышом; отсюда — разорительно низкая заработная плата и баснословная дешевизна продуктов таких промыслов в Германии.

У вас имеется сопротивление общины **, которое приходится преодолевать (хотя мне кажется, что это сопротивление должно значительно ослабевать в постоянной борьбе с современным капитализмом), затем у вас имеется лишний ресурс в виде аренды земель у крупных земельных собственников, как это описывается в Вашем письме от 1 мая; эта аренда обеспечивает земельному собственнику получение прибавочной стоимости, но в то же время она поддерживает дальнейшее прозябание крестьянина, его дальнейшее существование *как крестьянина;* кулаки ***, насколько я понимаю, тоже в общем предпочитают держать крестьянина в своих когтях как *объект эксплуатации,* чем разорить его раз навсегда и приобрести принадлежащую ему землю. Из этого я заключаю, что русский крестьянин там, где он не требуется в качестве рабочего на фабрику или в город, тоже очень живуч и тоже долго и упорно будет бороться со смертью.

Громадные прибыли, получаемые молодой русской буржуазией, и зависимость этих прибылей от хорошего урожая (жатвы), так хорошо показанная Вами, объясняют много вещей, которые иначе казались бы очень

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 725—773. *Ред.*

** Слово «община» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** Слово «кулаки» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

неясными. Так, например, как должен был бы я понять нижеследующее утверждение, прочитанное мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одной из лондонских газет: русские торговые классы, по-видимому, находятся во власти одной идеи, а именно, что война есть единственная действительная панацея против все растущей депрессии и отсутствия доверия, от которых страдают теперь все отрасли русской промышленности. Как мог бы я понять и объяснить себе эту фразу, если бы не знал о полной зависимости искусственно созданной таможенными тарифами промышленности от внутреннего рынка и от урожая в сельскохозяйственных районах, так как от него зависит покупательная способность единственных покупателей продуктов этой промышленности! А раз этот рынок сокращается, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?

Очень интересны Ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хороший урожай *не* означает обязательного понижения хлебных цен. Когда мы изучаем реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими удивительно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной! Впрочем, Пушкин уже знал это

...и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет,
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог *.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

В будущий понедельник я снова приступлю к III тому ** и надеюсь не отрываться больше от этого дела, пока не закончу его.

Это письмо затянулось до сегодняшнего дня, 31 октября, так как меня прервали.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 168—171

* Строфа из «Евгения Онегина» Пушкина написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 12 (24) ноября 1891 г.

Милостивый государь!

Весьма признателен Вам за Ваше любезное письмо и за брошюру. Я очень рад видеть, что место о русской сельской общине опущено (стр. 51 второго издания) [333]; на Дону, Кубани и в Сибири мы встречаем общины, состоящие из многих деревень (волостные общины). В северных губерниях (Олонецкой, Вологодской и др.) они были упразднены правительством лет пятнадцать тому назад. Следы их находят в различных частях России. Дополнение о картелях, трестах (стр. 37) * чрезвычайно важно, но я согласен с Вами, что оно чересчур кратко.

Возвращаюсь к своему последнему письму. Я в самом деле намерен был дать Вам русскую версию «создания внутреннего рынка для промышленных классов» и показать, как «...совершается уничтожение сельского побочного промысла, совершается процесс разделения мануфактуры и земледелия. И только уничтожение сельского домашнего промысла может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства» **. Мне хотелось обратить Ваше внимание на особенность нашего положения: мы появляемся на мировом рынке в момент, когда капиталистический способ производства с его техническим прогрессом преобладает. Вынужденная низкая производительность труда сельскохозяйственных работников, продукты которых, выброшенные на мировой рынок, теряют в своей стоимости прямо пропорционально производительности труда их конкурентов, и в то же самое время рост производительности отраслей промышленности, пользующихся особенным покровительством, сопровождающийся небывало быстрым ростом технических усовершенствований, ускорили процесс «разделения мануфактуры и земледелия»; крестьянин был вынужден отдавать все возрастающую часть своего все уменьшающегося количества продуктов, чтобы приобретать средства существования. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, крестьянство, которое становится все беднее и беднее, и с другой стороны, концентрирующуюся и технически прогрессирующую промышленность. находящуюся, однако, в *полной* зависимости от колебаний на *внутреннем* рынке, то есть от степени «разделения мануфактуры и земледелия и от производительности

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 221. *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 758. *Ред.*

земледельческого труда». Поэтому большие прибыли наших промышленников зависят не только от покровительственных пошлин, но и от хорошего урожая.

Чтобы показать Вам, насколько недостаточен объем нашего потребления, надо только сравнить общее количество всех зерновых хлебов в России и в Соединенных Штатах. В США среднее количество зерновых за этот период (1888 г.) составляет около 50 бушелей на душу населения, а в текущем году (1889) составит почти 52 бушеля («Отчет Министерства земледелия за 1889 год». Вашингтон, стр. 207). Между тем в России мы имеем за эти же годы соответственно 15,5 и 12,8 бушеля. Соединенные Штаты вывозят около 25% производимой пшеницы; мы вывозим около 70% пшеницы, 9,7% ржи, 25—30% ячменя и овса. Общее количество экспортируемой муки составляет у нас около 25% всех производимых зерновых хлебов. Соединенные Штаты вывозят едва 6—7%. Действительное потребление хлопка в Соединенных Штатах достигает около 1074 млн. фунтов в 1888—1889 гг. (там же, стр. 254), а в России — около 346 млн. фунтов. («Торговля прядильными материалами в 1890 году», «Вестник финансов», 6 октября 1891 г., стр. 8.) [334]

Согласно этой статье в русской хлопчатобумажной промышленности на 408 прядильных, ткацких и прядильно-ткацких фабриках имелось 3 860 000 веретен и 94 000 станков. Надо еще добавить, что благодаря высоким пошлинам на наших рынках Вы не найдете заграничной пряжи, за исключением дорогих номеров (№№ 60—100), которые не вырабатываются в России. (В своем последнем письме я привел Вам некоторые подробности о Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре (Нарва); теперь я могу добавить, — чтобы показать Вам степень концентрации производства, — что на этой фабрике занято 308 812 веретен (8% общего количества) и 2 112 станков. К сожалению, я не смог получить каких-либо сведений о количестве рабочих.) — Рост нашей хлопчатобумажной промышленности побуждает нас поощрять развитие культуры сырья — хлопка (из американских семян). Для достижения этой цели заграничный хлопок был обложен пошлиной, и в придачу к этому плантаторы получают некоторые привилегии. Итак, у нас все же есть капиталистический способ производства... в Средней Азии. Владельцы хлопковых плантаций там процветают.

Несколько слов об особенностях нашего рынка рабочей силы. Так как урожай 1889 г. скорее был неудовлетворительным, то фабриканты вынуждены были сократить производство.

«Прежде, — цитирую вышеупомянутую статью в «Вестнике финансов», — обыкновенно устанавливался такой порядок для установки заработной платы: один рас-

ценок с Пасхи по 1 октября — более высокий, а другой с 1 октября по Пасху — более низкий» (ввиду того что известное число рабочих уходит домой на земледельческие работы; надо заметить, что, например, рабочие, работающие на механических ткацких станках, никогда не покидают фабрику в летние месяцы, так как они более «дисциплинированны», чем их товарищи, работающие на ручных станках). — «С Пасхи же 1890 г. часть фабрикантов оставила зимние цены, существовавшие до Пасхи, а часть установила расценки даже с понижением цены против зимних; с 1 октября 1890 г. вновь появились расценки с понижением цен, так что на некоторых фабриках в 1890 г. произошло двукратное понижение цен, и против 1889 г. заработная плата значительно понизилась. Таким образом, сокращение работ (и заработной платы) «несколько поддерживало цены на товары»» («Вестник финансов», 6 (18) октября 1891 года).

Наши капиталисты не могут равнодушно видеть независимых рабочих. В текстильной промышленности капиталисты победили. Их усилия направлены также на искоренение других отраслей крестьянской промышленности. Они пытаются уничтожить крестьянские каменноугольные копи, как, например, в Екатеринославской губернии (в Бахмутском, Славяносербском и др. уездах). Мы встречаем большие каменноугольные копи, прекрасно оборудованные с технической точки зрения, управляемые специалистами, а рядом видим крестьянские копи, имеющие всего несколько ярдов в глубину, причем уголь поднимается посредством лебедки самой примитивной конструкции, приводимой в движение рабочими или лошадью. Но капиталистические предприятия являются нашим любимым детищем. Все, что они хотят, становится законом. О крестьянских копях и знать ничего не хотят, они мешают процветанию любимчиков. Крестьяне не имеют технического образования, у них нет средств для объединения своих отдельных копей; и все же крестьянские копи существуют. Примечательно, что в капиталистических копях мало местных рабочих; большинство рабочих из соседних губерний и из Центральной России. Условия труда поистине ужасны. («Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии», Бахмутский уезд, Екатеринослав, 1886 год).

Прошу простить меня за кое-какие повторения в настоящем письме, но 1) сейчас у меня есть возможность проиллюстрировать некоторыми новыми фактами мое предыдущее письмо; 2) мне очень хочется разъяснить Вам, насколько это в моих силах, причины теперешнего плачевного состояния нашей страны и 3) показать, что сопротивление общины не слишком сильно в настоящее время и очень легко окончательно преодолеть его.

Не стоит и говорить об уничтожении лесов; Вы знаете также, что в Центральной и Южной России около 80—90% крестьянских земель распахиваются; Вы знаете, что эти поля не удобряются и т. д. и т. д.; все эти факторы вместе с вышеупомянутыми — исключительно общественного

характера — являются причинами обнищания нашего крестьянства и того положения, в котором оно находится в настоящее время. Положение его ужасно. Крестьянин не ест хлеба; он поддерживает свое существование самыми невероятными суррогатами хлеба; у него нет ни одежды, ни топлива, ни корма для скота. Тысячи лошадей забивают ради шкур. Покупателей на скот нет. Есть местности, где на 50 дворов Вы найдете только одну лошадь и одну корову *.

«Чтобы не испортить крестьян, не поощрять среди них лености», правительство предоставляет помощь хлебом только детям до 5 лет, женщинам и старикам старше 60 лет. Но никаких работ оно не организует. Для поддержания своего существования крестьяне распродают все, что у них есть. Они перестали быть самостоятельными хозяевами. Без орудий труда, без рабочего скота хозяин уже не хозяин, и вот причина, почему нынешней осенью

«посеяли люди с *достатком,* снимая землю у нуждающихся, которые не могли сполна засеять своих земель в озимом клину, между прочим по слабости лошадей. Были и такие случаи, что *спекулянты-крестьяне скупали* за бесценок движимость у тех, кто уходил по паспортам, а также... *за бесценок снимали землю* озимого клина у тех из уходивших, кто оставлял озимое поле незасеянным» (Сообщения Воронежского земства в «Вестнике финансов» № 42, 20 октября (1 ноября) 1891 г., стр. 134).

Из различных губерний (Самарской, Казанской) сообщают о случаях *голодной смерти.* Что же будет зимой? А весной? Перед перспективой голодной смерти сопротивление общины сводится на нет. Нам придется увидеть, что нынешний год даст громадный толчок тенденции — которая и без того уже была достаточно сильной, — к экспроприации огромной массы крестьянства и к окончательному разрыву экономических уз, ослабленных всеми нашими реформами и контрреформами.

А промышленники?..

Прошу Вас передать мои сердечные поздравления только что избранному депутату **.

От всего сердца желаю Вам быстро и успешно закончить Ваш труд ***.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

* Но так как уничтожение главного источника доходов не входит в наши планы, то мы организовали государственную помощь. *(Примечание автора.)*

** — Лафаргу. *Ред.*

*** — подготовку к печати третьего тома «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 ноября (2 декабря) 1891 г.

Милостивый государь!

Опасения, высказанные в моем последнем письме (12 ноября) относительно возможного влияния нынешнего голодного года на сельскую общину, подтвердились. Прочитайте, пожалуйста, статистические исследования Красноперова — статистик Самарского земства — «О формах крестьянского кредита в Самарской губернии», напечатанные в № 11 «Юридического вестника» за 1891 год. Вы получите экземпляр. В том же номере есть некоторые интересные выдержки из докладов, прочитанных в Московском статистическом обществе.

Статистические исследования Восточной Сибири, которые я обещал послать Вам *, напечатаны лишь для частного ознакомления; у меня не было возможности получить экземпляр.

Поздравляю Вас с новой победой **.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Пишу второпях.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 15 марта 1892 г.

Милостивый государь!

Мне просто стыдно отвечать на Ваши любезные и интересные письма от 12 и 21 ноября прошлого года. Но я был так завален работой, а писание при газовом освещении все еще так вредно для моих глаз (хотя в других отношениях они служат мне довольно исправно), что эта перегруженность работой и непродолжительность зимнего дня в наших краях должны послужить мне оправданием.

Ваша страна действительно переживает теперь очень важный период, все значение которого трудно переоценить. Мне кажется из Ваших писем, что нынешний неурожай *** Вы считаете не случайностью, а необходимым следствием, одним из неизбежных результатов экономического развития,

* См. настоящий сборник, стр. 570. *Ред.*

** — с избранием П. Лафарга во французскую палату депутатов. *Ред.*

*** Слово «неурожай» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

на путь которого Россия вступила с 1861 года. Это и мое мнение, поскольку я могу судить на расстоянии. С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа. Давно уже созрело убеждение, что ни одна страна в настоящее время не может занимать подобающего ей места среди цивилизованных наций, если она не обладает машинной промышленностью, использующей паровые двигатели, и сама не удовлетворяет — хотя бы в значительной части — собственную потребность в промышленных товарах. Исходя из этого убеждения, Россия и начала действовать, причем действовала с большой энергией. То, что она оградила себя стеной протекционистских пошлин, вполне естественно, ибо конкуренция Англии принудила к такой политике почти все крупные страны; даже Германия, где *крупная промышленность* успешно развивалась при *почти полной свободе торговли*, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов только для того, чтобы ускорить тот процесс, который Бисмарк называл «выращиванием миллионеров». А если Германия вступила на этот путь даже без всякой необходимости, кто может порицать Россию за то, что для нее *было* необходимостью, как только определилось новое направление промышленного развития?

До некоторой степени нынешнее положение вашей страны, мне кажется, можно сравнить с положением Франции при Людовике XIV. Там тоже для мануфактур были созданы необходимые условия благодаря протекционистской системе Кольбера; и через 20—30 лет стало ясно, что отечественная мануфактурная промышленность при существовавших тогда условиях могла быть создана только за счет крестьянства. Крестьянское натуральное хозяйство было подорвано и вытеснялось денежным хозяйством; образовался внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным, по крайней мере на время, вследствие самого этого процесса и той беспримерной силы, с которой экономическая необходимость прокладывала себе путь, а также вследствие роста налогового обложения в денежной форме и рекрутских наборов, вызванных тогда введением постоянных армий, набиравшихся на основе конскрипции, подобно тому как в наши дни его рост вызывается введением прусской системы всеобщей воинской повинности. И вот, когда в довершение всего случился неурожай год или два подряд, вся страна оказалась в том бедственном состоянии, описание которого мы находим у Буагильбера и маршала Вобана.

Но тут есть огромная разница: разница между старой «мануфактурой» и современной «крупной промышленностью», которая (в отношении влияния на крестьянина, мелкого сельскохозяйственного производителя, владеющего собственными средствами производства) соответствует разнице

между старинным гладкоствольным кремневым мушкетом 1680 г. и современной магазинной винтовкой 1892 г. калибра 7,5 миллиметра. Более того, в то время как в 1680 г. мелкое земледелие все еще было обычным способом производства, а крупные имения составляли только исключение, правда *все возраставшее,* но все же всегда исключение, — теперь обработка земли в крупном масштабе с применением машин является правилом и все более становится единственно возможным способом сельскохозяйственного производства. Так что крестьянин в наши дни, по-видимому, обречен на гибель.

Вы помните, что говорил наш автор в письме по поводу Жуковского *: если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то крестьянская община ** обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться. По-видимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых местностях — все старые социальные устои в жизни русского крестьянства не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путами точно так же, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам придется рассматривать вашу общину *** как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь. Самое любопытное, что те самые люди в России, которые не устают твердить о несравненном превосходстве первобытных русских учреждений по сравнению с институтами гнилого Запада, делают все, чтобы разрушить эти первобытные учреждения и заменить их учреждениями гнилого Запада!

Но если русский крестьянин обречен на превращение в пролетария — промышленного или сельскохозяйственного, — то помещик ***, по-видимому, тоже обречен. По моим сведениям, этот класс чуть ли не более обременен долгами, чем крестьянство, и вынужден постепенно распродавать свои имения. А между этими двумя классами, по-видимому, протискивается вперед новый класс землевладельцев — деревенские кулаки *** и городские буржуа — быть может, отцы будущей русской земельной аристократии??

Прошлогодний неурожай показал все это в ярком свете. И я вполне разделяю Ваше мнение, что причины его чисто социального порядка. Что касается обезлесения, то оно не в меньшей степени, чем разорение крестьянства, является одним из условий существования буржуазного общества. Нет ни одной «цивилизованной» европейской страны, которая

* См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*
** Слово «община» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред*
*** Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

бы не пережила его. Америка же * — и Россия тоже, без сомнения, — переживает его сейчас. Поэтому обезлесение, на мой взгляд, по своей сути в такой же мере социальный фактор, как и социальный результат. Но вместе с тем оно очень часто используется заинтересованными сторонами для того, чтобы свалить вину за экономические неудачи на причину, за которую как будто никто не может нести ответственности.

Неурожай, по-моему, только сделал *очевидным* то, что *в скрытом состоянии* существовало и раньше. Но он ужасающе ускорил совершающийся процесс. Этой весной к моменту сева крестьянин будет бесконечно слабее, чем он был прошлой осенью во время сева, и ему придется восстанавливать свои силы в гораздо менее благоприятных условиях. Нищий, по уши в долгах, без скота, что̀ может он поделать даже в тех местностях, где ему удалось перезимовать, не покидая своей земли? Мне кажется поэтому, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями нынешнего бедствия, когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, даже по сравнению с тем, какой она была еще 1 января 1891 года. Пока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конечном счете должно послужить делу прогресса человечества.

Прошлой осенью я послал Вам небольшую книжку: «Происхождение семьи», 4-е издание. Я отправил ее заказным и написал свой адрес на конверте. Поскольку она не была мне возвращена, надеюсь, что Вы ее получили.

Очень Вам благодарен за многочисленные присланные мне газеты и журналы — работа Менделеева [335] оказалась особенно интересной. Но, к сожалению, именно сейчас, будучи очень занят, я не могу уделить им все то внимание, которого они заслуживают. Вы поймете, до какой степени я был завален срочной работой, если скажу, что с Нового года и до сих пор — обычно самое спокойное для меня время — я не имел возможности посвятить третьему тому ** ни одной минуты.

Ваши поздравления были своевременно переданы в Париж ***.

С сердечным приветом, всегда Ваш

П. В. Рошер

Есть ли какие-нибудь сведения о нашем общем друге ****?

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 263—267

* В Америке я сам наблюдал это 4 года назад. Там прилагаются огромные усилия для смягчения последствий этого явления и исправления совершенной ошибки. *(Примечание Энгельса.)*

** — «Капитала». *Ред.*

*** См. настоящий сборник, стр. 597. *Ред.*

**** — Лопатине. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 12 (24) марта 1892 г.

Милостивый государь!

Простите, что не написал Вам раньше. Очень обязан Вам за «Происхождение семьи». Эта работа была прислана мне через месяц после того, как ее получили в Петербурге. Думаю, что русской публике представится возможность прочитать ее.

Весьма признателен Вам за Ваше глубоко интересное и поучительное письмо от 15 марта, тем более, что Вы так заняты в настоящий критический момент. Нынешнее бедствие является нашей собственной виной, все наши усилия были направлены на «расширение нашей промышленности и торговли». Фактически торговля уже поглотила все сырье крестьянства: зерновые хлеба, лес, лен, шерсть и т. д., и т. д.; затем мы начали «покровительствовать» нашей капиталистической промышленности, взращенной на развалинах экспроприированного крестьянства. Профессор Менделеев находится в первых рядах этих протекционистов.

Сравнение нашего экономического положения с положением Франции во времена Кольбера очень правильно, но Вы указываете на самое важное различие: на рост современного капитализма. Вы говорите:

«Мне кажется поэтому, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями нынешнего бедствия» (неурожая), «а когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, даже по сравнению с тем, какой она была еще 1 января 1891 года. Пока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конечном счете должно послужить делу прогресса человечества».

Последняя фраза не совсем ясна для меня. Рассмотрим факты. Для расширения нашей торговли мы хищнически истощали почву; наш климат изменился, реки обмелели. Вплоть до нынешнего бедствия мы «освободили» около 20—25% наших крестьян. Они бродят повсюду в поисках работы. Вы встретите их в Сибири, в Средней Азии, в Закавказье, в Бразилии. Что им делать? Идти на фабрики? Но мы знаем, что количество рабочих, занятых в современной промышленности, постоянно уменьшается. Англия, например, с ее 44,75 миллиона веретен, то есть более чем с половиной веретен всего мира, со своими рынками, охватившими больше половины мира, занимает в хлопчатобумажной текстильной промышленности только около 500 000 рабочих всех возрастов и обоего пола; сколько же рабочих может поглотить до насыщения наш собственный *внутренний рынок?* «Рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать рабочих

минимумом цены как продавцов своего товара — рабочей силы» («Капитал», т. II, стр. 303 *). Наши крестьяне вынуждены продавать свои продукты по бросовым ценам, средства их существования уменьшаются в той же пропорции. Ограничив таким образом свои потребности, оставив свои общинные наделы, они оказывают давление на рабочих на фабриках и т. д. В наших сельских столовых, организованных различными лицами, содержание ребенка обходится *в месяц* от 76 коп. до 1 руб., а взрослого около 1 руб. — 1 руб. 50 коп. в месяц, то есть от 1½ до 3 шилл. *в месяц!* Вот наш исходный пункт; вот наш внутренний рынок. И в то же самое время наблюдается необыкновенный прогресс в технике и технологии, то есть число необходимых рабочих весьма незначительно. Капиталистическая нация выходит из противоречия, указанного нашим автором **, расширяя свои внешние рынки. А как нам выйти из этого противоречия? Подобно тому как невозможно представить себе капиталистическую фабрику, продукция которой рассчитана исключительно на потребление занятых в ней рабочих, точно так же представляется невозможной капиталистическая нация, как таковая, без внешних рынков. Настоящий момент в этом отношении, по моему мнению, чрезвычайно интересен и важен, потому что указанное нашим автором противоречие распространяется на мировой рынок: каждая нация стремится стать капиталистической, каждая нация напрягает все свои силы, чтобы отнять рынки у соперников — без рынка нет капитализма.

А мы... Мы также стараемся приобрести внешние рынки. Каким способом? Посредством премий, то есть посредством ограничения наших внутренних рынков. Одним словом, мы выступаем на мировую арену в такой момент, когда усилия всех наших соперников напряжены до крайней степени, когда они вынуждены удовлетворяться меньшей нормой прибыли. Английские хлопчатобумажные фабриканты вывезли в 1891 г. продукции на сумму около 60 млн. ф. ст., мы вывозим приблизительно на ½ миллиона. В Западной Европе сами капиталисты поняли, что народное образование — научное и техническое — играет важную роль в борьбе. Этот факт дает рабочим возможность сознательно оценивать ход общественных дел и выходить из кризиса без больших затруднений. Наша роль в этом отношении будет чисто отрицательной. Мы закрываем двери наших учебных заведений, например нашего единственного земледельческого института (в Москве) [336]. Мы во всех отношениях идем назад. В этом причина, почему я не могу понять, каким образом все это «в конечном счете должно послужить делу прогресса человечества». — Пока солнце взойдет, роса очи выест.

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 24, стр. 356, примечание 32. *Ред.*
** — Марксом. *Ред.*

«Боюсь, — говорите Вы, — что нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь». Конечно. Но у нас уживаются бок о бок самые различные факты, и в том числе факты экономического характера. Несколько дней тому назад я послал Вам I том «Итогов статистико-экономических исследований России, произведенных земствами». Автор — В. В., или Василий Павлович Воронцов [337]. Вы найдете там множество интересных фактов. Известно, что после 1861 г. разделы общинных земель были до известной степени временно прекращены — преимущественно в черноземной зоне; но по прошествии каких-нибудь 20—25 лет они опять возобновились даже в таких местностях, где этот акт общинной жизни был совершенно неизвестен. Есть масса случаев, когда частные землевладельцы отказывались от своих прав в пользу общины и затем получили свои наделы в качестве членов общины. Такие факты как бы противоречат тому, что я Вам писал. Но факт остается фактом: около 20—25% крестьян вынуждены искать работу вне своей общины. Остающиеся в общине находят только один способ выйти из положения, которое становится все более затруднительным, — они находят его в уравнении шансов борьбы. У нас существуют, таким образом, два экономических течения: одно из них — это народный способ производства; большинство этот способ стремится поддерживать. Но если мы хотим направить производство на удовлетворение потребностей народа вместо поддержки капитализма, этого другого экономического течения, то разве слишком уж поздно опираться на наши общинные традиции и привычки, имеющие столь глубокие корни? Все наши усилия направлены в сторону развития капитализма: на это тратится несколько сотен миллионов рублей. Однако все наши усилия терпят неудачу. Доказательство — 1891 год. Разве невозможно изменить объект покровительства? Изменить «курс»? Разве современная промышленность возможна только на капиталистической основе? Мы наблюдаем борьбу между двумя способами производства: крестьянским, развитие которого сознательно задерживается, но который имеет все шансы пустить более глубокие корни и, следовательно, быть более прочным, и другим способом, совершенно искусственным, взращенным в теплице за счет крестьянства, то есть большинства народа, и, тем не менее, мы продолжаем *поддерживать* его и *покровительствовать* ему. Кажется, что наше любимое детище — капитализм, — подрывая базис крестьянской промышленности, но не имея ни внешних, ни внутреннего рынков, не имеет прочной основы для своего развития. «Сложился внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным», как Вы

правильно говорите. «Таким образом будет утрачена великая возможность» (на самом ли деле она утрачена?), «но против экономических фактов ничего не поделаешь». Но фактически мы *поддерживаем* капитализм и *покровительствуем* ему.

Так как это письмо слишком затянулось, я замечу только, что задолженность наших землевладельцев на 1 января 1889 г. достигла 760 млн. рублей. 30,4 млн. десятин, то есть 32,7% от общей суммы частной земельной собственности, заложены: в северных и промышленных губерниях — от 1 до 26%; в южных и малороссийских губерниях — от 42 до 65% (Херсонской, Харьковской, Киевской). К 1 января 1892 г. задолженность увеличилась до 920 миллионов, то есть в течение трех лет более чем на 20%. Число заложенных десятин еще не опубликовано.

Хотя я и написал такое длинное письмо, но понимаю, что практически это, с моей стороны, праздная дискуссия, что Вы совершенно правы: влиятельное меньшинство слишком заинтересовано в сохранении status quo *. А теоретически? Куда мы идем?

Продажа 4-го издания «Капитала» ** запрещена. Были ли там какие-нибудь добавления или примечания? Печатание книги Каутского о «Капитале» было прекращено [338]. Воспоминания г-на Лафарга о его тесте будут опубликованы вскоре в одном из наших журналов [339].

От «нашего друга» *** нет никаких известий.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи.
Перевод с английского

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 11 апреля 1892 г.

Дорогой Энгельс!

Горячо рекомендую Вам моего друга *Русанова*, которому я *абсолютно доверяю*, и прошу Вас также рекомендовать его Бебелю, который должен

* — существующего положения. *Ред.*
** — немецкого издания первого тома «Капитала». *Ред.*
*** — Лопатина. *Ред.*

в настоящее время находиться в Лондоне. Русанов может дать Вам все сведения, которыми располагаю я или мои друзья.

С дружеским приветом

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 апреля 1892 г.

Милостивый государь!

Некоторое время тому назад я послал Вам «Вопрос о рабочих» Н. Каблукова [340]. Я послал эту книгу с целью показать Вам, насколько близко подошел Каблуков к решению проблемы так называемой «депрессии в земледелии» Англии и к объяснению причин жалоб фермеров и земельных собственников в Европе на сельскохозяйственных рабочих. Исследовав различные причины этой депрессии, Каблуков приходит к выводу, что американская конкуренция не является ее главной причиной, что решение этой проблемы следует искать в сельскохозяйственном производстве как таковом, с его неравномерным распределением труда в течение года. Таким образом, он очень близок к решению. Он указывает на сельскохозяйственный кризис 1834—1837 гг., кризис, которому предшествовали хорошие урожаи, и на кризис 1876—1878 гг., которому предшествовали плохие урожаи. Он указывает на развитие современной промышленности, отделившей промышленность от земледелия, высвободившей огромную массу рабочих, когда «вдруг обнаруживается избыточное население» и конкуренция между самими рабочими достигает высшей степени интенсивности, а заработная плата падает до минимума (Фр. Энгельс. «Положение» и т. д.; Каблуков, стр. 116 [341]). Но в конце концов Каблуков не видит кардинальных причин «депрессии», то есть не видит того факта, что капитализм — после отделения промышленности от земледелия, — превращая сельскохозяйственных рабочих в «поденщиков: фермер нанимает их тогда, когда в них нуждается, и потому они целыми неделями, в особенности зимой, остаются совсем без работы» («Положение» и т. д., стр. 175 *), лишил их заработной платы, достаточно высокой для того, чтобы на нее можно было существовать. Так как они получают заработную плату за свое рабочее время, за время, создающее стоимость,

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 483. *Ред.*

то есть за 50—60% всего их годового рабочего времени, то они могут покупать средства для своего существования только на 5—6—7 месяцев.

Другими словами, Каблуков не додумывается до тех выводов, которые могут быть сделаны из собранных им фактов, что *земледельческий труд* — без каких-либо других занятий — *не дает рабочему достаточно средств для существования.*

Сельскохозяйственный кризис 1834—1837 гг. показывает, что требуется некоторое время, в течение которого «для капитала... все различия в обороте сглаживаются» («Капитал», том II, стр. 223—224 *). Примечательно, что в Великобритании площадь, засеянная пшеницей, сократилась с 3,6 млн. акров в 1874 г. до 2,388 в 1891 году.

Во всех моих прошлогодних письмах я старался показать, что наше теперешнее положение является результатом того же самого процесса отделения промышленности от земледелия. Но в Западной Европе «капиталистическое производство довершает разрыв того первоначального союза земледелия и промышленности, который соединял их друг с другом в младенческий период. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе более совершенных форм, которые они обе приобрели в продолжение своего временного разделения». («Capital», I, p. 315, новый текст **.) У нас нет подобного утешения, во всяком случае — *разрушительное действие* растущего капитализма не дает экономической основы для осуществления такого союза.

Разрушение древней общинной основы нашего общества, все еще глубоко коренящейся в народном сознании, — разрушение, которое сопровождается искусственным насаждением капитализма, превращением всего крестьянского земледелия в домашнюю форму капиталистического производства; отделение промышленности от земледелия, сопровождающееся высвобождением массы рабочего времени; необходимость существовать за счет одного только земледельческого труда, то есть труда, который выполняется в течение менее полугода и оплачивается за полгода; падающая производительность такого труда, вызванная этим отделением; абсолютная зависимость промышленности от такого ненадежного внутреннего рынка, — все это и огромное количество подобных причин объясняет наше теперешнее безнадежное положение.

По моему мнению, бо̀льшая часть того, что говорит Каблуков, правильна, но он не видит корня вопроса. Вопрос может быть решен только при помощи теории трудовой стоимости: страшно жаль, что он не сделал

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 24, стр. 272. *Ред.*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 514 и английское издание: *Karl Marx.* «Capital», Vol. I. Moscow, 1963, p. 505. *Ред.*

этой попытки... Такое решение, кроме своей теоретической важности, имеет практическую ценность.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 18 мая 1892 г.

Милостивый государь!

Вчера я выслал Вам II том «Итогов» — «Крестьянские аренды» [342]. Вы увидите, что больше миллиона десятин частной земельной собственности арендуется крестьянами; это составляет более 19% их собственной земли и от 30—45% (в северных губерниях) до 44—57% (в южных) всей обрабатываемой земли, находящейся в частной собственности (стр. 80). В среднем больше 48%.

Так как обеспеченность крестьянства средствами существования становится все более и более зависимой от хлебопашества, то они арендуют всю землю, которую могут найти. Размеры аренды прямо пропорциональны количеству земель и особенно (стр. 87) размерам частной земельной собственности.

В области аренды мы встречаем ту же самую борьбу между интересами общины и частным интересом, которая столь характерна для нашего нынешнего экономического положения. В главе IV Вы найдете описание борьбы между арендой целыми общинами и индивидуальной арендой. Аренда общинами обеспечивает всех членов общин, индивидуальная — богатых. В тех местностях, где много земель для аренды, мы встречаем общинную аренду (стр. 162—165); там, где их мало, преобладает индивидуальная аренда (стр. 170—175). Звеном, соединяющим эти две формы, является аренда товариществом более или менее богатых крестьян; таблица (стр. 295) показывает относительную величину всех этих форм аренды: общинной, товарищеской и индивидуальной. Вы увидите, что в некоторых случаях аренда, уплачиваемая общиной, более чем вдвое превышает аренду, уплачиваемую частными лицами. Так как все крестьяне стремятся арендовать все земли, сдающиеся в аренду, то те, владения которых больше, которые имеют бо̀льшие наделы в общинной собственности (те, которые имеют больше рабочей силы, больше скота и т. д., и т. д.), имеют возможность арендовать больше и достичь более

высокой степени благосостояния (стр. 121—*126*—130), а эта более высокая степень благосостояния дает им возможность арендовать землю по более дешевой цене (стр. 301—*305*—307). Так, например, в одном из уездов Воронежской губернии (Новохоперском) крестьяне, не имеющие земли (наделов), арендуют 3,8 десятины по 6 руб. за десятину.

Владеющие	от 1	до 5	дес.	арендуют	на	хозяйство	4,4	дес.	по	7,20	руб.	за дес.
»	» 5	» 15	»	»	»	»	6,5	»	»	6,92	»	» »
»	» 15	» 25	»	»	»	»	9,8	»	»	5,62	»	» »
»	» 25	» 50	»	»	»	»	18,5	»	»	4,69	»	» »
»	более	50	»	»	»	»	71,5	»	»	3,37	»	» »

(Из «Статистических исследований Воронежской губернии», т. IX, изданный несколько месяцев тому назад.)

Так как богатые крестьяне арендуют больше, они пользуются преимуществом своего положения: 1) для сдачи за более высокую цену части арендованной ими земли своим бедным соседям (стр. 174, 195—206) и 2) для прямой эксплуатации наемной рабочей силы.

Вы видите, кто выигрывает эту битву. Сохранение плодородия почвы в этой борьбе не принимается в расчет. Преобладает краткий срок аренды (на один урожай), многолетняя аренда уменьшилась. Количество аренд на один урожай обратно пропорционально размерам аренды (стр. 243—244).

Результатом всего этого является истощение, с одной стороны, почвы, с другой стороны, — более быстрое расслоение крестьянства, «выделение богатого меньшинства из массы крестьян.., выбрасывающее за борт беднейшее большинство» (стр. 202).

Этот II том «Итогов», как Вы увидите, содержит массу чрезвычайно интересных данных. Но если Вы примете во внимание, что этот труд представляет собой докторскую диссертацию (автор * — профессор политической экономии в Дерптском университете), то Вы найдете в ней некоторые недостатки.

Не выяснен исторический и экономический порядок последовательности различных форм аренды: «испольщина»; «скопщина» (или натуральная форма аренды); «испольщина», сопровождаемая различными работами, которые выполняются арендаторами в хозяйстве и на полях земельного собственника; натуральная аренда, которая заменяется денежной арендой, сопровождаемой различными работами; наконец, все следы независимости исчезают, и мы видим чистую форму капиталистического

* — Карышев. *Ред.*

производства с наемными поденными рабочими, то есть когда в последней из названных форм остается работа, выполняемая рабочими, а заработная плата, выплачиваемая натурой (частью урожая), заменяется денежной формой заработной платы. Описание происхождения этих различных форм, которые маскируют сущность, имеет большое теоретическое значение как средство для выяснения происхождения стоимости и разделения всего рабочего времени на необходимое и прибавочное рабочее время. Автор не исследует этого важного вопроса.

Он не говорит также ничего о влиянии цены продуктов и распределения всей суммы продуктов между рабочими и землевладельцами.

Он подробно исследует, чтò должен *отдавать* крестьянин, но он совершенно забыл сказать, чтò он *получает*. — Таким образом, как «Итоги» труд автора очень хорош, но с теоретической точки зрения он не сделал ничего для того, чтобы осветить вопрос; законы, установленные им, являются чисто эмпирическими. На картограмме № 10* я привел числа, показывающие степень задолженности частных земельных собственников. Общую сумму этой задолженности я указал Вам в своем последнем письме от 30 апреля**.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Привожу здесь интересный отчет, напечатанный в последнем номере «Вестника финансов» от 3(15) мая 1892 г., № 18:

Отчет Русско-американской компании резиновой мануфактуры в Петербурге за 1891 г.

Общая стоимость произведенных товаров	9 140 000	руб.
За вычетом: сырья, заработной платы и т. д., и т. д.	6 740 000	»
Прибыль	2 400 000	руб.

Баланс

Фабричные здания, машины и т. п.	3 017 000	руб.
Наличные деньги	796 000	»
Должники	1 087 000	»
Готовые товары	737 000	»
Сырье и т. д., и т. д.	2 804 000	»
	8 442 000	руб.

* Эта картограмма отсутствует. *Ред.*

** В действительности в письме от 12 (24) марта 1892 г. (см. настоящий сборник, стр. 604). *Ред.*

Основной капитал	3 000 000 руб.
Резервный капитал	2 457 000 »
Ценные бумаги	238 000 »
Фонд помощи рабочим и т. п.	210 000 »
Кредиторы	137 000 »
Прибыль	2 400 000 »
	8 442 000 руб.

Из общей суммы прибыли следует прибавить 500 000 руб. к резервному капиталу; сумма, отчисленная на выплату дивидендов, составляет 1 500 000 руб. и т. д.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 18 июня 1892 г.

Милостивый государь!

Я должен поблагодарить Вас за Ваши очень интересные письма от 24 марта, 30 апреля и 18 мая и извиниться за то, что не ответил на них раньше. Но я был до такой степени занят, что даже не мог уделить ни одной минуты III тому *, — надеюсь, однако, вернуться к нему на будущей неделе.

Я думаю, что на деле мы с Вами совершенно согласны как относительно фактов, характеризующих современное экономическое положение вашей страны, так и относительно их значения. Только Вы, по-видимому, приняли всерьез некоторые *иронические* выражения в моем последнем письме, в частности, то, что я писал о разных вещах, служащих в конечном счете делу прогресса человечества **. Ведь в самом деле нет ни одного факта в истории, который не служил бы тем или иным путем делу прогресса человечества, но в конечном итоге это очень долгий и

* — «Капитала». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 597—600. *Ред.*

окольный путь. И так, может быть, обстоит и с нынешним экономическим преобразованием вашей страны.

Я особенно хотел подчеркнуть тот факт, что прошлогодний неурожай * — употребляя официальное выражение — вовсе не изолированное и случайное явление, а неизбежное следствие всего развития России после окончания Крымской войны; что это результат перехода от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности; и что, по моему мнению, это преобразование со временем поставит под угрозу существование земледельческой общины * и распространит капиталистическую систему также и на сельское хозяйство.

Из Ваших писем я заключаю, что относительно самих этих фактов Вы согласны со мной; что же касается вопроса — нравятся нам эти факты или нет,—то это другое дело; но нравятся они нам или нет, эти факты все равно будут продолжать существовать. И чем больше мы отрешимся от своих симпатий и антипатий, тем лучше сможем судить о самих фактах и их последствиях.

Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной *«крупной промышленности»* в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, государственными субсидиями и т. п. То же самое имело место во Франции, где запретительная система существовала уже со времен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти уже завершила свой промышленный переворот, когда в 1878 г. были введены покровительственные пошлины, чтобы дать возможность капиталистам принудить своих отечественных потребителей платить им такие высокие цены, которые позволили бы им продавать эти же товары за границей ниже издержек производства. И Америка поступила точно так же, чтобы сократить тот период, в течение которого американские промышленники не будут еще в состоянии на равных условиях конкурировать с Англией. Что Америка, Франция, Германия и даже Австрия смогут достичь такого положения, при котором они будут способны успешно бороться с конкуренцией Англии на открытом мировом рынке — по крайней мере в отношении некоторых важных товаров, — в этом я не сомневаюсь. И теперь уже Франция, Америка и Германия сломили в известной степени промышленную монополию Англии, и здесь это ощущается очень сильно. Сможет ли Россия достигнуть такого же положения? В этом я сомневаюсь, так как Россия, подобно Италии, страдает от отсутствия каменного угля в наиболее благоприятных для промышленности местностях, и, кроме того, как

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

Вы сами превосходно показали в своем письме от 12(24) марта, она находится в совершенно иных исторических условиях.

Но тут перед нами возникает другой вопрос: могла бы Россия в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта своего зерна и покупающая за него заграничные промышленные изделия? Я думаю, что мы с уверенностью можем ответить — *нет*. Стомиллионный народ, играющий важную роль в мировой истории, не мог бы при современном состоянии экономики и промышленности продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и машинного оборудования, попытки изготовлять текстильные и металлические изделия, хотя бы только для отечественного потребления, при помощи современных средств производства, *должны* были иметь место раньше или позже, но во всяком случае в *какой-то* момент между 1856 и 1880 годами. Если бы этого не произошло, ваша домашняя патриархальная промышленность все равно была бы разрушена конкуренцией английского машинного производства, и в результате получилась бы Индия — страна, экономически подчиненная великой центральной мастерской — Англии. И даже Индия ответила на проникновение английских хлопчатобумажных товаров введением покровительственных пошлин; а все остальные британские колонии, как только они добивались самоуправления, немедленно ограждали пошлинами свое отечественное производство от подавляющей конкуренции метрополии. Английские писатели, находящиеся на предвзятой позиции, никак не возьмут в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли повсюду отвергается и вызывает в ответ установление покровительственных пошлин. Конечно, они просто не *осмеливаются* понять, что эта, ныне почти всеобщая, протекционистская система является более или менее разумным, хотя в некоторых случаях и совершенно нелепым средством самозащиты против той самой английской свободы торговли, которая подняла английскую промышленную монополию до ее апогея. (Это средство нелепо, например, для Германии, которая стала крупной индустриальной страной при свободной торговле и где протекционизм распространен теперь на сельскохозяйственные продукты и сырье и таким образом увеличивает издержки промышленного производства!) Я рассматриваю всеобщее возвращение к протекционизму не как простую случайность, а как реакцию против невыносимой промышленной монополии Англии. *Форма* этой реакции, как я сказал, может быть неадекватной и даже хуже того, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной.

Все правительства, даже самые абсолютистские, *в конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они могут делать это по-разному — хорошо, плохо или посредственно; они могут ускорять или замедлять экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими последствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для данной цели, это особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для моей цели достаточно, если я смогу доказать, что эта промышленная революция была сама по себе неизбежна.

То, что Вы говорите о неизбежных спутниках таких потрясающих экономических перемен, совершенно правильно, но это относится в большей или меньшей степени ко всем странам, в которых проходил или проходит такой же процесс. Истощение почвы — *как* в Америке; исчезновение лесов — *как* в Англии, Франции, а в настоящий момент также в Германии и Америке; изменение климата, обмеление рек, вероятно, сильнее в России, чем где-либо, вследствие равнинного характера территории, питающей водой огромные реки, и вследствие отсутствия альпийского снежного резервуара, подобного тому, который питает Рейн, Дунай, Рону и По. Ломка старых условий сельского хозяйства, постепенный переход к капиталистическому ведению крупных ферм — все это процессы, которые завершились уже в Англии и в Восточной Германии и в настоящее время протекают повсюду в других местах. И мне кажется очевидным, что «крупная промышленность в России убьет земельную общину», если только не произойдут иные великие перемены, которые помогут сохранить эту общину *. Вопрос в том, успеет ли произойти такая перемена в общественном мнении России, которая сделала бы возможным развивать при сохранении общины * современную промышленность и современное земледелие и в то же время видоизменить ее так, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для организации этого современного производства и для его преобразования из капиталистической формы в социалистическую? Согласитесь, что, для того чтобы можно было хотя бы только подумать о совершении такого преобразования, должен сперва произойти громадный прогресс в общественном мнении вашей страны. Успеет ли это произойти прежде, чем капиталистическое производство вместе с последствиями нынешнего кризиса подорвет общину * слишком глубоко? Я ничуть не сомневаюсь в том, что в очень многих местностях община * оправилась от удара, полученного ею

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

в 1861 году (как это описано у В. В.[337]). Но сможет ли она выдержать непрерывные удары, которые наносит ей промышленный переворот, неудержимо развивающийся капитализм, разрушение домашней промышленности, отсутствие общинных прав на пастбища и леса, превращение натурального крестьянского хозяйства в денежное, рост богатства и власти кулаков * и мироедов *?

Я должен еще поблагодарить Вас за книги, которые Вы так любезно мне прислали, в особенности за Каблукова[340] и Карышева[342]. В настоящее время я до такой степени перегружен работой, что в течение шести месяцев не имел возможности прочесть целиком ни одной книги ни на каком языке; я отложил Ваши книги до своего отдыха в августе. То, что Вы пишете о Каблукове, кажется мне совершенно правильным **, насколько я могу судить, не прочитав самой книги. Сельскохозяйственный рабочий, не имеющий ни собственной, ни арендованной земли, находит занятие только на известную часть года, и если ему платят *только за эту работу*, то он должен голодать в течение всего времени безработицы, если у него нет другого рода работы в это время; но современное капиталистическое производство отнимает у него всякую надежду на такую работу. В Западной и Центральной Европе эти трудности преодолеваются, насколько это возможно, так: 1) Капиталист — фермер или земельный собственник — держит часть рабочих круглый год на своей ферме, кормит по возможности производимыми там продуктами, с тем чтобы тратить возможно меньше наличных денег. Это широко практикуется в Северо-Восточной Германии и в меньшей степени здесь, в Англии, хотя здешний климат позволяет производить многие сельскохозяйственные работы в зимнее время. Кроме того, *в капиталистическом фермерском хозяйстве* всегда бывает много работы на ферме даже зимой. 2) То, что необходимо сверх этого для поддержания жизни сельскохозяйственного рабочего в течение зимы, но только для поддержания жизни, довольно часто добывается трудом женщин и детей, работающих в новых отраслях домашней промышленности (см. «Капитал», т. I, гл. 13, разд. 8, d ***). Так обстоит дело на юге и западе Англии, а по отношению к мелкому крестьянству — в Ирландии и Германии. Конечно, в то время, когда происходит это преобразование, особенно ярко выступают пагубные последствия отделения сельского хозяйства от патриархальной домашней промышленности; именно это имеет место в настоящее время в вашей стране.

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред*
** См. настоящий сборник, стр. 605—607. *Ред.*
*** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 23, стр. 476—480. *Ред.*

Это письмо чересчур затянулось, так что я не могу еще вдаваться в подробности Вашего письма от 18 мая, но мне кажется, что и тут приводимые Вами факты свидетельствуют о разорении крестьянства и вместе с тем об истощении почвы, по крайней мере на некоторое время. Я вполне согласен с Вами, что оба эти процесса совершаются в настоящее время с возрастающей быстротой. Если теперешняя система будет существовать и далее, это приведет к разорению и помещиков * и мужиков * и к возникновению нового класса буржуа — земельных собственников. Но есть и другая сторона вопроса, и я боюсь, что «Вестник финансов» ** не намерен всерьез заниматься ею. Это — состояние государственных финансов. Последний парижский заем (1891 г.) должен был дать 20 миллионов фунтов стерлингов. Заем этот был перекрыт подпиской в несколько раз, но здесь имеются сведения, что в действительности было получено только 12 миллионов, а 8 миллионов так и не дошли до петербургского казначейства. Если это произошло во Франции после Кронштадта, то что же будет, когда начнутся переговоры о заключении следующего займа? А можно ли отложить надолго новый заем после тех страшных жертв, к которым неурожай * принудил казначейство? Окажется ли Вышнеградский Калонном, и явится ли после него Неккер?

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 312—317

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 июля 1892 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше очень любезное и чрезвычайно интересное письмо от 18 июня. Вы, несомненно, правы во всех отношениях, когда говорите, что «чем больше мы отрешимся от своих симпатий и антипатий, тем лучше сможем судить о самих фактах». Конечно. Но что делать,

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** Название журнала написано по-русски. *Ред.*

когда сами факты таковы, что они, по-видимому, ведут к полному разорению? Так как современное положение является результатом нашей прежней экономической политики, то очевидно, что происхождение его мы должны искать не в последнем десятилетии, а непосредственно после 1861 года. Этот факт удостоверяют все земские статистические исследования. А это было время сравнительно умеренных податей. Санитарные обследования фабрик Московской губернии, проведенные д-ром Эрисманом и другими, законченные в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов [262], показывают огромный рост капиталистической промышленности и образование большого контингента постоянных фабричных рабочих (прежде рабочие во время сенокоса возвращались в свои деревни). Это был период расширения нашего внутреннего рынка. Но тотчас же последовала реакция. Не имея никаких других источников существования, кроме своего земледельческого труда, крестьяне высвобождали большое количество рабочих рук. Нищета распространялась все больше и больше. Прибыли фабрикантов сократились. Подати увеличились. Интересно отметить, что это увеличение податей совпало с годами хорошего урожая. В 1887 и 1888 гг. были обильные урожаи. Очевидно, что фабрикантам этот рост принес золотые плоды. Если мы вспомним, что производство пшеницы в Соединенных Штатах в 1881 г. уменьшилось, что вывоз упал с 159 млн. бушелей в 1886 г. и с 119 млн. в 1887 г. до 88 млн. в 1888 г., что средняя экспортная цена с 0,75 доллара в 1887/88 г. увеличилась до 0,897 доллара в 1888/89 г., что это увеличение, в свою очередь, оказало влияние на цены в России (цена пшеницы в 1888 г. возросла на 10%), — то станет очевидным, почему прибыль наших хлопчатобумажных фабрик достигла своего максимума в 1888 году. Интересно также констатировать, что такое совпадение условий повторилось в Соединенных Штатах в 1891 году. Небывало хороший урожай, сопровождаемый высокими ценами, даст — с помощью тарифа Мак-Кинли — небывалый толчок росту американского капитализма.

Вот некоторые факты относительно роста наших хлопчатобумажных фабрик. Капитал 14 фабрик на 1 января 1887 г. составлял 64 775 000 рублей. Из этой суммы 46 463 000 руб. были вложены в здания и машины. Прошло четыре года; на 1 января 1891 г. капитал тех же самых 14 фабрик достиг 76 294 000 руб. (увеличение на 18%); часть капитала, вложенная в машины и фабричные здания, возросла до 55 765 000 руб. (увеличение на 20%). Но этот необычайный рост капиталистической хлопчатобумажной промышленности объясняется, как Вам уже известно, хорошими урожаями 1887 и 1888 гг. и другими благоприятными обстоятельствами. Обратите, пожалуйста, внимание на следующие ряды цифр:

	Годы					
	1886	1887	1888	1889	1890	1891
Общая стоимость всего урожая	100%	109%	120%	100%	108%	73%*
Стоимость урожая на крестьянских полях и сельскохозяйственных заработков крестьян на частновладельческих полях	100%	104%	114%	97%	102%	?
Производство 11 хлопчатобумажных фабрик	100%	111%	131%	123%	117%	112%
Прибыль 17 хлопчатобумажных фабрик	100%	172%	224%	184%	157%	107%

Не следует забывать, что влияние обильного или неудовлетворительного урожая начинает сказываться в начале сельскохозяйственного года, наши же цифры относятся к календарным годам.

Средняя стоимость всего урожая (пшеницы, ржи, ячменя и овса) в самый урожайный 1888 г. достигала 1 044 660 млн. рублей, между тем как в Соединенных Штатах эта стоимость за 1891 г. составляла 1 582 223 доллара, или около 3 160 млн. рублей, то есть в три раза больше.

Мне кажется, что эти факты доказывают, в какой тесной зависимости находится наш капитализм от благосостояния крестьянства и от производительности его земледельческого труда. Но в то же самое время мы находим, что рост капитализма, ограничивая труд крестьян одним земледелием, лишая их всех других занятий, отнимает у них всякую возможность поднять производительность своего труда. Другими словами, капитализм посредством своего роста сокращает свой собственный рынок.

«Могла бы Россия, — спрашиваете Вы, — в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта своего зерна и покупающая за него заграничные промышленные изделия?» И Вы отвечаете: «нет». Конечно, вся моя аргументация ведет к тому же самому выводу. Подобно тому как во всякой другой стране рабочий, который работает только в продолжение части года, «получает плату только за этот труд и должен голодать все незанятое время», точно так же чисто сельскохозяйственная нация не может существовать только продуктами своего земледелия

* По отношению к среднему урожаю за 1883—1887 гг. общая стоимость урожая 1891 г. значительно выше. — Общее производство в Соединенных Штатах в 1887 г. составило 75% среднего производства за 10 лет, и никто не думал о голоде. *(Примечание автора.)*

и должна — если не голодать все незанятое время — сократить свое потребление и продавать все бо́льшую часть своих сельскохозяйственных продуктов.

Донецкий район — со своими обширными залежами каменного угля, железной рудой, каменной солью, ртутью, свинцом, медью, каолином и т. д., со своим овцеводством — представляет собой, несомненно, вполне подходящую почву для создания шерстяной промышленности и т. д. Но я опять спрашиваю, какое влияние могут оказывать эти отрасли промышленности на благосостояние земледельческого класса, на всю массу народа? Какому количеству «рабочих рук» могут дать занятие эти отрасли? Вы видели данные о быстром росте нашей хлопчатобумажной промышленности в течение четырех лет, и за это же самое время число «рабочих рук», занятых в 1887 г., увеличилось на 1,3%, причем, вероятно, это было лишь кажущееся увеличение, так как мужчины заменяются женщинами (например, на Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре: в 1875 г. там было 28% женщин, в 1887 г. — 51%; из общего числа рабочих, занятых в русской текстильной промышленности — 419 448 человек — мужчин 249 883, то есть 59,6%, женщин — 154 458, то есть 36,8%, 8 894 мальчика, то есть 2%, и 1,5% девочек). Что делать с огромной массой безработного населения? Кто будет покупать продукты? Где найти рынки? Условия в высшей степени неблагоприятны для нас, когда мы выходим на открытый мировой рынок. Борьба за рынки достигла своего апогея, но рынки ограничены, а наш естественный рынок — Центральная Азия — не обладает достаточной емкостью; наши конкуренты вооружены знаниями, а мы невежественны. Я, конечно, весьма далек от того, чтобы считать идеальным патриархальный способ производства; неподвижное производство фактически является регрессивным. Применение машин в промышленности, конечно, неизбежно и наиболее желательно, но, на мой взгляд, та форма производства, при которой употребляются паровые машины, не имеет солидной основы для своего роста. Наш промышленный район ограничен Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Петроковской и Варшавской губерниями, в остальных промышленных губерниях число рабочих не превышает 5—15 тысяч. Все другие губернии являются рынками — Индией нашей центральной мастерской, Москвы, ее сферой эксплуатации. Более чем вероятно, что «крупная промышленность убьет сельскую общину»; но, по-видимому, последний день общины будет также последним днем крупной промышленности. Мне кажется, что для нас это составляет вопрос жизни и смерти. Как он будет решен, я не знаю. Несомненно, трудности чрезвычайно велики. Я думаю, что капиталистическая аренда земли по той же причине не преодолеет их.

Есть экономисты, которые считают путь развития наших экономических условий весьма желательным, прогрессивным, так как он ведет к капитализму, представляющему неизбежный шаг к всеобщему благополучию. Покойный Н. И. Зибер, например, обыкновенно говорил, что «русского крестьянина следует выварить в фабричном котле», прежде чем мы достигнем экономического рая. Эта идея имеет некоторых адептов среди наших экономистов. Вот причина, почему я принял всерьез Вашу иронию. Мне кажется, что мнение Зибера ошибочно. Ведь можно утверждать, что чем больше развивается крупная промышленность в капиталистической форме, тем больше мы приближаемся к полному разорению. Разве можно себе представить, что вся страна станет ареной для эксплуатации ее горстью московских фабрикантов? Страна уже истощена. Вопрос не в том, лучше ли свободная торговля, чем протекционизм; когда мы намерены насадить крупную промышленность в капиталистической форме, то по этому вопросу не может быть двух мнений: покровительствуйте, покровительствуйте и покровительствуйте. Вопрос в том, может ли капитализм найти прочную основу для своего роста и является ли расширение нашей капиталистической промышленности действительно расширением народной промышленности, или же мы являемся свидетелями воображаемого роста, то есть простого перемещения ее из рук производителей в руки капиталистов? А если так, то каких результатов надо ожидать?

Все эти факты, как мне кажется, имеют такое значение, что я попытаюсь дать им доступную форму с целью опубликовать их в виде статьи.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В РАЙД

[Лондон, август 1892 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Я рассчитываю навестить Вас завтра, только не уверен, будет ли это утром или в течение дня. Все зависит от времени. Поэтому

не утруждайте себя, пожалуйста, встречать меня на вокзале. Я надеюсь сам найти дорогу.

Искренне Ваш

Максим Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 14 сентября 1892 г.

Милостивый государь!

Примерно двенадцать лет назад я доказал, основываясь на *данных нашей официальной статистики, что рост нашей хлебной торговли* — и, как следствие, развитие нашего банкового дела и наших железных дорог — происходит целиком за счет уменьшения потребления народа [247].

Если Вы обратите внимание на развитие нашей капиталистической текстильной промышленности, — а Вы знаете, как быстро она растет, — то увидите чрезвычайно любопытное и интересное явление: она растет исключительно за счет домашней промышленности; количество продуктов нашей домашней промышленности и продуктов, произведенных на фабриках, не только не изменяется, но это *количество* уменьшается.

Это уменьшение потребляемых товаров оказывает гораздо более сильное влияние на положение крестьянства, чем простое сокращение потребления хлебных продуктов, потому что одновременно с ростом капиталистической хлопчатобумажной промышленности и культуры хлопка в Центральной Азии мы замечаем не только уменьшение домашнего ткачества и прядения, но и сокращение культуры льна и конопли, то есть сокращение одной из самых выгодных отраслей земледелия вместе с последствиями этого — высвобождением массы рабочих.

Потребительная способность всей нации полностью удовлетворяется этим продуктом, и увеличение его в более дешевой его форме означает сокращение его в другой форме: увеличение количества товаров, произведенных капитализмом, сопровождается уменьшением количества товаров и *сырья,* произведенных крестьянством; расширение капиталистической культуры хлопка в Центральной Азии сопровождается *более быстрым* сокращением культуры льна и пеньки у русских крестьян.

Вот почему я настаиваю на том факте, что рост капитализма производит такую революцию, которой мы не видели нигде, и что если капита-

лизм будет развиваться еще больше, то это разорит весь народ, так как уже теперь он разоряет народ и доводит до голода.

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
	(в тысячах пудов)					
Производство льна	17 187	16 700	16 259	19 245	17 620	15 787
Экспорт »	7 079	8 550	11 268	11 221	12 120	11 392
Внутреннее потребление	10 068	8 150	4 991	8 024	4 580	3 855
Хлопок ввезенный и собственного производства	8 388	9 000	10 629	11 694	11 453	7 276 *
Внутреннее потребление хлопка и льна	18 454	17 150	15 610	18 718	15 953	11 311 *
	35 504				34 671	

Уменьшение всей площади культуры льна за десятилетний период «Вестник финансов» исчисляет в 20 процентов, площадь культуры конопли сократилась еще больше.

Если Вы пожелаете увидеть результаты недостатка средств производства, то будьте любезны взглянуть на следующую таблицу:

	Сельское население в трех уездах Воронежской губ. в 1889 г.	Число умерших за три года 1887—1889 гг.	Процент смертности за три года	Процент смертности последн. группы = 100
Безземельные	15 010	1 439	9,392%	148,6%
Имеют до 5 десят. земли	66 428	6 498	9,782%	151,5%
» » 15 » »	223 263	20 437	9,16%	141,9%
» » 25 » »	162 428	13 824	8,54%	131,8%
» » 50 » »	110 433	8 752	7,956%	123,2%
» более 50 » »	12 705	820	6,456%	100%
В целом	590 267	51 770	8,77%	

* Без Центральной Азии. *(Примечание автора.)*

Вы видите, что крестьяне протестуют против невыносимых условий увеличением процента смертности.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 19 сентября 1892 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Посылаю письмо д-ра Адлера, из которого станет ясно, о чем идет речь. Вы, вероятно, слышали о небольшой задержке, которая произошла, вернее могла произойти, в связи с немецким изданием [343]. Теперь к общему удовлетворению все улажено. Вы найдете вложенное здесь разрешение Зонненшайна, — нет, я изменил свое решение и прилагаю взамен точную копию разрешения, оставив оригинал у себя. Я принесу его сам. Письма иногда пропадают, а сейчас вечер, и я не могу послать его заказным.

Как видите, я достал то, что просил д-р Адлер. Из 15 ф. ст., которые он уплачивает при получении документа, я отдаю 5 ф. ст. Зонненшайну, а 10 ф. ст. будут ему выплачены спустя три месяца после выхода книги.

Д-р Адлер предлагает либо доставить документ Вам, либо переслать ему — на мое усмотрение. Я выбрал первое, как самое простое и самое быстрое. Будьте любезны сообщить открыткой, когда можно зайти, не причинив Вам какого-либо неудобства.

Если время для Вас безразлично, то я предпочел бы — пополудни. Мне предстоит упорная работа по утрам и вечерам. И как раз у меня в руках номер «Free Russia».

Искренне Ваш

С. Степняк

Вряд ли стоило мне говорить то, о чем я хорошо помню, — именно Вам я обязан немецким изданием. Именно теперь вспомнить об этом весьма кстати.

С. С.

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 22 сентября 1892 г.

Милостивый государь!

Итак, мы согласны пока в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла бы существовать как чисто сельскохозяйственная страна, что ее сельскохозяйственное производство должно быть дополнено производством промышленным.

Так вот я утверждаю, что промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, сельфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования. С того дня, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешено. Вы *должны* быть в состоянии ремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево только в том случае, если вы в состоянии *строить* у себя в стране все то, что вы намереваетесь ремонтировать. С того момента как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосные суда, нарезная артиллерия, скорострельные орудия, магазинные винтовки, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и т. д.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это нельзя производить без высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности, а эта промышленность не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности, особенно текстильной.

Я совершенно согласен с Вами, что начало новой промышленной эры для вашей страны следует отнести приблизительно к 1861 году. Крымскую войну характеризовала именно безнадежная борьба нации с примитивными формами производства против наций с современным производством. Русский народ прекрасно понял это, и отсюда его переход к современным формам, — переход, ставший окончательным после акта об освобождении 1861 года.

Раз уж признана эта необходимость перехода от примитивных методов производства, преобладавших в 1854 г., к современным методам, начинающим преобладать теперь, то становится второстепенным вопрос, был ли этот тепличный процесс поощрения промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин выгодным, или даже необходимым, или наоборот.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности убыстряет процесс, который в противном случае мог бы носить более затяжной характер. Она втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более. Но это не влияет на самую природу этого процесса, который, как Вы сами говорите, ведет свое начало с 1861 года.

Несомненно одно: если Россия действительно нуждалась в своей собственной крупной промышленности и решила иметь ее, то она не могла создать ее иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма, — и это Вы допускаете. В таком случае с этой точки зрения и вопрос о протекционизме становится только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен.

И еще одно несомненно: если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: *в капиталистической форме*. Ну, а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке. В Америке условия сельского хозяйства и земельной собственности иные, и это *создает* некоторое различие.

Вы сетуете на медленный рост числа рабочих, занятых в текстильной промышленности, по сравнению с ростом продукции. Но то же самое имеет место повсюду. В противном случае откуда бы взялась наша многочисленная «промышленная резервная армия»? («Капитал», гл. 23, разделы 3 и 4 *).

Вы доказываете постепенную замену мужского труда трудом женщин и детей («Капитал», гл. 13, раздел 3, а **).

Вы сетуете, что изделия машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и таким образом разрушают подсобное производство, без которого крестьянин не может жить. Но здесь мы имеем дело с совершенно неизбежным последствием капиталистической крупной промышленности: созданием внутреннего рынка («Капитал», гл. 24, раздел 5 ***), — явлением, которое произошло в Германии в мое время и на моих глазах. Даже то, что Вы говорите о вторжении изделий хлопчатобумажной промышленности, разрушающем не только домашнее

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 643—655 и 655—662. *Ред.*
** См. там же, стр. 406—413. *Ред.*
*** См. там же, стр. 755—759. *Ред.*

прядильное и ткацкое производство крестьян, но также и крестьянскую *культуру льна,* — и это уже наблюдалось в Германии между 1820 г. и нынешним временем. Вообще, что касается этой стороны вопроса, то есть разрушения домашней промышленности и связанных с ней отраслей сельского хозяйства, то мне кажется, что в действительности вопрос для вас заключается в следующем: русским надо было решить — будет ли их домашняя промышленность уничтожена *их собственной* крупной промышленностью, или это будет совершено путем *ввоза английских товаров. При* протекционизме это сделают *русские,* без протекционизма — *англичане.* Мне все это кажется совершенно очевидным.

Ваш подсчет, что общий объем текстильной продукции крупной и домашней промышленности не возрастает, а остается неизменным или даже сокращается, — не только совершенно правилен, но было бы неправильным, если бы Вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена своим внутренним рынком, ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление. А последнее может возрастать лишь медленно и, как мне кажется, при нынешних условиях в России скорее должно было бы сокращаться.

Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает.* Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются *как крестьяне;* их покупательная способность сводится к минимуму, и пока они, как *пролетарии,* не освоятся с новыми условиями существования, они будут представлять весьма скудный рынок для вновь возникших промышленных предприятий.

Капиталистическое производство, будучи преходящей экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся явными по мере его развития. Эта тенденция — разрушать свой собственный рынок одновременно с его созданием — представляет как раз одно из таких противоречий. Другое противоречие это — то безвыходное положение *, к которому приводит капиталистическое производство и которое в стране *без* внешнего рынка, как Россия, наступает скорее, чем в странах, более или менее способных к конкуренции на открытом мировом рынке. В этих последних странах такое, казалось бы, безвыходное положение находит себе выход в сильнейших изменениях в торговле, в насильственном открытии новых рынков. Однако и в этих случаях бросается в глаза, что они попали в тупик. Взгляните на Англию.

* Слова «безвыходное положение» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

Последний новый рынок, открытие которого для английской торговли могло бы привести к временному возрождению процветания, это — Китай. Поэтому английский капитал и настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского сельского хозяйства и домашней промышленности; а так как там даже не будет противовеса в виде китайской крупной промышленности, то сотни миллионов населения будут поставлены в условия, невозможные для жизни. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал, — она затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами, которые начнут конкурировать на рынке труда с американским, австралийским и европейским рабочим на основе китайского уровня жизни, самого низкого из всех; и если к тому времени вся система производства еще не будет изменена в Европе, то тогда ее необходимо будет изменить.

Капиталистическое производство готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России. Оно может вызвать, и если просуществует достаточно долго, то непременно вызовет коренную аграрную революцию, — я имею в виду революцию в условиях земельной собственности, которая разорит и помещика *, и мужика * и заменит их новым классом крупных земельных собственников, вышедших из деревенских кулаков * и из городских буржуа-спекулянтов. Во всяком случае, я убежден, что консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день потрясены последствиями своих собственных дел.

Искренне Ваш

П. В. Рошер

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 397—401

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 24 сентября 1892 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Беру на себя смелость направить к Вам одного из моих бывших учеников г-на Миклашевского. Он занимается политической экономией и

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

находится в Лондоне с научной целью. Он очень хочет познакомиться с Вами и просит, чтобы я написал Вам несколько слов.

Искренне Ваш

М. Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 3 (15) октября 1892 г.

Милостивый государь!

Сердечно благодарю Вас за Ваше последнее письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Нельзя не согласиться почти со всем его содержанием.

Поражение 1853—1855 гг. показало несовершенство нашей экономической структуры. Манифест 1861 г. был естественным выходом. Такова была точка зрения, которой придерживались все наши публицисты в шестидесятых годах. Некоторые из наших экономистов и публицистов, видя, куда ведет капиталистическая форма производства, пытались найти для нашей страны другой путь. Они были убеждены, что Россия вместо того, чтобы разрушать сельскую общину, как того хотят либеральные экономисты, «должна, не испытав мук капиталистического строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [344]. Перед нами было два пути, но мы предпочли пойти по пути, проложенному Западной Европой, и мы отказались от наших «собственных исторических данных». «А после этого» (превратив, вероятно, добрую часть — миллионы — крестьян в пролетариев) мы вступили в «лоно капиталистического строя», чтобы испытать «неумолимые законы» этого строя.

Наши экономисты — и автор цитаты — были убеждены, что возможно избежать угрозы «мук этого строя». Исторические институты были достаточно прочны и приспособлены к новой социальной структуре, которую они пытались построить на них. Наша сельская община представляет группу крестьян, сообща владеющих известной площадью земли. Но каждый из членов ее самостоятельно возделывает свой надел. Были попытки выполнять некоторые работы сообща. Вы можете встретить подобные попытки даже в самые последние годы («Итоги», т. I, стр. 580—586 [345]). В наших артелях такие совместные работы приобрели

сравнительно высокую степень социализации, — правда, это относится главным образом к рыбной ловле и охоте.

По Вашему мнению, у нас не было выбора, мы вынуждены были пойти по тому пути, по которому шла Западная Европа. Наша экономическая история с 1861 г. подтверждает Ваше мнение. Мы следуем по пути капитализма. Все капиталистические законы, которые были установлены и изложены с такой ясностью и с такой гениальностью в «Капитале», проявились со всеми своими последствиями, если можно так выразиться, — во всей своей наготе. Все капиталистические отношения выражались здесь с такой беспощадной силой, что результаты их ясны каждому, кому не лень следить за фактами.

Через 30 лет этот строй привел к кризису. Не к кризису производства, не к денежному или какому-нибудь частичному кризису, а к кризису, который подрывает все наше социальное и экономическое существование. Капитализм не в состоянии найти выход из него. Вы видели, что капитализм высвободил много миллионов работников и что он дал работу едва ли одному миллиону; что, истощив плодородие почвы, обезлесив большие пространства земли, высушив источники всех рек, он заложил основу для своих собственных кризисов — кризисов, которые не повторяются каждые 10—15 лет, как это было в Западной Европе. Они не являются и хроническими, как за последние 15 лет. В основе же наших кризисов лежит истощение почвы, повторяющееся периодически каждые 3—4—5 лет; эти кризисы зависят от полного подчинения человека природе; эти кризисы подчиняют капиталистическую форму производства метеорологическим явлениям и т. д. *, с каждым годом становятся все менее и менее постоянными и в конечном счете превращают само капиталистическое производство в анархическое; эти кризисы проявляются все с большей и большей остротой, так что в прошлом году мы были свидетелями того, как 24 миллиона, или 40% всего населения Европейской России было доведено этим строем до голода.

Конечно, мы не можем найти каких-либо новых факторов, отличных от тех, которые действуют в Западной Европе; но в неприкрытой экспро-

* Примечание автора:

	Колебания среднего урожая в сторону	
	максимума	минимума
1870—1877	+34,6%	—35,2%
1883—1890	+26,2%	—29,9%

приации и эксплуатации населения, в невозможности для последнего защититься от действия «неумолимых законов», в нашем полу-«изолированном состоянии» я вижу дополнительное доказательство того, что мы достигли критического периода в нашей экономической истории.

Вы говорите, что это кажущееся безвыходное положение находит в других странах выход в торговых потрясениях, в насильственном открытии новых рынков. У нас нет такого выхода. Россия вынуждена искать его в своих собственных экономических институтах, она не может найти никаких внешних рынков; кроме того, ее незанятое население слишком многочисленно.

Несовершенство всей капиталистической формы производства так очевидно, влияние ее так разрушительно для всей страны, что русское общество вынуждено искать какой-либо выход, — как в 1853—1855 гг., — а выход этот может быть найден только в развитии тех институтов, которые мы унаследовали от нашей прежней истории.

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле»... («Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом» *).

Если наше общество не будет искать какого-либо выхода и будет безмолвно смотреть на вырождение и смерть своих членов, оно лишит себя права жить, оно перестанет быть обществом и превратится в разлагающийся организм, в живой труп, живой лишь настолько, чтобы терпеливо взирать на свое собственное вырождение и разложение.

Если я в своих письмах упоминал о нашей протекционистской системе, то это потому, что я имел в виду привести Вам данные о быстроте экспроприации наших крестьян при этой системе. «Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников» **. Очевидно, что свободная торговля и протекционизм означают, соответственно, или свободную эксплуатацию и экспроприацию крестьянства, или протекционную, вынужденную экспроприацию его. «Рука об руку с экспроприацией прежде самостоятельного крестьянства... совершается уничтожение сельского побочного промысла... только уничтожение сельского домашнего промысла может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства» ***.

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 290. *Ред.*
** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 767. *Ред.*
*** См. там же, стр. 757—758. *Ред.*

А это уничтожение, как Вы видели, не может дать нашему внутреннему рынку «тех размеров и той устойчивости, в которых нуждается капитализм».

Эта экспроприация распространяется все больше и больше. Как Вы видели («Юридический вестник» № 11, 1891 г., стр. 416), около 6,5% *общинных земель* всех деревень Самарской губернии заложено, то есть 6,5% общинных земель фактически находятся в руках кулаков.

Для помещиков у нас есть специальное учреждение, созданное с целью помочь им избавляться от продуктов своих земель. Я имею в виду «Государственный Дворянский Земельный Банк» [303]. Около 42—43% частной земельной собственности заложено, а если мы исключим две или три губернии (Вологодскую, Вятскую, Олонецкую), где находятся крупные железоделательные заводы, владеющие большими площадями незаложенной земли*, то относительное количество заложенной земли достигнет примерно 45%. Эта задолженность тем более тяжела, что цены сельскохозяйственных продуктов падают.

Интересно отметить, что в среднем крестьяне черноземной зоны больше должны государству (недоимки), чем крестьяне северной зоны. Если взять относительную величину задолженности (то есть отношение суммы задолженности к сумме ежегодных платежей прямых налогов), то мы найдем, что в 1890 г. самая большая задолженность была в Самарской губернии, она составила 306% от ежегодных платежей; в Уфимской — 249%, в Оренбургской — 245%, в Казанской — 202%. Эти пять губерний постиг голод.

Северная зона уплачивает свои долги с «примерной аккуратностью» («Неурожай и народное бедствие». Автор этой анонимной книги — товарищ министра финансов Ермолов [346]). Не следует забывать, что эти недоимки и долги «выколачиваются»; «выколачивать подати» — так этот факт характерно именуют сами крестьяне. (Ермолов, стр. 156). Когда долги растут, то очевидно, что у населения нет средств для их уплаты. После этих четырех губерний, постигнутых голодом, на пятом месте мы находим Московскую губернию с суммой задолженности, которая достигает 117%, а на шестом — Нижегородскую, с неудовлетворительным урожаем.

Этот факт находит свое объяснение в относительном числе рабочих, занятых фабрикантами. В Московской губернии их относительное число

* В Пермской губернии некоторые собственники имеют до 2 млн. акров земли, как, например, Тагильские железоделательные заводы Демидова, Верхне-Исетские заводы графини Стенбок-Фермор, Алапаевские заводы наследников Яковлева и другие; 109 уральских железоделательных заводов имеют в своем владении около 38 млн. акров, или 10 245 000 десятин. («Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России за 1889 г.». С.-Петербург, 1892.) *(Примечание автора.)*

самое высокое; оно составляет около 10% всего населения этой губернии. Московская губерния окружена семью губерниями, где крестьянская задолженность не превышает 16% (от 0,6 до 16%), а фабричное население их не превышает 2%.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

А. ФИНКЕНШТЕЙН-ЛИТВИНОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 21 октября 1892 г.

Глубокоуважаемый гражданин!

Вы, возможно, еще помните, что несколько лет тому назад я имел удовольствие быть представленным Вам нашим общим другом Германом Лопатиным, который, к несчастью, в настоящее время томится в одной русской крепости[282].

Поэтому я позволю себе обратиться теперь к Вам за библиографической справкой в той области, в которой Вы являетесь бесспорным знатоком.

Эмигрант Бурцев, которому удалось избежать русской западни в Константинополе, усердно работает сейчас над литературой о русском политическом и социальном движении раннего периода. Он очень хотел бы знать, появлялись ли на немецком языке обстоятельные статьи о Николае Чернышевском и где их можно найти; особенно его интересует, переведен ли на немецкий язык обвинительный акт этого общеизвестного своей незаконностью процесса[27].

Разумеется, Бурцев не просит, чтобы Вы производили какие-либо исследования по этому вопросу; однако он был бы Вам благодарен за такие указания, которые дали бы ему возможность самому разыскать соответствующие источники.

В надежде, что Вы извините мне эту вольность, остаюсь с глубочайшим уважением

А. Финкенштейн-Литвинов

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 25 октября 1892 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Сожалею, что Адлер беспокоил Вас по поводу той рукописи, которую я послал ему около 5 дней тому назад. Она уже была в пути, когда он написал Вам; за это время он должен был получить ее. Задержка произошла из-за того, что я включил в нее больше материала, чем предполагал раньше [343].

Я целиком поглощен своими редакторскими обязанностями и, следовательно, очень спешу и больше не пишу ничего.

Искренне преданный Вам

С. Степняк

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — С. М. КРАВЧИНСКОМУ (СТЕПНЯКУ)
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 5 ноября 1892 г.

Дорогой Степняк!

Благодарю за Ваше письмо от 25 октября. Я обнаружил, что письмо Адлера к Вам осталось у меня и еще не возвращено Вам, поэтому я его прилагаю.

Сердечный привет г-же Степняк от г-жи Каутской и преданного Вам

Ф. Энгельса

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 434—435

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 14 ноября 1892 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Я пишу Вам, чтобы попросить Вас помочь нам выйти из большого затруднения. Нам не очень посчастливилось с выбором редактора * для

* — Андерфурена. *Ред.*

немецкого издания нашей «Free Russia». Дело в том, что мы поссорились с ним из-за его весьма глупого, ничем не вызванного и непозволительного выпада против Плеханова, Засулич и Аксельрода[347]. Мы приостановили сейчас немецкое издание на два месяца в надежде найти редактора из числа немецких социал-демократов, с тем чтобы, если возможно, перевести это издание в Берлин.

Когда можно повидать Вас по этому поводу, не причинив Вам беспокойства? Не можете ли Вы сообщить нам, когда будет в Лондоне Либкнехт? Я слышал, что он должен скоро приехать. Мы очень рассчитываем на его поддержку, он всегда был весьма дружески расположен к нам.

Искренне Ваш

С. Степняк

P. S. Я получил от Адлера открытку с сообщением, что моя рукопись дополнений ко II тому[343] дошла до него в целости и он вполне ею удовлетворен.

С. С.

Сердечный привет г-же Каутской. Надеюсь убедить г-жу Степняк сопровождать нас.

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — С. М. КРАВЧИНСКОМУ (СТЕПНЯКУ) В ЛОНДОНЕ

Лондон, 15 ноября 1892 г.

Дорогой Степняк!

Не придете ли Вы вместе с г-жой Степняк, Волховским и его маленькой дочкой в *четверг* к нам обедать? Если вы придете между 3 часами 30 минутами и 4, то мы сможем поговорить о делах и пообедать в *5*. Вы знаете, что от Вашего дома до меня путь неблизкий, и если мы договоримся, как сказано выше, то вы спокойно сможете не обедать дома.

Сердечный привет г-же Степняк от г-жи Каутской и преданного Вам

Ф. Энгельса

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 440—441

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 16 ноября 1892 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Мы будем рады прийти к Вам завтра, в четверг, пополудни. Что касается Волховского, то мы не уверены, что он в городе. Степняк напишет ему, и если он вернется завтра до трех часов, то, весьма вероятно, тоже придет.

Прошло уже много времени с тех пор, как мне представился случай повидать Вас, и теперь я с удовольствием думаю о новой встрече с Вами. Передайте, пожалуйста, от меня сердечный привет г-же Каутской. Остаюсь искренне преданная Вам

Фанни Степняк

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Ф. М. КРАВЧИНСКОЙ (СТЕПНЯК)
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 6 декабря 1892 г.

Дорогая г-жа Степняк!

Г-жа Каутская показала мне Вашу записку, в которой Вы любезно приглашаете меня провести вечер следующей субботы с вами. Я сделал бы это с величайшим удовольствием, но, к несчастью, мои способности к передвижению еще слишком ограничены, чтобы я рискнул предпринять столь дальнюю экспедицию.

В настоящее время я вынужден практически ограничить свои прогулки ближайшими окрестностями Примроз-Хилл, и г-жа Каутская может подтвердить Вам, что мне пришлось отклонить, кроме Вашего, и другие приглашения.

Сердечный привет Степняку от искренне Вашего

Ф. Энгельса

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 465—466

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 12 декабря 1892 г.

Дорогой Энгельс!

В архиве русской революционной группы, к которой принадлежал Лопатин, найдено его письмо к товарищам, где он рассказывает о своем разговоре с Вами о русских делах во время своего последнего (так я предполагаю) пребывания в Лондоне. Издательская группа, в которой я участвую, хотела бы опубликовать это письмо о беседе двух людей, имена которых дороги каждому русскому социалисту [348]. Мы хотим поместить его во втором выпуске предпринятого нами издания (первый выпуск его Вы на днях получите). Нет ли у Вас каких-либо возражений против этой публикации? Я прослежу за ее точностью. Напишите мне несколько слов по этому поводу.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и Ваша работа идет как нельзя лучше. Что Вы думаете о резолюции, принятой на берлинском партийном съезде по поводу Первого мая?

Ваш *П. Лавров*

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 14 декабря 1892 г.

Дорогой Лавров!

Не вижу оснований возражать против публикации письма Лопатина об одном разговоре со мной. Поступайте, как Вам покажется лучше.

Я с удовольствием узнал от Мендельсона, что Вы чувствуете себя хорошо. Что касается меня, то мне грех жаловаться — совсем наоборот. Уже в течение трех месяцев я снова работаю над III томом «Капитала», и хотя предстоит сделать еще много, на сей раз я твердо надеюсь, что мне удастся закончить эту работу.

Что касается берлинской резолюции, то я считаю, что немцы совершили ошибку *в Брюсселе,* пообещав, хотя и в косвенной форме, больше,

чем они могли сделать. Первое мая 1890 и 1891 гг. показало им, что в Германии прекращение работы в этот день нецелесообразно; возможные преимущества далеко не компенсируют приносимых жертв. В одном только Гамбурге такая попытка обошлась более чем в 100 000 марок. Случайное совпадение в 1892 г. дня Первого мая с воскресеньем привело их в Брюсселе к забвению той реальности, к которой их грубо вернул кризис, — на этот раз более острый в Германии, чем где-либо.

Прекращение работы Первого мая 1893 г. могло бы обойтись нам слишком дорого в Германии и рикошетом — и в других местах. Стачка в Германии более чем на год опустошила бы и кассу и кредит партии. И это во время военного кризиса и возможного роспуска рейхстага и предстоящих выборов в мае или июне.

Существует закон развития партий, заключающийся в том, что когда партия достигает определенной степени силы, то оказываются нецелесообразными те самые выступления, без которых она не могла обойтись в дни своей юности.

Что же касается формы, то можно было бы больше посчитаться с чувствами других. Но что Вы хотите — это же неотесанные немцы, не умеющие позолотить пилюлю.

В остальном, мне кажется, что панама — в нынешней обстановке — гораздо важнее, чем Первое мая. Панама напоминает мне 1847 г., когда тоже каждый день можно было ожидать нового скандала. 1847 г. вырыл могилу Июльской монархии; что же принесет 1892 год?

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 38, стр. 466—467

М. СЛОВУТСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 января 1893 г.

Милостивый государь!

Комитет русско-еврейской бесплатной читальни, недавно открывшейся для пользования большого числа эмигрантов, просит Вас не отказать в любезности снабдить вышеназванную читальню книгами о социализме

или по социальным вопросам, так как читальня очень нуждается в такой литературе. Ваши работы будут приняты с благодарностью.

С совершенным почтением

М. Словутский, секретарь группы *

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 27 января 1893 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз вернуться к Вашему последнему письму (от 22 сентября 1892 года **). Конечно, не приходится говорить о том, что способ производства в России после Крымской войны нужно было изменить, что крупная промышленность стала необходимостью. Но вопрос состоит в том, следовало ли создавать крупную промышленность в капиталистической форме? Но поскольку эта форма была уже насаждена и достигла некоторой степени развития, то последствия — как Вам известно — не замедлили проявиться в полной силе.

Вы говорите, что не видите, «чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке».

Я утверждаю, что различие заключается, во-первых, в том факте, что Россия является последней страной, которая выступила на арену капитализма, то есть тогда, когда все рынки были уже захвачены другими, и, во-вторых, что она стала капиталистической тогда, когда производительность труда достигла чрезвычайно высокой степени развития по сравнению с той, которую она заменила.

Эти две причины содействовали росту избыточного населения в небывалых размерах. Я придаю особое значение этому факту, но для предыдущих писем у меня не было статистических данных, чтобы подтвердить мое мнение.

Несколько недель тому назад наше Министерство земледелия выпустило важное исследование о «Наемном труде в земледелии». Здесь можно увидеть, что в 50 губерниях Европейской России число незанятых

* На письме печать: Русско-еврейская бесплатная читальня, Лондон. Группа «Прогресс». *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 623—626. *Ред.*

работников составляет более 5,5 миллиона. Но если мы примем в расчет, что от $1/2$ до $3/4$ годового рабочего времени земледельческого населения освобождается вследствие капитализации домашней промышленности, то количество избыточного населения придется увеличить более чем до 10 миллионов. И добавьте их семьи.

Этот рост сопровождается уменьшением общей суммы произведенной стоимости и еще более быстрым уменьшением суммы произведенной меновой стоимости.

Новизна нашего положения заключается в этих фактах и, главным образом, в небывалом росте числа безработных. Так как вопрос о том, где искать причины этого, ясен, то необходимо преобразовать форму производства. Вы указываете на последствия, которых можно ожидать от завоевания Китая капитализмом. Но мы уже достигли такого положения, картину которого Вы рисуете для будущего Китая. Заменить крестьян новым классом крупных земельных собственников значило бы высвободить новые миллионы работников без каких-либо средств существования, то есть разрушить наш внутренний промышленный рынок и обречь на голодную смерть миллионы безработных. Какой-то выход должен быть найден, как после Крымской войны. Состояние голода для целого народа не может стать постоянным явлением.

Есть много торговцев и т. д., которые сыты по горло голодом народа.

Примите мои наилучшие пожелания на Новый год.

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

М. СЛОВУТСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 31 января 1893 г.
22 Mansell St. Aldgate E.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 30-го получено [71]. Группа «Прогресс» просит меня передать Вам самую искреннюю благодарность за те книги, которые Вы собираетесь нам прислать.

Будьте любезны выслать книги по вышеуказанному адресу.

С совершенным почтением

М. Словутский, секретарь группы

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

М. СЛОВУТСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 февраля 1893 г.

Г-ну Ф. Энгельсу

Милостивый государь!

Мы только что получили Ваши книги и еще раз просим Вас принять нашу самую сердечную благодарность.

Все книги получены в соответствии со списком.

С совершенным почтением

М. Словутский, секретарь группы *

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

В. Я. ШМУЙЛОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Дрезден, 4 февраля 1893 г.

Дорогой товарищ!

Мы все здесь были очень обеспокоены, прочитав сообщение о Вашем серьезном недомогании, и от души радовались, когда узнали, что Ваше серьезное недомогание оказалось сплошной уткой. Когда девять месяцев тому назад мы снова встретились с Вами, я вынес приятное убеждение, что генерал-фельдмаршал в Лондоне, как и бывший генерал-фельдмаршал в Берлине, проживет более 90 лет. Эту надежду мы разделяем здесь все. И горе Вам, если Вы нас обманете!

Целью этого письма является весьма и весьма настоятельная просьба к Вам. Должен признаться, что мне в высшей степени неприятно занимать Ваше драгоценное время, которое, насколько мне известно, и без того многие отнимают у Вас. С делом личного характера я никогда не позволил бы себе беспокоить Вас. Итак, заранее приношу Вам тысячу извинений.

* На этом и предыдущем письмах печать с надписью на английском и русском языках: Русско-еврейская бесплатная читальня группы «Прогресс». Лондон. *Ред.*

К большой своей радости, я нашел в справочнике Конрада, а затем в «Vorwärts» написанный Вами биографический очерк о К. Марксе *. Именно поэтому я и решил обратиться к Вам. Дело заключается в следующем.

Издатель известной серии «Жизнь замечательных людей» Павленков из С.-Петербурга попросил меня написать подробную биографию К. Маркса. Для этого мне отводится место в 6—8 печатных листов.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что действительно хорошую и полную биографию Маркса может написать только один человек, называть имени которого, думаю, не требуется. Международная социал-демократия с нетерпением ждет от него этой биографии — разумеется, только после выхода III тома «Капитала». И для меня, конечно, было бы большой честью и в тысячу раз приятнее перевести для русских читателей эту Вашу столь ценную работу. Но коль скоро не всегда имеется возможность осуществить большие желания, то не следует отказываться и от малых. Я теперь нахожусь в большом затруднении, так как в моем распоряжении имеется чрезвычайно скудный материал. Для меня как правоверного марксиста, тщательно изучающего в течение 8 лет Маркса и всю социалистическую литературу, не составит большой трудности ясно изложить то, что создано Марксом. Что же касается *собственно биографического* материала, данных о его *практической* деятельности и многого такого, что относится к *истории* генезиса марксизма, то в этом отношении, повторяю, я испытываю большой недостаток в материале. По этим специальным вопросам мне известно следующее:

I. Из материала чисто биографического характера: 1) Воспоминания Лафарга в «Neue Zeit» [349]. 2) Книга Густава Гросса [283] и 3) биография, написанная Вами для «Volks-Kalender» Бракке **. Это, к сожалению, все, что я знаю.

II. Что касается практической деятельности Маркса, то за 1847—1849 годы она мне, кроме журналистской, совершенно неизвестна. — О его практической деятельности в «Интернационале» я знаю лишь то, что нашел у Эйххофа — «Международное Товарищество Рабочих», Фрибура — «Интернационал», де Молинари — «Социалистическое движение и публичные собрания» и у Лавеле — «Современный социализм» [350].

III. По вопросу об истории генезиса марксизма мне, к сожалению, пока нигде не удалось достать «Святое семейство», хотя бы для просмотра. А этот исторический документ особенно важен для *моей* работы, так как в нем впервые нашел свое выражение диалектический материа-

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 349—360. *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 105—115. *Ред.*

лизм Маркса и Энгельса. Мне неизвестна также и статья о 1848—1849 годах *. И наконец, из писем я знаю только те его письма к Л. Фейербаху и А. Руге, в которых гегелевская диалектика еще не совсем «была перевернута, а лучше сказать — вновь поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове» **.

А теперь, после всех этих длинных объяснений, я позволю себе, дорогой товарищ, попросить Вас о следующем. Будьте добры сообщить мне:

1) Не знаете ли Вы, есть где-либо в литературе такой материал, как например, личные воспоминания, письма и т. д., кроме тех, что я привел в пункте I?

2) Какие лучше источники использовать для изучения практической деятельности Маркса, точнее, его агитационной деятельности в 1847—1849 гг. и с 1864 г. до Гаагского конгресса ***?

3) Как я уже сказал, мне не удалось достать экземпляр «Святого семейства». Но от моих друзей Засулич и Плеханова я слышал, что у Вас имеется эта книга, однако Вы ее никому не даете. Это вполне понятно, но я очень и очень просил бы Вас изложить мне основное содержание, характерные места из этого произведения, чтобы я мог более точно проследить зарождение и развитие материалистического миропонимания Маркса и Энгельса. — Произведения Штрауса, Бруно и Эдгара Бауэров мне хорошо известны, знаю также, о чем идет речь в этой знаменитой полемике. Я знаю, что Вы и Маркс доказываете там братьям Бауэрам и К°, насколько мало их «критическая критика» освободилась от тех предрассудков, на которые она нападает, что эта «критическая критика» еще обеими ногами «увязла» в том самом идеализме, против которого она вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Наконец, Вы показываете, что утверждение Бауэров и К° о том, что данная общественная форма противоречит «самосознанию», отнюдь еще не свидетельствует о понимании исторического значения общественных форм; если человек освободился от идеализма, то он должен освободиться также и от суверенного «самосознания», он должен отыскать причины, которые, *со своей стороны,* обусловливают самосознание.

Так я понял это. И если это правильно, то Вам, надеюсь, не придется затратить много труда на то, чтобы изложить мне основные мысли и наиболее характерные места книги.

Я буду Вам весьма признателен *за каждый совет,* который Вы найдете нужным дать мне для этой работы.

* *К. Маркс.* «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 21, стр. 302. *Ред.*
*** — Первого Интернационала (1872 год). *Ред.*

Если моя работа будет запрещена русской цензурой, то я изменю эзоповский язык, на котором мы вынуждены писать подобные вещи в России, на свободный, культурный язык и тогда напечатаю ее за границей. — Само собой разумеется, я пошлю Вам первому эту биографию, как только она появится.

Перевод книги Бебеля «Женщина и социализм» приостановлен, так как уважаемый друг Степняк отказывается теперь печатать ее [351] — вероятно из-за недостатка денег. А о нас и говорить не приходится, если уж «свободные россияне» [319] не имеют денег.

Вновь тысячу раз прошу извинений за то, что утруждаю Вас и мешаю Вашим столь важным для нас работам.

С наилучшим социалистическим приветом, глубоко уважающий Вас

Владимир Шмуйлов

P. S. Привет от меня уважаемой госпоже Э. Маркс-Эвелинг, Луизе Каутской и товарищам Эд. Бернштейну и Лесснеру.

Вышеупомянутый

P. P. S. Мой друг Граднауэр и дрезденские товарищи шлют Вам самый сердечный привет.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — В. Я. ШМУЙЛОВУ

В ДРЕЗДЕН

Лондон, 7 февраля 1893 г.

[Копия]

Уважаемый товарищ!

Большое спасибо за Ваше любезное пожелание по поводу 90 лет; я не прочь, при условии, что останусь таким, каков сейчас, но если при этом мне суждено опуститься физически и духовно, как это случается со многими, тогда покорнейше прошу прощения! Пусть уж лучше этого не будет.

Вашу просьбу в отношении биографии Маркса я, *к сожалению*, смогу выполнить лишь в очень небольшой мере: у меня нет для этого времени, я занят третьим томом «Капитала» и не могу себе позволить отвлечься даже ненадолго.

К пункту I. Из биографических материалов я не могу указать Вам больше того, чем Вы уже располагаете. По крайней мере, ничего, внушающего доверие.

К пункту II. Практическая деятельность Маркса в 1844—1849 гг. протекала частью в рабочих обществах, особенно в брюссельском обществе 1846—1848 гг., частью в Союзе. Но в печати Вы найдете только кое-что о его деятельности в Союзе, а именно — в наших предисловиях к «Манифесту» (*последнее берлинское* издание 1892 г.) и в «Разоблачениях о процессе коммунистов» с моим введением (цюрихское издание 1885 года). — Об Интернационале — доверия заслуживает *только* Эйххоф, который работал по заметкам Маркса; у *всех остальных* — сплошь *ложь и легенды,* начиная с Фрибура и кончая Лавеле и Цахером[352]. Легче самому написать толстый том, правильно осветив факты, чем дать третьему лицу материал для обработки. Но я могу предоставить Вам два издания Генерального Совета в связи с решающей битвой против Бакунина («Мнимые расколы» и «Альянс социалистической демократии»). — То, что Эритье преподнес в «Berliner Volks-Tribüne» о «Юрской федерации и М. Бакунине»[353], проникнуто такой слепой верой во все выдумки анархистов, которая выходит за рамки просто наивности, а переводчик, как пишет мне Эритье, еще больше исказил все это в анархистском духе. Впрочем, тут русская цензура своим вычеркиванием избавит Вас от многих ошибок.

К пункту III. «Святое семейство» Вам так или иначе придется раздобыть; со своим экземпляром я ни при каких обстоятельствах не расстанусь, а изложить содержание книги — непомерный труд, выписать важнейшие места — тоже неосуществимо. Вы должны познакомиться с книгой *в целом*. В Берлине ее, наверное, можно отыскать.

О *генезисе* исторического материализма Вы найдете, на мой взгляд, вполне достаточно в моем «Фейербахе» («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») — приложение Маркса и *является*, собственно, этим генезисом! — Далее, в предисловиях к «Манифесту» (новое берлинское издание 1892 г.) и к «Разоблачениям о процессе коммунистов».

Теорию прибавочной стоимости Маркс разработал в 50-х годах наедине с самим собой и упорно отказывался опубликовать что-либо о ней, пока не уяснил себе полностью всех ее выводов. Потому-то и не вышли в свет второй и следующие выпуски «К критике политической экономии».

Посылаю Вам «Расколы» и «Альянс» почтой и надеюсь, что этого Вам будет достаточно; к сожалению, это все, что я могу для Вас сделать.

Сердечный привет Граднауэру и всем местным товарищам.

Ваш *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 20—22

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 24 февраля 1893 г.

Милостивый государь!

Простите мое долгое молчание. Оно было вынужденным. Мне необходимо было сделать усилие — последнее усилие, чтобы за эту зиму и весну закончить III том*. Для этого я должен был отказаться от всякой другой работы и даже от всей переписки, кроме безусловно необходимой. Иначе я бы не прекратил обсуждение занимающей нас с Вами в высшей степени интересной и важной проблемы.

В настоящее время я уже закончил, за исключением некоторых формальных моментов, *редакцию* отдела V (банки и кредит), наиболее трудного из всех как с точки зрения существа самого предмета, так и *по состоянию рукописи.* Теперь остаются только два отдела, составляющие около $^1/_3$ всего тома, причем один из них — о земельной ренте — посвящен тоже очень трудному предмету, но зато рукопись этого отдела, насколько я помню, гораздо более обработана, чем рукопись отдела V. Поэтому я не теряю надежды справиться со своей задачей в положенный срок. Большая трудность заключалась в том, чтобы безусловно исключить в течение трех — пяти месяцев всякие перерывы в работе и посвятить все время отделу V, и эта трудность теперь счастливо преодолена. Работая над этим томом, я часто думал о том огромном наслаждении, которое он доставит Вам, когда выйдет в свет. Буду высылать Вам чистые листы, как я это делал со II томом.

А теперь revenons à nos moutons**.

Мы, по-видимому, согласны друг с другом во всех пунктах, за исключением одного вопроса, который Вы пытаетесь решить в обоих своих письмах, от 3 октября и 27 января***, хотя в каждом из них с разной точки зрения.

В первом письме Вы спрашиваете: должны ли были те экономические изменения, которые с 1854 г. стали неизбежными в силу самой природы вещей, вместо того чтобы содействовать дальнейшему развитию исторически сложившихся в России институтов, наоборот, подрывать их в самом корне? Иными словами, не могла ли сельская община послужить основой нового экономического развития?

* — «Капитала». *Ред.*

** — revenons à nos moutons — буквально: вернемся к нашим баранам; выражение из средневекового французского фарса, означающее: вернемся к исходному пункту, к предмету нашего разговора. *Ред.*

*** См. настоящий сборник, стр. 627—631 и 637—638. *Ред.*

А 27 января Вы выражаете ту же мысль в такой форме: крупная промышленность стала необходимостью для России, но было ли неизбежным ее развитие в капиталистической форме?

Так вот: в 1854 г., или около того, для России отправными пунктами были: с одной стороны, наличие общины, с другой — необходимость создать крупную промышленность. Если Вы примете во внимание все состояние вашей страны в целом, каким оно было тогда, увидите ли Вы там хоть малейшую возможность привить крупную промышленность крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня социального института, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор? И это в то время, когда весь Запад продолжал существовать при капиталистическом режиме? Мне кажется, что такая эволюция, превосходящая все известное в истории, требовала бы совершенно иных экономических, политических и интеллектуальных условий, чем те, которые имелись в то время в России.

Нет сомнения в том, что община и, в известной степени, артель * заключали в себе некоторые зародыши, которые при определенных условиях могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне присоединяюсь к письму нашего автора ** по поводу Жуковского ***. Но и по его мнению, и по моему, первым необходимым для этого условием был *толчок извне* — изменение экономической системы Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла. Наш автор в известном предисловии к известному старому «Манифесту», написанном в январе 1882 г., на вопрос о том — не могла ли русская община послужить отправным пунктом для более высокого социального развития — отвечал так ****: если изменение экономической системы в России совпадет с изменением экономической системы на Западе «так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития» *****.

Если бы мы на Западе в свое время продвинулись быстрее в своем экономическом развитии, если бы мы оказались способными свергнуть капиталистический режим еще лет десять или двадцать тому назад, то тогда Россия, быть может, имела бы еще время остановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму. К несчастью,

* Слово «артель» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*
*** Фамилия «Жуковский» написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
**** См. настоящий сборник, стр. 89. *Ред.*
***** В цитируемом Энгельсом русском издании предисловия имелись неточности в переводе. *Ред.*

мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия капиталистической системы, которые должны привести ее к критическому пункту, в настоящее время только начинают развиваться в различных окружающих нас странах; в то время как Англия быстро утрачивает свою промышленную монополию, Франция и Германия приближаются к промышленному уровню Англии, а Америка грозит вытеснить их всех с мирового рынка как по промышленным продуктам, так и по продуктам сельского хозяйства. Введение в Америке хотя бы отчасти фритредерской политики несомненно довершит гибель английской промышленной монополии и подорвет в то же время промышленный экспорт Германии и Франции; а затем должен наступить кризис, который как нельзя лучше ознаменует *конец века*. Между тем община у вас все больше сходит на нет, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе совершится у нас на Западе достаточно скоро, чтобы спасти — по крайней мере в некоторых наиболее отдаленных местностях вашей страны — те институты, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными осуществить великое будущее. Но факты остаются фактами, и мы не должны забывать, что шансов такого рода с каждым годом становится все меньше и меньше.

В остальном я готов согласиться с Вами, что, поскольку Россия — *последняя* страна, захваченная развитием крупной капиталистической промышленности и в то же время страна с *весьма многочисленным крестьянским населением,* потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, может оказаться здесь гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было. Процесс замещения около 500 000 помещиков * и около 80 миллионов крестьян новым классом *буржуазных* земельных собственников может быть осуществлен лишь ценой страшных страданий и потрясений. Но история, пожалуй, самая жестокая из всех * богинь *, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития. А мы, люди, к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые представляются почти непомерными.

Всегда Ваш

П. У. Р. **

Направляйте, пожалуйста, письма по адресу *г-жи Каутской,* а не г-жи Рошер.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 32—35

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** — конспиративный псевдоним Энгельса, представляющий собой инициалы Перси Уайта Рошера. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 2 (14) марта 1893 г.

Милостивый государь!

От души благодарю Вас за то удовольствие, которое Вы доставили мне Вашим любезным письмом.

Я с величайшей радостью узнал, что главная работа по редактированию III тома * закончена и что он скоро будет сдан в печать.

Допустим, что социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории. Но мне кажется, что в настоящее время, когда капитализм довел наше экономическое положение до кризиса и когда он не в силах улучшить его, когда развитие капитализма находится в тесной зависимости 1) от метеорологических и других природных условий, которые с течением времени все ухудшаются, 2) от постоянно сокращающихся внутренних рынков, что является следствием капитализации земледельческого дохода и домашней промышленности; когда рост нашей промышленной и земледельческой резервной армии, сопровождающийся постоянно возрастающей бедностью всего трудового населения, достиг угрожающих размеров, — пора заменить эту форму производства такой, которая основана на подлинных потребностях населения, а не на тех потребностях, которые должны быть оплачены.

На мой взгляд, пора вскрыть причины голода 1891 г.; пора, далее, показать, что развитие капиталистической формы производства ставит под угрозу существование всего народа, что следует искать средства для устранения этой грозящей опасности.

Тем хуже для нас, если мы после Крымской войны не воспользовались уроками, преподанными нам Западной Европой.

В настоящее время мы должны решить жизненную проблему: не пора ли изменить нашу экономическую форму производства, и если пора, — то есть ли у нас такой экономический базис, на котором может быть построена новая форма, или же мы вынуждены идти по пути, который неизбежно ведет к нашему полному экономическому разорению?

Вот та проблема, которую я пытаюсь решить в брошюре, выходящей в свет в этом месяце [354]. Как только она будет напечатана, я пошлю ее Вам.

Искренне преданный Вам *Н. Даниельсон*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — «Капитала». *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Женева, 14 марта 1893 г.

Телеграмма

Лондон Фридриху Энгельсу

Социалисты различных национальностей, собравшиеся 14 марта почтить память великого мыслителя и гения Карла Маркса, приветствуют в Вашем лице сотрудника его великого дела и выражают Вам глубокое чувство благодарности.

Плеханов, Раковский,

Эритье, Валицкий

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. III, 1925 г.

Печатается по телеграфному бланку
Перевод с французского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Женева, 25 марта 1893 г.

Дорогой и уважаемый учитель!

Вот адрес, который Вы у меня просите: госпожа Боград-Плеханова, 5, rue des Allemands, Genève. Я счастлив сообщить Вам его, и это дает мне право надеяться на получение от Вас письма. Не писал я Вам первый только потому, что не хотел Вас беспокоить и отнимать у Вас время. Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с Вами увидеться и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда мне удастся осуществить эту мечту. Дни, проведенные в Лондоне в Вашем обществе, останутся самыми счастливыми в моей жизни[355]. Я теперь готовлю ряд статей (для «Neue Zeit») о Гольбахе, Гельвеции и Марксе[356], и чем яснее вырисовывается передо мной французский материализм XVIII века, тем более я восхищаюсь написанными Вами страницами по этому вопросу в Вашей работе «Людвиг Фейербах и т. д.». Эта брошюра дает внимательному читателю больше, чем сотни томов, написанных официальными философами, философами

Первые русские марксисты — члены группы «Освобождение труда»: Г. В. Плеханов, В. И. Засулич

ex professo *. Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов Каутскому ** по поводу моей статьи о Гегеле [357]. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы. Мой привет гражданке Элеоноре Маркс-Эвелинг и ее мужу ***. Вера Засулич шлет Вам самый сердечный привет.

Примите, дорогой учитель, уверение в моей искренней преданности

Г. Плеханов

P. S. Уже три месяца, как я вернулся в Женеву, благодаря вмешательству здешней молодой рабочей партии. Но дело еще не решено окончательно. Возможно, что я должен буду вернуться во Францию, где я жил (в департаменте Верхней Савойи) последние три года.

Г. П.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — по профессии. *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 38, стр. 205. *Ред.*
*** — Э. Эвелингу. *Ред.*

И. А. ГУРВИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Чикаго, 26 марта 1893 г.

Г-ну Фридриху Энгельсу

Милостивый государь!

Несколько недель тому назад я послал Вам по почте экземпляр моей монографии «Экономическое положение русской деревни» [358]. Если Вы выберете время, чтобы просмотреть ее, то убедитесь, что высказанные там взгляды целиком совпадают с Вашими взглядами на этот предмет (сравни стр. 164). В связи с этим я осмеливаюсь представить на Ваше суждение серию статей, в которых я попытался разобрать жгучие вопросы русского революционного движения. Все мы сейчас нащупываем наш путь в потемках, и критика компетентного наблюдателя, находящегося вне наших течений, была бы высоко оценена всеми заинтересованными сторонами. Если бы Вы согласились в нескольких строчках высказать Ваше *мнение* об этих статьях («Крестьянский вопрос в полицейском государстве») [359], я попросил бы у Вас разрешения опубликовать его на столбцах «Прогресса», какой бы приговор Вы ни вынесли.

Искренне преданный Вам

Исаак А. Гурвич

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Женева, 2 апреля 1893 г.

Дорогой учитель!

Податель этого письма — *Алексей Воден,* молодой русский студент, один из наших друзей, очень прилежный и очень способный. Его единственное несчастье состоит в том, что он слишком много работал и довел себя до болезни: он стал очень нервным. Отправляясь в Лондон, он просил меня рекомендовать его Вам. Я делаю это весьма охотно, так как убежден, что Вам будет интересно встретиться с одним из лучших представителей нашей русской молодежи. Он славный малый, и я уверен, что он извлечет большую пользу из знакомства с Вами. Это не тот, кого

немцы называют ein Mann der That *, у него действительно большие способности к теоретической работе, а Вы хорошо знаете, что люди такого рода часто бывают весьма полезными для движения. Вера Засулич кланяется Вам и, со своей стороны, просит Вас хорошо принять нашего молодого друга. Поездка в Лондон и беседы с Вами составят эпоху в его жизни.

Примите, дорогой учитель, уверение в моей совершенной преданности. Привет г-же Луизе Каутской. Я имел удовольствие познакомиться с ней в Цюрихе.

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 апреля 1893 г.

Честь имею послать Вам экземпляр моих «Очерков» [354]. Вы не найдете в этой книге ничего нового. Я попытался показать читателям, что все наши экономические бедствия являются результатом новой формы производства, что ее развитие делает страдания еще более острыми, что пора набраться мужества для действительного прогресса, если мы не хотим превратиться в труп...

Простите, что я без Вашего разрешения цитирую в предисловии (и в примечании на стр. 282) два места из Ваших писем: они очень ярко изображают положение [360].

Прошу Вас сообщить мне, когда Вы надеетесь получить первый печатный лист III тома **. Я жажду воспользоваться Вашим любезным обещанием и немедленно начать его переводить. Но если печатание не начнется до июля или августа, то я весной отправлюсь куда-нибудь на лоно природы.

Когда «Очерки» поступят в продажу, — книга через несколько дней будет послана на «просмотр», — я пошлю Вам несколько экземпляров для Ваших друзей.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

* — человек дела. *Ред.*
** — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 23 апреля 1893 г.

Милостивый государь!

Несомненно, наши экономические, политические и интеллектуальные условия после Крымской войны намного отставали — как и в настоящее время — от потребностей более высокой экономической формы. Но условия, при которых мы живем, развивают силы, стремящиеся подорвать самый базис нашего экономического здания...

Тот факт, что Россия является последней страной, захваченной капиталистической формой, лишает нас надежды воспользоваться положительной стороной этой формы. Я не представляю себе, как может произойти процесс замещения «около 80 миллионов крестьян новым классом буржуазных земельных собственников». Я отдаю себе полный отчет в том, что процесс капитализации земледельческого дохода достиг высшей точки, но не могу представить себе, каким образом в тот момент, когда достигнут критический пункт, когда доля крестьян в продукте будет сокращена, — как это имеет место уже теперь, — до минимума, необходимого для поддержания их жизни, то есть когда человеческая рабочая сила стала дешевле каких бы то ни было машин, — каким образом может произойти процесс замещения огромной массы населения новым классом земельных собственников. Вследствие процесса экспроприации цена человеческой рабочей силы упадет под давлением массы безработных до такого уровня, который лишит новых собственников возможности применять какие бы то ни было машины. В хлопчатобумажной или в каменноугольной промышленности, например, наши капиталисты защищены пошлинами и премиями не столько против иностранной промышленности, сколько против крестьянской промышленности («Очерки», стр. 296, примечание 1 [354]).

Сами силы природы будут защищать нас, — как они делают это в настоящее время, — от несоответствия, от неприспособленности новой формы производства к требованиям всего общества.

А наше общество? Может ли оно остаться пассивным, когда такая неминуемая опасность будет угрожать самому его существованию? Голод 1891/92 года немного пробудил нас ото сна. Наше общество не может оставаться в положении пассивного зрителя. Оно желает знать, где искать причины наших несчастий и где находится тот базис, на котором может быть построено здание нашего будущего благосостояния.

Г-н Мютюаль * вполне здоров: его родственники получили от него известия [282].

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Я послал Вам несколько экземпляров «Очерков», они уже изданы.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Морне, 4 мая 1893 г.

Дорогой учитель!

Гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг просила меня написать несколько слов для митинга 7 мая [361]. Посылаю Вам эти несколько слов, подписанных Верой Засулич и мною. Но у меня нет здесь в Морне адреса гражданки, так как я оставил в Женеве ее письмо. Поэтому я позволяю себе просить Вас передать ей прилагаемый листок с моими и Веры Засулич лучшими пожеланиями. Самый искренний привет также г-ну Эвелингу.

Один из наших русских молодых друзей, Алексей Воден, поехал в Лондон приблизительно месяц тому назад. Я дал ему письмо к Вам **. Заходил ли он к Вам? Он нам ничего не пишет. Если Вы его увидите, кланяйтесь от нас. Я послал Вам самый верный мой адрес для Западной Европы: 5, rue des Allemands, г-жа Боград-Плеханова, доктор медицины. Пишу его еще раз, потому что мое письмо могло затеряться в дороге.

Простите, дорогой учитель, что беспокою Вас.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Вера Засулич сердечно Вам кланяется.

Демонстрация Первого мая в Женеве удалась великолепно. Второго Гед сделал доклад в огромном зале избирательного дворца [362]. Он имел чрезвычайный успех. Этот доклад значительно продвинет вперед женевское рабочее движение. Гед был восхитителен.

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 2, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* — Лопатин. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 650—651. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 1 (13) мая 1893 г.

Милостивый государь!

Вы любезно обещали высылать мне корректурные листы III тома * по мере их готовности.

Так как я уезжаю за границу примерно на два месяца для восстановления своего здоровья, то позвольте мне сообщить Вам, что я вернусь около 8 (20) июля.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 21 мая 1893 г.

Дорогой Лавров!

Третьего дня я отправил Вам по почте книгу Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного хозяйства» **.

Он сообщил мне также, что родственники нашего друга Г. Лопатина *** получили от него вести, судя по которым он жив и здоров [282].

Вы обещали прислать мне экземпляр брошюры, где Вы собирались опубликовать письмо Лопатина, в котором я фигурирую, — я ее до сих пор не получил [348]. Поскольку брошюра, как мне говорили, уже вышла, нужно думать, что бандероль затерялась при пересылке. Не можете ли Вы мне выслать другой экземпляр?

Надеюсь, что Вы чувствуете себя так же хорошо, как я, а мне жаловаться не на что.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 64

* — «Капитала». *Ред.*
** Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** В оригинале русские буквы Г. Л. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 23 мая 1893 г.

Дорогой Энгельс!

Я почти уверен, что посылка затерялась, но когда не делаешь что-нибудь сам, всегда возникают сомнения. На этот раз я лично сдам на почту второй экземпляр нашей публикации и присоединю к нему только что изданную нами брошюру относительно одного польского социалиста, покончившего самоубийством[363]. Эта брошюра также должна была быть получена Вами уже несколько дней назад, но я предпочитаю послать ее вторично. — Большое спасибо за присланную мне книгу Даниельсона и за сообщение сведений о Германе *. Рад узнать, что Вы хорошо себя чувствуете; я тоже не жалуюсь, так как если человеку меньше чем через месяц стукнет 70 лет, то он не имеет права претендовать на слишком многое. О каждом прожитом дне можно сказать: еще одна победа над врагом!

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

Очень сожалею, что Бернштейн уже давно перестал присылать мне новое издание Лассаля. Передайте ему привет от меня.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — И. А. ГУРВИЧУ

В ЧИКАГО

Лондон, 27 мая 1893 г.

Д-ру Исааку А. Гурвичу

Милостивый государь!

Весьма благодарен за Ваше интересное исследование об экономике русской деревни[358], которое я прочел, надеюсь, не без пользы.

* — Лопатине. *Ред.*

Что же касается жгучих вопросов революционного движения в России и той роли, которую крестьянству может быть доведется сыграть в нем, то на эти темы я не мог бы со всей добросовестностью высказать свое мнение в печати, не изучив сначала весь предмет заново и не пополнив свои весьма недостаточные знания фактов по этому вопросу новейшими данными. Но на это у меня, к сожалению, сейчас нет времени. Вместе с тем у меня имеются все основания сомневаться в том, возымеет ли такое мое публичное выступление то действие, которого Вы от него ожидаете. По собственному опыту 1849—1852 гг. я знаю, как неизбежно всякая политическая эмиграция раскалывается на множество враждующих между собой групп, пока на родине затишье. Страстное желание действовать наряду с невозможностью сделать что-либо полезное вызывает у многих умных и энергичных людей сверхинтенсивную работу мысли, попытки открыть или изобрести новые, чуть ли не чудодейственные средства борьбы. Слово постороннего человека произвело бы ничтожное, в лучшем случае преходящее, впечатление. Если Вы следили за русской эмигрантской литературой последнего десятилетия, то сами знаете, как, например, отдельные места из произведений и переписки Маркса толковались различными группами русских эмигрантов самым противоречивым образом, совершенно так же, как если бы это были изречения классиков или тексты из Нового завета. Что бы я ни сказал по упомянутому Вами вопросу, мои слова, вероятно, подвергнутся той же участи, если вообще на них обратят внимание.

Итак, из этих различных соображений я заключаю, что для всех, кто может иметь к этому отношение, в том числе и для меня самого, лучше мне воздержаться.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 65—66

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 13 июня 1893 г.

Дорогой Лавров!

Завтра Вам минет семьдесят лет. Примите наши самые искренние поздравления. Да суждено Вам будет дожить до того дня, когда русское социально-революционное движение, которому Вы самоотверженно посвя-

тили всю свою жизнь, победоносно водрузит свое знамя на развалинах царизма.

Ваши искренние друзья

Фридрих Энгельс
Луиза Каутская
Элеонора Маркс-Эвелинг
Эдуард Эвелинг

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 71—72

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Париж], 18 июня 1893 г.

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за Ваши любезные поздравления с моим днем рождения. Я не считаю заслуженными все те почести, которыми меня удостоили в этот день, но я счастлив, что дал повод еще раз доказать братство, объединяющее социалистов всех стран. Прошу Вас передать мою горячую благодарность всем подписавшим вместе с Вами Ваше письмо. И все вы, может быть, простите меня за то, что я не ответил вам тотчас же, если я скажу Вам, что был в полном изнеможении (ведь не все могут, как Вы, так бодро нести бремя лет). К тому же вчера я заболел и должен был пролежать целый день в постели. Сегодня я снова смог сесть за письменный стол, и первое, что я делаю, это пишу Вам.

Тысяча приветов Вам и всем нашим друзьям

Петр Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 26 июля 1893 г.

Милостивый государь!

Примите мои самые сердечные поздравления с одержанной Вами новой победой [364].

Надо надеяться, что такие же победы будут одержаны и в других странах.

Это была самая приятная новость, которую я узнал по возвращении сюда.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

С. М. КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 29 июля 1893 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Доброджану хочет, чтобы я написал Вам о нем несколько слов в качестве рекомендации, которая, думается, и не очень потребуется, так как по имени Вы его несомненно знаете. Он отправляется на Цюрихский конгресс как представитель румынских социалистов; заехал на несколько дней в Лондон и очень хочет повидать Вас.

Искренне Ваш

С. Степняк

Впервые опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 10, 1935 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

СОЮЗ ЕВРЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Россия, октябрь 1893 г.

Милостивый государь!

Причины, которые побудили «Союз еврейских социалистов» с глубочайшим уважением переслать Вам прилагаемую книгу [365], вкратце следующие: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» вызвали в России при их появлении сенсацию, так как автор, хотя и производит впечатление убежденного марксиста, ссылаясь на Маркса и Энгельса и оперируя огромным статистическим материалом, приходит к совершенно противоположным выводам, чем оба великие ученые политической экономии. «Народники» приветствуют в лице автора убежденного защитника своих взглядов; многие социалисты поколебались в своих

убеждениях; никто не знает, совместимы ли воззрения автора с современным научным социализмом, а если нет, то как их можно опровергнуть. Лицам, пересылающим эту книгу, известно, что Вы, уважаемый учитель, живо интересуетесь положением в России и владеете русским языком. Они просят Вас высказать вкратце в одном из журналов Ваше мнение об этой книге и тем самым еще умножить число Ваших заслуг перед международным социалистическим движением.

Союз еврейских социалистов

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IV, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

И. П. ГОЛЬДЕНБЕРГ (МЕШКОВСКИЙ) — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Льеж [15—16 октября 1893 г.]

Многоуважаемый учитель!

Посылаю Вам несколько оттисков [366]; автор этих статей посвящает их Вам. У нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России»; может быть, эти оттиски послужат хоть каким-нибудь материалом для выработки и обосновки вопросов будущности капитализма у нас в России. Вы бы мне доставили большое удовольствие, если бы (во-1-х) сообщили о том, что Вами получены посылаемые мною брошюры, а (во-2-х) я прошу Вас сообщить мне Ваш критический отзыв. Я с нетерпением жду от Вас ответа. Пишу Вам по-русски, так как мне сообщили, что Вы знаете его.

До свидания.

И. Гольденберг

Мой адрес: Liège (Belgique), rue du Beau Mur, 21, Гольденбергу.

Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IV, 1929 г.

Печатается по рукописи на русском языке

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 17 октября 1893 г.

Милостивый государь!

Когда я получил Ваше письмо от 26 июля с извещением о Вашем возвращении домой, я сам как раз собирался на два месяца за границу

и только сейчас вернулся из этой поездки [367]. Вот причина моего долгого молчания.

Очень Вам благодарен за присланные экземпляры «Очерков» [354]; три из них я отправил друзьям, способным их оценить. Книга произвела, как я с удовольствием заметил, значительное впечатление и даже вызвала сенсацию, и вполне заслуженно. Среди русских, с которыми я встречался, она была главной темой разговора. Не далее как вчера один из них * писал мне: у нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России» **. В берлинском «Sozialpolitisches Centralblatt» *** некий г-н П. фон Струве опубликовал о Вашей книге большую статью [368]; я должен согласиться с ним в одном пункте: что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием тех исторических условий, которые были созданы Крымской войной, того способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г., и, наконец, неизбежным следствием общего политического застоя во всей Европе. Но Струве решительно не прав, когда, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом на будущее, сравнивает современное положение России с таковым в Соединенных Штатах. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах. При этом он совершенно забывает, что Соединенные Штаты современны, буржуазны уже с самого их зарождения; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция). В Америке денежное хозяйство вполне установилось более ста лет тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было общим правилом, почти без всякого исключения. Поэтому ясно, что в России эта перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно бо̀льшими страданиями, чем в Америке.

Но при всем этом мне все же кажется, что Вы смотрите на дело более мрачно, чем это может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасной ломки общества, без исчез-

* — Гольденберг. *Ред.*

** Фраза после двоеточия написана Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** Третий год издания, № 1, 1 октября 1893 г. *(Примечание Энгельса.)*

новения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе. Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко. Быстрый прирост населения, к которому вы привыкли, может приостановиться. Безрассудное истребление лесов в сочетании с экспроприацией старых помещиков *, как и крестьян, может вызвать колоссальную растрату производительных сил; и все же более чем стомиллионное население составит в конце концов очень большой внутренний рынок для весьма значительной *крупной промышленности;* и у вас, как и в других странах, все придет в свою норму, — конечно, если капитализм в Западной Европе продержится достаточно долго.

Вы сами признаете, что

> «социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории».

Я пойду еще дальше и скажу, что в России развитие из первобытного аграрного коммунизма более высокой социальной формы могло бы стать возможным не больше, чем во всяком другом месте, если бы только эта более высокая форма не *существовала уже* в какой-либо другой стране и не служила бы в качестве образца. Эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна, — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого ею социального дуалистического антагонизма, она не может развиться непосредственно из земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему. Будь Западная Европа в 1860—1870 гг. созревшей для такой трансформации, будь эта трансформация проделана тогда Англией, Францией и т. д., — в этом случае русские действительно были бы призваны показать, что̀ могло быть сделано из их общины, в то время еще более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое, не пытался произвести такую трансформацию, а капитализм развивался все быстрее и быстрее. Итак, у России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия еще не созрели тогда даже на Западе — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается, что оставалось еще, кроме этого последнего шанса?

* Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

Что касается общины, то она возможна лишь до тех пор, пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия становятся значительными, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно. Афинские кулаки * и мироеды * до Солона разрушили афинский *род* с той же неумолимостью, с какой кулаки и мироеды вашей страны разрушают общину. Боюсь, что этот институт осужден на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь modus operandi ** изменяется. Да свершится предначертанное!

Всегда Ваш

Как только III том *** будет в печати, я позабочусь о том, чтобы высылать Вам листы.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 127—130

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 22 октября 1893 г.

Дорогой Энгельс!

Разрешите мне рекомендовать Вам нашего единомышленника, одного из наиболее активных пропагандистов социалистических идей среди русских — *Раппопорта,* который предъявит Вам эти строки.

Надеюсь, что Вы здоровы и что мы вскоре увидим новые результаты Ваших постоянных научных занятий.

Шлю Вам свои наилучшие пожелания

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* Слова «кулаки» и «мироеды» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*
** — образ действия. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 3—4 ноября 1893 г.

Милостивый государь!

С чувством глубокой симпатии следил я за Вашим триумфальным путешествием [367]. Весьма приятно было видеть признание Ваших огромных заслуг со стороны тех, интересам которых Вы посвятили свою жизнь.

Сердечно благодарю за Ваше любезное письмо. Я получил от г-на Петра фон Струве его статью в «Sozialpolitisches Centralblatt» [368].

Вы не встретите в России никого, кто стал бы отрицать, что после Крымской войны изменение наших экономических институтов было неизбежно. Нельзя также отрицать, что «способ, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г.», был одной из причин ускорения развития капиталистической формы производства в России. Изменение экономики было неизбежным. Допустим, что нельзя было пойти по другому пути (хотя, как Вам известно, были экономисты, которые настаивали на развитии «сельской общины», чтобы она могла, «не испытав мук этого строя» (капиталистического), «завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» *).

Рассмотрим последствия. Незначительное число рабочих, меньше $1^1/_4$% всего населения, производит все, что необходимо для всего населения (кроме продовольствия). Они производят это в таком количестве, которое намного превышает покупательные средства населения. Мы не знаем, что̀ делать с излишними продуктами. Мы ищем внешних рынков, а в то же самое время есть миллионы, в буквальном смысле миллионы безработных, лишенных самого необходимого. Г-н фон Струве говорит, что историческая миссия капиталистической формы производства в России «состоит в нивелировании этой разницы между 80% и 40%», то есть разницы между процентом земледельческого населения в Соединенных Штатах и в России. Я спросил бы его, где найти рынки для продуктов труда, скажем, 3% населения, то есть для удвоенного количества теперешнего числа рабочих? По моему мнению, незачем вести пустые разговоры об увеличении числа неземледельческих рабочих до 30—40% населения. Посмотрите, пожалуйста, на факты. В 1866 г. население Европейской России составляло около 66,2 млн., в 1890 г. — около 92 миллионов. Число фабричных рабочих в первом случае составляло около 829 000,

* См. настоящий сборник, стр. 627. *Ред.*

а в последнем — 1 178 000, то есть в первом случае 1,95% всего населения работало на фабриках, а в последнем — 1,28%... Таковы факты.

Вы говорите, что более чем стомиллионное население составит в конце концов очень большой внутренний рынок для весьма значительной «крупной промышленности». Конечно. Но наш внутренний рынок становится все более узким, он сокращается вследствие действия механизма капитализации промышленности. Даже в настоящее время наше земледельческое население вынуждено продавать больше, чем возможно, своих собственных продуктов для покупки необходимых продуктов крупной промышленности. В результате этого мы видим истощение почвы, меньшую производительность земледельческого труда, излишек рабочей силы, падение ее цены и препятствие для более интенсивной культуры почвы.

Тот факт, что для капитала «...применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы» *, является причиной того, что применение машин, вследствие дешевизны нашей рабочей силы, ограничено у нас больше, чем где бы то ни было, потому что «разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы» ** гораздо больше, чем где бы то ни было. Мы можем применять машины такого рода, которые уничтожают эту разницу, то есть такие, которые повышают производительность труда в наибольшей степени, то есть наиболее дорогие. Наглядный пример этого — наша хлопчатобумажная промышленность и наши мукомольные мельницы. Вот причина того, почему дешевизна нашей рабочей силы оказывает такое особенное влияние на рост нашей крупной промышленности. Вам известно, что кроме иностранной конкуренции нашим капиталистам приходится бороться также против конкуренции самостоятельных производителей. Против иностранной конкуренции мы воздвигли высокую стену таможенных пошлин. «Внутренний враг» должен быть побежден организацией производства по возможности в наибольшем масштабе. Сомнительно, например, можно ли где-нибудь найти фабрику, подобную нашей Кренгольмской мануфактуре, с ее 400 000 веретен, 2 200 станков и 4 000 рабочих, или подобную Шейблеровской мануфактуре в Лодзи с ее 6 500 рабочими, или Никольской мануфактуре Морозовых и т. п. Из «Седьмого отчета Министерства труда» в Вашингтоне видно, что самое большое число веретен на одной хлопчатобумажной фабрике достигает 75 000, а станков — 460. (Вашингтон, 1892, стр. 24—25.) То же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать относительно наших мукомольных мельниц в сравнении с мельницами Будапешта и Миннеаполиса. (Одна русская мукомольная мельница на Волге дает около 1 800 000 пу-

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 404. *Ред.*
** См. там же. *Ред.*

дов; одна в Будапеште — около 1 680 000, а в Миннеаполисе — около 4 млн. пудов муки. («Десятый годовой отчет фирмы «Фиат энд К°»». Миннеаполис, стр. 85—87.)).

Интенсивность труда на наших фабриках гораздо ниже интенсивности американского труда. Наши ткачи следят за двумя, редко за тремя станками, а в Соединенных Штатах, по-видимому, нет ткачей, работающих на трех станках, там один ткач обслуживает 4, 5, 6, даже 8 станков. («Седьмой отчет Министерства труда», том I, стр. 370.) Это обстоятельство не следует упускать из виду, когда мы говорим о возможности увеличения числа рабочих на наших фабриках: пожалуй, теперешнее число слишком велико...

Совсем другое положение в земледелии. Более интенсивной культуре мешает американская конкуренция. Мы видим, что в Англии, в стране с наиболее интенсивной культурой, площадь посева пшеницы за четырнадцать лет уменьшилась больше чем на 51 процент (с 38 900 000 акров в 1879 г. до 18 970 000 в 1893 году). Одной из главных причин этого уменьшения является американская конкуренция.

Если мы вспомним, что в Аргентине за последние десять лет посевные площади ежегодно увеличивались приблизительно на 200 000 акров, что в настоящее время там распахивается только 12,5 млн. акров и там имеется около 240 млн. акров прекрасной пахотной земли, что по способу производства пшеницы фермы Аргентины очень близки к арендаторским фермам Северной Дакоты и т. д., если мы вспомним, как все эти обстоятельства понижают стоимость сельскохозяйственных продуктов, то найдем, что для наших «кулаков» и «мироедов» выгоднее эксплуатировать крестьянство не в качестве земельных собственников, а в качестве торговцев: они уже держат население в своих руках и, как торговцы, извлекают прибыль из всего, — они извлекли выгоду даже из голодного 1891 года.

Хотя процесс концентрации крестьянских земель в руках кулаков продолжается, я все же не могу себе представить, как может совершиться процесс замещения «около 80 миллионов крестьян новым классом буржуазных земельных собственников». В настоящее время этот процесс только невыгоден им. «Более чем стомиллионное население составит очень большой внутренний рынок». В то же самое время Вы знаете, что общая сумма текстильных продуктов крупной промышленности и домашней промышленности не увеличивается, но остается постоянной и даже уменьшается.

«Пока русская промышленность ограничена своим внутренним рынком» (а где найти внешний рынок?), «ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление». Вы добавляете, что «последнее может возрастать лишь очень медленно, и, как мне кажется, при нынешних

условиях в России скорее должно было бы сокращаться» *. На стр. 179 «Очерков» [354] Вы найдете факты, иллюстрирующие тесную зависимость капиталистического производства от сельскохозяйственного. Из недавно изданных статистических данных за 1888—1891 гг. Вы можете видеть, что общая сумма прибыли акционерных хлопчатобумажных фабрик составляла в 1888 г. 17,8 млн. руб., в 1889 г. — 21,4 млн. руб., в 1890 г. — 13,8 млн. руб., а в 1891 г. — 7,9 млн. руб. Так как голод 1891 г. есть результат социальных причин и главным образом — результат капитализации промышленности, то отсюда следует, что капитализация создает препятствие для своего собственного роста.

По моему мнению, положительная сторона капиталистического способа производства — прогрессивная сторона его — не соответствует его отрицательной стороне: прогрессивная сторона действует на очень ограниченную часть всего населения, между тем как отрицательная сторона с ее «огромными страданиями» и «растратой человеческих жизней» действует на основную массу населения. Так как эволюция этого способа производства задерживается его собственным ростом, то из этого следует, что мы должны искать другой выход из современного экономического положения; мы напрасно стали бы ждать развития более высокой формы как необходимого следствия капиталистической формы производства и создаваемого ею социального дуалистического антагонизма.

Возможно ли, чтобы урок 1891 г. прошел бесследно? То, что имело место в голодный год, есть смягченная форма того, чего мы можем ждать в будущем. Он не имел никакой творческой силы. Чему научил нас этот год? Тому, что этим бедствием мы обязаны форме производства. Что надо делать, чтобы в будущем избавиться от повторения такого бедствия? Нам говорят, что подобное бедствие не только неизбежно, но в будущем оно будет иметь более острый характер; выхода нет, и в недалеком будущем предстоят огромные страдания и растрата человеческих жизней; и, в конце концов, когда из этой формы производства, — которая является непосредственной причиной этих страданий и т. д., — разовьется социальный антагонизм, создаваемый ею, мы можем надеяться увидеть развитие более высокой формы. А если капиталистическая форма производства не в состоянии создать дуалистического антагонизма в той форме, в какой мы видим ее в Западной Европе? Если рост этой формы создает препятствия для ее собственного роста?

Очевидно, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам». Результаты роста капитализма в стране с высокой культу-

* См. настоящий сборник, стр. 625. *Ред.*

рой и в стране с зачатками культуры совершенно различны. В первом случае этот рост ведет к образованию организованной силы, сознающей свое влияние; в последнем же случае, напротив, он дезорганизует всю социальную производительную организацию; он ведет к огромной растрате человеческих жизней и производительных сил, так как он дает работу сравнительно все уменьшающейся части населения, части совершенно незначительной, и в то же самое время он понижает уровень экономического положения всего населения в такой степени, что само общество чувствует необходимость (1891 г.) принять меры, которые могли бы привести к удовлетворению действительных потребностей существования.

Я резюмирую. Наш внутренний рынок есть функция нашего производства. Продукта труда примерно 1,25% всего населения совершенно достаточно для удовлетворения потребностей всего населения. Производительность земледельческого населения — главного рынка капиталистического производства — уменьшается относительно очень быстро. В то же самое время она уменьшается и абсолютно. В результате этого — одновременно с капитализацией промышленности — уменьшаются также и средства для удовлетворения потребностей сельского населения. В огромном количестве высвобождаются рабочие силы. В то же самое время очевидно, что наша сельская община при разлагающих условиях теряет свою силу сцепления: она еще не разложилась благодаря общим интересам большинства ее беднейших членов. Наиболее богатое меньшинство недавно получило помощь от законодательства: Вы знаете, что установлен минимальный срок переделов общинных земель в двенадцать лет.

Отрицательная сторона процесса капитализации несравнимо преобладает над его положительной стороной. Капитализм создает такие большие препятствия своему собственному росту, что переход к более высокой форме этим путем невозможен.

Вы говорите: «Вы смотрите на дело более мрачно, чем это может быть оправдано фактами». Но в то же самое время Вы утверждаете, что переход от первобытной земельной общины к капиталистическому индустриализму не может произойти «без ужасной ломки общества», сопровождаемой «огромными страданиями» и «растратой человеческих жизней». «Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко». — Хотя «русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие можно себе представить, и — что всего хуже — *беден сознанием своей бедности»* (*Салтыков-Щедрин.* «Письма из провинции») и хотя экономический процесс последнего времени не только не уменьшил этой бедности, но привел к голоду 1891 г., тем не менее я никогда не думал о гибели всего населения как о результате всех неблагоприятных экономических условий. Однако, по-видимому, дальнейшее развитие

капиталистической формы производства при данных условиях ведет к гибели; очевидно, это заключение подтверждается фактами, собранными в «Очерках», но в то же самое время я думаю, что русский народ, несмотря «на бедность сознанием своей бедности», найдет выход из этого «безвыходного положения».

Можно, конечно, сказать, что законы капиталистического производства, если оно станет преобладающей формой, непреодолимы. Несомненно. Но в то же самое время законы органической человеческой жизни, лежащие в основе человеческого существования, еще более сильны.

Вы говорите: «Быстрый прирост населения может приостановиться». Разумеется. Мы видим очень поучительный пример этого факта в Московской губернии, где численность населения почти постоянна, если не уменьшается *. Факт уменьшения населения также не является новостью. Время, когда Россия вошла в семью европейских держав (1678—1710 гг.), характеризуется огромным уменьшением населения. Общее уменьшение его доходило до 19,5%, в Архангельской губернии оно уменьшилось на 40%, в Ингерманланде — на 40,5%, в Смоленской губернии — на 21,2%, в Московской губернии — на 24,5% и т. д. (*П. Милюков*. «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого». СПб., 1892, стр. 267—268.) С этой точки зрения, в этом нет ничего нового: размеры страданий и растраты человеческих жизней будут увеличиваться — и только.

Возможно, что более высокая форма производства, обрисованная в «Очерках», не может развиться непосредственно из «сельской общины». Главная задача «Очерков» состояла в указании на то, что действительная трудность заключается в установлении *природы и происхождения социального беспорядка,* когда это уже произошло. Лечение не слишком трудно, и перед лицом собранных фактов единственный путь, который нам остается, по моему мнению, это — изучить наши экономические условия и *искать путь для другого выхода*. Но мы должны удовлетвориться сознанием, что все к лучшему (!) в сем лучшем из миров и что свои усилия нам надо направить на развитие тех экономических форм, которые были и остаются теперь источником всех наших экономических бедствий, как это советует г-н П. фон Струве.

Я был очень рад узнать от г-на Хилла **, которого Вы видели в Швейцарии, что единственное, что Вам осталось сделать для III тома ***, это — окончательная редакция заключительной главы.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

* См. таблицу на стр. 157 моих «Очерков». *(Примечание автора.)*
** — Каблукова. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*

Из 1 500 напечатанных экземпляров «Очерков» 900 уже продано.

Видели ли Вы когда-нибудь высококультурную нацию в состоянии гипноза?

Разрешите привести Вам краткое изложение взглядов нашего «знаменитого» ученого и идеолога плутократии, профессора Менделеева, взятое из официального издания: «Фабрично-заводская, промышленная и торговая Россия». Изд. Департамента торговли и мануфактур для выставки в Чикаго. СПб., 1893. Введение проф. Менделеева (стр. 48) [369]:

«На этой русской дешевизне рабочих» (сравнительно с Англией) «может основаться множество важнейших и важных промышленных предприятий, которые могут соперничать... с соответственными предприятиями Запада. Достижение этого результата тем вероятнее, чем более в цене продукта участвует рабочая плата. А так как соревнование и экономический социальный прогресс стремится довести цену всех товаров до того, чтобы она наиболее приближалась к сумме, выплачиваемой рабочим, то есть так как капитал дешевеет» (то есть $\frac{m}{v}=\frac{m}{k}$), «то промышленная будущность, с внешней стороны, несомненно принадлежит странам, обладающим условиями дешевизны жизненных припасов, а потому и сравнительно дешевой рабочей платой. Россия же этими условиями запаслась не только на текущее, но и на далеко предстоящее время. Если это однажды будет понято русским народом во всей полноте в такой же мере, как правительством, промышленные успехи России должны последовать с быстротою, и есть много поводов думать, что современность представляет переход к этой предстоящей эпохе жизни России».

Так говорит всемирно известный ученый...

4 ноября 1893 года.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 23 ноября 1893 г.

Милостивый государь!

Прилагаемая таблица является иллюстрацией к тому, о чем я говорил в своем последнем письме. 111 фабрик производят 60% всех текстильных изделий и получают 69% прибыли. 64 хлопчатобумажных фабрики производят 77% всех хлопчатобумажных текстильных изделий и получают 83% всей прибыли этой отрасли промышленности.

Отношение прибыли к общей сумме *производства* больше на крупных и мелких предприятиях, чем в среднем.

Рост прибыли гораздо больше роста производства.

Искренне преданный Вам

Н. Ф. Даниельсон

Производство и прибыль текстильной промышленности России в 1889 году *

(в тыс. рублей)

Отрасли текстильной промышленности	1 Число предприятий	2 Сумма производства	3 В %% к общей сумме производства данной отрасли промышленности	4 Сумма прибыли	5 В %% к общей сумме прибыли	6 Отношение суммы прибыли к сумме производства	7 Резервный капитал
1) Акционерные общества							
Шерстяная	17	36 204	34,2%	2 039	37,2%	5,6%	17 550 + 1614
Хлопчатобумажная	64	212 390	77,8%	21 374	83,4%	10,0%	154 066 + 38 379,5
Продукция ситценабивных фабрик	15	51 207	57,6%	2 810	53,0%	5,5%	17 630 + 6 314,8
Льняная	14	14 000	43,5%	2 851	68,4%	5,56%	15 700 + 1 294,8
Шелковая	1	(?)	—	133	—	—	800 + 375
В целом	111	313 801	60,6%	29 208	69,38%	9,26%	205 746 + 47 979
2) Частные фирмы							
Шерстяная	681	68 404,6	64,6%	3 305	60,2%	4,8%	—
Хлопчатобумажная	446	58 479,7	21,5%	4 104	16,1%	7,0%	—
Продукция ситценабивных фабрик	292	37 116	41,6%	2 425	45,7%	6,5%	—
Льняная	159	16 808	52,1%	1 205	28,9%	7,1%	—
Шелковая	221	16 668	—	1 354	—	—	—
В целом	1 799	197 476	38,2%	12 393	29,37%	6,27%	—
3) Мелкие предприятия							
Шерстяная	401	1 251,2	1,2%	136,5	2,6%	—	—
Хлопчатобумажная	547	1 928,7	0,7%	137,6	0,5%	—	—
Продукция ситценабивных предприятий	193	796,3	0,8%	74,15	1,4%	—	—
Льняная	449	1 420	4,4%	109	2,2%	—	—
Шелковая	156	940,7	—	76,42	—	—	—
В целом	1 746	6 337,4	1,2%	533,7	1,25%	—	—
4) Общее производство текстильных изделий и пряжи							
Шерстяная	1 109	105 859	100%	5 481	100%	—	—
Хлопчатобумажная	1 075	272 799	100%	25 116	100%	—	—
Продукция ситценабивных предприятий	511	89 119	100%	5 309	100%	—	—
Льняная	623	32 227	100%	4 165	100%	—	—
Шелковая	378	17 608	100%	15 634	100%	—	—
В целом	3 696	517 612	100%	42 135	100%	—	—

* Таблица публикуется впервые. В оригинале имеются некоторые неточности в подсчетах. *Ред.*

В среднем на каждое предприятие *:

	Сумма производства (в рублях)	Мелкие предприятия = 1	Сумма прибыли (в рублях)	Мелкие предприятия = 1
Акционерные общества	2 852 000	787	263 135	862
Частные фирмы	109 700	30	6 885	22
Мелкие предприятия	3 630	1	305	1
В хлопчатобумажной промышленности				
Акционерные общества	3 317 000	947	333 969	1 330
Частные фирмы	131 000	37,2	9 201	36,6
Мелкие предприятия	3 520	1	251	1

Данные, приведенные в графах 2 и 7 таблицы, взяты из изданий: «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России». СПб., 1891 год; «*Исторический очерк* обложения торговли и промыслов». СПб., 1893 год.

Данные в графе 4 — из издания: «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 год». СПб., 1892 год, а также «*Исторический очерк* и т. д.».

Впервые опубликовано (за исключением таблиц) в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

В. Я. ШМУЙЛОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Дрезден, 29 декабря 1893 г.

Многоуважаемый г-н Энгельс!

Мы, правда, не знаем, приятен ли Вам старый хороший обычай новогодних пожеланий; но мы все же хотим воспользоваться случаем, чтобы направить Вам сегодня наши самые искренние пожелания счастья и одновременно сказать Вам, как все еще часто мы с благодарностью вспоминаем Вас и обмениваемся друг с другом своими воспоминаниями о Лондоне, в центре которых стоите Вы.

* Таблица публикуется впервые. В оригинале имеются некоторые неточности в подсчетах. *Ред.*

Просим Вас передать сердечный привет и пожелания счастья в Новом году г-же Каутской, семье Бернштейна и г-ну д-ру Фрейбергеру, вместе с которыми мы провели столь приятные часы в Вашем доме. Кланяемся Вам и надеемся, что Вы сохраните о нас добрую память.

Соединившаяся «законно» с Вашей помощью супружеская чета

Рия и Владимир Шмуйловы

P. S. Граднауэр, а также вся редакция «Sächsische Arbeiter-Zeitung» передают Вам самый сердечный привет.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 4 января 1894 г.

Дорогой Лавров!

Спасибо за Вашу открытку. Примите мои наилучшие пожелания к Новому году.

По-видимому, вопреки гармонии, достигнутой между Карно и царем *, именно французам, а не русским эмигрантам придется претерпеть преследования и мытарства, являющиеся неизбежными следствиями анархистско-полицейских бомб [370]. Тем лучше. В конце концов, есть признаки того, что даже парижский *филистер*, по-видимому, слегка устыдился своих истерических выходок в октябре прошлого года.

Не можете ли Вы сообщить мне адрес г-на Раппопорта, который только что вернулся в Швейцарию?

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса

Наконец появилась надежда, что Вы еще в этом году получите третий том «Капитала». Русский перевод будет делаться так же, как и перевод второго тома: я буду посылать корректурные листы Даниельсону.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 165—166

* — Александром III. *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 6 января 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Спешу сообщить Вам *последний* имеющийся у меня адрес Ш. Раппопорта: *Ницца, до востребования*. Он дал мне его несколько дней назад. — Я был очень рад узнать о предстоящем выходе 3-го тома «Капитала»: во-первых, из-за огромной ценности этого труда, а также потому, что самый факт его издания доказывает, что Вы остались все таким же неутомимым, как и раньше. — Очень жаль, что я не смог своевременно узнать о Вашем пребывании в Париже проездом в Цюрих [367], я нашел бы способ пожать Вам руку. Но это уже дело прошлое.

С наилучшими и самыми дружескими пожеланиями

П. Лавров

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 10 января 1894 г.

Дорогой Лавров!

Спасибо за открытку от 6-го. В прилагаемом письме — сообщение личного характера, которое я считаю важным, и поэтому не хотел бы подвергнуть это письмо риску утери. Не будете ли Вы столь любезны переслать его г-ну Раппопорту, как только узнаете его точный адрес. Это не к спеху, неделя не играет роли.

Первая треть рукописи третьего тома * уже в типографии (20 глав). Я занят окончательной редакцией остального. Если все будет в порядке, том выйдет в сентябре.

Если, как я надеюсь, Ваше здоровье не хуже моего, то нам с Вами не на что жаловаться.

Весь Ваш

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 168—169

* — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 января (11 февраля) 1894 г.

Милостивый государь!

Примите мою сердечную благодарность. Я прочитал с величайшим интересом [371]. Очень жаль, что я не знал о Вашем намерении. Есть масса новых статистических данных. Вам посланы два тома наших статистических изданий (английский перевод), касающихся промышленности и земледелия [372].

Я не хочу беспокоить Вас, так как Вы слишком заняты подготовкой III тома *, хотя есть кое-что, не совсем ясное для меня.

Я с величайшим нетерпением буду ждать обещанных корректурных листов, чтобы точас же начать перевод; я с большой радостью прочитал в газетах сообщение «Vorwärts», что первые листы III тома находятся в печати [373].

Последние экземпляры «Очерков» [354] распроданы в ноябре. Из этого факта Вы можете заключить, что такие скучные книги с множеством таблиц и статистических данных читают, что публика интересуется нашим экономическим положением. К этому можно добавить, что «экономические вопросы» горячо обсуждаются в периодической печати и в частных кругах.

Я думаю, что опубликование III тома будет очень кстати для разъяснения самых «проклятых вопросов».

Перевод превосходной брошюры «Происхождение семьи, частной собственности и государства» печатается. Некоторые страницы запрещены, как, например, стр. 186—188; 8 строк на стр. 179, вся страница 180 и 8 строк на 181 странице [374].

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

В печати находятся некоторые новые экономические исследования, например г-на Петра фон Струве [375], и другие.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

* — «Капитала». *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 24 февраля 1894 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне проиллюстрировать фактами тенденцию развития нашей крупной промышленности, как эта тенденция проявилась в течение двух периодов: 1) с 1865 по 1880 год и 2) с 1880 по 1890 год; второй период является периодом строгого протекционизма.

1) Число фабрик, рабочих и стоимость товаров, произведенных во всех отраслях промышленности Европейской России в 1865, 1880 и 1890 гг., а также степень их роста

*(за исключением добывающей и акцизной промышленности)**

Годы	Число фабрик	%%	Число рабочих	%%	Стоимость товаров (в тыс. руб.)	%%
1865	14 257	100	392 718	100	296 040	100
1880	16 564	116	616 925	157	731 249	247
1890	17 532	122	716 792	182	902 919	305
2) Во всех отраслях промышленности, кроме текстильной						
1865	11 946	100	153 194	100	142 156	100
1880	14 438	92	282 008	184	393 040	276
1890	15 494	82	331 376	216	486 225	342
3) В текстильной промышленности						
1865	2 311	100	239 521	100	153 884	100
1880	2 126	92	334 914	139,8	338 209	219,7
1890	2 038	88	385 416	161	416 696	270,7
4) В хлопчатобумажной промышленности						
1865	724	100	76 284	100	63 429	100
1880	575	71	166 973	218,8	156 438	246
1890	491	67,8	214 041	280,5	226 792	357
5) В текстильной промышленности (исключая хлопчатобумажную)						
1865	1 587	100	163 237	100	90 455	100
1880	1 551	97,9	167 944	102,9	181 771	200,9
1890	1 547	97,8	171 375	105	189 904	209,9

* Таблицы публикуются впервые. *Ред.*

Продолжение

6) Относительное увеличение числа рабочих и стоимости товаров, произведенных в 1880 и 1890 гг., по сравнению с 1865 годом

Год	Во всех отраслях промышленности		За исключением текстильной		Текстильная промышленность		Хлопчатобумажная промышленность	
	Число рабочих	Стоимость	Число рабочих	Стоимость	Число рабочих	Стоимость	Число рабочих	Стоимость
	1	2	3	4	5	6	7	8
1865	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
1880	+57	+147	+84	+176	+39,8	+119,7	+118,8	+146
1890	+25	+58	+32	+66	+21,2	+51	+61,7	+111

7) Процент ежегодного увеличения числа рабочих и стоимости товаров в течение двух периодов: 1865—1880 гг. и 1880—1890 гг.

Периоды	1	2	3	4	5	6	7	8
1865—1880	14 946	29 016	8 588	16 725	6 359	12 228	6 046	6 202
1880—1890	9 986	17 167	4 936	9 318	5 050	7 848	4 706	7 035
Процент увеличения или уменьшения во втором периоде								
	—33,3	—41,2	—42,6	—44,2	—20,6	—36,1	—20,6	+13,4

Можно было ожидать, что во втором периоде относительное число рабочих на фабриках и стоимость произведенных ими товаров увеличатся гораздо больше, чем в первом периоде. Таблицы дают Вам ответ.

Их этих таблиц Вы можете видеть, насколько отличаются условия нашей экономической жизни от того, что мы видели в Западной Европе, и насколько мало согласуется с фактами утверждение г-на П. фон Струве, что «миссия» нашего капиталистического производства заключается в увеличении относительного числа рабочих на фабриках. Влияние капиталистического производства очень глубоко, но это влияние в гораздо большей степени является отрицательным, чем положительным: его положительное влияние, как Вы видите, имеет тенденцию ослабевать.

Одной из задач моих «Очерков» [354] было доказать этот факт. Можно добавить, что с 1865 по 1890 год число рабочих, которые были заняты в отраслях промышленности, обложенных акцизом, уменьшилось с 186 000 до 142 000, то есть на 22,4%.

С величайшим интересом прочитал я окончание Вашего предисловия *.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано (за исключением таблиц) в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 20 марта 1894 г.

Милостивый государь!

Сегодня отправил Вам *заказной бандеролью* листы 1—6 (до стр. 96 включительно) III тома, содержащие бо̀льшую часть I отдела. Продолжение последует, как только я получу его.

Ваши письма от 4 и 23 ноября и 24 февраля получил. Отвечу при первой же возможности.

Искренне Ваш

*Л. К.***

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 188

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Ницца], 2 мая 1894 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Разрешите мне представить Вам моего старого друга, г-на Боборыкина, хорошо известного русского романиста. Он очень хочет познакомиться с Вами, а также с г-жой Эвелинг, адрес которой я, к сожалению, не смог ему дать, так как затерял его. Надеюсь, что г-н Боборыкин привезет мне наилучшие известия о Вашем здоровье.

Искренне Ваш

Максим Ковалевский

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* См. настоящий сборник, стр. 111—112. *Ред.*

** — конспиративный псевдоним Энгельса, представляющий собой инициалы Луизы Каутской. *Ред.*

Б. Н. КРИЧЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Веггис, 10 мая 1894 г.

Глубокоуважаемый товарищ!

Сегодня я переслал Вам выполненный мною перевод на русский язык работ *Карла Маркса:* «Восемнадцатое брюмера» и «Наемный труд и капитал» (последняя с Вашим введением к изданию 1891 года).

Переведенные работы составляют 2 выпуска недавно основанной «Социал-демократической библиотеки», о характере и цели которой Вам даст более подробные сведения прилагаемое «Объявление» [376].

Из этого же «Объявления» Вы узнаете, что издатели «Социал-демократической библиотеки», по поручению которых я имею честь писать Вам, намереваются опубликовать также Вашу работу *«О социальном вопросе в России»* в переводе на русский язык. Перевод уже сдан в печать; однако, прежде чем опубликовать его, мы хотели бы попросить Вас написать предисловие и тем самым обогатить наше издание.

Нам хорошо известно, глубокоуважаемый товарищ, как сильно перегружены Вы неотложными работами. И мы не стали бы отнимать у Вас ни одной минуты, если бы речь шла не о деле, очень важном для русского социал-демократического движения.

Социал-демократические взгляды находят все более широкое распространение в кругах русских революционеров. Марксистская точка зрения в оценке положения в России все больше вытесняет в кругах революционеров старое «народничество», но зато оно как раз в последнее время заметно укрепило свои позиции в «легальной» русской прессе и прежде всего в ежемесячнике «Русское Богатство» объявило марксизму войну не на жизнь, а на смерть [377]. Попутно заметим, что во главе наиболее воинственных «народников» стоит редактор «Русского Богатства» *Н. К. Михайловский,* тот самый писатель, статья которого в «Отечественных Записках» [46] послужила в свое время поводом для письма Маркса *, которое Вы проанализировали в работе «О социальном вопросе в России» **. Наряду с критикой исторического материализма нападки легальных народников направлены главным образом на тезис о применимости «иностранных» социал-демократических теорий к «исконно» русским отношениям. При этом, разумеется, повторяется старая народническая песня, крестьянская община снова изображается как испытанное специфически-русское домашнее средство против «язвы пролетариатства» и тому подобное.

* См. настоящий сборник, стр. 77—79. *Ред.*
** См. там же, стр. 119—121. *Ред.*

При таких обстоятельствах само собой становится очевидным, что появление Вашей работы «О социальном вопросе в России» на русском языке приобретает прямо-таки злободневный интерес. Но Ваша работа оказала бы еще большее воздействие, если бы Вы были столь любезны подчеркнуть в предисловии к русскому изданию один момент, который Вы имели основание не упоминать в издании на языке оригинала, предназначенном для немецкого читателя. А именно, в своем «Послесловии» Вы как раз говорите о быстром развитии капитализма в России и о политическом значении русской буржуазии, напротив, о политической роли русского промышленного пролетариата не упоминаете. Но от этого последнего момента очень многое зависит теперь, какое значение будет иметь Ваша работа для *пропагандистских* целей, так как само собой разумеется, что практическая деятельность русских социал-демократов прежде всего и теснейшим образом связана именно с существованием и ростом промышленного пролетариата. С другой стороны, ссылка на «ничтожное число» фабричных рабочих в России составляет главный козырь народников в их полемике против русской социал-демократии. Поэтому нетрудно также предположить, что наши противники попытаются извлечь для себя выгоду из одного того обстоятельства, что в работе «О социальном вопросе в России» Вы не упомянули о значении русского промышленного пролетариата. Ведь они вообще с давних пор одержимы желанием использовать Маркса и Вас против русских социал-демократов. Но не говоря уже об этом, указанного обстоятельства может оказаться достаточным, чтобы дать повод многим обычно беспристрастным русским читателям Вашей работы для превратного толкования ее.

Написанное Вами дополнительно и в указанном смысле предисловие имело бы теперь — и мы в этом убеждены — во всех отношениях большее значение, чем пространные статьи, исходящие от менее компетентных лиц. Это убеждение и побудило издателей «Социал-демократической библиотеки» обратиться к Вашей любезности и просить Вас предоставить в их распоряжение предисловие — хотя бы очень краткое — к русскому изданию «О социальном вопросе в России».

Вы нас очень обяжете, любезно ответив на это письмо как можно скорее, с тем чтобы дать нам возможность вскоре опубликовать Вашу работу.

В ожидании Вашего благожелательного ответа остаюсь с глубоким уважением и приветом

Преданный Вам

д-р *Б. Кричевский*

Мой адрес: Weggis, Kanton Luzern.

P. S. Я хотел бы еще обратить Ваше внимание на следующее место в работе «О социальном вопросе в России». Там говорится (стр. 69): «Так писал Маркс в *1877 году*. В России *в те времена* было два правительства: правительство царя и правительство *тайного исполнительного комитета* заговорщиков-террористов...» *.

Положение дел представлено здесь неточно, поскольку исполнительный комитет начал ведь свою деятельность лишь *двумя годами позднее, в 1879 году*. Поэтому я попросил бы Вас указать в Вашем ответном письме, каким образом Вы хотите, чтобы упомянутое место было воспроизведено в русском переводе.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Цюрих, 16 мая 1894 г.

Ваше письмо получено в Цюрихе [71]. Прошу ждать моего ответа, очень важно.

Плеханов

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист» № 3. 1925 г.

Печатается по телеграфному бланку

Перевод с немецкого

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ [378]

В ЛОНДОН

Цюрих, 16 мая 1894 г.

Дорогой учитель!

Группа Кричевского, Игнатьева и К° — совсем отдельная группа, которая заслуживает подробной характеристики.

Кричевский находится за границей с 1887 года. Он не принимал активного участия в русском движении. Он жил уже не помню в каком провинциальном городе, где входил в один из тех кружков молодых людей, которые занимаются чтением революционных брошюр и распространяют их, если представится случай. Как ни безобидно было подобное занятие, этого оказалось достаточно, чтобы скомпрометировать Кричевского. Он покинул Россию. В то время багаж его социалистических идей был очень

* См. настоящий сборник, стр. 121; курсив автора письма. *Ред.*

легковесный, а главное, малоценный: русский *народник,* то есть полудемократ, полуанархист. Но этот человек не лишен известной доли ума. За границей он стал читать и учиться. Кричевский понял, что его «социализм» не имеет ничего общего с современным социализмом и стал *социал-демократом.* Некоторое время он был с нами. Малоактивный по своему характеру, он, однако, не смог сделать ничего существенного главным образом в силу своего положения эмигранта, *абсолютно неизвестного в России.* Кричевский учился, делал переводы для социалистических газет Германии (он перевел почти все, что я напечатал в *«Neue Zeit»;* он же переводчик моего «Чернышевского»); он написал для «Neue Zeit» статью под заглавием: *«Русское революционное движение в прошлом и настоящем»* (1890) [379]. Если Вы читали эту статью, то она должна была произвести на Вас неприятное впечатление: слишком много доктринерства и слишком мало понимания революционной стороны нашего движения. Кричевский принадлежит к тому типу талмудистов современного социализма, которым удается усвоить его *букву,* но никогда — его *дух.* Он представляет собой нечто вроде «истинного» социалиста, готового восстать против всякого движения, противоречащего — хотя бы сколько-нибудь — заученным им формулам. Но так как он никогда не был влиятельным, то с ним кое-как можно было бы столковаться, не встреть он некоего *Иогихеса* — своего злого гения, своего теперешнего вдохновителя.

Что касается г-на *Иогихеса* (его псевдонимы: 1) *Грозовский,* 2) *Левка;* под последним именем он известен Мендельсону и его друзьям), то он покинул Россию, чтобы избежать неприятностей *военной службы.* А до того как он совершил на практике этот акт антимилитаризма, он принадлежал к одной революционной группе в *Вильно* [380]. Ему, по-видимому, удалось ввезти в Россию несколько килограммов революционных книг; он имел связи с пограничными евреями-контрабандистами. Его молодые друзья (большей частью *гимназисты*) провозгласили его крупным конспиратором. Иогихес охотно разделял это их мнение о нем. Возможно, что при других обстоятельствах он приобрел бы некоторый талант конспиратора. Но его несчастье — безграничное *тщеславие* и неразборчивость в *средствах.* Его идеал практического человека — *Нечаев,* приемы которого Вам известны. Но при всей ограниченности Нечаева у него не было недостатка в энергии, и он не побоялся поплатиться собственной жизнью. У Нечаева в миниатюре — Иогихеса хватает энергии только для интриг *за границей.* На этом поприще он неутомим, неисчерпаем, а главное — *беспристрастен.* Уроженец Вильно, он владеет польским языком и пользуется этим, чтобы интриговать среди поляков как и среди русских. Мендельсон Вам расскажет, как он повредил польскому движению, я же Вас познакомлю с его деяниями в том, что касается русского движения.

Пока Иогихес был в России, он называл себя *народовольцем*. Но уже тогда он понял, что движение пошло в сторону от «Народной воли». Прибыв за границу, он объявил себя *социал-демократом*. Он пытался сблизиться с нами. У нас не было никакого желания его отталкивать. Он просил у нас совета относительно своей будущей деятельности. Мы ответили, что раз, по его мнению, у него есть талант организатора, то ему следует *ехать в Россию*. — Но у меня нет паспорта. — Вы его получите. — Но у меня нет денег. — Достанем. Когда все трудности были преодолены и нужно было уезжать, Иогихес заявил, что получил от одного из своих друзей *15 тысяч рублей* «для дела» и считает себя обязанным остаться *за границей*, чтобы возможно лучше употребить эти деньги (!). Я до сих пор не знаю, откуда он взял эти деньги, но думаю, что они у него уже были во время его переговоров с нами (говорят, что его мать очень богата). Как бы то ни было, г-н Иогихес предложил нам новые условия: 1) он остается за границей; 2) *проценты* с капитала он употребляет на нужды движения; 3) во всяком предприятии *он один имеет столько голосов, сколько мы вместе взятые;* все сношения с нашими товарищами в России он отныне будет вести сам; мы должны передать ему все наши адреса, все наши связи (это последнее условие делало его в наших глазах порой почти *подозрительным*). Мы поняли, что этот человек был просто революционером-карьеристом — Streber, как говорят немцы. Наши взаимоотношения стали очень холодны. Он, правда, дал некоторую сумму денег для наших изданий, но в то же время вел против нас скрытую кампанию везде, где только мог. Он искал поводов составить нам оппозицию.

Первым поводом послужил *голод в России*. В наших брошюрах и письмах, посылавшихся в Россию, мы советовали нашим товарищам использовать положение, чтобы вести *агитацию за конституцию*. Г-н Иогихес называл нас изменниками социализму: «Для *истинного* социалиста агитация за конституцию не имеет смысла». Отсюда Вы видите глубину его идей. Но он еще не боролся с нами открыто, только угрожал нам, что перейдет на сторону *Лаврова*. Это нас нисколько не волновало, тем более, что Иогихес, по нашему мнению, был достаточно умен, чтобы понять, что Лавров становится все более и более изолированным, одиноким. И действительно, Иогихес не совершил этой ошибки. Но ему удалось привлечь на свою сторону *Кричевского*, и он предпринял с ним издание *«Социал-демократической библиотеки»*. И Кричевский стал вдруг нашим ярым врагом.

Тем временем приближался *Цюрихский конгресс*. Иогихес, который, как я уже сказал, беспристрастно интриговал как среди поляков, так и среди нас, основал *за 15 дней до конгресса* польскую социалистическую газету *«Sprawa Robotnicza»*. До конгресса успел выйти *только один номер*

этой газеты. Его это не смутило. Он послал некую *Люксембург* в качестве делегата от газеты. Делегатка Иогихеса в компании с другим «компаньоном» представила лживый и иезуитский доклад о движении в *Польше*. Вся польская делегация с негодованием отвергла ее. Она обратилась ко *мне*, заявив, что хочет быть с *русскими*, а не с *поляками*, так как родилась в русской Польше и все ее друзья работают там. Несмотря на протесты польской делегации, бюро допустило мадемуазель Люксембург. Поляки апеллировали *к конгрессу*. Голосовали по *национальностям;* решение бюро было аннулировано. Я голосовал вместе с польской делегацией *против* допущения мадемуазель Люксембург. Я не мог поступить иначе, потому что, поддерживая предложение об упразднении польской делегации (то есть предлагая делегатам русской Польши влиться в русскую делегацию, а делегатам австрийской Польши — в австрийскую и т. д.), я рекламировал бы новый раздел Польши, другими словами — совершил бы из ряда вон выходящую глупость. Г-н Иогихес воспользовался этим как новым поводом обозвать меня, на этот раз открыто, изменником социализму и союзником буржуазных патриотов (этими буржуа являются Мендельсон и его друзья). Г-н Кричевский кричал еще сильнее, и разрыв совершился. Впрочем, гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг знает перипетии этой борьбы участников конгресса за и против прекрасной мадемуазель Люксембург (она была на конгрессе под другим именем).

По случаю столетия польской революции 1794 г. [381] Иогихес и К° ополчились на меня, когда узнали, что комитет по организации празднования пригласил меня выступить с речью.

Кстати, именно интриги этих господ и польских друзей мадемуазель Люксембург побудили меня спросить через посредство *Бернштейна* Ваше мнение об этом деле. Я думал, что Мендельсон уже сообщил Вам о том, что происходило в Цюрихе.

Празднование состоялось *14 мая*. Приехав в Цюрих, я узнал, что внутри комитета (Polska nierzadem stoi) произошли крупные изменения и что в этих условиях взяли верх чистые патриоты (с более или менее *католической* окраской). Я посоветовался с некоторыми польскими социалистами в Цюрихе. Они сказали мне, что все-таки пойдут на празднование и *просят* меня не отказываться от речи. Я так и сделал. В первой половине своей речи я привел Ваше и Маркса мнение о польском вопросе; во второй — я сказал, что как *русский* я всей душой стою за независимость Польши, ибо убежден, что чем больший порядок царит *в Варшаве*, тем больше вешают *в Петербурге*. «Чистые» и «истинные» во вкусе г-на Иогихеса не замедлят напасть на меня *после* моей речи, как они это делали *до нее*. Но я считаю свою позицию неприступной.

Однако вернемся к нашему вопросу.

Предприятие Кричевского и Игнатьева (я не знаю этого господина; думаю, что это новый псевдоним Иогихеса, который хотел бы попробовать свои силы на литературном поприще) целиком *направлено против нас непосредственно и против поляков через посредство мадемуазель Люксембург*. Оно предназначено лишь для создания пьедестала г-ну Иогихесу. «Нам недостает популярности»,— наивно заявил Кричевский одному из моих друзей. Чтобы приобрести популярность, переводят Маркса, просят у Вас предисловие. Популярность этих господ чрезвычайно повредит как русскому, так и польскому движению. Я уверен, что Вы не захотите поощрять такое никуда не годное дело.

Вы удивляетесь, что упомянутая компания сделала новый перевод «Наемного труда и капитала». *Больше того*. Как только появилась Ваша брошюра *«Статьи на международные темы* и т. д.», Вера Засулич сделала перевод Вашего ответа Ткачеву и *Послесловия* [43]. Я предупредил Кричевского, что мы издадим этот перевод. Он сделал другой, который он теперь издает и для которого просит у Вас предисловие. Они хотят создать анархию, подобную той, которая царит у народовольцев, где каждый делает, что хочет.

Десять лет тому назад Засулич, сделав перевод «Развития социализма» [266], попросила у Вас разрешения издавать по-русски Ваши труды и труды Маркса *. Вы дали нам такое разрешение. Засулич полагала, что действует в согласии с этим, переводя работу *«О социальном вопросе в России»*. Но выход одновременно двух изданий не имеет никакого смысла. Незачем говорить, что мы с радостью опубликуем *предисловие,* если Вы нам его дадите.

Теперь я вижу, что мне давно уже следовало написать Вам обо всем этом. Но Вы понимаете, как это тяжело. Это походило бы на интригу, а я ненавижу интриги.

Я прочел мое письмо Аксельроду. Он вполне с ним согласен. Засулич могла бы лишь дополнить характеристику Иогихеса, внушающего ей глубокое отвращение.

Аресты в России, к несчастью, очень многочисленны. Много интеллигентов и рабочих сидят за решеткой. Но это отнюдь не непоправимый удар.

Шлю Вам привет, дорогой учитель, и прошу кланяться *Бернштейну*. Благодарю его за его весьма дружеское письмо. Из «Neue Zeit» я узнал, что мой «Чернышевский» только что появился на немецком языке [326]. Я позволю себе послать Вам экземпляр.

* См. настоящий сборник, стр. 497, 498—500. *Ред.*

Я ничего не сказал в своем письме о польских делах. Скажу одно: возможно, Мендельсон совершил ошибки, но не Иогихес и К⁰ спасут положение.

P. S. Аксельрод советует мне во избежание недоразумений прибавить, что мы предложили Иогихесу отправиться в Россию только после его неоднократно выраженного желания туда ехать. Иогихес всегда выражал величайшее презрение к революционерам, которые остаются за границей без безусловной на то необходимости. Привет от всех нас.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Так как я еще некоторое время останусь в Цюрихе, то прошу Вас адресовать ответ, если таковой будет, а мы ожидаем его с нетерпением — Аксельроду, 33, Mühlegasse, Zürich.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Б. Н. КРИЧЕВСКОМУ
В ВЕГГИС

[Черновик]

[Лондон], 20 мая 1894 г.

Милостивый государь!

Из Вашего письма от 10-го этого месяца * я узнал, что Вы перевели на русский язык и уже сдали в печать мои статьи о России, только что вышедшие в Берлине, как Вы это уже делали с другими работами, написанными Марксом и мной.

В связи с этим не могу не обратить Вашего внимания на то, что как мое введение к «Наемному труду и капиталу» Маркса (1891), так и упомянутые выше статьи являются, согласно Бернской конвенции [382], моей литературной собственностью и их переводы на иностранные языки в странах, присоединившихся к этой конвенции, не могут появляться без моего разрешения. Хотя вопрос о гонораре является подчиненным или вообще не играет роли в тех случаях, когда речь идет о действительно партийных мероприятиях, все же в интересах дела я должен настаивать на своих правах, поскольку в противном случае приму на себя

* См. настоящий сборник, стр. 678—680. *Ред.*

ответственность за публикацию переводов, сделанных неумелыми или не облеченными доверием лицами. К тому же я чувствую себя вдвойне обязанным сделать это, поскольку уже связан известными обязательствами в отношении третьих лиц.

До сих пор, насколько мне известно, в партии было принято просить разрешения у автора, даже если речь шла о переводах работ, не предусмотренных Бернской конвенцией; тем самым соблюдалось уважение к автору. В отношении же работ, предусмотренных Бернской конвенцией, это является уже не просто знаком вежливости, а долгом и обязанностью переводчика. Вы не посчитались с этим, и поэтому я настоящим заявляю протест против Вашего образа действий и намерен сохранить за собой все свои права.

В отношении самовольного опубликования русского перевода моих статей о России из сборника «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat»» мой протест является тем более решительным, что я уже предоставил право перевода на русский язык этих и других работ, а именно г-же Вере Засулич.

Тем самым Ваш запрос относительно моего предисловия отпадает.

Ваш

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 208

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 мая 1894 г.

Милостивый государь!

Позвольте спросить Вас, посланы ли мне 7, 8 и последующие корректурные листы *. Если они посланы и утеряны, это будет для меня тяжелой утратой. Шесть листов получены и уже переведены.

«Происхождение семьи» имеет огромный успех. Очень жаль, что перевод сделан плохо [374].

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г

Печатается по рукописи
Перевод с английского

* — первого немецкого издания третьего тома «Капитала». *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В МОРНЕ (ФРАНЦИЯ)

Лондон, 21 мая 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс.

Затем благодарю Вас за Ваши сообщения. Я написал г-ну Кричевскому заказным письмом, что как введение к «Наемному труду и капиталу» *, так и статьи о России в сборнике «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat»» являются, согласно Бернской конвенции [382], моей литературной собственностью и что на каждый перевод требуется мое разрешение; что я в интересах дела вынужден настаивать на своих правах, чтобы не допускать переводов, которые делались бы людьми неумелыми или в другом отношении некомпетентными (не облеченными доверием); что, следовательно, его первым долгом было предварительно попросить у меня разрешения на перевод, чего он не сделал; что в соответствии с этим я *заявляю решительный протест против его образа действий и намерен сохранить за собой все свои права;* что в отношении статей о России мой протест является тем более решительным, что я уже связал себя, предоставив г-же Вере Засулич право на русский перевод как этих, так и других работ.

Если же он будет упорствовать в своем намерении издать эти работы, посмотрим, как быть; во всяком случае, если издание выйдет в свет, не откажите известить меня и прислать мне один экземпляр.

Поскольку он также объявляет о выходе перевода книги Каутского «Эрфуртская программа» *, я счел нужным предупредить последнего о тех приемах, которые были пущены в ход по отношению ко мне. Я не сообщил ему ни слова из того, что Вы мне написали, а просто сказал, что дело нечисто и ему следует за подробностями обратиться к Вам.

Я надеялся вчера вечером повидать Мендельсона, но узнал, что у него заболела жена. Если смогу, то зайду к нему на этой неделе.

Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего «Чернышевского» [326], жду его с нетерпением.

Здесь дело подвигается, хотя медленно и зигзагами. Возьмите, например, Моудсли, главу ланкаширских рабочих-текстильщиков. Он *тори,* в политике консерватор, в области религии — человек весьма набожный. Три года назад эти люди неистовствовали против требования о законодательном установлении 8-часового рабочего дня, теперь они сами

* Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

настоятельно его требуют. В недавно выпущенном манифесте Моудсли, который год назад был ярым противником всякой независимой политики рабочего класса, заявляет, что рабочие-текстильщики должны заняться вопросом об их непосредственном представительстве в парламенте, а одна манчестерская рабочая газета подсчитывает, что ланкаширские рабочие-текстильщики в одном только этом графстве могут овладеть двенадцатью местами в парламенте. Как видите, в парламент войдет тред-юнион; не класс требует себе представительства, а отрасль промышленности. Но все же это шаг вперед. Сначала избавимся от полного подчинения рабочих двум крупным буржуазным партиям, — пусть у нас в парламенте будут рабочие-текстильщики, как уже есть горняки. Как только там будут представлены хоть десять отраслей промышленности, классовое сознание прорвется само собой.

В довершение комизма в этом же самом манифесте Моудсли требует введения биметаллизма, чтобы удержать господство английских хлопчатобумажных тканей на индийском рынке!

Можно, действительно, прийти в отчаяние от таких людей, как эти английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их в высшей степени буржуазными идеями и взглядами, с ограниченностью их «практического» взгляда на вещи, с их лидерами, насквозь пропитанными заразой парламентской коррупции. И все же дело подвигается. Только «практические» англичане придут последними, но, когда они придут, они положат на чашу весов очень солидный груз.

Привет Аксельроду и его семейству.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 209—210

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В МОРНЕ (ФРАНЦИЯ)

Лондон, 22 мая 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Вчера, вскоре после того как я отправил Вам письмо, ко мне явились Бернштейн и Каутский. Это заставило меня изменить свои планы. Я счел нужным, и притом не дожидаясь Вашего окончательного разрешения, прочитать им Ваше письмо * и дать им возможность самим судить об

* См. настоящий сборник, стр. 680—685. *Ред.*

образе действий Кричевского. Впечатление, которое оно произвело на них, в полной мере, мне думается, должно отвечать Вашим желаниям. Действительно, даже при самом искреннем намерении сохранить нейтралитет по отношению к внутренним делам и распрям русской эмиграции, трудно оправдать поведение Кричевского в вопросе о переводе статей «О социальном вопросе в России» после того, как он был предупрежден, что перевод предпринят Верой Засулич. Впрочем, эти господа заручились согласием Карла Каутского на перевод его «Эрфуртской программы»; но он-то полагал, что работа будет печататься в России, и никак не представлял себе, что она будет издана в Швейцарии.

Игнатьев *, по словам Каутского, это псевдоним Гельфанда (или что-то в этом роде), который сейчас в Штутгарте; Вы, вероятно, его знаете. Но, не имея разрешения Каутского на использование этого сообщения, прошу Вас считать его строго конфиденциальным. По словам Каутского и Бернштейна, этот Гельфанд, по-видимому, честный малый, попавший скорее по неосторожности, чем по злому умыслу, в ловушку, расставленную ему Иогихесом.

Преданный Вам

Ф. Э.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 211—212

Б. Н. КРИЧЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Веггис, 25 мая 1894 г.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо от 20-го ** этого месяца сообщаем Вам, что мы отказываемся от публикации Ваших статей о России. Что касается Вашего введения к работе Маркса «Наемный труд и капитал», уже опубликованного нами, то мы очень сожалеем, что с этим ничего нельзя уже сделать, поскольку многие экземпляры нашего издания стали достоянием публики. Поэтому просим Вас сообщить нам, каким другим способом мы могли бы учесть Ваш протест также и в этом отношении.

Одновременно заметим, что для того чтобы побудить нас к первому решению, не требовалась ссылка на Бернскую конвенцию [382]. Мы до глубины души сожалеем, что близко задели Ваше право литературной собственности; но извинением нам может служить все же то обстоятельство,

* Фамилия написана Энгельсом по-русски. *Ред.*
** В оригинале ошибочно: 21-го. *Ред.*

что мы *не имели никакого представления* как о Вашем желании поставить свои произведения под охрану Бернской конвенции, так и о том, что Вы уже кому-то передали право на перевод. Именно потому мы были так далеки от мысли о Бернской конвенции, что своими литературными предприятиями вообще, а переводом Ваших произведений в особенности, мы *не преследовали и не преследуем никакой иной цели, кроме как содействовать делу социал-демократической пропаганды в России.* Или нам нужно было еще обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в условиях русских революционных литературных предприятий доход от проданных экземпляров в лучшем случае покрывает лишь ничтожную часть затраченных средств, авансированных за счет добровольных взносов?

Тем самым выдвинутый Вами упрек в том, что мы якобы «не посчитались с долгом и обязанностью», оказывается просто необоснованным. Этот упрек был бы уместен лишь в том случае, если бы мы ставили себе целью извлечение материальной выгоды из перевода Ваших произведений. И к данному фактическому положению вещей Бернская конвенция с ее «долгом и обязанностью» столь же мало применима, как и любое другое юридическое положение.

И все-таки! Если Ваша ссылка на постановления этой конвенции имела, конечно, какое-то формальное право, то, напротив, *у Вас совсем не было никакого основания* сразу ставить под сомнение — пусть лишь в виде намека — как характер нашего предприятия, так и интеллектуальную и моральную квалификацию участвующих в нем лиц, что мы и хотим настоящим с определенностью констатировать.

За издателей русской «Социал-демократической библиотеки» и по поручению

д-р *Б. Кричевский*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ЭНГЕЛЬС — Б. Н. КРИЧЕВСКОМУ

В ВЕГГИС

[Черновик]

Лондон, 31 мая 1894 г.

Господину д-ру Б. Кричевскому, Веггис

Разрешаю Вам пустить в продажу уже отпечатанные экземпляры Вашего русского издания «Наемного труда и капитала» с моим введением;

могу только выразить свое удовлетворение по поводу Вашего отказа от издания других моих работ.

Впрочем, должен поблагодарить Вас за Ваше письмо от 25 числа как за весьма ценное дополнение к характеристике известных течений в русской эмиграции. Я не буду касаться его содержания, тем более что Вы и сами, по-видимому, не рассчитывали, чтобы кому-нибудь могли импонировать эти затасканные фразы в стиле Нечаева, и сами, должно быть, чувствуете, насколько смешно разыгрывать из себя социал-демократа, когда хочешь действовать как анархист.

Если же Вы пишете: «Мы не имели *никакого представления* о том, что... Вы уже кому-то передали право на перевод», то Вы все же могли бы обойтись без этой явной лжи. Задолго до Вашего письма от 10 мая Вы знали, что В. Засулич и Плеханов подготовляют русский перевод статьи «О социальном вопросе в России». Учитывая, что̀ это за люди и их долголетние дружеские отношения со мной, каждому ясно, что это делалось не без моего согласия, и об этом Вы безусловно имели больше, чем «представление».

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 212—213

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Морне, конец мая 1894 г.]

Дорогой гражданин Энгельс!

Мы все очень благодарны Вам за то, что Вы не отнеслись безразлично к делу Иогихеса — Кричевского. Без сомнения, это дело можно рассматривать как распри среди русской эмиграции. Но эмиграция, *к несчастью*, имеет, и в течение некоторого времени будет еще иметь, большое влияние на движение в России; к *несчастью*, с ней нельзя не считаться, нельзя, следовательно, закрывать глаза на то, что происходит в ее среде.

В Вашей брошюре «О социальном вопросе в России» Вы высказали очень правильную мысль, что развитие оппозиционного движения в нашей стране идет вполне хорошо и единственное, что может повредить этому делу, — это организованное революционерами преждевременное восстание * (я цитирую по памяти). Это преждевременное восстание приняло форму *«террора»*. Террористическая борьба истощила все силы *интеллигенции* и бросила буржуазию и дворянство в объятия царизма. После

* См. настоящий сборник, стр. 72. *Ред.*

смерти Александра II[52] можно было считать, что революционное движение почти прекратилось; несколько новых покушений не изменили положения — роль интеллигенции была сыграна. Правительство Александра III, со своей стороны, сделало все, что было в его власти, чтобы привлечь на свою сторону дворянство и буржуазию; первое — при помощи реформ в местном управлении (земские начальники, например) и в земствах, но в особенности при помощи знаменитого банка[303], где *«доблестное российское дворянство»* брало денег сколько вздумается, не платя даже процентов: подобно Юпитеру царизм превратился в золотой дождь. В отношении буржуазии эта метаморфоза сказалась не так прямо: Юпитер принял вид строгого протекционизма. Но так как протекционизм означает развитие национальной буржуазии, то в конечном счете все сводится к тому же. И вот оба наиболее влиятельные класса примирились с правительством его величества. Что касается *интеллигенции*, то были приняты всевозможные меры, чтобы помешать поступлению несостоятельных слоев ее в средние и высшие школы. Благодаря этим мерам многие сыновья бедных *интеллигентов* вынуждены были пополнять ряды рабочего класса; они будут играть там немаловажную роль, служа элементом политического воспитания рабочих, но в *настоящее время* силы интеллигенции — этого основного контингента прежнего революционного движения — оказались более чем когда-либо ослабленными. Все это вместе привело к тому, что в истекшем десятилетии (1884—1893) революционного движения, откровенно говоря, почти не было. Революционные кружки продолжали существовать, но централизованная организация, которая бы объединяла все силы борющихся, отсутствовала.

При таком положении огромное значение приобретала печатная пропаганда, а эта пропаганда могла вестись только при помощи заграничных изданий, то есть изданий *эмигрантов*. В этой области далеко еще не все сделано, а раз это так, то и распри в эмиграции не могут не иметь значения для движения в России.

Революционная пропаганда в современной России может быть только *марксистской*. В предшествующие периоды мы имели *народничество*, которое являлось по существу несколько видоизмененным бакунизмом, и *народовольство*, которое было самым обыкновенным *ткачёвством* (я говорю о печатной пропаганде; теоретик «Народной воли» *Л. Тихомиров* лишь копировал статьи *Ткачева*). Но теперь, когда речь идет о марксистской пропаганде, каждое Ваше слово может оказать решающее влияние на дальнейшее развитие наших революционных идей.

Я говорю об этом, чтобы показать Вам, какое значение имеет для нас Ваша брошюра «О социальном вопросе в России» и *послесловие* к ней[43].

Марксистская пропаганда сделала большие успехи в России. Но, странная вещь! Русская интеллигенция пытается иногда превратить самый марксизм в своего рода *утопический социализм.*

Итак, Вы знакомы с книгой *Николая —она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»* [354]. Это во многих отношениях замечательная книга. Но выводы автора? Наше общество должно поставить перед собой задачу социалистической организации нашего производства. Эта задача трудная, добавляет Николай —он, но вполне осуществимая. Вы отлично понимаете, что поскольку теперешнее правительство никогда и слышать не захочет о социализме, то «обществу» Н. —она пришлось бы начать прежде всего с низвержения этого правительства. *Экономический* вопрос становится, как и следовало ожидать, вопросом *политическим.* Не знаю, как к этому относится Николай —он, но знаю, что его книга была с восторгом встречена нашими народниками, теоретиком которых является некий Воронцов (он подписывает свои статьи *В. В.*). Теория Воронцова сводится к следующему: капитализм не имеет шансов на развитие в России; у него нет внешних рынков. Но там, где нет капитализма, там нет и *буржуазии.* На Западе конституционализм явился порождением именно буржуазии. Значит, раз нет буржуазии, то нет и политической свободы. Итак, наша страна не предназначена для борьбы *за свободу.* Нам остаются лишь два других слова знаменитой триады: *братство* и *равенство.* Но для того чтобы установить равенство, нет необходимости бороться против самодержавия. Наоборот, абсолютная монархия сама поможет нам осуществить нашу задачу — социалистическую организацию наших производительных сил. Таков своеобразный социализм, выгодный прежде всего императору всея Руси и французской буржуазии. Книга Николая —она дает несколько новых аргументов в руки сторонников этого социализма. Они торжествуют и, нападая на нас в русских журналах, заявляют: вот это настоящий марксист, он не таков как вы; впрочем, сам Маркс говорил, что Россия может избежать капиталистическую стадию развития; призывая русское правительство установить братство (они имеют в виду сохранение общины, ставшей в тягость крестьянам-беднякам) — мы, следовательно, идем по стопам Маркса. Все это не мешает вышеупомянутым господам нападать на Маркса при каждом удобном случае. Не так давно господин Михайловский полемизировал с ним в *«Русском Богатстве»* [377]. На имя Маркса они ссылаются только в тех случаях, когда хотят поддержать царское правительство.

Мне не хватает почтовой бумаги. Простите меня: единственная лавка в деревне, где я нахожусь (Морне), расположена далеко, а идет проливной дождь. Я продолжаю:

Вы видите, что если во времена Маркса наши революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет через капиталистическую стадию развития, то в наше время та же идея становится очень опасной утопией. Теперь совершенно необходимо с ней бороться.

Кстати. Английские консулы печатают время от времени отчеты о состоянии промышленности в разных странах. Выходят ли эти отчеты отдельными книгами или они печатаются в каких-нибудь официальных периодических изданиях? Не знаете ли Вы точное название этих отчетов? Вы чрезвычайно обяжете меня, если дадите мне сведения по этому вопросу.

Несколько лет тому назад широко обсуждалась книга одного англичанина о русской промышленности. Фамилия этого англичанина по-русски писалась *Эджеворт*, — не знаю английской орфографии. Знаете ли Вы такую книгу? Известны ли Вам вообще английские книги на эту тему? Что говорят английские газеты о русских товарах на выставке в Чикаго [369]? Сообщите мне об этом в нескольких словах.

Я говорил Вам о полемике Михайловского против Вас и против Маркса. Вот образец его аргументации. Он цитирует то, что Вы пишете в *«Людвиге Фейербахе»* об одной из ваших *рукописей* * *пятидесятилетней* давности: «это изложение показывает только, как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории» **.

> «Вы видите, — восклицает г-н Михайловский, — их познания были в то время недостаточны, а между тем их исторический материализм ведет свое начало именно с того времени. Следовательно, это — тоже недостаточная теория» [377].

Не правда ли, это очень остроумно? И этот господин — наиболее умный из всех господ искателей верного экономического пути для святой Руси! Это тот самый Михайловский, против которого было направлено письмо Маркса. Мне кажется, что Маркс предполагал адресовать его издателю *«Вестника Европы»*, а не Михайловскому? Этот господин до смешного гордится этим письмом. Он следующим образом изображает весь этот инцидент: до прочтения его статьи *«Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского»* [46] Маркс полагал, что Россия должна пройти через капитализм; но прочитав эту замечательную статью, он-де изменил свое мнение. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — как говорит наш Лермонтов ***.

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*
** См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 21, стр. 371. *Ред.*
*** *Лермонтов.* Из стихотворения «А. О. Смирновой». *Ред.*

Пишите мне, если у Вас будет желание, по адресу моей жены: Боград-Плеханова, 5, rue des Allemands, Genève. Меня опять изгнали из Женевы и возможно, что меня изгонят из Франции.

Если Вы увидите Бернштейна, спросите его, как обстоит дело с моей *работой об анархистах;* кончил ли он перевод? [383]

Привет от всех нас.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Впервые полностью опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 1 июня 1894 г.

Милостивый государь!

На прошлой неделе я выслал Вам листы 7—16 включительно III тома * и надеюсь, что Вы их получили **. Они были отправлены *заказной бандеролью,* причем на обороте было указано мое имя (Л. К.) как отправителя.

Рад узнать об успехе «Очерков» [354] и надеюсь, что новое издание их уже находится в печати. Я был бы очень рад, если бы мог найти немецкого переводчика для этой книги, но, к несчастью, большинство переводов с русского на немецкий выполняется дамами, как правило, недостаточно подготовленными для работы над экономическими трудами.

С большой благодарностью получил русское издание «Происхождения и т. д.» [374]. Перевод, насколько я с ним ознакомился, кажется, очень хорошо сделан, да и цензура, по-видимому, обошлась с книгой в целом снисходительно.

Листы посланы Вам с некоторым опозданием, но это вина издателя, который долго задерживал их. Чтение корректуры такой книги, как эта,— очень нелегкий труд. Вы найдете в посланных Вам листах решение вопроса о том, каким образом различные нормы прибавочной стоимости выравниваются в одну и ту же среднюю норму прибыли, а также изложение закона тенденции этой нормы прибыли к постоянному понижению

* — «Капитала». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 696. *Ред.*

и того способа, с помощью которого торговый капитал участвует в распределении прибавочной стоимости. Это заканчивается в начале 21 листа, который открывает собой пятый отдел: деление прибыли на процент и «предпринимательский доход», денежный капитал вообще, банки и кредит. Этот отдел занимает *целую треть* книги и доставил мне больше хлопот, чем все остальное. Последняя треть состоит из шестого отдела — земельная рента — и седьмого отдела — три вида доходов: рента, прибыль (процент), заработная плата.

Конец рукописи уже в типографии; и я только теперь вижу, какая огромная масса невыполненных работ накопилась у меня за это время, поскольку ради окончания третьего тома приходилось откладывать решительно все, что не было безусловно необходимым. Это должно послужить мне извинением за то, что я не возвращаюсь сейчас к некоторым экономическим вопросам, которые мы с Вами обсуждали раньше. Думаю, что в настоящее время у нас обоих работы по горло, а потому лучше отложим обсуждение этого до другого времени.

Искренне Ваш

Л. К.

Тома с данными о развитии промышленности и сельского хозяйства России (выставка в Чикаго) [372] мной получены. Примите мою сердечную благодарность. Они действительно очень полезны, особенно при сопоставлении с «Очерками».

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 213—214

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 7 июня 1894 г.

Милостивый государь!

Тысячу раз извиняюсь за беспокойство, которое я Вам причинил. Мне очень хорошо известно, какую огромную работу Вы делаете и что Вы завалены делами.

Не получая корректурных листов *, я предположил, что они задержаны властями. Предположение оправдалось: десять посланных листов (7—16) я не получил... Больше четверти века я с нетерпением ожидал выхода этого труда, и когда ожидание наконец исполнилось, власти отни-

* — первого немецкого издания третьего тома «Капитала». *Ред.*

мают у меня возможность испытывать удовольствие от изучения этого труда и предоставить такую же возможность нашей публике. Может быть, они отошлют эти листы обратно к Вам...

Если я их получу, то немедленно сообщу Вам об этом.

Искренне благодарен Вам за тот интерес, который Вы проявляете к «Очеркам». Мне кажется, что эта книга представляет интерес только для России. — Если Вы полагаете, что ее стоит перевести, то, вероятно, самым подходящим человеком для такой работы будет один из друзей г-на Мютюаля *, некий д-р Идельсон (Д. М.) (я не знаю его лично), хорошо знакомый с экономическими вопросами. Он пишет для английских, американских, немецких и русских медицинских журналов.

Эта фамилия — его псевдоним, я полагаю, что это Смирнов.

Адрес его: д-р Идельсон, Bern, Neugasse, 16.

Все 1000 экземпляров первого издания «Происхождения» [374] распроданы месяц тому назад. Из этого факта Вы не должны делать вывод, что уже печатается новое издание. Напротив, из того факта, что книга читается, Вы можете заключить, что чтение ее не будет разрешено. Такова же участь и «Очерков».

Весьма признателен за Вашу любезность.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Б. Н. КРИЧЕВСКИЙ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Веггис, 8 июня 1894 г.

Г-ну Ф. Энгельсу, в Лондон

Вы говорите в своем письме от 31 мая: «Если же Вы пишете: «Мы не имели *никакого представления* о том, что... Вы уже кому-то передали право на перевод», то Вы все же могли бы обойтись без этой явной лжи».

К этому утверждению Вы пришли благодаря предположению,

а) что якобы мы знали о намерении В. Засулич и Плеханова издать перевод работы «О социальном вопросе в России» «задолго до 10 мая»,

в) что, «учитывая, что̀ это за люди и их долголетние дружеские отношения» с Вами, Ваше согласие подразумевалось само собой,

* — Лопатина. *Ред.*

с) что об этом согласии мы будто бы «безусловно имели больше чем «представление»».

В противовес этому мы утверждаем:

К пункту а) О намерении В. Засулич и Плеханова нам, конечно, было известно «задолго до 10 мая», но *только из третьих рук* и притом *после того* как мы уже (около середины февраля) отпечатали дополнение к нашему объявлению относительно издания работы «О социальном вопросе в России». Напротив, *сами* же указанные лица и по сей день еще ни в какой форме не сообщили об этом своем намерении — и это несмотря на то, что наше публичное объявление делало просто обязательным соответствующее официальное заявление с их стороны.

К пункту в) Однако даже если бы мы *точно* знали об этом намерении, то и тогда, «учитывая, что̀ это за люди и их долголетние дружеские отношения» с Вами, мы все же не могли на этом основании сделать вывод об их *праве на перевод.* А не могли по той простой причине, что мы *вообще* не имели никакого представления о том, что Вы охраняете и передаете право на перевод своих произведений, как это с определенностью подчеркнуто в нашем письме от 25 мая. — Даже «учитывая, что̀ это за люди и их долголетние дружеские отношения» с Вами, о которых, впрочем, у нас было довольно смутное представление, *мы* считали «само собой разумеющимся», что и другие русские социал-демократы имеют право использовать Ваши произведения в пропагандистских целях.

К пункту с) Неверно, будто бы мы «безусловно имели больше, чем «представление»» о Вашем согласии. О нем мы *совершенно ничего не знали.* Если бы мы знали об этом, то, конечно,

1) при таких обстоятельствах отказались бы сразу от безнадежного шага просить Вас написать предисловие к нашему изданию работы «О социальном вопросе в России», а также

2) не стали бы затрачивать труд, время и средства на такое предприятие, которое явно должно было потерпеть неудачу.

Следовательно, установлено: Вы выдвинули против нас тяжелое обвинение, не обосновав его хотя бы мало-мальски мотивированными предположениями.

За издателей русской «Социал-демократической библиотеки» и по поручению

д-р *Б. Кричевский*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 11 июня 1894 г.

Милостивый государь!

На мой запрос * я только что получил ответ следующего содержания: «Почтовая контора еще не получила никакой заказной бандероли, посланной в адрес г-на Н. Д.».

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Морне, [около 10] июля 1894 г.

Дорогой гражданин Энгельс!

Тороплюсь Вам ответить [71], но позвольте мне начать с самого интересного вопроса, с *Н. —она* и его книги.

Вы говорите, что он боялся последствий вторжения капитализма в Россию. Это очень понятно. Но, с другой стороны, в чем и как русская земельная община помогла бы нам избежать тех зол, которых он страшился? Каково положение этой общины в настоящее время?

Уже в 1879 г. известный Орлов (основатель статистики русских земств) сказал в своей книге *«Формы землевладения в Московской губернии»*, что для беднейших членов общины (а они многочисленны) община стала *вредным институтом* («для беднейшей части крестьян община стала *тормозом, бичом*». Бич — fléau). Не имея больше необходимых средств для обработки своих земель, эти члены общины платят, однако, подати, как если бы они использовали свои *«наделы»*. Эти подати (а они очень тяжелы) правительство взимает из их заработной платы как фабричных рабочих. При таких условиях разложение общины было бы очень чувствительным облегчением для этих людей. А для правительства — одним предлогом меньше заставлять платить тех, кто имеет что-нибудь, за тех, кто ничего не имеет. С разложением общины пала бы и *круговая порука*. Ослепление наших народников и даже наших либералов по

* См. настоящий сборник, стр. 696—697. *Ред.*

отношению к общине заходит так далеко, что они сами говорят правительству: но кто же будет платить подати, если община будет разрушена? Согласитесь, что это значит выказывать очень большую наивность, если не глупость. Они повторяют здесь то, что уже сказал наш *Торквемада — Победоносцев,* который в очень интересной статье в реакционном *«Русском Вестнике»* провозгласил: *именно земельная община спасет нас от рабочего движения и социализма.* И действительно, старый общинник (член общины) был так мало революционен, что русский царизм мог бы существовать еще тысячелетия, если бы экономическое движение не изменило его способ существования, а затем — и его образ мыслей. Без всякого преувеличения теперь можно сказать, что чем больше разрушается наш старый экономический строй, который столь мил Н. —ону, тем больше мы приближаемся к революции.

Н. —он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы *уже* страдаем от капитализма и, *кроме того*, страдаем от того, что капитализм недостаточно развит. Страдание на страдании — это учетверяет наши экономические бедствия, не говоря о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать плохого на его счет.

Но предположим, что община — наш якорь спасения. Кто произведет реформы, предлагаемые Н. —оном? Царское правительство? Лучше чума, чем реформы, исходящие от подобных реформаторов! Социализм, насажденный русскими *исправниками,* — что за химера! К тому же правительство делает все от него зависящее, чтобы разрушить несчастную общину.

В связи с последними арестами в России попало в заключение около *2 тысяч* человек. Значительная часть арестованных уже освобождена.

Перейдем теперь к Кричевскому.

Судя по цитируемому Вами отрывку из его письма, он сам признается, что знал о нашем намерении издать Вашу брошюру задолго до 10 мая. Он говорит лишь, что узнал об этом *из третьих рук.* Но эти «руки», из которых он об этом узнал, это — *наборщик* их же собственной типографии. Учитывая демократические обычаи русских революционеров, типографский наборщик — это почти что член редакции. А что касается наборщика, то я осведомил его о нашем намерении *именно для того, чтобы он сообщил о нем Кричевскому.* Он мне ответил через одного из наших болгарских друзей, являвшегося одновременно и его другом, что дал знать об этом намерении редакции *«Социал-демократической библиотеки»,* но что редакция настаивает и категорически требует, чтобы он приступил к набору брошюры.

Г-н Кричевский утверждает, что мы обязаны были объявить в печати о нашем намерении относительно упомянутой брошюры. Это, возможно, было бы полезно, но не с точки зрения психологии г-на Кричевского, принявшего твердое решение издать брошюру во что бы то ни стало. По правде говоря, я не сделал объявления, чтобы не вызвать удивления читателей по поводу этого *двойного* издания социал-демократами одной и той же брошюры и в одно и то же время. Я знал, что разговоров будет много, и, чтобы избежать их, готов был обратиться к Вам за советом, но меня удержали соображения, о которых я писал в своем письме из Цюриха *.

Но я прекрасно помню, что наборщик Кричевского и К° несколько раз говорил нашему посреднику: Плеханов хорошо бы сделал, если бы написал Иогихесу лично. Я счел эту просьбу бесполезной, поскольку знаю г-на Иогихеса. Теперь я предполагаю, что редакция «Социал-демократической библиотеки» написала своему наборщику, что она не считает его письмо *официальным*. Она, видимо, уже тогда была склонна говорить о его письме как о сообщении, полученном *«из третьих рук»*. Так как наборщик, работая у них, был хорошо настроен по отношению к нам (*лучше*, чем к ним), то он хотел своим советом помочь мне расстроить планы Иогихеса. — Довольно: эти господа были прекрасно и надлежащим образом уведомлены.

Само собой разумеется, что, говоря им об этом факте, Вы не назовете имени *Иогихеса:* иначе меня обвинят в раскрытии псевдонима; фамилия наборщика *Блюменфельд*.

Наглость Кричевского меня, как правило, не удивляет: наглость заложена в самой его сущности. Но чтобы он был нагл даже по отношению к Вам, это меня удивляет даже с его стороны.

Со дня на день я и Вера (она живет здесь под чужим именем) ждем, что нас изгонят: Казимир-Перье недолго будет нас щадить. Жандармы и шпионы непрерывно бродят вокруг нашей квартиры.

Итак, следует ожидать, что в скором времени мы увидимся. Привет Вам, Бернштейну, Эвелингам и г-же Луизе Каутской. Вера Засулич всем вам кланяется.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* См. настоящий сборник, стр. 680—685. *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Морне, около 10 июля 1894 г.]

Дорогой гражданин Энгельс!

Я только что отправил Вам письмо и вспомнил, что упустил одно довольно важное замечание относительно дела Кричевского. Вот оно.

В объявлении по поводу издания «Библиотеки» определенно сказано, что по всем делам, касающимся этой серии публикаций, следует обращаться к наборщику (и названа его фамилия). Ни имена редакторов, ни адрес редакции не указаны (у меня под рукой нет этого объявления, но у Вас оно есть, и Вы можете сами удостовериться) [376]. К кому же, по их мнению, я должен был обратиться? Обращаясь к наборщику, я и следовал их собственному указанию. Впрочем, это не Кричевский — его устами говорит его вдохновитель *, а этого господина недаром называют *Шейлоком.*

Привет. Преданный Вам

Г. Плеханов

P. S. Вы видите, таким образом, что Кричевский мог еще обойтись без этой лжи. Но оставим это. — В последнем номере «Critica Sociale» имеется статья Турати, содержащая почти что апологию поступка Казерио. До чего же это глупо! И те же самые люди публикуют мои статьи *против* анархистов, переводя их с немецкого из «Sozialdemokrat» [383]. Они говорят, что я *посылал* им эти статьи, но это неправда. А статья *«Il loro Duello»!* [384] О Турати, Турати! О итальянцы!

Г. П.

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. III, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Б. Н. КРИЧЕВСКОМУ

В ВЕГГИС

[Черновик]

[Лондон, середина июля 1894 г.]

Г-ну д-ру Кричевскому. Веггис

1) Вы пишете: «О намерении Веры Засулич и Плеханова нам, конечно, было известно задолго до 10 мая, но только из третьих рук». Эти

* — Иогихес. *Ред.*

«третьи руки» принадлежали г-ну И. Блюменфельду, адрес которого — 3, Chemin de la Roseraie, Genève, указан на обложке Вашего издания «Наемного труда и капитала» * в качестве *единственного* адреса. Именно по этому адресу *(поскольку никакой другой не указан)* должны, согласно этому объявлению, направляться даже *денежные взносы* на издание «Эрфуртской программы» * Каутского. Следовательно, если Вера Засулич и Плеханов сделали соответствующее заявление по этому единственному официальному адресу вашей «Библиотеки», то этого было совершенно достаточно; таким образом, говорить о сообщении из третьих рук — просто ребяческий, анархистский иезуитизм.

2) Коль скоро Вы это сообщение получили, Вы тем более были обязаны обратиться опять-таки ко *мне*, как к единственному лицу, имеющему право решить спор между двумя претендентами. Вы этого не сделали, заранее зная, каков будет мой ответ, поскольку Вы хотели нечестным путем обойти Веру Засулич и Плеханова и рассчитывали на то, что я примирюсь с этим как с совершившимся фактом. Но Вы целиком просчитались, потому что вообще утратили ощущение эпохи и воображаете, что на современной стадии развития как европейского, так и русского социалистического движения все еще можно с расчетом на успех пускать в ход старые бакунистско-нечаевские, бесстыдные и лживые приемы.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 221

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 15 октября 1894 г.

Милостивый государь!

Сердечно благодарен за Вашу любезность. Я только что получил 7—28 и 1 корректурные листы ** в сохранности.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Заглавие книги написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** — первого немецкого издания третьего тома «Капитала». *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 30 октября 1894 г.

Дорогой Генерал!

Уже несколько раз я заходил к Вам, когда Вы меня меньше всего ожидали. Вас, вероятно, удивляли эти несвоевременные визиты. Я Вам разгадаю загадку.

У Вас есть несколько редких книг (например, «Neue Rheinische Zeitung» — газета и журнал), которые мне не терпится хотя бы перелистать, если уж нет возможности их прочесть. Вот я и приходил к Вам, чтобы попросить разрешения просмотреть их у Вас. Но у меня каждый раз не хватало мужества: я боялся, что это Вам помешает. Нужно, однако, решить этот вопрос, и я очень прошу Вас написать мне, осуществимо ли это и когда мое появление меньше всего будет неудобно для Вас.

Задачей всей моей жизни я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей. А значит мне нужно хорошо знать эти идеи. Я надеюсь, что Вы примете во внимание это смягчающее обстоятельство.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

И. Н. АТАБЕКЯНЦ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Штутгарт, 1 ноября 1894 г.

Многоуважаемый Фридрих Энгельс!

Намереваясь издать «Коммунистический манифест» в переводе на армянский язык [385], обращаемся мы к Вам, как автору и Патриарху научного социализма, в надежде, что Вы благословите нас на это благое дело. После напечатания Вашего «Научного социализма» («Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft») мы решились приступить к изданию «Коммунистического манифеста», этого великого, хотя и необъемистого труда, послужившего в истории многих народов одним из первых печатных пропагандистских произведений. Издание «Коммунистического манифеста» на армянском языке, о чем Вы говорите, как

о курьезе в III предисловии к пятому немецкому изданию «Манифеста» *, вскоре должно быть будет совершившимся фактом. Несмотря на некоторые трудности, которые представлял «Манифест» для перевода на армянский язык, все же они преодолены; в переводе мы старались не допускать никаких вольностей, везде строго держась немецкого оригинала. Перевод «Манифеста» со всеми тремя предисловиями, к которому, кроме того, будет приложен Устав Интернационала, уже вполне готов к печати и ожидает лишь Вашего соизволения. Если Вы будете так добры, что напишете несколько слов к нашему изданию «Манифеста», несколько хоть теплых, сердечных слов, то мы будем Вам весьма и весьма благодарны. Обращаемся к Вам с этой просьбой, зная, что Ваши слова дадут необходимый толчок новому делу, пропаганде социалистических идей среди армянского народа, пожалуй, самого культурного представителя Малой Азии и уже более десятка лет стоящего в революционном движении.

Однако позвольте мне немного, хоть в самых кратких чертах, познакомить Вас с современным положением этого азиатского народа. История армян, как Вам известно, связана с историей самых древнейших народов: ассирян, вавилонян, персов, греков, римлян и др. Христианство, проникнувшее в Армению почти при жизни Христа, отразилось очень сильно как в литературе, так и истории этого народа. Пятый, так называемый «золотой век» древней Армении, оставивший нам большую литературу исторического, богословского, философского содержания, служит прекрасным мерилом для тогдашней ее высокой культуры. Армянское государство не играло никогда особенной роли в древней истории; внутренняя, почти федеративная связь армянских провинций мешала всегда особенной централизации и усилению армянского государства. Беспрерывные внутренние распри и войны, которым христианская история дала окраску христианско-религиозных войн — вот все, что узнаем мы из наших исторических книг. С переселением же татарско-монгольских полчищ в Армению ломится и уничтожается здесь многое из древней культуры, и дальнейшее развитие армянского народа останавливается на долгие, долгие столетия.

После потери политической самостоятельности (около XIV столетия) Армения подпадает под персидское, потом турецкое иго. К началу XIX столетия Армению находим мы в руках трех держав: Турции, России и Персии. Главные части Армении находятся теперь в руках турецкой и русской монархий, и потому все внимание наше обращено, главным образом, на русскую и турецкую Армению. В то время как русская Армения от близкого соприкосновения с русской культурой, торговых сношений

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 58. *Ред.*

с Европой и Россией, развития путей сообщения и промышленности — сегодня носит, сравнительно, отпечаток культурности, турецкая — лишенная всех этих условий, окруженная еще доселе различными номадизирующими дикими народностями — далеко отстала от русской Армении. Тем не менее, как русские, так и турецкие армяне могут быть, без всякого преувеличения, названы самыми культурными представителями Малой Азии. В деревнях, где еще до сих пор сохранилась общинная форма землевладения, — армяне хорошие земледельцы, в городах — предприимчивые, ловкие купцы, ремесленники и представители интеллигенции. Об русской Армении мне нечего Вам здесь что-либо писать, она Вам отчасти должна быть известна, ибо история ее, так же, как и всякое революционное движение идут параллельно с историей России; борьба против абсолютизма — вот тот краеугольный камень, о который наталкиваются все народности российской империи, этой громадной резервной армии всеевропейской реакции. Немного иначе обстоит в турецкой Армении, где революционное движение носит характер национально-патриотической борьбы, борьбы за национальную независимость.

Турки, покорив Армению, сумели обратить армянское земледельческое, культурно высокостоящее население в объект эксплуатации. «Они искоренили нашу прежнюю аристократию и сами заняли их место; они отняли из рук народа меч, ружье и всякое средство защиты, оставив ему лишь плуг». Они нас освободили от воинской повинности, боясь дать нам в руки огнестрельное оружие, и заменили ее целой кучей податей. Если в начале в роли сосущего паразита было почти все турецкое население, то со временем это очень сильно изменилось. Турецкое население вынуждено было оставить грабеж и разбойничество, сделаться оседлым, приняться за земледелие и из эксплуататора понемногу превратиться в эксплуатируемого. Сегодня турецкий народ, так же как и армянский, хотя не в такой степени, угнетаем турецкой аристократией и деспотическим правительством.

Положение турецких армян в последние два десятилетия до того ухудшилось, что послужило поводом к большим кровопролитным восстаниям. Несмотря на то, что после русско-турецкой войны (77—78 годов) Берлинским трактатом были предписаны реформы в турецкой Армении (административные реформы, самоуправления и т. д.), они до сегодняшнего дня не последовали; не только, однако, эти обещанные реформы не были приведены в исполнение, но наоборот — репрессии, притеснения, прямо, наконец, варварская травля на армянское крестьянское население возросли в геометрической пропорции. Европейские державы, подписавшие этот злосчастный Берлинский трактат, всегда спокойно переносили все эти варварские опустошения турецкого правительства, посылая по

нашему адресу от времени до времени несколько платонических выражений сочувствия. Массовые убийства, изнасилования женщин, грабежи и всякого рода варварства, напоминающие собой «болгарские ужасы», заставили турецких армян взяться за оружие и путем всеобщего восстания стараться уничтожить турецкое иго и улучшить свое ужасное экономическое положение. Турецкое правительство, тем не менее, не только продолжает свои начатые варварства, но прибегает еще к новым: из разбойничьих курдских племен (номадов) организует казацкие полки, в турецком же населении разжигает его религиозный фанатизм и притом как тех, так и других травит на беззащитное армянское население. До сих пор все попытки восстать, добиться новых политических форм — не удавались; тем не менее революционное движение все более и более растет и находит большую поддержку со стороны русских армян, которыми до сих пор было принесено много-много материальных и человеческих жертв. И вот в эти самые минуты, когда пишу Вам эти строки, в центре Малой Азии борются против турецких войск армяне, надеясь сбросить с себя ненавистный гнет турецкого абсолютизма и деспотизма.

Наконец, еще два слова. Рабочие классы — у нас пока еще очень ничтожный процент — группируются из тех обедневших крестьян, которые, покинув свои деревни, проводят очень долгие годы в изгнании, в больших городах, центрах промышленной и торговой жизни; если они возвращаются обратно на родину, что большей частью и бывает, то, обыкновенно, становятся лучшими пропагандистами новых идей. Представителями капиталистического класса, класса господствующего и эксплуатирующего, являются, в особенности в Турции, ростовщики и купцы, которые заодно с разбойничьими курдскими племенами и турецкими пашами грабят и сосут сельское население. Правда, у нас, как в турецкой, так и в русской Армении, не успел еще развиться классовый антагонизм, нет резко очерченной массы пролетариата и буржуазии, но тем не менее было бы наивно отрицать наличие различных классовых интересов, экономических контрастов или вообще думать отложить всякую социалистическую пропаганду сегодня, когда революционный поток, вызванный давлением экономического гнета и восточного абсолютизма, так облегчает дело пропаганды и организации крестьянских масс. Теперь, когда турецкие армяне, экономически страшно угнетенные, стоят в революционном движении и когда, благодаря варварским притеснениям, страшному деспотизму турецкого правительства, растет это движение в массе армянского народа, было бы огромной ошибкой со стороны социалистов-революционеров не принять в нем участия и не воспользоваться ею для пропаганды социалистических учений. Мы следуем словам «Коммунистического манифеста», дающим нам верную нить для нашей роли — поддержать «всякое революционное

движение против существующих общественных и политических отношений», понятно, не упуская из виду «будущности» революционного движения [386].

«Коммунистический манифест» мы считаем одним из лучших произведений для пропаганды; печатая его, мы, понятно, имеем в виду кроме крестьянской, рабочей массы, главным образом, и городское население, мелких купцов, ремесленников, нашу еще чуткую интеллигенцию и учащуюся молодежь и др.

Примите уверения в уважении

Иосиф Атабекянц

Адрес: Stuttgart. Rotebühlstrasse 150, г-ну И. Атабекянцу.

Впервые опубликовано в «Историко-филологическом журнале» № 2-3 (5-6), Ереван, 1959 г.

Публикуется по рукописи на русском языке

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 1 ноября 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Само собой разумеется, что я облегчу Вам, насколько возможно, просмотр «Neue Rheinische Zeitung» и т. п. *, и я не вполне понимаю, почему Вы стеснялись прямо сказать мне об этом. В настоящий момент мои книги еще не приведены в порядок; эта работа не была доведена до конца из-за множества других дел, которые надо было уладить, беготни по городу, консультаций у адвокатов и прочих неприятностей, сопряженных с юридическими формальностями и материальными затруднениями, без чего в Англии, а в особенности в Лондоне, невозможно снять дом. Все это еще не закончено.

Пока я не разобрал своих книг, едва ли можно приняться за дело, поэтому я просил бы Вас запастись еще немного терпением. Но можете быть уверены, что Вам будут предоставлены все книги, газеты и т. п., какие я только смогу найти, из интересующей Вас специальной литературы. Мы поговорим об этом при первой же встрече.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Только что узнал, что у нас в кухне будут менять плиту и до будущей недели ничего нельзя будет готовить. Поэтому в воскресенье вечером мы

* См. настоящий сборник, стр. 704. *Ред.*

не сможем Вас принять, так как нам нечем было бы Вас угостить. Тем не менее, если Вы зайдете ко мне в любой вечер после 8 часов, мы с Вами потолкуем об этих книжных делах.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 254—255

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 12 ноября 1894 г.

Милостивый государь!

Несмотря на то, что Вы очень заняты, я позволю себе написать Вам несколько слов.

П. фон Струве, который подверг критике «Очерки» [354] в «Sozialpolitisches Centralblatt» [368] и в «Archiv» Брауна, опубликовал «Критические заметки» [375] — книгу, в которой он высказывает некоторые взгляды, по моему мнению, противоречащие фактам и теории. Он утверждает, например, что, несмотря на уменьшение количества продуктов питания на душу населения, наша промышленность может процветать, и т. п.

Вы знаете, что у меня нет времени отвечать ему, но мои друзья настаивают на необходимости такого ответа.

Видимо, г-н фон Струве не знает того факта, что все отрасли промышленности (особенно в такой стране, как наша) так тесно связаны между собой, что уменьшение расходов на продукты питания, например, является признаком уменьшения расходов на одежду и т. д. Этот факт прекрасно иллюстрируют исследования Министерства труда США. (Седьмой отчет, том II, таблицы XLIV и XLV, стр. 2008—2012.) (Закон д-ра Энгеля [387]).

Процент расходов на различные цели в обычных семьях (2 562) по статьям расходов

	Доход ниже 200 долларов	Доход 500—600 долларов	Доход 900—1000 долларов	Доход всяких размеров
Квартирная плата	15,48	15,15	14,96	15,05
Отопление	7,07	5,63	4,00	5,01
Освещение	1,01	0,97	0,74	0,90
Одежда	12,82	15,27	16,84	15,31
Питание	49,64	43,84	34,34	41,05
Все др. расходы	13,98	19,14	29,12	22,68

Разрешите мне привести в моем ответе некоторые факты и мнения, которые Вы так любезно сообщили мне. Например: «Подсчет, что общий объем текстильной продукции, как крупной, так и домашней промышленности... — не только совершенно правилен, но было бы неправильным, если бы Вы пришли к другому результату» *. Затем, как преодолеваются трудности (в Англии и в Западной и Центральной Европе) в отношении «сельскохозяйственных рабочих», которые «находят занятие только на известную часть года» и которым «платят только за эту работу» **. А также другие факты, имеющие меньшее значение.

Если Вы разрешите мне цитировать письма, называя автора, я буду Вам очень обязан.

Простите мою навязчивость, но краткого «да» или «нет» будет достаточно.

Я не нахожу слов, чтобы выразить то удовольствие, которое я испытываю, читая и перечитывая корректурные листы *** и изучая, таким образом, исключительно интересные и важные исследования.

Искренне преданный и обязанный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — И. Н. АТАБЕКЯНЦУ

В ШТУТГАРТ

Лондон, 23 ноября 1894 г.

Уважаемый товарищ!

Очень благодарен Вам за то, что Вы перевели на Ваш родной армянский язык мое «Развитие социализма», а недавно и «Коммунистический манифест». К сожалению, я не в состоянии исполнить Вашу просьбу — написать к последнему несколько строк введения. Мне трудно писать что-либо, предназначенное для опубликования на языке, которого я не понимаю. Если бы я это сделал из любезности к Вам, то не смог бы отказать в этом и другим, но тогда ведь могло бы случиться, что мои слова появились бы на свет в непреднамеренно или даже преднамеренно искаженном виде, а я мог бы узнать об этом только много лет спустя или даже не узнать вообще.

* См. настоящий сборник, стр. 625. *Ред.*
** См. там же, стр. 614. *Ред.*
*** — первого немецкого издания третьего тома «Капитала». *Ред.*

№ 4

ՖՐԻԴՐԻԽ ԷՆԳԵԼՍ

ԳԻՏԱԿԱՆ

ՍՕՑԻԱԼԻԶՄ

(Թարգմանութիւն)

ՎԻԵՆՆԱ

Հ. Յ. Դաշնակցութեան պաշտ. տպարան

1894

И. Н. Атабекянц. — Титульный лист работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» на армянском языке

Кроме того, как я ни благодарен Вам за Ваше интересное описание положения в Армении, все же я не могу считать правильным и разумным высказывать суждения о вещах, о которых я узнал не в результате *собственного исследования.* И тем более в данном случае, когда речь идет об угнетенном народе, который имеет несчастье находиться между *Сциллой* турецкого и *Харибдой* русского деспотизма, причем русский царизм спекулирует на роли освободителя, а лакейская русская пресса не упускает случая использовать каждое слово сочувствия освобождению армян в интересах агрессивного царизма.

Но если говорить откровенно, мое личное мнение таково, что освобождение Армении от турок, *а также* и от русских станет возможным лишь в тот день, когда русский царизм будет свергнут.

Самые лучшие пожелания вашему народу.

Преданный Вам *Ф. Энгельс*

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 270—271

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 24 ноября 1894 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 7 и 11 июня, 15 октября и 12 ноября.

Из работ г-на Струве мне известна только его статья в «Centralblatt» Брауна[368], а потому я ничего не могу сказать по поводу каких-либо его утверждений, которые он мог высказать в другом месте. Если в моих письмах Вы найдете какие-нибудь *факты,* которые могут быть Вам полезны для Вашего возражения, то вполне можете воспользоваться ими. Но что касается моих *высказываний,* то боюсь, что Ваши оппоненты — если не сам г-н Струве, то русская печать вообще, — пожалуй, используют их неподобающим образом. Мои русские друзья денно и нощно осаждают меня просьбами выступить с возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора* не только ложно толкуются, но и неправильно цитируются; причем они уверяют, что моего вмешательства будет достаточно, чтобы поставить все на свое место. Но я неизменно отказываюсь, потому что не могу — без ущерба для своего настоящего, серьезного дела — позволить втянуть себя в полемику, происходящую

* — Маркса. *Ред.*

в далекой стране, на языке, на котором я не могу еще читать так легко и свободно, как на лучше известных мне западных языках, в печати, которая в лучшем случае попадает мне на глаза в виде отдельных отрывков, что решительно не дает мне возможности внимательно следить за спором во всех его фазах и подробностях. Повсюду имеются люди, которые, чтобы защитить однажды занятую позицию, ничуть не стесняются прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то боюсь, что и со мной поступят не лучше и, таким образом, принудят меня в конце концов вмешаться в спор в интересах как других, так и себя самого. В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской печати с моего предварительного согласия, то я оказался бы беззащитным *перед лицом* моих русских друзей — здесь и на континенте, — которые настойчиво требуют моего активного вмешательства в русские споры с целью внести поправку в утверждение того или другого лица по тому или иному пункту. У меня не было бы тогда никаких веских оснований для отказа, так как они были бы вправе сказать мне: но вы уже *вмешались* однажды в русские споры; вы должны признать, что данный случай совершенно так же важен, как и случай с г-ном Д., а потому отнеситесь к нам, пожалуйста, так же, как вы отнеслись к нему. И тогда я перестал бы располагать своим временем, а мое вмешательство в русские споры все же оказалось бы в конце концов весьма малоуспешным и неполным.

Вот те причины, которые вынуждают меня, к моему глубокому сожалению, просить Вас не настаивать на Вашем желании приводить мои высказывания или, по крайней мере, приводить их *как мои.*

Я постараюсь выслать Вам продолжение того, что Вы уже получили *.

Искренне преданный Вам

Л. К.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 271—273

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 1 декабря 1894 г.

Милостивый государь!

Вы очень обязали меня, разрешив привести те факты, которые Вы в разное время любезно сообщили мне.

* — корректурные листы первого немецкого издания третьего тома «Капитала». *Ред.*

Мои ответы в нашей полемике основаны главным образом на фактах, и мнения, как бы авторитетны они ни были, играют в основном подчиненную роль, иначе центр тяжести ответов следовало бы перенести с почвы фактов на почву теории.

Вот почему я просил Вас разрешить мне привести факты, главным образом относящиеся к экономическому положению Западной Европы, а также сослаться на Ваше мнение об этих фактах.

Что же касается Вашего мнения о *наших* экономических условиях, то у меня не было и нет намерения приводить его, тем более, как я надеюсь, что рано или поздно, когда время позволит Вам и когда будет закончен Ваш более серьезный труд, Вы предоставите нам возможность услышать Ваше веское мнение, и тогда я попрошу разрешить мне послать Вам все необходимые факты, данные, статистические исследования, книги и т. д., которые пожелаете.

Ваше имя, конечно, не будет упомянуто.

Видимо, в III томе, часть I, самые важные главы 8 и 9—10. Так ли?

Всегда искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

«Теория населения Маркса дополняет, а не опровергает теорию Мальтуса — таково наше мнение»,— говорит г-н П. фон Струве (стр. 184) — и якобы в этом надо искать главную причину наших экономических бедствий [388].

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 18 декабря 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Лавров!

Г-жа Лафарг переслала мне Ваше письмо. Спешу заверить Вас, что я Вас нисколько не забываю. Но

1) «Дюринг», третье издание; у меня его было всего *шесть* экземпляров, которые я никому не посылал, кроме г-жи Лафарг и г-жи Эвелинг. Остальные у меня расхватали, как всегда бывает; все же нашелся еще один экземпляр, который я немедленно Вам пошлю.

2) «Капитал», третий том. Если он поступил в продажу в Париже и других местах, то это потому, что мне издатель прислал очень мало

экземпляров. В *Риме* книга появилась тогда, когда я еще не получил ни одного экземпляра! Однако я жду через несколько дней новой посылки и тогда смогу переправить Вам тот экземпляр, который Вам уже давно предназначен.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо; что до меня — мне жаловаться не приходится, но я начинаю замечать, что 74 года это не 47. Однако события должны помочь нам сохранить жизненные силы; вся Европа кипит, повсюду назревают кризисы, особенно в России. Долго там не может так продолжаться. Тем лучше.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Прошу обратить внимание на перемену адреса!

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 289—290

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Париж], 3 января 1895 г.

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за любезно посланный Вами и полученный мною вчера 3-й том «Капитала» и за Ваше обещание прислать «Дюринга». Желаю Вам всего доброго в Новом году, что в нашем возрасте почти совпадает с пожеланием доброго здоровья.

Дружески жму Вашу руку

П. Лавров

P. S. Я не уверен в том, что Эвелинги не переменили адреса. Скажите им, что это единственная причина, почему я не посылаю им открытку; но я прошу Вас передать им мои наилучшие пожелания.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 9 января 1895 г.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 1 декабря получил своевременно. Что̀ хочет сказать г-н Струве, говоря, будто Маркс *дополняет* теорию народонаселения Мальтуса, но не *опровергает* ее, — этого я не понимаю. Я полагаю, что

примечание о Мальтусе в I томе, а именно примечание 75 в главе XXIII, пункт 1*, является достаточно ясным для каждого. Больше того, я не понимаю, как можно сейчас говорить о *дополнении* теории Мальтуса, когда эта теория основывается на утверждении, что *рост народонаселения обгоняет рост средств существования*, между тем как цена хлеба в Лондоне в настоящее время составляет 20 шилл. за квартер, или меньше половины средней его цены в период с 1848 по 1870 г., и когда, по всеобщему признанию, *рост средств существования обгоняет теперь рост народонаселения*, которое недостаточно велико, чтобы потребить их! И если в России крестьянину приходится продавать тот хлеб, который ему необходим для собственного пропитания, то, конечно, он вынужден делать это не под давлением возросшего населения, а под давлением сборщика податей, помещика, кулака** и пр. и пр. Насколько мне известно, низкая цена аргентинской пшеницы оказывает на аграрный кризис по всей Европе, включая и Россию, большее влияние, чем что-либо другое.

Как мы только что узнали, одному петербургскому ученому сообщено, что он может свободно получить III том*** без купюр, если специально обратится за этим в Цензурный комитет. Я счел не бесполезным сообщить Вам этот факт, так как это может побудить Вас дать мне указания о способе пересылки Вам остальных листов, которые я держу для Вас наготове.

Искренне Ваш

Л. К.

Прошу обратить внимание на изменение номера дома.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 309—310

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 29 января 1895 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за Вашу любезность. — Я только что закончил чтение обеих частей III тома. Совершенно верно, что в этом томе многие главы не менее важны, чем главы I тома. Трудно указать наиболее важные отделы. Но в первой части III тома, по-моему,

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 630—631. *Ред.*

** Слово «кулак» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

самыми важными и новыми являются главы, в которых исследуется средняя норма прибыли, а во второй части — главы, в которых исследуются законы ренты. В конечном счете все главы весьма интересны и поучительны.

Чтение отдела о ренте вызывает горькое чувство досады у нас, русских читателей, когда мы узнаем из предисловия, что автор намерен был разработать этот отдел на основе русских данных *. Не сохранилось ли у редактора каких-нибудь заметок автора по вопросу о том, что̀ именно он намерен был сделать? Какого рода факты должны были быть использованы? Не слышал ли он что-нибудь от автора о его плане и т. д.? Редактор оказал бы большую услугу исследователям нашего экономического положения, ответив на эти вопросы в кратком примечании в дополнение к предисловию (стр. IX) к русскому изданию [389].

Так как перевод и печатание этой книги не могут быть закончены раньше, чем через 10—11 месяцев, то подобное примечание было бы в высшей степени желательно; оно дало бы редактору возможность написать то, что он знает об этих вопросах.

Читатели должны быть очень благодарны редактору, и нужно поздравить редактора с окончанием теоретической части этого монументального труда.

В высшей степени вероятно, что этот III том завершит ту революцию в теоретической политической экономии, которую произвело издание I тома.

В книге г-на фон Струве [375] Вы найдете много непостижимых вещей. Так как ее читают в широких кругах, то совершенно необходимо написать о ней критический очерк.

Примите, милостивый государь, уверение в моей искренней преданности.

Ваш *Н. Даниельсон*

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III (XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, около 30 января 1895 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

Мне необходимо посоветоваться с Вами по поводу одного письма из С.-Петербурга о литературных делах. Ждать до воскресенья было бы

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 10. *Ред.*

слишком долго, и к тому же, если общество будет многочисленным, Вам будет трудно уделить внимание нашему вопросу. Поэтому я прошу написать мне, когда Вы сможете без особого беспокойства для Вас уделить мне полчаса. Я принесу с собой книгу Георгия [390], о которой он Вам говорил.

Нам пишут, что в С.-Петербурге она производит фурор.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 30 января 1895 г.]

Дорогая гражданка Вера!

Вы наверняка застанете меня дома или завтра между тремя и пятью, или в пятницу от трех до четырех пополудни, буду очень рад видеть Вас у себя.

Книга Георгия появилась очень кстати; сегодня газеты сообщают, что Николай только что заявил земствам *, что будет стоять за самодержавие ** так же крепко, как и его отец ***. Нет лекарств против глупости государей [391]. Тем лучше, если Георгий произвел фурор **.

Всегда Ваш

Ф. Э.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 331

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Женева, 2 февраля 1895 г. ****

Мой Генерал!

Неделю тому назад я послал Вам через Веру русскую книгу; мне очень интересно узнать Ваше мнение о ней. Но очень возможно, что

* Слово «земство» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
** Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
*** — Александр III. *Ред.*
**** В оригинале ошибочно: 1885 г. *Ред.*

Вы еще не получили книги, потому что Вера, по-видимому, *очень больна*. Именно о ее болезни я хочу с Вами поговорить.

Еще во время своего пребывания в Швейцарии Вера так мало думала о своем здоровье, что только по нашему настоянию соглашалась принять какое-нибудь лекарство. Теперь она далеко от нас, и я уверен, что она совсем перестала иметь дело с медициной. Ее нужно заставить лечиться. Доктор Фрейбергер окажет нам огромную услугу, если навестит и выслушает Веру. Не пишу прямо ему, предполагая, что он, быть может, очень занят и, следовательно, моя просьба будет ему неприятна. Если это не так, — а Вы лучше других можете судить о том, как обстоит дело, — поговорите с ним о Вере и попросите его написать мне несколько слов о состоянии нашей строптивой больной. Передайте также привет от меня ему и г-же Фрейбергер.

Вы, конечно, читали в газетах, что Николай II объявил о своем намерении следовать по стопам своего «незабвенного» папаши [391]. Это придаст нашему «обществу» либерального духу, в котором оно очень нуждается. Мы-то на это жаловаться не будем.

Надеюсь, что Вы здоровы, несмотря на русские холода, которые стоят в настоящее время в Лондоне.

Я, моя жена и Аксельрод, который сейчас в Женеве, шлем Вам самый сердечный привет.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В ЦЮРИХ

Лондон, 8 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов!

Фрейбергер охотно осмотрит Веру, но что нам предпринять, чтобы она-то согласилась на это? Не может же, в самом деле, Фрейбергер явиться к ней со словами: «Георгий Плеханов поручил мне Вас осмотреть». Вы сами должны заговорить с ней на эту тему, добиться ее согласия, и в этом случае лучше всего, чтобы она сама мне сказала об этом, а остальное я беру на себя. Или же, если ей это больше нравится, пусть поговорит с Луизой Фрейбергер, и Луиза все устроит. Вот что я могу Вам предложить, но если Вы видите другой путь для достижения желаемой цели, сообщите его мне, и мы обсудим.

Вера вручила мне Вашу книгу [390], за которую благодарю, я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большим успехом является уже то, что Вам удалось добиться ее издания *в самой стране*. Это еще один этап, и если даже нам не удастся удержать новую, только что завоеванную позицию, то все же это прецедент, лед сломан. Запрещение газеты «Русская жизнь» * уже, по-видимому, знаменует начало реакции. Николай, очевидно, хочет *подготовить* своих мужиков ** к свободе, подвергнув их принудительному воспитанию, так что для конституции созреет только грядущее поколение; вот еще новая формулировка для старого варианта: после нас хоть потоп ***! Но потоп этот, как дьявол в «Фаусте»:

> Народец! Дьявол среди них, а им не догадаться.
> Хоть прямо их за шиворот бери ****.

А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II.

Здоровье мое лучше, чем было все последнее время. Пищеварение наладилось, дыхательные пути в полном порядке, сплю ночью по семь часов и работаю с удовольствием — счастлив, что могу наконец вернуться к своим занятиям после почти годового перерыва из-за корректур III тома *****, переписки, переезда на другую квартиру, болезни кишечника и т. д. и т. д.

Кланяйтесь г-же Плехановой и Аксельроду от меня и также от Людвига и Луизы Фрейбергеров.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс

Вы не указываете особого адреса, поэтому пишу по старому.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 334—335

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, 15 февраля 1895 г.]

Плеханов написал мне, что г-н Фрейбергер любезно согласился полечить меня немного, если я пожелаю. Я очень хотела бы избавиться от

* Название газеты написано Энгельсом по-русски. *Ред.*
** Это слово написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
*** — перефразированные слова, приписываемые Людовику XV. *Ред.*
**** *Гёте*. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). *Ред.*
***** — «Капитала». *Ред.*

кашля, который невероятно усилился вследствие переезда на другую квартиру. Однако должна предупредить доктора, что беспорядок в моей новой квартире почти столь же ужасен, как и мой кашель. Но врач ведь не должен пугаться никакой квартиры и никакого беспорядка — не правда ли? А может быть, он просто пришлет мне какое-нибудь лекарство.

Преданная Вам

Вера Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Женева, 20 февраля 1895 г.

Мой Генерал!

Я не ответил Вам сразу только потому, что понял, как трудно уладить дело, о котором идет речь. Очевидно, что Фрейбергеру неудобно явиться в качестве врача без приглашения Веры. С другой стороны, если бы Вера решилась поговорить о своей болезни с Бернштейном или с Элеонорой Маркс-Эвелинг, это было бы уже началом благоразумия, которое, при ее характере, представляется мне совершенно невозможным. Из этого положения есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Увидя, что Вы на моей стороне, она сложит оружие без сопротивления.

Я послал Вере январский номер «Русского Богатства». Там есть критика Вашей книги «Происхождение семьи, собственности и т. д.» некоего Зака [392]. Господин этот совсем не известен в нашей литературе, и, судя по началу, он не обещает ничего хорошего. Его критика нелепа, как и все нападки на Вас и Маркса, помещаемые в этом журнале. Меня удивляет, что г-н Даниельсон продолжает сотрудничать в нем, ведь характер его теперь уже вполне определился. Впрочем, и сам Даниельсон в статье, направленной против Струве [393], говорит о правительстве Николая II, как о правительстве, которое может взять на себя заботу об «организации производства» в нашей стране. Уже одно это показывает, что он является реакционером и утопистом в одно и то же время.

Со стороны Михайловского подобные глупости меня совсем не удивляют. Уже во времена Лорис-Меликова он ясно изложил свою «программу», в которой царское правительство изображено в качестве *миротворца и организатора.* Но переводчик «Капитала» должен был бы обладать

бо́льшим политическим тактом. Даниельсон нанесет большой ущерб нашему революционному движению. Не могли ли бы Вы высказаться по этому вопросу в «Neue Zeit», например? Вопрос безусловно стоит того, чтобы посвятить ему несколько страниц. А Ваш голос живо положит конец всем *«превратным толкованиям»* этого господина.

Если наши «истинные социалисты» изрядные реакционеры, зато земства наши заметно оживились. Вам, конечно, известна петиция Тверского земства. Петиция Черниговского земства еще более выразительна. Молодой идиот из Зимнего Дворца оказал своей речью большую услугу революционной партии [391].

Пожалуйста, поклонитесь хорошенько от меня Фрейбергерам и Эвелингам.

Преданный Вам

Г. Плеханов

P. S. Читали ли Вы доклад Жореса об идеализме и материализме? Странный «философ» этот господин Жорес!

Мой адрес теперь: 6, rue de Candolle, Genève.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 26 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов!

Вот уже неделя, как все улажено. Вера написала мне, что очень охотно будет лечиться у Фрейбергера. Последний был у нее неделю тому назад и затем еще два раза. Он нашел у нее сильный бронхит и прописал необходимые лекарства. Но он говорит, что для нее важнее всего переменить систему питания. Ей нужно есть мясо вместо всяких фруктовых желе и прочей растительной пищи. Фрейбергера сейчас нет дома, поэтому я еще вернусь к вопросу о ее здоровье в конце письма.

Теперь, после того как Вы в известной степени поручили мне заботу о ее здоровье, Вы должны мне сказать, не нуждается ли она в деньгах. Если да, то я попрошу у Вас разрешения предложить Вам для нее немного денег, хотя бы на время ее болезни. Я Вам пошлю, скажем, для начала пять фунтов, которые Вы заставите ее принять как бы *от себя*,

так чтобы мое имя вовсе не упоминалось при этом. Вы можете ей сказать, что посылаете эти деньги для того, чтобы у нее не было никакого предлога отказаться от перемены режима, и что Фрейбергер такую перемену считает необходимой. Или придумайте еще что-нибудь.

У меня нет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство» * на мою книгу [392]. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год [377]. Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему *письмом* материалы о русских делах из сборника «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat»», и особенно приложение 1894 г., *отчасти* направленное прямо в его адрес. Он их получил, но, как видите, это не подействовало. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь **, от других неверных народов.

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов изолированность талантливых людей исчезнет, а с ней исчезнут и эти идейные заблуждения, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников *** — отчаянием при виде крушения их надежд. В самом деле, народник ***, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет приверженцем царизма.

Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы прочитать всю литературу, а затем следить за ней и отвечать. Тогда это отняло бы все мое время в течение года, и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем сейчас. Но меня просят о том же для Италии по поводу знаменитого Лориа. А я и так уже завален работой!

Жорес стоит на верном пути. Он *учится* марксизму, и не следует его слишком торопить. И он уже сделал довольно большие успехи, гораздо бо̀льшие, чем я мог ожидать. Впрочем, не будем требовать излишней

* Название журнала написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

** Слова «Святая Русь» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

*** Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

ортодоксальности! Партия так велика, а теория Маркса настолько распространена, что путаники, более или менее изолированные, не могут принести особого вреда на Западе. У вас же дело другого рода, так же как было у нас в 1845—1859 годах.

Относительно Николая я с Вами согласен. Земский собор * состоится вопреки этому маленькому человечку.

Фрейбергер вернулся и говорит, что Вере гораздо лучше и что до сих пор он не прослушал у нее абсолютно ничего, кроме застарелого и запущенного катара бронхов.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 343—345

А. КОНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

Берлин, 26 февраля 1895 г.

Многоуважаемый господин!

Ссылаясь на Ваш столь ценный ответ г-ну д-ру Люксу относительно перевода книги «Очерки пореформенного русского хозяйства» Николая —она [394], позволю себе сообщить Вам следующее.

К сожалению, я до сих пор не мог как следует наладить дело с переводом, так как меня отвлекала моя работа. Теперь мне удалось высвободить необходимое время, и я позволю себе поэтому переслать Вам требуемое письмо к Даниельсону **.

Заранее весьма благодарный Вам, остаюсь с уважением

Андрей Конов

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева], 3 марта 1895 г.

Мой Генерал!

Прежде всего я хочу сказать о Вере. Благодарю Вас за Ваше великодушное предложение, которое я считаю трогательным доказательством

* Слова «земский собор» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 726. *Ред.*

Вашего к нам дружеского отношения, но даю Вам честное слово, что Вера *не нуждается* в деньгах. Я надеюсь, что она еще долго не будет в них нуждаться. К несчастью, главная трудность состоит не в том, чтобы послать ей денег, а в том, чтобы *заставить ее их истратить.* У нее свои особые принципы: она себе не позволяет *«роскоши»,* а то, что она называет *роскошью,* другие считают *необходимостью.* В этом отношении она неисправима. Когда мы жили вместе в Морне, я заставлял ее употреблять здоровую и разнообразную пищу, заказывая ее хозяйке ежедневно обеды для нее. В Лондоне, живя одна, она пользуется своей свободой, чтобы совсем не обедать. Кусок жареного мяса, иногда две чашки чаю или кофе с несколькими булочками — вот ее обычная повседневная еда. Я браню ее за это во всех своих письмах, но она не обращает на это внимания. Что я могу поделать в таких условиях?

Это поистине непростительная растрата драгоценных для нашего движения сил. Побраните ее со своей стороны. Вы этим окажете нам услугу.

Я прекрасно понимаю, что чтение «Русского Богатства» не является привлекательной работой, — но мы все же вынуждены это делать. Мне кажется, что Вы не имеете точного представления о политическом кретинизме этих господ. Вот пример. В конце царствования Александра II, во время диктатуры Лорис-Меликова, когда еще существовала некоторая свобода печати, тот самый г-н Михайловский, с которым мы теперь полемизируем, писал в одной из своих статей, что в России *миссия разрешения социального вопроса принадлежит именно правительству.* На Западе — другое дело, говорил он, но мы не западники[395]. Эти слова писались в тот момент, когда революционеры вели войну не на жизнь, а на смерть с русским правительством и когда правительство спрашивало себя, не должно ли оно уступить. Отсюда Вы видите, как реакционен и вреден у нас этот вид утопического социализма, поборником которого является Михайловский. А в данный момент, когда так называемое общество становится на дыбы против Николая II, — вдруг Даниельсон, «друг Маркса», переводчик «Капитала» (мимоходом замечу — переводчик, принадлежащий к категории предателей *), «истинный марксист» и т. д., и т. д., и т. д., снова начинает, поразительно кстати, нести тот же вздор. Если бы я был на месте Николая, я бы наградил г-на Даниельсона орденом!

Положение у нас так ясно, что не требуется долго изучать его, чтобы осудить «государственный социализм» Даниельсона. Несколько неодобрительных слов с Вашей стороны принесли бы большую пользу, и именно о такой помощи русской революции я говорил в своем предыдущем

* В оригинале игра слов: traducteur — по-французски — переводчик, traditore — по-итальянски — предатель. *Ред.*

письме *. Раз Вы очень заняты, не буду к этому возвращаться. Но если бы встал вопрос о выборе между *Даниельсоном* и *Лориа,* то я сказал бы: Генерал, выбирайте Даниельсона, — это важнее.

Прилагаю ответ русских либералов на знаменитую речь Николая. Письмо было перепечатано в Лондоне, но оно подлинно; оно обошло всю Россию, прежде чем попасть в Лондон. Вы увидите из письма, что мы можем надеяться на лучшие времена.

По-моему, года через 4—5 в России возродится терроризм. Хотим ли мы этого или нет, но это неизбежно.

Кланяйтесь и поблагодарите Фрейбергера от меня.

Преданный Вам

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 5 марта 1895 г.

Милостивый государь!

К величайшему сожалению, я должен сообщить Вам в ответ на Ваше любезное письмо от 29 января **, что наш автор *** не оставил после себя никаких, могущих быть полезными русскому переводчику заметок относительно своих взглядов на положение земельной собственности в России и своих выводов на этот счет. Все, что я смог разыскать, это весьма обширные выписки из русских статистических и вообще экономических источников; но, что̀ более или менее *противоречит* его обыкновению, они не содержат никаких его собственных замечаний.

Прилагаю письмо, полученное для Вас из Берлина, причем упоминаемый в нем г-н Энгельс просит меня дополнить его следующей информацией. Некоторое время тому назад г-н Энгельс получил от некоего д-ра Люкса, пишущего на экономические темы, запрос: стоит ли перевести Ваши «Очерки» на немецкий язык [394], и если да, то не окажет ли он какое-либо содействие изданию такого перевода? На это Энгельс ответил, что очень хотел бы увидеть эту книгу вышедшей в немецком переводе и не только согласен рекомендовать ее Дицу для издания, но

* См. настоящий сборник, стр. 721—722. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 716—717. *Ред.*
*** — Маркс. *Ред.*

и охотно напишет о ней, когда она выйдет, статью в «Neue Zeit», подчеркнув важность результатов Ваших исследований, но в то же время и отметив, что не согласен с некоторыми из сделанных Вами выводов. При этом он заявил, что он, Энгельс, не имеет никакого права давать разрешение на перевод, а потому переводчику, другу д-ра Люкса, лучше было бы обратиться за разрешением непосредственно к Вам. Чтобы не попасть в неловкое положение, Энгельс настоял на том, чтобы письмо было послано Вам через него.

Переводчик — проживающий в Берлине молодой русский, — судя по отзывам, способен выполнить эту работу (жена д-ра Люкса русская), а д-р Люкс обещал просмотреть немецкий текст, чтобы обеспечить правильность перевода. Переводчик, по тем же отзывам, сам занимался экономическими вопросами, а потому содержание Вашей книги ему не чуждо.

Автор прилагаемого письма, по-видимому, *полагает,* что Ваше согласие уже дано; по крайней мере, я не могу найти в нем и следа формальной просьбы к Вам по этому поводу. Я знаю, что *кое-кто* из молодых русских * за границей ** считает, что это — ненужная формальность, но я не разделяю этого мнения; и если Вы склонны вообще обсудить предложения г-на Конова, то мне кажется, что намек в этом смысле пошел бы молодому человеку на пользу.

Что касается меня, то я ровно ничего не знаю о предполагаемом переводе.

Если Вы соблаговолите прислать мне Ваш ответ г-ну Конову, то я позабочусь о том, чтобы он сейчас же был ему направлен.

Искренне Ваш

Л. К.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 349—350

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 10 марта 1895 г.

Милостивый государь!

Не нахожу слов для благодарности за ту высокую честь, которую Вы мне оказываете.

* — Кричевский. *Ред.*

** Это слово написано Энгельсом по-русски: «заграницы». *Ред.*

Несмотря на то, что Вы так заняты, Вы находите достаточно времени, чтобы взять на себя весьма неблагодарный труд — написать статью об «Очерках» [354]. Сердечно благодарю Вас.

Очень жаль, что не осталось никаких заметок нашего автора * относительно его взглядов на состояние земельной собственности в России [268].

Хотя моя статья уже опубликована [393], я все еще не получил ее оттисков. Как только получу их, они немедленно будут высланы Вам. И я сразу же напишу Вам.

Прилагаю письмо переводчику **.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], пятница, 22 марта 1895 г.

Дорогая гражданка Вера!

В воскресенье вечером мы окажемся без прислуги и без кухарки, обе они завтра уходят от нас; а это значит, что в нашем доме будет царить хаос, и в таком случае мы вряд ли сможем принять наших друзей. Поэтому, надеюсь, что Вы извините нас за это.

Дружеский привет от Фрейбергеров. Мы надеемся, что хорошая погода излечит Вас окончательно.

С искренним приветом

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 366—367

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

С.-Петербург, 30 марта 1895 г.

Милостивый государь!

10 марта я послал Вам ответ с сердечной благодарностью за ту высокую честь, которую Вы мне оказываете. В конверт я вложил письмо

* — Маркса. *Ред.*
** — Конову. *Ред.*

переводчику *. Так как постоянная пересылка писем к нему и от него причинила бы Вам очень много хлопот (ведь он желает получить некоторые добавления и поправки), то, может быть, гораздо проще было бы вести переписку непосредственно с ним, но я не знаю ни его имени, ни адреса.

Вместе с этим письмом посылаю Вам оттиск статьи, помещенной в январском и следующем номерах «Русского Богатства», — № 1 и № 2 за 1895 год [393]. Оттиск только что получен мною. Я воспользовался Вашим любезным разрешением и привел в статье факты, которые Вы были так добры сообщить мне.

Как я уже писал Вам, имя автора **, согласно его желанию, не было упомянуто. Но, к моему величайшему сожалению, в одном месте (стр. 171), — которое показывает, как в Западной Европе и в Англии преодолевают трудности сельскохозяйственных рабочих, не имеющих работы в течение зимних месяцев, — имя автора было упомянуто редактором, вопреки моей прямой просьбе и без моего ведома.

Этот случай мне крайне неприятен, но я надеюсь, что это упоминание не причинит автору никакого вреда или каких-нибудь затруднений, так как в этом месте приведены исключительно факты, и притом факты, относящиеся к экономической жизни Англии и Германии, а не России.

Г-н Максим Ковалевский в своих литературных воспоминаниях, напечатанных в одном из наших журналов, — в «Русской мысли» № 1, 1895 г., — пишет, что К. Маркс получил письмо от Ч. Дарвина с извещением о получении I тома его великого труда. Г-н Ковалевский добавляет, что К. Маркс очень дорожил этим письмом [396]. Я думаю, что это единственный известный факт, показывающий общение двух величайших мыслителей нашего века. Вот почему я беру на себя смелость просить Вас сообщить мне, было ли это письмо где-нибудь опубликовано и как можно познакомиться с его содержанием. (В издании «Жизнь и письма Чарлза Дарвина» (в 3-х томах) это письмо не помещено.) [397]

Если у Вас найдется время перелистать посланную Вам статью, то позволю себе просить Вас обратить внимание на таблицу (стр. 9 и 11 в той же статье), взятую из отчета Министерства труда в Вашингтоне. По-моему, это очень важная таблица. Она показывает относительную величину расходов американских рабочих, соответственно с суммой получаемой ими заработной платы, *или*, рассматривая вопрос с другой стороны, она показывает относительную сумму продуктов, необходимых различным слоям общества, или различным нациям, пропорционально сумме

* — Конову. *Ред.*
** — Энгельса. *Ред.*

их богатства. Таким образом, если мы имеем перед собой сумму некоторых видов потребительных стоимостей, потребленных нацией в различные периоды, то из этой таблицы можно сделать вывод о сумме других видов потребительных стоимостей, потребленных, требовавшихся или произведенных за тот же период.

Вы можете себе представить, как мне важно знать Ваше ценное мнение о том значении, которое я придаю этой таблице, и о тех выводах, которые я делаю из ее содержания. Возможно, я ошибаюсь, а в таком случае мне очень важно знать, в чем состоит моя ошибка.

Простите мою навязчивость и примите заверение в моей искренней преданности.

Ваш *Н. Даниельсон*

В одном из номеров посланного Вам «Вестника финансов» Вы найдете некоторые интересные факты о сельскохозяйственных артелях и отчеты некоторых наших крупных хлопчатобумажных фабрик — Кренгольмской и Морозовской (во Владимирской губернии).

В последнем номере «Archiv» Брауна (IV, 1894) есть статья Вернера Зомбарта о III томе, а в номере от 22 февраля 1895 г. газеты Брауна «Centralblatt» — статья Конрада Шмидта о том же самом предмете.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон, около 10 апреля 1895 г.]

Дорогой гражданин Энгельс!

От всего сердца благодарю Вас за книгу, которую Вы мне прислали.

Только что получила письмо от Раковского (болгарского делегата на Цюрихском конгрессе. Он недавно написал несколько статей о Болгарии для «Vorwärts»). Он меня умоляет немедленно пойти к Вам и настойчиво попросить Вас написать несколько слов для специального номера их газеты «Социалистъ» по случаю Первого мая, а затем взять эти несколько слов и, не утруждая Вас, переслать их ему *. Но я думаю, что не в этом главное затруднение. Хотя мне очень нравятся наши дорогие болгары и Раковский является одним из лучших ребят, которых я когда-либо

* Ответ Энгельса см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 39, стр. 384. *Ред.*

встречала, я не хотела бы слишком «настойчиво» досаждать Вам их просьбой. Я полагаю, что Вам приходится столько раз писать «несколько слов» для специальных номеров всех стран, что в итоге это неизбежно Вас утомляет и отнимает у Вас массу времени. Но если Вы будете столь добры и напишете ободряющее слово болгарам, то пошлите его по адресу: *К. Раковский, № 22, rue Ste Catherine, Nancy, France.* Он сам переводит все эти «несколько слов», которые ему удается раздобыть для своего номера.

Русские газеты пишут сейчас о проекте (говорят, что это правительственный проект) превращения крестьянских выкупных платежей ($^2/_3$ установленной суммы их уже выплачено) в обыкновенный и, следовательно, постоянный налог. Проект предусматривает также объявление крестьянских земель неотчуждаемой собственностью казны, отдающейся крестьянам во владение; неотчуждаемой она должна быть и для невольных владельцев — крестьян. «Русские ведомости» пишут, что это было бы великолепно, что таким образом крестьяне будут навсегда лишены возможности продавать свои наделы. Но даже самому деспотическому правительству, если оно собирается нанести такой удар «праву собственности» и «святости договоров» и если оно намерено превратить в вечных рабов казны большинство своих подданных, — даже такому правительству приходится делать вид, что оно действует в интересах «общественного блага». И если оно действительно думает все это проделать, то поддержка прессы, сделавшей своей специальностью проповедь любви к крестьянам, оказала бы ему неоценимую услугу. Однако было бы неестественно вознаграждать эти круги введением конституции.

Преданная Вам

В. Засулич

Впервые опубликовано в сборнике «Воинствующий материалист», кн. V, 1925 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского

И. А. ГУРВИЧ — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Чикаго, 18 мая 1895 г.

Г-ну Фридриху Энгельсу, Лондон, Англия

Милостивый государь!

Я узнал из Вашего предисловия к III тому «Капитала», что среди фрагментов, оставленных Карлом Марксом, обнаружен ряд выписок

из русских статистических изданий, причем эти выписки, как я могу заключить, сопровождаются его замечаниями *. Поскольку моя работа «Экономическое положение русской деревни» в настоящее время переводится на русский язык [358] и издателям недостает примерно 50 страниц, чтобы удовлетворить требованиям русского цензурного закона, у меня зародилась мысль включить эти выписки в качестве приложения в мою книгу. Возможно, мне удастся классифицировать выписки таким образом, чтобы частично осуществить намерения автора. Но даже, если окажется, что я не справлюсь с этой задачей, то эти фрагменты сами по себе представят большую ценность для русских исследователей, в то время как для западных читателей, не знакомых хорошо с предметом, они навсегда останутся книгой за семью печатями. Поскольку мои друзья, социал-демократы в России, торопят с изданием книги, я надеюсь, что Вы удостоите меня быстрым и благоприятным ответом **.

В заключение позвольте мне обратить Ваше внимание на тот факт, что правильное предположение относительно Марксова решения противоречия в теории стоимости, данного им в III томе «Капитала», было высказано, кроме Фиремана, д-ром В. Воронцовым в его «Очерках теоретической экономии» («Русская мысль», 1886 г. [398]), которые в свое время широко обсуждались в русских радикальных кругах. Сравни о нем гл. XIII моей книги; он подписывается «В. В.».

Выражая надежду вскоре получить от Вас ответ, остаюсь с глубочайшим уважением Ваш

И. А. Гурвич

P. S. Не будете ли Вы любезны указать мне ранее написанные Вами работы по русской экономике? Мне известно о Вашей полемике с Ткачевым, но никогда не представлялось возможности увидеть Вашу брошюру [43]. Мне думается, что при классификации упомянутых выписок, если на это будет дано разрешение, Ваши работы окажутся ценным руководством.

Я полагаю, мне нет надобности заверять Вас, что все расходы, которые Вы понесете, чтобы снять для меня копии с выписок, будут возмещены немедленно и с благодарностью.

Тот же

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 10. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 737—738. *Ред.*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

С.-Петербург, 20 мая (1 июня) 1895 г.

Милостивый государь!

Я не знаю, намерен ли редактор издать немецкий перевод «Очерков» [354]. Если у него такое намерение есть, то необходимо сделать кое-какие изменения и дополнения, которые, по моему мнению, имеют некоторое значение. Одно или два из них я прилагаю здесь.

Я пришлю также некоторые данные для объяснения противоречия, которое на первый взгляд кажется необъяснимым: каким образом одновременно с ухудшением экономического положения нации может возрастать общественный доход? Если нация, — говорят нам, — в состоянии вынести тяжесть налогового обложения, которое с 700 миллионов в течение десяти лет возросло до 1 000 миллионов, и если в то же самое время общественный доход превышает общественные расходы, то можно сказать, что это и есть признак роста экономического благосостояния народа.

Анализ статистических данных показывает, что из народного кармана, несмотря на рост бюджета, изымается такая же сумма, если не больше. Это зависит:

1) от того факта, что в общественный бюджет включены суммы, которые были уже взысканы с налогоплательщиков, но прежде они составляли самостоятельные бюджеты а) общественных учреждений и б) частных железных дорог, находящихся в настоящее время в руках государства.

2) С ростом производительной силы рабочих и с понижением цен товаров фиск увеличивает косвенное обложение (иностранных товаров — посредством таможенных пошлин, отечественных товаров — посредством акцизных сборов) до таких размеров, что сумма цен продуктов плюс сумма акцизных сборов (или таможенных пошлин) не изменяется, в некоторых случаях даже уменьшается. Вследствие этого первый фактор уменьшается, а второй увеличивается, но вместе с понижением уровня экономического положения народа уменьшается способность потреблять товары.

Интересно отметить, что степень роста таможенных пошлин намного больше роста акцизных сборов. Это значит, что «цветущее» состояние наших финансов в большей мере обусловлено ростом производительной силы трудящегося населения за границей, чем у нас.

Полагаю, что факты не оставляют ни малейшего сомнения относительно этого абсурдного результата.

Какое странное отношение критики к III тому *. Немец, так же как и русский («Русская мысль», III, 1895 [399]), совершенно не обращает внимания на V отдел книги. За массой фактов они не видят наиболее поучительного — особенно для русских — теоретического исследования вопроса.

Мне трудно определить, какой отдел этого тома является самым лучшим и самым поучительным.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. III(XIII), 1930 г.

Печатается по рукописи
Перевод с английского

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Женева, конец мая — июнь 1895 г.]

Дорогой Генерал!

Не писал Вам уже целую вечность. Мне мешали работа, усталость и постоянное недомогание — следствие переутомления и сидячей жизни, которую я веду. Между тем мне нужно многое сказать Вам.

Вы уже знаете, что господин Николай младший оказался отъявленным реакционером. После нескольких незначительных отклонений в сторону либерализма он решил идти по пути своего дорогого папаши **. Дурновò и другие актеры предыдущего царствования могут теперь себя поздравить. Свирепо преследуется печать, не прекращаются аресты. В начале мая (старого стиля) в Москве была устроена облава, причем было арестовано до 80 человек обоего пола. Удар был нанесен *либералам* и *социал-демократам.* Среди арестованных много *рабочих.* Аресты в рабочем классе были произведены в связи с празднованием 1 Мая, которое было отмечено в Москве собранием, где присутствовало *126* делегатов от рабочих кружков. Это празднование было в то же время чем-то вроде местного съезда Москвы и ее окрестностей. Полиция, проведав о происшедшем, наносила удары без разбора, так как не знала ничего определенного. Однако она арестовала несколько лиц, действительно «виновных» с ее точки зрения. Что особенно подстрекало усердие полицейских, — это *ярославская стачка,* о которой Вы, без сомнения, слышали. Как раз в начале мая (старого стиля) забастовало *восемь тысяч* рабочих. Была вызвана солдатня. Произошла настоящая битва между войсками

* — «Капитала». *Ред.*
** — Александра III. *Ред.*

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:
Der Gesammtprozess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

Титульный лист книги К. Маркса «Капитал», т. III, с дарственной надписью Ф. Энгельса П. Л. Лаврову

Die
Klassenkämpfe in Frankreich
1848 bis 1850.

Von

Karl Marx.

Abdruck aus der „Neuen Rheinischen Zeitung"
Politisch-ökonomische Revue, Hamburg 1850.

Mit Einleitung
von
Friedrich Engels.

Berlin 1895.
Verlag der Expedition des „Vorwärts", Berliner Volksblatt
(Th. Glocke).

Титульный лист книги К. Маркса «Классовая борьба во Франции» с дарственной надписью Ф. Энгельса Г. В. Плеханову

и стачечниками. *Восемь* рабочих было *убито, 16* ранено. По сообщениям от 8 мая (то есть от 20 мая *н. ст.*) — последним известиям, которые дошли до меня об этом деле, — *стачка* продолжалась. Как сейчас обстоит дело, еще не знаю.

Известия из С.-Петербурга нисколько не лучше. Вернее, поскольку дело касается общего недовольства, они отрадны: революционное движение никогда еще не было таким сильным за последнее десятилетие, но правительство принимает оборонительные меры. В России становится жарко. Co to będzie, co to będzie! *

Спасибо за «Классовую борьбу» [400]. Кстати. Не разрешите ли Вы нам перевести Ваши книги «Положение рабочего класса в Англии» и «Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом»? *Это — для издания в России.* Только... там цензура, и она не особенно любезна в настоящий момент, — наоборот.

Посылаю Вам русскую брошюру. Прочтите конец этой брошюры и Вы увидите, что борьба наших народников *«против капитализма»* все более и более вырождается *в союз с царизмом.* Лучшая критика, какой можно было бы подвергнуть эту великолепную «программу», имеется в «Коммунистическом манифесте» (о «немецком или «истинном» социализме»). Так проходит слава народников! И подумать, что Даниельсон в этой милой компании!

Как Вы себя чувствуете, дорогой Генерал! Часто ли видите Веру? Привет от меня Бернштейну, Эвелингам, Фрейбергерам, Мендельсону и всем Вашим лондонским друзьям.

Преданный Вам

Г. Плеханов

P. S. Вы меня очень обяжете, прислав мне новую книгу Лориа.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 11-12, 1923 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

П. Д. БОБОРЫКИН — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 3 июня 1895 г.

Милостивый государь!

Прилагаемое письмо моего друга М. Ковалевского ** объяснит Вам цель моего письма. Разрешите мне представиться Вам в наиболее удоб-

* — «Что-то будет, что-то случится!» (*Мицкевич.* «Дзяды»). *Ред.*

** Очевидно, письмо М. Ковалевского — Энгельсу 2 мая 1894 г. (см. настоящий сборник, стр. 677). *Ред.*

ный для Вас день и час, и примите уверения в моем совершенном почтении.

П. Боборыкин

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 4 июня 1895 г.

Милостивый государь!

Я в настоящее время довольно плохо себя чувствую (ничего, впрочем, серьезного) и должен ограничиваться лишь абсолютно необходимым.

Я препроводил г-ну Конову присланные Вами дополнения и изменения * и, сообщив ему Ваш адрес, просил его обратиться непосредственно к Вам. Его адрес:

Андрей Конов,
Augsburgerstrasse, 37^{III}, Berlin.

Надеюсь, что скоро смогу сообщить Вам лучшие известия, остаюсь искренне Ваш

Л. К.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 402—403

ЛАУРА ЛАФАРГ — И. А. ГУРВИЧУ

В ЧИКАГО

Истборн, 2 июля 1895 г.

[Черновик]

Г-ну И. А. Гурвичу, Чикаго

Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо от 18 мая **, адресованное г-ну Фридриху Энгельсу, я должна сообщить Вам, что г-н Энгельс нездоров и в настоящее время все еще воздерживается от литературной работы.

* См. настоящий сборник, стр. 733. *Ред.*
** См. там же, стр. 731—732. *Ред.*

По поручению Фридриха Энгельса сообщаю, что он не считает себя уполномоченным передать для публикации третьему лицу какие-либо рукописи или фрагменты рукописей, оставшихся после моего отца Карла Маркса.

Остаюсь, милостивый государь, искренне Ваша

Лаура Лафарг

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39, стр. 437

П. Л. ЛАВРОВ — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС-ЭВЕЛИНГ В ЛОНДОН

[Париж], 7 августа 1895 г.

Дорогой друг!

Я только что получил почту, развернул «La Petite République» и прочел роковые слова: «Смерть Фридриха Энгельса». Какое несчастье! Какое несчастье! Казалось невозможным, чтобы болезнь могла сломить эту могучую натуру, несмотря на возраст и бои, которые он продолжал вести за свое знамя. Скорбное известие так огорчило меня, что я не в состоянии много писать. Но мне захотелось тотчас же разделить с Вами горе, горе не только друга, но всякого убежденного социалиста, — разделить его именно с Вами, с дочерью Карла Маркса, для которой, как я уверен, Энгельс был вторым отцом и которая является наследницей двух самых ярких светил социализма.

Ваш *П. Лавров*

Впервые опубликовано в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1947 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из славянских языков Энгельс начиная с 1851 г. изучал русский, сербскохорватский, словенский, чешский, имел намерение написать сравнительную грамматику славянских языков. До весны 1852 г. он изучал русский язык самостоятельно, а затем некоторое время брал уроки у эмигранта из России Эдуарда Пиндара. Энгельс читал в оригинале «Евгений Онегин» и «Медный всадник» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, «Былое и думы» Герцена. Сохранились словарные выписки Энгельса из романа Пушкина «Евгений Онегин» и прозаический перевод на немецкий язык отдельных строф. К началу 50-х годов относится знакомство Энгельса с книгой Боуринга «Specimens of the Russian Poets» («Российская антология»), из которой Энгельс почерпнул справочный материал о русских поэтах и писателях XVIII — начала XIX веков: Ломоносове, Державине, Карамзине, Жуковском, Крылове и других. — *3.*

[2] A. Herzen. Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Первое издание вышло в Ницце в 1851 году. — *4.*

[3] В феврале 1846 г., когда была предпринята попытка поднять восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши и в Кракове, повстанцам удалось на время одержать победу, в Галиции вспыхнуло крестьянское восстание. Австрийским властям, которые использовали ненависть угнетенных украинских крестьян к польской шляхте, в ряде случаев удалось направить восставших крестьян против польских повстанческих отрядов. После подавления восстания в Кракове было жестоко подавлено и движение галицийских крестьян. — *4, 7.*

[4] Маркс имеет в виду полемику относительно роли Бакунина, развернувшуюся на страницах газеты «Morning Advertiser» в августе 1853 года. Поводом для полемики послужила напечатанная 19 августа анонимная статья «Европа. — Один человек» (она имела подзаголовок «От русского резидента в Лондоне»; автором ее был Головин). 23 августа было напечатано письмо в редакцию за подписью Ф. М. (инициалы сторонника Уркарта — Фрэнсиса Маркса) под заглавием «Русский агент

Бакунин»; в письме Бакунин обвинялся в связях с царским правительством. Под тем же заглавием 24 августа газета напечатала подписанное Головиным, Герценом и польским эмигрантом Ворцелем опровержение заметки «Ф. М.» и с выпадом против «одной немецкой газеты», имея в виду «Neue Rheinische Zeitung». — *5.*

[5] Речь идет о брошюре: «Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag». Koethen, 1848 («Призыв к славянам. Сочинение русского патриота Михаила Бакунина. Депутата Славянского съезда в Праге». Кётен, 1848). — *6, 36.*

[6] *Главный комитет по крестьянскому делу* — так стал называться с января 1858 г. бывший Секретный комитет по крестьянскому делу, созданный Александром II 3 января 1857 г. с целью подготовки реформы крепостного права. — *7, 12.*

[7] Подразумевается указ Александра I от 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных», а также ряд указов 40-х гг. по крестьянскому вопросу Николая I. — *9.*

[8] В ночь на *4 августа 1789 г.* французское Учредительное собрание под давлением растущего крестьянского движения торжественно провозгласило отмену ряда феодальных повинностей, которые были к тому времени фактически уничтожены восставшими крестьянами. — *14.*

[9] Имеется в виду начавшееся в январе 1863 г. национально-освободительное восстание в польских землях, принадлежавших царской России. Восстание 1863—1864 гг., направленное против гнета царского самодержавия, было обусловлено кризисом феодально-крепостнического строя и усилением социальных и национальных противоречий в Царстве Польском. Главной движущей силой восстания явились трудящиеся массы городов — ремесленники, рабочие, учащаяся молодежь; с лета 1863 г. значительное число участников повстанческих отрядов составляли крестьяне. Состоявший из мелкобуржуазных и мелкошляхетских элементов Центральный национальный комитет, возглавивший восстание, провозгласил 22 января 1863 г. программу борьбы за национальную независимость Польши, а также ряд требований аграрно-демократического характера. Однако ввиду непоследовательности и нерешительности повстанческого правительства, не посмевшего посягнуть на привилегии крупных землевладельцев, основная масса крестьянства не примкнула к восстанию. Это явилось одной из основных причин поражения восстания.

Польское восстание 1863—1864 гг. явилось важным этапом в национально-освободительной борьбе польского народа и имело крупное международное значение. Оно встретило горячее сочувствие и поддержку русской и европейской революционной демократии. — *21, 23, 83.*

[10] Говоря о «герценовских» солдатах, Маркс подразумевает надежды Герцена на революционные выступления в русской армии против царизма совместно с поднявшими восстание поляками. — *21.*

[11] *«Мыслящие штыки»* («baïonnettes intelligentes») — выражение, которое приписывается французскому генералу-монархисту Шангарнье, заявившему в 1849 г., что он не любит «baïonnettes intelligentes», то есть солдат, которые стали бы руководствоваться в своих действиях политическими мотивами. — *21.*

[12] Свою надежду на новый подъем революционного движения в России Энгельс связывал, по-видимому, с окончанием установленного Положением 1861 г. об отмене крепостного права двухгодичного срока для составления уставных грамот, когда крестьяне должны были окончательно убедиться в грабительском характере царской

«воли» и в том, что другой, лучшей «воли» им не будет. В русских революционных кругах жила в то время уверенность, что массовое недовольство крестьян реформой 1861 г., а также начавшиеся восстания в Польше, Литве и Белоруссии приведут ко всеобщему восстанию, которое ожидалось весной 1863 года. — *22.*

[13] Имеется в виду полемика между Бакуниным и Мерославским, развернувшаяся в связи с опубликованием в «Колоколе» 1 октября 1862 г. письма польского Центрального национального комитета, в котором одним из основных принципов предстоявшего национально-освободительного восстания признавалось право народов Литвы, Белоруссии и Украины на самоопределение. Письмо вызвало резкий протест Мерославского и других умеренных польских эмигрантов, отстаивавших великодержавный лозунг незыблемости польских границ 1772 года. Позиция Мерославского была подвергнута критике со стороны Бакунина в брошюре «Le comité central de Varsovie et le comité militaire russe. Réponse au général Mieroslawski». London, 1862 («Центральный комитет в Варшаве и русский военный комитет. Ответ генералу Мерославскому». Лондон, 1862). На это последовал ответ Мерославского в брошюре «La Dernière réponse à M. Michel Bacounine» («Последний ответ г-ну Михаилу Бакунину»), вышедшей в Париже 20 января 1863 года. Полемика нашла широкий отклик в прессе того времени. — *22.*

[14] Речь идет об издании на русском языке первого тома «Капитала» Маркса, которое задумал осуществить петербургский книгоиздатель Н. Поляков; от его имени к Марксу 18 сентября 1868 г. обратился Даниельсон. В конце 1869 г. за перевод взялся Бакунин, но после долгих проволочек отказался от этой работы. В начале 1870 г. переводом «Капитала» занимался Лопатин. Он перевел 2—5 главы первого немецкого издания I тома «Капитала», которым соответствуют II—VI отделы второго и последующих немецких изданий этого тома (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 157—575). В конце 1870 г., не завершив перевода, Лопатин отправился в Россию для организации побега Чернышевского из Сибири. К октябрю 1871 года работу над переводом I тома закончил Даниельсон. Первое русское издание I тома «Капитала», явившееся и его первым иностранным изданием, вышло в свет в Петербурге в конце марта 1872 года. Подробнее о русском переводе I тома «Капитала» см. переписку Маркса и Энгельса с Даниельсоном в разделе II настоящего сборника. — *23, 39, 40, 42, 44, 158, 196, 232, 240, 490.*

[15] Имеются в виду работы К. Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», вышедшая в Брюсселе и Париже в начале июля 1847 г. на французском языке и «К критике политической экономии», выпущенная берлинским издателем Ф. Дункером в июне 1859 г. на немецком языке. — *23.*

[16] Энгельс говорит о работе П. Лилиенфельда «Земля и воля», вышедшей в Петербурге в 1868 году. Немецкий перевод ее «Land und Freiheit» был опубликован в книге: J. Eckardt «Russlands ländliche Zustände seit Aufhebung der Leibeigenschaft». Leipzig, 1870 (Ю. Эккардт. «Положение сельского хозяйства в России после отмены крепостного права». Лейпциг, 1870). — *24.*

[17] D. K. Schédo-Ferroti. «Études sur l'avenir de la Russie. Dixième étude: Le patrimoine du peuple». Berlin, 1868 (Д. К. Шедо-Ферроти. «Очерки о будущем России. Очерк десятый: Естественно приобретенное право народа». Берлин, 1868). — *24.*

[18] Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования» (СПб., 1869), а также комментарии Флеровского к ней были высланы Марксу Даниельсоном в надежде, что это даст ему необходимый материал для последующих частей его классического труда — «Капитала». — *24, 25, 26, 66, 168, 171, 191, 247.*

[19] Маркс говорит о группе русских политических эмигрантов из разночинной демократической молодежи, последователей великих революционеров-демократов — Чернышевского и Добролюбова. Весной 1870 г. они образовали в Женеве *Русскую секцию I Интернационала.* Большую роль в деле подготовки и создания этой секции сыграл член Интернационала А. А. Серно-Соловьевич, умерший в 1869 году. 12 марта 1870 г. Комитет секции направил Генеральному Совету свою программу, устав, а также письмо Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих. На заседании Генерального Совета 22 марта 1870 г. Русская секция была принята в Интернационал, и Маркс взял на себя обязанность представлять ее в Генеральном Совете. Русская секция оказала Марксу и Энгельсу большую помощь в их борьбе против раскольнической деятельности бакунистов. Ее члены — Н. Утин, А. Трусов, Е. Бартенева, В. Бартенев, Е. Томановская (Дмитриева), А. Корвин-Круковская — принимали активное участие в швейцарском и международном рабочем движении. Секция пыталась наладить связи с революционным движением в самой России. Фактически деятельность секции прекратилась в 1872 году. — *26, 28, 170.*

[20] *Лига мира и свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии рядом мелкобуржуазных и буржуазных республиканцев и либералов. — *27, 29, 175, 178.*

[21] 2 и 3 марта Бакунин опубликовал в №№ 72 и 73 «Marseillaise» письмо-некролог, в котором называл Герцена своим другом и соотечественником, а его смерть расценивал как «огромную потерю для его друзей, для дела русского освобождения и... для освобождения всего человечества». Некролог был перепечатан в №№ 10, 11 и 12 газеты «Progrès» от 5, 12 и 19 марта 1870 года. — *32.*

[22] Подразумеваются деньги, переданные Герцену в 1858 г. русским помещиком П. А. Бахметьевым для пропаганды (так называемый бахметьевский фонд). В 1869 г. под давлением Бакунина и Огарева Герцен согласился разделить фонд на две части, одна из которых была передана Огаревым Нечаеву. В 1870 г., после смерти Герцена, Нечаев получил от Огарева и вторую половину фонда. — *32, 266.*

[23] Имеется в виду открывшийся в Праге 2 июня 1848 г. *Славянский съезд,* который показал наличие двух течений в национальном движении славянских народов, угнетенных империей Габсбургов. Умеренно-либеральное направление пыталось разрешить национальный вопрос путем сохранения и укрепления Габсбургской монархии. Радикальное, демократическое направление решительно выступало против этого и стремилось к совместным действиям с революционно-демократическим движением в Германии и Венгрии; к демократическому направлению принадлежал и Бакунин. — *36.*

[24] Речь идет о прокламации Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», опубликованной в приложении к «Колоколу» № 122 и 123, 15 февраля 1862 года. — *36, 264.*

[25] В газете «Die Zukunft» в июне — ноябре 1869 г. были напечатаны анонимно статьи С. Боркхейма «Русские письма. VIII—X. Михаил Бакунин, IX. Русский наемный писака». В них Боркхейм, используя вышедшие на русском языке статьи Бакунина, выступал в основном с критикой его панславистских идей и идеализации Бакуниным русской общины. — *36.*

[26] Имеется в виду статья П. И. Якоби и В. А. Зайцева «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения», которая была опубликована под инициалами «П. Я.» в журнале «Архив судебной медицины и общественной гигиены», книга 3, за 1870 год, стр. 160—216. Эта статья была написана главным образом на основе материалов первого тома «Капитала» Маркса. Первые экземпляры «Архива судебной медицины» успели выйти со статьей и разошлись. Однако затем последовало вмешательство цензуры, запретившей статью. В непроданных экземплярах журнала по требованию цензуры статья была изъята, причем нумерация остальных страниц даже не была изменена. «За настойчивое проведение крайне социалистических идей» главный редактор журнала был отстранен от должности. Сведения об этом Маркс получил от Лопатина. — *37, 185.*

[27] Чернышевский был арестован в июле 1862 года. До 1864 г. он находился в Петропавловской крепости, затем был приговорен к семи годам каторжных работ в Сибири и вечному поселению там. В 1871 г. после окончания срока каторжных работ, которые Н. Г. Чернышевский отбыл на Александровском заводе Нерчинского округа, он был переведен по приказу царского правительства в г. Вилюйск Якутской области, что значительно ухудшило его положение. — *37, 43, 113, 234, 283, 631.*

[28] Сведения о попытках бакунистов создать группы Альянса среди русских и славянских студентов в Цюрихе Маркс получил, видимо, от И. Ф. Беккера. Отвечая 28 октября 1871 г. на запрос Маркса, Юнг указывал, что бакунисты пытаются организовать Славянскую секцию в качестве противовеса Русской секции Интернационала. — *39, 223, 251.*

[29] Речь идет о передовой статье в газете «Новое время» № 106, 23 апреля (5 мая) 1872 г., в которой извещалось о выходе русского издания первого тома «Капитала». — *39.*

[30] Н. Г. Чернышевский. «Очерки из политической экономии (по Миллю)». Женева, 1870. Маркс, высоко ценивший труды Чернышевского, тщательно собирал их и изучал. В его библиотеке сохранился ряд изданий произведений Чернышевского, в частности тт. III—IV его Сочинений, переплетенные в одну книгу. В нее входят «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля» (Женева, 1869) и вышеупомянутые «Очерки». В библиотеке Маркса сохранился также сборник, составленный из статей Чернышевского в «Современнике» за 1859 г. (т. 73), помещенных под рубрикой «Устройство быта помещичьих крестьян», в том числе статья «Труден ли выкуп земли?». Книгами Чернышевского и других русских авторов регулярно снабжали Маркса Даниельсон и Лопатин, часть их присылали члены Русской секции Интернационала через И. Ф. Беккера. — *42, 198. 246.*

[31] Н. И. Зибер. «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями». Киев, 1871. — *42, 278, 279.*

[32] Эта статья («Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса») была написана И. И. Кауфманом. — *42, 244, 256, 381.*

[33] 10 июня 1873 г. Г. А. Лопатину после двух неудачных попыток удалось бежать из тюремного заключения в Иркутске, куда он попал, пытаясь устроить побег Чернышевского, находившегося под строжайшим надзором в ссылке (см. примечание 27). В августе этого же года Лопатин прибыл в Париж. — *44.*

[34] Имеется в виду рукопись Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса», написанная в 1862 году. Поскольку царская цензура запретила печатание рукописи, Н. Ф. Даниельсон послал ее Марксу, который рассчитывал издать ее с помощью

Утина в Женеве. Впервые «Письма без адреса» были опубликованы в Цюрихе Лавровым в издательстве журнала «Вперед!» в 1874 году. Как и к другим трудам Чернышевского (см. примечание 30), Маркс проявил большой интерес к «Письмам без адреса», составил подробный конспект их, который хранится в Институте марксизма-ленинизма и опубликован в «Архиве Маркса и Энгельса», т. XI, 1948. — *44*, *246*, *256*, *272*, *277*.

[35] Данная статья Энгельса, третья из серии «Эмигрантская литература», была написана в конце июля — сентябре 1874 г. в связи с появлением в журнале «Вперед!» статьи П. Лаврова, посвященной Интернационалу, и напечатана в «Volksstaat» №№ 117 и 118, 6 и 8 октября 1874 года. — *45*.

[36] Цитируется статья Лаврова из журнала «Вперед!». Цюрих, 1874 г., том 2, год издания 2, отдел второй, ч. II, стр. 26. — *46*.

[37] Брошюра П. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо редактору журнала «Вперед!»» была издана на русском языке в Лондоне в апреле 1874 года. — *49*.

[38] Речь идет о полемическом произведении П. Л. Лаврова, изданном без указания автора под заглавием «Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России». Лондон, 1874. Далее Энгельс цитирует стр. 3, 17 и 44—45 этого издания. — *50, 313*.

[39] Четвертая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература» была написана по совету Маркса, который, ознакомившись с брошюрой Ткачева (см. примечание 37), передал ее Энгельсу, сделав на обложке следующую надпись: «Берись за дело, но в насмешливом тоне. Это так глупо, что и Бакунин мог *приложить руку*. Петр Ткачев прежде всего хочет показать читателю, что ты обходишься *с ним* как со своим противником, и поэтому измышляет всевозможные несуществующие спорные пункты». — *53*.

[40] P. Tkatschoff. «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels Verfasser der Artikel «Flüchtlings-Literatur» in Nr. 117 und 118 des «Volksstaat»». Jahrgang 1874. Zürich, Typographie der Tagwacht. 1874. Русский перевод этого письма помещен в книге: П. Ткачев. «Избранные сочинения на социально-экономические темы», том III, 1933, стр. 88—89. — *53, 74*.

[41] Здесь и ниже Энгельс цитирует брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». — *56*.

[42] Цитируется по брошюре: П. Л. Лавров. «Русской социально-революционной молодежи». Лондон, 1874, стр. 47. — *60*.

[43] Пятая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература» была выпущена отдельной брошюрой в Лейпциге в 1875 г. под заглавием «Soziales aus Rußland» («О социальном вопросе в России»). К этой брошюре Энгельс написал небольшое введение (см. настоящий сборник, стр. 73—76). Первый русский перевод брошюры Энгельса был сделан В. Засулич и выпущен группой «Освобождение труда» под заглавием «Фридрих Энгельс о России». Женева, 1894. К этому изданию Энгельс написал известное послесловие, представляющее большой научный интерес (см. настоящий сборник, стр. 112—124). — *61, 73, 111, 684, 692, 732*.

[44] Энгельс имеет в виду книгу Гакстгаузена «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands» («Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России»), вышедшей в 3 частях в 1847—1852 гг. в Ганновере и Берлине. — *67, 77, 112, 187*.

[45] Очевидно, имеются в виду брошюры А. Кошелева «Наше положение» и «Об общинном землевладении в России», вышедшие в Берлине в 1875 году. — *73.*

[46] Письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок» было написано им вскоре после появления в названном журнале в октябре 1877 г. статьи идеолога русского народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отечественные Записки» № 10, Современное обозрение, стр. 320—356), содержавшей ложную трактовку «Капитала». Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма копии и одну из них вместе с письмом от 6 марта 1884 г. направил В. И. Засулич в Женеву. Первый русский перевод, сделанный, по-видимому, Засулич, был опубликован вначале непосредственно в России нелегально и в литографированном виде. В Женеве письмо было опубликовано в 1886 г. в № 5 «Вестника Народной Воли». В русской легальной печати письмо Маркса появилось в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник». — *77, 119, 500, 678, 694.*

[47] K. Marx. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie», Bd. I. Hamburg, 1867, S. 763. Это добавление опущено Марксом во втором немецком и последующих изданиях первого тома «Капитала». — *77, 120.*

[48] K. Marx. «Le Capital». Paris, [1875] (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 728). Разночтения между текстом этой цитаты и текстом данного места в 23 т. объясняются тем, что Маркс цитирует первый том «Капитала» по французскому изданию 1875 г., а русский перевод в 23 т. сделан с 4-го немецкого издания 1890 года. — *78, 443.*

[49] Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 годов. — *80.*

[50] Подразумевается Исполнительный комитет партии «Народная воля». (См. примечание 70). — *86, 88, 443.*

[51] На митинге, состоявшемся 21 марта 1881 г. в Лондоне, присутствовали представители различных национальностей: русские, польские, чешские, сербские социалисты. Председательствовал русский революционер, народник Лев Гартман. На митинге был основан славянский революционный клуб. — *87.*

[52] 1 (13) марта 1881 г. в Петербурге по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» был убит император Александр II. — *87, 445, 692.*

[53] Имеется в виду судебный процесс народовольцев А. И. Желябова, С. Л. Перовской, Н. И. Рысакова, Т. М. Михайлова, Н. И. Кибальчича и Г. М. Гельфман, принимавших участие в убийстве императора Александра II 1 (13) марта 1881 года. Процесс происходил 26—29 марта (7—10 апреля) 1881 года. 29 марта 1881 г. был вынесен приговор, по которому все участники покушения, кроме Гельфман, были приговорены к смертной казни через повешение. 3 (15) апреля 1881 г. приговор был приведен в исполнение. — *88.*

[54] Инициатива подготовки русского издания «Манифеста Коммунистической партии» принадлежала Г. В. Плеханову. Непосредственно с просьбой о написании предисловия обратился к Марксу и Энгельсу П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними. 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили ему текст предисловия (см. настоящий сборник, стр. 459). Впервые предисловие было опубликовано на русском языке в газете «Народная Воля» 5 февраля 1882 года. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» (в переводе Плеханова) с предисловием Маркса и Энгельса вышел в свет в 1882 г. в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки». На немецком языке предисловие было опуб-

ликовано впервые в газете «Der Sozialdemokrat» № 16, 13 апреля 1882 г. в переводе с русского текста предисловия, опубликованного в газете «Народная Воля». В 1890 г. Энгельс снова опубликовал текст 1882 г., включив его в состав предисловия к новому немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии». — *88, 457, 463, 464, 465, 469.*

[55] Речь идет о первом русском издании «Манифеста Коммунистической партии», вышедшем в 1869 г. в Женеве в переводе Бакунина. При переводе Бакунин в ряде мест исказил содержание «Манифеста». Недостатки первого издания были устранены в издании, вышедшем в Женеве в переводе Плеханова (см. предыдущее примечание). Плехановский перевод положил начало широкому распространению идей «Манифеста» в России. — *88, 90, 171, 211, 265.*

[56] Маркс и Энгельс имеют в виду обстановку, сложившуюся после убийства народовольцами 1 (13) марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли». — *89, 500, 514.*

[57] Этот вывод Маркс сделал, по всей вероятности, под впечатлением прочитанной им в это же время книги В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России». С.-Петербург, 1882. В предисловии к этой работе В. П. Воронцов, известный литератор и экономист, лидер либерального народничества, писал о русских «социалистах школы Маркса», которые выступали с утверждением о неизбежности капиталистического развития России. Сам Воронцов пытался доказать некапиталистический характер ее социально-экономической эволюции, выдвигал антинаучные теории об особых путях развития России, о господстве в стране так называемого народного производства. В другом месте своей книги он называл оспариваемое им экономическое учение Маркса «общепринятой теорией». — *90.*

[58] Встреча Г. Лопатина с Энгельсом произошла через несколько месяцев после бегства Лопатина за границу из вологодской ссылки. 23 сентября Лопатин посетил Энгельса вторично. О содержании своей беседы с Энгельсом Лопатин сообщил в письме М. Н. Ошаниной 20 сентября 1883 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 489—491). — *91.*

[59] *24 февраля 1848 г.* — день свержения монархии Луи-Филиппа во Франции. — *91.*

[60] Упоминаемая брошюра была издана на русском языке. — *93.*

[61] E. Regnault. «Histoire politique et sociale des principautés danubiennes». Paris, 1855. — *93.*

[62] Речь идет о брошюре Г. В. Плеханова «Наши разногласия», вышедшей в Женеве в 1884 году. — *94, 508.*

[63] Лафарг просил Энгельса написать Даниельсону, чтобы тот познакомил Лафарга с издателями журнала «Северный вестник». Поводом для этой просьбы послужила перепечатка в «Северном вестнике» № 4 за 1889 г. статьи Лафарга «Машина как фактор прогресса», представлявшей последнюю главу его большой работы «Пролетариат физического и умственного труда», опубликованной в «Neue Zeit» № 3 за 1888 год. Лафарг намеревался начать постоянное сотрудничество в журнале «Северный вестник». — *100.*

[64] Статья Энгельса *«Внешняя политика русского царизма»*, отрывки из которой приводятся в настоящем сборнике (полную публикацию см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 11—52) является продолжением его выступлений в печати и в письмах к социалистам различных стран с разоблачением милитаризма, гонки вооружений и захватнической политики европейских держав. Непосредственным поводом к написанию работы послужило обращение к Энгельсу В. Засулич через С. Кравчинского (Степняка) от имени редакции подготовляемого в то время к изданию группой «Освобождение труда» русского марксистского журнала «Социаль-демократ» с просьбой о сотрудничестве в этом журнале. Работа была напечатана в переводе (с немецкого) В. Засулич в журнале «Социаль-демократ» в феврале и августе 1890 г. под заглавием «Иностранная политика русского царства» и предназначалась для нелегального распространения в России. При жизни Энгельса его работа имела довольно широкое распространение в печати. — *101, 556, 557, 558, 559, 561, 569.*

[65] Энгельс имеет в виду введение в России в 1864 г. ограниченного местного самоуправления — земств. Однако уже с 1866 г. царское правительство начало систематическое гонение земств, которое особенно усилилось в 80-х годах в период реакции и кровавых репрессий против революционного движения. — *102.*

[66] Статья Г. В. Плеханова «Социально-политическое положение России в 1890 году» была опубликована в журнале «Die Neue Zeit», Bd. II, №№ 47—51, 1890—1891. — *106.*

[67] Письма А. И. Герцена редактору журнала «The English Republic» («Английская республика») У. Линтону были написаны им в январе — феврале 1854 г. и впервые опубликованы в 1854 г. в третьем томе журнала Линтона на английском языке. Энгельс приводит отрывок из третьего письма Герцена Линтону, цитируя его по тексту женевского издания 1884 г. книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», стр. 9; в настоящем сборнике текст письма Герцена дается по книге Плеханова. Полный текст писем Герцена Линтону см. в собраниях сочинений А. И. Герцена под заглавием «Старый мир и Россия». — *113.*

[68] Здесь цитируется критическая статья Н. Г. Чернышевского «Заметки о журналах», впервые опубликованная в пятом номере журнала «Современник» за 1857 год. Далее цитируется другая его статья «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона А. Гакстгаузена», опубликованная впервые в седьмом номере журнала «Современник» за 1857 год. Обе статьи включены в пятый том Сочинений Н. Г. Чернышевского, вышедший под общим заглавием «Об общинном владении землею», Женева, 1879 год. В книге Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (Женева, 1885) данная цитата приведена на стр. 16—17; вторая — на стр. 15. Очевидно, Энгельс цитировал Чернышевского по книге Плеханова, и текст этих цитат приведен в соответствии с этим изданием. — *114.*

[69] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 113—116. — *119.*

[70] Имеются в виду руководящие органы народнических организаций «Земля и воля» (с осени 1876 г. по осень 1879 г.) и «Народная воля» (с августа 1879 г. по март 1881 г.); последняя провозгласила террор основным средством политической борьбы. — *121, 516.*

[71] Под данным номером отмечены письма Маркса и Энгельса, которыми Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *128, 129, 130, 148, 156, 166, 171, 208, 241, 249, 270, 315, 326, 353, 356, 398, 405, 444, 462, 470, 471, 472, 476, 478, 505, 558, 638, 680, 699.*

[72] Речь идет о корреспонденции «Союз с Россией и русское посольство», напечатанной в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» № 202, 21 июля 1846 г. — *129.*

[73] Подразумевается задуманная Марксом работа «Критика политики и политической экономии». Марксу не удалось осуществить свой замысел в связи с работой над книгой «Святое семейство», а также из-за расторжения договора с издателем. — *130, 141, 143.*

[74] P. J. Proudhon. «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère». T. I—II. Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). — *130, 131, 142, 398.*

[75] 29 ноября 1847 г. в Лондоне состоялся международный митинг, организованный обществом «Братские демократы» в честь годовщины польского восстания 1830 года. На митинге Маркс и Энгельс выступили с речами о Польше (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 371—376). — *145.*

[76] P. J. Proudhon. «Les Confessions d'un Révolutionnaire pour servir a l'histoire de la Révolution de février». Paris, 1849 (П. Ж. Прудон. «Исповедь революционера в защиту истории февральской революции». Париж, 1849). — *148.*

[77] Брошюра Герцена «С того берега» вышла вначале на немецком языке в Гамбурге в 1850 г. и на русском языке в Лондоне в 1855 году. — *151, 544.*

[78] Статья Эдуара Симона «Процесс господина Фогта против «Аугсбургской газеты»» была напечатана в «Revue contemporaine» от 15 февраля 1860 года. Характеристику данной статьи см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 14, стр. 464—465, 482—483 и 576—578. — *155.*

[79] C. Vogt. «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung»». Genf, im December 1859 (К. Фогт. «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». Женева, в декабре 1859). — *155.*

[80] Бакунин отвечает на письмо Маркса, которым Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *156.*

[81] План издания всего «Капитала», изложенный Марксом в предисловии к первому немецкому изданию первого тома (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 11), предусматривал опубликование еще двух томов, причем второй том должен был состоять из двух книг, посвященных анализу процесса обращения капитала (книга II) и формам капиталистического процесса в целом (книга III), а заключительный, третий том (книга IV) Маркс предполагал посвятить истории экономических теорий. Однако самому Марксу осуществить этот план не удалось. После смерти Маркса Энгельс подготовил к печати и издал его рукописи, относящиеся ко второй книге, в виде II тома, а рукописи, относящиеся к третьей книге, — в виде III тома «Капитала». О русском переводе II и III томов «Капитала» см. переписку Энгельса и Даниельсона за 1884—1894 гг. в настоящем сборнике. — *158, 159, 196, 198, 339, 373, 382, 455, 475, 487, 526.*

[82] Серно-Соловьевич участвовал в комиссии, разрабатывавшей проект нового печатного органа Романской федерации Интернационала — газеты «Égalité», которая стала выходить в Женеве с декабря 1868 года. Однако в редакцию «Égalité», бывшей до 1870 г. бакунистской, Серно-Соловьевич, как противник Бакунина, не входил. — *161.*

[83] Имеется в виду крупная стачка женевских рабочих-строителей, происходившая в марте — апреле 1868 года. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 10 часов, повышения заработной платы, замены поденной оплаты почасовой. Благодаря поддержке Генерального Совета I Интернационала, организовавшего сбор средств среди рабочих Англии, Франции и Германии, женевские рабочие выиграли стачку. — *162*.

[84] В связи с выборами в законодательное собрание Женевского кантона (15 ноября 1868 г.) Серно-Соловьевич вместе с другими деятелями рабочего движения выпустил самостоятельное предвыборное воззвание с требованием ряда демократических свобод. Тем самым они предприняли попытку создания новой Социально-демократической партии. — *162*.

[85] *«Фабрикой»* («La fabrique») — в 60—70-х годах в Швейцарии называли производство часов и ювелирных изделий в Женеве и ее окрестностях, которое велось в крупных и мелких мастерских мануфактурного типа, а также рабочими-надомниками. — *162, 173, 235*.

[86] Серно-Соловьевич говорит о своем памфлете «A propos de la grève. Réponse à M. Goegg» («По поводу стачки. Ответ г-ну Гёггу»). В нем он подверг резкой критике выступление немецкого мелкобуржуазного демократа Гёгга, который в письме, опубликованном в «Journal de Gèneve», в разгар женевской стачки (см. примечание 83) призывал рабочих и фабрикантов к взаимным уступкам ради сохранения социального мира. Памфлет Серно-Соловьевича имел огромный успех. — *165*.

[87] Ch. Perron. «De l'obligation en matière d'instruction». Genève, 1868 (Ш. Перрон. «Об обязательном обучении». Женева, 1868). — *165*.

[88] На втором конгрессе Лиги мира и свободы (см. примечание 20), состоявшемся в Берне 21—25 сентября 1868 г., Бакунин предложил резолюцию, которая провозглашала необходимость экономического и социального «уравнения классов». Не получив поддержки на конгрессе, Бакунин и его сторонники вышли из состава Лиги мира и свободы и в том же году создали Альянс социалистической демократии. — *166*.

[89] Речи Бакунина в защиту резолюции, предложенной им на конгрессе в Берне, были опубликованы в «Колоколе» № 14 и 15, 1 декабря 1868 года. — *166*.

[90] Очевидно «Programme de la Démocratie socialiste russe» («Программа русской социалистической демократии»), изданная в Женеве в сентябре 1868 года. — *167*.

[91] «Programme et Règlement de l'Alliance internationale de la Démocratie Socialiste». Genève, [1868]. Критику ее см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 323—452. — *167*.

[92] Приложение к письму не сохранилось. Устав и программа Русской секции были опубликованы в газете «Народное дело» № 1, 15 апреля 1870 года. — *168*.

[93] *Омладина* (иначе: Объединение сербской молодежи) — политическая организация сербской либеральной буржуазии, существовавшая в 1866—1872 гг. в городе Нови-Сад, принадлежавшем Австро-Венгрии. Выдвигая официально культурно-просветительные задачи, Омладина требовала политического единства всех сербских земель. Против господствовавшего в Омладине либерального течения, которое игнорировало классовую сторону вопроса, выступало демократическое крыло во главе с С. Марковичем. Острая внутренняя борьба привела к роспуску Омладины. — *169*.

[94] Данный отрывок из письма Маркса приведен в письме Лопатина Лаврову от 6 июля 1870 г. — *172*.

[95] Под данным номером отмечены письма русских корреспондентов Маркса и Энгельса, которыми Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *172*, *327*, *334*, *341*, *351*, *545*, *552*, *575*, *581*.

[96] Со времени съезда Романской федерации в Ла-Шо-де-Фоне (в апреле 1870 г.) сторонники бакунистского Альянса продолжали свои раскольнические действия в Интернационале. Они создали наряду с Романским федеральным советом в Женеве свой романский федеральный комитет в Ла-Шо-де-Фоне и печатный орган — газету «Solidarité» под руководством Гильома и других бакунистских лидеров. — *172*.

[97] *«Тампль Юник» («Храм единства»)* — местонахождение центральных органов женевских секций Первого Интернационала. Название сохранилось с того времени, когда это здание принадлежало женевскому монастырю Тампль Юник. — *173*, *239*, *268*.

[98] Имеется в виду заметка Боркхейма «Der Brief Njetschajeffs» («Письмо Нечаева»), опубликованная в газете «Volksstaat» № 22, 16 марта 1870 г., в которой он, приветствуя развитие русского революционного движения, в то же время выступал против распространяемых Нечаевым различных мистификаций о самом себе (см. также примечание 25). — *175, 178*.

[99] Речь идет об изданиях: «Постановка революционного вопроса» (май 1869 г.) и «Начала революции» (лето 1869 г.), написанных Бакуниным и опубликованных анонимно в Женеве, но с пометкой «Напечатано в России». Сведения, содержащиеся в письме, были использованы Марксом и Энгельсом при написании работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». — *177*.

[100] В августе 1870 г. Бакунин и его активные сторонники (Перрон, Н. И. Жуковский и другие) были исключены за свою раскольническую деятельность из Центральной женевской секции I Интернационала. — *180*.

[101] В оригинале, по-видимому, описка: имеется в виду статья Л. Воловского «Les finances de la Russie» («Финансы России»), опубликованная в журнале «Revue des deux Mondes», т. 49, 1864 г., стр. 431—452. — *182*.

[102] Речь идет о поездке Лопатина в Сибирь для устройства побега Н. Г. Чернышевского, находившегося в ссылке. В начале февраля 1871 г. Лопатин был арестован и заключен в иркутскую тюрьму. 3 июня он сделал попытку бежать оттуда, но был сразу же задержан (см. также примечание 33). — *184, 196, 197, 206, 212*.

[103] В журнале «La Philosophie Positive» № 3 за ноябрь — декабрь 1868 г. была опубликована краткая рецензия на первый том «Капитала», написанная Е. В. Де-Роберти, последователем позитивистской философии О. Конта. — *185*.

[104] Е. В. Де-Роберти. «Политико-экономические этюды». С.-Петербург, 1869.
О статьях Чернышевского по крестьянскому вопросу из «Современника» см. примечание 30. — *185*.

[105] Ф. Лассаль. «Сочинение в двух томах». Перевод В. Зайцева. Т. II. С.-Петербург. Изд. Н. П. Поляков, 1870. — *185*.

[106] Упомянутый в письме Томановской митинг состоялся 10 января 1871 г. в Сент-Джемс-холле. Он был созван комитетом, возглавляемым профессором Бизли, и преследовал цель пробудить симпатии демократических сил Англии к Французской республике, добиться ее признания английским правительством. Отчет о митинге был опубликован в «Times» № 26957, 11 января 1871 года. — *186*.

[107] Во втором номере газеты «Народное дело» 7 мая 1870 г., который Томановская послала Марксу, была напечатана статья «Крестьянская реформа и общинное землевладение (1861—1870)». Сохранился номер «Народного дела» с этой статьей, на которой Маркс сделал много пометок. Эти пометки показывают, что больше всего его интересовали в этой статье фактические данные, подтверждавшие крайне невыгодные и тяжелые для крестьян условия реформы 1861 года. — *187*.

[108] Маркс отвечает, по-видимому, на запрос Лаврова о судьбе Лопатина. Хотя Маркс из письма Лопатина к нему от 15 декабря 1870 г. (см. настоящий сборник, стр. 184—186) уже знал о том, что последний находится в России, но, вероятно, из конспиративных соображений не стал сообщать ни о месте пребывания Лопатина, ни о целях его поездки. — *187*.

[109] Включение данного письма в состав настоящего сборника обусловлено тем, что содержащаяся в нем информация о положении дел в Париже и о деятельности Парижской Коммуны предназначалась для Маркса и Генерального Совета. — *189*.

[110] *«Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым»* был основан 9 апреля 1871 года. Союз организовывал клубы, проводил массовые собрания в поддержку Парижской Коммуны, создавал боевые отряды, героически сражавшиеся на баррикадах. — *190*.

[111] Очевидно, имеются в виду: «Свод Военных Постановлений». СПб., 1869; «Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». СПб., 1861 и «Статистический временник Российской империи». СПб., I, 1866. — *193*.

[112] G. F. Kolb. «Handbuch der vergleichenden Statistik». Leipzig, 1860 (Г. Ф. Кольб. «Руководство к сравнительной статистике». Лейпциг, 1860). — *194*.

[113] Имеется в виду первая глава первого немецкого издания первого тома «Капитала». При подготовке второго немецкого издания этого тома Маркс существенно переработал указанную первую главу, выделив ее в первый отдел «Товар и деньги» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 43—156). Переработать эту главу специально для первого русского издания Маркс в то время не смог ввиду большой занятости. — *196, 197, 198, 200, 225*.

[114] Во второй половине 60-х гг. в Петербурге возник кружок революционно настроенной молодежи, ядро которого составили Лопатин, Даниельсон, Негрескул, Любавин, Киршбаум, Волховский, Билибин. После высылки из Петербурга Лопатина и ареста Негрескула кружок фактически распался. — *196*.

[115] Среди книг и статей, посланных Даниельсоном Марксу, имелась работа Чернышевского «О поземельной собственности», напечатанная в журнале «Современник» за 1857 г. №№ 9 и 11 (см. также примечание 30). — *197*.

[116] Очевидно, речь идет о сочинениях Н. Г. Чернышевского, которые начал издавать М. Элпидин в Женеве с 1868 года. Однако из этого издания, задуманного как полное собрание сочинений, вышло лишь пять небольших томов. — *199*.

[117] H. T. Buckle. «History of Civilization in England» (Г. Т. Бокль. «История цивилизации в Англии»). Первое издание в двух томах вышло в Лондоне в 1857, 1861 годах. — *204*.

[118] Лавров просил Энгельса прислать ему 2 экземпляра газеты «Eastern Post»: № 148 от 29 июля 1871 г., в которой был напечатан отчет о заседании Генерального

Совета 25 июля, содержавший выступление Энгельса об отношении Мадзини к Интернационалу, и № 149 от 5 августа с отчетом о заседании Генерального Совета от 1 августа, в котором приводилось выступление Маркса против Оджера (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 638—639, 641—642). — *204, 205, 207*.

119 Имеется в виду суд над участниками Парижской Коммуны, начавшийся 7 августа 1871 г. в Версале. — *207*.

120 *Нечаевский процесс* — процесс учащейся молодежи, обвинявшейся в тайной революционной деятельности; слушался в Петербурге в июле — августе 1871 года. Материалы процесса публиковались в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (об этом процессе см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 388—389). — *211, 217, 241, 243, 245, 257*.

121 Очевидно, речь идет о сообщении газеты «Санкт-Петербургские ведомости» № 239, 31 августа (12 сентября) 1871 г. о том, что «Карл Маркс, который в настоящее время состоит главным руководителем международного общества в Лондоне, опасно болен». — *213*.

122 В данном письме Лавров в конспиративной форме сообщает Энгельсу об организации сбора средств в фонд помощи парижским коммунарам-эмигрантам. — *214*.

123 Вероятно, авторы письма имеют в виду книгу: Ed. Villetard. «Histoire de l'Internationale». Paris, 1872 (Эд. Вилльтар. «История Интернационала». Париж, 1872). Хотя на титульном листе указан 1872 г., книга, очевидно, вышла уже в 1871 году. На стр. 384 этой работы указан адрес Генерального Совета: 256, High Holborn, Londres, W. C. — *217*.

124 Имеется в виду торжественное собрание в Женеве, посвященное седьмой годовщине основания I Интернационала, состоявшееся 22 октября 1871 года. Отчет об этом собрании был напечатан в журнале «Vorbote» № 10 за 1871 год. — *220*.

125 Подразумевается статья «Meeting de l'Internationale» («Митинг Интернационала»), опубликованная в «La Révolution Sociale» № 1, 26 октября 1871 года. — *220*.

126 Лондонская конференция Интернационала, ознаменовавшая собой важный этап борьбы Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии, состоялась 17—23 сентября 1871 года. — *220, 224, 242*.

127 Утин имеет в виду выступление Андре Лео на конгрессе мира в Лозанне в 1871 г.; в своей речи, произнесенной в то время, когда Ферре находился в тюрьме, Лео назвала его и Риго зловещими фигурами Коммуны, якобы требовавшими кровавых мер. — *220*.

128 Статья «La fête de l'Association internationale» («Праздник Международного Товарищества») была опубликована в «Journal de Genève» № 251, 24 октября 1871 года. — *221*.

129 Упомянутое в письме Утина «Appel général à tous les Travailleurs» («Обращение ко всем трудящимся») было напечатано в газете «Égalité» № 20, 21 октября 1871 года. — *221*.

130 Речь идет о статьях: «La fête de l'Internationale» («Праздник Интернационала»), опубликованной в «Constitution» № 90, 26 октября 1871 г., и «L'anniversaire de l'Association Internationale à Genève» («Годовщина Международного Товарищества в Женеве»), напечатанной в «Égalité» № 21, 5 ноября 1871 года. — *222*.

[131] Здесь и далее цитируется Устав Французской секции 1871 года, опубликованный в газете «Qui Vive!» № 6, 8 и 9 октября 1871 года. — *222*.

[132] Н. А. Добролюбов. Соч. Тт. I—IV. СПб., 1862. В библиотеке Маркса сохранились все четыре тома, на которых имеются его пометки. — *225*.

[133] Оригинал упомянутого здесь письма Лопатина Даниельсону, по-видимому, не сохранился (о содержании его см. настоящий сборник, стр. 275—276). — *233*.

[134] Работа Н. Г. Чернышевского «Очерки из политической экономии (по Миллю)» впервые была опубликована в журнале «Современник» №№ VI, VII, VIII, IX, X, XII за 1861 год. Ниже Даниельсон сравнивает текст первого очерка, напечатанного в «Современнике» № VI, с текстом, опубликованным в IV томе издания М. Элпидина в 1870 году. — *234*.

[135] Согласно закону, принятому французским Национальным собранием в Версале 14 марта 1872 г., принадлежность к Интернационалу каралась тюремным заключением. — *235*.

[136] Судебный процесс над Бебелем, Либкнехтом и Гепнером по обвинению в государственной измене происходил в Лейпциге 11—26 марта 1872 года. — *236*.

[137] Утин посылает Марксу приложение к газете «Égalité» № 7, 15 апреля 1872 г. со статьей «Grève des Graveurs et Guillocheurs à Chaux-de-Fonds» («Забастовка граверов и гильошировщиков в Шо-де-Фоне»). — *237*.

[138] Объявление о поступлении в продажу русского перевода первого тома «Капитала» было помещено в газете «Московские ведомости» № 89, 9 апреля 1872 года. — *238*.

[139] Имеется в виду секция Лонжмаль, входившая в состав бакунистской Юрской федерации. — *239*.

[140] Речь идет о статье «Le fédéralisme ou la centralisation» («Федерализм или централизация»), опубликованной в газете «Égalité» № 9 и 10, 7 мая 1872 г. — *240*.

[141] *Грютлианцы*, или члены союза *Грютли* — швейцарской мелкобуржуазной организации, основанной в 1838 году. — *240, 242*.

[142] В г. *Веве* (Швейцария) 2—3 июня 1872 г. состоялся съезд Романской федерации, который одобрил резолюции Лондонской конференции Интернационала (см. примечание 126). — *241*.

[143] Полный текст цитируемого Даниельсоном заключения Главного управления по делам печати о выпуске в свет русского перевода первого тома «Капитала» опубликован в журнале «Красный архив», т. I (56), 1933. — *244*.

[144] Даниельсон посылает Марксу сборник: «Русские общественные вопросы», СПб., 1872. При этом он обращает внимание Маркса на опубликованные в нем статьи Н. Флеровского «Непрактичный законопроект» и «Классическая страна крупного землевладения» и А. Ф. Жохова «Нерешенные вопросы крестьянского дела». Последняя статья осталась неоконченной из-за внезапной смерти ее автора. — *246*.

[145] Первая часть анонимной рецензии на первый том «Капитала» была опубликована в «Биржевых ведомостях» 30 мая (11 июня) 1872 года. Окончание рецензии не появилось. — *246*.

[146] А. И. Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование императора Александра II». Тт. 1—4. Бонн, 1862—1868 гг. Сохранился конспект Маркса этой работы. — *247*.

[147] «Военно-статистический сборник. Выпуск IV. Россия». СПб., 1871. — *248.*

[148] Даниельсон намекает на факт избиения Утина некоторыми членами Славянской секции Альянса с целью помешать ему закончить доклад о подрывной деятельности Бакунина, который Утин готовил для Гаагского конгресса I Интернационала (подробнее об этом факте см. настоящий сборник, стр. 249—252). — *248.*

[149] Имеется в виду статья М. Прокофьева «Опыты земской статистики», напечатанная в «Вестнике Европы», т. IV, 1872. — *248.*

[150] Упомянутым здесь письмом Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *249*, *313.*

[151] «Программа социалистическо-революционного польского общества в Цюрихе», о которой здесь идет речь, была написана Бакуниным и опубликована 27 июля 1872 г. в приложении к № 13 «Bulletin de la Fédération jurassienne». Польское социально-демократическое товарищество, возникшее под влиянием анархистов, приняв вначале эту программу Бакунина, вскоре под воздействием польского социалиста Токажевича, отвергло ее. — *251.*

[152] Речь идет о редакционной заметке в «Bulletin de la Fédération jurassienne» № 6, 10 мая 1872 г., написанной в ответ на корреспонденцию Лафарга в «Liberté» от 5 мая, содержавшую разоблачения тайного Альянса. В этой заметке расшифровывался псевдоним (Пабло Фарга), под которым Лафарг выступал в Испании. — *255.*

[153] М. Бакунин. «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?». Лондон, 1862. — *264.*

[154] Утин цитирует брошюру Бакунина «К офицерам русской армии». Женева, январь, 1870. — *265.*

[155] Наряду с другими материалами Утин послал Марксу «Катехизис революционера», написанный Бакуниным летом 1869 года. Материалы, посланные Утиным, были использованы Марксом и Энгельсом при написании работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». — *265.*

[156] Утин обращает внимание Маркса на анонимную статью «Noch Einiges über Bakunin» («Еще кое-что о Бакунине»), напечатанную в газете «Tagwacht» №№ 40—43 от 5, 12, 19 и 26 октября 1872 года. — *266.*

[157] Имеется в виду открытое письмо в редакцию газеты «Liberté» группы русских эмигрантов в Швейцарии, близких к Бакунину (Огарев, Зайцев, Озеров, Росс, Гольстейн, Ралли, Эльсниц, Смирнов), написанное 4 октября 1872 года. В этом письме выражался протест против исключения Бакунина из Интернационала. Письмо было опубликовано в «Liberté» № 41, 13 октября 1872 года. — *266*, *282.*

[158] См. А. И. Герцен. «Былое и думы», часть VI, гл. LVII — «Немцы в эмиграции» и часть VII, гл. LXVI — «Молодая эмиграция». — *266.*

[159] Стихотворение Н. Огарева «Студент» посвящалось первоначально другу Огарева и Герцена С. И. Астракову, умершему в 1866 году. Получив от Огарева рукопись стихотворения, Бакунин написал ему, что было бы «полезнее для дела», если бы стихотворение было посвящено Нечаеву. С этим посвящением стихотворение было отпечатано отдельными листками в 1869 г. в Женеве и использовалось Нечаевым как своего рода знак полномочий от Огарева. — *266.*

[160] Во время восстания в Лионе, начавшегося в сентябре 1870 г. в связи с поражением при Седане (2 сентября 1870 г.), прибывший в Лион Бакунин пытался взять в свои руки руководство движением и осуществить свою анархистскую программу. 28 сентября 1870 г. анархисты предприняли попытку совершить переворот, закончившуюся полным провалом. — *266.*

[161] Нечаев, проживавший в то время в Цюрихе, был арестован 14 августа 1872 г. швейцарскими властями и осенью того же года как уголовный преступник выдан русскому правительству. После суда Нечаев был заточен в Алексеевский равелин и там погиб. — *267, 274.*

[162] Статья Утина «La victoire de la vraie Internationale des Travailleurs. Congrès de la Haye» («Победа истинного Интернационала трудящихся. Конгресс в Гааге») была опубликована в газете «Égalité» № 20, 2 ноября 1872 года. — *268.*

[163] Речь идет о рукописи статьи русского буржуазного экономиста Ю. Жуковского «К. Маркс и его книга о капитале», которая в 1877 г. была напечатана в сентябрьском номере «Вестника Европы», т. V, стр. 64—105. — *273, 277, 283.*

[164] По-видимому, Маркс просил Корвин-Круковскую послать ему французский перевод первого тома «Капитала», который, по его предположению, она осуществила. В действительности Круковская перевела лишь отдельные отрывки из «Капитала» для предполагавшейся рецензии. — *274.*

[165] Речь идет о письме, написанном Нечаевым в феврале 1870 г. по поручению Бакунина от имени несуществующей русской революционной организации Н. Н. Любавину, занимавшемуся подготовкой издания первого тома «Капитала» в России. В этом письме Любавину угрожали расправой, если он не освободит Бакунина от взятых на себя обязательств по переводу «Капитала» на русский язык. — *274, 276, 310.*

[166] Маркс выслал Даниельсону резолюции Гаагского конгресса 1872 года. — *276.*

[167] Возможно, Маркс намеревался добиваться освобождения Лопатина через английского дипломата Д. Уркарта, с которым продолжал поддерживать знакомство. — *277, 279.*

[168] Сотрудничество Лафарга в русских журналах, о чем хлопотал Маркс через посредство Даниельсона, относится к 80-м годам XIX века. В это время у Лафарга устанавливаются непосредственные дружеские отношения с Даниельсоном, через которого и осуществлялась связь с редакциями ряда русских журналов: «Устои», «Отечественные Записки», «Северный вестник». — *277, 279.*

[169] Намерение Маркса написать биографию Чернышевского или статью о нем осталось невыполненным, поскольку, кроме краткой биографической справки, Даниельсону не удалось в то время раздобыть для Маркса более подробных сведений, относящихся к литературной деятельности Чернышевского, а также к его политическому процессу. — *278.*

[170] А. А. Головачев. «10 лет реформы, 1861—1871». СПб., 1872. Выписки Маркса из этой работы, а также из книги А. И. Скребицкого (см. примечание 146) опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. XII, 1952. — *279.*

[171] Речь идет о партитурах опер Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и «Руслан и Людмила», присланных еще в начале 1871 г. Даниельсоном старшей дочери Маркса Женни по просьбе Г. А. Лопатина. — *279, 283.*

[172] Речь идет о сфабрикованном III отделением при помощи провокатора Всеволода Костомарова подложном «письме Чернышевского» к поэту А. Н. Плещееву, где говорилось о тайном печатании революционных воззваний, печатном станке и т. д. Это подложное письмо сыграло большую роль при осуждении Чернышевского. — *279.*

[173] Имеется в виду «Письмо из провинции», опубликованное в «Колоколе» № 64 от 1 марта 1860 г. за подписью «Русский человек». В письме остро высмеивалась вера Герцена в либерализм Александра II и в начавшийся якобы в России прогресс. Автор письма указывал, что перед Россией стоит один путь обновления — это народное восстание. Обращаясь к Герцену, автор заканчивал письмо словами: «Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в доброе намерение царей. Не Вам ее поддерживать, ... пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! *К топору зовите Русь!*». Автор письма был, очевидно, близок к кругам Чернышевского. — *280.*

[174] В письме к Марксу 3 января 1873 г. Ш. В. Жаклар писал о том, что распространявшиеся слухи о его связях с бакунистом А. Ришаром, ставшим после поражения Парижской Коммуны бонапартистским агентом, являются анархистской клеветой. — *281.*

[175] Возможно, что речь идет о «Старине» — первой части трилогии («Старина», «Пролог», «Утопия»), которую Чернышевский писал в ссылке во второй половине 60-х годов. Рукопись «Старины» не сохранилась. — *283.*

[176] Даниельсон посылает Марксу «Дневник провинциала в Петербурге». Сочинения М. Салтыкова (Щедрина). СПб., 1873. Ниже в письме (в скобках) Даниельсон указывает страницы и главы этого издания. — *284.*

[177] Eugen Jäger. «Der moderne Sozialismus». Berlin, 1873. — *284.*

[178] Статья Н. Г. Чернышевского «Чичерин как публицист» впервые была опубликована в журнале «Современник» за май 1859 года. — *284.*

[179] A. Wagner. «Die Abschaffung des privaten Grundeigentums». Leipzig, 1870 (А. Вагнер. «Уничтожение частной земельной собственности». Лейпциг, 1870). — *286.*

[180] Имеется в виду роман Чарлза Ливера. Перевод с английского языка этого романа, сделанный Чернышевским, публиковался в журнале «Отечественные Записки» за 1854—1855 годы. — *286.*

[181] Добролюбов стал постоянным сотрудником «Современника» (руководителем критико-библиографического отдела) с конца 1857 г., а одним из редакторов «Современника» — с 1858 года. — *287.*

[182] Очевидно, Даниельсон имеет в виду письмо Герцена Серно-Соловьевичу, в котором первый предлагал издавать «Современник» совместно с Чернышевским в Лондоне или Женеве. Это письмо было найдено царской полицией при аресте П. Ветошникова и послужило поводом для ареста Чернышевского 7 июля 1862 года (см. также примечание 27). — *287.*

[183] Биография Н. Г. Чернышевского в «Колоколе» была опубликована в №№ 189 и 190 за 1864 г. без подписи. — *287.*

[184] Полемика между Б. Н. Чичериным и И. Д. Беляевым о происхождении русской общины открылась статьей Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России» в № 1 «Русского вестника» за 1856 г. и критикой этой

статьи Беляевым в № 1 «Русской беседы» за 1856 год. Полемика продолжалась несколько лет. — *288.*

185 Немецкий катедер-социалист А. Вагнер в работе «Уничтожение частной собственности на землю», направленной против решений Базельского конгресса 1869 г. о коллективной собственности на землю, для обоснования своей точки зрения использовал среди прочих материалов ряд работ Чичерина об общинном землевладении в России. — *288.*

186 В данном письме часть названий книг, журналов, а также цитат из них приводится автором на русском языке. В публикуемом тексте исправлены лишь те неточности, которые существенно меняют или искажают смысл упоминаемого или цитируемого источника. — *288.*

187 Рецензия Н. Г. Устрялова на работу Беляева «Крестьяне на Руси» напечатана в книге: «Двадцать девятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 16 июня 1860 года». СПб., 1860. Рецензия В. И. Вешнякова на ту же работу помещена в книге: «Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова. 25 сентября 1860 года». СПб., 1860. — *288.*

188 Характеристика Ивана IV дается в статье Н. Костомарова «Кто виноват в смутном времени? И. Е. Забелину», помещенной в сентябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1872 год. — *289.*

189 Цитируемая здесь глава А. Щапова была напечатана в журнале «Отечественные Записки» №№ 206, 207, 209, за 1873 год.

Ниже Щапов цитирует работу Маврикия «Тактика и стратегия». СПб., 1903, стр. 181. — *291.*

190 *«Survival in culture» («Культурные пережитки»)* — термин, впервые введенный в исследование первобытной культуры выдающимся английским ученым Э. Б. Тэйлором в его книге: «Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев». СПб., 1872. — *301.*

191 *Титотелеры* (teetotallers) — члены общества трезвости, сторонники полного воздержания от алкогольных напитков. В данном случае Маркс имеет в виду бакунистов, проповедовавших воздержание рабочих от участия в политической борьбе. — *310.*

192 Статьи Н. И. Зибера под заглавием «Экономическая теория Маркса» были опубликованы в журнале «Знание» № I, 1874; №№ X, XII, 1876; №№ II, IV, 1877. — *311.*

193 Данное письмо Энгельса Лопатину сохранилось лишь в виде отрывка, который последний цитирует в своем письме к Лаврову от 27 октября 1874 года. Лопатин цитирует отрывок из письма Энгельса на языке оригинала (английском) и предпосылает ему следующие строки: «Энгельс прислал мне сам свою статейку. В письмах, которыми мы обменялись по этому поводу, он уверяет меня, что старался быть сдержанным и не хотел до конца использовать данное положение». — *313.*

194 Имеется в виду выступление Маркса на торжественном собрании 23 января 1875 г. в Лондоне, посвященном двенадцатой годовщине польского восстания 1863—1864 годов. На собрании присутствовали и выступали представители наиболее передовой части революционно-демократической эмиграции Польши, России, Германии, Франции и других стран. Отчет о собрании был опубликован 30 января 1875 г. в польском журнале «Wici» и газете «Dziennik Polski». 15 февраля отчет о собрании

был напечатан в газете «Вперед!» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 553—556). — *314.*

[195] «Что делается на родине?» — отдел издававшегося П. Л. Лавровым журнала «Вперед!»; в этом отделе помещались корреспонденции из России. Название отдела написано Марксом по-русски. — *315.*

[196] В III томе журнала «Вперед!», Лондон, 1874, в отделе «Что делается на родине?» была опубликована без подписи корреспонденция из Иркутска, датированная февралем 1874 года; автором ее был Г. А. Лопатин. В своей статье Лопатин описывал группу сектантов под названием «Не-Наши» (это название в письме написано Марксом по-русски), с которой он столкнулся в Сибири. Эти сектанты, отрицая бога, правительственную власть, собственность, семью, вообще все существующие законы и обычаи, выражали тем самым протест против существующего строя в России. — *315.*

[197] Имеется в виду «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Приложения. I—V. С.-Петербург, 1873. «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов». Т. XXII, ч. I—III. С.-Петербург, 1872—1873. — *316.*

[198] Упомянутая статья П. Л. Лаврова была опубликована без подписи в газете «Вперед!» № 17, 15 сентября 1875 года. — *318, 319, 320.*

[199] Речь идет об анонимно изданной в Брюсселе брошюре: «Quelques mots d'un groupe socialiste révolutionnaire russe à propos de la brochure: Alliance de la Démocratie socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs». Bruxelles («Несколько слов русской группы социалистов-революционеров по поводу брошюры «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»». Брюссель). Автором брошюры был К. Турский. — *318, 319.*

[200] Имеется в виду письмо Ханмана, Кельтинга и других Марксу от 3 сентября 1875 года. — *318.*

[201] Новелла Роберта Бира (псевдоним К. Р. Байера) «Трижды» печаталась в еженедельнике «Über Land und Meer» №№ 4—8 в октябре — ноябре 1875 года. — *321.*

[202] Даниельсон посылает Марксу «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов». Т. XXII. С.-Петербург, 1872—1873. Часть I составляет работа В. Майнова «Разбор соображений и предложений комиссии, составившей сей проект». Часть II — работа С. Ольхина «Основания для преобразования системы прямых налогов, предлагаемые земскими собраниями, управами и комиссиями». Часть III — работа Штофа. Все издание в 23 томах было завершено в 1882 году. — *324, 382.*

[203] Основная часть данного письма была опубликована 31 декабря 1875 г. в газете «Вперед!» № 24, в статье «Годовщина польского восстания 1830 г.», где сообщалось, что «при открытии собрания Врублевский прочел письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (см. примечание 194). — *325.*

[204] Маркс имеет в виду так называемый «союз трех императоров», начало которому было положено во время встречи императоров Германии, Австро-Венгрии и России в Берлине в сентябре 1872 года. — *325.*

[205] Очевидно, речь идет о книге А. В. Советова «О системах земледелия». СПб., 1867. — *326.*

[206] Лавров посылает Марксу прокламацию «Еврейской интеллигентной молодежи», опубликованную в газете «Вперед!» № 38, 1 августа 1876 года. Устав этого общества был напечатан в № 37 той же газеты 15 июля 1876 года. — *330.*

[207] Имеется в виду книга П. Л. Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе», изданная без указания имени автора в качестве первого выпуска IV тома журнала «Вперед!». Книга вышла в свет в Лондоне в первой половине августа 1876 года. — *331.*

[208] Статья Э. де Лавеле «Современный социализм в Германии. I. Теоретики» напечатана в журнале «Revue des deux Mondes» 1 сентября 1876 года. — *333.*

[209] Статья П. Л. Лаврова «Русские перед южно-славянским вопросом» была опубликована без подписи в газете «Вперед!» № 42, 1 октября 1876 года. — *333, 334.*

[210] Данное письмо, за исключением первого абзаца, было опубликовано Лавровым в газете «Вперед!» № 44, 1 ноября 1876 года. — *334.*

[211] С октября 1876 по август 1877 г. Маркс был занят редактированием немецкого перевода книги П. Лиссагаре «История Коммуны 1871 года». — *337.*

[212] По просьбе Маркса П. Л. Лавров составил сводку данных о судебных и полицейских преследованиях в России. Маркс передал рукопись Лаврова члену палаты общин К. О'Клиери, который использовал сведения, полученные от Маркса, и этот материал для своих выступлений на заседаниях палаты общин 3 и 14 мая 1877 г. против правительства Дизраэли. Лавров написал также статью на французском языке «Правосудие в России», которая при содействии Маркса была опубликована в английском еженедельнике «Vanity Fair» 14 апреля 1877 года. — *338, 339, 342.*

[213] Речь идет о статье П. Л. Лаврова «Правосудие в России» (см. предыдущее примечание). — *340, 341.*

[214] Дочь Маркса, Женни, поместила в «Marseillaise» в 1870 г. ряд статей, которые разоблачали репрессии английского правительства против борцов за независимость Ирландии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 609—635). — *343.*

[215] Данное письмо Энгельса Лопатину сохранилось лишь в виде отрывка, который Лопатин цитирует по-французски в своем письме к Лаврову от 17 апреля 1878 года. — *344.*

[216] Упоминаемая здесь статья «Плоды реформ. Очерки успехов экономической эксплуатации в России за последние годы» была опубликована без подписи в журнале «Вперед!», том V, Лондон, 1877, стр. 1—120. Автором этой работы был Н. Г. Кулябко-Корецкий (псевдоним: Даль). Перевод ее на немецкий язык, под названием «Die Folgen der czarischen Reformen» («Последствия царских реформ»), был напечатан в «Vorwärts» 15 февраля — 15 марта 1878 года. — *344, 346, 347.*

[217] Энгельс просил прислать фотографию группы осужденных по процессу 50-ти, который происходил в Петербурге с 21 февраля по 14 марта 1877 года.
Процесс 50-ти — судебное дело революционеров-народников, участников «Всероссийской социально-революционной организации» (П. А. Алексеева, С. И. Бардиной, О. С. и В. С. Любатович, И. С. Джабадари), привлеченных к суду за революционную пропаганду и агитацию.

В письме ниже говорится о *процессе 193-х* по делу революционеров-народников, происходившем в Петербурге с 18 октября 1877 по 23 января 1878 года. — *345, 347, 350.*

[218] Речь идет о статье о судебных процессах над русскими социалистами, которую Энгельс просил написать Лопатина для публикации ее в «Volks-Kalender» на 1879 год. — *346, 354.*

[219] Энгельс имеет в виду следующую заметку в газете «Начало» № 2, апрель 1878 г., раздел «Последние сведения»: «На днях в Петербурге арестованы: 1) *Пьянков,* задержанный полицией на Фурштадтской и до полусмерти избитый ею без всякого повода; выслан (!!) в Архангельск; 2) *Голоушев* — главный свидетель по делу Засулич; 3) *Павловский* и 4) *Лопатин*». — *349, 350.*

[220] Р. Вирхов, ранее приверженец дарвинизма, выступил на 50-м съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене 22 сентября 1877 г. с предложением запретить преподавание дарвинизма, утверждая, что дарвинизм тесно связан с социалистическим движением и поэтому опасен для существующего общественного строя. — *349.*

[221] Полемика в русской печати вокруг первого тома «Капитала» Маркса в 1877—1879 гг., в которой приняли участие виднейшие русские ученые и публицисты того времени, открылась статьей Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы», сентябрь 1877 г.). В ответ на нее появился ряд статей, в том числе присланные Марксу Даниельсоном статья Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале»» («Отечественные Записки», ноябрь 1877 г.) и статья Н. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (см. примечание 46). В 1878 г. с резкой полемикой против Маркса выступил Б. Н. Чичерин, опубликовавший статью «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс» («Сборник государственных знаний», т. VI. С.-Петербург, 1878). Ответом на нее явилась статья Н. Зибера «Б. Чичерин contra К. Маркс» («Слово», февраль 1879 г.). — *350, 352.*

[222] Работа Н. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» была опубликована в 1885 году. — *350.*

[223] Имеется в виду статья Б. Н. Чичерина «Немецкие социалисты: I. Лассаль» и «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс», опубликованная в «Сборнике государственных знаний», тт. V и VI. СПб., 1878. — *351, 355.*

[224] Часть этого письма была приведена Н. Ф. Даниельсоном в предисловии к первому русскому изданию II тома «Капитала» (К. Маркс. «Капитал», т. II. С.-Петербург, 1885). — *351, 376, 424.*

[225] Речь идет о мирном договоре, который был заключен после русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) 3 марта (19 февраля) 1878 г. в Сан-Стефано. — *354.*

[226] Лопатин имеет в виду ту обстановку, которая сложилась в Германии после принятия германским рейхстагом в октябре 1878 г. исключительного закона против социалистов. — *354.*

[227] В начале 1879 г. Лопатин возвратился в Россию, но через шесть дней после приезда был арестован и сослан сначала в Ташкент, а затем в Вологду. Только в 1883 г. ему удалось снова бежать за границу (см. также примечание 264). — *356, 382, 406, 424, 456.*

[228] Данное письмо Даниельсона сохранилось в двух вариантах: в виде чернового наброска, начатого рукой неизвестного и законченного Даниельсоном, и в виде

беловика, написанного печатными буквами и имеющего свою пагинацию. В обоих вариантах начало письма отсутствует. Второй вариант начинается словами: «Так как Вам известно из прежних писем...». В настоящем сборнике текст письма публикуется с учетом обоих вариантов. — *357*.

229 Приводимые здесь цифровые данные Даниельсон заимствует из «Военно-статистического сборника. Выпуск IV. Россия», изданного в С.-Петербурге в 1871 году. — *359*.

230 Публикации официальных материалов русского правительства (см. примечание 197) Даниельсон по аналогии с публикациями английского парламента называет Синими книгами (Blue Books). — *360*.

231 Упоминаемый Даниельсоном «Сборник статистических сведений по Московской губернии» был издан в четырех томах в 1877—1879 годах. — *366*.

232 Байрон. «Дон Жуан», песнь 13, строфа 99. — *371*.

233 Байрон. «Дон Жуан», посвящение, строфа 14. Изобличение английского министра виконта Каслри, содержащееся в этой строфе, Даниельсон удачно использует для характеристики реакционной русской печати. — *371*.

234 Н. Кареев. «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Москва, 1879. Эта книга была переслана Марксу М. М. Ковалевским, с согласия ее автора. — *375*.

235 *Параферналии* — юридический термин, существующий со времен римского права, обозначающий исключительную собственность, имущество жены, не входящее в состав приданого. — *376*.

236 И. С. Блиох. «Влияние железных дорог на экономическое состояние России». Тт. 1—5. СПб., 1878. — *392*.

237 В. П. Безобразов. «Хлебная торговля в северо-восточной России». Тт. 1—2. СПб., 1870. — *392*.

238 Имеется в виду книга М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть I: «Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение». Москва, 1879. Эту работу Ковалевский послал Марксу, который внимательно изучал ее, делая при этом подробные выписки о характере общины, о месте и социально-экономической роли ее в разные эпохи и у разных народов. В библиотеке Маркса сохранился экземпляр этой работы с дарственной надписью автора Марксу. — *396*.

239 «Nature. A Weekly Illustrated Journal of Science», т. XIX, 24 апреля, 1879, стр. 588—590. — *403*.

240 В письме к Лаврову от 24 марта 1880 г. Подолинский писал о намерении послать Марксу работу о труде. Очевидно, «Le travail humain et la conservation de l'energie» («Труд человека и сохранение энергии»). Сохранился конспект Маркса этой работы. — *405*.

241 S. Podolinski. «Le Socialisme et l'Unité des Forces physiques» (С. Подолинский. «Социализм и единство физических сил»). Статья опубликована в журнале «La Revue socialiste» № 8, 20 июня 1880 г. — *405*.

242 *Mechanics' Institutions* — вечерние школы, в которых рабочим преподавались некоторые общеобразовательные и технические предметы; впервые такие

школы появились в Англии в 20-х годах XIX в., главным образом в фабричных городах. — *407*.

[243] Речь идет о так называемых Синих книгах «Reports of the commissionners appointed to inquire into the state of popular education in England 1861» («Отчеты членов комиссии по обследованию состояния народного образования в Англии в 1861 г.») и «Reports of reformatory and industrial school» («Отчеты об исправительных заведениях для малолетних преступников и ремесленных училищах»). — *409*.

[244] C. Hippeau. «L'Instruction publique aux États-Unis». Paris, 1869 (С. Иппо. «Общественное обучение в Соединенных Штатах». Париж, 1869) и A. Studnitz. «Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse». Leipzig, 1879 (А. Штудниц. «Условия жизни рабочих в Северной Америке». Лейпциг, 1879). — *411*.

[245] Н. Каблуков. «Очерк хозяйства частных землевладельцев». Напечатан в «Сборнике статистических сведений по Московской губернии», т. V. Вып. I, Москва, 1879. — *420*.

[246] Даниельсон цитирует первое французское издание работы Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 96—97). — *423*.

[247] Речь идет о статье Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной им под псевдонимом Николай —он в журнале «Слово» (октябрь 1880 г.). В статье Даниельсон приводит выдержки из «Капитала», «Нищеты философии», «Анти-Дюринга» и письма Маркса к нему от 10 апреля 1879 года. — *430*, *434*, *437*, *440*, *620*.

[248] Имеется в виду «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Вып. I. СПб., 1880 и «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины» под ред. Барыкова, Половцева и Соколовского, вып. I. СПб., 1880. — *431*.

[249] М. К. Горбунова. «Кружевной промысел». Напечатана в «Сборнике статистических сведений по Московской губернии», т. VI. Вып. II. Москва, 1880. — *431*.

[250] Упоминается статья М. Антоновича «О реформах крестьянской и общественно-хозяйственной», напечатанная в журнале «Новое обозрение» за январь 1881 г., книга первая. — *434*.

[251] Речь идет о рукописи статьи П. Лафарга «Движение поземельной собственности во Франции», напечатанной затем в журнале «Устои» №№ 3, 4 и 6 за 1882 год. — *436*, *441*, *446*, *453*, *458*, *464*, *473*.

[252] Книга Э. Р. Ланкестера «Degeneration. A chapter in darwinism». London, 1880, появилась в русском переводе в 1883 г. в Петербурге под названием «Вырождение. Глава из теории развития (дарвинизма)». — *439*, *441*.

[253] Работа Ю. Э. Янсона «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств» в двух томах вышла в С.-Петербурге в 1878—1880 годах. — *439*, *443*.

[254] Ответ Даниельсона под названием «Замечания на статью г-на Антоновича «О реформах крестьянской и общественно-хозяйственной»» был опубликован за подписью «Николай —он» в журнале «Новое обозрение», февраль 1881 г., книга вторая. — *440*.

[255] Сообщение об отчете Государственного банка было опубликовано в газете «Порядок» № 52, 22 (6) февраля 1881 г., без подписи и заглавия. — *441*.

[256] В процессе подготовки ответа на письмо В. И. Засулич от 16 февраля 1881 г. Марксом были составлены четыре наброска, представляющие в совокупности глубокий в теоретическом отношении обобщающий очерк о русской крестьянской общине, о коллективной форме сельскохозяйственного производства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 400—421). — *443*.

[257] В газете «Times» № 30141 от 14 марта 1881 г. была опубликована статья «Alexander II». — *444*.

[258] Имеется в виду номер газеты «Times» № 30155 от 30 марта 1881 г., в котором была напечатана корреспонденция из России о суде над участниками убийства Александра II (см. примечания 52 и 53). — *445*.

[259] Упоминаемое здесь письмо Исполнительного комитета Марксу наряду с другими документами Комитета о Гартмане было опубликовано также в газете «Sozialdemokrat» № 35, 25 августа 1881 г. — *449*.

[260] Брошюра П. Лаврова «18 марта 1871 года», посвященная Парижской Коммуне, вышла в Женеве в 1880 г. в издании «Русской социально-революционной библиотеки», кн. I.

Перевод книги Шеффле «Die Quintessenz des Socialismus» был осуществлен В. Тарновским и издан под названием «Сущность социализма» с примечаниями Лаврова в Женеве в 1881 г. в издании «Русской социально-революционной библиотеки», кн. II. — *457*.

[261] Письма А. Энгельгардта «Из деревни» были напечатаны в журнале «Отечественные Записки» в 11 номерах с 1872 по 1881 год. В экземплярах Маркса этого журнала имеются заметки и подчеркивания.

Ниже Даниельсон цитирует стихотворение Некрасова «О Муза! Я у двери гроба», 1877 год. — *474*.

[262] Имеется в виду книга Ф. Ф. Эрисмана «Некоторые результаты санитарного исследования фабричных заведений Московского уезда. (Из предварительного сообщения, прочитанного на V съезде земских врачей Московской губернии)». М., 1881. — *475*, *616*.

[263] Написанное П. Лавровым 15 марта 1883 г. обращение «На могилу Карла Маркса от русских социалистов» было зачитано Ш. Лонге на похоронах Маркса на Хайгетском кладбище 17 марта 1883 года. (Текст обращения см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 352—353). — *480*.

[264] В феврале 1883 г. Г. А. Лопатин бежал из вологодской ссылки в Париж, а оттуда перебрался в Лондон (см. также примечание 227). — *484*, *485*, *487*.

[265] Сообщение о возложении венков от русских студентов Энгельс опубликовал в газете «Sozialdemokrat» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 355—358). — *486*.

[266] Засулич посылает Энгельсу объявление *«Об издании библиотеки современного социализма»*, выпущенное в Женеве русскими социал-демократами 13 (25) сентября 1883 года. Объявление явилось первым программным документом группы «Освобождение труда», в котором были изложены основные принципы, цели и задачи этой группы, положено начало марксистскому направлению в русской общественной мысли. В объявлении говорилось: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с опре-

деленной социально-политической программой, бывшие члены группы *«Черного передела»* образуют ныне новую группу — *«Освобождение труда»* и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями» (см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 29).

Первая марксистская группа, в состав которой входили Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов, развернула активную деятельность по переводу на русский язык, изданию и распространению в России важнейших произведений Маркса и Энгельса. Кроме «Манифеста Коммунистической партии» (см. примечание 54), группа издала осенью 1883 г. (в серии «Русской социально-революционной библиотеки» в переводе и с предисловием Дейча) работу Маркса «Наемный труд и капитал». В приложении к этой брошюре была помещена большая часть биографии Маркса, опубликованной Энгельсом в 1878 г. и один из разделов «Капитала». В 1884 г. в переводе Засулич вышла работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В качестве приложения к книге публиковалась глава «Теория насилия» из работы Энгельса «Анти-Дюринг». В 1886 г. в том же переводе была издана «Нищета философии» Маркса. В 1885 г. Плеханов перевел известную «Речь о свободе торговли» Маркса, в 1892 г. в его переводе вышел труд Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Приложением к книге были помещены тезисы Маркса о Фейербахе и раздел из работы Маркса и Энгельса «Святое семейство». Из работ о России группа издала известную книгу Энгельса «О социальном вопросе в России», а также его статью «Внешняя политика русского царизма» (см. примечания 43 и 64). Ряд произведений Маркса и Энгельса в переводе членов группы «Освобождение труда» был издан в литографированном виде непосредственно в России, что свидетельствует о связях ее с русскими нелегальными организациями в самой России, например, с московским студенческим «Обществом переводчиков и издателей» (см. примечания 46 и 276).

Группа «Освобождение труда» поддерживала контакты со многими видными деятелями рабочего и социалистического движения других стран: Англии (Элеонорой Маркс и Эдуардом Эвелингом), Болгарии (Благоевым), Франции (Ж. Гедом и П. Лафаргом), Италии (Лабриолой) и т. д. Наиболее тесными были ее связи с деятелями германской социал-демократии. Плеханов переписывался с Либкнехтом, Каутским; члены группы (Плеханов, Аксельрод, Засулич) сотрудничали в немецкой печати. В свою очередь в журнале «Социаль-демократ» печатали статьи деятели рабочего движения Германии и других стран. Материалы настоящего сборника свидетельствуют о тесных дружеских связях руководителей группы «Освобождение труда» с Энгельсом, который оказывал им большую помощь и всемерную поддержку в их деятельности по распространению идей научного социализма в России. — *489, 497, 503, 508, 569, 684.*

[267] Энгельс послал Лаврову номер газеты «The Standard» от 11 января 1884 г., в котором было помещено интервью начальника петербургской полиции по поводу убийства в Петербурге (16 декабря 1883 г.) инспектора тайной полиции подполковника Судейкина. В интервью высказывалось предположение, что убийцами руководили из Парижа Лавров и Тихомиров. — *491, 493.*

[268] Выписки Маркса из русских источников, в основном относящиеся к третьему тому «Капитала», частично опубликованы Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, 1948; т. XII, 1952; т. XIII, 1955). — *492, 728.*

[269] Энгельс имеет в виду вышедший в 1882 г. в переводе Плеханова «Манифест Коммунистической партии», а также выпущенную в Женеве осенью 1883 г. работу К. Маркса «Наемный труд и капитал» (см. примечания 54 и 266). — *492.*

[270] Речь идет о письме Л. Кшивицкого 23 января 1884 г., в котором он просил у Энгельса разрешения издать первый том «Капитала» на польском языке. Перевод, осуществленный под редакцией Кшивицкого (переводчики С. Крусинский, К. Плавинский, М. Бшезинский, Ю. Семашко), издавался в трех выпусках в 1884—1889 годах. В виде отдельной книги польское издание «Капитала» вышло в Лейпциге в 1890 г., один экземпляр этого издания был послан Энгельсу. — *492, 493.*

[271] В упомянутом обзоре «За пределами России», напечатанном в «Вестнике Народной Воли», том 2, 1884 г., Лавров сообщал о подготовляемом Энгельсом издании второго тома «Капитала», полного собрания сочинений Маркса и его биографии. — *493.*

[272] G. Deville. «Le Capital de Karl Marx. Résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique». Paris, [1883] (Г. Девиль. ««Капитал» Карла Маркса. Краткое изложение с очерком научного социализма». Париж [1883]). — *493, 495, 499.*

[273] Третье немецкое издание первого тома «Капитала» вышло в 1883 году. — *493, 495.*

[274] Первое русское издание второго тома «Капитала» вышло в Петербурге в 1885 г. в переводе и с предисловием Даниельсона. Отметив большое научное значение издания, Даниельсон дал здесь краткий очерк экономических занятий Маркса в 70—80-х годах. (См. также примечание 293). — *495, 533, 535, 536, 581.*

[275] Первый русский перевод работы К. Маркса «Нищета философии» был сделан В. И. Засулич (см. примечание 266) с первого немецкого издания этой работы, вышедшего в 1885 году. — *497, 498, 535.*

[276] Литографированное издание «Социалистическое знание» было предпринято нелегальным кружком, известным под названием «Общество переводчиков и издателей». Это общество, образовавшееся в 1882 г. в Москве преимущественно из революционно настроенных студентов (П. А. Аргунов, В. Т. Распопин, Л. Ф. Янович и другие), ставило своей задачей перевод и публикацию наряду с работами других авторов также и произведений Маркса и Энгельса. Им были выпущены тиражом в несколько сот экземпляров «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «К жилищному вопросу», «Гражданская война во Франции». На страницах «Социалистического знания» (Москва, 1884 г.) напечатаны работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» под заглавием «Социализм утопический и социализм научный», введение и первые четыре главы «Положения рабочего класса в Англии». Издания «Общества» распространялись во многих городах России. «Общество» поддерживало связь с группой «Освобождение труда» (см. примечание 266). Деятельность «Общества» прекратилась в мае 1884 г., когда оно было разгромлено полицией. — *502, 503.*

[277] Л. Дейч был арестован в марте 1884 г. на границе с Германией при попытке переправить в Россию транспорт с марксистской литературой и через два месяца выдан царским властям, затем приговорен к ссылке на каторжные работы. — *504.*

[278] Первый русский перевод письма Маркса в редакцию «Отечественных Записок», осуществленный, по-видимому, В. Засулич, был вначале издан непосредственно в России в 1885 г. в литографированном виде. Издатель сопроводил эту публикацию следующим примечанием: «Ввиду появления и в нашей революционной литературе «более марксистов, чем сам Маркс», печатаем это письмо, как интересный документ, нигде еще не обнародованный». Большая часть этого издания попала в руки полиции. В русской заграничной печати письмо было напечатано в Женеве в «Вестнике Народной Воли» № 5, 1886 г. (см. также примечание 46). — *504.*

[279] Было ли осуществлено это намерение В. Засулич, установить не удалось. О первом русском легальном издании работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» см. примечание 374. — *504*.

[280] В «Вестнике Народной Воли» № 4 за 1885 г. в разделе «Заметки о новых книгах» была помещена подробная рецензия на вышедшую работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — *505*.

[281] Речь идет о крупной победе Социал-демократической партии Германии, одержанной на выборах в рейхстаг 28 октября 1884 г. — *505*.

[282] Имеется в виду арест Г. Лопатина в Петербурге 6 октября 1884 года. Лопатин находился под следствием до мая 1887 г. и 4 июня 1887 г. на «процессе 21-го» был приговорен к смертной казни, которая была впоследствии заменена бессрочным заключением в Шлиссельбургской крепости. — *506*, *521*, *530*, *548*, *631*, *653*, *654*.

[283] G. Gross. «Karl Marx». Leipzig, 1885. — *506*, *640*.

[284] Упомянутая рецензия на статью Энгельса «Маркс и Родбертус» была опубликована Лавровым в «Вестнике Народной Воли» № 5 за 1886 год. — *507*.

[285] Имеется в виду второе издание книги Н. И. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», вышедшее в С.-Петербурге в 1885 г. — *509*.

[286] И. И. Янжул. «Фабричный быт Московской губернии». М., 1882. П. А. Песков. «Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве». М., 1882. — *509*.

[287] Речь идет о рукописи Маркса «К критике политической экономии», написанной в 1861—1863 годах. Характеристику этой рукописи см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 24, стр. 4—5. Наиболее разработанной частью этой рукописи являются «Теории прибавочной стоимости» — IV том «Капитала» (см. там же, т. 26, ч. I—III). — *512*.

[288] Энгельс имеет в виду неоднократно употребляемое Плехановым в его работе «Наши разногласия» выражение о том, что общинные отношения в России находятся в состоянии неустойчивого равновесия. — *514*.

[289] Имеется в виду следующее место из книги Плеханова «Наши разногласия»: «Я думаю, что потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую». — *514*.

[290] Очевидно, В. Засулич послала Энгельсу очередные выпуски группы «Освобождение труда», изданные в 1885 году: «Речь о свободе торговли» Маркса (см. примечание 266), брошюру П. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия» и русский перевод (с польского языка) брошюры С. Дикштейна «Кто чем живет?» с предисловиями Плеханова. — *515*.

[291] J. Rae. «Contemporary Socialism». London, 1884. — *517*.

[292] Энгельс имеет в виду 6 отдел III тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 163—379). — *517*.

[293] Специального предисловия к русскому переводу II тома «Капитала» Энгельс не написал. Перевод его предисловия к первому немецкому изданию II тома был помещен в русском издании (СПб., 1885 г.) в сокращенном виде, вторая половина

предисловия, содержащая критику Родбертуса, была опущена (см. также примечание 274). — *519.*

[294] D. Diderot. «Oeuvres». Paris, 1821, t. II, p. 212. Цитируемое Даниельсоном место из работы Д. Дидро «Философские принципы, о материи и движении» см. в собрании его сочинений в десяти томах, т. I, стр. 359. М., 1935. — *521.*

[295] Письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок» не было опубликовано в «Северном вестнике» (см. примечания 46 и 278). — *522, 523.*

[296] Энгельс послал Лаврову вышедшую в начале октября 1885 г. в Цюрихе брошюру «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов по обвинению в призыве к вооруженному сопротивлению» со своим предисловием (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 254—272 и т. 21, стр. 206—212). — *528.*

[297] *Катедер-социалисты* — представители одного из направлений в буржуазной идеологии в 70—90-х годах XIX в.; катедер-социалисты (А. Вагнер, Г. Шмоллер, Л. Брентано, В. Зомбарт и др.) проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазный реформизм. — *529.*

[298] Энгельс послал Лаврову второе немецкое издание своей работы «Анти-Дюринг» (1886) и русское издание II тома «Капитала» Маркса, вышедшее в 1885 году. — *532.*

[299] Из упоминаемых здесь Энгельсом писем Даниельсона Институт марксизма-ленинизма располагает одним — от 19 (31) декабря 1885 года. Заметки Даниельсона об экономическом положении России содержались, по-видимому, в остальных письмах. — *533.*

[300] Лавров получил от Энгельса №№ 4 и 5 журнала «Neue Zeit» за апрель и май 1886 г. со статьей Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также брошюру В. Вольфа «Силезский миллиард» с введением Энгельса. — *536.*

[301] Имеются в виду «23 сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, изданные в С.-Петербурге в 1886 году. — *539, 540.*

[302] Речь идет о работе Кейслера «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland». Theile I—IV. Riga, Moskau, Odessa, St.-Petersburg, 1876—1887. — *541, 543.*

[303] Государственный дворянский земельный банк, созданный в 1885 г., предназначался для поддержания помещичьего землевладения путем выдачи дворянам кредита под залог земель на выгодных для помещиков условиях. — *542, 543, 555, 630, 692.*

[304] Подобные высказывания встречаются в работах Герцена «Письма из Франции и Италии» (письмо первое) и «О развитии революционных идей в России». — *544.*

[305] Рецензия на английское издание первого тома «Капитала» была помещена в журнале «Athenaeum» № 3027, 5 марта 1887 года. — *544.*

[306] Энгельс, очевидно, имеет в виду Сиднея и Беатрису Веббов, Джорджа Бернарда Шоу, Эдуарда Пиза, принадлежавших к английской реформистской организации — Фабианскому обществу, основанному представителями буржуазной интеллигенции в 1884 году. — *546.*

[307] Энгельс послал Даниельсону свое предисловие, которое он написал для отдельного издания брошюры Маркса «Речь о свободе торговли», вышедшей на английском языке в Бостоне в сентябре 1888 года. В немецком переводе Энгельса это предисловие было вначале опубликовано в журнале «Neue Zeit» № 7, июль 1888 г. под заглавием «Протекционизм и свобода торговли». — *548.*

[308] Очевидно, Даниельсон сообщал о статье Лафарга «Машина как фактор прогресса», опубликованной в журнале «Северный вестник» № 4, 1889 г., и статьях Каутского «Артур Шопенгауэр» («Северный вестник» № 12, 1888) и «Противоречия классовых интересов в 1789 году» («Северный вестник» №№ 4—6, 1889). — *548.*

[309] Статья Лафарга об эволюции собственности в журнале «Северный вестник» опубликована не была. — *549, 550, 552, 570, 571.*

[310] Речь идет о письме Броше Энгельсу около 25 июля 1889 года. — *551.*

[311] Имеется в виду Международный социалистический рабочий конгресс 1889 г. в Париже, явившийся фактически учредительным конгрессом II Интернационала. — *551.*

[312] Русский перевод «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса под редакцией Лаврова, очевидно, не был выполнен. Первое русское издание этой работы вышло в 1894 г. в переводе Б. Кричевского. — *552.*

[313] Выражение: *«Hic Rhodus, hic salta!» («Здесь Родос, здесь прыгай!»)* в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» передано немецкими словами: «Hier ist die Rose, hier tanze!» («Здесь роза, здесь танцуй!»); эта перефраза дана Гегелем в предисловии к книге «Философия права». — *552.*

[314] Даниельсон послал Энгельсу «Статистический ежегодник по Московской губернии за 1889 г.», в котором были напечатаны статьи Н. Н. Черненкова: «Крестьянский кредит в Московской губернии, по сообщениям гг. корреспондентов» и «Некоторые сведения о крестьянских общественных займах в Московской губернии (по исследованиям 1876—1878 гг.)». — *556, 572.*

[315] Элеонора Маркс-Эвелинг по просьбе редакции журнала «Социаль-демократ», издаваемого группой «Освобождение труда», написала статью о стачке лондонских докеров, происходившей в 1889 году. Статья была опубликована в первом номере этого журнала за февраль 1890 года. — *557.*

[316] Даниельсон поздравляет Энгельса с победой, одержанной немецкой социал-демократической партией на выборах 20 февраля 1890 года. — *558.*

[317] В февральском номере журнала «Социаль-демократ» за 1890 г., переданном Энгельсу С. М. Кравчинским (Степняком), были напечатаны статьи «Революционеры из буржуазной среды» В. Засулич и «Н. Г. Чернышевский» (статья первая) Г. Плеханова (вторая статья была опубликована в августовском номере журнала). — *559.*

[318] В 1888—1890 гг. широкую известность получили факты жестокого обращения с политическими заключенными в Сибири благодаря опубликованию в издававшемся в Нью-Йорке журнале «The Century Illustrated Monthly Magazine» серии статей американского журналиста Джорджа Кеннана «Сибирь и ссыльная система», написанных под впечатлением поездки по Сибири в 1885—1886 годах.

В ноябре — декабре 1887 г. произошли серьезные волнения среди студентов Московского университета, в Харькове, Одессе, Казани, Петербурге. Они были направлены против реакционного университетского устава, сводившего на нет автоно-

мию университетов. Волнения были подавлены с помощью полиции и войск. Многие их участники подверглись различным репрессиям. — *560.*

319 Благодаря усилиям С. М. Кравчинского (Степняка) в Англии в 1890 г. было создано общество «Друзей русской свободы», которое ставило своей задачей пробуждение в Западной Европе симпатий к русскому революционному движению. В 1891—1900 гг. общество издавало газету «Free Russia». — *561, 642.*

320 *Конституционалисты* — представители либерального земского движения, стремившиеся к умеренным конституционным преобразованиям в России. — *561.*

321 Речь идет о статье Бека «Erwiderung» («Возражение»), напечатанной в газете «Sozialdemokrat» № 14, 5 апреля 1890 года. В статье содержались нападки на предисловие Плеханова к брошюре «Речь Петра Алексеева» (изданной в 1889 г.), в котором Плеханов отмечал важность политической пропаганды среди рабочих, предостерегал их против «ложных друзей» из числа либеральной интеллигенции. — *561, 564, 566.*

322 В марте 1882 г. в результате террористического акта, совершенного Желваковым и Халтуриным, был убит (в Одессе) военный прокурор Стрельников. — *562.*

323 Статья «Очерки социального движения», которую разбирает В. Засулич, была напечатана в газете «Свободная Россия» № 2 за 1889 год. — *563.*

324 В статье «Aus der russischen Bewegung» («О русском движении»), опубликованной в газете «Sozialdemokrat» № 12, 22 марта 1890 г. за подписью Zkw (возможно псевдоним К. Цеткин), автор одобрял деятельность группы «Освобождение труда», выражал согласие с предисловием Плеханова к «Речи Петра Алексеева» (см. примечание 321). — *564, 565.*

325 *Поссибилисты* — представители оппортунистического течения во французском социалистическом движении, возглавлявшегося Бруссом, Малоном и другими.

«Революционеры» — представители революционного направления в Социал-демократической партии Дании (образовалась в 1876 г.) во главе с Триром и Петерсеном, группировавшегося вокруг газеты «Arbejderen». — *566.*

326 Статья Плеханова «Н. Г. Чернышевский» была опубликована в журнале «Die Neue Zeit» №№ 8 и 9 за 1890 г. и вышла отдельным изданием в Штутгарте в 1894 году. — *567, 684, 687.*

327 В газете «Free Russia» статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма» не появилась. — *569.*

328 Даниельсон цитирует письмо к нему Н. А. Каблукова от 17 июня 1890 года. — *573.*

329 Имеется в виду первый съезд германской социал-демократии после отмены закона против социалистов, состоявшийся в Галле 12—18 октября 1890 года. — *574.*

330 Подразумеваются издания Департамента земледелия и сельской промышленности: «Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России». СПб., 1890 и «Продажные цены на землю». СПб., 1891. — *576.*

331 Перевод и примечания Герценштейна к статье «Нормальный рабочий день Родбертуса» были напечатаны в журнале «Юридический вестник», кн. I, за 1891 год. — *581.*

332 Энгельс послал Даниельсону отдельное немецкое издание работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» со своим введением к этому изданию (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 428—459 и т. 22, стр. 204—212). — *583.*

[333] Речь идет о втором и четвертом немецких изданиях работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В этих изданиях, в качестве приложения, была напечатана работа Энгельса «Марка» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 327—345). В четвертом немецком издании Энгельс опустил в тексте «Марки» следующее место о русской общине: «Это сохранение более крупных марок является существенным отличием немецкой общинной собственности от теперешней русской; в России каждая сельская община имеет свою собственную, обособленную общую землю, поскольку эта земля посредством отмены крепостного права не отнята у общины и не передана помещику». К данному месту Энгельс дал подстрочное примечание: «Указанием на это, в высшей степени важное в своих исторических последствиях, различие я обязан *Марксу,* который во всем, что касается первобытного состояния человеческого общества, несомненно является первым авторитетом. Будем надеяться, что второй том «Капитала», в котором в связи с исследованием земельной ренты рассматривается также и земельная собственность, сообщит нам, по крайней мере, главные результаты исследований Маркса». В издании 1891 г. Энгельс вместе с текстом снял и это примечание. Опущенное Энгельсом место в тексте «Марки» см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 331 после слов «Марка включает от 6 до 12 сел». — *593.*

[334] В указанном Даниельсоном обзоре из «Вестника финансов, промышленности и торговли» № 40, 6 (18) октября 1891 г. данные об общем потреблении хлопка в России не обнаружены. — *594.*

[335] Д. Менделеев. «Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». СПб., 1891—1892. — *600.*

[336] В 1892 г. царское правительство приняло решение о закрытии Петровской земледельческой академии ввиду «неблагонадежности» ее профессоров и студентов. — *602.*

[337] Упоминаемая здесь статья В. П. Воронцова «Крестьянская община» была помещена в книге «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I. М., 1892. Народнические взгляды Воронцова, развиваемые в этой и других его статьях и книгах, подвергнуты критическому разбору во многих произведениях В. И. Ленина 90-х годов. — *603, 614.*

[338] Речь идет об издании русского перевода работы К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Это издание в то время не вышло. — *604.*

[339] Это предположение Даниельсона, по-видимому, в то время не оправдалось. Впервые на русском языке воспоминания П. Лафарга о Марксе были опубликованы в сокращенном виде в журнале «Новое слово», кн. II за август 1897 года. Отдельным изданием они вышли в Одессе в 1905 году. — *604.*

[340] Н. Каблуков. «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве». М., 1884. — *605, 614.*

[341] На стр. 116 книги Н. Каблукова (см. предыдущее примечание), на которую ссылается Даниельсон, приводится цитата из второго немецкого издания работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». При цитировании Каблуков допустил некоторые пропуски и фактические неточности. — *605.*

[342] Во втором томе «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики» (Дерпт, 1892) была помещена работа Карышева «Крестьянские вненадельные аренды». — *607, 614.*

[343] Речь идет о переводе В. Адлером на немецкий язык книги С. М. Кравчинского (Степняка) «The Russian Peasantry» («Русское крестьянство»), вышедшей на английском языке в издательстве С. Зонненшайна в 1888 году. Книга вышла в свет в издательстве Дица в Штутгарте в 1893 г. под названием «Der Russische Bauer» («Русский крестьянин»). — *622, 632, 633.*

[344] Здесь и ниже Даниельсон неточно цитирует письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (сравни настоящий сборник, стр. 78 и 79). — *627.*

[345] Даниельсон ссылается на страницы работы В. П. Воронцова «Крестьянская община», помещенной в указанном томе за подписью «В. В.» (см. примечание 337). — *627.*

[346] [А. С. Ермолов]. «Неурожай и народное бедствие». СПб., 1892. — *630.*

[347] Имеется в виду статья «Eine Auseinandersetzung» («Разногласия»), напечатанная в газете «Frei-Russland» № 9 за сентябрь 1892 г. за подписью W. A. (инициалы редактора газеты В. Андерфурена). В статье в резкой форме осуждалась точка зрения руководителей русской социал-демократии (имена их не назывались) на роль пролетариата в предстоящей революции в России. — *633.*

[348] Отрывок из упомянутого письма Лопатина был впервые напечатан с согласия Энгельса в книге «Основы теоретического социализма и их приложение к России», вышедшей в Женеве в 1893 году (см. примечание 58). — *635, 654.*

[349] Воспоминания П. Лафарга о Марксе были впервые опубликованы на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, №№ 1 и 2 за 1890—1891 годы. О русском переводе воспоминаний см. примечание 339. — *640.*

[350] Шмуйлов перечисляет здесь следующие работы: W. Eichhoff. «Die Internationale Arbeiterassociation. Ihre Gründung, Organisation, politisch-sociale Thätigkeit und Ausbreitung». Berlin, 1868 (В. Эйххоф. «Международное Товарищество Рабочих. Его основание, организация, общественно-политическая деятельность и распространение». Берлин, 1868). E. Fribourg. «L'Association internationale des travailleurs». Paris, 1871 (Фрибур. «Международное Товарищество Рабочих». Париж, 1871). G. Molinari, de. «Le mouvement socialiste et les réunions publiques». Paris, 1872 (Г. Молинари, де. «Социалистическое движение и публичные собрания». Париж, 1872). É. Laveleye, de. «Le Socialisme contemporain». Bruxelles, La Haye, 1881 (Э. Лавеле, де. «Современный социализм». Брюссель, Гаага, 1881). — *640.*

[351] Первое русское издание книги А. Бебеля вышло в 1895 г. в Лондоне под названием «Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени». Издатель сделал на книге следующую пометку: «Единственное автором разрешенное русское издание». — *642.*

[352] Zacher. «Die Rothe Internationale». Berlin, 1884 (Цахер. «Красный Интернационал». Берлин, 1884). — *643.*

[353] В газете «Berliner Volks-Tribüne» в августе — декабре 1892 г. была напечатана серия статей швейцарского социалиста Л. Эритье под общим заглавием «Die Juraföderation und Michael Bakunin» («Юрская федерация и Михаил Бакунин»). В этих

статьях, основанных почти исключительно на бакунистских материалах, фальсифицированно освещалась история организаций I Интернационала в Швейцарии, оправдывалась подрывная раскольническая деятельность бакунистов, особенно анархистской Юрской федерации. — *643.*

[354] Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в 1893 г. в С.-Петербурге под псевдонимом Николай—он. Эта книга, в которой развивались свойственные либеральным народникам взгляды на крестьянскую общину и судьбы капитализма в России, вызвала острую полемику среди русских марксистов. Плеханов, Засулич и другие русские социал-демократы обращались к Энгельсу с просьбой выступить в русской печати по этим спорным в то время вопросам. Этим выступлением Энгельса явились предисловие и послесловие к брошюре «О социальном вопросе в России». Критика этой книги Даниельсона дается во многих работах В. И. Ленина 90-х годов. — *647, 651, 652, 660, 666, 674, 676, 693, 695, 709, 728, 733.*

[355] Плеханов имеет в виду свое пребывание в Лондоне в июле 1889 г., когда он впервые встретился с Энгельсом. — *648.*

[356] Упоминаемые статьи Плеханова вышли отдельной брошюрой под заглавием «Beiträge zur Geschichte des Materialismus, I. Holbach. II. Helvetius. III. Marx» («Очерки по истории материализма, I. Гольбах. II. Гельвеций. III. Маркс») в Штутгарте в 1896 году. — *648.*

[357] Плеханов имеет в виду свою статью «Zu Hegel's sechzigstem Todestag» («К 60-летию со дня смерти Гегеля»), опубликованную в «Neue Zeit», Bd. I, №№ 7—9, 1891—1892 годы. — *649.*

[358] I. A. Hourwich. «The Economics of the Russian village». New York, 1892. Русское издание этой книги вышло в переводе с английского А. Санина под редакцией и с предисловием Гурвича в Москве в 1896 году. — *650, 655, 732.*

[359] Эта статья И. Гурвича была опубликована в русской газете «Прогресс» №№ 11, 13 и 14, 19 февраля, 4 и 11 марта 1892 года. — *650.*

[360] Даниельсон цитирует в собственном переводе письма Энгельса к нему от 15 марта 1892 г. и 24 февраля 1893 года. — *651.*

[361] Плеханов посылает обращение «К лондонским рабочим» о 8-часовом рабочем дне для митинга в Лондоне 7 мая 1893 года. В обращении, подписанном Плехановым и Засулич, подчеркивалось международное значение борьбы рабочих за 8-часовой рабочий день. Текст обращения см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. I, стр. 268. — *653.*

[362] Ж. Гед в своем ярком выступлении на первомайском празднике в Женеве в 1893 г., на который он был приглашен от имени швейцарских социалистов Плехановым, разъяснял цели и средства борьбы социалистов, призывал рабочих к объединению своих сил. — *653.*

[363] Лавров послал Энгельсу брошюру «Самоубийство Людвига Савицкого», изданную в Женеве в 1893 году. — *655.*

[364] Даниельсон имеет в виду победу германских социал-демократов на выборах в рейхстаг в июне 1893 года. — *657*.

[365] Экземпляр этой книги Даниельсона (см. примечание 354) был послан с дарственной надписью: «Дорогому учителю Ф. Э. от учеников, 1893 г.». — *658*.

[366] Имеются в виду оттиски четырех статей П. Скворцова, опубликованные в «Юридическом вестнике» за 1891—1892 годы: «Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи», «Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе», «О задолженности частного землевладения» и «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям». На оттиске второй статьи имеется дарственная надпись автора Энгельсу. — *659*.

[367] С 1 августа по 29 сентября 1893 г. Энгельс совершил поездку в Германию, Швейцарию и Австро-Венгрию. 12 августа 1893 г. он принял участие в последнем заседании Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе (6—12 августа 1893 г.), где выступил с краткой речью (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 425—426). В Цюрихе Энгельс встречался с деятелями социалистического и рабочего движения, в том числе с Плехановым, впервые лично познакомился с В. Засулич. — *660, 663, 673*.

[368] P. Struve. «Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwickelung Russlands» (П. Струве. «Оценка капиталистического развития России»). Статья была напечатана в журнале «Sozialpolitisches Centralblatt» № 1, 2 октября 1893 г. — *660, 663, 709, 712*.

[369] Даниельсон цитирует введение Д. И. Менделеева к изданию «Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России», выпущенному департаментом торговли и мануфактур министерства финансов. СПб., 1893. В тексте цитаты, приведенной Даниельсоном на русском языке, имеется ряд отклонений от оригинала.

Выставка в Чикаго была организована конгрессом Соединенных Штатов в честь 400-летия открытия Америки и названа в честь ее первооткрывателя. Россия была одной из стран — участниц выставки. Для более полного ознакомления посетителей выставки с достижениями как всего хозяйства России, так и его отдельных отраслей было решено, помимо выставки экспонатов, издать еще и печатные труды. К работе над ними были привлечены многие ученые и специалисты, общее руководство изданием было поручено выдающемуся русскому химику Д. И. Менделееву. — *669, 694*.

[370] В 1893 г. активизировавшиеся анархисты произвели ряд взрывов в Париже. 9 декабря 1893 г. анархист О. Вайян во время заседания французской палаты депутатов бросил бомбу в зал заседания. — *672*.

[371] По-видимому, речь идет о послесловии Энгельса к работе «О социальном вопросе в России» (см. настоящий сборник, стр. 112—124). — *674*.

[372] Имеются в виду первые два тома статистических данных, подготовленных Департаментом торговли и мануфактур министерства финансов России для Всемирной Колумбовой выставки 1893 г. в Чикаго: «The Industries of Russia. Manufactures

and trade: with a general industrial map.» St. Petersburg, 1893. (Русское издание см. примечание 369). — *674*, *696*.

[373] Речь идет о заметке Энгельса ««Капитал» Маркса. Третий том», написанной им в связи с предстоявшим выходом из печати подготовленного им третьего тома «Капитала» и опубликованной в газете «Vorwärts» без подписи автора (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 454). Третий том вышел осенью 1894 года. Русское издание вышло в Петербурге в 1896 году. — *674*.

[374] Работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» вышла в С.-Петербурге в 1894 г. в переводе Н. А. Иванова. Издание это было напечатано с цензурными купюрами; были изъяты почти все упоминания Маркса и особенно его работ. — *674*, *686*, *695*, *697*.

[375] П. Струве. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Вып. I, СПб., 1894. — *674*, *709*, *717*.

[376] Упомянутое в письме «Объявление» не обнаружено.

«Социал-демократическая библиотека» была основана в конце 1893 г. в Женеве группой русских социал-демократов эмигрантов во главе с Б. Кричевским и польским социал-демократом Л. Иогихесом (Я. Тышкой). В указанной серии вышел ряд популярных брошюр о Первом мае, чартистском движении, о рабочих союзах и другие. Наряду с этим группа пыталась взять в свои руки издание работ Маркса и Энгельса, стремясь противопоставить себя группе «Освобождение труда». В 1894 г. без ведома Энгельса она выпустила в переводе Кричевского работы К. Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Наемный труд и капитал» с введением Энгельса к изданию 1891 г. и с приложением части XXIV главы первого тома «Капитала». Дальнейший выпуск произведений Маркса и Энгельса в серии «Социал-демократической библиотеки» был прекращен в результате протеста Энгельса, который еще раньше предоставил право на издание своих и Маркса работ группе «Освобождение труда» (см. примечание 266). — *678*, *702*.

[377] Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», напечатанная в журнале «Русское Богатство» № 1, 1894 г.; в статье автор подвергает критике теорию исторического материализма Маркса и Энгельса. — *678*, *693*, *694*, *723*.

[378] На содержание данного письма Плеханова Энгельсу наложил отпечаток конфликт, возникший между ним и группой Кричевского, которую поддерживал Л. Иогихес (Я. Тышка) по вопросу об издании марксистской литературы (см. примечание 376). Этот конфликт осложнял взаимоотношения Плеханова с деятелями польского рабочего движения, являлся в то же время проявлением принципиальных разногласий, существовавших в рядах русской социал-демократической эмиграции, в частности по национальному вопросу. Плеханов, тесно связанный с польским рабочим движением, не смог, однако, увидеть в то время буржуазно-националистический характер польской партии социалистов. — *680*.

[379] Упомянутая статья Б. Кричевского «Die russische revolutionäre Bewegung einst und jetzt» была опубликована в журнале «Neue Zeit», Bd. I, №№ 20—22, 1890—1891 года. — *681*.

[380] Речь идет о марксистской группе, основанной в Вильно в 1887 г. Л. Иогихесом (Я. Тышкой), В. Селицким и Т. Копельзоном. В состав группы входили поляки, русские, евреи, литовцы и другие. Она была тесно связана с революционными

социал-демократическими кружками Польши и России, снабжала их марксистской литературой, прежде всего изданиями группы «Освобождение труда» (см. примечание 266). — *681.*

[381] В речи на праздновании 100-летия польского восстания Костюшко, состоявшемся 14 мая 1894 г. в Цюрихе, Плеханов отметил, что он считает своей обязанностью и как социалиста и как русского «почтить память великого поляка — память Костюшко». Плеханов привел высказывание Маркса и Энгельса о значении польского национально-освободительного движения для европейской революции. (Речь Плеханова см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. I, стр. 194). — *683.*

[382] *Бернская конвенция* по охране авторского права на произведения литературы и искусства была заключена 9 сентября 1886 г. между Великобританией, Германией, Францией, Италией и другими странами. — *685, 687, 689.*

[383] Имеется в виду работа Плеханова «Anarchismus und Sozialismus» («Анархизм и социализм»), которую он написал по просьбе германской социал-демократии. Впервые она была напечатана в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 20—25 за 1894 год; в том же году она вышла отдельной брошюрой в издательстве «Vorwärts». — *695, 702.*

[384] Статья Ф. Турати «Il loro duello. L'uccisione di Carnot» («Их дуэль. Убийство Карно») была опубликована в журнале «Critica Sociale» № 13, 1 июля 1894 года. — *702.*

[385] Первая попытка издать «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса на армянском языке была предпринята в 1887 г. в Константинополе. Попытка не удалась: издатель побоялся выпустить книгу, на которой стояло имя Маркса, а переводчик не согласился выпустить ее под своей фамилией (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 366). В конце 1894 г. «Манифест» был заново переведен на армянский язык И. Атабекянцем в Штутгарте, но этот перевод, по-видимому, не был опубликован. Полный текст «Манифеста Коммунистической партии» на армянском языке был издан в 1904 г. в переводе С. Шаумяна и М. Манучаряна.

Книга Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» была издана на армянском языке в 1894 г. в Вене под названием «Научный социализм». — *704.*

[386] Цитируется «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (сравни К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 459). — *708.*

[387] Даниельсон имеет в виду ряд выводов немецкого статистика Э. Энгеля, сделанных им на основании изучения бюджетов семей и получивших известность под названием «закона Энгеля». — *709.*

[388] Даниельсон цитирует подстрочное примечание к стр. 183 книги П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (см. примечание 375).

Критику мальтузианских взглядов П. Струве, а также ошибок Даниельсона в толковании марксистской теории народонаселения см. в ответном письме Энгельса от 9 января 1895 г. (настоящий сборник, стр. 715—716) и в работе В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 475—505). — *714.*

[389] Даниельсон указывает здесь первую страницу своего предисловия к русскому изданию третьего тома «Капитала», вышедшего в С.-Петербурге в 1896 году. Имя Даниельсона как переводчика и автора предисловия на книге не было указано. — *717.*

[390] Речь идет о книге Г. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданной в С.-Петербурге в 1895 г. под псевдонимом Н. Бельтова. — *718, 720.*

[391] Имеется в виду речь Николая II на приеме депутаций от дворянства, земств и городов 29 (17) января 1895 года. Отвечая на адреса некоторых земств, в которых в умеренной форме высказывались пожелания известного расширения их прав и созыва земского собора, царь назвал эти стремления «бессмысленными мечтаниями». — *718, 719, 722.*

[392] Статья Л. Зака «Исторический материализм» была опубликована в «Русском Богатстве» № 1 за 1895 год. — *721, 723.*

[393] Речь идет о статье Даниельсона «Апология власти денег, как признак времени», напечатанной в журнале «Русское Богатство» №№ 1 и 2 за 1895 г. под псевдонимом Николай —он. — *721, 728, 729.*

[394] Речь идет о переводе книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (см. примечание 354) на немецкий язык, который должен был делать А. Конов. Перевод этой книги был осуществлен Г. Полонским и вышел в Мюнхене в 1899 году. — *724, 726.*

[395] Н. Михайловский. «Литературные заметки». Опубликованы в журнале «Отечественные Записки» № 10 за 1880 год. — *725.*

[396] Упоминаемые в письме воспоминания М. Ковалевского были опубликованы в журнале «Русская мысль» № 1, 1895 г. под заглавием «Мое научное и литературное скитальчество». — *729.*

[397] Даниельсон говорит здесь об английском трехтомном издании: «The Life and Letters of Charles Darwin, uncluding an autobiographical chapter», Edited by his son Francis Darwin. London, 1887. — *729.*

[398] Две первые главы работы В. Воронцова «Очерки теоретической экономии» были напечатаны в журнале «Северный вестник» №№ 2, 4, 1887 г., а не в журнале «Русская мысль», как указывает Гурвич. — *732.*

[399] Речь идет о статье С. Н. Булгакова «Третий том «Капитала» К. Маркса», опубликованной в журнале «Русская мысль», кн. III, за 1895 год. — *734.*

[400] Энгельс посылает Плеханову экземпляр (с дарственной надписью) отдельного издания работы Маркса «Классовая борьба во Франции» со своим введением к ней. Работа Маркса вышла в Берлине в 1895 году. — *736.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

С

Т

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

* Звездочкой отмечены впервые публикуемые документы.

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.

М., Политиздат, 1967.
VI, 809 с. с илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

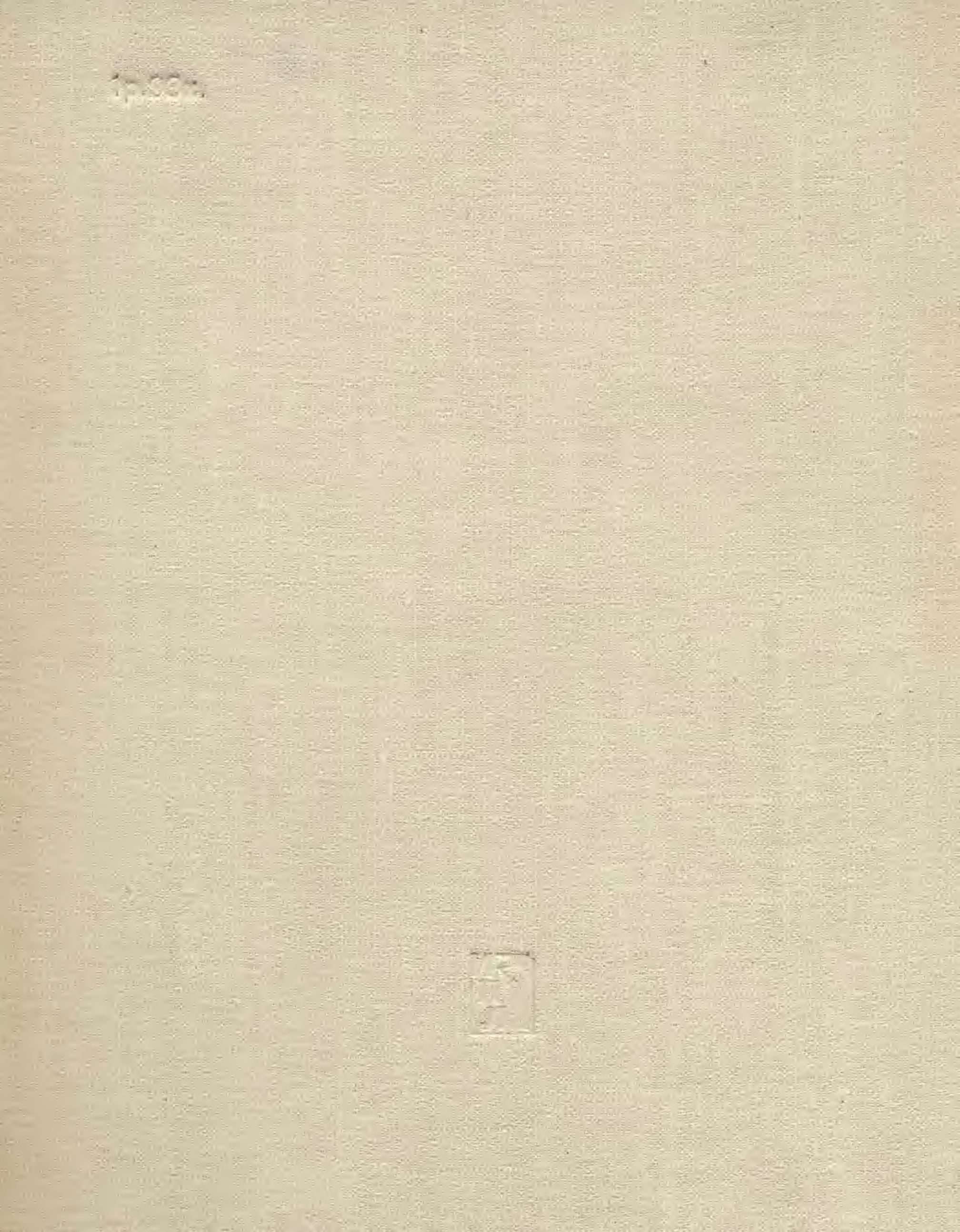
3К16+9(с)16

Оформление художника *Н. Н. Симагина*
Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*. Корректоры *Н. В. Егорова* и *Е. И. Щукина*

Сдано в набор 9 января 1967 г. Подписано к печати 12 мая 1967 г. Формат 70×90¹/₁₆. Физ. печ. л. 51+8 вклеек (1 п. л.). Условн. печ. л. 60,84. Уч.-изд. л. 52,69. Тираж 55 тыс. экз. Заказ № 765. Бумага № 1. Цена 1 р. 93 к.

Издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.



К.МАРКС, Ф.ЭНГЕЛЬС
и революционная
РОССИЯ